Леонард БЕРКОВИЦ

АГРЕССИЯ

ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И КОНТРОЛЬ

СЕКРЕТЫ

ПРИЧИН НАСИЛИЯ

ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ К НАСИЛИЮ

МОТИВОВ УБИЙСТВ

ГНЕВА ВРАЖДЕБНОСТИ НЕНАВИСТИ РАЗРУШЕНИЯ



…Социальные психологи будут приветствовать эту книгу как основополагающий труд по психологии агрессии. …Важнейшую информацию сможет получить любой критически мыслящий читатель, и хотелось бы думать, что точные знания психологии агрессии и насилия окажут значительное влияние на лидеров нашего общества.

Филип Г. Зимбардо

СЕКРЕТЫ



- Деструктивных чувств и действий
- Мотивов преступлений и насилия
- Предрасположенности личности к агрессии

Что такое агрессия. Цели агрессии. Гнев, враждебность и агрессивность. Агрессия как холодное и рассчитанное действие, совершаемое намеренно. Агрессия как эмоциональная реакция, управляемая преимущественно желанием причинить вред другому лицу. Когда агрессивное поведение определяется внутренним возбуждением. Когда агрессия управляется жертвами. Гипотеза связи агрессии с фрустрацией. Условия, повышающие вероятность агрессивных реакций на фрустрацию. Влияние оценки ситуации. Негативный аффект как источник эмоциональной агрессии. Эксперименты болевого воздействия на животных. Агрессия как реакция на аверсивные события. Негативный аффект без стресса. Опыт детства. Конфликт в семье. Объяснение случаев применения насилия в семье. Когда семья может влиять на развитие антисоциальных диспозиций. Факторы развития агрессивности. Условия, при которых совершаются убийства. Личная предрасположенность к агрессии. Ослабление побуждений к насилию. Вентилирующие чувства. Гипотеза катарсиса. Эффект последействия агрессии. Одержимы ли люди инстинктом насилия? Что может повлиять на правонарушителей, оказавшихся в заключении? Влияние наследственности на агрессивность. Пол и агрессия. Алкоголь и агрессия. Различные виды агрессии. Контроль насилия








ISBN 5-93878-014-4

СЕКРЕТЫ ПСИХОЛОГИИ

PRIME
EVROZNAK

Эта книга посвящается психологам-бихевиористам: тем, кто с достойными уважения осведомленностью, прозорливостью и научной строгостью старается понять, каковы первопричины проявления агрессии и как контролировать такое деструктивное поведение; тем, кто проявляет упорство в своих исследованиях — даже понимая, что большая часть окружающих их людей так никогда и не узнает об их открытиях.

Aggression

ITS CAUSES, CONSEQUENCES, AND CONTROL

Leonard Berkowitz
University of Wisconsin–Madison



Boston, Massachusetts Burr Ridge, Illinois
Dubuque, Iowa Madison, Wisconsin New York, New York
San Francisco, California St. Louis, Missouri

АГРЕССИЯ

ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И КОНТРОЛЬ

Леонард Берковиц

Санкт-Петербург
«прайм-ЕВРОЗНАК»
«Издательский дом НЕВА»
Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2001

ББК 88.5
УДК 159.9.301

Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав

Берковиц Л.
Б 48 Агрессия: причины, последствия и контроль. — СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. — 512 с. (Секреты психологии)
ISBN 5-93878-014-4

Леонард Берковиц известен всему миру как ведущий исследователь в области психологии агрессии. Для нескольких поколений психологов его лабораторные, полевые и теоретические исследования стали образцом для подражания. Стэнфордский, Оксфордский, Мичиганский, Корнеллский, Кембриджский университеты гордятся участием Берковица в их научной деятельности. Наконец основной труд ведущего специалиста в области агрессии стал доступен русскоязычному читателю. Эта книга подводит итог исследованиям знаменитого ученого и на сегодняшний день представляет собой наиболее полный источник классических знаний и современных концепций о природе и исследованиях человеческой агрессии.

Рекомендуется для изучения специалистам в области гуманитарных наук, педагогам, психологам, социологам.

АГРЕССИЯ
ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И КОНТРОЛЬ

Редактор *Д. Гиппиус*
Научный редактор *А. Боричев*

ЛП № 000370 от 30.12.99

Подписано в печать 15.11.2000. Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 32,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 3973.

«прайм-ЕВРОЗНАК». 191126, Санкт-Петербург, Звенигородская ул., 28/30.

Отпечатано с готовых диапозитивов в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ». 103473, Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки и зарегистрированные товарные знаки принадлежат своим законным владельцам.

ISBN 5-93878-014-4
ISBN 0-07-004874-6 (англ.)

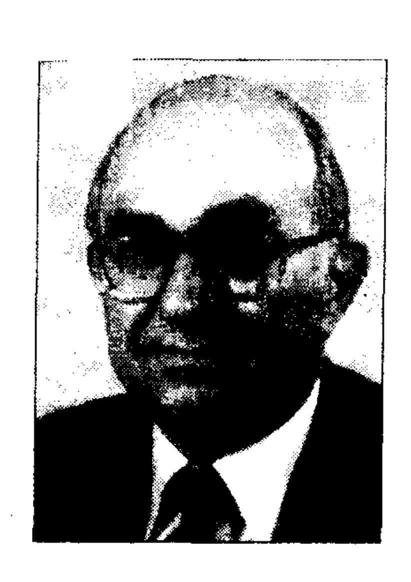
© McGraw-HILL, Inc. 1993.
All right reserved
© Перевод на русский язык А. Боричев, Л. Царук, Л. Ордановская, 2001
© Серия, оформление, прайм-ЕВРОЗНАК. 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 3

Часть 2
АГРЕССИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ

ОБ АВТОРЕ



Леонард Берковиц, профессор психологии университета Висконсин-Мэдисон, рос и учился в Нью-Йорке. Докторскую степень получил в 1951 году в Мичиганском университете, после службы в воздушных силах Соединенных Штатов Америки. С 1955 года преподает в университете Висконсин-Мэдисон, в то же время принимая участие в деятельности Стэнфордского, Оксфордского, Корнеллского, Кембриджского университетов, Центра продвинутого курса изучения бихевиоральных наук, а также университетов Западной Австралии и Мангейма. Профессор Берковиц был одним из инициаторов экспериментальных исследований проявления альтруизма и содействия, но начиная с 1957 года он практически всецело посвятил себя изучению влияния ситуации на агрессивное поведение, прибегая при этом не только к лабораторным экспериментам, но и к полевым интервью с людьми, совершившими насильственные преступления в США и Англии.

Автор около 170 статей и книг, в которых главным образом говорится об агрессии, Берковиц также был редактором хорошо известной серии книг о социальной психологии *Advances in Experimental Social Psychology*, начиная с 1964 года и вплоть до своей отставки с этого поста в 1989 году. Он написал большое количество учебников по социальной психологии, являлся членом редакционного совета нескольких журналов, посвящен-

ных социальной психологии, возглавлял Издательский совет Американской психологической ассоциации, подразделения Американской психологической ассоциации, занимающиеся проблемами личности и социальной психологии, а также Международное сообщество исследований агрессии. Берковиц удостоен премий Американской психологической ассоциации и Объединения экспериментальной социальной психологии.

В связи с данной работой небезынтересно отметить, что научная карьера Берковица получила первый резкий толчок в 1962 году, после публикации издательством *McGraw-Hill* его книги *Agression: A social Psychological Analysis* и символично, что то же самое издательство издает ту же самую работу, когда карьера Берковица близка к завершению.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

В последние годы именно социальная психология стала наиболее бурно развивающейся областью психологической науки, и сегодня она занимает центральное место среди дисциплин, изучающих мышление, чувства и поведение человека. Мы наблюдаем, как социальная психология объединяется с другими областями психологии, образуя такие направления, как социально-когнитивная психология, психология социального развития, психология социального научения и социально-личностная психология. Этот список можно продолжать и продолжать.

Социальные психологи смело и энергично берутся за решение наиболее сложных задач, встающих перед современным обществом. Никакие заботы и проблемы, ни индивидуальные, ни социальные, не кажутся чуждыми интересам социальных психологов, область их исследований простирается от психофизиологии до психологии войны и мира, от того, как студенты объясняют свои неудачи, до просвещения в области борьбы со СПИДом. Политические и экономические сдвиги, происходящие в Европе и Азии в результате крушения социалистической системы, побуждают социальных психологов исследовать новые проблемы, связанные с развитием демократии и свободы в странах, народы которых долгое время жили под гнетом авторитарного режима. С тех самых пор, когда Дж. Миллер, бывший президент Американской психологической ассоциации, призвал своих соратников «вернуть психологию людям», социальные психологи всегда были и остаются на переднем крае.

В серии «Мак Гроу-Хилл» в социальной психологии издаются труды наиболее выдающихся ученых, исследователей, теоретиков и практиков нашей профессии. Каждый из авторов этой серии следует основополагающему принципу: строгая научность должна сочетаться с тем, чтобы информация могла быть донесена до самой широкой аудитории учителей, исследователей, студентов и всех заин-

тересованных читателей. Серия охватывает весь спектр социальной психологии — от наиболее широкомасштабных концепций до самых узкоспециальных отраслей нашей науки. Преподаватели психологических дисциплин могут использовать эти книги в качестве дополнения к своим основным курсам или комбинированно использовать их для более глубокого изучения той или иной тематики.

Леонард Берковиц пользуется международной известностью как ведущий исследователь в области психологии агрессии. Для целого поколения психологов его лабораторные исследования стали образцом систематического анализа ситуационных факторов, стимулирующих агрессивное поведение. Монография Берковица «Агрессия: причины, последствия и контроль» может служить примером элегантного синтеза научных данных, полученных в лабораторных, полевых и теоретических исследованиях. Тщательно сформулированные выводы позволяют отделять валидные трактовки агрессии от ложных, хотя и кажущихся верными с точки зрения здравого смысла. Автор критически рассматривает все существующие теории агрессии, выявляя достоинства и ограниченность каждой из них. Но ценность этой книги состоит не только в том, что на сегодняшний день она представляет собой наиболее полный источник классических знаний о человеческой агрессии; на основе авторских интерпретаций самых сложных аспектов множества тех процессов, которые обусловливают агрессию, монография Берковица определяет новые научные подходы в изучении человеческого общества.

Коллеги Леонарда Берковица, социальные психологи, будут приветствовать эту книгу как основополагающий труд по психологии агрессии. Она будет полезна и студентам, которые многому научатся благодаря доступному стилю изложения. Но значение книги этим не исчерпывается: важнейшую информацию сможет получить любой критически мыслящий читатель, и хотелось бы думать, что точные знания психологии агрессии и насилия окажут значительное влияние на лидеров нашего общества. В социальной психологии, пожалуй, нет проблем, более злободневных для общества, чем поиск эффективных средств предотвращения и редуцирования деструктивного влияния того множества форм агрессии, с которыми мы сталкиваемся в нашей повседневной жизни. Поистине замечательный труд Берковица поможет нам сконцентрироваться на тех направлениях, где можно искать новые решения этой старой проблемы.

Филип Г. Зимбардо, редактор-консультант

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я писал эту книгу, надеясь внести хотя бы скромный вклад в решение одной из серьезнейших проблем современности — проблемы человеческой агрессии. Насилие подтачивает здание нашего общества. Когда родители избивают своих детей, они ослабляют узы уважения и любви, необходимые как в семье, так и для обеспечения социального порядка в целом. Хулиганские действия и преступления на улицах наших городов подрывают доверие граждан к правительству и простых людей друг к другу, доверие, которое так необходимо для социальной гармонии и эффективного сотрудничества в решении общих проблем. Атакуя окружающих да еще и поощряя друг друга к подобному поведению, люди бесчисленными способами делают наш мир более сложным, опасным и доставляющим всевозможные неприятности. Но я надеюсь и верю, что общество будет в силах уменьшить уровень агрессии, если оно лучше поймет основные причины этого деструктивного поведения, условия, которые повышают шансы на то, что одни люди будут атаковать других людей, и наиболее эффективные способы снижения вероятности агрессивного поведения.

Эта книга создана для того, чтобы способствовать такому пониманию, однако она не охватывает все множество факторов, влияющих на агрессию. Мое внимание прежде всего было обращено на внутренние психологические процессы, способствующие агрессивному поведению или ограничивающие его, и на условия в прошлом и настоящем, которые делают агрессивные действия эмоционально возбужденного человека более или менее вероятными.

В книге ничего не говорится о неврологических биохимических механизмах, включенных в реализацию агрессивных действий, и лишь вкратце обсуждается роль гормонов, при том, что, разумеется, я не отрицаю огромное значение биологических влияний. Кроме того, я не рассматриваю психиатрические трактовки наиболее крайних

форм насилия, таких, как серийные убийства, хотя в главе, посвященной личностям, склонным к насилию, затрагиваются вопросы, связанные с поведением диагносцированных психопатов. При этом анализируется влияние ряда таких факторов, обычно выделяемых социологами, как бедность, культурные нормы и ценности, но опять-таки не столь обстоятельно, как этого хотелось бы некоторым критикам. Главное внимание в книге сосредоточено на социальной психологии агрессии и насилия.

В соответствии со сложившейся в современной социальной психологии традицией, ядром большинства глав являются научные данные, полученные в экспериментальных исследованиях, и я часто подкрепляю свои аргументы ссылками на результаты лабораторных экспериментов. Разумеется, это не означает, что я пренебрегаю результатами полевых исследований и наблюдениями из повседневной жизни или что я считаю экспериментальное исследование всегда более предпочтительным по сравнению с другими методами исследования, применяемыми в социальных науках. В других работах я уже отмечал, что лабораторные исследования лучше всего использовать для определенных целей, а именно для проверки конкретных каузальных гипотез. Вполне очевидно также, что из этических и практических соображений хорошо контролируемые эксперименты не могут быть проведены при исследованиях многих важных вопросов, например, могут ли экономические трудности способствовать усилению агрессивных тенденций, или повышает ли систематическое жесткое обращение родителей со своим ребенком вероятность того, что из него получится личность, склонная к насильственным действиям. Лишь полевые исследования в естественных условиях могут дать ответы на подобные вопросы, и в книге рассматривается значительное число таких исследований, проведенных «в реальном мире». Тем не менее для проверки многих идей относительно человеческой агрессии могут быть проведены эксперименты. Как я постараюсь продемонстрировать, для нас важно, например, выяснить, будут ли люди, находясь в крайне неприятных атмосферных условиях, проявлять бóльшую агрессивность сравнительно с теми ситуациями, когда они находятся в более комфортных условиях, и будет ли агрессивное поведение других людей повышать вероятность того, что наблюдающие такое поведение сами станут агрессивными. В подобных случаях только эксперимент дает нам возможность определить, действительно ли именно данный фактор (например, физически неприятные условия), а не другие возможные влияния, обусловил вероятность данного результата (т.е. вызвал более сильную агрессию). Никто не возьмется утверждать, что результаты любого отдельного исследования всегда будут однозначными. Но если данные ряда сходных экспериментальных исследований взаимно согласуются, то

мы все же можем полагаться на относительную валидность полученных результатов, и поэтому я стремился, насколько это было возможно, обсуждать эксперименты, результаты которых подтверждаются другими аналогичными данными.

Следует уточнить, что в данной книге не ставится цель дать всеобъемлющий обзор многочисленных экспериментальных исследований и наблюдений в естественных условиях, проводившихся в тех областях, о которых я писал. Я расцениваю настоящий труд скорее как общее введение в исследование и теорию человеческой агрессии, а не как технический и научный обзор соответствующей литературы, и для конкретного анализа мною были отобраны лишь некоторые из релевантных тематике книги исследований, на мой взгляд, наилучших. Я не утверждаю, что любое из приведенных в этой книге исследований является последним словом науки и что на поставленные в них вопросы были получены окончательные ответы. Однако они обеспечивают достаточно надежный фундамент для предлагаемых мной аргументаций и теоретических трактовок. Читатели, желающие узнать о других исследованиях данной тематики, могут найти в тексте ссылки на обсуждаемые мной работы.

Наконец, необходимо сделать еще одно замечание. Многие из обсуждаемых в этой книге вопросов имеют достаточно спорный характер, а некоторым из них присущ политический и идеологический оттенок. У читателя, таким образом, может возникнуть искушение расценить занимаемую мной в этой книге позицию с точки зрения идеологии, посчитав меня, скажем, либералом или консерватором, и затем критиковать мою аргументацию как политически пристрастную. Хотя я довольно строго придерживаюсь определенных социальных и политических взглядов и не могу считать себя свободным от идеологических пристрастий, я хотел бы подчеркнуть, что выражаемые мной взгляды и выводы довольно широко отражают разнообразие социополитического спектра. Как и многие консерваторы, я полагаю, что существенная часть насильственных преступлений обусловливается, помимо прочего, также и неадекватными личными ограничениями, и что обществу необходимы более эффективные механизмы социального контроля, если оно стремится понизить уровень насильственной агрессии. С другой стороны, я считаю минимальной ту пользу, которую в конечном счете получит американское общество, применяя высшую меру наказания с целью уменьшения числа убийств. Кроме того, я убежден, что стрессы и психические напряжения, порождаемые бедностью, существенно способствуют развитию и утверждению агрессивных наклонностей. Имеющиеся эмпирические данные определяют такое смешение позиций. Социополитические убеждения и ценности могли в какой-то степени повлиять на формирование тех или иных конкретных взглядов, но за-

нимаемые мной позиции в значительной мере отражают научные данные, полученные в эмпирических исследованиях. Социальная политика, связанная с задачами контроля и снижения уровня насилия, должна в максимально возможной степени основываться на научных данных, и при работе над своей книгой я стремился использовать самые лучшие из известных мне исследований по данной проблематике.

Эту монографию я рассматриваю со своей стороны как попытку сотрудничества. Ее написание просто было бы невозможным без энтузиазма, мастерства и научных озарений множества замечательных исследователей, таких, как А. Бандура, Р. Бэрон, Э. Доннерстейн, Л. Эрон, Д. Фаррингтон, Р. Гин и Д. Зилманн, которые стремились познать причины и последствия человеческой агрессии, и я рад выразить им свою признательность. Я хочу также поблагодарить Р. Аркина, университет Миссури, Колумбия; А. Каспи, университет Висконсин, Мэдисон; Л. Айрона, университет Иллинойс, Чикаго; Р. Фелдмана, университет Массачусетса, Амхерст; Р. Джонсона, Рамапо-колледж; Ж.-Ф. Лейенса, университет Лювайн, Бельгия; Н. Маламута, университет Калифорнии, Лос-Анджелес; К. Мура, университет Висконсин, Мэдисон; Д. Майерса, университет Алабамы, Тускалооса; С. Прентис-Данна, Хоул-колледж; Д. Сэнна, университет Клемсона, Солт-Лейк-Сити, и Ч. Тернера, университет Юта, которые прочитали и прокомментировали отдельные главы книги; моих студентов и коллег по экспериментальной социальной психологии в Висконсине и других научных центрах, которые многому научили меня в понимании различных граней человеческого поведения; моих редакторов К. Роджерса и Ф. Зимбардо за их поддержку и мудрые рекомендации. И особенно я благодарен моей жене Норме за ее советы, за постоянную помощь в продолжавшейся несколько лет работе над книгой и еще за многое другое, о чем, я надеюсь, она знает.

Леонард Берковиц

Глава 1

ПРОБЛЕМА АГРЕССИИ

Что такое агрессия? Слишком много значений. Цели агрессии. Желание причинить ущерб. Некоторые замечания по поводу гнева, враждебности и агрессивности. Гнев отличается от агрессии. Враждебность. Агрессивность.

Пожалуй, не найдется ни одного человека, который не осознавал бы, насколько в нашем обществе распространено насилие. Почти каждый день в сводках новостей сообщается о том, что кого-то застрелили, удушили, зарезали, о происходящих в мире войнах и убийствах. Не так давно в нашей местной газете было описано, как молодая женщина ворвалась в школу и открыла по учащимся стрельбу — несколько детей ранено, один убит; другое сообщение: в пригороде Нью-Йорка разгневанный отец убил судью, который выступал на процессе против его дочери; жители Милуоки потрясены убийством двух женщин...

По всему миру, во всех слоях общества мы видим насилие. Тут и кровавые столкновения между бандами в беднейших районах Лос-Анджелеса, и перестрелки в Детройте и Майами, и ограбления в нью-йоркском Центральном парке, и взрывы бомб в Северной Ирландии, и убийство премьер-министра в Стокгольме. Пресса наполнена сводками о сражениях между христианами и мусульманами в опустошенном Бейруте, о евреях, воюющих с палестинцами на оккупированных территориях, о гражданских войнах, то и дело вспыхивающих в Африке. Акты насилия, с виду беспричинные, происходят почти повсюду, снова и снова, день за днем и неделя за неделей.

Это примеры лишь крайних случаев агрессии. А знаете ли вы, как много американских мужей и жен дерутся друг с другом и сколько родителей избивают своих детей? Лет пятнадцать назад социологи Мюррей Страус, Ричард Джеллес и Сьюзен Стейнметц попытались определить частоту проявления насилия в американских семьях, интервьюируя супружеские пары. Помимо прочего, исследователи расспрашивали этих мужчин и женщин о конфликтах, которые возникают в их семьях, и о том, каким образом они разрешаются. Полученные данные могут вас удивить.

«Отправьтесь на любую улицу любого американского города. По меньшей мере в одной из шести семей постоянно вспыхивают скандалы, во время которых супруги наносят друг другу удары. В каждых трех из пяти семей родители то и дело бьют своих детей. В каждом втором доме в Америке по меньшей мере раз в год совершаются насильственные действия» (Straus, Gelles & Steinmetz, 1980, p. 3.).

Эти факты вызывают в обществе беспокойство не только из-за страданий, причиняемых агрессией. Довольно часто оказывается, что распространение насилия трудно предотвратить. Страус, Джеллес и Стейнметц выявили следующую закономерность: любой отдельный акт агрессии может продуцировать агрессию в дальнейшем. По их наблюдениям, чем чаще родители дерутся друг с другом, тем больше вероятность, что один из них или оба бьют своих детей. Кроме того, многие агрессивные родители передают свою агрессивность и детям. Это неудивительно: ведь то, как дети воспитываются и какой опыт переживаний они получают в семье, конечно же, влияет на их склонность к насилию.

Однако не всякая агрессия обусловлена дефектами в воспитании. Насилие возникает по множеству причин и может проявляться в самых разнообразных действиях. Некоторые исследователи полагают, что растущая в нашем обществе готовность прибегать к агрессии, скорее всего, связана с увеличивающимся числом людей, считающих себя вправе мстить тем, кто, по их мнению, поступил с ними несправедливо. Гневные реакции выражаются как в грубости и словесных оскорблениях, так и в росте количества преступлений, связанных с насилием, и массовых убийств. Другие авторы часть вины за широкое распространение агрессии относят на счет переизбытка сцен насилия, демонстрируемых с кино- и телеэкранов. Действительно, на зрителей с неиссякаемым изобилием буквально выплескиваются потоки сцен, связанных с драками и убийствами. Согласно статистическим данным, средний американец к восемнадцати годам уже имеет возможность только по телевизору наблюдать 32 тысячи убийств и 40 тысяч попыток убийства. Было подсчитано, что в середине 80-х годов больше половины главных персонажей телефильмов подвергались угрозе физического насилия в среднем от пяти до шести раз в течение часа. Может ли все это не повлиять на телезрителя?

Некоторые критики доказывают, что телевидение рисует нереалистическую картину американского общества. Преступления на телеэкранах значительно более жестоки и агрессивны, чем в реальном мире, и у телезрителя может сформироваться представление о жизни в современном обществе как о более опасной и брутальной по сравнению с действительностью. Если некоторые люди заимствуют с телеэкранов такое ложное представление о жизни, не повлияет

ли это на то, как они будут обращаться с другими людьми? Телевидение представляет опасность не только в этом плане. Что можно сказать о бедности и возрастающей разнице между уровнями жизни богатых и бедных? Несомненно, есть немало людей, которых возмущает, что они не имеют возможности радоваться тем вещам, которые другие имеют, никак этого не заслужив.

Мы можем долго продолжать перечень возможных причин агрессии. Насилие возникает разными путями, и многие из них будут исследованы в этой книге. Кроме того, мы рассмотрим, что может быть сделано для того, чтобы уменьшить уровень агрессивности в нашем обществе. Возможно ли уменьшить вероятность того, что люди, которым не дали достичь их целей, будут атаковать окружающих? Можно ли научить родителей и детей разрешать их проблемы, не прибегая к насилию?

Специалистами предложены разнообразные методы уменьшения или контроля агрессии, и они будут детально обсуждены в последующих главах.

Некоторые исследователи больше обращают внимание на внешние причины агрессии, утверждая, что общество должно снижать уровень фрустрации своих членов и уменьшать количество сцен насилия, изображаемых в кино и на телевидении. Другие делают акцент на внутренние источники агрессии, утверждая, что сдерживаемый человеком *агрессивный драйв* может разрядиться через воображаемые действия или даже посредством спортивных состязаний или других форм соревнования. Третьи, наконец, отдают предпочтение контролю внутреннего побуждения к насилию с помощью лекарственных препаратов, в то время как многие психологи и психотерапевты настаивают на использовании техник поведенческого тренинга или оказании людям помощи в осознании подавленных чувств возмущения, обиды, негодования.

С другой стороны, всегда находится немало пессимистов, которые утверждают, что нельзя возлагать больших надежд на какие бы то ни было программы улучшения существующего положения дел, так как люди появляются на свет с врожденной склонностью к ненависти и насилию.

Я писал эту книгу с надеждой, что знание человеческой психологии может способствовать снижению агрессии. Если бы мы больше знали о том, что побуждает людей к агрессивным действиям, какие факторы облегчают (или затрудняют) намеренное причинение ущерба другим людям и какими бывают последствия агрессии для агрессора и для его жертвы, мы смогли бы многое сделать для того, чтобы наше обращение друг с другом стало более гуманным.

ЧТО ТАКОЕ АГРЕССИЯ?

СЛИШКОМ МНОГО ЗНАЧЕНИЙ

Первый шаг, который нужно сделать, чтобы понять сущность агрессии, состоит в том, чтобы найти ясную и точную формулировку этого термина. Вообще говоря, эта книга, как и многие другие ориентированные на исследование работы, определяет *агрессию как любую форму поведения, которая нацелена на то, чтобы причинить кому-то физический или психологический ущерб*. Хотя все больше и больше исследователей используют такое определение, оно не является общепринятым, и сегодня термин «агрессия» имеет много различных значений как в научных трудах, так и в обыденной речи. В результате мы не всегда можем быть уверены в том, что же имеется в виду, когда индивид характеризуется как «агрессивный» или действие определяется как «насильственное». Порою и словари оказываются не слишком полезными. В некоторых из них говорится, что слово «агрессия» обозначает насильственное нарушение прав другого лица и оскорбительные действия или обращение с другими людьми, равно как и дерзкое, ассертивное поведение. В этом определении представлены весьма разнообразные действия, но все они обозначаются словом «агрессия». Специалисты в области психического здоровья и исследователи поведения животных не более точны в определениях, чем подобные словари; используя термин «агрессия», они тоже имеют в виду несколько различных значений.

Следуя значениям обыденной речи

Иногда понятие агрессии использовалось в крайне широком значении. Так, например, многие психоаналитики постулируют наличие *общего агрессивного драйва*, который обусловливает широкий спектр поведенческих актов, многие из которых не являются по своей природе явно агрессивными. Как агрессия рассматривается не только немотивированное нападение на другого человека, но и стремление к независимости или энергичное отстаивание собственного мнения. Столь широкое понимание значения термина может создавать серьезные проблемы. Наряду с сомнительным допущением относительно существования общего драйва, который может проявляться через самые разнообразные действия, данная концепция испытывает существенное влияние слов из обиходного языка — момент немаловажный и заслуживающий специального комментария.

Рассмотрим, например, книгу об агрессии, написанную для широкого читателя. Автор утверждает, что «не существует четкой границы между теми формами агрессии, о которых приходится сожалеть, и

такими, которые необходимы для самосохранения». Для этого автора агрессия является не только намеренным стремлением причинить вред другому человеку, но и «основой интеллектуальных достижений, утверждения независимости и даже собственного достоинства, которое дает человеку возможность высоко держать голову, находясь среди других людей». А для доказательств существования *общего агрессивного драйва* автором используются главным образом примеры словоупотребления:

> *«...слова, используемые нами для описания интеллектуальной деятельности,— это слова, относящиеся к агрессии. Мы атакуем проблемы или вгрызаемся в них. Мы овладеваем проблемой, борясь и преодолевая ее сложность» (Storr,1968, p. X).*

Эта концепция агрессии настолько широка, что включает в себя вообще все, что обозначается в нашей культуре словом «агрессия». Поскольку ассертивность часто называется словом «агрессия» — как, например, когда мы говорим об «агрессивном продавце», который настойчиво и энергично старается продать товар, — понятие агрессии по такой логике должно включать и ассертивность вместе со всеми другими формами энергичного и решительного поведения. Более того, утверждается, что у всех этих разнообразных действий одна и та же мотивация. Действительно, весьма спорная гипотеза.

Определение агрессии без учета мотивационных предпосылок

Другой крайностью являются узкоспециальные определения агрессии, игнорирующие какие бы то ни было мотивационные предпосылки. Арнольд Басс предложил наиболее, быть может, известную из таких безмотивационных концепций (Buss, 1961). В то время когда Басс писал свою книгу (содержащую первый обзор новейших психологических исследований человеческой агрессии), он находился под влиянием предубеждений, которые бихевиористы питают против так называемых «менталистских» концепций. Поэтому Басс попытался определить агрессию дескриптивным способом, не используя субъективные идеи, такие, как «намерение». Басс указывал, что намерения было бы трудно оценить объективно; ведь, нападая на кого-либо, агрессоры нередко представляют свои цели ложным образом, и даже если они хотели бы оставаться верными истине, то могут оказаться не в состоянии определить, к чему же они стремились на самом деле. С этой точки зрения агрессия лучше всего определяется просто как «причинение вреда другому человеку».

Подобное определение сразу же порождает очевидную проблему: невозможно отрицать, что «причинение вреда другому человеку» совсем неравнозначно *умышленной попытке* причинить кому-

то вред. Пешеход, нечаянно толкнувший кого-то в потоке людей, конечно же, должен трактоваться иначе, чем школьный хулиган, намеренно обижающий других детей. А что мы скажем о тех случаях, когда человек намеренно причиняет страдание другим людям, чтобы помочь им, как, например, дантист или хирург?

Агрессия как неправильное поведение

Другой способ дать определение агрессии, игнорируя понятие намерения, состоит в том, чтобы описывать агрессивное поведение как нарушение социальных норм. Не только многие неспециалисты, но и профессиональные психологи нередко называют человека агрессивным, если он или она совершает действия, нарушающие принятые в данном обществе правила поведения. Разделяя эту позицию, выдающийся психолог Альберт Бандура отмечал, что многие из нас обозначают поведение как «агрессивное», когда оно противоречит социально одобряемой роли (Bandura, 1973). Человек, использующий нож для того, чтобы ограбить кого-то, явно нарушает социальные нормы. Любой из нас сказал бы, что такой владелец ножа агрессивен, в то время как хирург, оперирующий пациента, никоим образом не агрессор, ибо его действие составляет часть социально одобряемой деятельности. Ясно, что слово «агрессия» для большинства людей имеет негативные коннотации, и мы, как правило, не называем чьи-то действия агрессивными, если одобряем это поведение. Но должны ли исследователи, изучающие агрессию на научной основе, определять ее как поведение, нарушающее социальные нормы и правила, лишь потому, что такая трактовка широко распространена?

Следует прояснить два вопроса: во-первых, правомерно ли ограничивать понятия, используемые в социальных науках, значениями, присущими словам повседневного языка, и во-вторых, действительно ли полезно трактовать агрессию как действия, нарушающие социальные правила?

❐ **Должны ли исследователи ограничиваться значениями повседневного смысла?** Рассмотрим сначала первый вопрос. На мой взгляд, большинство исследователей согласны, что жесткая приверженность к повседневному языку может тормозить научную мысль. В то время как любая наука стремится разрабатывать термины, которые имеют ясные и специфические значения, обыденный язык часто бывает неопределенным и неточным. Слово «агрессия» в повседневной речи имеет много значений, и зачастую трудно понять, что подразумевается в том или ином конкретном случае. Что имеют в виду неспециалисты, характеризуя кого-то как «агрессивную» личность? Говорят ли они, что этот человек часто нарушает социальные нормы (и если это так, то какие нормы?), или же речь идет о том, что дан-

ный индивид часто демонстрирует свою ассертивность и независимость, или, наконец, то, что она или он проявляет злонамеренность и враждебность по отношению к другим людям? Помимо неправильного поведения, термин «агрессия» может обозначать и многие другие вещи, но мы не всегда уверены в том, какое именно значение вкладывает в это понятие человек, его употребляющий. Исследователи должны избегать неточности повседневного языка с тем, чтобы наши коллеги, студенты и широкая публика — а в конце концов и мы сами — могли иметь четкое представление о том, что же мы имеем в виду.

❐ **Можно ли рассматривать агрессию только в качестве социально порицаемого явления?** Второй вопрос тесно связан с первым. Независимо от того, пользуемся мы значениями повседневного языка или нет, стоит ли рассматривать агрессию как поведение, связанное с нарушением социальных правил? Мой ответ — «нет», ибо мы не всегда можем точно определить, какие именно правила и социальные нормы релевантны рассматриваемому действию.

Предположим, человеку нанесли оскорбление. В состоянии ярости *он бьет того, кто его оскорбил. Некоторые из наблюдателей,* разумеется, не назовут этого человека агрессивным, ведь он был прав в своем желании отомстить или наказать обидчика. Немало найдется и таких, кто считает, что с точки зрения морали лучше «подставить другую щеку». Действие, рассматриваемое одними как нормальное и оправданное отмщение, другими расценивается как *неоправданная* агрессия. Примером может служить отношение к насилию, широко распространенному в американских семьях. Представители правопорядка и большинство медиков считают, что родители, бьющие своих детей, агрессивны. Однако, если вы спросите об этом самих родителей, многие из них, вероятно, скажут, что *они* вовсе не агрессивны, а только добиваются дисциплины от своенравных и непослушных подростков (Kadushin & Martin, 1981). Такой же ответ дали бы мужья, которые бьют своих жен. На основе опроса состоящих в браке мужчин и женщин Страус, Джеллес и Стейнметц пришли к заключению, что многие мужья рассматривают «брачное свидетельство как лицензию, позволяющую бить жен» (Straus, Gelles & Steinmetz, 1980, p. 3). Эти люди считают, что они имеют право бить своих жен, если жены нарушают их правила. Наблюдая, как мать отшлепала своего ребенка, вы будете думать, что она агрессивна, если не одобряете такое поведение, но отрицать ее агрессивность, если вы ей симпатизируете. А как расценивать действие террористов, захвативших авиалайнер и угрожающих пассажирам? Большинство людей во всем мире осуждают подобные действия и считают террористов преступниками, совершающими грубое насилие. Однако *сами террористы* утверждают, что они борются за справедливое дело.

Если мы сталкиваемся с проблемой, пытаясь определить, являются ли допустимыми действия наших соотечественников и современников, то представьте себе трудности, с которыми мы встретимся, если придется квалифицировать поведение людей других культур и других исторических периодов. Лишь несколько сотен лет назад в большинстве западных стран муж имел законное право убить свою неверную жену и ее любовника. Что мы скажем о главном персонаже шекспировской трагедии «Отелло»? Был ли Отелло агрессивен, когда лишал жизни Дездемону, думая, что она была ему неверна? Признаваясь в убийстве, он фактически отрицал, что это было преступление, говоря, что «поступил на законных основаниях».

Исходя из концепции агрессии как неправильного поведения, в любом из приведенных примеров мы называем случившееся «агрессисей» или отрицаем это, только исходя из того, какую сторону конфликта одобряем. Такое положение дел нельзя признать удовлетворительным. Определение действия как агрессивного или как не являющегося таковым становится произвольным. Агрессия осуждается обществом (к счастью), но было бы неправильным делать социальное неодобрение необходимой частью определения агрессии.

ЦЕЛИ АГРЕССИИ

Большинство исследователей настаивают на том, что подлинно адекватное определение агрессии должно соотноситься с намерением нападающего. Однако, хотя почти все теоретики согласны, что агрессия — это намеренное действие, отсутствует общее понимание целей, которые преследуют агрессоры, когда стремятся причинить вред другим людям. Хотят ли нападающие главным образом причинить ущерб своим жертвам или же стараются достичь еще каких-то целей? Это один из главных вопросов научного исследования агрессии, и ученые дают на него различные ответы.

Представим себе, что мужчина взбешен каким-то замечанием своей жены и в ярости наносит ей удар. Как и некоторые другие авторы, я предположил бы, что такое нападение вызвано в значительной мере внутренним побуждением и направлено прежде всего на то, чтобы нанести оскорбление или причинить жертве ущерб. Напротив, многие социальные ученые да и неспециалисты не ставят акцент на причинение жертве вреда, а полагают, что у агрессии могут быть совершенно иные цели. Муж может считать, что побоями и причинением страданий жене он сумеет утвердить свое доминирование над ней, приучить жену не раздражать его в следующий раз, достичь контроля в угрожающей ситуации и так далее.

В своей книге я буду неоднократно возвращаться к этим двум концепциям. Я вновь и вновь буду говорить о том, что иногда на-

падения совершаются более или менее импульсивно, в то время как в других случаях они представляют собой рассчитанные действия и совершаются в ожидании получения определенных выгод.

Цели агрессии, не связанные с причинением ущерба

Многие из социальных ученых считают, что большинство агрессивных действий *мотивировано не только желанием нанести вред* жертве агрессии. В основном соглашаясь с тем, что агрессоры действуют расчетливо, рационально, сторонники данного подхода утверждают, что нападающие имеют и другие цели, которые могут быть для них более важными, чем желание причинить ущерб своим жертвам: желание влиять на ситуацию, осуществлять власть над другой личностью или сформировать благоприятную (предпочитаемую) идентичность. Разумеется, иногда поведение определяется одновременным действием различных факторов. Агрессоры могут стремиться добиться своего или утвердить свою власть с тем, чтобы повысить чувство собственной ценности.

❐ **Принуждение**. Некоторые психологи, например Джеральд Паттерсон (Patterson, 1975, 1979) и Джеймс Тедеши (см. особенно: Tedeschi, 1983), особо подчеркивают тот факт, что агрессия часто бывает ничем иным, как грубой попыткой принуждения. Нападающие могут причинить ущерб своим жертвам, но, по мнению Паттерсона и Тедеши, их действия являются прежде всего попыткой повлиять на поведение другого человека. Они могут стремиться, например, к тому, чтобы заставить других перестать делать то, что их раздражает.

Идеи Паттерсона основываются главным образом на его исследованиях внутрисемейных интеракций. В своем исследовании, которое будет более детально обсуждаться в этой книге дальше, наблюдатели интервьюировали членов семей и скрупулезно фиксировали, как ведут себя взрослые и дети по отношению друг к другу. Затем психологи сравнивали интеракции в «нормальных» семьях с интеракциями в семьях, которые имеют проблемных детей (подростков, имеющих трудности в общении, обычно из-за своей высокой агрессивности). Выяснилось, что проблемные подростки располагают широким диапазоном поведенческих стратегий, используемых для того, чтобы контролировать других членов семьи. Они часто демонстрируют негативизм и критицизм, отказываются делать то, о чем их просят, и даже при случае могут ударить братьев или сестер и других людей, стараясь заставить делать то, что им хочется.

❐ **Власть и доминирование**. Другие теоретики идут дальше, считая, что агрессия включает не только принуждение. С их точки зрения,

агрессивное поведение часто бывает направлено на поддержание и усиление власти и доминирование нападающего. Агрессор может нападать на жертву, стремясь добиться выполнения своих желаний, но, как считают сторонники данного подхода, его главная цель — утвердить в отношениях с жертвой собственные доминирующие позиции.

Данная интерпретация особенно часто встречается в литературе, посвященной проблемам насилия в семье. Сильнейшие члены семьи — наиболее сильные физически или пользующиеся силой социального статуса и авторитета — обычно с большей вероятностью нападают на менее сильных членов семьи, нежели становятся их жертвами. Вероятно, объясняется это тем, что более сильные стремятся посредством силы сохранить свое доминирующее положение. Финкельхор (см.: Pagelow, 1984, p. 77) именно таким образом интерпретировал некоторые данные исследования насилия в семье, проведенного Страусом, Джеллесом и Стейнметц. В этом исследовании было выявлено, что многие женщины, которых бьют их мужья, не имели работы, не участвовали в принятии семейных решений, были малообразованны. Финкельхор полагает, что эти женщины были психологически (а не только физически) более слабыми сравнительно с их мужьями. Поэтому во время семейных ссор они легко становились жертвами атак со стороны их психологически и социально более сильных мужей.

При рассмотрении агрессии в семье существует два подхода. Первый (предпочитаемый Финкельхором и некоторыми феминистски ориентированными авторами) предполагает, что разница в силе сама по себе ведет к применению насилия. Сильные бьют слабых, потому что, как формулирует Джеллес, «...они могут делать это... [Люди] будут применять насилие в семье, если те или иные минусы не перевешивают преимуществ или выгод, которые они в результате получают» (Gelles, 1983, p. 157).

Мужья бьют своих жен, потому что считают, что имеют силу, власть и право так поступать, особенно если супруга «ведет себя неправильно». Второй подход — несколько более сложный, но, на мой взгляд, более адекватный вариант анализа: объяснение насилия не просто разницей сил, но борьбой за власть и доминирование. Когда мужья и жены ссорятся, они соперничают за контроль и влияние, и агрессия может возникать из этой борьбы. Читатель увидит в главе 8, при обсуждении насилия в семье, что этот тип конфликта встречается отнюдь не редко.

❐ **Управление впечатлением.** Согласно еще одному варианту интерпретации, агрессоры главным образом заинтересованы тем, что о них думают другие.

В исследованиях подростковых банд и преступников, совершающих насилие, уже давно отмечалось, что многие из этих людей чрезвычайно озабочены своей репутацией. Широко известны интервью, которые Ганс Тох проводил с людьми, осужденными за преступления, связанные с насилием. Согласно Тоху, многие из этих преступников крайне *беспокоились о своем образе «я»* и, очевидно, направляли немало усилий на «выработку впечатления» о себе как «ужасном и бесстрашном», а их драки были показательными выступлениями, предназначенными для того, чтобы произвести впечатление на жертву и зрителей (Toch, 1969). Социолог Ричард Фельсон развил эту идею, интерпретировав агрессию как средство управления впечатлением. Он полагает, что не только правонарушители, но и большинство людей считают, что личный вызов выставляет их в невыгодном свете, особенно если они подверглись нападению. И тогда человек бросается в контратаку, стремясь аннулировать «навязанную ему идентичность демонстрацией своей силы, компетенции и смелости». Атакуя обидчика, люди стремятся показать, что они «такие, чье "я" следует уважать» (Felson, 1978).

Разнообразие агрессивных целей

Все рассмотренные выше формулировки имеют определенные достоинства. Каждая из них выявляет тот или иной мотив, стоящий за агрессивным поведением. Некоторые случаи агрессии вызваны стремлением принудить кого-то к чему-либо, другие продиктованы потребностью агрессора утвердить свою власть и доминирование. Атака агрессора может быть мотивирована даже желанием продемонстрировать, что он достоин уважения. Агрессивное поведение может быть мотивировано еще и другими факторами, такими, например, как желание приобрести деньги или завоевать социальное одобрение. Агрессия может быть связана с целым рядом целей. Позднее, в главе 12, я покажу, что концепция, постулирующая существование *общего агрессивного драйва*, страдает серьезным изъяном, ибо игнорирует разнообразие мотивов, которые могут побуждать к агрессии.

ЖЕЛАНИЕ ПРИЧИНИТЬ УЩЕРБ

Все агрессивные действия имеют нечто общее. Как считает большинство исследователей, целью агрессивного поведения всегда является *намеренное причинение ущерба другому человеку*. Эти исследователи по-разному формулируют свои определения, но имеют в виду одну и ту же идею. Великолепным примером может послужить определение агрессии, предложенное более полувека назад группой ученых Йельского университета, руководимой Джоном Доллардом и

Нилом Миллером. В их классическом труде, посвященном влиянию фрустрации на агрессию, последняя определяется как «действие, целью которого является причинение ущерба другому организму (или заменителю организма)» (Dollard, Miller, Doob, Mowrer & Sears, 1939, p. 11). Другими словами, цель действия состоит в том, чтобы причинить вред. Агрессор хочет нанести вред жертве агрессии. Роберт Бэрон, другой хорошо известный исследователь в этой области, формулирует ту же самую идею в более разработанном виде. Он определяет *агрессию* как «любую форму поведения, направленного к цели нанесения вреда или причинения ущерба другому живому существу, которое мотивировано избегать подобного обращения» (Baron, 1979, p. 7). Агрессор понимает, что поступает в отношении жертвы таким образом, что жертва явно против подобного с ней обращения. Вопрос не в том, рассматривает ли общество в целом такое поведение как нежелательное. Главное — знание атакующего о том, что жертва не хочет, чтобы с ней так поступали.

Определение, принятое в данной книге

В этой книге термин «агрессия» всегда будет означать некоторый вид *поведения*, физического либо символического, которое *мотивировано намерением причинить вред кому-то другому*. Я не буду использовать слово «агрессия» как синоним для слов «ассертивность», «подчинение» или «независимость». Я буду использовать термин «насилие» только в отношении крайней формы агрессии, *намеренного стремления причинить серьезный физический ущерб* другому лицу. Ввиду моих целей, «агрессия» не означает несправедливость, обиду, дурное обращение и тому подобное, если только все подобные формы поведения не были вызваны намеренным стремлением причинить ущерб другому лицу.

Всегда ли причинение ущерба является первичной целью?

❐ **Инструментальная и эмоциональная агрессия.** ***Агрессия может служить реализации других целей.*** Даже если агрессия всегда включает намерение причинить ущерб, это не всегда является главной целью. Агрессоры, совершая нападения на свои жертвы, могут преследовать и другие цели. Солдат хочет убить своего врага, но его намерение может проистекать из желания защитить свою собственную жизнь, может быть способом проявить патриотизм или же быть продиктовано стремлением заслужить одобрение своих командиров и друзей. Киллер, нанятый криминальными элементами, может стремиться убить определенное лицо, но делает это с целью заработать большую сумму денег. Аналогично, члены уличных криминальных банд могут напасть на группу прохожих, появившихся в их квартале, желая по-

казать чужакам, какие они крутые парни, которым лучше не попадаться на пути. Разгневанный муж может поколотить свою жену с тем, чтобы утвердить свою доминирующую позицию в семье. Во всех этих случаях, хотя агрессоры имеют намерение причинить ущерб или даже убить свою жертву, оно не является их основной целью. Нападение в этих случаях является скорее средством достижения некоторой другой цели, которая для них более важна, чем причинение ущерба их жертве. Мысль об этой цели инициирует атаку.

Психологи обозначают действие, которое совершается для достижения какой-то внешней цели, а не ради удовольствия от самого действия, «инструментальным поведением». Аналогично и агрессивное поведение, имеющее другую цель помимо причинения ущерба, называется «инструментальной агрессией». Утверждения о том, что человеческая агрессия обычно является попыткой принуждения или стремлением сохранить свою власть, доминирование или социальный статус, в основном расценивают бо́льшую часть агрессивных действий как проявление инструментальной агрессии.

Эмоциональная агрессия. Многие социальные психологи считают, что существует также и иной вид агрессии, основной целью которой является причинение ущерба другому лицу. Этот вид агрессии, следуя терминологии Фешбаха, часто называют «враждебной агрессией» (Feshbach, 1964). Ее можно было бы называть также «эмоциональной», «аффективной» или «гневной» агрессией, поскольку это такая агрессия, которая вызывается эмоциональным возбуждением, причем речь идет о негативных эмоциях и агрессор стремится причинить ущерб другому лицу. Я буду использовать термин «эмоциональная агрессия» с тем, чтобы акцентировать различия между этим поведением и более инструментально ориентированными агрессивными действиями.

В данной книге я буду обсуждать в основном эмоциональную агрессию. Я часто буду обращать внимание на то, что многие из нас испытывают желание атаковать кого-нибудь, когда нам бывает плохо. Во многих из этих случаев, нападая на другого человека, мы не думаем о достижении каких-либо преимуществ или получении каких-то выгод и довольно часто даже знаем, что наши действия не принесут нам какой-либо пользы, скажем, не улучшат наше положение или не сделают его менее неприятным. И все же мы чувствуем побуждение ударить другого человека или разбить, разломать какую-нибудь вещь.

Некоторые испытывают удовольствие оттого, что причиняют вред другим людям. Понятие эмоциональной агрессии выражает тот факт, что, совершая агрессивные действия, человек может испытывать удовольствие. Многие люди стремятся причинить кому-нибудь ущерб, когда они находятся в подавлённом настроении, и, достигая своей

цели, получают удовлетворение, так как избавляются от депрессии. Они могут при этом даже испытывать удовольствие и тем самым получать психологическое вознаграждение, причиняя ущерб своим жертвам (до тех пор, пока сами не начинают страдать от негативных последствий своего поведения). Подумайте о том, что это значит. Некоторые люди живут во враждебном окружении, и их часто провоцируют. Другие люди, например многие подростки из бедных семей, проживающих в гетто больших городов, часто сталкиваются с невозможностью достижения целей, которые ставит перед ними общество. Они не уверены в ценности собственной личности и чувствуют себя бессильными в окружающем мире, который они не могут контролировать. Порой они кипят едва скрываемым возмущением. Каковы бы ни были источники неудовольствия, возмущения, гнева людей, следует признать, что некоторые из них постоянно испытывают побуждения к тому, чтобы атаковать других. Поэтому есть все основания полагать, что, атакуя других людей в подобных случаях, они имеют возможность научиться тому, что агрессия может доставлять удовольствие. Более того, предположим, что такие агрессоры находят также, что, нападая на окружающих, можно получать и другие выгоды: они могут доказать свою мужественность, продемонстрировать, какие они сильные и значимые, завоевать статус в своей социальной группе и так далее. Достижение этих целей учит тому, что агрессия может быть вознаграждающей формой поведения. Повторяющееся получение подобных вознаграждений за агрессивное поведение приводит их к открытию того, что агрессия сама по себе доставляет удовольствие. Независимо от того, как именно это происходит, в результате некоторые люди приходят к тому, что совершают агрессивные действия ради удовольствия от причинения ущерба другим людям, а не только в целях достижения тех или иных выгод. Они могут атаковать кого-либо, даже не будучи эмоционально возбужденными, просто потому, что уже знают: это доставит им удовольствие. Если, например, они скучают или не в духе, то могут отправиться на поиски агрессивных развлечений.

Я полагаю, что именно этим были обусловлены некоторые из прогремевших на всю страну инцидентов, произошедших в Нью-Йорке несколько лет назад. Вы помните историю о молодой женщине, которая была зверски избита и изнасилована в Центральном парке Нью-Йорка в апреле 1989 года? Банда подростков однажды вечером двигалась через парк, нападая на каждого, кто попадался им на пути, а потом набросилась на проходившую мимо женщину. Она была избита столь сильно, что три недели находилась в коме.

Эти действия, несомненно, были обусловлены рядом мотивов. Во-первых, подростки, вероятно, хотели показать окружению (а может быть, и самим себе), что они крутые парни, которых следует уважать.

Однако если мы посмотрим, как они сами описывали свое поведение, то можем вполне обоснованно полагать, что оно было обусловлено также и другими побудительными факторами. Они говорили, что «разъярились», «вели себя дико и буйствовали просто черт знает почему». Каковы бы ни были прочие мотивы нападения, совершенно очевидно, что эти подростки искали удовольствий, причиняя страдания другим людям. Несчастная женщина оказалась жертвой этих агрессивных побуждений.

Приведем примеры, казалось бы, бессмысленных нападений на бездомных людей.

Банда подростков, вооруженных ножами и палками, двигалась ночью в канун Дня всех святых по улице, круша все вокруг. Добравшись до пешеходного моста к Вэд-Айленд, озверевшая толпа набросилась на нескольких ютившихся там бездомных, оставив одного из них лежащим среди мусора с перерезанным горлом...

Группа подростков (некоторые из них были в масках) напала на бездомных людей, вероятно, ради острых ощущений...

Детективы, расследовавшие эти зверские нападения, отмечают эскалацию насилия в ночь перед праздником Дня всех святых, когда подростки стараются превзойти друг друга. «Они забавлялись, нападая на бездомных...— говорил один из детективов.— Похоже, им хотелось встряски, острых ощущений. Иногда при виде крови люди впадают в безумие» (New York Times, Nov. 2, 1990).

Каким образом можно объяснить подобные вещи? Что двигало юными насильниками? У жертв не было денег, и они не вторгались на территорию нападавших. Члены банды на самом деле думали, что утверждают свою маскулинность, избивая усталых больных стариков, которые были слишком слабыми, чтобы защищаться? Возможно, детектив был прав. Они просто «забавлялись», причиняя страдания другим. Я предполагаю, что этот вид агрессии гораздо более распространен, чем многие думают. Банды, совершающие агрессивные действия, связанные с насилием, атакуют других ради удовольствия, получаемого от причинения боли, также как и ради достижения чувства силы, контроля, власти над другими.

❐ **Доказательства желания причинять ущерб другим.** Поскольку в социальных науках существует расхождение относительно этого вида эмоциональной агрессии, полезно рассмотреть результаты эксперимента, проведенного Бэроном, которые могут помочь убедить сомневающихся (Baron, 1977, p. 260–263). В этом эксперименте участвовали молодые люди — студенты университета. Сначала им рассказали о мнимой цели эксперимента. Затем помощник экспериментатора вызвал у половины испытуемых состояние гнева, злости, в то время как на других испытуемых подобного воздействия не оказывалось и они находились в нормальном, спокойном состоянии. Каж-

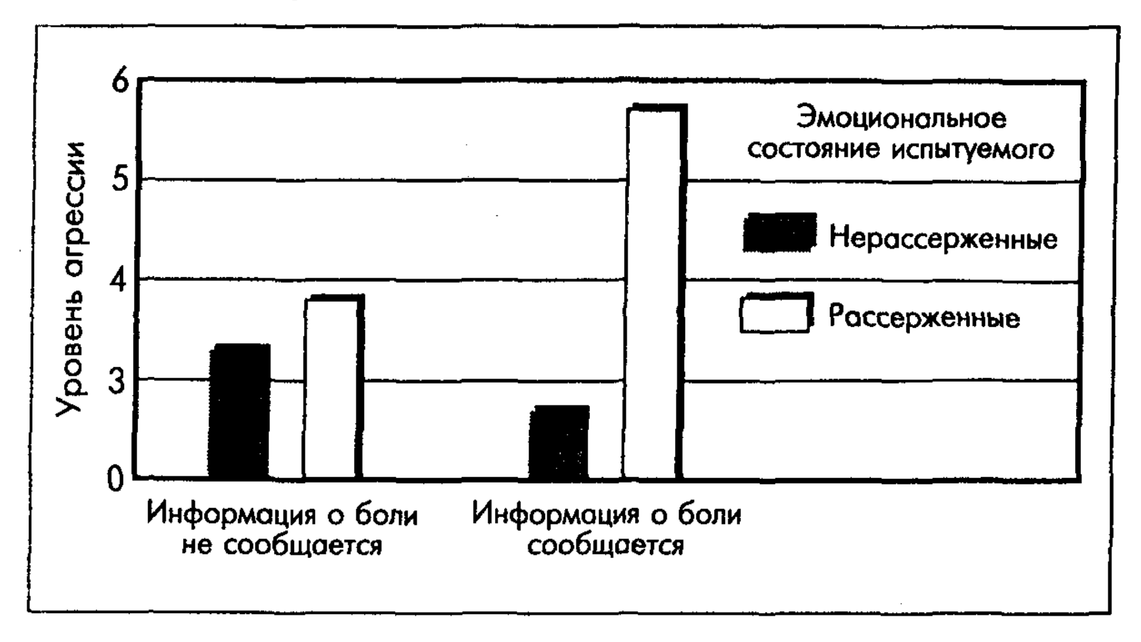


Рис. 1-1. Уровень агрессии (трансформированная интенсивность электрошока × длительность) как функция эмоционального состояния испытуемых и их информированности о причиняемой жертве боли (Baron, 1977, p. 263).

дый испытуемый затем имел возможность десять раз нанести удар электрическим током помощнику экспериментатора якобы в качестве наказания за ошибки при выполнении учебных задач. Испытуемый был обязан наносить удары, но оставался свободен в выборе мощности разряда от очень слабого до весьма сильного[1]. Важным было также то, что испытуемый мог видеть счетчик на аппарате, который якобы показывал, насколько сильную боль чувствовал наказываемый при каждом наносимом ему ударе (разумеется, как обычно в подобного типа экспериментах, наказываемый ударам тока не подвергался, а информация о боли фальсифицировалась). Целью эксперимента было установить, каким образом информация о боли жертвы будет влиять на интенсивность наказания, то есть на мощность наносимых испытуемым ударов.

Основные данные исследования представлены на рис.1-1. Как можно видеть на этом рисунке, когда испытуемые не были рассержены человеком, которого они наказывали, информация о боли уменьшала интенсивность наносимых ударов. Эта информация напоминала испытуемым о том, что они причиняют боль другому человеку; не желая причинять боль, участники эксперимента ослабляли силу ударов. Кроме того, как сообщает Бэрон, было заметно, что эти испытуемые чувствовали себя плохо, получая информацию о страданиях жертвы.

[1] В главе 14 подробно обсуждаются этот и другие методы измерения, которые часто используются в исследованиях агрессии.

Но та же самая информация вызывала усиление величины наказания, применяемого рассерженными испытуемыми. Будучи спровоцированными тем, кого они наказывают, участники эксперимента стремились причинить боль этому человеку. Получаемая ими информация, по сути, означала, что они близки к цели причинить достаточно сильные страдания тому, кто вызвал их гнев, и это стимулировало к еще большей агрессии. Это похоже на то, как первые порции съеденной пищи вызывают у голодного человека еще более сильное желание есть. Рассерженные люди, очевидно, наслаждаются «первыми порциями»; кроме того, побуждая «кусать» энергичнее, информация о страдании другого улучшает их настроение.

❑ **Подстрекающее (стимулирующее) условие.** Помимо выражений «инструментальная агрессия» и «эмоциональная агрессия» для обозначения этих видов агрессии могут быть использованы и другие термины. Но какие бы определения мы ни применяли, имеет смысл рассматривать инструментальную агрессию как относительно рациональную и легко понимаемую форму поведения (во всяком случае, с точки зрения выгоды агрессора), а эмоциональную — как значительно менее контролируемую сознательно.

Другие классификации

❑ **Физические и вербальные, прямые и непрямые формы агрессии.** Агрессивные действия могут быть классифицированы также и другими способами. Они могут быть дифференцированы, например, с точки зрения их *физической природы* — как *физические действия*, такие, как удар или пинок, или как *вербальные суждения*, которые могут подвергать сомнению ценность личности другого человека, быть оскорбительными или выражать угрозу объекту агрессии. Нас может интересовать вопрос, *в какой степени действие является скорее прямой атакой агрессора на его первичную жертву* (лицо, которому агрессор больше всего хотел бы причинить вред), нежели более косвенным путем к цели нанесения вреда этому человеку. Предположим, человек был оскорблен коллегой по работе. Он может ударить оскорбившего (прямая физическая агрессия) или, в свою очередь, оскорбить его (прямая вербальная атака), или же он может начать распространять об этом человеке порочащие сведения с тем, чтобы повредить его репутации (непрямая вербальная агрессия).

Доллард и его сотрудники из Йельского университета приводят хорошую иллюстрацию непрямой агрессии, выраженной в символической форме:

«Испытуемые были приглашены якобы с целью изучения влияния утомления на простые физиологические реакции. Им не разрешалось

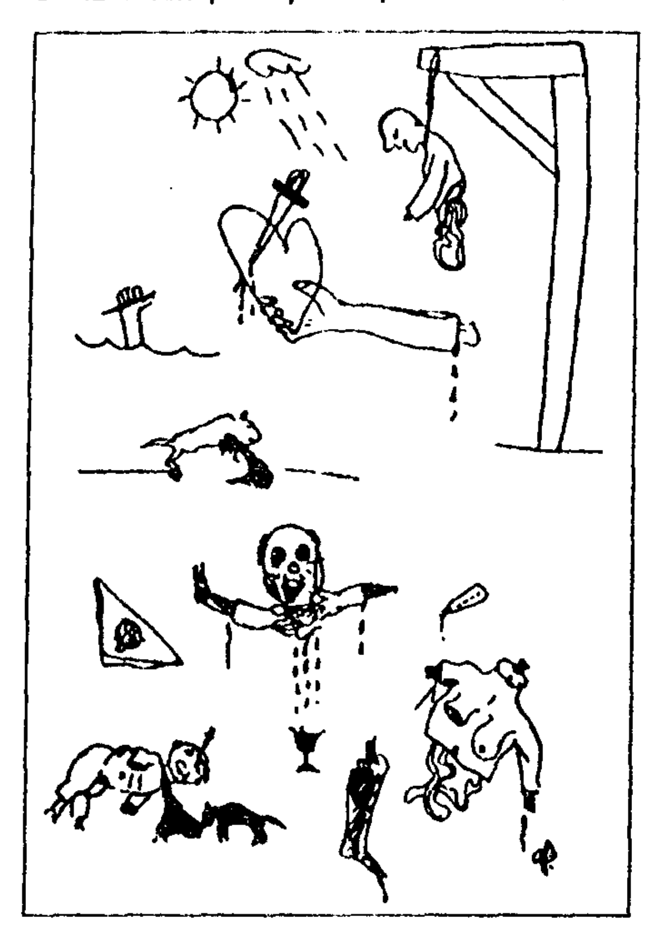


Рис. 1-2. Спонтанные рисунки, выполненные испытуемым в условиях лишения сна.

спать в течение всей ночи. Они были заядлыми курильщиками, но им не разрешалось курить. Они должны были соблюдать тишину; им не позволялось каким бы то ни было способом развлекаться: ни читать, ни разговаривать, ни играть в какие-либо игры... Будучи подвергнуты этим и другим фрустрациям, они проявляли агрессивность в отношении экспериментаторов. Но эта агрессивность, как выяснилось позднее, в данной социальной ситуации выражалась только косвенно... Один из испытуемых заполнил два листа бумаги рисунками, совершенно явно выражающими насильственную агрессию [см. рис. 1-2]. Расчлененные и выпотрошенные тела были изображены в разнообразных гротескных видах... все они представляли шокирующие деформации человеческого тела. Когда другой испытуемый спросил его, что за люди изображены на рисунке, он ответил: "Психологи!". Конечно, он и его друзья по несчастью изрядно повеселились по этому поводу» (Dollard et al., 1939, p. 45).

Хотя и юмористическая по замыслу, эта небольшая история фактически отражает некоторые весьма серьезные вещи. Доллард и его сотрудники полагают, что сильнейшие агрессивные тенденции, стимулированные провокацией (фрустрацией), действуют в направлении воспринимаемого источника фрустрации. Возбужденные люди, следовательно, предпочли бы атаковать источник своих неприятностей столь прямым способом, сколь это возможно, подобно тому как

испытуемые в описанном выше эксперименте, вероятно, хотели бы прямо выразить свои эмоции, то есть поколотить фрустрирующих их психологов. Но если фрустрированные люди думают, что за прямую атаку подвергнутся наказанию, то так же, как испытуемые в эксперименте Долларда, они будут выражать свои агрессивные тенденции лишь косвенно, например в форме карикатуры. Злобные замечания, враждебные шутки и злые сплетни — это все примеры косвенной агрессии, которая, вероятно, проистекает из подавляемой прямой агрессии.

❐ **Сознательно контролируемые импульсивные (или экспрессивные) аспекты агрессии.** Агрессивные действия можно описывать, рассматривая еще один фактор, который, на мой взгляд, пока не привлек достаточного внимания исследователей агрессии: степень, в которой поведение может быть *сознательно контролируемым* или *импульсивным*.

В некоторых случаях нападения осуществляются спокойно, расчетливо, преднамеренно, с ясно намеченной целью. Агрессоры знают, какие цели они преследуют, и верят, что их действия окажутся успешными. Наемный киллер, убивая свою жертву, идет на рассчитанный риск, так как полагает, что его шансы на успех существенно выше, чем вероятность пострадать от последствий. Девочка может отшлепать своего младшего брата, чтобы привлечь к себе внимание матери.

Бывает, однако, и так, что нападения совершаются без всякого расчета, без обдумывания плюсов и минусов, собственных выгод и нежелательных для агрессора последствий. Некоторые психологи называют это «коротким замыканием» в нормальном процессе оценивания. Находясь в состоянии эмоционального возбуждения либо в силу особенностей личности, некоторые люди не останавливаются, чтобы подумать о последствиях своих действий, прежде чем начинают физически или словесно атаковать жертву. Их внимание в основном фокусируется на том, чего им больше всего хочется в данный момент, — на их агрессивной цели, и они не принимают в расчет альтернативные способы действия и возможные негативные последствия.

Примерами такого вида агрессии являются многие убийства. Известный детектив из Далласа говорил об этом так: «Убийства происходят оттого, что люди не думают... Взыграла кровь. Завязалась драка, и вот уже кто-то зарезан или застрелен» (цит. по: Mulvihill & Tumin, 1969). Он имел в виду, что подобные убийства представляют собой скорее спонтанные акты, вызванные аффектом, нежели результат продуманного решения уничтожить жертву.

Это, конечно, крайние случаи импульсивной и неконтролируемой сознанием агрессии, но любой из нас с легкостью припомнит множе-

ство не столь драматичных примеров. Разве вам самим не случалось поступать по отношению к другому человеку менее доброжелательно, чем вы того хотели бы, или «выговаривать» кому-то более резко, чем вы намеревались? Быть может, вам приходилось говорить такие вещи, которые сознательно вы и не собирались говорить, или даже совершать агрессивные физические действия, которые вы не могли сознательно контролировать. Если вам что-либо подобное знакомо по личному опыту, то вы в этом совсем не одиноки.

Многие ученые не принимают во внимание фактор импульсивности в эмоциональной агрессии и, по-видимому, продолжают считать, что практически любой акт агрессии определяется более или менее продуманным расчетом возможных затрат и выгод. Я полагаю, что подобные расчеты и оценивания иногда оказываются крайне редуцированными, особенно в пылу интенсивных эмоциональных состояний. Из неспособности должным образом оценить этот фактор проистекает, на мой взгляд, существенное недопонимание человеческой агрессии.

❐ **Внешнее влияние на импульсивную агрессию.** Неконтролируемые сознанием акты импульсивной агрессии не случаются просто так, «ни с того, ни с сего». И они не обязательно в любом случае мотивируются бессознательной враждебностью. На мой взгляд, акты импульсивной агрессии представляют собой эмоциональные реакции, которые «запускаются» интенсивной внутренней стимуляцией. Многие, вероятно, будут удивлены, узнав, как незначительные или нейтральные внешние ситуации могут повлиять на интенсивность внутренней стимуляции. Внутренний «толчок» к агрессии может усилиться настолько, что агрессивная реакция произойдет почти автоматически. Вспомните о «болевых сигналах» в эксперименте Бэрона. Внешняя деталь (информация о испытываемой жертвой боли) усиливала у рассерженных испытуемых внутреннюю стимуляцию к агрессии. Не менее важно, что та деталь ситуации, которая, на первый взгляд, кажется совершенно нейтральной, может стимулировать агрессию, поскольку ассоциируется с ней в уме человека, совершающего агрессивное действие.

Я буду обсуждать этот вопрос более обстоятельно в главе 3, а здесь хотел бы только описать эксперимент, проведенный Кристофером Свэртом и мною (Swart & Berkowitz, 1976). В начале эксперимента испытуемые подвергались грубому обращению со стороны одного из своих сокурсников, а затем имели возможность наблюдать, как их мучитель получал удары электрического тока. Некоторое время спустя, когда этих испытуемых просили наказывать другого человека (не того, кто их фрустрировал), они наказывали особенно охотно и рьяно, если видели при этом какой-либо нейтральный

объект, который *сам по себе не сигнализировал о боли, но который находился в поле восприятия испытуемых раньше, когда они наблюдали страдания разозлившего их сокурсника*. Другими словами, испытуемые видели нечто, напоминавшее о том чувстве удовлетворения, которое они испытывали, наблюдая страдания оскорбившего их человека, и этот напоминающий стимул (объект), очевидно, усиливал агрессивные побуждения, сохранявшиеся от предшествующей провокации (фрустрации).

Другой важный момент в психологии агрессии состоит в том, что иногда агрессивные действия могут быть более (или менее) жестокими вне зависимости от сознательных намерений агрессора. Повышенная агрессивность в описанном эксперименте была обусловлена реакциями испытуемых в отношении *нейтрального* лица, человека, который не был тем, кто их фрустрировал раньше, и к которому они не испытывали ни особой симпатии, ни антипатии. Им не было до него никакого дела, и все же простое наличие ситуационного стимула, ассоциировавшегося у них в уме с вознаграждаемой агрессией, усиливало агрессивное побуждение. Не отдавая себе в этом ясного отчета, они, по-видимому, реагировали импульсивно и автоматически на стимул, ассоциированный с вознаграждаемой агрессией.

В этом эксперименте, как и во многих других случаях импульсивной (или экспрессивной) агрессии, относительно непроизвольный аспект поведения дополняет более контролируемый и произвольный компонент. Испытуемым в эксперименте Свэрта и Берковица предлагалось наказывать человека, не сделавшего им ничего плохого (нейтральное лицо), и на сознательном уровне они поступали так, как было велено. При этом, однако, в экспериментальной ситуации существовал еще один фактор (стимул, ассоциированный с приносящей удовлетворение ситуацией), вызывающий у них усиление побуждения к агрессии (испытуемые более рьяно выполняли данную им инструкцию). Давайте еще раз рассмотрим пример, который я предлагал выше: мужчина, который почувствовал себя оскорбленным замечанием жены. Он хочет ударить ее и приближается к ней с угрожающим видом. Затем, предположим, он замечает что-то такое, что ассоциировано в его психике с вознаграждаемой агрессией (либо с агрессией в общем): висящий на стене сувенирный клинок, свой собственный портрет, изображающий его как боксера-любителя, фотографию Рембо с пулеметом в руках или, быть может, вызывающий вид его собственной супруги. Любая из этих деталей может усилить агрессивное побуждение, вызванное замечанием жены. Стимул продуцирует внутренние связанные с агрессией реакции, которые усиливают интенсивность порожденных фрустрацией агрессивных побуждений. В результате муж может ударить жену сильнее, чем он сознательно намеревался. Даже если он ее и не ударит, то может

нанести гораздо более сильные словесные оскорбления, чем хотел бы. Импульсивные, непроизвольные реакции «накладываются» на произвольный компонент поведения.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ГНЕВА, ВРАЖДЕБНОСТИ И АГРЕССИВНОСТИ

Я обсуждал агрессию в общем и ее различные формы. А что сказать о «гневе» и «враждебности», других двух терминах, которые часто употребляются в связи с агрессией? Как они соотносятся с агрессией? Мой ответ на этот вопрос может вызвать удивление. Давайте еще раз обратимся к примеру рассерженного мужа. Он кричит на жену и затем бьет ее. Многие сказали бы, что он «гневается» и что его агрессия является проявлением гнева. Агрессивные действия мужа при этом не отделяются от его гнева. Слово «гнев» в данном случае относится как к внутреннему состоянию, или драйву, который «запускает» агрессивное поведение, так и к действию. Дело осложняется, однако, еще и тем, что слово «гнев» иногда обозначает особое эмоциональное состояние, и, таким образом, в нашем примере мы можем также сказать, что человек чувствует себя сердитым. Очевидно, исследователи только запутают друг друга, если слова, которые они используют, имеют столь различные значения. Научное исследование гнева требует, чтобы мы имели ясное и четко очерченное определение понятия «гнев».

«Враждебность» — еще один термин, который не имеет четкого значения в повседневной речи. Поведение оскорбляющего свою жену мужа может быть описано как проявление враждебности по отношению к жене; но что именно означает подобное утверждение? Относится ли в данном контексте слово «враждебный» к чувствам (эмоциональному состоянию) мужа в данный момент, к его постоянной установке по отношению к жене, или оно просто характеризует его поведение? Этот термин употребляется во всех трех значениях.

Различные значения слов «гнев» и «враждебность» не представляли бы особой проблемы, если бы чувства, экспрессивные реакции, установки и поведение всегда были бы, так сказать, конвергентными. Однако, как всем нам хорошо известно, чувство гнева не всегда открыто выражается в поведении, и мы можем высказывать неблагоприятные мнения о других людях даже и тогда, когда мы не испытываем побуждения нападать на них.

Я буду максимально ясно и точно различать термины «агрессия», «гнев» и «враждебность». Читатель этой книги должен понимать, что я имею в виду, используя эти термины. Определения, которые я буду давать ниже, акцентируют скорее различия, нежели то общее,

что есть между этими понятиями. Это, однако, будет стоить труда. Стремясь к ясности и точности, я буду вынужден начать с некоторых из значений, которые *обычно* вкладываются в эти понятия. Читатель должен иметь в виду, что мое понятие «гнева» не обязательно соответствует значению, в котором оно употребляется неспециалистами.

ГНЕВ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ АГРЕССИИ

Прежде всего, я полагаю, что особенно важно различать понятия «гнев» и «агрессия». В случае агрессии мы имеем дело с действием, направленным на достижение определенной цели: причинить ущерб другому лицу. Это действие, таким образом, направлено на определенную цель. Напротив, *гнев* (как я буду употреблять это понятие) вовсе не обязательно имеет какую-то конкретную цель, но означает определенное эмоциональное состояние. Это состояние в значительной степени порождается внутренними физиологическими реакциями и непроизвольной эмоциональной экспрессией, обусловленной неблагоприятными событиями: моторными реакциями (такими, как сжатые кулаки), выражениями лица (расширенные ноздри и нахмуренные брови) и так далее; определенную роль, вероятно, играют также возникающие при этом мысли и воспоминания. Все эти сенсорные потоки комбинируются в сознании личности в переживание «гнева».

Из каких бы составляющих ни складывалось это эмоциональное состояние, оно не направлено на достижение цели и не служит реализацией конкретного намерения в той или иной конкретной ситуации. В связи с этим важно отметить то, что гнев как эмоциональное состояние не «запускает» прямо агрессию, но обычно только сопровождает побуждение к нападению на жертву. Однако эмоциональное переживание и агрессивное побуждение не всегда выступают вместе. Иногда люди стремятся причинить ущерб другим людям более или менее импульсивно, не отдавая себе сознательного отчета в собственном состоянии гнева.

Агрессия «запускается» внутренней стимуляцией, которая отличается от эмоционального переживания. В моем гипотетическом примере мужа, оскорбляющего свою жену, я бы не говорил, что муж бьет свою жену, *потому что* он разозлен на нее. Скорее, я бы полагал, что атака мужа является результатом побуждения, обусловленного неприятным событием. В данный момент человек может переживать или не переживать состояние гнева, но если он в нем находится, то это состояние выступает вместе с агрессивным побуждением, но не создает его прямо.

ВРАЖДЕБНОСТЬ

На мой взгляд, *враждебность* можно определить как *негативную установку* к другому человеку или группе людей, которая находит свое выражение в крайне неблагоприятной оценке своего объекта — жертвы.

Мы выражаем свою враждебность, когда говорим, что нам не нравится данный человек, особенно, когда мы желаем ему зла. Далее, *враждебный индивидуум* — это такой человек, который обычно проявляет большую готовность выражать словесно или каким-либо иным образом негативные оценки других людей, демонстрируя, в общем, недружелюбие по отношению к ним.

АГРЕССИВНОСТЬ

Наконец, я определяю *агрессивность* как *относительно стабильную готовность к агрессивным действиям в самых разных ситуациях*. Не следует смешивать данное понятие с понятием «враждебности».

Людям, которым свойственна агрессивность, которым часто видятся угрозы и вызовы со стороны других людей и для которых характерна готовность атаковать тех, кто им не нравится, присуща враждебная установка к другим людям; но не все враждебно предрасположенные к другим люди обязательно агрессивны. Таким образом, с моей точки зрения, было бы целесообразнее рассматривать *агрессивность* как предрасположенность к агрессивному поведению.

В общем, я надеюсь, читателю вполне понятно, что я рассматриваю *стимулирование агрессии, агрессию, гнев, враждебность* и *агрессивность* как отдельные, различные, хотя и взаимосвязанные феномены.

Ученые могут исследовать, когда и почему тот или иной из этих феноменов значимо связан с любым другим, а также когда и почему их взаимосвязь оказывается слабо выраженной. На мой взгляд, однако, было бы ошибочным полагать, что они суть одно и то же, или даже считать, что они всегда тесно взаимосвязаны.

РЕЗЮМЕ

Неоднозначность и неточность обыденного языка препятствует развитию действительно адекватного понимания агрессии. Научное понятие агрессии (по определению Роберта Бэрона) означает «любую форму поведения, направленного к цели причинения ущерба или вреда другому лицу, не желающему такого с ним обращения».

Если нет достаточных оснований полагать, что люди, о которых идет речь, намеренно стремились причинить вред другому лицу, это понятие не должно распространяться на «силовое давление», «ассертивность» или стремление подчинять других, даже если подобные действия в повседневной речи часто обозначаются как «агрессивность». Это понятие не обязательно также должно включать асоциальное поведение, даже если неспециалисты квалифицируют то или иное действие как агрессивное в связи с тем, что оно осуждается как «неправильное» («нехорошее»), ибо выдаваемые людьми оценки поведения других людей как «правильного» или «неправильного» часто бывают произвольными и относительными.

Адекватный анализ агрессии должен принимать во внимание также отличия между разными видами намеренных попыток причинить ущерб или уничтожить другого человека. Во всяком случае, необходимо различать *инструментальную агрессию*, при которой нападение в основном обусловлено скорее стремлением к достижению определенной цели, чем желанием причинить вред или уничтожить жертву, и *враждебную агрессию*, при которой основной целью является нанесение вреда или уничтожение жертвы. Агрессивные действия, осуществляемые с целью получения денег или завоевания социального статуса, с целью создать хорошее впечатление, контролировать либо принуждать к чему-либо жертву или повысить чувство ценности собственной личности, — все это примеры инструментальной агрессии. Агрессоры также могут атаковать свои жертвы главным образом с целью причинить им ущерб или даже уничтожить их. Поскольку людям свойственно чаще всего проявлять враждебность в состоянии эмоционального возбуждения, особенно гнева, в данной книге я преимущественно буду использовать термин «эмоциональная агрессия» при обсуждении агрессии, нацеленной на причинение вреда другому лицу. Однако важно также учитывать тот факт, что некоторые люди приучаются причинять страдание другим людям, потому что это доставляет им удовольствие, даже если они и не испытывают эмоционального возбуждения в данный момент.

Наряду с этим в данной главе доказывается также и то, что агрессия не всегда совершается при полном и сознательном контроле со стороны агрессоров, особенно (но не только) когда они находятся в состоянии сильного эмоционального возбуждения. В то время как инструментально ориентированные агрессоры обычно имеют определенную цель и предполагают то или иное вознаграждение за совершаемые ими агрессивные действия, люди, совершающие эмоциональные агрессивные действия, иногда атакуют свои жертвы более сильно, нежели намеревались сознательно. Внутренняя стимуляция, продуцируемая либо эмоциогенной ситуацией, либо другими подстрекающими условиями, «запускает» их агрессивные реакции. Оп-

ределенные особенности внешней ситуации, имеющие агрессивные значения для нападающих или ассоциированные в их уме со страданием жертвы, могут интенсифицировать эту внутреннюю стимуляцию агрессии, тем самым усиливая нападение.

В этой главе были предложены определения «гнева», «враждебности» и «агрессивности» в целях их прояснения и уточнения. Слово *гнев* в обыденной речи означает специфические чувства, определенные экспрессивно-поведенческие реакции, специфические физиологические реакции и даже открытые физические и (или) словесные атаки. Однако, поскольку эти разнообразные реакции обычно лишь в слабой степени коррелируют между собой, я буду использовать термин «гнев» только для обозначения переживаний или чувств. *Враждебность* определяется просто как негативная или недоброжелательная установка к определенному лицу или группе лиц, но считается, что подобная установка обычно сопровождается желанием видеть объект установки страдающим тем или иным образом. Наконец, *агрессивность* обозначает относительно устойчивую готовность реагировать агрессивно во многих разнообразных обстоятельствах. Люди, для которых характерен высокий уровень агрессивности, не обязательно отличаются гневливостью, так как они могут и не осознавать свое чувство гнева при совершении агрессивных действий.

Часть 1

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ

Агрессия может быть холодным и рассчитанным действием, совершаемым намеренно и направленным не на то, чтобы нанести ущерб жертве, а на какую-то иную цель, но она бывает и эмоциональной реакцией, управляемой преимущественно желанием причинить вред. Как в том, так и в другом случае атакующие могут уделять массу внимания тому, как достичь своих агрессивных целей, но очень часто они действуют импульсивно и непроизвольно. В таких случаях агрессивное поведение определяется в основном их внутренним возбуждением и порой совершенно автоматически управляется особенностями доступных в данный момент жертв.

Следующий пример иллюстрирует то, что я имею в виду.

Больная диабетом женщина с мужем и четырехлетним ребенком снимала комнату в квартире у своей подруги. Хозяйка постоянно жаловалась на поведение маленькой девочки, которая все портила и ломала.

Однажды вечером, когда мать готовила ужин и плохо себя чувствовала, ее дочь одна отправилась в ванную, чтобы умыться. Как потом рассказывала ее мать, «умывшись, девочка выдавила зубную пасту, смешала с шампунем и этой смесью вымазала всю раковину, а заодно перепачкала губной помадой стульчак и сорвала штору. Хозяйка прибежала с громкими криками: "Посмотри, что натворила твоя дочь. Она там все перепортила". А я была уже совсем уставшей и злой. Я целый день говорила ей: "Джулия, не делай это, Джулия, не делай то". Целыми днями твержу ей одно и то же, уже устала повторять. Я схватила ее, потащила, я никогда этого не забуду. Я так на нее взбесилась, что просто готова была убить» (Kadushin & Martin, 1981, p. 154).

Грустная история: измученная женщина, больная и, очевидно, придавленная нуждой, вымещает зло на своем непослушном ребенке и бьет его в припадке ярости. Подобных примеров можно привести сотни и тысячи. Это не какие-то редкие случаи, но постоянное явление в нашей повседневной жизни. Несом-

ненно, у большинства из нас были моменты, когда мы теряли самообладание и обрушивали вспышки гнева на рассердившего человека: ребенка, любимого, знакомого или, может быть, даже постороннего — физически, или словесно, или и в той и в другой форме. У матери, казалось бы, было достаточное оправдание: она была больна и устала, а дочь вела себя из рук вон плохо. И все же реакция оказалась несоразмерной и ребенок подвергся слишком суровому наказанию. А разве каждому из нас не случалось в той или иной ситуации реагировать сверхсильно (даже если мы и не причинили серьезного ущерба вызвавшему наш гнев человеку)? Нам случается видеть, как люди приходят в ярость под влиянием совсем незначительных раздражителей, быть может, потому, что они уже находились в раздраженном состоянии из-за внешнего стресса или головной боли, усталости, чрезмерной жары и т. п. Иногда результатом оказывается атака, излишне сильная по сравнению с сознательным намерением нападающего. Мать в приведенном выше примере, очевидно, не хотела причинить своему ребенку серьезный вред; вероятно, она была захвачена слишком сильным эмоциональным возбуждением.

ЧТО ТАКОЕ ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ?

Важно, чтобы читателю было ясно, как я понимаю эмоциональную агрессию. Позвольте кратко сформулировать мою позицию: в основном я рассматриваю данный вид агрессии как агрессию, вызванную интенсивными внутренними физиологическими и моторными реакциями индивида[1]. Внутреннее возбуждение стимулирует агрессию (или агрессивную тенденцию), которая вызывает попытки при-

---

[1] Существуют убедительные данные, подтверждающие, что определенные специфические моторные реакции включаются в стимулирование агрессии. Так, например, в эксперименте Келли и Хейка (Kelly & Hake, 1970) у подростков, которые, вопреки их ожиданиям, лишились денежного вознаграждения за определенное поведение, была выявлена повышенная тенденция ударять по находящемуся рядом объекту и понижение тенденции просто нажимать кнопку. Другими словами, люди могут быть «запрограммированы» реагировать на неожиданную фрустрацию нанесением ударов. Внутренняя стимуляция, включающаяся в генерирование агрессии, может частично состоять из внутренних моторных реакций, ведущих к внешним агрессивным проявлениям. Разумеется, стимулирование агрессии может включать также и другие компоненты. Некоторые из них связаны с моторными реакциями, обусловливающими появление «гневного» выражения лица. Так, например, Хатчинсон, Пирс, Эмли, Прони и Зауэр (Hutchinson, Pierce, Emley, Proni & Sauer, 1977) представили данные, говорящие о том, что «сжимание челюстей является хорошим показателем, с высокой степенью валидности свидетельствующим о существующей у человека тенденции к нападению» (р. 241).

чинить ущерб жертве. В подобных случаях состояние интенсивного возбуждения, я могу сказать более драматически, «бешенство» толкает человека на физическую или вербальную атаку.

ИМПУЛЬСИВНАЯ (ИЛИ ЭКСПРЕССИВНАЯ) ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ

Не будем забывать, однако, что это поведение представляет собой агрессию *эмоциональную* (или враждебную) и мотивируется в большей степени желанием причинить ущерб жертве, нежели стремлением достичь каких-то других целей. Более того, я считаю, что во многих случаях (но не всегда) агрессивные действия совершаются без какого-либо серьезного обдумывания и планирования, хотя враждебные мысли и представления вполне могут сопровождать агрессивное побуждение.

Это означает, прежде всего, что нападение не является полностью обдуманным и преднамеренным действием. Мать Джулии не предполагала избить своего ребенка. Эмоционально возбужденный человек, нападая на свою жертву, обычно не думает о дальнейших последствиях, также как женщина в нашем примере не рассчитывала возможных в перспективе результатов ее поведения. Большинство совершаемых убийств по своему характеру относятся к данному виду агрессии. Как заметил один социолог, такие убийства не являются «сознательно контролируемыми действиями типа рассчитанных политических убийств или хладнокровно осуществляемых актов мести. Они совершаются быстро, в пылу аффекта и без учета последствий... Нападения совершаются стремительно, в состоянии быстро нарастающей ярости» (Katz, 1988, p. 18). Здесь описана крайняя импульсивность эмоционального действия.

Подобное импульсивное (или непроизвольное, или экспрессивное) поведение чаще всего наблюдается, когда человек находится в состоянии сильного возбуждения. Мать, избившая своего ребенка, находилась в состоянии ярости; также и большинство убийц бывают взбешенными, когда убивают свою жертву. Даже и относительно неэмоциональное и рассчитанное агрессивное поведение может иметь импульсивный экспрессивный компонент.

Другие возможные агрессивные цели

Эмоционально возбужденные, охваченные сильным желанием причинить ущерб своей жертве агрессоры могут иметь и ряд других целей, например изменение существующего положения дел, восстановление оказавшейся под угрозой «я»-концепции, достижение ощущения силы и контроля, повышение собственного социального ста-

туса и т. д.[1] Их действия могут быть мотивированы даже желанием утвердить собственные моральные ценности — сохранить то, что они считают правильным[2]. Агрессивные дети нередко утверждают, что они бьют других детей, чтобы заставить их вести себя правильно. Многие из них думают, что их жертвы намеренно нарушали те или иные предписания, также как Джулия явным образом не слушалась своей матери, и (по их словам) они бьют младших, чтобы утвердить свой авторитет и поддержать дисциплину[3].

Они могут также хотеть причинить вред

Каковы бы ни были другие цели у людей, находящихся в состоянии сильного возбуждения, но следует помнить, что они также хотят причинить ущерб своим жертвам. Они могут получить удовлетворение, утверждая свою власть или контроль в отношении жертвы или сохраняя свои ценности, но за всем этим — и в то же время сильнее всего — они стремятся причинить ущерб тому, кого атакуют.

Существует достаточно свидетельств в пользу данного положения. В главе 1 было показано, что люди, подвергавшиеся фрустрации, могут испытывать удовольствие, зная, что причиняют страдания своим обидчикам. Когда они получали такую информацию вскоре после того, как начинали атаковать, это побуждало их причинять своим прежним мучителям еще бо́льшие страдания. Дальше в этой книге читатель увидит, что разгневанные (разозленные) люди успокаиваются и могут даже совсем перестать атаковать своих обидчиков, если думают, что уже причинили им достаточно большой ущерб.

Разумеется, люди не всегда готовы признать, что они стремились или стремятся причинить вред своим жертвам. Они предпочитают маскировать свою агрессивность моральными побуждениями. Тем не менее каждый человек время от времени может отдавать себе отчет в своем желании причинить вред противной стороне. Несколько лет назад я и мои сотрудники интервьюировали в английских и шотландских тюрьмах тех заключенных, которые были осуждены за преступления, связанные с насилием. Среди прочего мы спрашивали этих людей о том, что же побуждало их к нападению на свои жертвы. Многие из преступников (свыше 40% в каждой группе) отме-

---

[1] См., например: Baron, 1977, p. 260–263.

[2] См.: Berkowitz, 1986, p. 98–99.

[3] См.: Доллард, Дуб, Миллер, Маурер и Сирс (Dollard, Doob, Miller, Mowrer & Sears, 1939, p. 20–21). В этой монографии авторы отмечают, что З. Фрейд в его ранних работах и У. Мак-Дугалл (William McDougall) связывали агрессию с предшествующими фрустрациями, хотя и считали, что другие человеческие действия в основном управляются врожденными инстинктами).

чали, что они намеренно стремились причинить ущерб своим жертвам (интересно, что в обеих группах в качестве следующего наиболее часто называемого побуждения отмечалось стремление защитить себя).

Хотя и важно понимать различие между эмоциональной и инструментальной агрессией, однако многие агрессивные действия представляют собой смесь этих двух типов поведения, а не тот или иной отдельно. Поведение измученной матери Джулии было обусловлено не только ее эмоциональным возбуждением, но и стремлением утвердить свою власть над непослушной дочерью. Аналогично, агрессивный мальчик может подраться с одноклассником отчасти потому, что был разъярен тем, что ему показалось оскорблением, но отчасти также и потому, что надеялся тем самым достичь среди сверстников высокого статуса, показав себя «крутым парнем». Здесь я хотел бы добиться полной ясности в понимании моей позиции: также как было бы ошибочным считать, что любая эмоциональная агрессия является единственно следствием слепой ярости, точно также мы проигнорировали бы важный аспект этого поведения, если бы полагали, что оно продиктовано только лишь стремлением к достижению тех или иных внешних целей, таких, как власть или статус.

Несмотря на то что агрессивные действия служат достижению самых разных целей и зависят от множества факторов, в главах 2 и 3 я буду преимущественно заниматься анализом поведения, которое в основном нацелено на причинение вреда другим людям. При этом я сосредоточусь на обсуждении факторов, влияющих на импульсивную (или экспрессивную) агрессию, которая осуществляется без какого-либо предшествующего расчета, обдумывания, планирования, то есть непреднамеренно, и от которой не ожидается никакого существенного выигрыша (выгоды), кроме удовольствия причинить ущерб другому лицу. Большая часть этого обсуждения будет посвящена условиям проявления эмоциональной агрессии. В главе 2 будет подробно рассмотрена классическая идея о том, что эмоциональная агрессия в основном инициируется фрустрацией. В главе 3 представлена модификация этой концепции, в свете которой доказывается, что негативный аффект продуцирует агрессивные тенденции (но не обязательно реальные атаки). В этой же главе будет продемонстрировано, что импульсивный аспект эмоциональной агрессии может подвергаться влиянию определенных ситуационных стимулов. Говоря другими словами, основное внимание будет уделено относительно непредумышленной агрессии. В определенном смысле это наша основная линия: необходимо выяснить, на что люди способны, когда они эмоционально возбуждены и не думают ни о причинах своего возбуждения, ни о том, как им следует реагировать.

Все сказанное не означает, конечно, что мышление мало влияет на эмоциональное поведение. Возбужденные люди, очевидно, оказываются под влиянием того, что они считают причиной своего возбуждения, и даже того, как они его интерпретируют. Поэтому в главе 4 будет обсуждаться влияние мыслей, интерпретаций и целей (намерений) на реакции людей, подвергшихся фрустрирующим воздействиям. Я попытаюсь также соотнести мой анализ с современными психологическими теориями эмоций и представлю краткий обзор новейших теоретических подходов в этой области, прежде чем излагать мою собственную концепцию развития и действия реакции гнева.

И последнее необходимое уточнение. То, что я сосредоточился на исследованиях эмоциональной агрессии, не предполагает, разумеется, что инструментальная агрессия является не столь значимой или малораспространенной. Ясно, что люди часто совершают агрессивные действия для того, чтобы получить те или иные выгоды, и в своей книге я буду часто обсуждать этот тип поведения. Тем не менее психологи и специалисты в области психического здоровья, на мой взгляд, до сих пор не уделяли эмоциональной агрессии достаточного внимания. Я попытаюсь исправить эту диспропорцию.

Глава 2

СЛЕДСТВИЯ ФРУСТРАЦИЙ

Гипотеза «фрустрация — агрессия». Определение и основные положения. Применение концепции «фрустрация — агрессия». Все ли виды фрустрации порождают агрессию? Даже непреднамеренная фрустрация может привести к агрессии. Некоторые условия, повышающие вероятность агрессивных реакций на фрустрацию. Пересмотр концепции «фрустрация — агрессия». Влияние атрибуции на интенсивность недовольства. Сравнимы ли фрустрации и оскорбления.

Самая распространенная в современной науке теория агрессии утверждает, что люди становятся агрессивными, когда они подвергаются фрустрациям, то есть когда они не в состоянии достичь своих целей или не получают ожидаемых вознаграждений. Приведенный нами пример жестокого обращения матери со своим ребенком, с точки зрения этой теории, объясняется блокированием ряда потребностей и вызванными этим фрустрациями: отсутствием нормальных жилищных условий и материальных благ, которые она ожидала и надеялась иметь, невозможностью уединения и требованиями ее хозяйки, непослушанием дочери и всеми другими вещами, связанными с несбывшимися надеждами.

Эта теория заслуживает самого пристального внимания: ведь за свою историю она вдохновила сотни и сотни исследований, а главное, она и до сих пор настолько распространена, что ее влияние на научную общественность трудно переоценить. Сначала я изложу наиболее хорошо известные и точные положения этой теории, а затем представлю ее модификацию.

ГИПОТЕЗА «ФРУСТРАЦИЯ — АГРЕССИЯ», 1939

Хотя некоторые авторы еще на заре научной психологии отмечали, что фрустрации часто вызывают агрессивные реакции, наиболее известными сторонниками этой общепризнанной идеи стали психологи из Йельского университета, которых возглавили Доллард, Миллер, Дуб, Маурер и Сирс (John Dollard, Neal Miller, Leonard Doob, O. H. Mowrer, Robert Sears). В ставшей уже классической монографии «Фрустрация и агрессия» (*Frustration and Aggres*

sion), впервые опубликованной в 1939 году, они дали точное определение термина «фрустрация» и выделили ряд факторов, влияющих, с их точки зрения, на интенсивность возникающего агрессивного поведения.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Что такое фрустрация? Подобно «агрессии» слово «фрустрация» имеет множество различных значений. Даже среди психологов нет единого мнения по поводу того, что такое фрустрация; некоторые из них, говоря о фрустрации, имеют в виду *внешний барьер*, препятствующий достижению цели, в то время как другие обозначают этим термином *внутреннюю эмоциональную реакцию*, обусловленную тем или иным ограничением или препятствием на пути к цели (так, мы говорим, что «чувствуем себя фрустрированными»). Доллард и его сотрудники употребляли этот термин в первом из указанных значений. Можно сказать, что они описывали *фрустрацию* как внешнее условие, препятствующее индивиду в получении ожидаемых им удовольствий[1].

С этой точки зрения фрустрацию не следует приравнивать к простому отсутствию вознаграждения. Желаемый результат должен ожидаться. Ограничения не обязательно должны быть фрустрациями. Бедность, конечно же, лишает людей многих радостей жизни, но если мы принимаем определение Долларда и его сотрудников, то должны признать, что материальные лишения фрустрируют лишь настолько, насколько не позволяют бедному человеку иметь то, что он хотел и надеялся иметь. Строго говоря, нельзя фрустрировать тех, кому не на что надеяться. Французский социолог и политический деятель Алексис Токвиль (Alexis de Tocqueville, 1805–1859) в своей знаменитой книге «О демократии в Америке» (в русском переводе вышла в 1897 году) выражал, по сути, ту же самую идею фрустрации, когда утверждал, что ослабление тирании фактически может вести к политической смуте. Граждане страны могут «терпеливо сносить» гнет и несправедливость до тех пор, пока не дойдет до того, что «никакое улучшение положения не представляется возможным». Однако, замечает Токвиль, как только в умах появляется хотя бы проблеск осознания возможности облегчить страдания, то далее угнетение становится непереносимым. В то время как раньше граждане были только апатичными, теперь, с появлением надежды, они

---

[1] Фрустрация — «вмешательство в осуществление направленного на цель действия в соответствующее время в последовательности поведенческих актов» (Dollard and others, 1939, p. 7).

становятся активно негодующими[1]. С этой точки зрения легко объяснимы, например, выступления протестующих китайских студентов в мае — июне 1989 года. Проведенная правительством экономическая либерализация и внедрение западных технологий пробудили у молодежи надежду и на политическую либерализацию. Политический гнет, который раньше они терпели молча, стал злом, теперь уже неприемлемым.

Соотношение «фрустрация — агрессия». Доллард и его коллеги полагали, что любое агрессивное действие детерминировано предшествующей фрустрацией. Однако, как я уже отмечал в нескольких более ранних работах (см.: Berkowitz, 1989), эта концепция оказалась слишком размытой и не позволяла дифференцировать такие важные понятия, как эмоциональная и инструментальная агрессия. Инструментальная агрессия, также как и другие инструментальные действия, может быть результатом научения. В этом случае человек наблюдает за другими людьми, которым приносят выгоду их агрессивные действия, усваивает такое поведение, и теперь уже его собственные агрессивные действия совсем не обязательно должны порождаться предшествующими фрустрациями. По-видимому, было бы лучше ограничить соотношение «фрустрация — агрессия», говоря, что *барьер на пути к достижению цели генерирует стимуляцию эмоциональной агрессии* — тенденцию причинить вред другому лицу, и это становится самоцелью.

Сформулировав свой основной постулат, теоретики из Йельского университета обратились затем к факторам, могущим влиять на интенсивность порождаемого фрустрацией агрессивного побуждения. Я коротко изложу результаты проведенного анализа, и затем мы посмотрим, сколь эффективно их можно применить к ситуации, знакомой большинству из нас.

Вновь переформулировав оригинальную терминологию, можно сказать, что для Долларда и его сотрудников сила порождаемой фрустрацией стимуляции к агрессии прямо пропорциональна степени удовлетворения, которое фрустрированный индивид предвосхищал и не получил. Они доказывают, что люди, неожиданно столкнувшиеся с препятствием на пути к цели, тем более склонны

---

[1] Классическая версия (1939) концепции «фрустрация — агрессия» предполагает, что если ограничения (депривации) не блокируют достижение желаемой цели, то они и не провоцируют агрессию. В отличие от этого я утверждаю, что ограничения или депривации будут генерировать агрессивные побуждения в той степени, в какой они вызывают неприятные переживания. Однако поскольку крушение надежды обычно переживается значительно интенсивнее как негативный аффект, нежели просто отсутствие надежды вообще, большинство фрустраций будет, вероятно, продуцировать более сильную стимуляцию к агрессии, чем многие ограничения или депривации.

причинять ущерб кому-то другому, чем интенсивнее предвкушавшееся удовольствие, чем полнее ограничения (препятствия) в получении каких угодно удовольствий и чем чаще блокируются попытки достижения целей.

Открытая агрессия не является неизбежной: альтернативные реакции на фрустрацию. Доллард и его коллеги понимали, разумеется, что не всякая фрустрация ведет к агрессии. В своей первой монографии они объясняли неагрессивные реакции в основном либо слишком слабым побуждением к агрессии, либо подавлением агрессивного драйва, вызванным угрозой наказания. Очевидно, что мы будем сдерживаться и не начнем атаковать кого-либо, если полагаем, что наши агрессивные действия доставят нам серьезные неприятности. Однако существует по крайней мере еще одна причина, по которой агрессия может открыто не проявляться. Два года спустя после опубликования упомянутой монографии Нил Миллер указал еще на один фактор, который может влиять на вероятность агрессивной реакции. Этот фактор связан с тем, сформированы или нет у индивида другие способы реагирования на фрустрации. В опубликованной в 1941 году статье Миллер утверждает, что фрустрации возбуждают целый ряд различных тенденций, из которых лишь одна «запускает» агрессивное поведение (Miller, 1941). Индивид, стремление к цели которого блокируется, может одновременно иметь различные желания, пусть и не одинаковой интенсивности, например хотеть избежать неприятной ситуации, преодолеть какие-то трудности, сформировать альтернативные цели и атаковать препятствие. Эти неагрессивные тенденции могут быть более сильными, нежели агрессивное побуждение, и таким образом маскировать агрессивную тенденцию. Однако, считает Миллер, если фрустрация постоянная, то альтернативные тенденции будут ослабевать, а агрессивные в то же время усиливаться и, следовательно, вероятность открытой агрессии будет повышаться.

Хотя Миллер и не сформулировал этого прямо, но его модификация, очевидно, предполагает, что люди могут научиться неагрессивным способам реагирования на фрустрации, — и это, разумеется, верно. Например, опыт нашего детства может научить нас тому, что в тех ситуациях, когда мы сталкиваемся с препятствиями на пути к цели, выгоднее реагировать конструктивно. В дальнейшем мы можем применить результаты этого нашего научения в ситуациях, когда мы подвергаемся фрустрации, то есть мы можем попытаться преодолеть препятствие, действуя рационально и контролируя свои эмоции. С другой стороны, с возрастом мы можем научиться тому, что часто можно получить желаемое, атакуя тех, кто нас фрустрирует. Как следствие, люди с большой готовностью могут реагировать агрессивно, когда их ожидания не оправдываются. Даже вознаграждения, ко-

торые они получают за неагрессивное поведение, в общем, могут повлиять на то, как они действуют, когда их надежды рушатся. Обычно дети, которые получали вознаграждения за неагрессивное поведение, проявляют относительно менее выраженную склонность атаковать других, когда не могут получить то, что им хочется (см.: Davitz, 1952).

Все сказанное не означает, однако, что идея «фрустрация – агрессия» не отражает действительности. Научение и опыт могут повысить или понизить вероятность того, что блокирование достижения цели приведет к открытой агрессии, но всегда остаются некоторые шансы на то, что фрустрация вызовет стимуляцию агрессии.

ПРИМЕНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ФРУСТРАЦИЯ — АГРЕССИЯ»

Теперь я применю результаты проведенного анализа к ситуации, знакомой большинству из нас, — футбольной игре — и попытаюсь показать, что многие вещи, кажущиеся не соответствующими данной теории, могут, однако, быть вполне объяснимы именно с ее точки зрения.

Во время любого осеннего уик-энда миллионы американцев наблюдают, как две команды молодых людей подвергаются серии фрустраций. Они видят, как игроки противоборствующих команд толкают, блокируют, наносят удары друг другу. Одна команда стремится силой и напором переиграть другую, а их соперники с таким же упорством и решимостью стараются не допустить этого. Представим себе — нападающий делает пас. Игрок мчится по полю, резко сворачивает в сторону (обходя защитника) и перехватывает отпасованный ему мяч, демонстрируя великолепное спортивное мастерство. Но увы, завладев мячом, он не успевает пробежать и десятка метров в сторону ворот противника. Неожиданно появившийся игрок чужой команды, сбив его с ног, отнимает мяч. Фрустрирован ли игрок такой неудачей? Он пробежал с мячом всего лишь несколько метров, даже не успев приблизиться к воротам на подходящее для броска расстояние. Что же, однако, делает поднявшийся на ноги игрок? Нападает ли он на того, кто сбил его с ног, отобрав мяч, кричит ли на него в ярости? Нет, как подтвердит большинство телезрителей, по всей вероятности, он дружески хлопнет противника по спине или по плечу и спокойно присоединится к своей команде.

Это обыденное происшествие, пожалуй, может служить достаточно хорошим подтверждением валидности теории «фрустрация — агрессия». Почему игроки не становятся все более агрессивными по мере продолжения игры, вновь и вновь сталкиваясь с препятствиями на пути к цели? Как я покажу дальше, соперничество может генерировать стимуляцию агрессии. Однако, вместо того чтобы становиться

все более и более агрессивными, соперники демонстрируют по отношению друг к другу на удивление мало враждебности. Конечно, игроки могли подавлять свои агрессивные тенденции по причине угрозы наказания за «неспортивное поведение», или они могли научиться другим, неагрессивным способам реагировать на фрустрации. Тем не менее в большинстве матчей можно обнаружить лишь очень мало свидетельств того, что у игроков имеются агрессивные желания.

Единственным объяснением неагрессивности игроков может быть только то, что они не были фрустрированы. Как упоминалось ранее, мы не можем сказать, что люди фрустрированы, до тех пор пока они не почувствуют возможности достижения своих целей. Быть может, игрок, завладевший мячом в нашем гипотетическом примере, надеялся его получить, но не особенно рассчитывал на то, что сумеет пробежать с ним большое расстояние. В этих обстоятельствах он не только не был фрустрирован тем, что не смог забить гол, но даже испытал удовлетворение от того, что ему удалось хотя бы получить мяч.

Таким образом, было бы удивительно, если бы кто-то из игроков по ходу матча оказался сильно фрустрирован. Вспомним, что интенсивность агрессивного побуждения, вызванного блокированием достижения цели, теоретически прямо пропорциональна степени ожидавшегося удовлетворения. Это предвосхищаемое чувство удовлетворения должно увеличиваться по мере приближения к цели. Как теория, так и результаты исследований говорят нам, что обычно мы не так уж много думаем о радости, которую испытаем, достигнув своей цели, пока она еще достаточно далека, но по мере приближения к ней начинаем предвосхищать возможные удовольствия. Применив эти рассуждения к футбольной игре, мы увидим, что игроки в начале матча, скорее всего, и не думают о радости победы, а как следствие, не могут быть существенно фрустрированы действиями соперников. По всей вероятности, они будут значительно более агрессивно возбужденными, если потерпят поражение в последние секунды матча, после того как до этого момента вели в счете, когда они уже предвосхищали радость победы, но их надежды внезапно рухнули.

ВСЕ ЛИ ВИДЫ ФРУСТРАЦИИ ПОРОЖДАЮТ АГРЕССИЮ?

Я показал, как можно было бы объяснить, с точки зрения теории Долларда и его коллег, относительное отсутствие вспышек насильственной агрессии на футбольном поле. Однако сводится ли все только к этому? Не существуют ли другие причины, в силу которых футболисты не проявляют выраженной агрессии, порождаемой фрустрациями?

Со стороны ряда социальных ученых вскоре после опубликования монографии Долларда и его сотрудников последовали крити-

ческие выступления по поводу концепции «фрустрация – агрессия»[1]. В этих выступлениях постоянно возникал следующий вопрос: все ли виды фрустрации продуцируют агрессивные тенденции? Мы становимся агрессивными, так полагали эти критики, не просто оттого, что нам препятствуют в достижении наших целей. Мы ведем себя агрессивно только лишь тогда, когда считаем, что с нами поступили несправедливо или незаконно, либо расцениваем действия других как направленные лично против нас.

Только произвольные (незаконные) фрустрации

Николас Пасторе изучал этот вопрос в исследовании, которое получило широкую известность в научных кругах (Pastore, 1952). Испытуемые – студенты колледжа знакомились с описаниями десяти фрустрирующих ситуаций. Затем их просили представить себя в каждой из этих ситуаций и рассказать, как бы они реагировали. В одном случае описания представляли «произвольные» (намеренные) фрустрации, например: «вы ждете автобус, а водитель намеренно проезжает мимо вас», в другом же описывались десять ненамеренных фрустрирующих ситуаций, в том числе и вариант инцидента с автобусом: «вы ждете автобус на остановке, а он проезжает мимо вас, направляясь в гараж». Как и следовало ожидать, студенты отвечали, что они с гораздо большей вероятностью разозлились бы и реагировали агрессивно в ситуациях «произвольной», то есть намеренной фрустрации.

Можно было бы критически оценить некоторые аспекты исследования Н. Пасторе, включая валидность ответов испытуемых; им, скажем, не хотелось признаваться, что они чувствовали бы себя фрустрированными в случае, если действия других людей явно оправданны или законны[2]. И тем не менее не приходится сомневаться в том, что люди испытывают более сильные фрустрации, если они рассматривают действия других людей, создающие препятствия на их пути к цели, как несправедливые (или «произвольные», или незаконные)[3]. По поводу примера с футбольным матчем критики могут сказать, что игроки не проявляют значительной агрессии, потому что они рассматривают переживаемые во время игры фрустрации как

---

[1] Например, см. результаты симпозиума по концепции «фрустрация – агрессия», опубликованные в: *Psychological Review*, 1941.

[2] Убедительные данные по этому вопросу были получены в версии исследования Пасторе, проведенной Коэном (1955).

[3] Список некоторых экспериментальных данных, подтверждающих это различие, см. в: Berkowitz (1989).

совершенно законные. Они знают, что их противники всего лишь следуют правилам, когда пытаются помешать им забить гол. Игроки могли бы, однако, прийти в ярость, если бы увидели, что противная сторона нарушает правила и ведет «грязную игру».

❐ **«Произвольные» (намеренные) фрустрации как нарушения ожиданий.** Пасторе попытался ограничить рамки гипотезы «фрустрация — агрессия», утверждая, что только произвольные фрустрирующие действия, которые идут вразрез с принятыми людьми правилами поведения, продуцируют (генерируют) агрессивные тенденции. Однако явная произвольность фрустрации может быть вполне объяснимой в терминах оригинальных формулировок Долларда и его сотрудников (1939) и, таким образом, никак не ограничивает проведенного ими анализа. Почти на 30 лет раньше Долларда Джон Кригерман и Филип Уорчел указывали, что произвольно создаваемые помехи на пути к цели обычно бывают неожиданными (Kregarman & Worchel, 1961). Если мы на остановке ждем автобус и видим, как он «произвольно» проходит мимо, это не может не вызвать нашего удивления как явное нарушение правил. Не объясняется ли, по крайней мере частично, наше сильное возмущение в подобных случаях тем, что нелегитимное препятствие на пути к желаемой цели оказывается неожиданным?

❐ **Невозможность получить желаемые удовольствия как детерминанта агрессии.** Согласно нашим рассуждениям, когда люди рассчитывают достичь определенной цели или получить некоторое вознаграждение, обычно они предвосхищают удовольствия, связанные с этой целью или вознаграждением. И чем больше ожидаемое удовольствие, тем сильнее они будут фрустрированы, если надежды рушатся. Подтверждением нашего анализа может служить интересный эксперимент С. Уорчела, который показывает, что фрустрации возбуждают наиболее сильные агрессивные тенденции, когда 1) полученный результат значительно менее привлекателен сравнительно с ожидавшимся и 2) субъект предвосхищал удовольствия, связанные с достижением желаемого результата (Worchel, 1974).

В этом исследовании молодые люди, студенты университета, имели основания надеяться, что за участие в эксперименте они получат одно из трех возможных вознаграждений: определенное количество зачетных баллов, флакон одеколона или пять долларов наличными. Сначала испытуемые оценивали, насколько эти вознаграждения для них привлекательны. Затем экспериментатор варьировал степень предвосхищения испытуемыми удовольствия от получения вознаграждения. Одной трети испытуемых было предложено представлять себе удовольствие, которое они будут испытывать, получив данное конкретное вознаграждение (назовем их группой с высоким уровнем предвосхищения удовольствия).

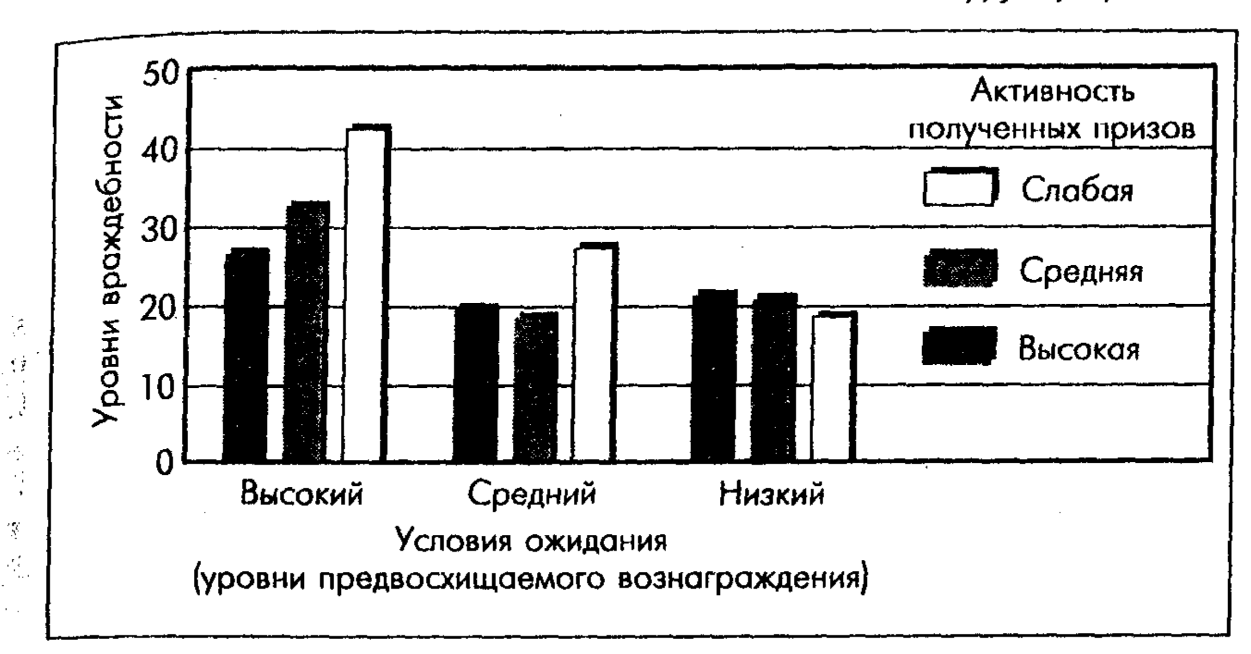


Рис. 2-1. Враждебность к распределявшему призы (индексированная на основании оценок испытуемыми проведения им эксперимента) как функция ожидаемого вознаграждения

Другой трети было сказано, что они получат то вознаграждение, которое ими было оценено как наиболее привлекательное, но никак не побуждали думать о вознаграждении (группа с умеренной степенью предвосхищения вознаграждения). Остальных испытуемых просто информировали, что помощник экспериментатора выдаст им одно из трех возможных вознаграждений, не уточняя, какое именно (группа без предвосхищения вознаграждения).

Установив эти различия в степени предвосхищения, экспериментатор затем вызывал у испытуемых разочарования разного уровня. Испытуемые выполняли ряд задач, и затем помощник экспериментатора «рассчитывался» с ними, выдавая каждому одно из вознаграждений. В каждой из групп одна треть испытуемых получала вознаграждение, оцененное ими как наиболее привлекательное, другая треть — второе по степени привлекательности, а остальным было выдано вознаграждение, оцененное ими ранее как наименее привлекательное. Исследователь определил враждебность испытуемых, попросив их оценить, насколько хорошо его помощник провел эксперимент. На рис. 2-1 приведены результаты.

На графике хорошо видно — и это согласуется с нашим анализом, — что чем менее привлекательным для испытуемых было вознаграждение, тем более враждебно они оказались настроены по отношению к человеку, выдававшему вознаграждение, но особенно сильно это выражалось, когда участники эксперимента предвосхищали удовольствие от получения предпочитаемого ими вознаграждения. Чем больше было расхождение между тем, чего они желали, и тем, что получили, тем сильнее была возникающая при этом враждебность.

Эти результаты проливают свет на важный феномен: невозможность получить предвосхищаемое удовлетворение может генерировать побуждение к агрессии. Я убежден, что мы можем наблюдать подобный тип реагирования во многих сферах жизни, и думаю, что с ним связаны многие случаи нарушения общественного спокойствия и даже революции, которые происходят, когда быстро нарастающие ожидания не получают реализации. В силу социальной значимости данного феномена несколько позже я вернусь к более подробному обсуждению нереализующихся ожиданий. Здесь же я хотел бы высказать некоторые возражения по поводу классической гипотезы «фрустрация — агрессия».

Фрустрации, приписываемые намеренно плохому поведению другого лица

Большинство возражений, выдвигаемых в настоящее время против концепции Долларда и его сотрудников, сводится к тому, что фрустрация, для того чтобы она могла породить агрессию, должна быть атрибутирована намеренно плохому поведению кого-то другого. Суть этого аргумента состоит в том, что мы не будем возмущаться, негодовать, злиться из-за невозможности достичь цель, если мы не считаем, что фрустрирующий нас человек стремился намеренно и несправедливо создавать нам препятствия на пути к цели. Если бегущего футболиста толкает противник и он падает, не успев завладеть посланным ему мячом, он, вероятно, не будет проявлять агрессию, если считает, что толчок был нечаянным, но будет фрустрирован, если подумает, что его толкнули намеренно. Поскольку такая аргументация представляется вполне убедительной и широко распространена, позвольте рассмотреть ее несколько внимательнее.

❐ **Атрибуция фрустрации.** Согласно этой альтернативной интерпретации, *атрибуции* людей, то есть то, как они рассматривают препятствия на пути к цели, определяют их реакции на фрустрацию. На языке *теории атрибуции*, который используется многими социальными психологами, можно сказать, что фрустрированный индивид (в моем примере футболист, которому был отпасован мяч), вероятно, будет разозлен на того, кто препятствует достижению его цели (защитник другой команды), только в том случае, если он припишет действиям этого человека определенные характеристики, а именно: действия должны рассматриваться как *внутренне* детерминированные (то есть обусловленные, например, мотивацией или особенностями личности фрустратора скорее, нежели внешним ситуационным давлением), *контролируемые* (то есть фрустратор намеренно совершает действия или, по крайней мере, мог не совершать их, если бы

захотел) и *неправильные* (то есть нарушающие общепринятые правила поведения)[1] (теорию атрибуции я буду обсуждать в главе 4).

Неудивительно, что намеренные фрустрирующие действия порождают агрессивные реакции. Ведь если нас попросят припомнить случай, когда нам приходилось испытывать чувство гнева, то мы скорее всего вспомним эпизоды, когда кто-то намеренно поступал с нами нехорошо или несправедливо. Эверилл сообщает результаты исследования, которые демонстрируют как раз подобный эффект. Он просил участников исследования (студентов университета) ответить на ряд вопросов относительно того, что вызвало «наиболее интенсивное состояние гнева», которое им пришлось испытать в течение предшествующей недели. По словам Эверилла,

> ***«подавляющее большинство испытуемых сообщали, что это был либо произвольный (намеренный) и несправедливый инцидент — 51%, либо такой, которого можно было не допустить — 31%. Относительно немногие указывали, что причинами гнева явились события, которые они считали намеренными, но оправданными — 11%, либо неизбежными — 7%» (Averill, 1982, p. 171).***

Оценивая фрустрирующее событие как «произвольное» (намеренное) или такое, которого «в принципе можно было избежать», эти люди в основном говорили, что, по их мнению, случившееся было следствием тех или иных внутренних характеристик лица, на которое они возлагали ответственность (например, его намерения), и что они считали этого человека контролирующим свои действия. Кроме того, в большинстве случаев провоцирующее их гнев поведение другого человека рассматривалось как несправедливое, нарушающее общепринятые правила поведения.

Почему атрибуции могут влиять на агрессивные реакции

❐ **Агрессивные тенденции, вызванные ограничениями.** Более подробно я буду рассматривать этот вопрос в главе 4. А здесь хотел бы только обратить внимание на некоторые причины, из-за которых атрибуции часто ведут к интенсивным агрессивным реакциям. Во-первых, как я указывал при рассмотрении произвольных (намеренных) и неоправданных (нелегитимных) фрустраций, многие из нас способны переносить те или иные ограничения (фрустрирующие ситуации), если мы приписываем их случайным причинам и не считаем направленными против нас лично. В моем гипотетическом примере с футбольной игрой игрок, которому был отпасован мяч, мог бы считать социально недопустимым реагировать гневом на случайное событие. В результате он может удержаться от нападения на против-

---

[1] См.: Weiner (1985); Weiner, Graham & Chandler (1982).

ника и даже отрицать свой гнев, если думает, что действия защитника из другой команды не были намеренными.

В эксперименте Э. Бернштейна и Ф. Уорчела, проведенном лет тридцать с лишним назад, был продемонстрирован эффект подобного вида подавления агрессии.

Исследователи собрали группу молодых людей — студентов университета и попросили выработать общее решение поставленной перед ними проблемы. В каждой из двух фрустрирующих ситуаций оказывалось, что группа не может решить задачу в отведенное время, потому что один из ее членов (на самом деле помощник экспериментатора) задерживал принятие решения, постоянно задавая всевозможные вопросы. В ситуации *ненамеренной фрустрации* члены группы видели, что у этого субъекта была приемлемая причина, оправдывающая его поведение (он носил слуховой аппарат из-за дефектов слуха), в то время как в ситуации *произвольной (намеренной) фрустрации* подобной ясной и приемлемой причины поведения помощника экспериментатора не было. Затем экспериментаторы определяли отношение членов группы к «подсадной утке».

Важнее всего для нас здесь то, что наивным участникам исследования разрешалось отвергать одного из членов группы и отстранять его от участия в дальнейшей работе. Испытуемые, оказавшиеся в намеренно фрустрирующей ситуации, которые фрустрировались необъяснимыми для них вмешательствами подставного лица, единодушно и публично потребовали исключить его из состава участников работы. В случае, если испытуемым казалось, что у него были достаточные основания для постоянного задавания вопросов, то есть в ситуации ненамеренной фрустрации, помощника экспериментатора не прогоняли. Тем не менее и в этом случае испытуемые высказывали неблагоприятные оценки в адрес «подсадной утки», но только если думали, что эти оценки не будут известны остальным членам группы. Очевидно, внутренне они были настроены к нему крайне враждебно, но не хотели открыто проявлять свое отношение (Burnstein & Worchel, 1962).

❑ **Интерпретация фрустрации как атаки против личности.** Атрибуции несомненно оказывают большее влияние, чем механизмы подавления агрессии. Не следует ли в таком случае полагать, что предположительно намеренные и контролируемые действия фрустратора будут рассматриваться как личная атака? Если так, то невозможность получить желаемое может быть особенно неприятной. При этом фрустрированный человек не только не получает то, на что рассчитывал и что хотел получить, но, кроме того, ему может быть особенно мучительна мысль о личной неприязни фрустратора. Возникающее при этом сильное состояние неудовлетворенности может генерировать весьма интенсивные агрессивные тенденции, как будет показано в главе 3.

ДАЖЕ НЕПРЕДНАМЕРЕННАЯ ФРУСТРАЦИЯ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К АГРЕССИИ

Здесь я хотел бы подчеркнуть следующее: хотя представления людей о причинах их фрустраций могут влиять на вероятность того, что они будут открыто атаковать кого-то, они могут вести себя агрессивно и тогда, когда блокирование их стремления к цели было ненамеренным или оправданным (легитимным). Агрессивные побуждения не всегда бывают явными, и кроме того, иногда даже социально адекватные фрустрации порождают агрессивные тенденции.

Наблюдения в естественных условиях

Исследования, проводимые в естественных условиях, за пределами лаборатории, подтверждают агрессивные реакции людей на фрустрации. В качестве примера вспомним, что в приводимом выше исследовании Эверилла 11% участников сообщали о том, что переживали состояние гнева, будучи фрустрированы намеренным, хотя и социально адекватным поведением других людей, а еще 7% участников признавались, что причинами их гнева были фрустрации, вызванные инцидентами, которых нельзя было избежать. Эти люди не считали, что с ними обошлись дурно или несправедливо, и все же они реагировали гневом, когда им препятствовали в достижении целей. Если бы участники исследования могли совершенно искренне признаться в том, что переживали подобные эмоциональные реакции, то эти цифры были бы гораздо больше.

❐ **Соперничество.** Как дело обстоит с соперничеством? Порождает ли соперничество из-за скудных ресурсов агрессивные тенденции, как следовало бы ожидать исходя из концепции «фрустрация — агрессия»? Я уже отмечал, что ситуации соперничества могут рассматриваться как фрустрации. В конце концов, соперничающие понимают, что противники могут лишить их вознаграждения (или тех или иных позитивных результатов), и эта предвосхищаемая фрустрация может стимулировать агрессивные тенденции. Следовательно, во многих ситуациях конкуренции соперники будут активно мешать друг другу в достижении целей, что опять-таки будет порождать все новые и новые фрустрации.

Существует противоположная позиция в отношении соперничества, а именно точка зрения, согласно которой соперничество может быть благотворным. Психодинамически ориентированные теоретики, а также ряд других авторов утверждают, что человеческая личность — это резервуар накапливающейся энергии, и поэтому они считают, что мы можем получать разрядку суммирующихся агрессивных побуждений в борьбе с нашими соперниками в легитимных видах соперничества. Так, например, много лет назад знаменитый

3 Зак. 3973

психиатр В. Меннингер утверждал, что спортивные игры могут снимать напряжение, создаваемое «инстинктивными» агрессивными импульсами. Эта разрядка агрессии может достигаться, по мнению Меннингера, не только при занятиях активными видами спорта, но даже и в «сидячих интеллектуальных состязаниях», таких, например, как шахматы (Menninger, 1942).

Хотя этот взгляд на соперничество широко распространен, исследования многократно показывали, что соперничество скорее продуцирует враждебность, нежели способствует установлению дружественных отношений. Более того, антагонизм может возникать, даже если соперничество вполне легитимно и реализуется без каких-либо нарушений установленных правил поведения.

Это хорошо подтверждают результаты широко известного эксперимента М. и К. Шериф (Sherif & Sherif, 1953).

Исследование, проведенное в бойскаутском лагере с благополучными подростками из семей, относящихся к среднему классу, проходило через три фазы. Во время первой фазы, которая длилась три дня, были организованы различные виды активных занятий, так что исследователи смогли установить, кто из мальчиков с кем дружит. Затем эти дружеские отношения были намеренно разрушены во второй фазе, которая длилась пять дней. Подростки были разделены на две группы таким образом, что в каждой из них оказались мальчики, не питавшие друг к другу особых симпатий. Две вновь образованные группы (Орлы и Гремучие Змеи) во второй фазе были изолированы друг от друга так, что в каждой из них формировались довольно тесные связи. Во время последней фазы эксперимента была организована серия спортивных игр, в которых Орлы и Гремучие Змеи соревновались за получение привлекательных призов. В условиях подобного соперничества мальчики не восстановили прежних дружеских отношений; вместо этого они демонстрировали явно враждебные отношения к членам соперничающей группы. Начались взаимные оскорбления, а затем, по мере продолжения состязаний (и повторяющихся фрустраций), соперничество временами стало переходить в открытую агрессию. Члены противостоящих групп бросали друг в друга куски еды в столовой, совершали набеги на бараки, и дело доходило даже до кулаков. Агрессия вскоре достигла такой интенсивности, что исследователи постарались восстановить мир посредством фейерверков, показа кинофильмов и даже организациии «братского» обеда. Все это, однако, не дало желаемых результатов. Две группы воспользовались общим обедом как возможностью объявить «войну» друг другу. Соперничество со всей очевидностью привело к враждебности и агрессии. Вражда перечеркнула возникшую вначале дружбу.

Из описанного эксперимента не следует делать вывод о том, что подобным образом можно воздействовать только на детей и/или что порожденная соперничеством агрессия возможна только в случаях игрового поведения. Даже взрослые могут стать серьезно антагонистичными по отношению к тем, с кем они вынуждены соперни-

чать из-за скудных ресурсов. В подобных обстоятельствах не только мужчины, но и женщины могут стать агрессивными в отношении соперников. Например, женщины Замбии часто демонстрируют агрессивное поведение по отношению друг к другу, когда соперничают из-за внимания мужчин (Schuster, 1983).

Экспериментальные данные

❒ **Лабораторные исследования соперничества.** Значительное число лабораторных исследований также подтверждает негативные следствия соперничества. Я приведу здесь обзор результатов этих исследований, два из которых представляют особенный интерес.

В одном из них Уорчел, Андреоли и Фольгер (Worchel, Andreoli & Folger, 1977) создали тщательно контролируемый лабораторный аналог полевого эксперимента М. и К. Шериф и получили в принципе сходные результаты. В той фазе этого исследования, которая представляет для нас особенный интерес, в группе испытуемых — студентов университета обоего пола — сформировалась враждебная установка к другой группе просто потому, что они считали, что те с ними соперничают.

В другом эксперименте было показано, что результаты конкуренции могут влиять на интенсивность активированных соперничеством агрессивных тенденций. В этом исследовании учащиеся первого класса играли попарно в разные игры, часть из которых была связана с соперничеством, другая — нет. В играх, связанных с соперничеством, экспериментатор манипулировал результатами таким образом, что в каждой паре один из участников выигрывал в большинстве случаев, а другой, соответственно, большей частью проигрывал. Затем пары были разделены и каждый ребенок играл с игрушками, в то время как наблюдатели фиксировали их действия.

Дети, которые вначале играли в игры, связанные с соперничеством, демонстрировали в своих одиночных играх значительно больше агрессивности, нежели дети, которые играли в игры, не связанные с соперничеством. Разумеется, те дети, которые проигрывали в большей части игр, проявляли больше агрессивности, но даже и чаще выигрывавшие были несколько более склонны к агрессивности по сравнению с теми детьми, которые не были вовлечены в соперничество. Соперничество явно активировало у детей агрессивные тенденции, и более того, мы вновь видим, что это произошло даже при том, что соперничество с виду было справедливым и принятые правила не нарушались (Nelson, Gelfand & Hartmann, 1969).

❒ **Повышение настроения, а не «разрядка» энергии.** Если существует так много свидетельств, подтверждающих, что соперничество усиливает агрессию (хотя в некоторых других исследованиях получены иные результаты), читатель вправе спросить, почему многие люди считают, что конкуренция может редуцировать агрессивные побуж-

дения. Главной причиной подобного суждения, на мой взгляд, является то, что мы ошибочно приписываем улучшение настроения разрядке агрессивной энергии. На самом же деле мы, вероятно, испытываем эмоциональный подъем оттого, что 1) мы получили удовольствие от соперничества (может быть, потому, что выигрывали) и 2) мы были так вовлечены в соревнование, что перестали думать о тех вещах, которые нас фрустрировали, и, следовательно, перестали из-за них волноваться. В любом случае агрессивные тенденции более не активизировались.

Важно иметь в виду эти возможности. Они свидетельствуют о том, что наше побуждение к агрессии может быть редуцировано, когда наше настроение улучшается и когда мы перестаем «пережевывать» в мыслях обиды или несправедливости, которые, как мы считаем, были допущены по отношению к нам. Я еще буду говорить об этом подробнее в части 4, при обсуждении контролирования агрессии.

❑ **Реакции гнева на депривации у детей.** Другого рода свидетельства в пользу концепции «фрустрация — агрессия» также представляют для нас существенный интерес. Еще во время Первой мировой войны Джон Уотсон (J. Watson), один из отцов-основателей бихевиоризма, предположил, что гнев является врожденной реакцией на ограничение. Когда он и Б. Морган препятствовали двигательной активности маленьких детей, прижимая их ручки к туловищу и удерживая от движения ножки, то дети реагировали такими проявлениями гнева, которые исследователи обозначили как «ярость» (обычно при этом дети вырывались, пинались, наносили куда попало удары ручками и ножками). Однако в других исследованиях эти результаты не подтвердились, и многие детские психологи сомневаются в том, действительно ли маленькие дети реагируют гневом на ограничение их двигательной активности.

Стенберг и Кэмпос разрешили это противоречие, исследуя выражения лиц у детей, подвергающихся ограничениям. На протяжении ряда лет П. Экман и его сотрудники исследовали эмоциональные состояния и показали, что они сопровождаются специфическими выражениями лица, которые определенно являются врожденными, а не заученными. Когда, например, люди находятся в состоянии гнева, независимо от того, принадлежат ли они к относительно примитивному обществу или к технически высокоразвитой западной культуре, у них «опускаются и сходятся вместе брови, веки становятся напряженными, а взгляд жестким» (Ekman & Friesen, 1975). Опираясь на эти данные, Стенберг и Кэмпос (Stenberg & Campos, 1990) провели экспериментальное исследование, в котором экспериментатор прижимал ручки детей к их бокам (не дольше трех минут) до тех пор, пока дети не начинали реагировать гневом. Видеокамера фиксировала экспрессию лица и телесные реакции детей, и полученный материал тщательно анализировался.

Реакции детей зависят от их возраста. Экспрессия лица у одномесячных младенцев выражает лишь страдания и дистресс, в то время как у четырех- и семимесячных детей наблюдаются также и реакции гнева (интересно, что использованный авторами метод оценивания давал возможность исключить признаки боли и дискомфорта, так что было ясно, что дети более старшего возраста проявляли не просто общее неудовольствие).

Для нас важно то, что в этом исследовании была показана врожденная связь между фрустрацией и гневом. Полученные данные позволяют считать экспрессию лица у детей более старшего возраста признаком того, что можно назвать «чувством гнева», источником которого были ограничения, не позволяющие им делать то, что они хотели.

НЕКОТОРЫЕ УСЛОВИЯ, ПОВЫШАЮЩИЕ ВЕРОЯТНОСТЬ АГРЕССИВНЫХ РЕАКЦИЙ НА ФРУСТРАЦИЮ

Я неоднократно отмечал, что не каждая фрустрация ведет к открытому нападению. Очевидно, целый ряд условий может влиять на вероятность того, что люди будут вести себя агрессивно, когда им препятствуют в достижении их целей. Некоторые из этих условий уже упоминались.

Во-первых, агрессивные тенденции, вызванные фрустрациями, могут подавляться, потому что люди думают, что за открытое агрессивное поведение они будут тем или иным образом наказаны (по крайней мере, неодобрением). Подобное подавление агрессии особенно вероятно, на мой взгляд, в тех случаях, когда люди считают, что фрустрация согласуется с социальными ролями и не является атакой против личности. Другими словами, мы склонны считать, что неправильно вести себя агрессивно, если с нами не поступали дурно (несправедливо) или если нам воспрепятствовали в достижении желаемой цели на законном основании или же случайно (непреднамеренно).

Таким образом, как отмечал Н. Миллер (Miller, 1941) в своей работе, содержащей модификацию классической концепции «фрустрация — агрессия», многие люди научаются реагировать на фрустрацию неагрессивным поведением. Когда они видят, что не в состоянии достичь желаемой цели, то могут действовать согласно тем или иным побуждениям, не атакуя того, кто явился препятствием в достижении цели или создал его. Например, они могут попытаться устранить препятствие, действуя рациональным способом, или переключиться на другую (замещающую) цель, или выйти из фрустрирующей ситуации. Тем не менее, если препятствие сохраняется и/или появляется все снова и снова, стимуляция к агрессии, по всей вероятности, будет усиливаться. В результате агрессивная тенденция будет ста-

новиться более сильной сравнительно со склонностью реагировать альтернативным, неагрессивным способом.

Вспомним также и о том, что не всякая фрустрация порождает сильную агрессивную тенденцию. Ряд факторов может оказать влияние на силу агрессивного побуждения, включая такие, например, как величина ожидавшегося и неполученного удовольствия, то, насколько полным было лишение удовлетворения, а также то, как часто данный индивид ранее лишался возможности реализовать свои желания.

ПЕРЕСМОТР КОНЦЕПЦИИ «ФРУСТРАЦИЯ — АГРЕССИЯ»

Давайте проанализируем факторы, влияющие на агрессивные побуждения. Почему они влияют на интенсивность реакции на фрустрацию? Ответ не предполагает ни особой загадочности, ни глубины. Многие условия могут определять то, насколько неприятным будет для данного индивида невозможность достижения той или иной желаемой цели. Очевидно, мы будем сильнее фрустрированы, не получив того, что хотели, если мы предвосхищали большее удовольствие, нежели в том случае, когда ожидаемое удовольствие было менее значительным. Далее, чем более полно мы были лишены возможности реализации любых наших целей, тем более несчастны мы будем. Я считаю, что фрустрация продуцирует тенденцию к агрессии (см.: Berkowitz, 1989). Негативный аффект — главный подстрекатель агрессивных склонностей.

Данное положение вскрывает самую важную (но не обязательно единственную) причину того, что футболисты не становятся агрессивными, когда им мешают забить гол: они не испытывают при этом достаточно сильных негативных эмоций. Аналогично, если у людей возбуждается скорее творческая активность, нежели антагонистическая установка в условиях тех или иных ограничений, можно вполне рассчитывать на то, что фрустрация не сделает их определенно несчастными.

ВЛИЯНИЕ АТРИБУЦИИ НА ИНТЕНСИВНОСТЬ НЕДОВОЛЬСТВА

Та же самая идея применима к представленному выше анализу влияния атрибуции на реакции на фрустрацию. Я утверждал, что люди бывают особенно сильно возмущенными или разозленными, если считают, что фрустратор намеренно препятствует достижению их целей. Я полагаю, что подобная ситуация вдвойне неприятна; фрустрированные при этом люди не только не в состоянии получить ожидаемое удовлетворение, но и переживают дистресс, думая, что другие люди намеренно хотели причинить им зло. Другими словами, приписывая фрустратору сознательное желание препятствовать им в достижении их целей, считая его действия сознательно контроли-

руемыми и нарушающими социальные правила, они делают сами себя еще более несчастными. На мой взгляд, этот сильный негативный аффект ведет к агрессивным реакциям, которые часто провоцируются «произвольными» (намеренными) и/или нелегитимными фрустрациями.

СРАВНИМЫ ЛИ ФРУСТРАЦИИ И ОСКОРБЛЕНИЯ

Некоторые авторы утверждали, что фрустрации являются лишь слабыми подстрекателями к агрессии и, следовательно, намного менее важными ее источниками, нежели оскорбления и угрозы «я» личности. В поддержку своей позиции они ссылаются на эксперименты, в которых было показано, что испытуемые становятся значительно более агрессивными, подвергаясь оскорблениям, нежели в том случае, когда блокируется достижение ими своих целей (см., например: Buss, 1963, 1966, а также Baron, 1977).

Однако если именно неудовольствие от фрустрации продуцирует агрессивную тенденцию, мы не можем сделать никакого подобного заключения о фрустрации в общем. Некоторые оскорбления могут не вызывать каких-либо серьезных негативных эмоций, некоторые барьеры на пути к цели определенно могут возбуждать негодование, злость и гнев. Значение имеет степень порождаемого негативного аффекта, а не то, чем он обусловлен — оскорблением или фрустрацией. В самом деле, я могу пойти даже дальше и утверждать, что и то и другое — оскорбления и фрустрации — суть подстрекатели к агрессии, ибо возбуждают неприятные переживания.

РЕЗЮМЕ

В главах 1-й части этой книги обсуждаются наиболее важные причины, обусловливающие эмоциональную агрессию, начиная с фрустраций. Доллард и его коллеги предложили наиболее широко известную версию концепции «фрустрация — агрессия», согласно которой фрустрации порождают агрессивные тенденции. Если эту несколько устаревшую концепцию изложить в более современных терминах, то основной ее тезис состоит в том, что барьеры на пути к ожидаемым целям порождают стимуляцию к эмоциональной агрессии. В дальнейшем психологи отмечали, что фрустрации возбуждают различные тенденции, лишь одна из которых является агрессивной. Это предполагает, что люди могут научиться либо тому, что на фрустрации можно реагировать неагрессивным поведением, либо тому, что агрессивные реакции на фрустрации «окупаются» (приносят пользу, какие-то выгоды). Концепция «фрустрация — агрессия» в основном, однако, предполагает, что научение лишь модифицирует связь между фрустрацией и агрессией, но не определяет ее.

Многие из возражений, выдвигавшихся против этой формулировки, могут быть устранены посредством вдумчивого применения анализа, проведенного Доллардом и его коллегами, особенно если мы вспомним, что фрустрация случается, когда предвосхищаемых удовольствий не получают, и интенсивность возникающей стимуляции к агрессии прямо пропорциональна степени удовлетворения, которое ожидалось. Таким образом, в то время как критики доказывали, что только нелегитимные, или «произвольные» (намеренные), фрустрации продуцируют агрессивные реакции, подобные реакции на «непроизвольные» фрустрации могут отсутствовать, по крайней мере частично, потому что фрустрированные люди не предвосхищали удовольствия от достижения своих целей или не рассчитывали на полную их реализацию. Теоретически, следовательно, они не были достаточно сильно фрустрированы. Возможно также, что фрустрированные люди могли подавлять какие-либо агрессивные тенденции в случае «легитимного» блокирования достижения их целей, если они думали, что за агрессивное поведение в этих обстоятельствах они могут подвергнуться наказанию (или, по крайней мере, вызвать социальное неодобрение).

Формулируя тезис, который будет развит более подробно в главе 3, я считаю, что фрустрации порождают агрессивные тенденции лишь в той мере, в которой они переживаются как негативные эмоции. Неожиданная неудача в достижении предвосхищаемых удовольствий переживается как намного более сильная неприятность сравнительно с ожидаемой неудачей в получении вознаграждения. Данное положение может также служить объяснением того, почему атрибуции фрустрированных людей могут влиять на вероятность их агрессивного поведения. Если мы приписываем произвольному поведению фрустратора барьер, который препятствует нам в достижении наших целей, думаем, что это поведение направлено против нас лично, и считаем такое поведение социально нерелевантным, то испытываемые нами эмоции, связанные с невозможностью достижения наших целей, существенно усиливаются. С этой точки зрения, конкуренция может продуцировать агрессивные тенденции; действительно, часто так и бывает, потому что соперничество вызывает неприятные эмоции. В тех случаях, когда агрессия не возникает, другие влияния, такие, как радость победы и/или удовольствие, получаемое от активности требуемого условиями состязания, уменьшают чувство неудовольствия.

В главе 3 будут представлены свидетельства, доказывающие, что люди, как и животные, предрасположены становиться агрессивными, переживая неприятные эмоции.

Глава 3

МЫ СТАНОВИМСЯ ЗЛЫМИ, КОГДА НАМ ПЛОХО

Негативный аффект как источник эмоциональной агрессии. Исследования обусловленной болевым воздействием агрессии у животных. Аверсивные события как источник человеческой агрессии. Негативные аффекты, агрессивные тенденции и гнев. Негативный аффект, но не стресс. Гнев часто сопровождает другие негативные эмоции. Импульсивная агрессия: роль агрессивных ключевых сигналов. Реакции на внешние ключевые сигналы.

Кто много страдал, тот много знает.
«Одиссея», книга 15, строка 436.

Неверно, что страдание облагораживает характер...
Оно делает человека мелочным и мстительным.
Уильям Сомерсет Моэм. *«Луна и грош»*.

Существуют две точки зрения на эффект, который производит страдание. Согласно первой, берущей свое начало в Древней Греции и, несомненно, разделяемой множеством людей во всем мире, страдание может быть для человека благотворно. Трудности, которые мы испытываем, горести и неприятности, которые мы переживаем, якобы определенным образом обогащают нас и даже могут сделать лучше, чем мы были прежде. Сторонники другой точки зрения, представленной, например, в романе У. С. Моэма «Луна и грош», опубликованном в 1919 году, относятся к подобным надеждам по меньшей мере скептически и утверждают, что страдание порождает враждебность.

По всей вероятности, можно считать более обоснованной позицию Моэма, нежели точку зрения древних греков. Мне не очень понятно, почему столько людей поддерживают идею о том, что страдание улучшает характер. Быть может, нам хочется компенсации и мы лелеем надежду, что из плохого получится что-нибудь хорошее. Возможно, и случалось, что несчастья улучшали чью-то личность, но такое происходит, по-видимому, нечасто. Быстро накапливаются научные данные, свидетельствующие о том, что неприятные события скорее способствуют враждебности и агрессивности, чем доброте и внимательности.

НЕГАТИВНЫЙ АФФЕКТ КАК ИСТОЧНИК ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ АГРЕССИИ

В работах, посвященных данной проблематике, я определяю агрессию, порожденную негативными событиями, как *«вызванную аверсивными стимулами агрессию»* (*aversively stimulated aggression*), поскольку она определяется такими вещами, которых индивид обычно стремится избежать. Другими психологами используются иные обозначения, как, например, «раздражительная» (*irritable*) агрессия или «мотивированная досадой» (*annoyance-motivated*) агрессия. Хотя эти термины, вероятно, и более знакомы, я буду использовать собственную формулировку с тем, чтобы подчеркнуть два основных момента: 1) стимуляция агрессии порождается неприятным положением дел и 2) широкий диапазон аверсивных воздействий может вызывать подобный эффект (см.: Berkowitz, 1982, 1983, 1989).

Не вдаваясь в глубокий анализ всех исследований, посвященных этой проблематике, я представлю в данной главе лишь некоторые результаты, на которых и основывается моя формулировка. Все мы знаем, что люди не обязательно становятся злыми и раздражительными, когда им плохо. Они могут контролировать себя и подавлять свои агрессивные побуждения. Наш обзор закончится кратким обсуждением одного из факторов, могущих поддерживать такой самоконтроль и самообладание. В главе 4, которая в основном будет посвящена влияниям когнитивных процессов на эмоциональную агрессию, эти вопросы будут рассмотрены более подробно.

ИССЛЕДОВАНИЯ ОБУСЛОВЛЕННОЙ БОЛЕВЫМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ АГРЕССИИ У ЖИВОТНЫХ

Наиболее широко известными свидетельствами того, что неприятные события могут вызывать агрессивные реакции, являются эксперименты на животных, проведенные Натаном Азрином (Nathan Azrin), Рональдом Хатчинсоном (Ronald Hutchinson), Роджером Ульрихом (Roger Ulrich) и их сотрудниками[1]. В этих исследованиях на разных видах животных было продемонстрировано, что, когда особи попарно помещались в небольшие клетки и подвергались болевому воздействию (нанесение ударов, электрошок), они часто начинали драться друг с другом. Открытая агрессия в подобных об-

[1] Обзор большинства этих исследований, проведенных вплоть до середины 60-х годов, см.: Ulrich (1966). Краткое обсуждение литературы по агрессии, вызванной аверсивными стимулами, см.: Berkowitz (1982) in: *Advances in experimental social psychology*; Berkowitz (1983) in: *American Psychologist*.

стоятельствах, по-видимому, является врожденной реакцией на дистресс, ибо наблюдается регулярно, не требует никакого предшествующего научения и отличается устойчивостью даже при отсутствии явных вознаграждений.

В общем, хотя подобное реагирование никоим образом не является неизбежным, для животных многих видов особенно характерно стремление атаковать доступную в данный момент жертву, когда они испытывают боль.

Это исследование затрагивает ряд важных вопросов, заслуживающих внимательного анализа. Некоторые общие принципы, связанные с ними, вполне релевантны в плане понимания человеческой эмоциональной агрессии.

Тенденции к борьбе и бегству могут действовать одновременно

Один из этих вопросов таков: является ли вызванное болью поведение действительно агрессивной атакой? Некоторые психологи доказывают, что порожденная болью агрессия на самом деле является защитной реакцией, которая мало напоминает *самоинициированные* (self-initiated) нападения. Испытывающие боль животные, по-видимому, всего лишь стремятся защитить себя от боли.

Эта критика не осталась без ответа. По крайней мере один исследователь пришел к мнению, что вызываемое болью агрессивное поведение включает как наступательный, так и защитный компоненты (Brain, 1981). Животные могут стремиться защитить себя, но в то же самое время и пытаться причинить вред (боль) доступной в данный момент жертве. Другими словами, боль может активизировать тенденцию атаковать и стремление причинить ущерб (вред) кому-то другому. Действительно, некоторые исследования (слишком сложные, чтобы детально рассматривать их здесь) свидетельствуют о том, что боль может порождать «жажду агрессии». В частности, они продемонстрировали, что испытывающие боль животные стремятся найти какую-либо жертву, на которую они могли бы напасть, и порой продолжают атаковать ее после прекращения болевого воздействия, как если бы их боль породила у них нечто вроде стремления к агрессии[1].

Вызванное болью агрессивное побуждение, однако, не всегда бывает явным. У некоторых видов испытывающие боль животные обычно предпочитают скорее спасаться бегством, нежели атаковать доступную жертву, демонстрируя тем самым, что агрессивные тен-

---

[1] Ссылки на эти и близкие по тематике исследования см.: Berkowitz (1982), особенно р. 263–264.

денции, активизированные болевым воздействием, часто бывают слабее, чем защитные, побуждающие к бегству (тенденции избегания). Однако побуждение к агрессии может еще сохраняться, хотя и в скрытом состоянии, перекрываемое более сильным побуждением к бегству, и оно вполне может обнаружиться, если животное не в состоянии избежать болевых стимулов.

Является ли целью агрессии, которая стимулирована болью, только лишь прекращение болевого воздействия?

Вопрос заключается в том, чего стремятся достичь животные, атакуя тот или иной объект в ответ на болевые воздействия. Авторы, рассматривающие вызванную болью агрессию, очевидно, считают, что агрессивное поведение в данном случае направлено на уменьшение или устранение болевого воздействия. Пользуясь профессиональной терминологией, они говорят, что подобное агрессивное поведение «негативно подкрепляется». Это означает, что действия организма вознаграждаются негативным эффектом, уменьшением или отсутствием того или иного воздействия, такого, как, например, редукция или прекращение болевой стимуляции. Приведенный выше пример жестокого обращения матери с ребенком можно описать следующим образом: агрессия матери получила бы негативное подкрепление, если бы побудила ее дочь Джулию перестать ее раздражать (т. е. если бы редуцировала или ликвидировала плохое поведение Джулии).

Нет сомнений, что вызываемая болью агрессия действительно может негативно подкрепляться. Так, например, эксперимент на крысах, проведенный Джоном Кнутсоном и его сотрудниками, показал, что если под воздействием электрошока крысы начинали драться, но вскоре болевое воздействие прекращалось, то животные с большей вероятностью становились агрессивными в следующий раз, когда вновь подвергались болевой стимуляции (Knutson, Fordyce & Anderson, 1980). Дело обстояло так, как будто крысы считали, что агрессия окупается — устраняет боль, и это негативное подкрепление затем усиливало тенденцию реагировать агрессивно, когда их снова подвергали болевому воздействию.

Однако агрессивное реагирование не является только попыткой устранить или редуцировать неприятную стимуляцию. Поведение испытывающих боль животных подкрепляется также и *позитивно* — возможностью атаковать подходящую жертву. Упомянутый выше эксперимент Кнутсона может служить подтверждением этого положения. В одном из вариантов этого эксперимента крысы дрались, но это не приводило к прекращению болевой стимуляции. При последующих воздействиях электрошоком агрессивность этих жи-

вотных была относительно высока, хотя они и не научились тому, что атаки вызывают прекращение боли. Далее в этой главе мы увидим и другие данные, подтверждающие сказанное.

АВЕРСИВНЫЕ СОБЫТИЯ КАК ИСТОЧНИК ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ АГРЕССИИ

Люди иногда реагируют на аверсивные события точно так же, как и животные. Более того, просто поразительно разнообразие тех неприятных событий, которые могут провоцировать агрессивное поведение как у людей, так и у представителей других видов живых существ.

Огромное разнообразие негативных условий, способных провоцировать агрессию

❐ **Агрессивные реакции на чрезмерно высокую температуру.** Рассмотрим в качестве примера такой фактор, как высокая температура. Не приходилось ли вам находиться в течение нескольких часов в чересчур нагретом помещении, которое вы по тем или иным причинам не могли покинуть? Если да, то в соответствии с данными возрастающего числа исследований есть неплохие шансы на то, что вы, подобно множеству других людей, становились раздражительными и, может быть, даже явно враждебными (см.: Anderson, 1989).

Шекспир сознавал, как появляется гневливость и возрастает раздражительность, если погода становится чрезмерно жаркой. Персонаж трагедии «Ромео и Джульетта» Бенволио предупреждает, что жара может привести к ссоре с членами семейства Капулетти:

> Прошу тебя, Меркуцио, друг, уйдем:
> день жаркий, всюду бродят Капулетти;
> коль встретимся, не миновать нам ссоры.
> В жару всегда сильней бушует кровь.
>
> *У. Шекспир. «Ромео и Джульетта», акт III, сцена 1*

Бенволио не ошибался в своих опасениях. Ссоры становятся вероятнее, если температура оказывается чрезмерно высокой, и фактически все формы агрессии при этом наблюдаются чаще.

Массовые общественные беспорядки и жара: «долгие знойные летние дни». В вышедшем на экраны в 1989 году фильме «Поступай правильно» (*Do the Right Thing*) сценарист-режиссер Спайк Ли (Spike Lee) красочно изображает вспышку расовых беспорядков во время необычайной жары. При прочих нормальных условиях чрезмерно высокая температура может способствовать возникновению общественных беспорядков.

Мы воочию убедились в этом летом 1967 года, когда серия беспорядков вспыхнула в ряде городов США. Когда чернокожие протестовали против своего низкого статуса в американском обществе и насилие распространялось от одного города к другому, масс-медиа заговорили о «долгом летнем зное». Хотя журналисты могли и не сознавать этого, но их фраза оказалась не просто метафорой. Необычная жара несомненно сыграла свою роль в этих вспышках насилия. Когда Горансон (Goranson) и Кинг (King) проверили температуру в 17 городах, в которых наблюдались в это лето массовые беспорядки, они установили связь между погодой и насилием. В этих регионах не было ненормально сильной жары вплоть до последнего дня перед началом беспорядков, когда в пятнадцати из 17 городов начался резкий подъем температуры. Окончание знойных дней привело и к «охлаждению пыла» участников беспорядков, как в фигуральном, так и в буквальном смысле. В тех городах, где температура воздуха упала быстрее, беспорядки были более кратковременными.

Влияние жары на массовые беспорядки прослежено не только в 1967 году. Бэрон (Baron) и Рэмсбергер (Ramsberger) определили, какой была температура воздуха в 102 случаях массовых всплесков насильственной агрессии в США с 1967 по 1971 год включительно, и нашли, что беспорядки обычно вспыхивали там, где было особенно жарко. Другие социальные психологи, которые проверили анализ Бэрона и Рэмсбергера, сообщали, что действительно между очень жаркой погодой и насильственным агрессивным поведением наблюдается постоянная связь[1].

Другие формы антисоциального поведения также явно стимулируются непривычной жарой. В главах 8 и 9 читатель увидит, что связанное с насилием агрессивное поведение чаще наблюдается в очень жаркие дни.

Лабораторные исследования влияния жары. Разумеется, имеющиеся свидетельства могут интерпретироваться по-разному, и мы на самом деле не можем на основе статистических данных о массовых беспорядках уверенно утверждать, что высокая температура провоцировала агрессивные тенденции. Жара могла выгонять людей на улицы в поисках прохладного ветерка, так что они вступали в контакт с соседями и легко поддавались влиянию того, что видели и слышали. Только в лабораторном эксперименте подобные альтернативные объяснения могут быть исключены.

---

[1] Об агрессии, вызванной аверсивными стимулами, *см.*: Berkowitz (1982), p. 266, а также Baron and Ramsberger (1978); Carlsmith and Anderson (1979). В работе Андерсона (Anderson, 1989) обсуждаются некоторые проблемы статистической обработки данных.

В одном из первых социально-психологических экспериментов, где исследовалось влияние ненормальной жары, Гриффитт (Griffitt) продемонстрировал, что его испытуемые были более жесткими в оценках незнакомых им людей того же пола, когда находились в условиях высокой температуры воздуха, нежели когда они были в комфортном прохладном помещении.

Этот результат был подтвержден другими лабораторными экспериментами, проведенными как самим Гриффиттом, так и Робертом Бэроном. Например, эксперимент 1975 года Бэрона и Белла (Bell) показал, что нерассерженные испытуемые — студенты университета, которые находились в условиях высокой температуры (92– 95° по Фаренгейту, что соответствует 33–35° по Цельсию), были более агрессивны по отношению к допускавшему ошибки однокурснику, нежели испытуемые контрольной группы, которые находились в комфортном, прохладном помещении[1].

❑ **Агрессивные реакции на другие неприятные условия.** Можно было бы представить внушительный перечень условий, которые, как было экспериментально показано, порождают у людей повышенную враждебность и агрессию. В разнообразных экспериментах с использованием различных процедур и способов измерения было продемонстрировано, что такие факторы, как раздражающий сигаретный дым, отвратительные запахи и даже отталкивающие сцены ужесточали применяемые испытуемыми наказания другого лица или увеличивали проявляемую к нему враждебность[2].

Разумеется, психологический стресс тоже неприятен и может вести к агрессии. По данным израильского ученого Симы Ландау (Simha Landau), согласующимся с результатами других исследований, во многих (хотя и не во всех) сообществах различные формы социального стресса также повышают количество связанных с насилием преступлений.

Будет ли стресс связан с высоким уровнем безработицы, гиперинфляцией, быстрой модернизацией или же с более субъективными вещами (например, тем, как люди объясняют свою обеспокоенность политическими, экономическими и связанными с безопасностью условиями в стране, где они живут), но возникающее социальное напряжение может способствовать антиобщественному поведению[3].

---

[1] Ссылки на эти эксперименты см.: Anderson (1989), обзор научной литературы; Berkowitz (1982), p. 266–267; Baron (1977).

[2] См.: Jones & Bogat (1978); Zillmann, Baron & Tamborini (1981); Rotton, Frey, Barry, Milligan & Fitzpatrick (1979); White (1979); Zillmann, Bryant, Comisky & Medoff (1981).

[3] См.: Landau & Raveh (1987); Landau (1988).

Агрессия направлена не только на устранение аверсивного события

Упомянутые выше данные хорошо согласуются с предлагаемой мною формулировкой, но многие из них не просто подтверждают теорию. Помимо доказательств того, что существует немало разнообразных аверсивных условий, способных стимулировать агрессивные реакции, имеющиеся данные, особенно результаты лабораторных экспериментов, говорят нам, что 1) агрессия является *не только* попыткой устранить или ослабить неприятное состояние и 2) атака или враждебность может наблюдаться, даже если жертва не сделала ничего такого, что могло бы провоцировать нападение.

Разумеется, нет ничего необычного в том, что разгневанные люди яростно набрасываются на тех, кто их разозлил, чтобы, по крайней мере частично, прекратить раздражающее воздействие. Иногда родители бьют детей ради того, чтобы контролировать и исправлять их поведение. Точно так же многие подростки бьют младших братьев или сестер, потому что хотят, чтобы те перестали делать что-то, их раздражающее. Поскольку такое происходит довольно часто, некоторые психологи считают, что агрессия, порождаемая аверсивными стимулами, направлена лишь на устранение раздражающего положения дел. Лабораторные эксперименты показывают, однако, что это не единственная цель подобного агрессивного поведения. Раздраженные или рассерженные испытуемые причиняли ущерб действительно нейтральному лицу, которого нельзя было обвинить в создании дискомфорта и о котором нельзя было сказать, что он каким-то образом вел себя неправильно. Более того, хотя люди, страдающие от аверсивной стимуляции, особенно склонны атаковать того, кто их рассердил, жертвой агрессивного поведения не обязательно становится именно он (см.: Berkowitz and Holmes, 1959, 1960).

Эксперимент, проведенный мной несколько лет назад совместно с Сюзан Кохран (Susan Cochran) и Марлоу Эмбри (Marlowe Embree), служит примером того, как раздраженный или рассерженный человек может быть очень суров по отношению к случайным людям, в основном потому, что хочет причинить вред кому-нибудь другому.

В этом исследовании, которое якобы было посвящено изучению того, как «неприятные условия окружающей среды» влияют на деятельность контролера, студенток университета просили оценивать работу другой студентки. При этом испытуемые находились в необычной ситуации: они должны были держать одну руку в баке с водой. Девушкам было сказано, что они являются контролерами и должны выдавать «работнице» награды и наказания в зависимости от своей оценки качества решения каждой задачи. Испытуемые могли награждать, наказывать или игнорировать решения «работницы» нажатием соответствующей кнопки на пульте. В

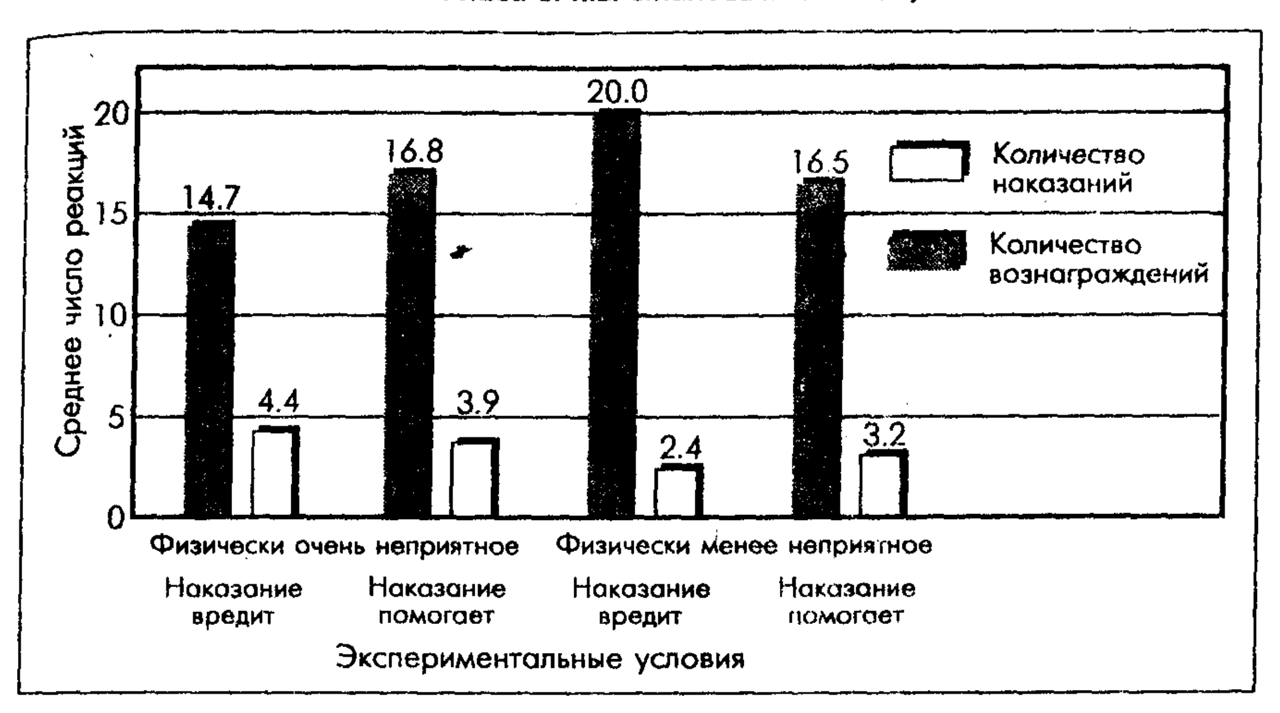


Рис. 3-1. Число наград и наказаний «работницы» как функция аверсивности ситуации и того, вредит или помогает наказание «работнице» (Berkowitz, Cochran & Embree, 1981). Примечание: для каждого из условий максимально возможное число реакций равнялось 50. Измерения даны для всех частей эксперимента.

качестве награды за «хорошие» решения они могли выдавать «работнице» от одной до пяти пятицентовых монет, а в качестве наказания — от одного до пяти шумовых ударов.

В этом исследовании были использованы два способа экспериментальной манипуляции, одним из которых было варьирование степени неприятности физических условий (температура воды в баке), а другой был связан с предполагаемым результатом применяемого наказания. Для осуществления первой манипуляции половина испытуемых должны были в течение шести минут держать руку в очень холодной воде — около 42° по Фаренгейту (+6° по Цельсию), в то время как у другой половины температура воды была более комфортной (приблизительно равной комнатной). В каждой из этих двух групп половине испытуемых объяснили, что наказание, вероятно, должно ухудшить результаты «работницы», в то время как другой половине сказали, что наказание должно быть полезным, мотивируя «работницу» трудиться эффективнее.

На рис. 3-1 представлены основные результаты первого из двух экспериментов, проведенных с использованием процедуры, описанной Берковицем, Кохран и Эмбри. Испытуемые явно предпочитали скорее награждать, чем наказывать «работницу», как если бы они, в общем, не желали плохо с ней обращаться. Таким образом, если у испытуемых не было неприятных ощущений (т. е. вода в баке была комнатной температуры) и при этом они думали, что наказание ухудшит результаты «работницы», то выдавали ей больше наград и меньше наказывали.

Переживая относительно небольшой дискомфорт, они не испытывали сильного желания причинять вред другим. Напротив, студент-

ки, которые испытывали неприятные ощущения из-за холодной воды и которые думали, что наказание вредит «работнице», обычно чаще наказывали и меньше награждали. Собственное страдание, вероятно, усиливало у них желание причинять ущерб, и они пользовались возможностью навредить сокурснице. Не забудем, что страдания испытуемых никак не зависели от «работницы», она ничем не могла никого раздражать, а открытая враждебность испытуемых не помогала им быстрее избавиться от холодной воды[1].

НЕГАТИВНЫЕ АФФЕКТЫ, АГРЕССИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ГНЕВ

Теперь мы переходим к центральной идее предлагаемой мной к рассмотрению концепции эмоциональной агрессии: *агрессивная стимуляция активируется скорее неприятными чувствами, нежели сильными воздействиями, вызывающими стресс.*

НЕГАТИВНЫЙ АФФЕКТ, НО НЕ СТРЕСС

Некоторые исследователи отмечали, что стрессообразующие факторы среды могут возбуждать эмоциональную агрессию. Упоминавшееся выше исследование Ландау показывает, что стрессы, связанные с национальной принадлежностью, могут способствовать возникновению насильственных преступлений. Новако предполагает, что «гнев можно понимать как аффективную реакцию на стресс» (см.: Landau & Raveh, 1987; Landau, 1988; Novaco, 1986, p. 57). Главная мысль этих авторов состоит в том, что люди становятся разгневанными и склонными к агрессии, когда сталкиваются с крайне неприятным положением дел.

Мой анализ, однако, идет несколько дальше. Я считаю, что агрессивные тенденции продуцирует не стресс сам по себе, а вызванный им негативный аффект. Эту формулировку можно рассматривать как рабочее предположение: *практически любой вид негативного аффекта, любой тип неприятного чувства является основным подстрекателем эмоциональной агрессии.* Негативный аффект не обязательно должен быть интенсивен, но чем сильнее переживаемое

---

[1] Легко заметить, что в любых условиях испытуемые применяли относительно слабые наказания, да и разница условий была совсем незначительной. Тем не менее я предполагаю, что женщины — участницы этого исследования вообще неохотно применяли любые наказания, вероятно, не желая, чтобы экспериментатор думал о них как о явно агрессивных личностях. Они вполне могли бы с большей готовностью применять наказания, если бы не так сильно себя сдерживали.

неудовольствие, тем сильнее будет результирующее подстрекательство к агрессии.

В этих терминах легко может быть интерпретировано воздействие на человека оскорблений или угроз его самооценке. Всем нам случалось наблюдать, как люди становились явно агрессивными (вербально, если не физически), и видеть, как они в ярости набрасывались с кулаками на свою жертву, если думали, что им нанесли оскорбление, или когда страдала их самооценка. Крайним случаем являются очень агрессивные личности, для которых, как правило, характерна высокая чувствительность к обидам или оскорблениям. Они часто приходят в бешенство, когда им кажется, что их представление о самих себе находится под угрозой. Я считаю, что *подобные вызовы благоприятному образу «я» человека имеют особенно высокие шансы продуцировать агрессивные реакции, потому что вызывают крайне неприятные переживания.* Не ущерб, причиненный гордости, *сам по себе* генерирует побуждение напасть на обидчика, а аверсивная природа психологического оскорбления. Кроме того, каков бы ни был возникающий негативный аффект, агрессивное побуждение может не выявляться открыто, маскируясь или сдерживаясь более сильными тенденциями. В любом случае люди, испытывающие дискомфорт, так или иначе склонны быть агрессивными.

Краткое резюме представленной теоретической модели

Тезис о том, что люди, чувствующие себя плохо, склонны к реакциям гнева и агрессивности, может показаться не совсем очевидным, и действительно, связь между аффектом и открытой агрессией довольно сложна. Более детально она будет рассмотрена в главе 4, здесь же я предлагаю краткое резюме моих размышлений[1].

❒ **Негативный аффект генерирует как тенденцию к борьбе, так и тенденцию к бегству.** Как видно на рис. 3-2, после того как личность столкнулась с аверсивным событием, предполагается несколько стадий формирования эмоциональных состояний и поведенческих проявлений. Само событие, очевидно, возбуждает негативный аффект, и теоретически, вероятно вследствие нашей биологической «запрограммированности», неприятное переживание автоматически продуцирует разнообразные экспрессивно-моторные реакции, чувства, мысли и воспоминания. Некоторые из этих психических процессов ассоциированы с побуждением бороться, атаковать кого-то (предпоч-

---

[1] Эта гипотеза была сформулирована также в работе: Berkowitz (1983) и несколько более детально обсуждалась в работе: Berkowitz (1989), где была предложена модификация гипотезы «фрустрация — агрессия». Наиболее полный вариант этой модели можно найти в работе: Berkowitz (1990).

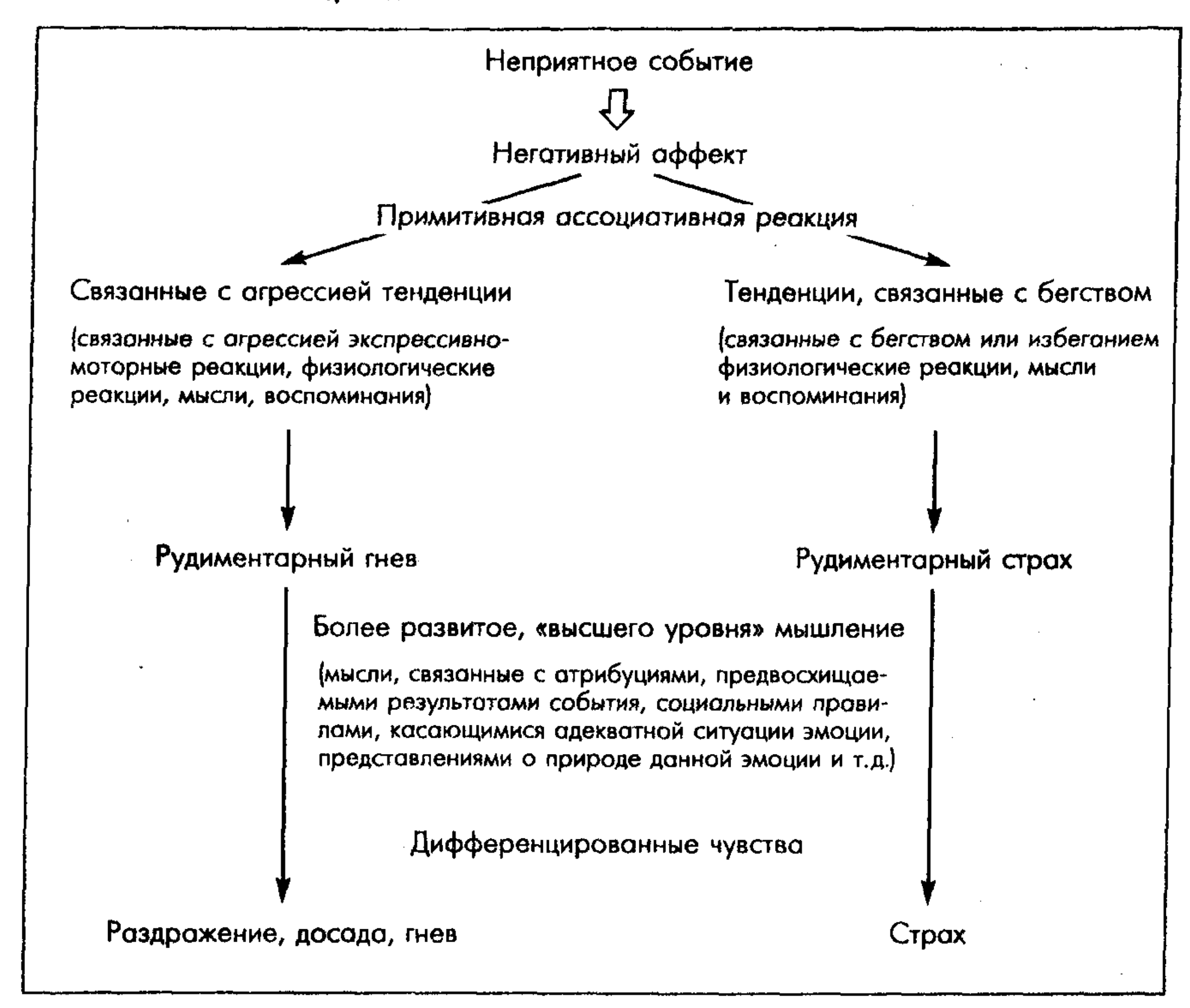


Рис. 3-2. Как негативные чувства могут продуцировать гнев.

тительно, но не только, воспринимаемый источник переживаемого неудовольствия), в то время как другие реакции, возникающие в то же самое время, связаны с желанием бегства — стремлением избежать аверсивной ситуации.

Другими словами, негативный аффект генерирует *как* тенденцию к борьбе, *так* и тенденцию к бегству, но не какую-то одну. Это лишь результат спекулятивного построения, но я подозреваю, что многие виды животных биологически предрасположены реагировать на вредные стимуляции двумя способами: бегством из опасной или неприятной ситуации (тенденция к бегству), а также уничтожением источника неудовольствия (тенденция к борьбе). Разумеется, существует большое разнообразие факторов, определяющих относительную силу этих тенденций. Одна из них может быть сильнее другой из-за генетических влияний, прошлого опыта и/или вследствие восприятия непосредственной ситуации как безопасной или опасной для нападения.

Мой следующий тезис может показаться еще более неправдоподобным. Тенденция к бегству может состоять из двух компонентов:

1) стремление наброситься и ударить доступную жертву (которое в основном является причиной моторных реакций, связанных с агрессией) и 2) побуждение причинить ущерб кому-либо. Таким образом, с моей точки зрения, когда люди переживают довольно сильное неудовольствие, многие из них (в зависимости от генетически обусловленных особенностей и предшествующего научения) испытывают побуждение к осуществлению моторных реакций, связанных с агрессией (сжатые кулаки, плотно сомкнутые челюсти и т. д.). Как исследования роли болевых сигналов, упоминавшиеся в главе 1, так и описанный выше эксперимент Берковица, Кохран и Эмбри свидетельствуют о существовании побуждения причинять ущерб кому-то или чему-то.

❐ **Чувства, развивающиеся из этих первичных реакций.** Теоретически примитивное, или рудиментарное, переживание гнева возникает из осознания первичных телесных, мыслительных и мнемонических реакций, в то время как рудиментарный страх сопровождает тенденции к бегству и, предположительно, развивается из первичных идей, образов памяти, экспрессивно-моторных реакций, связанных с побуждением к бегству из неприятной ситуации.

На следующей стадии, как мы видим на рис. 3-2, более сформировавшиеся чувства возникают как следствие дополнительной мыслительной обработки. Возбужденные субъекты приписывают свои чувства определенным конкретным источникам, учитывают вероятный исход события, принимают в расчет свой предшествующий опыт переживаний и социальные правила, определяющие соответствующую ситуации эмоцию, и соотносят свои ощущения и идеи с имеющимся у них представлением того вида эмоций, который с достаточной вероятностью должен возникать в подобных ситуациях. Полное эмоциональное переживание, таким образом, не просто возникает, но *«конструируется». Идет процесс, в котором* первоначальные рудиментарные чувства дифференцируются: одни из них становятся интенсивнее и обогащаются, а другие подавляются.

Первоначальные чувства могут изменяться под влиянием мысли. Данное теоретическое построение предполагает, что на ранних стадиях процесса формирования эмоции бегство/страх и агрессия/гнев скорее выступают в смешанном виде, нежели в четко дифференцированном состоянии. Однако когда людей просят сообщать об их чувствах в определенных эмоциональных ситуациях или когда их физиологические и мышечные реакции фиксируются в состоянии эмоционального возбуждения, выявляются значительные различия между основными негативными эмоциональными состояниями, такими, как гнев, страх и печаль (Ekman, Levenson & Friesen, 1983; Izard, 1977; Schwartz, Weinberger & Singer, 1981; Sirota, Schwartz &

Kristeller, 1987). Противоречит ли это настоящей теории? Я думаю, нет. Согласно нашей формулировке, когниции (мысли, атрибуции и воспоминания) могут вступать в действие по возбуждении эмоциональных реакций и существенно повлиять на последующие телесные изменения, моторные реакции и эмоциональные переживания. Относительно рудиментарные эмоциональные состояния и телесные реакции ранних стадий обогащаются, дифференцируются, интенсифицируются или подавляются. Мое предположение заключается в том, что последовательность изменений — от негативного аффекта к страху, гневу и, может быть, к еще некоторым негативным эмоциям, таким, как ревность или презрение, — облегчается соответствующими мыслями и воспоминаниями.

Гнев сопутствует агрессивным побуждениям. Концепция гнева как переживания, которое развивается и формируется из осознания человеком ассоциированных с агрессией физиологических изменений, экспрессивно-моторных реакций, а также идей и воспоминаний, имеет важное следствие. Оно состоит в том, что *подстрекательство к агрессии порождается внутренней, связанной с агрессией стимуляцией, но при этом оно развивается скорее параллельно эмоциональному переживанию, нежели порождается чувством гнева.* Говоря проще, гнев сопровождает, но не порождает эмоциональную агрессию.

❐ **Сетевая модель эмоций.** В предлагаемой мной теоретической модели каждую эмоцию можно представить как сеть, в которой различные компоненты ассоциативно связаны. Каждое эмоциональное состояние представляет собой некую совокупность специфических ощущений, экспрессивно-моторных реакций, мыслей и воспоминаний, которые тесно связаны между собой. В силу этой взаимосвязи активирование любого из компонентов имеет тенденцию активировать другие составляющие сети пропорционально степени их ассоциированности.

Сетевая модель предполагает также и другие следствия. Во-первых, из нее следует, что когда у нас появляются агрессивные мысли и связанные с агрессией воспоминания, то возникают также ассоциированные с агрессией ощущения и физиологические реакции, то есть мы с большей вероятностью будем переживать чувство гнева. Мы можем прийти в состояние гнева, не только вспоминая причиненные нам обиды, но и мысленно вновь и вновь проигрывая, каким образом нам следовало бы проучить тех, кто поступил с нами дурно. Связанные с насилием мысли и действия активируют агрессивные идеи и чувство гнева. Как мы увидим далее, когда будем рассматривать в главе 21 следствия притворной или воображаемой агрессии, существует достаточно много данных, свидетельствующих в пользу предлагаемой здесь концепции.

Эта модель предполагает и то, что неприятные события, не имеющие явной связи с агрессией, также могут активировать враждебные мысли и чувства. Вспомним, что негативный аффект — неприятное чувство, продуцированное аверсивным событием, — ассоциативно связан с имеющими отношение к агрессии мыслями и воспоминаниями. Существуют данные, свидетельствующие о том, что у нас возникает необычайно много враждебных мыслей, когда мы оказываемся в условиях физического дискомфорта.

В одном из экспериментов испытуемых просили написать рассказ на определенную эмоциональную тему. При этом одни из них находились в помещении с ненормально высокой температурой воздуха, в то время как другие выполняли это задание в приятных комфортных условиях с нормальной температурой. В рассказах испытуемых, выполнявших задание в условиях чрезмерно высокой температуры, содержалось больше агрессивных мыслей, нежели в рассказах испытуемых контрольной группы, работавших в комфортных условиях. Подобным же образом в исследовании, проведенном в моей лаборатории, когда испытуемых просили воображать определенного вида эмоциональную ситуацию, те из них, кто находился в условиях физического дискомфорта, чаще выражали идеи, связанные с гневом, досадой и враждебностью, сравнительно с выполнявшими это задание в более комфортных условиях (см.: Rule, Taylor & Dobbs, 1987; Berkowitz, 1989, 1990). В обоих исследованиях физический дискомфорт активировал идеи агрессивного и враждебного характера.

ГНЕВ ЧАСТО СОПРОВОЖДАЕТ ДРУГИЕ НЕГАТИВНЫЕ ЭМОЦИИ

Даже и после ознакомления с результатами исследований у читателя еще могут оставаться серьезные сомнения, особенно в связи с моей рабочей гипотезой о психологической эквивалентности всех негативных аффектов (при условии неизменной интенсивности). Прочитав, что фактически любой вид негативного аффекта имеет тенденцию активизировать агрессивные побуждения и рудиментарное переживание гнева, прежде чем субъект успевает хорошо осмыслить происходящее, некоторые заявят: «Этого не может быть. Человек не будет сердиться и не будет агрессивным, когда он печален или находится в подавленном настроении». И все же, вопреки тому, что думают многие люди, печаль и депрессия, несомненно, могут порождать чувство гнева, враждебные мысли и агрессивные тенденции.

Гнев часто сосуществует с другими негативными эмоциями

Одним из свидетельств в пользу этого утверждения может служить та степень, до которой эмоциональные переживания часто оказываются смесью различных чувств. Когда людей просят описать,

Kristeller, 1987). Противоречит ли это настоящей теории? Я думаю, нет. Согласно нашей формулировке, когниции (мысли, атрибуции и воспоминания) могут вступать в действие по возбуждении эмоциональных реакций и существенно повлиять на последующие телесные изменения, моторные реакции и эмоциональные переживания. Относительно рудиментарные эмоциональные состояния и телесные реакции ранних стадий обогащаются, дифференцируются, интенсифицируются или подавляются. Мое предположение заключается в том, что последовательность изменений — от негативного аффекта к страху, гневу и, может быть, к еще некоторым негативным эмоциям, таким, как ревность или презрение, — облегчается соответствующими мыслями и воспоминаниями.

Гнев сопутствует агрессивным побуждениям. Концепция гнева как переживания, которое развивается и формируется из осознания человеком ассоциированных с агрессией физиологических изменений, экспрессивно-моторных реакций, а также идей и воспоминаний, имеет важное следствие. Оно состоит в том, что *подстрекательство к агрессии порождается внутренней, связанной с агрессией стимуляцией, но при этом оно развивается скорее параллельно эмоциональному переживанию, нежели порождается чувством гнева.* Говоря проще, гнев сопровождает, но не порождает эмоциональную агрессию.

❒ **Сетевая модель эмоций.** В предлагаемой мной теоретической модели каждую эмоцию можно представить как сеть, в которой различные компоненты ассоциативно связаны. Каждое эмоциональное состояние представляет собой некую совокупность специфических ощущений, экспрессивно-моторных реакций, мыслей и воспоминаний, которые тесно связаны между собой. В силу этой взаимосвязи активирование любого из компонентов имеет тенденцию активировать другие составляющие сети пропорционально степени их ассоциированности.

Сетевая модель предполагает также и другие следствия. Во-первых, из нее следует, что когда у нас появляются агрессивные мысли и связанные с агрессией воспоминания, то возникают также ассоциированные с агрессией ощущения и физиологические реакции, то есть мы с большей вероятностью будем переживать чувство гнева. Мы можем прийти в состояние гнева, не только вспоминая причиненные нам обиды, но и мысленно вновь и вновь проигрывая, каким образом нам следовало бы проучить тех, кто поступил с нами дурно. Связанные с насилием мысли и действия активируют агрессивные идеи и чувство гнева. Как мы увидим далее, когда будем рассматривать в главе 21 следствия притворной или воображаемой агрессии, существует достаточно много данных, свидетельствующих в пользу предлагаемой здесь концепции.

Эта модель предполагает и то, что неприятные события, не имеющие явной связи с агрессией, также могут активировать враждебные мысли и чувства. Вспомним, что негативный аффект — неприятное чувство, продуцированное аверсивным событием, — ассоциативно связан с имеющими отношение к агрессии мыслями и воспоминаниями. Существуют данные, свидетельствующие о том, что у нас возникает необычайно много враждебных мыслей, когда мы оказываемся в условиях физического дискомфорта.

В одном из экспериментов испытуемых просили написать рассказ на определенную эмоциональную тему. При этом одни из них находились в помещении с ненормально высокой температурой воздуха, в то время как другие выполняли это задание в приятных комфортных условиях с нормальной температурой. В рассказах испытуемых, выполнявших задание в условиях чрезмерно высокой температуры, содержалось больше агрессивных мыслей, нежели в рассказах испытуемых контрольной группы, работавших в комфортных условиях. Подобным же образом в исследовании, проведенном в моей лаборатории, когда испытуемых просили воображать определенного вида эмоциональную ситуацию, те из них, кто находился в условиях физического дискомфорта, чаще выражали идеи, связанные с гневом, досадой и враждебностью, сравнительно с выполнявшими это задание в более комфортных условиях (см.: Rule, Taylor & Dobbs, 1987; Berkowitz, 1989, 1990). В обоих исследованиях физический дискомфорт активировал идеи агрессивного и враждебного характера.

ГНЕВ ЧАСТО СОПРОВОЖДАЕТ ДРУГИЕ НЕГАТИВНЫЕ ЭМОЦИИ

Даже и после ознакомления с результатами исследований у читателя еще могут оставаться серьезные сомнения, особенно в связи с моей рабочей гипотезой о психологической эквивалентности всех негативных аффектов (при условии неизменной интенсивности). Прочитав, что фактически любой вид негативного аффекта имеет тенденцию активизировать агрессивные побуждения и рудиментарное переживание гнева, прежде чем субъект успевает хорошо осмыслить происходящее, некоторые заявят: «Этого не может быть. Человек не будет сердиться и не будет агрессивным, когда он печален или находится в подавленном настроении». И все же, вопреки тому, что думают многие люди, печаль и депрессия, несомненно, могут порождать чувство гнева, враждебные мысли и агрессивные тенденции.

Гнев часто сосуществует с другими негативными эмоциями

Одним из свидетельств в пользу этого утверждения может служить та степень, до которой эмоциональные переживания часто оказываются смесью различных чувств. Когда людей просят описать,

как они чувствуют себя в определенных неприятных ситуациях, они часто сообщают о смешанных переживаниях, в которых присутствуют и гнев, и другие негативные состояния. Похоже, неприятные события генерируют гнев так же, как и более ожидаемые эмоциональные состояния. В одном из исследований участники эксперимента в течение недели оценивали свои чувства во время эмоциональных эпизодов. По отчетам респондентов, по крайней мере некоторые из эмоциональных инцидентов возбуждали у них одновременно как страх, так и гнев. Участники исследования, конечно, чувствовали обычно некоторый испуг в угрожающей ситуации, но многие из них



Рис. 3-3. Эксперимент проводился по образцу оригинального эксперимента Берковица — Лепажа. Испытуемый имел возможность наносить своему предполагаемому партнеру от одного до десяти ударов электрическим током, используя телеграфный ключ. На столе кроме телеграфного ключа он видел винтовку и револьвер, которые, как ему сказали, были оставлены другим экспериментатором, проводящим другое исследование. Эксперимент показал, что осознание испытуемыми интереса экспериментатора к их реакциям на оружие вело к уменьшению, а не к увеличению числа ударов, наносимых мнимому партнеру.

говорили, что они испытывали также и гнев (Diener & Iran-Nejad, 1986).

❐ **Прискорбные события часто продуцируют как печаль, так и гнев.**

«О да,— произнес Дэлглиш.— Вы можете чувствовать гнев и огорчение одновременно. Это самая обычная реакция» (James, 1989, p. 381).

Еще более впечатляющим, чем факт сосуществования гнева и страха, является та степень, до которой люди могут испытывать гнев, будучи опечалены несчастливыми обстоятельствами. В своей известной книге «Эмоции человека» *(Human Emotions)* Кэрролл Изард (Carroll Izard) отмечает часто наблюдаемое слияние гнева и печали. По словам этого автора,— что вполне соответствует приведенному выше наблюдению детектива Адама Дэлглиша, персонажа из произведения П. Д. Джеймса,— люди, страдающие от потери любимого человека, часто описывают самих себя как переживающих не только печаль и депрессию, но и чувство гнева (Izard, 1977).

Мой собственный обзор литературы, посвященной проблемам траура и депривации, полностью подтверждает наблюдение Изарда. Читатель может быть удивлен, обнаружив, как часто люди, оплакивающие потерю кого-либо из близких, испытывают в то же время и чувство гнева. В одном из исследований описывается, как учащиеся приходской школы стали непослушными и агрессивными после того, как двое их соучеников были случайно убиты во время летних каникул. Даже учителя переживали чувства гнева, вины и печали, когда думали о смерти детей. Другие исследователи получили количественно выраженные доказательства этой часто наблюдающейся связи между печалью и гневом, позволившие им утверждать, что нет ничего необычного в том, что люди, подвергающиеся депривации, реагируют на нее гневом и даже совершают насильственные действия. Во многих случаях люди, переживающие потерю близких, не имеют оснований связывать смерть с чьими-то неправильными действиями или обвинять кого-то в этой смерти. И все-таки они испытывают чувство гнева.

Анализируя эту проблему, Термине (Termine) и Изард в последнее время пошли еще дальше. Они не только отметили, что условия, вызывающие печаль, нередко возбуждают также и гнев, но и продемонстрировали, что дети часто реагируют на страдания и сепарацию выражениями лица, которые ясно отражают как печаль, так и гнев[1].

---

[1] См.: в работе Berkowitz (1990) краткий обзор нескольких статей, в которых описываются проявления гнева и агрессии у людей, переживающих траурную скорбь. Наблюдение относительно часто встречающейся связи гнева и переживаемого горя, на которое я ссылался в своей работе (1990), было сделано Розенблаттом и его коллегами. Связь между печалью и гневом у детей выявлена Термином и Изардом (1988).

Ситуации, которые вызывали у этих детей печаль, пробуждали у них, по всей вероятности, и гнев.

По моему мнению, смешение гнева и печали обусловлено не просто неспособностью страдающего индивида распознать, что же именно он чувствует. Вместе с Изардом я считаю, что во многих случаях (по крайней мере, за пределами раннего детства) люди знают, что они испытывают дистресс (и/или печальны и/или боятся), но они также осознают, что переживают чувство гнева. Необходимо, однако, иметь в виду, что люди могут различать и часто дифференцируют свои эмоциональные состояния. Они могут сказать, что переживают чувство печали или что чувствуют себя несчастными, ничего не сообщая о чувстве гнева. В свете предлагаемой мной теории этот вид эмоционального дифференцирования начинается вскоре после того, как реализуется первичная эмоциональная реакция на неприятный инцидент, когда люди задумываются о неприятном событии, пытаются понять, почему оно произошло, и определяют, как они должны себя чувствовать в данных обстоятельствах.

Всегда ли гнев с необходимостью фокусируется на определенной конкретной мишени? Люди обычно рассматривают гнев как эмоцию, направленную на специфическую, конкретную мишень. Они говорят, что бывают рассержены *на* кого-то или *на* что-то. Изард (наряду со многими другими авторами) разделяет эту точку зрения здравого смысла, утверждая, что гнев сопровождает другие негативные эмоции, потому что на кого-то возлагается вина за несчастливое положение дел. Обсуждая связь между гневом и дистрессом, переживаемым в результате разлуки с любимым человеком, Изард пришел к следующему мнению: «Гнев может также возникать вследствие того, что индивид обвиняет отсутствующего или утраченного любимого человека в том, что тот покинул его или ее, или же возлагает вину за разлуку еще на кого-то другого» (Izard, 1977, p. 308).

Моя теоретическая позиция отличается от этого подхода. Не приходится сомневаться в том, что обычно мы связываем неприятные инциденты с определенными причинами. Мы полагаем, что некто или нечто явилось причиной события, и направляем наш гнев на воспринимаемый источник неудовольствия. Это, однако, не означает, что результирующие агрессивные тенденции и переживаемый гнев с необходимостью направлены *всегда и только* на эту определенную причину. Ранее я отмечал, что люди, подвергающиеся воздействию аверсивной стимуляции, такой, как ненормальная жара, очень холодная вода, гнилостные запахи и т. п., проявляют тенденцию становиться враждебными и агрессивными по отношению к случайным свидетелям, которых они не имеют никаких оснований обвинять и фактически не обвиняют в своем дискомфорте. Если бы их об этом спросили, то страдающие люди могли бы сказать, что они были раз-

дражены (я определяю раздраженность как низкий уровень испытываемого чувства гнева). Не приходилось ли вам чувствовать себя раздраженными, когда у вас болела голова или когда вам было жарко и вы обливались потом во время затянувшейся жары? Этот вид раздраженности, досады или гнева — вполне обычное явление и может представляться чем-то вроде *свободноплавающего психического состояния*. Оно не обязательно фокусируется на определенном лице или предмете. Агрессивные тенденции и чувство гнева, порождаемые негативным аффектом, также могут быть *свободноплавающими*[1].

В тех случаях, когда мы чувствуем дискомфорт, у нас могут появляться враждебные мысли, адресованные случайно оказавшимся рядом людям. Мы начинаем вспоминать неприятные вещи, касающиеся этих людей, думать о них плохо, вспоминать что-то дурное, что они нам когда-то сделали, и даже в какой-то степени обвинять их в наших несчастьях[2]. Эти обвинения могут быть *следствием* враждебно-агрессивного процесса, активированного негативным аффектом, а не *причиной* враждебно-агрессивных склонностей.

❐ **Депрессия и гнев.** Значительное число сообщений, отмечающих связь между депрессией и агрессией, также свидетельствует в поддержку предлагаемой мной интерпретации. Эта связь не может удивить читателя, ибо она уже обсуждалась множеством психиатров и психологов со времен Фрейда и до наших дней. Специалисты в области психического здоровья многократно наблюдали, что и дети, и взрослые в состоянии депрессии склонны к враждебности и могут быть подвержены интенсивным вспышкам гнева[3].

Познански (Poznanski) и Зрулл (Zrull) наблюдали комбинацию депрессии и агрессии, исследуя детей, страдающих выраженными депрессивными состояниями. Для большинства подростков, которых они наблюдали, был характерен столь высокий уровень агрессивности, что именно их агрессивное поведение скорее, чем депрес-

---

[1] *Свободноплавающее психическое состояние (free-floating)* — состояние, при котором эмоция не обязательно фокусируется на каком-либо определенном лице или предмете.

[2] Этот эффект был продемонстрирован, когда студенток, участниц одного из наших экспериментов, попросили вспомнить значимые события, связанные с несколькими знакомыми им людьми (их матери, друзья, нейтральные лица). Те из них, кто находился при этом в физически дискомфортных условиях, вспоминали больше конфликтных ситуаций, нежели те, кто не испытывал дискомфорта. См.: Berkowitz (1990).

[3] Некоторые ссылки на исследования, демонстрирующие эту связь между депрессией и агрессией, можно найти в моей работе, посвященной агрессии, вызванной аверсивными стимулами (Berkowitz, 1983).

сия, вызывало самую большую озабоченность у их родителей и учителей (Poznanski & Zrull, 1970). У детей с менее выраженными нарушениями также может наблюдаться как депрессия, так и агрессия. Сходное исследование подростков в возрасте до двенадцати лет показало, что дети, незадолго до того пережившие депрессивные состояния, также были склонны к агрессивному поведению[1].

Отличия от других концепций. Представляется ясным, что депрессия часто сопровождается агрессивными тенденциями. Значительно меньше определенности в отношении причин этой связи. Весьма влиятельная *когнитивная теория депрессии* Мартина Селигмана (Seligman, 1975) предполагает, что в состоянии депрессии люди не должны быть агрессивными. Депрессивные люди чаще всего настолько апатичны и пассивны, подчеркивает эта теория, что обычно они крайне неохотно предпринимают какие бы то ни было требующие усилий действия. Таким образом, казалось бы, трудно ожидать от них намеренных агрессивных проявлений. По всей видимости, они не хотели бы излишне утруждать себя.

Однако, утверждая, что депрессивные люди не хотят предпринимать усилий, необходимых для совершения намеренной прямой атаки, нельзя отрицать, что им свойственны импульсивные вспышки эмоциональной агрессии. Это не означает, что они не выражают враждебных мнений или что они никогда и никого не проклинают или не оскорбляют. Фактически, если депрессивные люди и проявляют физическую агрессию, то скорее в форме приступа неконтролируемой ярости, нежели намеренного и рассчитанного действия. Так, Познански и Зрулл, исследовавшие тяжело депрессивных подростков, отмечают, что у них «агрессия часто имела насильственный и эксплозивный характер, выражаясь кратковременными вспышками» (Poznanski & Zrull, 1970, p. 13).

Эти дети не могли планировать и осуществлять прямую, требующую усилий агрессию, но, впадая в ярость, набрасывались на других стремительно и бездумно.

---

[1] Обзор исследований детей приводится в работе: Pfeffer, Zuckerman, Plutchik and Mizruchi (1987). Практически все депрессивные дети временами бывают склонны к агрессии, но для некоторых из них более характерна открытая агрессия. В проведенном немецкими психологами (Matussek, Luks and Seibt, 1986) исследовании взрослых депрессивных людей было выявлено, что униполярные депрессивные (у которых бывают периодические эпизоды глубокого подавленного настроения) часто проявляли высокомерие и непрямую агрессию по отношению к своим партнерам. В противоположность этому биполярные депрессивные (чьи настроения колеблются между интенсивной депрессией и восторгом и ликованием), вероятно, были значительно более склонны подавлять свои агрессивные реакции.

Предлагаемая мной теория явно расходится с традиционной психоаналитической концепцией депрессии. Психоаналитические формулировки, берущие начало от Фрейда, трактуют депрессию как развивающуюся из агрессии, направленной на самого себя (см.: Freud, 1917/1955), в то время как согласно моей модели депрессивные чувства порождают агрессивные наклонности. Я не отрицаю, что люди в депрессивном настроении способны быть суровыми к самим себе и даже себя наказывать, но накапливающиеся данные исследований свидетельствуют о том, что депрессивные чувства сами по себе могут возбуждать состояние гнева и даже вести к относительно сильным атакам на доступную мишень.

Свидетельства, подтверждающие, что депрессивные чувства порождают агрессивные наклонности. Некоторые из исследований, посвященных порождающим агрессию следствиям депрессивных состояний, были выполнены с целью не столько изучения агрессии, сколько проверки теории депрессии Селигмана. Тем не менее исследователи неожиданно обнаружили, что их испытуемые становятся раздраженными и враждебными. Средние, психически нормальные люди, подвергавшиеся процедуре формирования выученной беспомощности по Селигману, оценивали себя равно как испытывающих раздражение, гнев и злость, так и как депрессивных, а также проявляли некоторую враждебность к другим людям (см.: Miller & Norman, 1979).

Некоторые ограничения

Вполне понятно, что не всякое неприятное событие порождает агрессивную вспышку, даже и при отсутствии внешних ограничителей. Печальные новости могут породить у человека состояние испуга или замешательства, при котором он не хочет ничего делать и уж конечно же не хотел бы никого открыто атаковать. Депрессия часто ведет скорее к апатии, чем к какой-то активности. Даже когда мы не сдерживаем себя, ясно, что необходимы определенные условия для того, чтобы наши внутренние агрессивные наклонности могли проявиться в поведении (см. рис. 3-4).

☐ **Интенсивность внутреннего возбуждения.** Подстрекательство к агрессии может быть слишком слабым, чтобы она проявилась открыто. Моя модель предполагает, что даже умеренно неприятные события способны активизировать у людей побуждение атаковать кого-либо, но люди могут быть в данный момент недостаточно возбужденными для того, чтобы это побуждение дало их мышцам соответствующую команду. Печальное событие может оказаться фактором, понижающим уровень возбуждения (real downer), притупляющим чувства и приглушающим эмоциональные реакции настолько, что люди оказываются вообще не в состоянии действовать. Чем более интенсивно

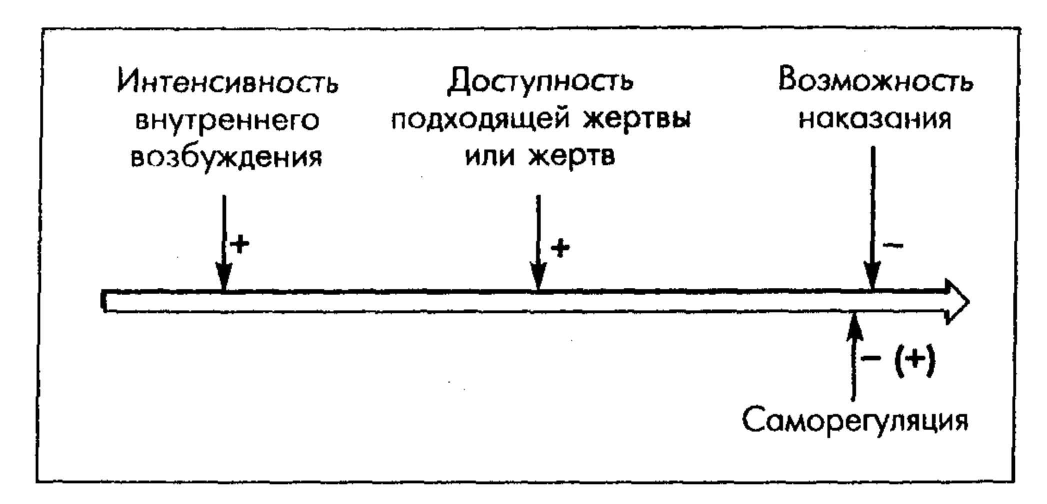


Рис. 3-4. Факторы, влияющие на то, что порожденная негативным аффектом стимуляция агрессии приведет к открытой агрессии.

внутреннее возбуждение, создаваемое негативным событием, тем выше вероятность, что человек будет кого-нибудь атаковать.

❐ **Наличие конкретной фокусирующей мишени.** Я также предполагаю, что порождаемая аффектом стимуляция с более высокой вероятностью может проявиться в открытом поведении, когда имеется явно подходящая «доступная мишень». Мы изначально предрасположены атаковать то, что расцениваем как источник наших неприятностей, но, на мой взгляд, мы также склонны быть агрессивными, даже если нет ничего такого, на что мы могли бы возложить вину за наши несчастья. Предположим, вы чувствуете себя плохо из-за того, что у вас болят зубы. Боль делает вас раздражительными и даже предрасположенными атаковать кого-нибудь, но при этом может не быть определенного и *подходящего* для нападения объекта. Нет ничего или никого подходящего для того, чтобы ваши враждебные мысли и агрессивные тенденции могли на нем сфокусироваться, и в результате вы проявляете только лишь общую и диффузную враждебность и раздражительность. Однако если затем появляется некто, пригодный для того, чтобы стать определенной и соответствующей мишенью, ваша злость и связанные с агрессией чувства, мысли и побуждения сфокусируются на этом конкретном (и подходящем) объекте и тогда резко увеличиваются шансы на то, что ваш агрессивный импульс найдет выход в открытой агрессии.

❐ **Самоконтроль порожденных негативным аффектом агрессивных тенденций.** Доступность определенной, конкретной мишени, однако, лишь увеличивает вероятность открытой агрессии, но не гарантирует того, что она будет реализована. В конце концов, ведь большинство людей научилось тому, что нехорошо нападать на кого-то, кто не виноват в ваших страданиях. Как следствие, они часто подавляют свои

порожденные негативным аффектом агрессивные побуждения. В то время как эта точка зрения вполне очевидна, читателю может быть интересно узнать, что внутреннее сдерживание иногда может возникать просто в результате повышенного осознания собственных неприятных чувств.

Несколько независимо проведенных исследований могут служить подтверждением этого эффекта. Вообще говоря, эксперименты показывают, что люди, находящиеся в плохом настроении, с большей вероятностью подчиняются своим негативным побуждениям, когда действуют быстро, импульсивно, мало или совсем не осознавая, что они делают и чувствуют.

Испытывая те или иные страдания, люди могут осознанно или неосознанно пытаться регулировать свои чувства и действия в соответствии с социальными правилами. Вспомним упоминавшихся выше учителей, которые испытывали чувство гнева в связи со случайной смертью двух своих учеников. Если бы они вполне осознавали собственный гнев, то могли бы постараться контролировать чувства и агрессивные побуждения, понимая, что неразумно переживать гнев и быть агрессивными по поводу чьей-то случайной смерти. Другими словами, когда социальные правила четко определяют, что враждебность и агрессия при данных обстоятельствах неуместны, люди, осознающие свое неприятное эмоциональное состояние, с меньшей вероятностью действуют под влиянием чувств, нежели те, кто в данный момент не думает о своих эмоциях.

Предлагаемая мной модель имеет определенное сходство с другими концепциями агрессии, но также и ряд существенных отличий. Для того чтобы эти различия были для вас совершенно ясны, целесообразно рассмотреть интерпретацию насилия, предлагаемую психоаналитиком Ролло Мэем (Rollo May). В опубликованной около двадцати лет назад книге «Сила и невинность» *(Power and Innocence)* Мэй утверждает, что агрессия часто порождается бессилием и обусловленным им стремлением человека утвердить собственную ценность и значимость. Он также подчеркивает импульсивный характер многих насильственных действий:

> *В своей наиболее типичной и простой форме насилие представляет собой выброс накопившейся страсти. Когда человека (или группу людей) в течение определенного периода времени подвергали лишению того, что он (или группа) считает своими неотъемлемыми и законными правами, когда он (или группа) постоянно испытывает чувство бессилия, которое все больше разъедает самооценку, насилие становится вполне предсказуемым конечным результатом. Насилие представляет собой результат взрывного процесса, побуждающего к разрушению того, что интерпретируется субъектами как препятствия в стремлении к поддержанию самооценки, росту и развитию. Это жела-*

ние разрушать настолько может захватить человека, что разрушению подвергается любой встреченный на пути объект. Вот почему человек набрасывается в слепой ярости...

Либо вследствие скрытого периода накопления, либо в результате внезапности стимула агрессивный импульс оказывается столь сильным и неожиданным, что мы не способны думать и лишь с трудом можем его контролировать (May, 1972, р. 182).

С моей точки зрения, анализ Мэя недостаточно полон. Я согласен с ним в некоторых отношениях: депрессивные люди обычно чувствуют себя бессильными (способными лишь в относительно малой степени контролировать важные события своей жизни), и, таким образом, действительно имеются веские основания полагать, что бессилие может продуцировать побуждение к насилию. Однако я думаю, что это побуждение возникает главным образом потому, что чувство бессилия и/или депрессия переживается как крайне неприятное. Агрессивные реакции бессильных и депрессивных людей — это всего лишь отдельные случаи влияния негативных чувств на агрессивные наклонности. Имея в виду это различие, я разделяю идею Ролло Мэя о том, что результирующее побуждение к агрессии может служить подстрекательством к импульсивному и необдуманному нападению на других людей, особенно на тех, которым приписывают ответственность за испытываемые неприятности. Ниже описываются два эксперимента, подтверждающие данную формулировку.

❐ **Самоконтроль, являющийся результатом осознания.** ***Импульсивные индивидуумы могут проявлять свои негативные настроения.*** В первом из этих экспериментов Дэниел Хайнен (Daniel Hynan) и Джозеф Граш (Joseph Grush) разделили испытуемых, студентов университета, на две группы по результатам личностного обследования: лиц с высоким уровнем импульсивности и тех, у кого показатель импульсивности был низким.

Каждый вначале вступал в непродолжительное общение с партнером, якобы таким же участником исследования, а на самом деле помощником экспериментатора. Затем у испытуемых создавалось либо депрессивное, либо нейтральное настроение посредством ныне уже стандартной лабораторной *процедуры Вельтена*[1]. После индуцирования желаемого настроения наивному испытуемому предлага-

---

[1] *Процедура Вельтена (the Velten procedure)* — часто используемая в исследованиях истерии методика, состоящая в том, что испытуемые читают серию утверждений, имеющих определенную эмоциональную окраску, оценивая, насколько каждое из них подходит к нему или к ней. Всего таких предложений шестьдесят, из которых каждое более депрессивно окрашено, чем предшествующее. Этот список может подаваться как в прямом порядке, для создания депрессии, так и в обратном — для того чтобы индуцировать приятное счастливое настроение.

лось обучать партнера определенным понятиям, используя *«машину агрессии» Басса*. Эта парадигма, описанная в главе 13, требует, чтобы испытуемый наказывал «ученика» каждый раз, когда тот допускает ошибку. При этом испытуемый свободен в выборе интенсивности наказания в пределах десятибалльной шкалы. В эксперименте Хайнена и Граша испытуемые имели 25 возможностей наказать ученика за допущенные ошибки.

Результаты оказались почти такими, которые и ожидались. В общем, наиболее склонными наказывать были те из испытуемых, у которых было создано депрессивное настроение и которые были *высокоимпульсивными* и, следовательно, отличались тенденцией реагировать быстро и не раздумывая. Депрессивное состояние, очевидно, активизировало у них агрессивную наклонность, которая явно проявлялась теми людьми, которые не привыкли задумываться о том, что они делают (Hynan & Grush, 1986).

Внимание к собственным чувствам может активизировать самоконтроль. Второй представляющий интерес в данном контексте эксперимент, проведенный Бартоломео Трокколи (Bartholomeo Troccoli) и мной, был выполнен с целью изучения сходной проблемы: влияния мыслей людей на обусловленную настроением агрессию. В то время как из исследования Хайнена и Граша можно было делать вывод лишь о том, что импульсивные люди не слишком задумываются о своих действиях или чувствах, в нашем исследовании мы специально варьировали степень внимания испытуемых к их эмоциональным состояниям.

Как я и предполагал, люди, отдающие себе отчет, что чувствуют себя плохо, могут пытаться ограничить влияние плохого настроения на свои суждения и действия, если считают, что у них нет достаточного оправдания для того, чтобы быть враждебными и агрессивными.

Это означает, что депрессивные люди с большей вероятностью будут открыто проявлять агрессивные наклонности, если они не обращают внимания на свои чувства.

В нашем эксперименте испытуемые, полагавшие, что они участвуют в исследовании влияния мыслей на экстрасенсорное восприятие (ЭСВ), были разделены на две группы определенным образом.

Посредством уже упоминавшейся *процедуры Вельтена* у испытуемых первой группы индуцировалось умеренно депрессивное, а у испытуемых другой — счастливое настроение. Затем у половины испытуемых каждой группы было вызвано сосредоточение сознания на их чувствах посредством заполнения опросника, требующего оценивания их настроения. Внимание другой половины, наоборот, рассеивалось, так как их просили называть первые приходящие на ум слова при чтении списка нейтральных слов. Непосредственно по окончании этого эксперимен-

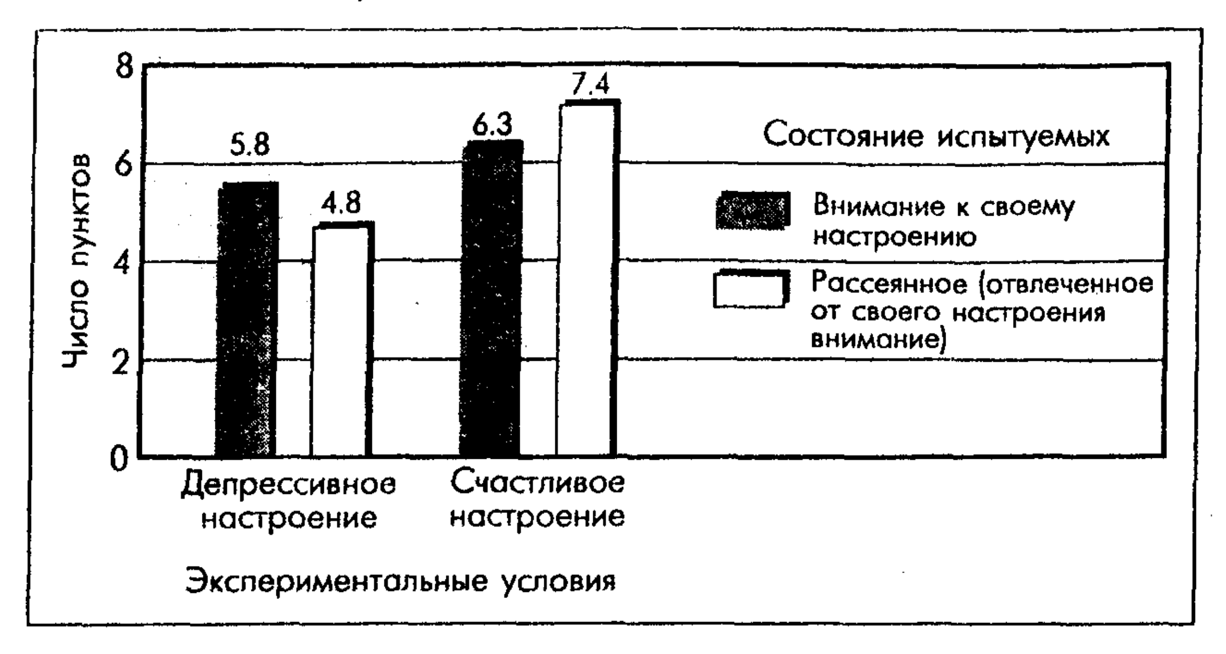


Рис. 3-5. Число пунктов, присуждаемых ЭСВ-рецептору как функция настроения испытуемых и степени их внимательности к своему настроению (Berkowitz & Troccoli, 1990, эксперимент № 1). Примечание. Чем меньше присуждаемых пунктов, тем выше уровень враждебности.

тального манипулирования испытуемых просили думать об определенных цветах, которые им показывали. ЭСВ-рецептор, якобы находящийся в соседней комнате, должен был отгадывать воображаемые испытуемым цвета. Испытуемым также было сказано о том, что они будут награждать ЭСВ-рецептора за каждый правильный ответ нажатием кнопки на имеющемся в их распоряжении аппарате в пределах от одного до десяти раз. Каждое нажатие якобы соответствует 10 центам, так что испытуемый за каждый правильный ответ мог давать ЭСВ-рецептору награду в размерах до одного доллара. Каждый из испытуемых имел 4 возможности наградить ЭСВ-рецептора.

Мы *предполагали*, что чем *меньше* денег (меньшее число пунктов) испытуемые будут присуждать ЭСВ-рецептору, тем более враждебно они к нему настроены.

На рис. 3-5 показано среднее число пунктов (эквивалентных 10 центам), присуждаемых испытуемыми (в том или ином настроении) ЭСВ-рецептору. Как может видеть читатель, полученные данные подтверждают наши предположения.

В условиях рассеянного внимания, когда испытуемые, как можно предполагать, слабо осознавали свои чувства, те из них, у кого было индуцировано депрессивное настроение, присуждали значительно более низкие вознаграждения, нежели их более счастливые товарищи по эксперименту. Напротив, когда внимание испытуемых было привлечено к их чувствам, собственное настроение не оказывало значительного влияния на то, как много денег они присуждали.

Вероятно, в силу того, что осознание ими своих умеренно негативных чувств побуждало их думать о том, как правильно поступать в данной ситуации, эти испытуемые старались не дать своему настроению повлиять на решение (Berkowitz & Troccoli, 1990).

Все ли негативные чувства подобны друг другу?

Как мы видели, многие виды неприятных состояний могут продуцировать агрессивные реакции, вероятно, вследствие порождаемого негативного аффекта. Это, как представляется, соответствует моему предположению о том, что любой тип негативных чувств может активизировать агрессивные наклонности и рудиментарное переживание гнева. Но так ли это на самом деле? Психологи, изучающие эмоции, в настоящее время различают эмоциональные состояния *с высоким уровнем возбуждения*, например такие чувства, как «все надоело», «нервозность» или «нервное состояние», и состояния, которые характеризуются *низким уровнем возбуждения*, включая чувства «усталости» или «печали» (см., например: Mayer and Gaschke, 1988). Не следует ли согласиться с тем, что только переживания первого вида, имеющие высокий уровень возбуждения, вызывают агрессивные следствия?

Мое предположение заключается в том, что высокий уровень возбуждения увеличивает вероятность того, что агрессия и гнев станут явными; чем больше люди взволнованы, тем сильнее будет у них побуждение к агрессии и переживаемый гнев. Однако, как я полагаю, даже менее возбужденные люди могут иногда быть враждебными и переживать чувство гнева. Некто, находящийся в меланхолическом либо удрученном состоянии, может легко вспылить и взорваться, демонстрируя, что она или он, по крайней мере, готов стать агрессивным.

ИМПУЛЬСИВНАЯ АГРЕССИЯ: РОЛЬ АГРЕССИВНЫХ КЛЮЧЕВЫХ СИГНАЛОВ

До настоящего момента я обсуждал то, что, вероятно, является главной причиной эмоциональной агрессии: генерируемая негативным аффектом внутренняя стимуляция, которая в основном и «запускает» агрессивные реакции. Как я предполагал ранее, это побуждение может состоять как из желания причинить ущерб (вред) кому-то, так и из стремления осуществить связанные с агрессией моторные акты. Однако эмоционально порожденная внутренняя стимуляция не является единственным источником импульсивной агрессии. Агрессии может способствовать также и внешняя стимуляция. Не случалось ли вам укорить, оскорбить или даже ударить кого-нибудь сильнее, чем вы хотели? У вас могла быть более или менее рациональная цель: призвать к порядку непослушного ребенка, показать свою власть кому-то, кто угрожает вашему доминированию, или продемонстрировать, что вы достойная личность, с которой должны считаться. Тем не менее вы, по тем или иным причинам, на-

бросились и ударили сильнее, чем намеревались. Этот вид импульсивной (или экспрессивной) агрессии не является чем-то необычным, и его можно наблюдать как в самых крайних проявлениях яростного нападения, так и в относительно мягко выраженных атаках (проклятия в адрес жертвы и т. п.). Описывая этот вид эмоциональной реакции в главе 1, я цитировал детектива из Далласа: «Убийства, — говорил он, — происходят оттого, что люди не думают... Взыграла кровь. Завязалась драка, и вот уже кто-то зарезан или застрелен». Здесь я хочу рассмотреть следующие вопросы: как бы часто ни случалась намеренная (в прямом смысле этого слова) агрессия и каковы бы ни были ее специфические формы, почему она вообще имеет место? Какие факторы ее вызывают?

РЕАКЦИИ НА ВНЕШНИЕ КЛЮЧЕВЫЕ СИГНАЛЫ

Многие из моих исследований были посвящены как раз поставленным выше вопросам. Я доказывал, что импульсивные (или экспрессивные) атаки нередко являются, по крайне мере частично, реакциями на определенные черты или особенности ситуации, в которой оказывается человек. Находящиеся непосредственно рядом внешние стимулы вызывают реакции, повышающие интенсивность атаки[1]. Это случается, как я полагаю, когда внешние стимулы либо имеют агрессивное значение для нападающего (т. е. ассоциируются в сознании субъекта с агрессией), либо каким-то образом напоминают агрессору о крайне неприятных вещах. Рис. 3-6 иллюстрирует данную теорию и представляет различные условия, которые могут увеличить способность внешних стимулов вызывать более сильные агрессивные реакции. Я ограничусь обсуждением стимулов, которые имеют агрессивное значение, и стимулов, которые ассоциированы с происходившими ранее неприятными событиями.

«Эффект оружия» как пример реакций на агрессивные ключевые стимулы

Оружие явно представляет отличный пример объектов, имеющих для многих людей агрессивное значение. Если нам привычно представлять себе огнестрельное оружие (или даже ножи) скорее как орудия, намеренно применяемые для нанесения ущерба другим, не-

---

[1] Это, разумеется, метафорическое выражение, и оно сформулировано таким образом лишь потому, что я хотел бы подчеркнуть важность внешних стимулов. Эти стимулы оказывают свое действие, вероятно, через активизацию мыслей, воспоминаний и/или различных экспрессивно-моторных реакций субъекта, что способствует открытому проявлению агрессии.

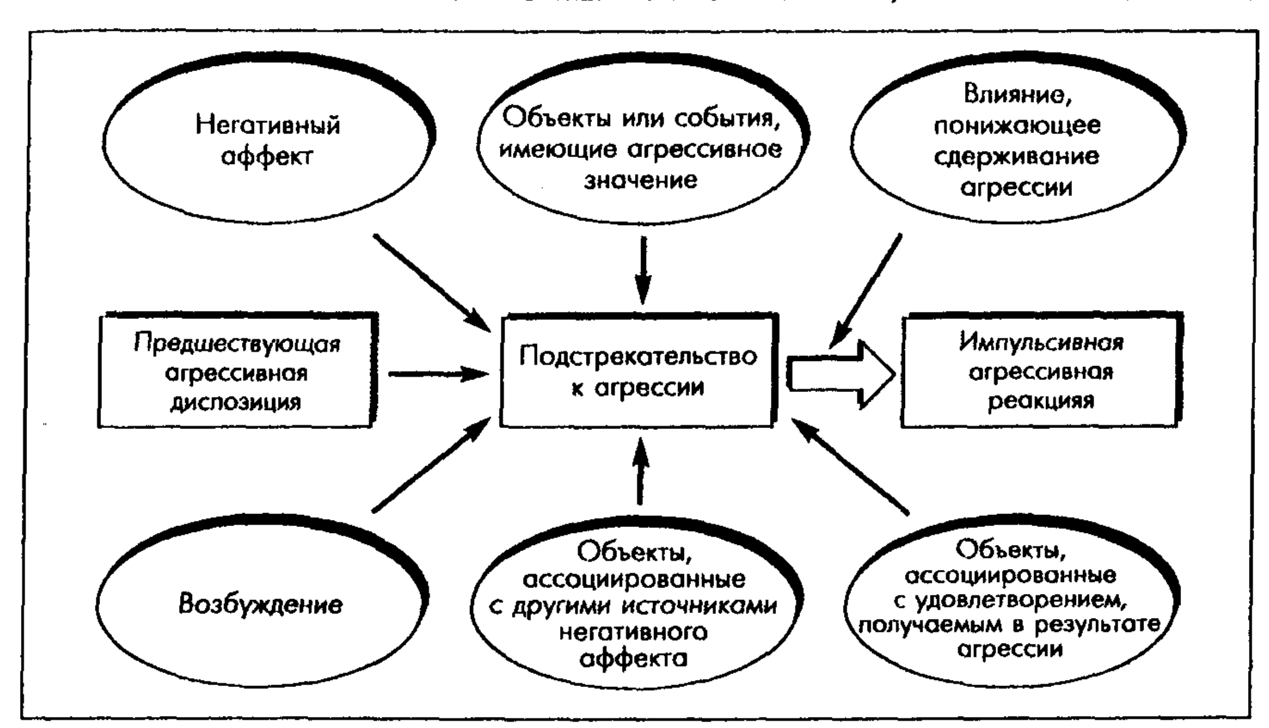


Рис. 3-6. Факторы, которые могут влиять на интенсивность открытой импульсивной агрессии: негативный аффект и/или внешние стимулы, имеющие агрессивное значение, подготавливающие агрессивную наклонность плюс ассоциированные с агрессией чувства, идеи, воспоминания. Побуждение и другие реакции особенно сильны, если существует ранее сформировавшаяся агрессивная диспозиция и/или личность в данный момент возбуждена. Наличие ситуационных стимулов, ассоциированных с другими аверсивными событиями и ранее получаемым удовлетворением от агрессивных действий, также будет увеличивать агрессивные реакции, ведущие к относительно сильному акту открытой импульсивной агрессии, особенно если сдерживающие агрессию факторы действуют в данный момент слабо.

жели как объекты, необходимые для спортивных занятий или развлечений, то простое наличие ружья или ножа может стимулировать нас к более жесткому нападению на других, чем мы намеревались[1].

---

[1] Я должен подчеркнуть, что *эффект оружия* в значительной степени зависит от значения этих объектов для индивида. Охотники, скажем, могут воспринимать оружие как объекты, которые они используют только для спортивных целей (а не для причинения ущерба людям), и потому оружие напоминает им о развлечениях во время осенних уик-эндов, когда они занимаются охотой. У таких людей вид оружия не возбуждает агрессивных мыслей о людях и не должен иметь агрессивных последствий. Однако довольно много людей приписывают оружию агрессивное значение. Это верно как в отношении взрослых, так и детей, как в США, так и в других странах. Как результат, у этих людей при виде оружия с определенной вероятностью появляются агрессивные мысли. Если у них противодействующие агрессии силы (подавление агрессии) в данный момент слабы, эти мысли могут стимулировать импульсивные агрессивные действия (так же, как и другие враждебные мысли и воспоминания): сжатые кулаки, нанесение удара, быстрое нажатие кнопки электрошокового аппарата или, может быть, даже нажатие спускового крючка.

Первая демонстрация эффекта оружия. Эксперимент, проведенный четверть века назад мной и Энтони Лепажем (Anthony LePage), был первой демонстрацией *эффекта оружия. В этом исследовании участвовали* молодые люди — студенты колледжа. Каждый из них должен был выполнить задание в паре с другим студентом (помощником экспериментатора). Им говорили, что они участвуют в исследовании физиологических реакций на стресс. Они должны были по очереди решать предложенные задачи и по очереди оценивать друг у друга успешность решения, нанося от одного до десяти ударов электрическим током. После того как студенты расходились по отдельным комнатам, наивный испытуемый начинал первый, писал свои решения задач и получал либо один, либо 7 ударов током (не слишком сильных), якобы соответственно оценкам партнером качества его работы. Нет нужды говорить, что большинство испытуемых, получивших 7 ударов, были разозлены на партнера из-за очень несправедливой, хотя и не слишком болезненной оценки.

Затем была очередь наивного испытуемого оценивать решения своего партнера. Его приглашали в «контрольную комнату», показывали «электрошоковый аппарат» (простой телеграфный ключ) и давали решения партнера. Поскольку главный вопрос исследования состоял в том, повысит ли наличие оружия агрессию испытуемых по отношению к тому, кого им предстояло атаковать, некоторые из них видели револьвер и ружье, лежащие на столе рядом с ключом «электрошокового аппарата», в то время как другие видели на столе две бадминтонные ракетки и несколько воланов. Каждому из испытуемых экспериментатор, отодвигая эти предметы в сторону, говорил, что они были оставлены его коллегой после другого исследования, затем просил начинать оценивать работу партнера и удалялся из комнаты. Испытуемые третьей группы работали за столом, на котором не было ничего, кроме ключа от «электрошокового аппарата».

Результаты эксперимента, представленные на рис. 3-7, свидетельствуют о повышающем агрессивность влиянии находящегося рядом оружия. Разозлившиеся испытуемые (получившие от партнера 7 ударов электротоком), которые видели на столе оружие, наказывали своих бывших мучителей сильнее, чем те из разозленных, кто видел нейтральные предметы, или те, у кого на столе не было ничего, кроме «электрошокового аппарата». Простой вид оружия, видимо, стимулировал разозленных людей наносить своим противникам больше ударов, чем они нанесли бы при отсутствии оружия (Berkowitz & LePage, 1967).

□ **Подтверждение существования эффекта оружия.** Я не буду рассматривать здесь все возражения, выдвигавшиеся против эксперимента, демонстрирующего эффект оружия, и предлагаемой мной интерпретации, но упомяну лишь несколько заслуживающих внимания моментов. Во-первых, как мы увидим в главе 13, в которой обсуждается методология исследования, остроумный эксперимент Тернера (Turner) и Симонса (Simons) показал, что действия рассерженных людей в ситуации с наличием оружия не просто подтверждали ги-

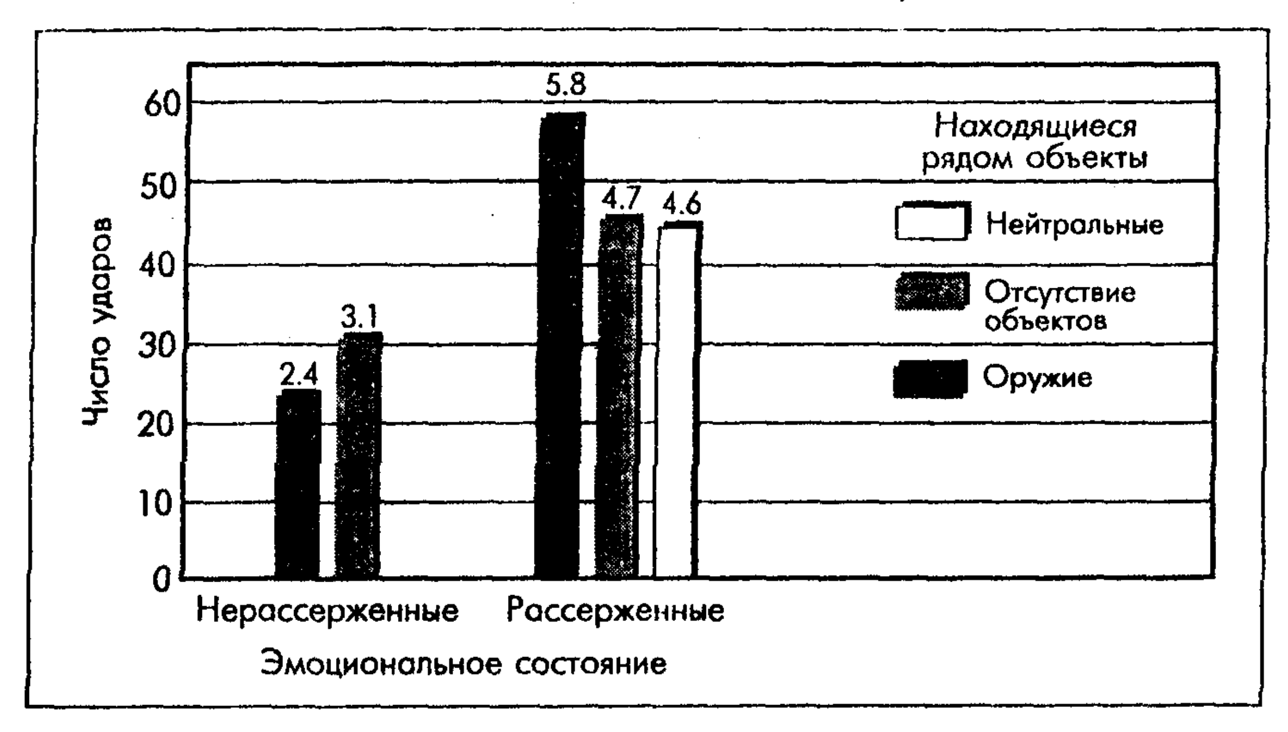


Рис. 3-7. Среднее число наносимых ударов как функция наличия оружия (Berkowitz & LePage).

потезу экспериментаторов. Фактически, чем сильнее испытуемые верили, что экспериментатор заинтересован в их агрессивных реакциях,тем *меньше* они стремились наказывать жертву (Turner & Simons, 1974). Вызванное видом оружия усиление агрессии возникало *вопреки* подозрениям испытуемых, а *не по причине* осознания заинтересованности экспериментатора в их агрессивности.

Некоторые успешные воспроизведения. К настоящему времени были многократно проведены успешные эксперименты, подтверждающие наши данные (а также несколько неудачных попыток). Социальные психологи ряда стран, включая Швецию, Бельгию и Италию, получили сравнимые результаты, показывающие, что *эффект оружия* не ограничивается студентами университетов, принадлежащих к среднему классу американского Среднего Запада.

Я приведу пример только одного из этих экспериментов, проведенного Энн Фроди (Ann Frodi) в рамках ее диссертационного исследования в Гетеборгском университете (Швеция). Она показала, что молодые люди — студенты университета наносили значительно больше электрических ударов своему сокурснику (в качестве якобы оценки успешности его работы), если поблизости находилось оружие, чем в тех случаях, когда рядом были рожок и картинки, изображающие кормящую мать, или когда на столе не было вообще никаких предметов. Более того, тот же самый результат был получен, даже когда испытуемые не были рассержены тем, кого они «оценивали». Молодым людям, по-видимому, так хотелось наказать своего

сокурсника, что *эффект оружия* наблюдался, даже когда испытуемые не были эмоционально возбуждены (Frodi, 1975).

В исследовании, которое продемонстрировало, что испытуемые не просто согласовывали свое поведение с пожеланиями экспериментаторов, повышенная агрессивность, порождаемая наличием в поле восприятия оружия, наблюдалась, когда участники исследования не осознавали, что они принимают участие в эксперименте. Чарльз Тернер (Charls Turner) и его помощники во время студенческого карнавала поставили будку, к которой приглашались желающие бросать губку в человека-мишень, и им позволялось атаковать жертву сколько угодно раз. Жертва подвергалась «нападениям» большее число раз, когда рядом находилось оружие, нежели в том случае, когда оружия не было.

Наконец, я должен отметить, что ряд исследований (например уже упомянутые эксперименты Фроди и Тернера) показали, что даже нерассерженные люди могут проявлять повышенную агрессию, когда они видят оружие. Эмоционально возбужденные люди могут быть особенно восприимчивыми к *эффекту оружия* (потому что они готовы атаковать кого-либо и, вероятно, почти не подавляют своих реакций), но даже и невозбужденные люди могут стать более агрессивными, чем обычно, когда поблизости находится оружие, особенно если их противодействующие агрессии силы в данный момент ослаблены[1].

Эксперимент с детьми. Недавний эксперимент на детях, проведенный Миомиром Зузулом (Miomir Zuzul) в Загребском университете в Хорватии, представляет особенный интерес, так как он показывает, почему в некоторых исследованиях не удалось подтвердить эффект оружия. В этом исследовании шестилетним мальчикам и девочкам показывали либо настоящее оружие, либо игрушечное ружье или не показывали никакого оружия. Затем им рассказывали историю, в которой выражалось отношение к агрессии: разрешающее, строгое, менее разрешающее или же никакого определенного отношения не высказывалось. После этого некоторые из детей были фрустрированы тем, что им не разрешили участвовать в интересных занятиях, в то время как другие дети подобной фрустрации не подвергались. Затем в течение получаса свободной игры за всеми детьми вели наблюдение люди, которым не было ничего известно об условиях эксперимента.

На рис. 3-8 показано среднее число агрессивных действий (толчки, удары и т. п.), совершенных фрустрированными детьми в каждой группе (аналогичное поведение было обнаружено в группе нефрустрированных детей, хотя тенденции оказались слабее выражены и не были статисти-

---

[1] Случаи, когда *эффект оружия* не подтверждался, и многие его успешные воспроизведения обсуждаются в работе: Turner, Simons, Berkowitz and Frodi (1977).

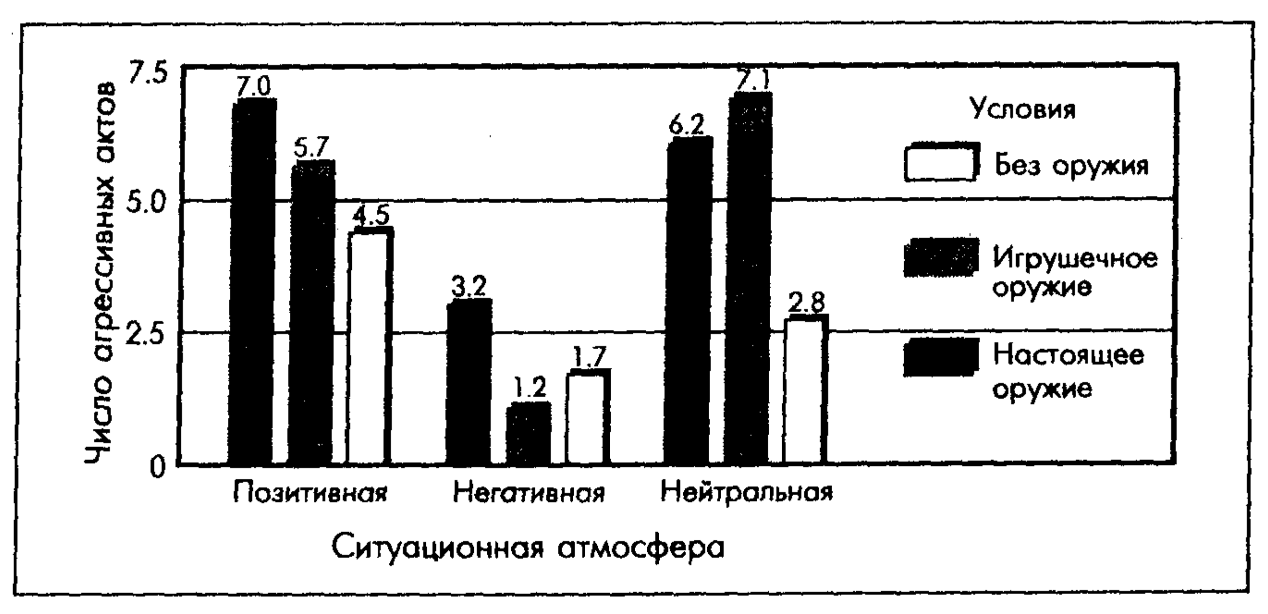


Рис. 3-8. Агрессия детей как функция экспозиции оружия и ситуативной «атмосферы» (Zuzul, 1989).

чески значимыми). Читатель может видеть, что дети были относительно сдержанными, когда рассказанная взрослым история подразумевала негативную установку к агрессии. Когда же подобная установка не выражалась, дети не только были в общем более агрессивными по отношению друг к другу, но и были особенно склонны драться и бить друг друга, если поблизости в поле их восприятия находилось оружие.

Результаты этого эксперимента могут оказаться полезны как для исследователей, так и для родителей. Для первых уроком послужит то, что полученные в этом исследовании данные показывают следующее: ситуационно обусловленные тормозящие причины могут помешать обнаружить повышенную агрессивную тенденцию, порождаемую наличием оружия. Этот вид сдерживания агрессии, возможно, особенно сильно проявился в тех исследованиях, где не удалось получить подтверждение *эффекта оружия*. Для родителей этот эксперимент, как и ряд других, которые можно было бы здесь привести (см., например: Turner & Goldsmith, 1976), демонстрирует, что игрушечные ружья так же, как и настоящее оружие, могут стимулировать у детей повышенную агрессию. Насилие в фантазии не обеспечивает «безопасной разрядки» для накапливающихся агрессивных побуждений.

Игры детей с игрушечными пистолетами, винтовками или бластерами могут повысить агрессивность и неуправляемость. Однако результаты также показывают, что взрослые имеют возможность ослабить агрессивные реакции детей, дав им понять, что быть агрессивным нехорошо и что агрессия ведет к плохим последствиям. Сформулировав это в более общем виде, можно сказать, что оружие не всегда стимулирует открытую агрессию; люди часто способны

адекватно управлять своим поведением. Тем не менее необходимо признать, что сдерживающие или тормозящие агрессию силы временами оказываются недостаточными, например из-за эмоционального возбуждения или слишком большой дозы алкоголя. Именно в тех случаях, когда сдерживание бывает слабым, простой вид оружия может инициировать агрессивную реакцию, более сильную, чем в условиях его отсутствия.

❑ **Еще один дополнительный момент.** Подобный эффект может иметь не только оружие. Все, что явно ассоциируется с возможностью причинить вред другим, вероятно, может иметь аналогичный эффект. Такими стимулами могут быть нож, или топор, или сцена с насилием в кино или на телеэкране. Каковы бы ни были стимулы, их агрессивное значение повышает вероятность того, что они вызовут агрессивное поведение.

Ключевые стимулы (сигналы), ассоциированные с аверсивными событиями

И еще один фактор, по видимости совсем другого свойства, также может способствовать агрессивным реакциям: ассоциации с неприятными событиями. Это не должно нас удивлять. Если аверсивные условия могут стимулировать агрессивные наклонности, то стимулы, связанные в нашем уме с этими негативными событиями, также могут иметь подобный эффект. Они могут вызывать негативные чувства, напоминая о наших прошлых страданиях. Этот негативный эффект может продуцировать враждебные мысли и агрессивные побуждения. Кроме того, такие негативные стимулы могут активизировать враждебные или агрессивные мысли и воспоминания, а также связанные с агрессией моторные реакции, действуя независимо от неприятных чувств.

❑ **Эмпирические доказательства.** Исследования на животных показали, что стимулы, ассоциированные с аверсивными событиями, могут вызывать у них драки. Предположим, что паре крыс, находящейся в одной клетке, многократно наносят удары электрическим током и каждый раз при этом включается зуммер. Боль побуждает животных атаковать друг друга. После того как зуммер несколько раз звучал одновременно с ударами электрического тока, достаточно уже одного его звучания, чтобы крысы начинали драться. Зуммер вследствие ассоциирования с аверсивным событием — электрошоком — становится негативным стимулом и в результате уже сам по себе может стимулировать агрессию.

Подобный эффект был продемонстрирован также и в экспериментах с людьми. Польский психолог Адам Фрачек (Adam Fraczek)

провел эксперимент, в котором у испытуемых вырабатывалась ассоциация желтого цвета либо с сигаретами (приятная связь для данных субъектов), либо с получением ударов электрического тока (неприятная ассоциация). Вскоре после этого их просили наказывать другого человека в условиях, включающих восприятие либо желтого, либо какого-то другого цвета. Испытуемые были более агрессивными, когда они видели желтый цвет *и когда* этот цвет был ассоциирован с болевым воздействием. Особенность среды (желтый цвет) стала негативным стимулом в результате ее ассоциирования с болезненным событием и таким образом усилила интенсивность агрессивных реакций[1].

Связь доступной мишени с неудовольствием

Ассоциации с аверсивными событиями играют весьма важную роль в том, что жертва может подвергаться сильнейшей атаке. Если бы мы по какой-то причине чувствовали себя плохо, то с большей вероятностью направляли бы свою агрессию на тех, кого можем обвинить в своих несчастьях. Перефразируя формулировку Долларда и его коллег (1939), мы можем сказать (как показано на рис. 3-6), что агрессия, возбужденная неприятным событием, с наибольшей силой бывает направлена на того, кто воспринимается как источник неудовольствия.

Существует как минимум две причины этого эффекта. Атака частично может быть попыткой устранить или уменьшить *аверсивную стимуляцию*. В дополнение к этому воспринимаемый источник теперь ассоциируется с негативным аффектом; как результат, его простое присутствие может возбуждать враждебные мысли и воспоминания, равно как и внутреннюю стимуляцию к агрессии. Это положение можно сформулировать в более общем виде следующим образом: люди, получившие в глазах окружающих негативное значение (может быть, в связи с происшедшими ранее неприятными инцидентами), могут с особенной легкостью стать жертвами *аверсивно генерированной* агрессии.

Исследования животных свидетельствуют в пользу этой возможности. По крайней мере в одном эксперименте животное легко становилось жертвой агрессии просто потому, что оно сталкивалось с животным-агрессором, которое перед этим подвергалось воздействию электротоком. Люди могут вести себя подобным образом. Так, например, Риордан и Тедеши показали, что участники эксперимента

---

[1] Эксперимент, проведенный на животных, описан в работе: Ulrich and Favell (1970). Обзор исследований на людях представлен в работе: Leyens and Fraczek (1983).

проявляют большую враждебность к человеку, который просто присутствовал, когда у испытуемых вызывали страх, и который, в отличие от них, не подвергался аналогичному воздействию (см.: Ulrich, Hutchinson and Azrin, 1965; Riordan and Tedeschi, 1983).

❐ **Применение анализа к интерперсональным отношениям.** ***Смещенная враждебность и феномен «козла отпущения».*** Смещение враждебности, на мой взгляд, часто имеет место, когда невиновный индивид или группа становится жертвой агрессии, проистекающей из другого источника. Несомненно, подобное вам знакомо. Всем нам известна история о том, как человек, рассерженный своим боссом, придя домой, накричал на жену, которая дает подзатыльник сыну за какую-то мелкую провинность, который, в свою очередь, дает пинка своей собаке. Все эти персонажи были спровоцированы, но, не в силах или не желая атаковать своего мучителя, *разряжали* агрессию на ком-то другом. Иногда мы называем невинную жертву *козлом отпущения*.

Обычная интерпретация феномена *козла отпущения* исходит из того, что жертва подвергается атаке, потому что он или она доступна и ее безопасно атаковать. Частично такое предположение верно. Муж вполне мог резко выговаривать своей жене просто потому, что она «попалась под горячую руку» (и, быть может, также потому, что делала что-то такое, что его раздражало). На мой взгляд, однако, здесь имеет место *смещение враждебности*. Почему некоторые этнические группы или группы меньшинств с особой легкостью становятся козлами отпущения? По моему мнению, во многих случаях мишенью оказывается некто, кто уже вызывает антипатии и, таким образом, наделен негативным значением.

Какие бы еще факторы ни играли свою роль, описанный процесс вносит свой вклад в порождение такого явления, как превращение негров и евреев в козлов отпущения (см.: Berkowitz,1962, chapt. 5, а также Miller, N. E., 1948). Неблагоприятное состояние дел генерирует агрессивное побуждение, которое направляется на доступную, безопасную и вызывающую антипатию группу.

Связанные с экономическими трудностями нападения белых южан на негров явно обусловливались подобным образом, по крайней мере вплоть до 30-х годов текущего столетия. До того как экономика Юга стала многоотраслевой, как в настоящее время, экономическое благополучие этого района было прямо связано с ценами на его главную продукцию — хлопок. Целые сообщества страдали от тяжелых финансовых кризисов, когда цена на хлопок падала. Исследователи нашли, что до конца 30-х годов за резкими падениями цен на хлопковом рынке в этом регионе страны нередко учащались случаи линчевания (см.: Hovland and Sears, 1940; Mintz, 1946). Другие статистические данные говорят о том же. Так, например, в

1930 году произошел 21 случай линчевания. Южные графства, в которых происходили эти акты насилия, были экономически более отсталыми сравнительно с теми, в которых случаев линчевания не было (см.: Berkowitz, 1962, p. 136–137). Во всех этих случаях чернокожие, ставшие жертвами насилия, могли, разумеется, сделать что-то, оскорбившее белых. Однако небогатые фермеры привыкли враждебно относиться к неграм вообще. Они находили в них готовую мишень для своих агрессивных побуждений, порождаемых тяжелым экономическим положением.

Возможно ли, что предшествующая антипатия способствовала также смещенной агрессии, которая веками была направлена против евреев? Люди, переживавшие возмущение, обиду, негодование из-за лишений и всевозможных жизненных трудностей, нападали на евреев, обвиняя их во всех своих бедах, в большей степени просто потому, что они еще детьми научились ненавидеть эту социальную группу. Другими словами, евреи (и некоторые другие национальные меньшинства) становились мишенью для смещенной враждебности, по крайней мере частично, по причине их *негативного значения* — ранее установившейся ассоциации с неблагоприятным положением дел.

❐ **Люди с физическими недостатками как аверсивные стимулы.** Не только чернокожие и евреи могут ассоциироваться с неблагоприятным положением дел. Подумайте о людях с физическими недостатками или страдающих тяжелыми длительными заболеваниями. Для многих «нормальных» эти несчастные люди также связаны с негативными вещами по причине их нетрудоспособности и/или страдания. Разумеется, большинство из нас относится с сочувствием к больным или имеющим физические дефекты людям. Мы их жалеем и иногда даже идем на какие-то жертвы, чтобы им помочь. Однако где-то в глубине души они могут вызывать у нас неприятные ассоциации, и в результате мы относимся к ним, по сути дела, амбивалентно. До настоящего момента я не сказал ничего оригинального. Ряд социальных ученых отмечали это явление — смешение позитивных и негативных чувств к людям с физическими дефектами. Я, однако, иду дальше. В силу их *негативного значения* люди с физическими недостатками нередко подвергаются дурному обращению со стороны «нормальных», особенно если последние не задумываются о том, что делают.

Подтверждение необдуманного дурного обращения получено в двух проведенных мной и Энн Фроди экспериментах (Berkowitz & Frodi, 1979). Во втором из них студенток университета, которых вначале подвергли оскорблению, просили «осуществлять надзор» за мальчиком, которого они наблюдали на телеэкране. В половине случаев на телеэкране показыва-

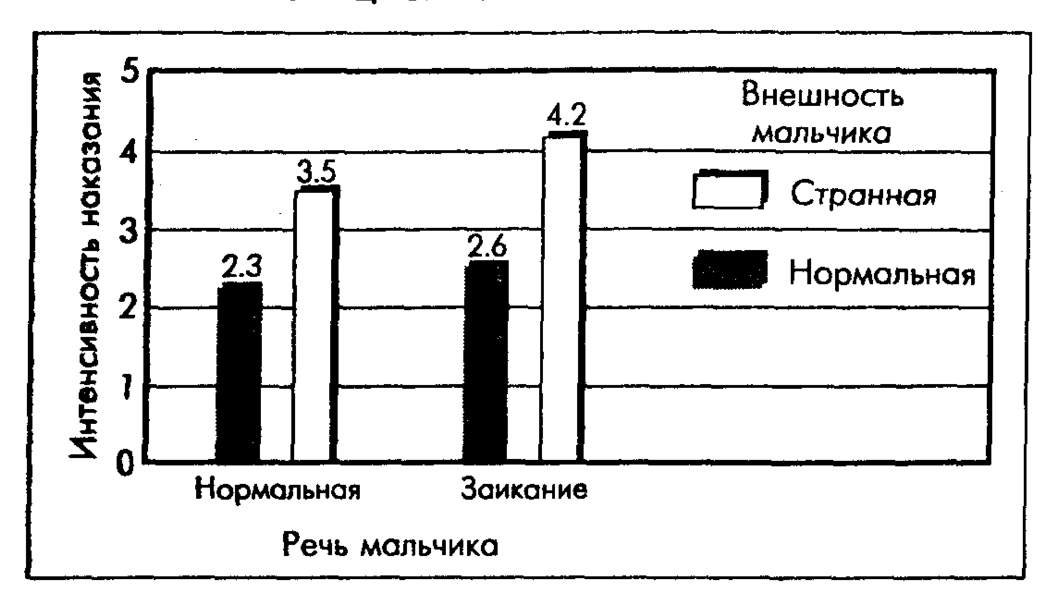


Рис. 3-9. Средняя интенсивность наказания мальчика (шумовые «удары» по 10-балльной шкале) как функция его внешности и речи (Berkowitz and Frodi, 1979).

ли мальчика с внешностью скорее «странной», нежели нормальной, а некоторые из испытуемых также слышали, что мальчик, разговаривая, заикается. После того как телевизор был выключен, мальчик якобы начинал выполнять серию учебных заданий, а испытуемым сообщали о каждой ошибке мальчика. Выполняя роль осуществляющих контроль, они должны были за каждую ошибку наказывать мальчика включением неприятного шумового «удара». По схеме использования *«машины агрессии» Басса* испытуемые были свободны в выборе интенсивности наказания (шума) в диапазоне 10-балльной шкалы, начиная от мягкого до решительно неприятного. Важно отметить, что испытуемые, осуществляя надзор, в то же время должны были выполнять еще и другое задание, так что они не были целиком сконцентрированы на своих действиях, когда нажимали на включающие шум кнопки.

На рис. 3-9 показана средняя интенсивность наказания, которому подвергали мальчика эмоционально возбужденные испытуемые за якобы допущенные им ошибки при выполнении всех 10 заданий. Читатель может видеть, что несколько рассеянные испытуемые проявляли большую готовность или желание наказывать, когда они воспринимали мальчика как страдающего двумя физическими недостатками: как имеющего странную внешность и заикающегося. У несчастного ребенка, имеющего оба дефекта, были все шансы быть подвергнутым импульсивному дурному обращению со стороны все еще рассерженных испытуемых, по-видимому, в силу того, что для женщин он обладал наибольшим *негативным значением*.

РЕЗЮМЕ

Продолжая обсуждение эмоциональной агрессии, автор посвятил эту главу усиливающим агрессию влияниям негативного аффекта. Исследования на людях так же, как и на животных, показывают, что

разного рода *аверсивные стимулы*, включая болезненные удары электротоком, ненормально высокую температуру и гнилостные запахи, могут стимулировать враждебность и агрессию. Агрессия не является неизбежной; испытывающее страдание животное или человек может предпочесть борьбе бегство, а открытая (явная) агрессия может включать защитный компонент. Во многих случаях, однако, как люди, так и животные, подвергаемые воздействию неприятными стимулами, проявляют тенденцию атаковать подходящую жертву, особенно если альтернативный способ действия оказывается невозможен. Важно отметить, что такое случается, даже когда агрессия не может ослабить аверсивную стимуляцию.

Теоретическая модель, основанная на подобных наблюдениях, предполагает, что и переживание гнева, и проявление агрессии осуществляется в виде последовательного процесса. Сначала, как предполагается, негативный аффект, порождаемый *аверсивным стимулом*, возбуждает как тенденцию к борьбе, *так* и тенденцию к бегству. Относительная сила этих противодействующих тенденций определяется биологическими факторами, научением и ситуативными факторами. Рудиментарное переживание гнева возникает из порожденных негативным аффектом физиологических, экспресивно-моторных и когнитивных изменений, ассоциированных с тенденцией к борьбе, в то время как первичное чувство страха основывается на связанных с бегством физиологических, моторных и когнитивных реакциях. Эти чувства протекают параллельно их соответствующим поведенческим проявлениям, но не детерминируют их. С этой точки зрения, гнев скорее сопровождает, нежели создает подстрекательство к агрессии.

Данная модель также предполагает, что по крайней мере у человека, а возможно, и у других видов животных, экспрессивно-моторная готовность напасть на жертву сопровождается желанием причинить вред или даже уничтожить ее. Это подтверждается результатами эксперимента, показывающими, что люди, испытывающие боль, обнаруживают тенденцию причинять ущерб другим. Я полагаю также, что негативный аффект с особой легкостью может возбуждать чувство гнева и агрессивные наклонности, когда негативный аффект интенсивен, имеются специфически подходящие и доступные жертвы и когда индивид изначально не намеревался избегать неприятной ситуации.

Согласно проведенному в этой главе анализу, первые автоматические и непроизвольные реакции на негативный стимул могут быть быстро модифицированы, если эмоционально возбужденный человек будет думать о своих чувствах, о вызывающих их событиях, о том, как он понимает свое состояние, и о социальных правилах, касающихся эмоций и действий, которые могут соответствовать данным

обстоятельствам. Таким образом, начальное рудиментарное переживание гнева может быть интенсифицировано, обогащено и дифференцировано, подавлено или вообще устранено.

Я полагаю, что полезно представлять эмоциональное состояние как сеть специфических чувственных составляющих, экспрессивно-моторных реакций, мыслей и воспоминаний, организованных таким образом, что активизация любого из компонентов имеет тенденцию к распространению и таким образом активизирует другие связанные с ним составляющие. Мысли и/или воспоминания, имеющие агрессивное значение, таким образом, могут генерировать агрессивные чувства и даже тенденции к агрессивным действиям.

Данные исследований, согласующиеся с этой формулировкой, показывают, например, что *аверсивная стимуляция* продуцирует враждебные и/или связанные с агрессией мысли, даже если никто намеренно не обращался плохо с испытуемыми, что печальные обстоятельства часто порождают не только печаль, но и гнев и что депрессивное состояние может возбуждать гнев и вызывать импульсивные акты агрессии. Однако, уделяя внимание своим чувствам, переживающие негативные эмоциональные состояния люди могут осуществлять самоконтроль, сдерживая свои порожденные негативным аффектом побуждения и, может быть, также уменьшая воспринимаемый ими собственный гнев.

Исходя из того факта, что эмоциональная агрессия подвержена автоматическим ситуационным влияниям, и развивая связанные с ним представления, глава заканчивается обстоятельным обсуждением роли определенных внешних стимулов (*агрессивных ключевых сигналов*). Я полагаю, что определенные стимулы окружающей ситуации могут интенсифицировать или даже активировать агрессивные наклонности, если стимулы имеют агрессивное значение и/или ассоциированы с болью и страданием. *Эффект оружия* является примером первого вида влияний, и довольно много исследований подтвердили его присутствие, особенно если испытуемые в данный момент находились в относительно возбужденном состоянии. Второй вид влияний проявляется в импульсивных и необдуманных актах агрессии, которые «нормальные» люди часто совершают в отношении лиц с физическими дефектами, по-видимому, в силу того, что вид этих несчастных напоминает «нормальным» о страдании и других неприятных состояниях.

Глава 4

МЫШЛЕНИЕ, И НЕ ТОЛЬКО

КОГНИЦИИ И ЭМОЦИИ

Теории эмоций. Чем определяется эмоциональное состояние? Когнитивные концепции эмоций. Экспериментальное подтверждение роли атрибуций в детерминировании эмоций. Свидетельства о некогнитивных влияниях на эмоции.Следствия экспрессивных реакций. Телесные реакции и когниции: модель ассоциативной сети. Значение мыслей.

В главах 2 и 3 подчеркивался относительно безотчетный и импульсивный характер многих актов гневной агрессии. Однако очевидно, что люди порой все же думают о том, что с ними происходит и как они могли бы поступать в данных обстоятельствах. Несомненно, что эти мысли могут влиять на то, что люди чувствуют и как они будут действовать.

В этой главе я сконцентрируюсь в основном на роли познавательных процессов, в частности мыслей, в формировании как эмоциональных состояний, так и обусловленного ими поведения. Много внимания будет уделено обсуждению того, как на специфические чувства и поведение людей могут влиять их представления о причинах эмоционального возбуждения и о том, что может случиться в следующий момент.

Кроме того, я буду говорить о том, каким образом возникающие у нас в определенный момент мысли могут влиять на наши истолкования поведения других людей и на то, как мы будем вести себя по отношению к ним. Хотя акцент и будет сделан на когнитивных процессах, я продемонстрирую также, что и телесные реакции вносят свой вклад в эмоциональные переживания. Не все определяется только мыслями.

Для того чтобы прояснить некоторые теоретические вопросы понимания эмоций, с которыми мы будем в дальнейшем сталкиваться, я представлю результаты исследований и собственную аргументацию в контексте исторически сложившихся и современных теорий эмоций.

ТЕОРИИ ЭМОЦИЙ

ЧЕМ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ?

С самого начала читатель должен ясно представить себе различия между взглядами, о которых я буду говорить здесь, и формулировками, излагавшимися мной в предыдущих главах. Я предполагаю, что когда люди сталкиваются с неприятными событиями (с тем, что неприятно по своей сути, либо с тем, что интерпретируется как негативное), то у них активируются разнообразные реакции: мыслительные, мнемические и телесные. Я также считаю, что идеационные, физиологические и экспрессивно-моторные реакции образуют основу эмоционального переживания. Мысли и убеждения, по-видимому, вступают в действие после того, как возбуждаются инициальные базовые эмоциональные реакции. Когнитивные концепции, описанные в этой главе, отличаются существенно иным подходом. Будучи значительно ближе к повседневному пониманию эмоций, они расценивают мысли как необходимые детерминанты эмоциональных реакций. Мы, вероятно, становимся рассерженными, только когда думаем, что с нами обошлись дурно или что кто-то намеренно нам угрожает, но желание причинить ущерб другому лицу появляется у нас как следствие гнева.

Я не хотел бы в целом отрицать такой подход; он представляется верным для большинства из нас, и имеет солидную эмпирическую основу. С моей точки зрения, этот подход, однако, страдает существенной неполнотой. Можно сказать, что развитие эмоционального переживания значительно сложнее того, что видится при когнитивном/повседневном подходе. Прежде всего, давайте кратко рассмотрим, как понимаются эмоции с позиции когнитивного подхода.

КОГНИТИВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЭМОЦИЙ

Какие интерпретации продуцируют гнев?

Хотя психологи, принимающие когнитивный подход, расходятся в деталях, все они придерживаются одной и той же базисной предпосылки: интерпретация вызывающего возбуждение события играет важнейшую роль (Weiner, 1985). Давайте рассмотрим в качестве иллюстрации следующую ситуацию:

Джейн Смит, незамужняя женщина лет 35, познакомилась с симпатичным мужчиной. Они, похоже, понравились друг другу и договорились встретиться после работы в расположенном неподалеку ресторане. Джейн приходит первой. Прождав около часа, она решает, что мужчина на свидание не придет.

Как будет реагировать Джейн? С точки зрения здравого смысла и когнитивных теорий, ее чувства — будет ли она испытывать ярость,

печаль или подавленное настроение — зависят от того, как она интерпретировала случившееся. Это представляется очевидным. Но какой вариант интерпретации приведет к чувству гнева, а какой вызовет иную эмоцию? Сначала я приведу некоторые варианты ответа на этот вопрос, предлагаемые когнитивистами, а затем представлю собственную точку зрения.

❑ **Оценки и атрибуции.** К сожалению, не все когнитивистски ориентированные теоретики пользуются одной и той же терминологией при попытках объяснить, как различные виды перцепции порождают различные эмоции. Некоторые из авторов, занимающихся данной проблематикой, говорят об *оценках* применительно к почти любому случаю интерпретации или оценивания ситуации, в то время как другие предпочитают говорить об атрибуциях, под которыми обычно имеются в виду убеждения личности относительно *причины* возбуждающего эмоцию события. Анализ эмоций, предлагаемый Бернардом Вайнером, представляет хороший пример последнего из этих вариантов словоупотребления. Он говорит, что люди склонны приходить в состояние гнева, когда сталкиваются с неприятным опытом и приписывают его внешней причине (нечто иное, нежели они сами), которая могла бы быть контролируема ответственным за нее субъектом или объектом. В нашем примере Джейн была бы рассержена в той степени, в которой она обвинила бы мужчину за то, что он не явился на свидание, и полагала бы, что он мог прийти, если бы действительно хотел этого.

Один из возможных способов преодолеть терминологическую путаницу в данной области состоит в том, чтобы применить дефиницию, сформулированную Ричардом Лазарусом (*см.:* например, Lazarus & Smith, 1989). Он считает необходимым различать «знание» и «оценку». *Знание* означает убеждение (мнение) относительно фактов, с которыми человек имеет дело. Истолкование Джейн того, почему мужчина не пришел на свидание, является примером такого знания (или убеждения, мнения). Многие атрибуции представляют примеры знания в этом смысле. *Оценка,* согласно Лазарусу, должна быть ограничена убеждениями (мнениями) относительно личного значения данного события для благополучия индивида. Лазарус доказывает, что сильные чувства не возникают, если подобного рода оценка отсутствует. С его точки зрения, Джейн не была бы сильно возбуждена, если бы поведение мужчины не оказалось лично высоко значимым для нее в плане ее «я»-концепции.

❑ **Дименсии убеждения (мнения) в эмоциональных ситуациях.** Следуя примеру Лазаруса, исследователи когнитивистской ориентации (см.: Roseman, 1984; Scherer, 1984; Smith & Ellsworth, 1985) полагают, что связанные с эмоциями знания (или убеждения) могут быть описаны в терминах относительно небольшого числа подлежащих

им дименсий. Локализация любого из убеждений относительно этих когнитивных дименсий детерминирует результирующее эмоциональное переживание.

Примером этого вида анализа служит эксперимент Смита и Элсворта, которые просили студентов университета вспомнить и описать различные возбуждающие эмоции ситуации. Исследователи нашли, что ситуации, воспринимавшиеся их респондентами, могли быть охарактеризованы в значительной степени следующим образом: 1) насколько приятными они были; 2) как много усилий потребовалось, чтобы справиться с ними; 3) в какой степени ситуации требовали их личного внимания и активного участия; 4) степень определенности в понимании индивидом происходящего; 5) степень, в которой данный индивид скорее, чем кто-либо другой, ответствен за случившееся; 6) степень, в которой никто из участников не мог контролировать или влиять на то, что случилось.

Не все из дименсий важны для каждой эмоции. Смит и Элсворт в основном согласны с анализом провоцирующих гнев событий, предложенным Вайнером. Они нашли, что, когда люди испытывают чувство гнева, обычно они оценивают возбуждающую эмоции ситуацию как обусловленную чьими-то действиями (т. е. кто-то ответствен за неприятное событие) и думают, что случившееся могло быть подконтрольным (т. е. от кого-то зависело, произойдет оно или нет). Однако Смит и Элсворт расширили концепцию Вайнера следующим положением: большинство людей рассматривает возбуждающую гнев ситуацию как решительно неприятную и требующую значительных усилий. (По существу, это означает, что индивид, оказывающийся в подобной ситуации, испытывает интенсивное возбуждение и должен прилагать усилия, чтобы справиться с неприятным событием.) Теоретически Джейн была бы рассержена в такой степени, в какой она была бы уверена, что мужчина был лично ответствен за то, что не явился на свидание, и был в состоянии контролировать случившееся. Ситуация также была бы исключительно неприятной для нее и, по всей вероятности, вызвала бы у нее сильное эмоциональное возбуждение.

Вне зависимости от того, говорят ли они об «оценках» или об «атрибуциях», другие теоретики доказывают, что необходимы еще и другие убеждения (суждения, мнения) для того, чтобы вызвать у субъекта чувство гнева. Как я уже отмечал в главе 2, Джеймс Эверилл утверждает, что гнев — это обвинение в том, что с нами поступили дурно. Мы, вероятно, будем испытывать гнев не только потому, что нам не удалось получить то, что мы хотели, и обвиняем кого-то за эту неприятность (т. е. мы считаем, что кто-то был ответствен и мог повлиять на то, что случилось), но также и потому, что считаем действия этого другого человека несправедливыми или нарушающими социальные нормы. Иными словами, согласно Эвериллу, Джейн

была бы рассержена в той степени, в какой она считала бы, что этот мужчина намеренно поступил с ней нехорошо. Лазарус идет еще дальше. *С его точки зрения, гнев возникает только лишь* в том случае, если событие трактуется как лично значимое, а также когда подвергающийся воздействию человек неуверен в своей способности справиться с ситуацией. Джейн испытывала бы чувство гнева лишь в той степени, в какой она думала бы, что поведение мужчины, не пришедшего на свидание, представляет для нее какую-то угрозу (Averill, 1982; Lazarus & Smith, 1989). В верхней половине рис. 4-1 представлены различные типы оценок и атрибуций, по всей вероятности, вызывающих чувство гнева.

I. Когнитивно-оценочно-атрибутивная концепция

Объективная ситуация	*Инициальные реакции*	*Когниции, оценки и атрибуции Джейн как факторы возбуждения*	
Мужчина не пришел на свидание с Джейн	Негативный эффект (неудовольствие)	Внешне детерминированное событие (Джейн не ответственна) Не пришедший на свидание мог контролировать событие (был лично ответствен) Событие было лично значимым Событие нарушало социальные нормы (с Джейн поступили дурно) (Другие когниции также могли играть роль)	Чувство гнева

II. Когнитивная теория эмоций Шехтера

Ситуация	*Инициальное переживание*	*Первая реакция*	*Когниции и атрибуции Джейн как факторы возбуждения*
Мужчина не пришел на свидание с Джейн	Недифференцированное состояние возбуждения	Поиск объяснения и природы возбуждения	(см. выше) ↓ Интерпретация телесных ощущений ↓ «Я рассержена» ↓ Чувство гнева

Рис. 4-1. Схематическое описание двух когнитивных концепций гнева

❒ **Но что, если нет возможности кого-либо обвинить?** Я хочу на время отложить обсуждение недостатков этих концепций, но должен остановиться на одном важном моменте, отмеченном некоторыми когнитивистски ориентированными теоретиками. Разумеется, читателю известно (и я уже упоминал об этом), что люди иногда приходят в состояние гнева, даже если обвинять совершенно некого. Вы можете рассердиться из-за своей машины, если она вдруг сломается во время поездки, или начать беситься из-за погоды, если гроза испортила вам пикник, и даже можете разразиться проклятиями, если полка, которую вы только что прикрепили, вдруг оборвалась. В этих, как и во многих других случаях неприятные события не могут быть приписаны чьему-либо злонамеренному действию, но гнев все равно возникает. Почему? Часто встречаемый ответ на этот вопрос состоит в том, что люди действительно думают, что те или иные конкретные обстоятельства ответственны за постигшие их разочарования. Они расценивают вещь — машину, грозу, полку или любой раздражающий их объект — как некое «существо» или «сущность» и обвиняют его в злонамеренности. «Эта проклятая штука опять меня подвела», — так, вероятно, они думают и, как следствие, злятся на вещь, которая «поступила с ними нехорошо или несправедливо».

Многие из читателей, несомненно, согласятся с такой возможностью. Разве нам не знакомы подобные мысли, приходящие в голову, когда мы попадаем в неприятные ситуации? Быть может, мы склонны приписывать наши неприятности некой специфической «сущности», даже когда ответственной на самом деле была та или иная имперсональная естественная сила. Я вернусь к рассмотрению этой возможности несколько позже.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ РОЛИ АТРИБУЦИЙ В ДЕТЕРМИНИРОВАНИИ ЭМОЦИЙ

Большая часть эмпирических данных, подтверждающих представленный выше анализ, была получена в исследованиях, проводимых в естественных условиях, когда обычных людей спрашивали об их эмоциональных состояниях. Эти сообщения являются источниками ценной информации об эмоциях, но они подвержены искажающим влияниям. В их числе помыслы респондентов о желаемом (wishful thinking), попытки постфактум представить данное событие в лучшем свете, ранее усвоенные представления о природе того или иного специфического эмоционального состояния и т. д. Единственный способ исключить подобные источники ошибок состоит в том, чтобы дополнить исследования в естественных условиях экспериментами, в которых ситуационные влияния подвергаются намеренным

манипуляциям. К счастью, социальными психологами было проведено немало экспериментов, продемонстрировавших влияния атрибуций на эмоциональные реакции.

Двухфакторная теория эмоций Шехтера—Зингера

Большинство современных теоретических построений относительно роли атрибуций в порождении эмоций берет свое начало от широко известной когнитивной теории эмоций, опубликованной Стэнли Шехтером и Джеромом Зингером в 1962 году (Schachter, 1964; Schachter & Smith, 1962). (Моя собственная концепция, трактующая роль мыслительных процессов в формировании эмоциональных состояний после того, как были возбуждены инициальные, относительно примитивные эмоциональные реакции, представленная в главе 3 и схематически проиллюстрированная на рис. 3-2, также разрабатывалась не без влияния этой теории.) Любое обсуждение роли когниций в развитии чувства гнева было бы существенно неполным без рассмотрения этой теории.

Шехтер и Зингер начали свой анализ с того, что подвергли сомнению идею (выдвинутую У. Джеймсом и другими) о том, что конкретные эмоции являются функцией специфических телесных реакций. Согласно Шехтеру и Зингеру, мы не потому чувствуем гнев, что наши мышцы напрягаются, челюсти сжимаются, пульс учащается и т. д., но потому, что мы испытываем общее возбуждение и у нас имеются определенные когниции относительно природы нашего возбуждения.

Согласно этой теории, когда люди сталкиваются с возбуждающим эмоцию событием, они, вероятно, вначале испытывают нейтральное и недифференцированное физиологическое возбуждение. Теоретически то, что происходит дальше, зависит от того, знают ли они о том, почему возбуждены, и что они чувствуют. Если люди не уверены относительно того, какую эмоцию они переживают, то, вероятно, будут искать в ситуации ключевые сигналы, которые могли бы помочь им объяснить природу данных ощущений. «Что я чувствую?» — спрашивают они себя, быть может, на бессознательном уровне. «Я боюсь, взволнован, рассержен или что?» Они ищут ответ. Однако если с самого начала они понимают, чем вызвано их возбужденное состояние и каковы их чувства, то им не приходится искать информацию о происходящем: они уже знают, в чем дело. В любом случае, согласно Шехтеру и Зингеру, у возбужденных людей затем будет формироваться мнение о природе испытываемых ими состояний, и это знание будет, вероятно, трансформировать общее недифференцированное состояние возбуждения в специфическое эмоциональное переживание.

Нижняя половина рис. 4-1 иллюстрирует применение данной теории к чувствам Джейн из использованного мной примера. Теоретически после того, как мужчина на свидание не явился, вначале она испытывает состояние общего возбуждения. Затем у Джейн довольно быстро появляется мысль о том, почему она возбуждена и каковы ее чувства: «Видимо, я расстроена из-за того, что он не пришел. Вероятно, я рассержена на него». Это суждение сформировало ее эмоциональное состояние, таким образом, что она переживает чувство гнева.

Я кратко опишу часть остроумного эксперимента, проведенного Шехтером и Зингером, чтобы проиллюстрировать эту теорию в действии.

Под предлогом того, что проводится исследование влияния на зрение определенного (фиктивного) витамина, испытуемым сказали, что им будет сделана инъекция эпинефрина, который вызывает физиологическое возбуждение и такие симптомы, как учащенное биение сердца и прилив крови к лицу. Другой половине испытуемых была сделана инъекция нейтрального солевого раствора, не оказывающего заметного действия на нервную систему. (Читатель видит, что ощущения, вызываемые эпинефрином, несколько похожи на те, что мы испытываем в состоянии гнева.) В контексте нашего обсуждения важным является следующий момент. Половине испытуемых, получивших дозу эпинефрина, было сообщено, что у них проявятся побочные эффекты (например, что они будут чувствовать учащенное сердцебиение), в то время как другая половина никакой информации о подобных побочных эффектах не получила. В результате, когда участники эксперимента начинали ощущать симптомы вызванного препаратом возбуждения, те из них, которые знали об этих эффектах, могли приписать свои ощущения действию препарата, в то время как неинформированные относительно данных симптомов, вероятно, не понимали, что именно их возбудило и что означают эти ощущения. Испытуемым, получившим инъекцию плацебо, также ничего не сообщалось о побочных эффектах.

После введения испытуемому дозы «витамина» в комнате, где он находился, появлялся человек, якобы подвергнутый такой же процедуре, но который на самом деле был помощником экспериментатора. Им сообщалось, что до начала исследования зрения придется подождать около двадцати минут, а за это время следует заполнить опросник. Помощник экспериментатора начинал выражать сильнейшее раздражение и гнев по поводу личного характера вопросов, содержащихся в опроснике. Наконец он рвал опросник на мелкие куски и выбегал из комнаты. Все это время действия настоящего испытуемого фиксировались наблюдателем через одностороннее зеркало. Целью эксперимента было определить, в какой степени испытуемые проявляют гнев, подражая помощнику экспериментатора и/или делая гневно-критические замечания по поводу исследования, опросника или того и другого.

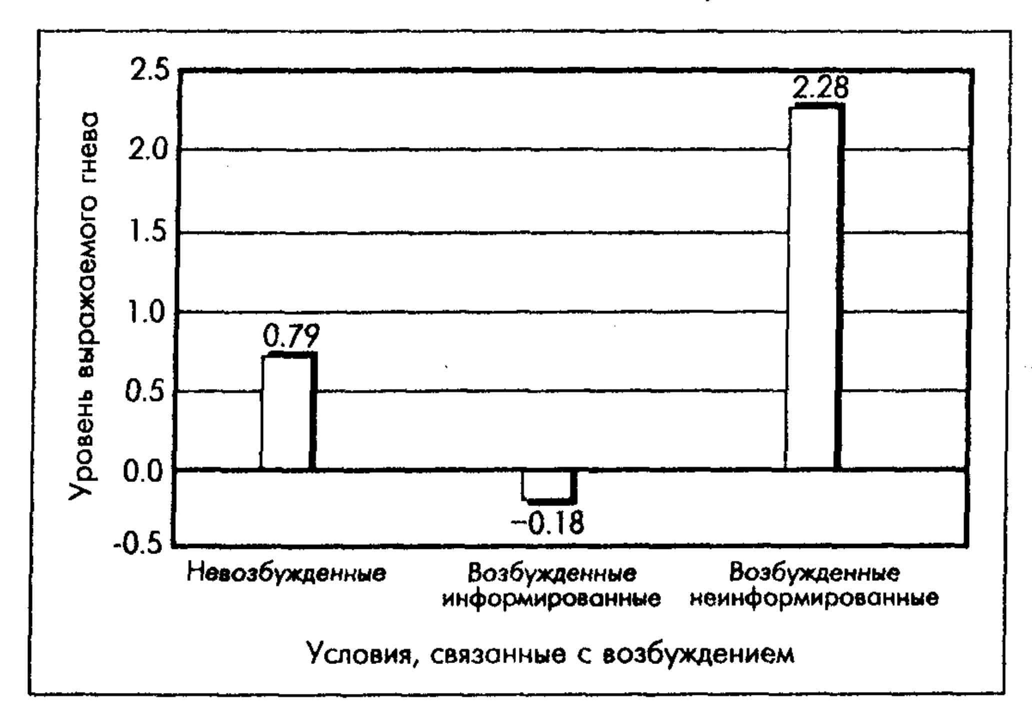


Рис. 4-2. Уровень гнева, выражаемого испытуемыми, когда помощник экспериментатора демонстрировал состояние гнева. (Schachter and Singer, 1962).

Двухфакторная теория делает четкие предсказания эффектов подобных экспериментальных вариаций. Предполагалось, что возбужденные, но не информированные испытуемые будут находиться в состоянии неопределенности относительно своих странных ощущений (побочных действий препарата). Их когниции, связанные с этими ощущениями, должны, следовательно, с большой легкостью поддаваться влиянию подходящих ситуационных ключевых сигналов, таких, как поведение помощника экспериментатора. Они должны воспринимать действия этого субъекта в качестве ключевых сигналов к тому, что они должны чувствовать сами, как если бы они говорили сами себе: «Так как он злится из-за этого опросника, я тоже должен быть раздражен из-за него». Под влиянием этого убеждения, они, вероятно, будут испытывать чувство гнева и открыто проявлять его в своем поведении.

Хотя и были некоторые неясности в полученных результатах, действия наивных испытуемых, в общем, соответствовали предсказаниям теории. Система оценивания, использованная наблюдателями, слишком сложна, чтобы описывать ее здесь, но по существу, как можно видеть из рис. 4-2, возбужденные неинформированные испытуемые в весьма сильной степени поддались влиянию поведения помощника экспериментатора и проявили высокий уровень явно выраженного гнева.

Этот интригующий эксперимент быстро привлек большое внимание и стимулировал значительное число исследований. Некоторые

из них подвергли сомнению те или иные аспекты теории и/или процедуры эксперимента[1]. Тем не менее теория, по-видимому, работает при следующих условиях: когда индивидуум находится в состоянии умеренного (не сильного) возбуждения, когда он оказывается в неоднозначной, трудно определимой ситуации, и когда он не понимает, чем именно вызвано его возбуждение.

Эксперименты с ложной атрибуцией

Особый интерес у психологов был вызван одним из следствий эксперимента Шехтера—Зингера: эмоциональные переживания, судя по всему, могут легко подвергаться влиянию атрибуций. Точно так же, как испытуемые в этом эксперименте, по-видимому, чувствовали раздражение и гнев, когда (под влиянием помощника экспериментатора) они приписывали свое физиологическое возбуждение неприятным, затрагивающим интимную сферу пунктам опросника, другие люди теоретически не должны испытывать гнев, если они думают, что их телесные ощущения были обусловлены чем-то таким, что обычно не порождает гнев. Нельзя ли в таком случае, задаются вопросом некоторые исследователи, уменьшить эмоциональные реакции людей, если каким-то образом сделать так, чтобы они приписывали свое возбуждение неэмоциональным источникам?

Мы будем рассматривать здесь возможные изменяющие эмоции влияния *ложных атрибуций* (названных так потому, что возбуждение, фактически продуцируемое эмоциогенным стимулом, неправильно приписывается другому правдоподобному источнику).

Читатель может получить представление о том, что имеют в виду психологи при обсуждении ложных атрибуций, вспомнив пример Джейн, ожидающей мужчину в условленном для свидания месте. Она эмоционально возбуждена. Однако давайте предположим также, что она приняла новое лекарство незадолго до того, как вышла из своего офиса, и что врач предупредил ее о том, что препарат может вызвать учащенное сердцебиение и неприятные ощущения в желудке — ощущения, схожие с теми, которые переживаются людьми в состоянии гнева. Концепция ложных атрибуций говорит нам, что если Джейн осознает возможные побочные эффекты лекарственного препарата, то она может приписать свое физиологическое возбуждение скорее действию лекарства, чем тому, что молодой человек

---

[1] Следует отметить некоторые неудачные попытки воспроизведения эксперимента Шехтера—Зингера, например, Mashall and Zimbardo (1979) и Maslach (1979). Довольно полный обзор литературы по данной теме представлен: Reisenzein (1983). Интересующийся читатель может ознакомиться с обсуждением этой проблематики в работе Leventhal (1980). См. также: Leventhal and Tomarken (1986).

не явился на свидание. В результате она может не считать себя рассерженной («Это из-за лекарства я так себя чувствую») и, как следствие, не будет испытывать чувство гнева.

Исследования в этой области, как я уже отмечал, не привели к однозначным результатам, но были получены некоторые позитивные данные[1], так что теорию можно считать правильной для определенных ограниченных обстоятельств.

Предположим, вы стараетесь успокоить мальчика, сильно разозлившегося на своего брата. Теоретически, согласно результатам данного исследования, вы можете ослабить его побуждение атаковать брата, если сумеете убедить ребенка в том, что он был возбужден не братом, а каким-то другим воздействием — чем-то эмоционально нейтральным, например громким шумом. Действительно, Рассел Гин получил результаты, соответствующие данной концепции.

В проведенном им эксперименте испытуемые — студенты университета фрустрировались помощником экспериментатора и затем, прежде чем получить возможность отомстить ему, подвергались воздействию громкого шума. Те из испытуемых, которые были фрустрированы, но приписывали свое возбуждение неприятному шуму, были склонны наказывать помощника экспериментатора не столь сильно, как те из них, которые не считали, что их возбужденное состояние было вызвано шумом (Geen, 1978). Первые, вероятно, не думали о себе как очень рассерженных и, следовательно, не действовали так, как действовали бы в состоянии гнева.

Однако, как всем нам известно (и как показали некоторые исследования), часто бывает очень трудно убедить оскорбленных людей в том, что на самом деле они не рассержены.

Атрибуции при переносе возбуждения

❐ **Энергетизирующее влияние иррелевантного возбуждения.** Вообще говоря, мы не ожидаем того, что шум будет способствовать агрессии (если только шум не слишком неприятен), но громкий шум действительно может повышать силу атаки. Такое влияние громкого шума включает разные аспекты, и некоторые из них связаны с атрибуциями.

Во-первых, шум может быть аверсивным. Как мы помним из главы 3, неприятные стимуляции — ненормально высокая температура, гнилостные запахи, раздражающий дым сигарет или даже резкие звуки — могут генерировать агрессивные побуждения. Во-вторых, шум может, в общем, действовать возбуждающе, и это возбуждение порой энергетизирует уже действующие агрессивные тенденции.

---

[1] См. два обзора литературы: Leventhal & Tomarken (1986) и Reisenzein (1983).

Рассел Гин и Эдгар О'Нил (Geen & O'Neal, 1969) представили доказательства подобного влияния, продемонстрировав, что, когда люди предрасположены к агрессии (в данном случае из-за того, что они смотрели кинофильм со сценами насилия), те из них, кто подвергался воздействию громкого шума, впоследствии с большей готовностью наказывали своего сокурсника по сравнению с теми, кто слышал только слабые шумы. Громкие звуки, вероятно, действовали возбуждающе, и результирующее общее возбуждение интенсифицировало индуцированные фильмом агрессивные тенденции испытуемых.

Важно подчеркнуть, что не только шум, но и любая возбуждающая стимуляция может иметь подобный эффект. Мы можем быть возбуждены многими вещами, включая физические упражнения, определенные химические препараты, вид других людей, включенных в рискованные занятия, рок-музыку или сексуальные сцены. Барклай, например, показал, что когда в лабораторном эксперименте испытуемые были сексуально возбуждены, то они становились затем более агрессивными по отношению к жертве, чем обычно (Barclay, 1971). Не имеет значения, что именно вызывает повышенное возбуждение; в любом случае оно может энергетизировать имеющуюся у нас тенденцию атаковать кого-нибудь (при условии, что возбуждение не вызывает у нас хорошего настроения, при котором мы не хотели бы никому причинять ущерб)[1].

Нетрудно вспомнить другие примеры этого феномена. В XVIII и XIX веках (а может быть, и раньше) в ряде американских индейских племен воины, перед тем как идти сражаться с врагом, исполняли возбуждающие военные танцы. Барабанный бой, крики танцующих и зрителей и физическая активность возбуждали чувства воинов до очень высокого уровня и тем самым интенсифицировали существующие у них агрессивные тенденции. Почти то же самое происходит, когда обычные, цивилизованные люди до такой степени подпадают под воздействие возбужденной толпы, что оказываются способными к совершению насильственных действий.

❐ **Теория переноса возбуждения.** Энергетизирующее влияние возбуждения представляет собой довольно примитивный феномен, при котором отсутствует мыслительная активность и который может влиять на поведение практически всех видов животных. Однако существует и другой тип подобного влияния, явно более зависящий от когнитивных процессов. Согласно Д. Зилманну, впервые выявившему этот феномен, опосредуемый атрибуциями трансфер возбуждения, продуцированного эмоционально нейтральным событием, может

[1] Обзор некоторых экспериментальных исследований по этому вопросу см.: Rule and Nesdale (1976).

усиливать реакции на другие, более эмоциогенные ситуации (Zillmann, 1978, 1979, 1983).

Я очень кратко опишу теорию Зилманна. После того как мы возбуждаемся, внутреннее физиологическое возбуждение с течением времени обычно ослабевает, так что мы уже перестаем полностью осознавать его, даже если какое-то остаточное возбуждение у нас еще и сохраняется. Мы можем больше уже и не думать о том, чем было вызвано наше возбуждение. Перестав осознавать источник инициального возбуждения, мы довольно легко можем ошибочно приписать слабое или средней интенсивности возбуждение, которое нами еще ощущается, другому событию, происходящему вскоре после первого. Например, предположим, что вы пришли домой после езды на велосипеде. Ваше тело может быть еще физиологически возбужденным, но через какое-то время вы уже перестаете ясно сознавать ваше возбуждение и фактически уже не вспоминаете о езде на велосипеде. Вы включаете телевизор, и случается так, что в это время показывают выступление политика, который вам не нравится. Вид этой персоны может вызвать эмоциональный всплеск, который вы интерпретируете как сильный гнев. Сохранившееся после вашей поездки остаточное физиологическое возбуждение переносится на политика и тем самым усиливает вашу обычную негативную установку к этой персоне. Более того, по мнению Зилманна, вы интерпретируете ваши эмоции как гнев потому, что вы лучше сознаете недавнее событие (то, что вы видели на телеэкране этого политика), чем предшествующее (вызвавшая физиологическое возбуждение езда на велосипеде). Теория Зилманна о переносе возбуждения не ограничивается только агрессией. Он распространил свой анализ на другие формы поведения и другие типы возбуждения и, в частности, получил свидетельства того, что (среди прочего) остаточное сексуальное возбуждение повышает готовность помочь другим или усиливает удовольствие от музыки и чувство юмора[1].

Какова бы ни была подлинная причина возбуждения и выполняемые ими действия, люди, еще испытывающие остаточное возбуждение, склонны приписывать свое возбуждение не действительной причине, но какому-то другому источнику, который 1) они особенно ясно осознают в данный момент и который 2) с достаточной вероятностью мог продуцировать переживаемые ими ощущения. Человек, смотревший эротический фильм и испытывающий при этом сексуальное возбуждение, через какое-то время по окончании фильма может находить услышанную шутку очень смешной. Ясно осознавая

---

[1] См.: Zillmann (1983) и более полное обсуждение этого исследования, как и ссылки на другие релевантные исследования в: Zillmann (1979).

шутку, но, не вспоминая в данный момент о фильме, он приписывает свое возбуждение именно шутке и полагает, что ему, следовательно, должно быть очень весело.

Атрибуции и влияние информации о смягчающих обстоятельствах

Атрибуции могут действовать также и по-другому, — например, когда мы знаем, что чьи-либо раздражающие нас действия не были направлены против нас лично. Предположим, однажды утром вы приходите на работу и кто-то из ваших коллег предупреждает о том, чтобы вы были поосторожнее с боссом. «Он сегодня в плохом настроении из-за каких-то семейных проблем, — говорит ваш коллега, — и у него против вас зуб». Вскоре после того, как вы садитесь за свой стол, появляется босс, рычит на вас и обвиняет в том, что вы опаздываете на работу, хотя на самом деле вы пришли вовремя. Обычно в подобных обстоятельствах вы были бы раздражены. Вы приписали бы неожиданную агрессию начальника его отвратительному характеру. Однако из сообщения коллеги вы знаете о смягчающих обстоятельствах, которые объясняют поведение начальника. Вы, таким образом, приписываете его грубые нападки скорее внешним обстоятельствам, нежели его индивидуальным качествам, и не будете расценивать это нападение как направленное против вас лично.

Нет ничего особенно загадочного в этом гипотетическом примере, и мы не нуждаемся ни в каких исследованиях для доказательства того, что подобные вещи действительно происходят. Более интересно то, что исследования показывают ограничения влияний информации о смягчающих обстоятельствах и связанных с ней атрибуций.

Это исследование также было инициировано Зилманном и его сотрудниками, и его выводы подкреплены данными, полученными другими учеными (см.: Zillmann, 1979, а также Kremer and Stephens, 1983; Jonson and Rule, 1986). Давайте еще раз вернемся к нашему примеру с грубыми нападками босса на своего подчиненного. Вообще говоря, эксперименты Зилманна продемонстрировали, что информация о смягчающих обстоятельствах (в данном случае о личных проблемах босса) *не* слишком эффективно ослабляет подстрекательства к агрессии, когда 1) информация получена некоторое время спустя после того, как неприятный инцидент уже произошел, и 2) уровень возбуждения очень высок.

Первый пункт был продемонстрирован результатами эксперимента, проведенного Д. Зилманном и Дж. Кантор (Zillmann & Cantor, 1976).

Все участники исследования были фрустрированы оскорбительными замечаниями экспериментатора, и большинство из них узнали о суще-

ствовании смягчающих обстоятельств — экспериментатор расстроен из-за экзаменов, которые согласно расписанию он должен был принимать. Однако некоторым из испытуемых эта информация была сообщена *до того*, как они были фрустрированы экспериментатором, в то время как другие получили информацию *после* фрустрирования. Испытуемым третьей группы, естественно, вообще не было ничего сообщено о смягчающих обстоятельствах. Для измерения агрессии каждый из испытуемых получал возможность подать жалобу на экспериментатора, и каждому было сказано, что жалоба может повлиять на будущую карьеру этого преподавателя.

Ни один из испытуемых, которых предупредили о плохом настроении экспериментатора до того, как они были фрустрированы, не обратился с жалобой, и физиологические измерения показывали, что они не были сильно возбуждены оскорбительными репликами экспериментатора. Они не расценивали его действия как личный выпад (агрессию). С другой стороны, сообщение испытуемым о смягчающих обстоятельствах через несколько минут после того, как они были фрустрированы, по-видимому, оказалось запоздалым. Полученная информация в этом случае не уменьшала враждебности к экспериментатору. Когда они узнавали, почему экспериментатор вел себя так грубо, уровень физиологического возбуждения не становился существенно более низким сравнительно с теми испытуемыми, которые вообще не получали информации о смягчающих обстоятельствах, и они жаловались на экспериментатора почти так же часто, как и испытуемые неинформированной группы.

Зилманн, однако, предупреждал, что не следует думать, будто получаемая постфактум информация о смягчающих обстоятельствах никогда не уменьшает агрессивные побуждения, активированные фрустрацией. Ссылаясь на результаты эксперимента, проведенного Шабазом Малликом и Бойдом Мак-Кэндлиссом (Mallick & McCandless, 1966), он отмечает, что переоценка предшествующего раздражения или гнева иногда уменьшает последующую агрессию, хотя может потребоваться некоторое время для того, чтобы эта «извинительная» информация могла быть усвоена и дала должный эффект. Результаты эксперимента Зилманна—Кантора были основаны на измерениях, сделанных вскоре после того, как испытуемые были фрустрированы. Вполне понятно, что если бы тестирование проводилось через более продолжительное время, то интенсивность эмоционального состояния успела бы понизиться, испытуемые успокоились и могли бы лучше обдумать смягчающие обстоятельства и пересмотреть свое отношение к экспериментатору.

Однако даже длительная отсрочка и широкий временной интервал, позволяющий учесть, рассмотреть и оценить информацию о смягчающих обстоятельствах, могут не полностью устранить агрессивные побуждения фрустрированных людей, если в момент фрустрации их возбуждение достигало очень высокого уровня. Зилманн

считает, что агрессивные мысли, сформировавшиеся в «высокотемпературных» условиях интенсивного гнева, прочно имплантируются в сознании индивида и, таким образом, успешно противостоят времени. Затем, поскольку враждебность (т. е. негативная установка) сохраняется, фрустрированные люди могут хладнокровно атаковать своих прежних мучителей позже, когда только представится подходящий случай (Zillmann, 1979, p. 333).

Атрибутивные эффекты с точки зрения концепции ассоциативной сети

Хотя рассмотренные выше исследования атрибуций, на первый взгляд, серьезно отличаются от интерпретации эмоциональной агрессии с точки зрения теории ассоциативной сети, представленной в главе 3, однако атрибутивные эффекты на самом деле нетрудно понять в свете этой альтернативной перспективы.

Прежде всего, в противоположность утверждению когнитивистски ориентированных теоретиков о том, что определенные виды оценок и атрибуций (указанные в перечне в первой части рис. 4-1) необходимы для возникновения гнева, я показал в главе 3, что гнев и агрессия могут иметь место также и при отсутствии подобных оценок. Было бы лучше, по-видимому, говорить, что такие когниции обычно лишь интенсифицируют переживание гнева и сопровождающие агрессивные тенденции, ибо *повышают ощущение неудовольствия*, вызванное неприятным событием. В приводимом выше примере несостоявшегося свидания мысль о том, что молодой человек намеренно не явился на свидание, очевидно, вызвала бы у Джейн негативные чувства. Она почувствовала бы себя еще хуже, если бы помимо этой неприятной мысли ей пришла бы в голову и мысль о том, что молодой человек передумал и не захотел прийти на свидание потому, что посчитал ее недостаточно привлекательной. Мысль о том, что с ней поступили нехорошо и несправедливо, усилила бы негативный аффект еще больше и тем самым ослабила бы силы противодействия проявлению гнева. В конце концов, со многими из нас бывает так, что мы не сомневаемся в оправданности нашего гнева против тех, кто нарушает социальные правила. В итоге подобные оценки и атрибуции порождают выраженно негативные чувства и результирующий негативный аффект ведет к довольно сильному переживанию гнева.

В этой связи я в основном согласен с тем утверждением, что агрессивные побуждения будут стимулироваться до тех пор, пока длится переживаемый негативный аффект. Именно поэтому информация, оправдывающая намеренное оскорбление, часто оказывается неэффективной, если индивидуум уже был раздражен и, многократ-

но вспоминая о неприятном инциденте до того, как узнал об извиняющих обстоятельствах, мог даже еще больше усилить свои негативные чувства. В подобных обстоятельствах остаточные негативные чувства должны быть существенно редуцированы, чтобы агрессивные побуждения были полностью ликвидированы.

Концепция ассоциативной сети позволяет объяснить также эффекты самовосприятия, акцентируемого двухфакторной теорией Шехтера, и переноса возбуждения в концепции Зилманна. Как в той, так и в другой концепции, по существу, речь идет о том, что мы переживаем чувство гнева только лишь после того, как начинаем думать о себе как о рассерженных или разозленных. Я полагаю, однако, что подобное самоопределение (self-labeling) лишь усиливает уже существующее, порожденное негативным аффектом рудиментарное чувство гнева. Вспомним, что связанные с агрессией мысли и воспоминания ассоциативно связаны с этими негативными чувствами. Простая мысль о самом себе как разозлившемся может в определенной степени активизировать чувство гнева, что и проявляется в нашей способности повторно переживать гнев при воспоминании о происходивших ранее порождающих гнев инцидентах. Аналогичным образом мы чувствуем себя опечаленными, когда думаем, что переживаем печаль. Суть дела, таким образом, состоит не в том, что эмоциональное самоопределение необходимо для возникновения эмоционального состояния, но в том, что оно является одним из нескольких факторов, которые в совокупности определяют интенсивность эмоции.

СВИДЕТЕЛЬСТВА О НЕКОГНИТИВНЫХ ВЛИЯНИЯХ НА ЭМОЦИИ

Я описывал влияние мыслей на эмоциональные реакции и, в частности, на гнев или агрессивные реакции. Хотя наши убеждения относительно того, что мы чувствуем и почему мы возбуждены, могут влиять на наши эмоциональные состояния и поведение, эти убеждения, оценки и атрибуции не являются необходимыми для возникновения эмоциональных реакций. Сложные мыслительные процессы не всегда «действуют именно так», по крайней мере в отношении эмоциональных реакций.

СЛЕДСТВИЯ ЭКСПРЕССИВНЫХ РЕАКЦИЙ

В роли главных соперников когнитивной интерпретации эмоций выступают концепции, акцентирующие важность телесных реакций в протекании эмоциональных переживаний. Эти идеи не являются новыми. Уже более столетия некоторые биологи, физиологи и пси-

5 Зак. 3973

хологи считают, что чувства в значительной степени, если не полностью, зависят от телесных реакций — мышечных, висцеральных и т. д. Ч. Дарвин высказал эту позицию в своем вышедшем в 1872 году труде «Выражение эмоций у людей и животных», утверждая, что «большинство наших эмоций столь тесно связано с их выражением, что они едва ли существуют, когда тело остается пассивным» (цит. по: Buck, 1980, p. 812). Хорошо известным примером этого направления мысли является классическая *теория эмоций Джеймса—Ланге*. Она получила свое название по именам американского философа-психолога У. Джеймса и датского психолога К. Ланге, независимо друг от друга выдвинувших сходные идеи около ста лет назад. Я буду рассматривать данную концепцию и взгляды ее современных сторонников по меньшей мере по двум причинам: во-первых, она поможет читателю лучше понять процессы формирования чувства гнева и, во-вторых, она подвергает сомнению широко распространенное убеждение в психологической благотворности выражения чувств. Ниже предлагается краткое описание теории Джеймса—Ланге, основанное на работах Джеймса.

Теория эмоций Джеймса—Ланге

❐ **Сперва телесная реакция, потом эмоция.** Уильям Джеймс начинает с резкого расхождения с обычными взглядами на природу эмоций (и с уже описанным когнитивистским теоретизированием). Большинство людей (как и когнитивные теории) считают, что эмоции порождаются интерпретацией личностью психологически значимой ситуации. Оценка или атрибуция, как полагают, определяет, какие возникают эмоции и какие совершаются действия. В противоположность этому Джеймс доказывал, что «телесные изменения следуют непосредственно за восприятием возбуждающего факта, а наше переживание этих изменений и есть эмоция». Он хорошо понимал сенсационность своей концепции.

> *Здравый смысл говорит, что, потеряв наше состояние, мы переживаем и плачем; увидев медведя, пугаемся и спасаемся бегством; будучи оскорблены соперником, приходим в ярость и наносим ему удар. Защищаемая здесь гипотеза предполагает, что такая последовательность процессов неверна... и что более рациональным было бы считать, что мы огорчаемся оттого, что плачем, приходим в ярость потому, что бьем другого, боимся потому, что дрожим... Без телесных состояний, следующих непосредственно за восприятием, последнее было бы по форме чисто когнитивным процессом, бледным, бесцветным, лишенным эмоциональной теплоты. Мы в таком случае могли бы, увидев медведя, решить, что лучше всего обратиться в бегство, будучи оскорблены, счесть справедливым нанести удар, но мы фактически* не ощущали *бы при этом страха или негодования (James, 1890, p. 449–450).*

В общих чертах, теория Джеймса постулирует четыре фазы в развитии эмоционального состояния: 1) воспринимается событие; 2) нервный импульс передается от центральной нервной системы к мышцам, коже, внутренним органам; 3) ощущения, возникающие вследствие изменений в этих частях тела, передаются обратно к мозгу; 4) эти обратные импульсы воспринимаются в коре мозга и в сочетании с восприятием первичного импульса продуцируют «отнесенное к объекту эмоциональное состояние» (object-emotionally-felt) (см.: Adelmann and Zajonc, 1989, p. 253). Здесь мы видим четкое отличие от рассмотренных выше когнитивистских интерпретаций. А именно, эмоциональные состояния порождаются не теми или иными оценками событий, но нашими телесными реакциями на эти интерпретации. Мы боимся, потому что убегаем, и мы чувствуем ярость, потому что наши мышцы напряжены, наши кулаки сжимаются и мы скрежещем зубами.

❒ **Не только висцеральные реакции.** Как хорошо известно, некоторые ученые, например великий физиолог У. Б. Кэннон, подвергали теорию Джеймса—Ланге критике по ряду причин, и в том числе за чрезмерную сфокусированность на висцеральных реакциях. Кэннон отмечал, в частности, что внутренние органы не являются достаточно чувствительными и изменения в них происходят слишком медленно, чтобы быть основой часто быстро развивающегося и быстро изменяющегося эмоционального состояния. На самом деле, однако, Джеймс *не считал* внутренние органы единственными детерминантами эмоциональных состояний. Хотя в его более поздних комментариях к своей теории и акцентируется роль висцеральных факторов, он отмечал, что изменения в мышцах, дыхании и даже коже имеют важное значение для развития эмоциональной реакции. «Может ли кто-нибудь представить себе состояние гнева, — писал Джеймс, — и не вообразить при этом... прилив крови к лицу, напряжение мышц, сжатие зубов?» (цит. по: Adelmann and Zajonc, 1989, p. 252). Таким образом, согласно *полной* теории Джеймса — Ланге именно целостный комплекс физиологических и мышечных реакций, а не только лишь висцеральные изменения, продуцирует специфические эмоциональные состояния.

Следствия выражений лица и других мышечных реакций

Критика Кэннона и смещение интересов психологической науки привели к почти полному игнорированию теории Джеймса—Ланге. Однако более новая версия тезиса о роли телесных реакций выдвинулась на передний план в 1960-е годы, когда некоторые психологи, и прежде всего (но не только) С. Томкинс и К. Изард, выдвинули гипотезу о том, что эмоции управляются главным образом выраже-

ниями лица[1]. Согласно этой гипотезе выражение лица продуцирует сенсорную обратную связь с мозгом, которая ведет к усилению эмоционального состояния. Другие телесные реакции, как полагает Томкинс, также способствуют развитию эмоциональных переживаний, но обратная связь от кожи и мышц лица играет более важную роль, поскольку реакции лицевой экспрессии более быстрые и более сложные, чем реакции внутренних органов. Я не буду подробно рассматривать *гипотезу лицевой обратной связи* ввиду неоднократного ее описания в литературе и даже не буду анализировать сложности и противоречия, возникающие при исследованиях в данной области. Более важно отметить существенную валидность идеи о лицевой обратной связи. Экспрессивные мышечные реакции лица у людей могут влиять на их эмоциональные состояния, особенно когда они не осознают полностью характер своей лицевой экспрессии. Чтобы проиллюстрировать данный эффект, я приведу в качестве примера эксперимент, проведенный Л. Рутледжем и Р. Хупкой (Rutledge & Hupka, 1985).

Испытуемым было сказано, что они принимают участие в исследовании активности лицевых мышц при выполнении перцептивных задач, после чего они проходили через серию «проб». Каждому из них предлагалось приводить в движение определенным образом некоторые из лицевых мышц, рассматривая при этом возбуждающие те или иные эмоции картинки. *В половине из всей серии «проб», расположенных в случайном* порядке, по указанию экспериментатора испытуемые приводили в движение мышцы лица таким образом, что казалось, будто они выражали радость, в то время как в других пробах движения лицевых мышц у испытуемых соответствовали выражению гнева. На предъявляемых для рассмотрения одновременно с указанными движениями лицевых мышц картинках изображались либо радостные события (моряк обнимает медсестру), либо провоцирующие гнев инциденты (женщина, вымазанная дегтем и привязанная к позорному столбу) или нейтральные вещи. *Рассматривая каждую из картинок, испытуемые оценивали свои эмоции* посредством нескольких стандартизированных шкал эмоциональных состояний.

Следует отметить, что экспериментатор не говорил испытуемым о характере того или иного конкретного паттерна лицевых мышц, активизируемых в той или иной пробе, и действительно, когда их спрашивали по окончании эксперимента, выяснялось, что подавляющее большинство из них не осознавали выражаемые ими эмоции. Здесь будут представлены результаты, полученные в этой группе — группе неосознававших свою лицевую экспрессию.

---

[1] См.: Izard (1971) и Tomkins (1962, 1963). См. также: Adelmann and Zajonc (1989); Leventhal and Tomarken (1986).

Переживаемые участниками этого эксперимента эмоциональные состояния были обусловлены как содержанием рассматриваемых ими картинок, так и выражениями их лиц, но влияние того и другого факторов было особенно значительным, когда картинки и экспрессия действовали координированно, в одном направлении. Испытуемые сообщали о переживаемой ими сильнейшей радости (и наименьшем гневе), когда они рассматривали картинки, возбуждающие радость, при условии радостной экспрессии лица, и они говорили, что чувствуют сильнейший гнев — (и наименьшую радость), когда рассматривали картинки с неприятным содержанием при условии экспрессии гнева.

Необходимо, однако, отметить, что выражения лица у испытуемых не могли противодействовать влиянию радикально противоречащих эмоциональных сцен. Счастливая улыбка не могла вызвать у человека чувство радости, если при этом он рассматривал возбуждающую гнев картинку. Движения лицевых мышц усиливали настроение, порождаемое внешним эмоциогенным воздействием, лишь тогда, когда они были совместимы с детерминированной извне эмоцией.

Соглашаясь с Х. Левенталем и Э. Томаркеном, мы, по-видимому, должны заключить, что лицевые мышцы не являются важнейшими или сильнейшими детерминантами эмоциональных состояний (Leventhal & Tomarken, 1986, p. 580). Тем не менее реальное значение имеет то, что экспрессия лица оказывает *определенное* влияние на эмоции.

Еще один момент должен быть отмечен. Хотя исследователи уделяли наибольшее внимание *лицевой* экспрессии, другие телесные реакции также могут влиять на эмоциональные состояния. Дж. Рискинд и К. Готай представили нам доказательства этого влияния, полученные в нескольких экспериментах. Они показали, что испытуемые, которые по просьбе экспериментатора принимали угрюмый, подавленный вид, позу упавшего духом человека, проявляли тенденцию вести себя и чувствовать более депрессивно по сравнению с испытуемыми контрольной группы, которых попросили принять вид экспансивного, бодрого, энергичного человека (Riskind & Gotay, 1982).

Таким образом, имеющиеся данные подтверждают, что телесные реакции оказывают влияние на эмоции. Мышечные движения, осуществляемые нами при восприятии эмоциогенного события, могут влиять на характер переживаемого нами эмоционального состояния. Вполне возможно, что У. Джеймс был прав по крайней мере в некоторых аспектах. Подумайте о стереотипе англичанина знатного рода, сохраняющего «невозмутимость и хладнокровие» в столкновениях с противником. Он мог бы быть более рассержен, если бы не контролировал выражение своего лица. Улыбка не может быть «зонтиком», спасающим нас от негативных эмоций, когда происходят неприятные события, но хмурый вид, подавленное выражение лица могут усугубить наше негативное эмоциональное состояние.

ТЕЛЕСНЫЕ РЕАКЦИИ И КОГНИЦИИ: МОДЕЛЬ АССОЦИАТИВНОЙ СЕТИ

Мы не можем точно сказать, почему телесные реакции влияют на эмоциональные состояния. Однако представляется вполне возможным интерпретировать эти эффекты в терминах предложенной мной гипотезы ассоциативной сети. Если эмоциональное состояние возможно рассматривать как сеть взаимосвязанных мыслей, воспоминаний, чувств и экспрессивно-моторных реакций, то активирование любого из этих компонентов должно активизировать также и все остальные компоненты. При тех или иных обстоятельствах осуществление определенных движений, ассоциированных с конкретными эмоциональными состояниями, может привести к действию и другие компоненты. Это, разумеется, происходит лишь в той степени, в какой мышечные реакции были определенно связаны с эмоциональным состоянием и отсутствовали интерферирующие мысли.

Проявление признаков гнева

Связь между экспрессивно-моторными реакциями и эмоциональным состоянием особенно *устойчива* в случае переживания гнева. Именно таким образом, как и утверждает теория ассоциативной сети, выражение лица и телесные реакции, ассоциированные с агрессией: сжатые зубы, опущенные вниз и сведенные брови, напряженные мышцы и сжатые кулаки и т. д. — определенно могут активировать чувства гнева и враждебные мысли.

Шекспир понимал подобные влияния. Когда его персонаж король Генрих V призывая своих солдат атаковать французов в битве при Гарфлере, он побуждал их «имитировать действия тигра», перенимая у него выражение ярости:

> Кровь разожгите, напрягите мышцы...
> Глазам придайте разъяренный блеск...
> Сцепите зубы и раздуйте ноздри;
> Дыханье придержите; словно лук,
> Дух напрягите.
>
> *Перевод Е. Бируковой*

Демонстрируя ярость выражением своего лица и жестами, мы иногда можем, по крайней мере в определенной степени, привести себя в состояние гнева. Следует, однако, иметь в виду, что выражение лица и телесные реакции обычно не оказывают большого влияния на переживаемые эмоции. Мы не приходим в состояния сильнейшего гнева или ярости просто оттого, что скрипим зубами и рычим на кого-то. Эффект обратной связи обычно бывает не слишком силь-

ным, а иногда и вообще отсутствует. Понятие ассоциативной сети предлагает объяснение того, почему такое возможно. Другие компоненты эмоциональной сети также связаны с чувствами и с ассоциированными с ними тенденциями к действиям (определенные воспоминания, а также, возможно, некоторые виды физиологических реакций), и эти другие компоненты могут в данном случае не действовать или быть активированы лишь в слабой степени. Не исключено даже, что другие идеи и воспоминания могут интерферировать с возбуждением эмоционального состояния. Некоторые из испытуемых в описанном выше эксперименте Рутледжа—Хупки могли думать о том, что они делают, приводя в движение свои лицевые мышцы согласно указаниям экспериментатора, и возникающие вопросы могли интерферировать с активацией их эмоциональных сетей. Аналогичным образом мы можем представить себе английского солдата в битве при Гарфлере, испытывающего мучительное беспокойство по поводу того, что его могут убить, даже если он усвоил агрессивный вид и позу, внушаемые королем Генрихом. Он мог задавать самому себе вопросы: «Что я делаю здесь? Почему я оставил Англию? Надо ли мне умирать?» Подобные мысли также могли препятствовать полной активизации сети ассоциаций, включающей связь гнева и агрессии.

❒ **Предостережение относительно проявления гнева.** Даже при условии интерференции наших мыслей мы, вполне возможно, все же индуцируем у себя некоторую степень гнева и агрессивности, выражая физические признаки гнева. Нам часто советуют выражать свои чувства, а не держать гнев «закупоренным в бутылке». Подобные рекомендации не слишком точны, но, по-видимому, нас призывают открыто проявлять физические признаки гнева выражением лица, движениями рук и всего тела. Исследования и рассмотренная мной здесь теория свидетельствуют о том, что неконтролируемая *моторная* экспрессия гнева в действительности может принести больше вреда, чем пользы. Вместо того чтобы чувствовать себя лучше, мы можем интенсифицировать свой гнев. Может быть полезным *выговориться* о своих чувствах, но вряд ли можно считать разумной и полезной идею о том, чтобы рекомендовать кричать, вопить и пинать резиновую куклу Бобо. Я буду говорить подробнее об этом в главе 11.

Настроения могут влиять на мысли

Не приходится сомневаться в том, что, как утверждается в теории ассоциативных сетей, настроения людей могут влиять на мысли и даже на воспоминания, приходящие на ум в данный момент. Влияния негативных настроений на когнитивные процессы несколько слож-

нее, чем влияния позитивных настроений, быть может потому, что многие люди стараются не думать о неприятных вещах, когда они чувствуют себя плохо, но и тот и другой тип настроения может оказывать определенное влияние на то, какие у них возникают идеи, как они смотрят на окружающий мир и что им приходит на память в данный момент.

Несомненно, все мы осознаем, как все вокруг нас выглядит ярче и лучше, когда мы чувствуем себя хорошо. Приятные чувства связаны в нашей психике с позитивными мыслями и воспоминаниями, и в результате при этом мы склонны благожелательно думать о разнообразных вещах. Мы также проявляем тенденцию относительно быстро вспоминать приятные события, когда мы счастливы. Психологические эксперименты многократно и разнообразными способами продемонстрировали эти эффекты. Показано, что, когда люди находятся в хорошем настроении, они более склонны (по сравнению с тем случаем, когда они находятся в нейтральном настроении) рассматривать самих себя и даже то, чем они владеют, относительно позитивно, менее склонны рассматривать мир как опасный и предпочитают умеренный риск[1].

В случае негативных настроений наблюдаются тенденции к противоположным эффектам, хотя и не столь выраженные, возможно, вследствие упоминавшихся мной механизмов самозащиты. Когда люди по той или иной причине чувствуют себя плохо, многие из них склонны вспоминать неприятные вещи, думать менее хорошо о самих себе и усматривать больше рискованных ситуаций и опасностей в окружающем мире[2].

Р. Бэрон продемонстрировал негативные эффекты отрицательных эмоций в экспериментах, где симулировалось интервью с желающими получить работу. У участников эксперимента — студентов университета индуцировалось радостное, нейтральное, или печальное настроение, после чего они «интервьюировали» молодого человека, исполнявшего роль претендента на получение работы, задавая ему ряд стандартизированных вопросов. Затем испытуемые должны были дать оценку человека, и, как оказалось, эти оценки подвергались влиянию их настроения. Испытуемые, находившиеся в хорошем настроении, характеризовали претендента на получение работы как очень «симпатичного» и обладающего высоким «общим потенциалом», в то время как те из испытуемых, у которых было индуцировано плохое настроение, давали ему весьма низкие оценки. Еще более интересно то, что воспроизведение испытуемыми

---

[1] Обсуждение глубоких положительных влияний позитивного настроения представлено в работах Alice Isen (1984, 1987).

[2] Эти влияния описываются в работах: Bower (1981); Johnson & Tversky (1983); Johnson & Magaro (1987); Snyder & White (1982); Teasdale (1983); Wright & Mischel (1982).

информации, полученной ими от человека, которого они интервьюировали, также претерпело влияние настроения. Когда их попросили вспомнить, что этот человек говорил о себе, те из них, которые чувствовали себя плохо, меньше всего вспоминали о его позитивных личностных качествах, в то время как испытуемые, которые были в хорошем настроении, не вспоминали ни о каких отрицательных чертах, упоминавшихся претендентом на работу (Baron, 1987).

Враждебные мысли могут порождаться неприятными чувствами

Предлагаемый здесь теоретический анализ идет еще дальше. Возникает предположение о том, что ассоциации в нашей психике связывают неприятные чувства не только с негативными мыслями в общем, но также и с идеями и воспоминаниями гневного или агрессивного значения. Как следствие, когда мы пребываем в негативном настроении, существует большая вероятность того, что у нас появятся враждебные мысли и мы будем вспоминать столкновения и конфликты, случавшиеся в прошлом. Бренда Руле и ее коллеги представили свидетельства, подтверждающие первый из этих эффектов, о чем уже упоминалось в главе 3. Испытуемые, находившиеся в чрезмерно жарком помещении, проявляли тенденцию выражать враждебные мысли при сочинении рассказов с эмоционально насыщенным содержанием. В моем собственном лабораторном исследовании были получены аналогичные результаты. Испытуемые — студентки университета, находившиеся в дискомфортных условиях по сравнению с сокурсницами, находившимися в нормальных условиях были более склонны вспоминать о случавшихся в прошлом конфликтах при воспроизведении в памяти важных инцидентов, связанных с их друзьями или посторонними людьми. Помимо этого у них обнаружилась также тенденция оценивать нейтральных лиц более неблагоприятно (Rule, Taylor & Dobbs, 1987; см. также: Berkowitz, 1990).

Все это имеет непосредственное отношение к тому, о чем уже была речь при обсуждении когнитивных теорий эмоций. Пытаясь объяснить, почему мы иногда бываем рассержены неприятными сюрпризами судьбы, такими, как шторм, внезапный шквальный порыв ветра или автомобильная авария, сторонники атрибутивного подхода обычно говорят, что мы думаем о событии как о вызванном некой специфической сущностью, чьей-то «злой волей».

Хотя подобное объяснение и представляется справедливым, здесь действуют и иные процессы, побуждающие нас обвинять естественные силы или неодушевленные объекты в наших бедах. Неудовольствие, порожденное неприятными событиями, ведет к появлению всевозможных враждебных мыслей. По крайней мере некоторые из них могут быть направлены на все, что каким-либо образом выделяется в

окружающей ситуации, включая и воспринимаемый источник негативного аффекта. Другими словами, враждебные мысли появляются вместе с нашим гневом и мы думаем плохо обо всем, что привлекает наше внимание. Одним из следствий является то, что мы обвиняем все то, что оказывается в центре нашего внимания в данный момент (гроза, ветер, машина или все что угодно). Гнев и враждебные мысли могут возникать прежде, чем мы начнем обвинять.

ЗНАЧЕНИЕ МЫСЛЕЙ

Люди, конечно, действуют так, как они думают, а их мысли, разумеется, могут влиять на то, что они делают и как себя чувствуют, находясь в состоянии эмоционального возбуждения. Оценки и атрибуции, естественно, не имеют подавляющего значения, но определенно могут оказывать существенное влияние. По крайней мере, интерпретации могут определять, будет ли событие приятным или неприятным, насколько сильны окажутся результирующие чувства и станут ли действовать сдерживающие силы (ограничения).

Необходимо также иметь в виду, что когнитивные процессы могут действовать и другими путями, а не только через оценки и атрибуции. Дальше в этой главе я буду обсуждать некоторые из этих влияний.

СОХРАНЕНИЕ ВРАЖДЕБНОСТИ: НЕГАТИВНЫЕ ВЛИЯНИЯ «ПЕРЕЖЕВЫВАНИЯ» В МЫСЛЯХ ТОГО, ЧТО ПРОИЗОШЛО

Более 40 лет назад Теодор Ньюкомб, один из ведущих специалистов в социальной психологии, сделал наблюдения относительно того, почему враждебные установки часто оказываются столь устойчивыми. Когда кто-то нас разозлит, отмечал Ньюкомб, мы склонны отвернуться от этого субъекта и прервать дальнейшее общение с ним (Newcomb, 1947). Наше нежелание иметь дело с оскорбившим нас может означать, что мы не сможем получить никакой смягчающей или благоприятной, свидетельствующей в пользу этого человека информации и, как результат, будем продолжать видеть его или ее в черном свете. Кроме того, как отмечал А. Тессер из университета Джорджии, наше отрицательное мнение может усиливаться с течением времени (Sadler & Tesser, 1973; Tesser, 1978; Tesser & Johnson, 1974). Интересно, не этот ли факт имел в виду английский поэт У. Блейк, когда писал в «Дереве яда»:

Враг обиду мне нанес —
Я молчал, но гнев мой рос.

Перевод С. Я. Маршака

Заострение и усиление негативной концепции

Почему негативные мнения людей о других людях часто усиливаются? Одна из возможных причин, которой придает большое значение Тессер, состоит в том, что когда рассерженные люди продолжают думать о фрустрировавшем их человеке, их представление о нем претерпевает определенное заострение. Не получая противоположной информации, они забывают несогласующиеся детали, которые раньше затемняли образ другого человека. И они становятся более категоричными в своих оценках центральных черт сформировавшегося у них негативного образа. Гнев поэта мог стать сильнее не потому, что он не выразил свои чувства, а потому, что он изолировал себя от любой возможной информации о своем враге и постоянно думал об этом человеке, тем самым усиливая свое неблагоприятное мнение о нем.

Мысли могут стимулировать чувство гнева и агрессивные побуждения

Гипотеза ассоциативной сети говорит нам также и о следующем: как чувство гнева вызывает враждебные мысли, так и негативные мысли о ком-то могут активировать чувство гнева и даже агрессивные побуждения. Таким образом, в «Дереве яда» поэт остается возбужденным и, может быть, даже стимулирует себя к еще более сильному гневу, продолжая думать и думать о дурных чертах и/или скверном поведении своего врага. Помимо того, что сохраняется неизменной негативная установка (враждебность), его мысли вызывают у него гнев, стимулируя другие враждебные мысли, и возбуждают стремление причинить вред своему врагу.

В этой связи А. Бандура отмечал, что люди могут сексуально возбудиться собственными эротическими фантазиями, могут испытывать чувство страха, воображая опасные ситуации, и «могут вгонять себя в состояние гнева, без конца пережевывая в мыслях нанесенные им обиды». Он иллюстрирует этот процесс, приводя пример мужа, постоянно размышляющего о предполагаемой неверности своей жены. Этот человек в течение двух лет только и думал о том, как его жена поцеловала другого мужчину на вечеринке в канун новогоднего праздника. Потом, возбужденный сценой убийства, показанной по телевидению, он застрелил своего мнимого соперника (Bandura, 1973, p. 45). Как и во всех подобных случаях, эмоционально насыщенные мысли у этого человека активировали чувства, образы и даже побуждения к действию — все факторы, имеющие то же самое значение и, таким образом, ассоциированные с его мыслями.

Понятие «прайминга» (priming)

Психологи, интересующиеся влияниями когнитивных процессов, обычно обозначают описанный выше феномен словом «прайминг». В основном при этом имеется в виду то, что инициальные мысли служат «затравкой» (делают доступными сознанию) для других, семантически близких мыслей. Так как эти мысли обычно не слишком доступны сознанию индивида, велика возможность, что они будут актуализироваться, если ситуация окажется подходящей. Здесь особенно важно то, что «затравочные» мысли способны активизировать в сознании человека того или иного рода концепцию или схему интерпретации и что эта схема может определять, как будет истолковываться релевантная информация. (Теоретический анализ, предлагаемый мной в данной книге, идет дальше, предполагая, что мысли связаны в памяти не только с эмоциями, но и с экспрессивно-моторными реакциями, так что активирование любого из этих компонентов в ассоциативной сети воздействием первичного стимула будет активировать и другие компоненты.)

Многие социально-психологические эксперименты, посвященные исследованию данного феномена, имеют прямое отношение к агрессии. В общем, они продемонстрировали, что даже, казалось бы, невинные столкновения с теми или иными вещами, имеющими враждебное значение, могут возбудить враждебные мысли, которые затем могут формировать наши впечатления о других людях[1]. Таким образом, если, например, нам случается прочитать какие-то отрывки из книги, наполненные словами, имеющими враждебное значение, то в течение какого-то времени после этого с большой вероятностью мы можем негативным образом интерпретировать неоднозначное поведение других людей. Что, может быть, еще более важно, все это может вести к открытой агрессии.

Этот эффект наблюдался в эксперименте, проведенном Ч. Карвером, Р. Ганелленом, У. Фромингом и У. Чамберсом (Carver, Ganellen, Froming & Chambers, 1983). В первой фазе эксперимента испытуемые, якобы для исследования процессов обучения, получили 30 наборов из четырех слов. Их попросили составлять из этих наборов осмысленные, состоящие из трех слов предложения. Одна группа испытуемых была подвергнута воздействию с целью возбуждения враждебной «затравки». Испытуемые этой группы получили наборы слов, 80% которых имели враждебное содержание (например, «бьет, он, ее, им»). Вторая группа испытуемых получила набор слов, 80% которых имели нейтральное значение (например, «дверь, укреплять, он, открытый»). Вскоре после этого участники эксперимента проходили через процедуру «обучения» по-

[1] Ранние демонстрации этого эффекта описаны в работах: Higgins, Rholes & Jones (1977); Srull Wyer (1979).

средством так называемой «машины агрессии» Басса (см. главу 13), в процессе которой они должны были наносить удары сокурснику электрическим током каждый раз, когда тот допускал ошибку в серии, состоящей из 20 проб.

Как и предполагалось, исходя из теории, те испытуемые, которые составляли предложения, имеющие враждебное значение, проявляли бóльшую суровость, наказывая «ученика», сравнительно с испытуемыми контрольной группы, которым пришлось составлять лишь немного враждебных сентенций. В то время как средняя интенсивность ударов электротоком в контрольной группе равнялась показателю 2,2 единицы (по шкале от 1 до 10), у испытуемых, подвергавшихся враждебной «затравке», этот показатель равнялся 3,3 единицы, т. е. был значительно выше.

В ряде моих собственных экспериментов были получены сходные результаты, хотя я и не всегда интерпретировал их с точки зрения эффекта «прайминга». Какая бы терминология ни использовалась, подобные исследования показали, что демонстрация материала с враждебно-агрессивным значением — например, сцен насилия на кино- и телеэкранах — способствует усилению недружелюбности к другим людям и может даже интенсифицировать проявление явной агрессии. Я буду рассматривать все это более подробно в главе 7 при обсуждении влияния демонстрации насилия в масс-медиа. Здесь приведу только один пример эксперимента, который показал, что мы вряд ли будем иметь «катарсический» эффект разрядки накопившихся агрессивных побуждений посредством враждебного юмора. На самом деле подобный юмор может даже провоцировать враждебное поведение по отношению к другим людям.

В этом эксперименте испытуемые женщины слушали запись враждебного или невраждебного рутинного юмористического разговора после того, как они прослушали запись разговора женщины, желающей получить работу, высказывающей либо нейтральные, либо язвительные замечания в адрес студенток университета. Затем они оценивали претендентку на получение работы, думая, что их оценки могут повлиять на ее шансы получить эту работу. Язвительные замечания побуждали оскорбившихся испытуемых к более жестким оценкам женщины, желающей получить работу. Хотя две группы испытуемых не отличались в плане их юмористического настроя, те из них, которые были оскорблены претенденткой на получение работы, оценивали ее более негативно, прослушав враждебный юмор, нежели те, которые не слушали ее язвительных комментариев (Berkowitz, 1970 a).

Данные этого исследования могут помочь нам понять поведение ревнивого мужа, о котором я упоминал выше. Он был готов атаковать своего мнимого соперника, поскольку все время оставался возбужденным непрестанным мысленным «пережевыванием» воображаемого оскорбления, нанесенного ему этим человеком. Сцена насилия, увиденная им на телеэкране, продуцировала у него агрессив-

ные мысли и усилила его агрессивное побуждение. В результате он стал еще более разъяренным и атаковал соперника. Совершенно очевидно, он не истощил свой гнев, предаваясь агрессивным фантазиям или созерцая сцены, в которых люди избивали друг друга. Демонстрация подобных зрелищ делает людей более агрессивными, чем они могли бы быть.

МЫСЛИ ВЛИЯЮТ НА СДЕРЖИВАНИЕ АГРЕССИИ

Помимо возбуждающего влияния, мысли могут влиять на нас, ослабляя или усиливая действие психологических механизмов сдерживания. До сих пор я акцентировал в этой книге негативную сторону, условия, которые побуждают нас вести себя грубо или агрессивно, но мало говорил о позитивной стороне человеческого характера. Всякое целостное описание человеческой агрессии должно учитывать также и позитивные человеческие качества и, в частности, относительно цивилизованный характер нашего поведения в повседневной жизни. Подавляющее большинство людей лишь редко проявляет физическую агрессию. Мы не занимаемся тем, чтобы выискивать, на кого бы напасть, и не стремимся вступить в драку с первым встречным. Если мы и атакуем кого-либо физически или вербально, то это случается нечасто, — в общем, большинство из нас в большей или меньшей степени не склонны причинять зло другим людям.

Частично это нежелание проявлять агрессию объясняется, конечно, тем, что мы боимся наказания — хотя бы неодобрения, если не прямого возмездия. Действительно, как будет показано в части 4 этой книги, посредством угрозы наказания при определенных ограниченных условиях агрессию можно успешно контролировать. Наша воспитанность, однако, играет большую роль, нежели угроза наказания. Очень часто, испытывая желание ударить оскорбившего нас человека, мы все же сдерживаемся, потому что научились порицать агрессию, научились тому, что не должно атаковать других ни физически, ни вербально. Проявление агрессии было бы нарушением нашего социального кодекса и норм адекватного поведения, и нам пришлось бы порицать самих себя.

Анонимность, риск быть пойманным и самоконтроль

Скептики могут спорить с моим утверждением о том, что большинство людей руководствуется своим собственным кодексом неагрессивности. Они могут настаивать на том, что относительно немногие люди сдерживают свою агрессивность вследствие развитого внутреннего чувства соответствия или несоответствия поведения моральным нормам. Они могут утверждать, что именно угроза нака-

зания сохраняет социальный порядок. Зигмунд Фрейд разделял этот пессимистический взгляд на природу человека. (В главе 12 «Биология и агрессия» я буду обсуждать его концепцию «инстинкта смерти».) Он придерживался мнения, что для сохранения цивилизованного общества нужна сила. Без угрозы наказания, считал Фрейд, неконтролируемые примитивные побудительные силы вырвались бы на свободу, что привело бы к разгулу беззакония.

❑ ***Освобождаем ли мы себя от социальных норм в условиях отсутствия социального контроля?*** Часто ли нам случается наблюдать, как обычно законопослушные граждане превращаются в нарушителей закона, когда они думают, что могут безнаказанно им пренебречь? Подобное наблюдалось во многих американских городах во время разгула общественных беспорядков в 60-е годы. Нервы у многих чернокожих были до предела взвинчены накопившимся возмущением по поводу социальной несправедливости. Кроме того, вспышки гнева подогревались обвинениями в адрес полиции, а также — во многих случаях, как уже было показано в главе 3, — сильным раздражающим воздействием необычайной жары. Толпы чернокожих буйствовали под покровом ночи, поджигая и грабя магазины в своих гетто. В Канаде белые, которые обычно были вполне мирными и добропорядочными гражданами, пользуясь ночной темнотой, также творили подобные вещи. Когда монреальская полиция в октябре 1969 года начала забастовку и отказалась выполнять свои обязанности, то слоняющиеся по городу с виду обычные граждане принялись бесчинствовать, нарушая работу транспорта, разбивая витрины, грабя и поджигая магазины, и порядок был восстановлен лишь после того, как вмешалась армия, а полиция снова приступила к своей службе (*Time*, Oct. 20, 1969). Действительно ли нам присущи базисные природные наклонности к насильственным действиям и вспышкам буйства? Быть может, они только спрятаны под тонким слоем внешнего лоска воспитанности, выработанного угрозами наказания? Эксперимент, проведенный Ф. Зимбардо в Нью-Йоркском университете, как будто бы подтверждает, что это действительно так.

Зимбардо собрал группы из четырех человек — студенток университета и предложил каждой группе прослушать интервью психолога с другими студентками. Как нетрудно догадаться, ответы интервьюируемых были подготовлены экспериментаторами заранее. Эти ответы были высокомерными и вызывающими в одном случае и весьма приятными и доброжелательными — в другом. Что особенно важно в плане обсуждаемого здесь вопроса, это то, что в половине групп испытуемые были одеты в одинаковые длинные лабораторные халаты, похожие на форму ку-клукс-клана, с капюшонами, полностью закрывавшими лица. Зимбардо назвал это условие «деиндивидуацией», поскольку женщины в таких группах не могли быть лично идентифицируемы. Испытуемые других групп не наде-

вали затрудняющие личную идентификацию халаты с капюшонами, а напротив, как условие «индивидуации», их личная идентификация даже усиливалась. С целью повышения самосознания к одежде прикреплялись большие таблички с именем, и кроме того, экспериментатор говорил, что он интересуется их уникальными индивидуальными реакциями.

Следует иметь в виду, что в этом эксперименте реализуется двойное варьирование условий: а) анонимность против идентифицируемости восприятия испытуемых другими людьми и б) создание различий в степени самосознания. Мы имеем дело с комбинацией двух аспектов: а) анонимность + низкий уровень самосознания и б) идентифицируемость + высокий уровень самосознания.

После того как испытуемые каждой группы прослушали интервью студентки, они удалялись в отдельные кабинки. Каждой объясняли, что она случайным образом была выбрана для того, чтобы наносить удары электрического тока студентке, которую интервьюировал психолог, якобы с целью оценки этой особы. Показателем готовности или стремления наказывать была средняя продолжительность нажатия испытуемой кнопки электрошокового аппарата.

С какой готовностью или насколько охотно испытуемые стремились наказывать свою жертву, зависело как от характера той, которую интервьюировали, так и от того, насколько деиндивидуализированными они были. Индивидуализированные, с высокой степенью самосознания женщины действительно проявляли тенденцию быть несколько добрее или снисходительнее к высокомерной студентке, чем по отношению к деликатной и доброжелательной. Дело выглядело так, как если бы вследствие высокой степени осознания себя и своих моральных стандартов и из боязни допустить несправедливость они впадали в другую крайность, стремясь быть справедливыми по отношению к неприятной особе. Анонимные, деиндивидуализированные испытуемые проявляли большую готовность или желание наказывать свою жертву независимо от того, насколько она была заносчивой и высокомерной, хотя, в общем, стремление наказывать заносчивую было более выраженным. Существенный момент, однако, заключается в том, что они нажимали кнопку электрошокового аппарата в два раза дольше, чем испытуемые индивидуализированной группы, причем независимо *от характера жертвы*. Их средний показатель составил 1 секунду, в то время как средний показатель в группе индивидуализированных испытуемых был равен всего лишь половине секунды (Zimbardo, 1969).

Как следует понимать результаты этого эксперимента? Самое простое объяснение, которое соответствовало бы пессимистической трактовке Фрейда, заключается в том, что анонимные женщины именно «раскрепощаются». Скрытые халатами и капюшонами и полагая, что их нельзя опознать, они могли считать достаточно безопасным дать выход своим агрессивным побуждениям. Для Зимбардо, однако, значимой была не столько анонимность деиндивидуализированных испытуемых, сколько их низкая степень самосознания. Другие

данные его исследований также подкрепляют обоснованность акцентирования фактора самосознания. Эти испытуемые не контролировали свои реакции потому, что, не думая о самих себе, они не заботились *в этот момент*, что думают о них другие. Их поведение было, по выражению Зимбардо, временно «свободно от обязательств... и ограничений... налагаемых чувствами вины, стыда и страха».

Другие социальные психологи также исследовали эффекты деиндивидуации (по терминологии Зимбардо), и некоторые из полученных ими результатов поддерживают утверждение Зимбардо о том, что люди могут становиться относительно агрессивными при условии низкой степени самосознания. В одном из экспериментов С. П. Данн и Р. Роджерс из Университета Алабамы выявили различия в самосознании, в то время как постоянной величиной оставалось знание испытуемых о своей ответственности за агрессию. Участники этого исследования, как и следовало ожидать, были более враждебными, когда думали, что не будут наказаны за агрессивность, но они также становились более агрессивными, когда их внимание отвлекалось от самих себя (Prentice-Dunn & Rogers, 1982; см. также: Diener,1979; Dipboye, 1977; Johnson & Downing,1979; Taylor,O'Neal, Langley & Butcher, 1991). То есть не только страх возмездия, но частично и отсутствие самосознания обусловливало их более сильное проявление агрессивности. Означает ли это то, что, забываясь, мы проявляем нашу внутреннюю брутальность?

Имеющиеся данные на самом деле не подтверждают подобное пессимистическое и циничное представление о природе человека. Разумеется, верно, что люди, по тем или иным причинам предрасположенные к антисоциальному поведению, весьма склонны поступать так, как им хочется, когда думают, что не пострадают от последствий своего поведения. Однако многие из нас не склонны постоянно причинять вред кому-либо другому.

Мы не являемся ходячими вулканами, полными агрессивных побуждений, которые сдерживаются и не проявляются лишь из-за самосознания и страха наказания. Относительно немногие из нас хотели бы причинять страдания другим беспричинно, просто из удовольствия творить зло, как, казалось бы, следует из некоторых описанных выше экспериментов.

Редуцированное самосознание не ведет с необходимостью к преступлениям и насилию. Как отмечал Зимбардо, чрезвычайно возбужденные толпы также благоприятствуют анонимности и потере самосознания, но не каждая возбужденная толпа буйствует и учиняет бесчинства. Большие массы людей участвуют в спортивных событиях и рок-концертах и при этом участники часто забывают себя и поддаются интенсивным эмоциям. И, однако, мы лишь время от времени

слышим о том, что такие скопления людей превращаются в дикую буйствующую толпу. Несомненно, не все спортивные фанаты и любители музыки питают с трудом подавляемые и требующие разрядки импульсы к насилию. Анонимность и низкий уровень самосознания могут редуцировать сдерживающие силы и ослабить механизмы социального контроля, но необходимы другие влияния, чтобы побудить этих людей к антисоциальному поведению. По крайней мере, даже будучи деиндивидуализированы, они должны были бы решить, что им доставит особенное удовольствие кого-то ударить и/или причинять вред и разрушать, а также иметь подходящую доступную жертву.

Я предпочитаю расценивать исследования деиндивидуации следующим образом: Зимбардо и другие авторы, вероятно, правы, говоря о том, что люди стремятся контролировать себя при условии высокого уровня самосознания и что они могут потерять самоконтроль, утратив самосознание. К этому я добавил бы, что этот редуцированный самоконтроль повышает подверженность влияниям окружающей среды.

Вместо того чтобы говорить, что деиндивидуация вызывает разрядку накопившихся подавляемых побуждений, правильнее было бы полагать, что люди в этом состоянии с легкостью поддаются воздействию происходящих вокруг событий[1].

❑ Повышенный самоконтроль, обусловленный повышенным уровнем самосознания. В то время как низкий уровень самосознания не обязательно ведет к антисоциальному поведению, повышенная степень самосознания может способствовать социально одобряемому поведению. Согласно данным исследований, начатых Шелли Дуваль и Робертом Уикландом поколением ранее в рамках направления, получившего название *теория самосознания*, мы действительно с большей вероятностью склонны к социально одобряемым формам поведения, когда обращаем внимание на самих себя.

В этих исследованиях создавалась такая экспериментальная ситуация, в которой внимание испытуемых направлялось на самих

---

[1] Поскольку сильные ситуационные влияния, вызывающие агрессию, в эксперименте Зимбардо, по-видимому, отсутствовали, это может означать, что наблюдавшиеся им различия между двумя группами объясняются скорее *редуцированной агрессией индивидуализированных испытуемых,* нежели повышенной агрессивностью деиндивидуализированных. То есть испытуемые первой группы могли себя вести иначе, чем обычно, потому что у них был повышен уровень самосознания и, таким образом, они лучше осознавали свои морально-этические стандарты. Это предположение в основном соответствует теории деиндивидуации Динера (1980), которая акцентирует понижение саморегуляции в результате низкого уровня самосознания.

себя — например, посредством того, что они видели свое отражение в зеркале, либо потому, что думали, что другие люди смотрят на них, или чувствовали, что выделяются как «аутсайдеры» в группе «чужих». В результате у них возникала тенденция к повышенному осознанию 1) своих личных стандартов и 2) расхождения между этими стандартами и тем поведением, к которому их искушали в непосредственной ситуации. Так как эти испытуемые, подобно большинству людей, были приверженны своим личным ценностям и своему кодексу поведения, они были обеспокоены искушением нарушить свои внутренние стандарты и, следовательно, у них появлялась мотивация действовать в согласии со своими идеалами (См.: Duval & Wicklund, 1972; Wicklund, 1975. См. также: Carver & Scheier, 1981).

Из этого рассуждения следует, что, поскольку по крайней мере в некоторых из экспериментов, посвященных феномену деиндивидуации, у испытуемых при условии *индивидуации* возникает состояние высокой степени самосознания, то вполне понятно их стремление соблюдать собственные стандарты поведения. Эти мужчины и женщины, представители среднего класса, были «должным образом воспитаны», и существуют достаточно высокие шансы того, что они оценивали агрессию отрицательно. В результате они могли сдерживать свои атаки на доступную мишень.

Важно не забывать, что теоретически повышенная степень самосознания должна вызывать повышенную приверженность собственным ценностям и стандартам. Следовательно, люди, не сдерживающие свою агрессивность, не прилагают усилий к тому, чтобы не допустить ее проявления причинением вреда кому-то другому, даже и при условии высокого уровня самосознания. Фактически при этом они могут стать даже еще более агрессивными. Это было продемонстрировано в одном из первых посвященных феномену самосознания экспериментов, проведенном Ч. Карвером.

В этом исследовании принимали участие студенты университета, одни из которых выступали против использования электрошока в экспериментах, а другие одобряли и выступали за его применение. Каждому из испытуемых предоставлялась возможность наказывать сокурсника посредством ударов электрического тока. У некоторых из них вызывалось состояние повышенного самосознания с помощью зеркала, в котором они могли видеть свое отражение. Испытуемые с повышенным самосознанием были более склонны придерживаться своих установок. Те из них, которые высказывались за применение электрошока, проявляли наибольшую агрессивность, а те, которые выступали против, были наименее склонны наказывать свою жертву (Carver, 1975).

Прежде чем обсуждать выводы из этих исследований, позвольте напомнить вам об одном моменте, имеющем к ним непосредственное

отношение. В главе 3 я отмечал, что многие люди не становятся агрессивными, когда им плохо, потому что при этом они хорошо сознают свои негативные чувства. Направленное на самих себя внимание, по-видимому, способствует сдерживанию агрессивных побуждений. Мое предположение состоит в том, что аналогичные психологические процессы могут обусловливать подавление агрессии, когда мы направляем наше внимание на относительно новые неприятные чувства, как это бывает в ситуациях, когда создается состояние повышенного самосознания в исследованиях психологов — сторонников теории самосознания. Во всех подобных случаях испытуемых можно побуждать думать о происходящем в данный момент и, как результат, вызывать у них повышенное осознание собственных личных ценностей и стандартов (как подчеркивается теорией самосознания). Формулируя более обобщенно, можно сказать, что они принимают во внимание больше доступной им информации относительно того, насколько справедливой и уместной была бы агрессия.

Во всяком случае, на мой взгляд, существуют достаточные основания полагать, что подавляющее большинство наших сограждан оценивает агрессию негативно и считает, что ее следует избегать, независимо от того, кто совершает агрессивные действия: другие люди или мы сами. Мы также знаем, однако, что на самом деле немного найдется людей, которые никогда намеренно не причиняли вреда кому-нибудь другому. Кому из нас не случалось намеренно оскорбить соперника? Обычно благопристойно себя ведущие представители среднего класса иногда проклинают, угрожают и даже бьют тех, кто их оскорбил. Родители порой бьют своих детей. Солдаты во время боя стремятся убивать врагов.

ПОЧЕМУ ЛЮДИ МОГУТ ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ НЕАГРЕССИВНЫХ СТАНДАРТОВ ПОВЕДЕНИЯ И ВСЕ ЖЕ БЫТЬ АГРЕССИВНЫМИ

Неоспоримое существование агрессии как важного аспекта человеческого поведения не противоречит тому, что я говорил о неагрессивных ценностях и стандартах большинства людей. Исследования и теоретический анализ позволяют выделить по меньшей мере две группы возможных причин, в силу которых людям не всегда удается жить в согласии с исповедуемыми ими убеждениями.

Вне зоны осознания

Во-первых, и это со всей очевидностью следует из обсуждавшихся здесь теорий, *наши неагрессивные идеалы не всегда находятся в зоне ясного и полного осознания.* Мы не постоянно думаем о принимаемых нами ценностях и нашем кодексе поведения, и, следователь-

но, они не действуют в любой ситуации. Во время воскресного посещения церкви человек может искренне думать, что подставит левую щеку, если его ударят по правой, однако же на следующий день, попадая в совершенно иной мир — мир бизнеса, он может стремиться отомстить своему конкуренту за допущенную тем несправедливость. В силу того, что он в течение рабочего дня целиком и полностью погружается в мир практических дел, забот и хлопот, требующих постоянного внимания и часто связанных с немалым психическим напряжением, исповедуемые им идеалы практически не имеют доступа к его сознанию. С большей легкостью внутренние стандарты и ценности приходят человеку на ум, когда у него создается или возникает состояние повышенного самосознания и когда он оказывается в ситуации, заостряющей, выделяющей эти идеалы.

Игнорирование несовместимостей

Далее, согласно этой теории, для того, чтобы люди, предрасположенные атаковать кого-то, были обеспокоены собственным желанием причинить зло другому человеку, они должны *расценивать свою агрессию как серьезное нарушение собственных правил поведения.* Мы не всегда замечаем наши внутренние противоречия. Почти все мы очень хорошо умеем находить причины, оправдывающие наши нападения на тех, кого не любим, и эти оправдания помогают нам верить, что на самом деле мы не сделали ничего плохого.

Вспомним хотя бы действия эсэсовцев и их лидеров, уничтоживших в концлагерях миллионы евреев, цыган и представителей других презираемых меньшинств во время Второй мировой войны. Некоторые из немцев пытались не допустить уничтожения заключенных, но большинство охранников и лагерного начальства не испытывали особых угрызений по поводу того, чем они занимались. В их сознании имелись легко доступные оправдания.

❑ **Перекладывание ответственности на других.** Во время Нюрнбергского судебного процесса над нацистскими генералами обвиняемые, пытаясь оправдаться, постоянно ссылались на то, что они только исполняли приказы. Они настаивали на своей невиновности. Они были только солдатами и подчинялись приказам, исходящим свыше.

Не думайте, что только нацисты и эсэсовцы подобным образом сваливали свою вину на других. Столетиями законопослушные граждане вновь и вновь подчинялись приказам убивать невиновных. Во всех подобных случаях убийцы отрицали свою ответственность за совершенные действия. Один ныне забытый случай привлек внимание всей Германии в 1921 году. Двое матросов по приказанию своего офицера расстреляли беззащитных пассажиров шлюпки. Вопреки их заявлениям о том, что они только подчинялись приказу,

немецкий суд осудил их за убийство. Американцы могли бы подумать, что они слишком независимые и свободомыслящие граждане, чтобы бездумно подчиняться облеченным властью авторитетам, но в таком случае им следовало бы вспомнить лейтенанта У. Келли и его солдат, зверски убивших жителей вьетнамской деревни Май Лай в 1968 году, выполняя приказания вышестоящего начальства. Американским военным трибуналом лейтенант Келли был признан виновным.

Во всех этих случаях и во многих других, которые я мог бы привести, люди подчинялись, потому что, подобно большинству из нас, они были приучены выполнять приказы вышестоящего начальства, которое рассматривалось ими как легитимная власть. Если мы приняли роль, дающую кому-то право говорить нам, что делать, то с большой вероятностью можно ожидать, что мы более или менее автоматически будем считать правильным следовать его приказам. Это будет продолжаться до тех пор, пока приказания соответствуют усвоенной нами роли и нет явных свидетельств, что приказы неправильные. Служащие обычно верят в то, что их боссы имеют право давать им указания, что и как делать, и они вполне готовы следовать этим указаниям до тех пор, пока считают их соответствующими ситуации и не рассматривают как явно неверные.

Проведенные Стэнли Милгремом и заслуженно получившие широкую известность исследования подчинения авторитету со всей драматичностью показали, что многие из нас готовы подчиняться по видимости легитимным приказаниям, даже если они вынуждают нас причинять страдание другому человеку. Приказания наделенного авторитетом лица освобождают нас от осуждения самих себя за то, что мы причиняем боль другому человеку и, как следствие, совершаем действия, которые иначе бы себе не позволили.

В экспериментах Милгрема, проведенных между 1960 и 1963 годами, было задействовано около 1000 человек — взрослых людей разных профессий, разного возраста и уровня образованности. Исследовалось то, как наказания влияют на запоминание. Когда очередной испытуемый приходил в лабораторию, ему говорили, что другой человек, якобы обучаемый (который на самом деле был помощником экспериментатора), в соседней комнате будет выполнять задание — заучивать учебный материал. От испытуемого требовалось наказывать ученика за каждую допущенную ошибку. В типичном эксперименте Милгрема при первой ошибке ученика экспериментатор объяснял испытуемому, что он должен нанести ученику очень слабый удар электрического тока. Затем он приказывал испытуемому при каждой последующей ошибке наносить все более сильные удары. К концу эксперимента удары достигали чрезвычайной интенсивности.

Обычно испытуемые вполне охотно соглашались наносить первые, слабые удары. Когда ошибки ученика продолжались и удары становились все более и более сильными, испытуемые слышали, как ученик на-

чинает протестовать и затем стонать от боли. С явной невозмутимостью экспериментатор приказывал испытуемому наносить еще более сильные удары. Большинство испытуемых подчинялись. Около двух третей участвовавших в основном исследовании исполняли приказания экспериментатора до самого конца и наносили сильнейшие удары, отмеченные на аппаратуре знаками, явно показывающими, что столь высокий уровень наказания был крайне опасен.

Милгрем в качестве примера приводит запись реакций одного из подчинявшихся испытуемых на приказания экспериментатора увеличивать тяжесть наказания.

150 вольт: Вы хотите, чтобы я продолжал?

165 вольт: Этот парень вопит там. Он жаловался, что у него слабое сердце. Вы хотите, чтобы я продолжал?

180 вольт: Он не выдержит этого; я не могу убивать этого человека; вы слышите, как он вопит там? Я не могу убивать этого больного человека. Он там вопит. Кто будет отвечать, если что-то случится с этим господином? (Экспериментатор берет ответственность на себя.) Ладно.

195 вольт: Вы видите — он же вопит там. Слышите? Ну я не знаю. (Экспериментатор говорит: «условия эксперимента требуют продолжать».) Я понимаю, сэр, но видите ли — ух! — но он-то не знает этого. Ведь уже дошли до 195 вольт.

210 вольт.

225 вольт[1].

Этот человек находился в состоянии конфликта. Он думал, что причиняет другому человеку сильнейшее страдание, но в то же время считал обязанным выполнять требование «авторитета». Приказания казались соответствующими ситуации. Он разрешил свой конфликт, переложив ответственность за то, что может случиться, на экспериментатора, так чтобы не обвинять себя в душе за любые плохие последствия. «Я сам не делал ничего плохого»,— мог бы сказать он себе. Он только выполнял то, что приказывал ему легитимный авторитет. Разумеется, и большинство, если не все остальные, оправдывают себя подобным образом. Милгрем полагает, что действия людей были вполне типичны. В дальнейшем обсуждении своего исследования Милгрем делает вывод:

Поведение участников описанных здесь экспериментов — это нормальное человеческое поведение... наблюдавшееся при условиях, которые с особой ясностью показывают опасность для человеческого выживания, коренящуюся в нашей способности перевоплощения. Действительно, что мы наблюдали? Способность человека отречься от своей человечности, фактически, неизбежность ее утраты, если он растворяет свою уникальную личность в больших институциональных структурах (Milgram, 1974, р. 188).

С другой стороны, может быть, люди и учатся не подчинять свою индивидуальную волю требованиям институционализированных ав-

[1] Цитированные вербальные реакции испытуемого приводятся по: Milgram (1965), p. 67.



Рис. 4-3. Фотографии к эксперименту на послушание. (Copyright 1965 by S. Milgram, из фильма «Послушание»)

а) Используемый в экспериментах генератор электрошока. 15 из 30 кнопок уже были нажаты.

б) Ученика привязывают к креслу и закрепляют у него на запястье электроды. Ученик сообщает ответы нажатием кнопки, которая зажигает одну из лампочек в верхней части панели электрошокового генератора.

в) Испытуемый получает пробный удар электротока.

г) Испытуемый прерывает эксперимент. Справа аппаратура, подключенная к генератору, автоматически фиксирует переключения, используемые испытуемым.

торитетов, принимая вместо этого личную ответственность за свое поведение. Быть может, некоторые шаги в этом направлении уже были предприняты. После суда над нацистскими лидерами союзники по Второй мировой войне заключили Нюрнбергское соглашение, в котором подчеркивается, что индивид не может избежать ответственности за совершенные им преступные действия. Было решено, что подчиненные, совершившие крайне негуманные действия, не могут быть оправданы, даже если они действовали по приказу вышестоящих авторитетов. Этот принцип теперь находит широкое признание, как мы можем видеть на примере осуждения лейтенанта Келли, а также комментариев Германского суда, приговорившего в начале 1992 года бывшего охранника Восточно-Германской границы к тюремному заключению за убийство тремя годами ранее человека, пытавшегося бежать на Запад. «Не все, что законно, правильно, —

провозгласил судья. – В конце двадцатого столетия ни один человек не имеет права игнорировать веления своей совести, когда дело идет об убийстве людей по приказу вышестоящих авторитетов» (Margolick, *New York Times*, Jan. 26, 1992).

❒ **Размывание ответственности.** «Сваливание вины» на вышестоящий авторитет – не единственный способ минимизировать личную ответственность. Мы также можем уменьшить чувство собственной вины, говоря, что не одни мы, но, главным образом, другие люди в этом виновны. «Другие делали то же самое, – настаиваем мы. – Они причинили столько же вреда, как и я, а может быть, даже и больше. Я выполнял только малую часть». Мы все встречались с вариациями на эту тему. В той или иной форме люди, прибегающие к подобному самооправданию, говорят: «Другие виноваты больше, чем я. Я на самом деле не такой уж плохой».

Социальные психологи показали, что действительно существует распространенная тенденция *размывания ответственности*, проявляющаяся именно описанным образом и в большом разнообразии ситуаций.

Причина очевидна. Во всех случаях, когда людям приходится делать что-то, связанное с психологическими издержками, вследствие того, что действия требуют психического напряжения, могут повлечь за собой наказание, негативно повлиять на самооценку или оценку со стороны других, они стремятся понизить эти издержки, часто используя для этого любую возможность. Если другие обязаны делать то же самое, то люди могут пытаться уменьшить собственную вину, перекладывая ответственность на других. При выполнении трудной работы люди склонны несколько сдерживать свои усилия, предоставляя другим возможность стараться изо всех сил. Если случается какое-то чрезвычайное происшествие и кто-то нуждается в помощи, то люди предпочитают, чтобы ее оказывал любой другой находящийся поблизости (см.: Latané & Darley, 1970). Аналогичным образом, даже если люди, причиняя кому-то ущерб, действовали сообща, они могут пытаться уменьшить психологические издержки совершенной агрессии (например, вероятность наказания и/или чувство вины), перекладывая большую часть ответственности на других.

Используя подобные оправдания после совершения агрессивных действий, люди могут уменьшить свои чувства вины и тревоги. Иногда они даже «размывают» ответственность, перенося ее большую часть на других еще до того, как агрессия будет совершена. А. Бандура, В. Андервид и М. Фромсон продемонстрировали этот эффект в эксперименте с хорошо социализированными студентами колледжа.

Испытуемые должны были наносить своему сокурснику удар электрическим током каждый раз, когда тот давал неправильное решение задачи. Они были свободны в выборе интенсивности наказания. Испытуемые, которые думали, что индивидуально ответственны за меру наказания, были склонны наказывать менее сильно по сравнению с теми, которые считали, что применяют наказание не в одиночку, а совместно с другими (Bandura, Underwood & Fromson, 1975). Подобным образом эффект рассеивания ответственности может иметь место в ситуациях, когда группа солдат расстреливает приговоренного к высшей мере наказания. Каждый из них мог бы внутренне в той или иной степени противиться участию в расстреле, но это нежелание уменьшается, когда ответственность за смерть жертвы распределяется между всеми членами команды.

❒ **Дегуманизация жертвы.** Я описал, как сдерживание агрессии может быть ослаблено размыванием ответственности, переложением ее на других — вышестоящее начальство и/или равных себе других участников совместных акций. Сваливание ответственности на других уменьшает чувство вины и тревогу, которые могли бы сдерживать агрессивное поведение. Сдерживание агрессии чувствами вины и тревоги может быть ослаблено также и другими способами. Мы можем, например, постараться убедить самих себя, что причиненное нами кому-то другому страдание не только не является злом или чем-то заслуживающим порицания, но, наоборот, желательно и похвально, так как наши действия были продиктованы благородными высшими мотивами. Я не намереваюсь обсуждать правильность или неправильность различных способов, какими это может быть достигнуто. Хочу только отметить, что солдаты убивают врагов во имя патриотизма и/или защиты свободы, что террористы, захватывающие авиалайнер или взрывающие автобус с ни в чем не повинными гражданами, заявляют, что сражаются за освобождение своих угнетенных соотечественников, и что церковники эпохи Возрождения утверждали, что служат Богу, отправляя на костер людей, не разделявших их религиозных взглядов.

Мы также можем говорить сами себе, что наши действия не столь ужасны, если наши жертвы нелюди, монстры или, во всяком случае, плохие люди, которые так или иначе заслуживают того, что мы с ними делаем. Если мы делаем наши жертвы недочеловеками, то можем не испытывать жалости к ним, мы не чувствуем их страданий и не сдерживаем свои атаки. Мое обсуждение было бы существенно неполным, если бы я не сказал несколько слов по поводу процесса дегуманизации.

Многие из немцев, вовлеченных в нацистскую компанию по уничтожению евреев во время Второй мировой войны, явно рассматривали евреев как неполноценную нацию или даже как опасных нелю-

дей, которые должны быть уничтожены. Йозеф Геббельс, министр пропаганды гитлеровской Германии, выразил эту позицию. После того как Адольф Гитлер сказал ему, что Европа должна быть очищена от всех евреев, «если необходимо, применяя самые жестокие методы», Геббельс записал в своем дневнике:

> ***Кара должна настигнуть евреев, этих варваров, которые вполне ее заслужили... Если мы не будем сражаться с евреями, они уничтожат нас. Это борьба не на жизнь, а на смерть между арийской расой и еврейской бациллой (Cited in: Toland, 1976, p. 709).***

Дегуманизация евреев, а также славянских народов и цыган в нацистской мифологии облегчала задачу немецких солдат – уничтожение миллионов невинных людей. Хотя, несомненно, мышлению и убеждениям нацистов были присущи определенные особенности, которые позволяли им с большей легкостью категоризировать евреев и других неарийцев как неполноценных людей, не следует забывать, что люди по всему миру с давних времен использовали тот же самый прием дегуманизации для оправдания убийства своих врагов. Многие поколения турков и греков все вновь и вновь характеризовали друг друга как ужасных монстров.

Во время Первой мировой войны союзники именовали своих германских противников «гуннами», лишенными человеческих моральных ценностей. Израильтяне и арабы трактуют друг друга как нецивилизованных диких животных, которым нельзя доверять. Американские солдаты, устраивавшие резню спасавшихся бегством индейцев американского Запада в конце XIX века, вероятно, подразумевали то же самое, когда постоянно повторяли: «Хороший индеец – только мертвый индеец». Во всех этих и во многих других случаях за жертвами не признавались человеческие качества и, следовательно, те, кому причиняли ущерб и кого убивали, не были «действительными людьми», не были существами, «такими, как я сам». Как результат, агрессоры, нападая на свои жертвы, не испытывали чувства вины и, таким образом, не нуждались в том, чтобы сдерживать себя.

Описанный выше эксперимент Бандуры, Андервуда и Фромсона показывает, сколь эффективно обесценивание противника может ослабить сдерживание агрессии.

В этом исследовании те из участников – студентов колледжа, которые были научены рассматривать оцениваемых ими лиц как «животных» и «банду негодяев», проявляли большую готовность наказывать по сравнению с теми, у которых была сформирована более позитивная установка в отношении «решателей задач» (Bandura, Underwood & Fromson, 1975).

РЕЗЮМЕ

В этой главе рассматривались главным образом влияния когнитивных процессов на эмоциональные реакции. Был сделан обзор некоторых наиболее известных когнитивистски ориентированных теорий эмоций. Эти концепции основываются на том, что люди испытывают состояние гнева, когда подвергаются воздействию неприятных событий и при этом считают, что они обусловлены внешними причинами и что те или иные лица ответственны за эти события и были в состоянии их контролировать. Некоторые теоретики идут дальше, предполагая, что для возникновения гнева необходимы также еще и другие факторы — процессы восприятия (или убеждения, или оценки). К таковым относятся, например, трактовка ответственных за случившееся лиц как нарушивших социальные правила и оценка аверсивного события как лично значимого.

Наиболее широко известной концепцией эмоций является объединение двухфакторной теории эмоций Шехтера – Зингера и теории атрибуции. Суть этой концепции состоит в том, что инициальное телесное возбуждение, создаваемое эмоциогенным воздействием, является нейтральным до тех пор, пока субъект не припишет свое возбуждение специфическому источнику. Руководствуясь этой атрибуцией, человек соответствующим образом определяет свои чувства. Он будет чувствовать гнев, если припишет свое возбуждение намеренному дурному обращению с ним другого человека и сделает заключение о том, что испытывает чувство гнева. Проанализировав данные ряда исследований, соответствующие этой трактовке, я отметил, что эта теория, как представляется, применима главным образом к тем случаям, когда вызывающее возбуждение событие характеризуется высокой степенью неоднозначности, а его воздействие не слишком сильно.

С моей точки зрения, эта теория страдает неполнотой и не позволяет адекватно объяснить порождающие гнев влияния неприятных событий, которые неконтролируемы, не направлены против кого-либо конкретно и не являются социально недопустимыми. Я также утверждаю, что атрибуции испытывающих эмоциогенные воздействия людей, определяя степень неприятности негативных событий, влияют на вероятность того, что они почувствуют гнев и станут агрессивными. Далее, я интерпретирую данные Зилманна относительно влияний смягчающей информации (информации, оправдывающей чье-то нехорошее поведение). Я предполагаю, что получение постфактум смягчающей информации практически не способствует ослаблению гнева и агрессивных побуждений, вызванных инцидентом, потому что уже был возбужден сильный негативный аффект.

Чисто когнитивная интерпретация эмоций не позволяет объяснить влияние на эмоции телесных реакций, особенно экспрессии лица. Расширяя классическую теорию эмоций Джеймса—Ланге, согласно которой телесные реакции включаются в эмоциональные состояния, некоторые исследователи развили идеи Томкинса и Изарда и показали, что движения определенных лицевых мышц, как и некоторых мышц других частей тела, могут интенсифицировать и даже активировать эмоциональные состояния, которые обычно ассоциированы с этими мышечными движениями. Я полагаю, что эти данные лучше всего объясняются концепцией ассоциативной сети. Вследствие ассоциаций экспрессия гнева или другая мышечная активность, часто сопровождающая чувства гнева, могут усиливать гнев, порождаемый другим событием, если только мысли субъекта не интерферируют, противодействуя этому влиянию. Согласно концепции ассоциативной сети позитивные чувства часто продуцируют позитивные мысли, в то время как негативные настроения порождают негативные и даже враждебные мысли — если только не инициируется нацеленный на ослабление негативного аффекта процесс саморегуляции, мотивирующий индивида избегать «плохих» мыслей. Концепция «прайминга», предполагающая, что те или иные мысли повышают вероятность появления в сознании других, семантически связанных с ними мыслей, также релевантна описанной трактовке эмоций.

Концепция ассоциативной сети говорит нам, что когда у людей возникают враждебные мысли и/или когда они думают о страданиях, которые им пришлось пережить, или о несправедливостях, допущенных по отношению к ним, велика вероятность того, что они будут чувствовать гнев и агрессивные побуждения. Важный вывод из этой главы, который более подробно будет обсуждаться в главе 11 «Психологические методы контролирования агрессии», состоит в том, что желательно не допускать ассоциированных с гневом телесных движений, не следует лелеять враждебные мысли или проявлять агрессивные действия, если мы желаем редуцировать наш гнев или ослабить наши агрессивные тенденции. Потворствование любой из этих связанных с гневом или агрессией реакций увеличивает вероятность того, что и другие компоненты ассоциативной сети будут активированы.

Никакое обсуждение влияния мыслей на агрессию не было бы полным без учета того, каким образом мышление может ослабить внутренние сдерживающие агрессию ограничения, и я вкратце рассмотрел, как это может осуществляться. Я считаю, что у многих людей сформированы социальные ценности и кодексы поведения, которые часто удерживают их от нападения на других в ситуациях,

толкающих к этому. Сколь бы, однако, ни были эффективны эти силы сдерживания, они действуют не всегда. Иногда они не действуют по той простой причине, что оказываются вне сферы осознания. Временами они бывают также неэффективны потому, что большинству людей свойственно оправдывать поведение таким образом, чтобы не видеть в своих действиях расхождения с принимаемыми ценностями. В этой главе были рассмотрены некоторые из способов оправдания, такие, как отрицание личной ответственности за свои агрессивные действия и дегуманизация жертвы.

Часть 2

АГРЕССИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Уже более двадцати лет назад психолог Ганс Тох и его помощники провели в тюрьмах Калифорнии опрос среди мужчин, осужденных за преступления, связанные с насилием. Исследователи стремились выяснить, почему эти вспыльчивые несдержанные люди нападали на своих жертв. Один из случаев в выборке Тоха особенно примечателен:

Джимми, 23 года, в его криминальном досье отмечена успешная карьера мелкого сутенера. Список нарушений Джимми включает многочисленные и разнообразные преступления, в том числе изнасилование, похищения людей, употребление наркотиков, грабежи и нарушения общественного порядка. Наиболее показательны случаи вооруженного нападения и две стычки со служащими полиции. Столкновение с полицией, которое Джимми согласился обсудить с нами, не было отражено в досье, так как произошло, когда он еще учился в школе (Toch, 1969, p. 68–72).

Джимми рассказал психологам, что полицейский его раздражал: не пускал на школьную дискотеку, потому что паренек слыл скандалистом. Джимми бросил под ноги полицейскому банку из-под пива и неоднократно оскорблял его, спровоцировав в конце концов на применение дубинки. Джимми пришел в ярость, оттого что с ним поступили несправедливо, и попытался выстрелить в полицейского из пистолета, который носил с собой, но ему это не удалось. Джимми задержали.

Конечно, детали биографии Джимми отличаются от биографий других правонарушителей, но в некоторых важных отношениях Джимми очень похож на них, в особенности тем, что зачастую вел себя антисоциально и стычки с властями начались, когда он был еще совсем молод. Не противоречит ли этот случай предлагаемому мной анализу агрессии? Главы 1–4 посвящены главным образом внешним влияниям, обусловливающим силу проявления агрессивности: фрустрации, неблагоприятным условиям, ситуативным стимулам и так далее. Вызваны

ли поступки Джимми исключительно фрустрацией и/или неблагоприятными условиями, в которые он попадал? Пожалуй, нет. По-видимому, Джимми обладал какими-то внутренними качествами, которые так или иначе снова и снова обусловливали его грубое поведение.

Вторая часть нашей книги будет посвящена более или менее устойчивым агрессивным качествам. Очень раздражительным людям вроде Джимми свойственна предрасположенность к насилию, и мы рассмотрим, что же заставляет этот тип крайне агрессивных людей вести себя определенным образом. Мы также обсудим причины того, почему они стали именно такими. В главе 5 я в общих чертах опишу агрессивную личность, особенно такой тип, с которым мы можем столкнуться в повседневной жизни. Я начну с рассмотрения некоторых доказательств существования относительно стабильной предрасположенности к агрессии, затем перейду к вопросу о том, как склонность к насилию может породить частые нападения и стычки с окружающими. В главе 6 я исследую роль семьи и сверстников в формировании личности, склонной к насилию.

Глава 5

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СКЛОННОСТИ К НАСИЛИЮ

Действительно ли некоторые люди имеют устойчивую склонность к агрессивному поведению? Примеры различных форм одновременной последовательности. Стабильность агрессивного поведения в течение нескольких лет: длительная последовательность. Как действуют агрессивные личности. Разные типы агрессивных людей.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ ИМЕЮТ УСТОЙЧИВУЮ СКЛОННОСТЬ К АГРЕССИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ?

Противоречия в вопросе о существовании черт агрессивности

Около поколения назад некоторые выдающиеся психологи полагали, что только люди особого типа, вроде Джимми, могут одинаково вести себя в различных ситуациях. В огромном количестве опубликованных работ было показано, что многие люди ведут себя крайне непоследовательно. Например, человек, честный в одном случае, в другой обстановке может хитрить, лгать или даже украсть; не существует, по-видимому, устойчивой характеристики личности, формирующей такое качество, как честность. Под впечатлением очевидной непоследовательности различных форм социального поведения некоторые психологи, например Уолтер Мишел, задались вопросом, действительно ли большинство людей обладают устойчивыми чертами личности, то есть стабильными внутренними психическими структурами, которые бы порождали одинаковый тип поведения независимо от ситуативного контекста (Mischel, 1968).

Эти теоретики не утверждают, что люди совершенно непоследовательны. Однако они настаивают на том, что поведенческая стабильность, как правило, более ограничена, чем принято считать, и в любом случае эта стабильность чаще кажущаяся, а не реальная. По всей видимости, люди преувеличивают степень реальной последовательности в поведении окружающих. Мы имеем четкие представления о тех, кого хорошо знаем, и приписываем им определенные каче-

ства. Эти представления, похоже, побуждают нас «помнить» о том, что наши знакомые в том или ином случае ведут себя каким-то определенным образом, хотя в действительности эти люди могут быть совершенно непоследовательными. Действительно, существующая последовательность в поведении, по мнению Мишела, относится лишь к относительно похожим ситуациям. Люди, склонные к насилию, будут нападать на других, только если данная ситуация имеет для них определенный смысл, например когда они считают, что их оскорбили или критикуют (Wright & Mischel, 1987).

Хотя и считается, что агрессивный характер — это внутренняя устойчивая психическая структура, склонность реагировать определенным образом на характерную ситуацию или на что-либо еще, однако исследование, на которое ссылается Мишел, наводит на предположение, что в действительности почти не наблюдается последовательности в проявлении различной степени агрессивности, проявляемой в той или иной ситуации. Впрочем, работы, которые он рассматривал, не относятся непосредственно к агрессии, и мы вправе задаться вопросом, варьируется ли агрессивное поведение в зависимости от ситуации так же, как и другие типы поведения, включенные в его обзор.

Два вида последовательности

Говоря о последовательности проявления агрессивного поведения от случая к случаю, я не упоминал о том, как разделены эти ситуации во времени. Тем не менее очень важно иметь в виду конкретный промежуток времени. Если мы говорим, что те же самые действия будут совершаться в различных ситуациях, разделенных промежутком в несколько минут, это не означает, что мы можем утверждать, что такое же поведение будет проявляться в ситуациях, отделенных друг от друга промежутком в год или больше. В первом случае наблюдаемые нами действия *относительно одновременны* (contemporaneous), тогда как во втором существует длительная последовательность (longitudinal consistency), так как интересующие нас действия и люди разделены большим промежутком времени. (Психологи признают, что первый тип наблюдений имеет дело в основном с *одновременной валидностью* параметров агрессии. Второй тип можно отнести к исследованиям *прогностической валидности.*) Проведя это разграничение, я сперва обращусь к относительно одновременной последовательности. В основном меня интересует вопрос, будут ли люди, нападающие на определенную мишень в свойственной им манере поведения, так же проявлять другие формы агрессии в другой ситуации, возникающей вскоре после первой. Затем я рассмотрю длительную последовательность (или стабильность) агрессивного поведения за достаточно долгий период (см.: Olweus, 1974, p. 535–565).

Как мы увидим в дальнейшем, некоторые люди действительно склонны поступать одинаково, независимо от того, когда возникает возможность проявления агрессии. Если им предоставляется свобода делать в данной ситуации то, что они хотят, очень вероятно, что эти люди в ряде случаев поведут себя одинаково. Они попытаются причинить кому-то боль, если имеют скрытую предрасположенность к агрессии, а если принадлежат к неагрессивному типу личности, то не будут нападать на объект. И тот и другой тип людей представляет собой крайность: они обладают либо очень высокой, либо очень низкой агрессивностью.

Большинство из нас не имеют той или иной ярко выраженной склонности, и наше поведение более разнообразно.

ПРИМЕРЫ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ОДНОВРЕМЕННОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ

Начнем наше исследование одновременной последовательности агрессии, снова обратившись к случаю Джимми. Ситуации, которые могли спровоцировать вспышку насилия с его стороны, достаточно разнообразны: ссора в баре, фрустрация, помешавшая получить то, чего он хотел, чье-то хвастовство и масса других вещей. Во многих на первый взгляд различных ситуациях Джимми демонстрировал один и тот же тип поведения: он физически нападал на кого-либо. Психологи иногда объясняют этот вид последовательности тем, что относят его к *генерализации стимула* (stimulus generalization). В сущности, они говорят, что самый широкий спектр стимулирующих ситуаций порождает ту же самую реакцию (в данном случае физическое нападение). Впоследствии Джимми по-разному проявил свои агрессивные наклонности. Прослеживая данные уголовного досье, мы видим разнузданность его поведения и то, как часто он терял над собой контроль. Джимми проявил различные формы поведения одного и того же типа, но все эти формы по своей природе антисоциальны.

Данный тип последовательности можно считать *генерализацией реакции* (response generalization), если подразумевать под ним то, что, когда ситуативный стимул активизирует поведенческую склонность, эта скрытая тенденция обнаруживается в самых разных и на первый взгляд непохожих реакциях. Определенный характер реакции будет зависеть от того, насколько в данный момент человек возбужден, какая форма агрессии доступна для него или для нее и каких вероятных затрат требует поступок в этой ситуации, однако все реакции сходны между собой. В данном разделе мы коротко рассмотрим оба типа одновременной последовательности. Учтем, что эти агрессивные ситуации обычно довольно близко стоят во времени.

Последовательность в лабораторных опытах и в «реальной жизни»

Существует наглядный пример одновременной последовательности, который сочетает в себе генерализацию и стимула и реакции. Как вы увидите в главе 13, в лабораторных экспериментах, посвященных агрессии, агрессивность поведения измеряется по степени интенсивности электрошока или резких неприятных звуков, воздействию которых испытуемые подвергают другого человека. Критики такого рода исследований отвергают эти процедуры как чрезмерно искусственные. Ни один человек в «реальной жизни» не нападает на другого и не бьет его электрошоком, а действия субъектов лабораторных опытов (например, с нажатием кнопок на аппарате шока), очевидно, сильно отличаются с физической точки зрения от агрессивного поведения, проявляемого в более естественных ситуациях.

Все же, как указывается в главе 13, данные, полученные в лабораторных опытах, можно использовать вполне аргументированно. Гораздо важнее намерения испытуемых при проведении эксперимента, а не специфическая природа физических движений, которые они делают. Нажимая на кнопку шока или делая пометку в анкете — то, что их попросят в данном конкретном эксперименте, — субъекты осознают, что они умышленно причиняют боль другому человеку физически и/или психологически. Следовательно, эти лабораторные реакции психологически схожи с ударом, наносимым другому человеку, или оскорблением кого-либо в разговоре (по крайней мере, в том, что причиняют объекту боль), хотя физически они и очень различны по форме. Все эти типы поведения имеют общее значение. Ученые обнаружили, что благодаря этому общему значению: 1) люди, которые в повседневной жизни зачастую довольно агрессивны во взаимодействии с окружающими, также проявляют высокую степень пунитивности в условиях лаборатории, и 2) исследования, использующие совершенно различные лабораторные процедуры для оценки агрессии, часто выявляют те же самые результаты (см.: Berkowitz & Donnerstein, 1982; Carlson, Marcus-Newhall & Miller, 1989).

Эти данные, следовательно, указывают как на генерализацию стимула, так и на генерализацию реакции. Ситуация в университетской психологической лаборатории, естественно, отличается от большинства обычных ситуаций, а поведение субъектов в лаборатории имеет мало общего с тем, как люди обычно нападают друг на друга. Но даже в этом случае субъекты, сравнительно часто проявляющие агрессию в повседневной жизни, и в условиях эксперимента заставляют испытуемого переносить довольно сильный удар электрошока.

Последовательность в формах агрессии (генерализация реакции) в повседневной жизни

Эти данные, кроме того что они подтверждают валидность определенных измерений, полученных в лаборатории, указывают, что люди с сильной агрессивностью обычно проявляют свои личностные наклонности по-разному. Мы увидели это в случае с Джимми. Он то и дело бранил и оскорблял людей, которые ему мешали, или даже физически атаковал, если они продолжали его фрустрировать. Этот тип «общности реакции» довольно распространен. Люди, склонные к насилию, обычно схожи в попытках причинить боль другим людям, в особенности когда они эмоционально возбуждены. Несмотря на то что, без сомнения, существуют некоторые исключения, люди, способные физически нападать на своих противников, так же часто проявляют и вербальную агрессивность.

В исследованиях, проведенных с маленькими мальчиками и девочками, неоднократно наблюдалась эта общность в проявлении агрессии. Несколько ученых в Соединенных Штатах и в Европе просили школьников указать, кто из их одноклассников ведет себя определенным образом. Так, младших школьников спрашивали, «кто начинает драки?» и «кто обижает другого ребенка, когда разозлится, дерется, пинается ногами или бросает что-либо?». Если большое число детей в классе идентифицируют одного и того же ребенка как зачинщика драк (указывая, что этот школьник, пожалуй, устраивал довольно много потасовок), с большой долей вероятности можно утверждать, что этот же ребенок попадет и в список, составленный его одноклассниками, как «тот, кто обижает другого, когда разозлится» и даже как «тот, кто часто говорит обидные слова» (см. например: Olweus, 1974; Pulkkinen, 1987; Walder, Abelson, Eron, Banta & Laulicht, 1961). Иначе говоря, дети утверждали, что ребенок, обладающий сильной агрессивностью, вероятнее всего, будет проявлять свою грубость по отношению к другим самыми разными способами.

Генерализация агрессии часто значительно шире, чем вы могли бы себе представить. Крайне агрессивные люди, взрослые или дети, мужчины или женщины, имеют тенденцию к различным проявлениям антисоциального поведения. Их необычайная готовность ударить другого человека или оскорбить сопровождается другими антисоциальными склонностями, такими, как например, у Джимми: когда он пил слишком много, то становился вором и насильником и при этом был довольно раздражителен и вспыльчив.

Последовательность в различных ситуациях: сочетание генерализации стимула и реакции

Генерализация агрессии безусловно включает в себя как генерализацию стимула, так и генерализацию реакции: у людей с ярко

выраженной агрессивностью тенденция к насилию проявляется в ряде ситуаций и во многих антисоциальных поступках, которые они совершают. Прежде чем более подробно обсудить этот вопрос, следует напомнить вам, что именно люди с ярко выраженной склонностью к агрессии с наибольшей вероятностью проявляют этот вид последовательности в своих поступках.

Как и предполагалось, ряд исследований показал, что дети, которые постоянно играли роль зачинщиков драк в разных ситуациях, как дома, так и в школе, ведут себя типично антисоциально в разной обстановке. Особенно показательна работа Рольфа Лебера и Томаса Дишьена. Психологи сделали выборку мальчиков 9–16 лет. Дети были разделены на четыре категории по данным рейтингов, составленных на основании мнения родителей и учителей: те, кто много дрались как дома, так и в школе, те, кто были агрессивны только дома или только в школе, и те, кто в любой обстановке почти не участвовали в драках. Рис. 5-1 суммирует то, что обнаружили исследователи, когда они изучили судебные дела юных правонарушителей и проверили, не сталкивались ли отобранные ими мальчики с полицией. Как видно на рисунке, мальчики, которых и матери и учителя охарактеризовали как драчунов, другими словами, те, кто проявлял сильную агрессию и в школе и дома, как раз чаще всех и нарушали закон (Loeber & Dishion, 1984). Та же ярко выраженная агрессивно-антисоциальная наклонность, заставлявшая их вести себя агрессивно со сверстниками, приводила и к столкновениям с полицией.

В целом склонные к насилию люди с наибольшей вероятностью агрессивно реагируют на соответствующий ситуативный стимул. Почти любой вид происшествий, который этот тип людей связывает с агрессией, вероятно, вызовет у них агрессивные мысли и моторные реакции. У них автоматически вырабатывается привычка к агрессивным мыслям и намерениям в ответ на ассоциирующийся с агрессией стимул, так что в действительности таким людям не обязательно чувствовать угрозу или осознавать опасность и вызов, чтобы отреагировать агрессивно. Эти люди могут иметь враждебные мысли и даже агрессивные намерения, даже когда они наблюдают сцены насилия по телевизору или читают сводки новостей о случаях нападений. Кроме того, вспомним о «болевых сигналах», описанных в главе 1, – когда люди с высокой степенью агрессивности нападали на кого-либо, они ощущали особое удовлетворение, зная, что их жертва страдает и/или побеждена (см.: Wilkins, Scharff & Schlottmann, 1974).

На основании этих данных мы можем сделать несколько предположений относительно Джимми. Его любимые телевизионные программы – скорее всего те, в которых много сцен насилия. Вероятно, он получает особое удовольствие, когда видит, как люди бьют или



Рис. 5-1. Процент мальчиков в группе, имевших судимость.

стреляют друг в друга. Последствия того, что Джимми имеет возможность развлекаться таким образом, могут быть самыми неблагоприятными... Насилие на экране не только «заводит» его, но также внушает агрессивные мысли и даже может активизировать его агрессивные импульсы.

Разумеется, только наблюдение за насилием или какая-то агрессивная фраза не всегда заставляет агрессивных людей открыто нападать на других. Идеи и намерения, активизированные сценой или фразой, как правило, не настолько сильны, чтобы побудить к открытой атаке. Агрессивные мысли и склонность к агрессивным поступкам, стимулируемые насилием в масс-медиа, могут быть скрыты, однако такие намерения и идеи все-таки порой существуют у людей со склонностью к насилию, а в более слабой форме — и у обычных людей.

❐ **Последовательность в личностных тестах и других формах поведения.** Благодаря ярко выраженным связям стимула и реакции очень агрессивных людей можно идентифицировать при помощи личностных тестов (при условии, что они честно отвечают на вопросы). В качестве примера согласованности личностных тестов и реакций в другой обстановке можно взять взаимосвязь между тестами, измеряющими склонность злиться, и проявлением гнева в реальных жизненных ситуациях.

Реакции людей, часто испытывающих приступы гнева. Психологи разработали инструменты, позволяющие оценить вероятность проявления злости в обществе. Один из них — это шкала характерных состояний гнева (the State-Trait Anger Scale), созданная Чарльзом Шпилбергером и его помощниками в университете Южной Флориды в Тампа (Spielberger, Jacobs, Russel & Crane, 1983). В данной про-

цедуре респондентам предлагается десять утверждений, например «я вспыльчив», «я злюсь, когда мне мешают достичь цели ошибки других людей». Участник опроса должен указать, насколько часто каждый из этих пунктов можно применить к нему самому. Ответы варьируются от «почти никогда» до «почти всегда».

Джерри Деффенбахер, Патрисия Демм и Аллен Брендон испытали эту шкалу, а также ряд других тестов на студентах университета в Форт Коллинз штата Колорадо. Было проведено анкетирование молодых мужчин и женщин, чтобы узнать о их переживаниях гнева. Кроме того, каждого студента попросили описать ситуацию, которая бы разозлила его или ее, и попросили отметить уровень злости в тот момент. Студентов также попросили в течение недели вести записи, в которых они каждый день должны были отмечать наиболее провокационные случаи и уровень ощущаемой ими злости, когда происходило данное событие. По большей части те мужчины и женщины, которые показали наиболее высокие результаты по шкале гнева Шпилбергера, и в своих записях отмечали в течение недели наиболее интенсивную злость (Deffenbacher, Demm & Brandon, 1986).

❐ Критерии личностных качеств не всегда соответствуют поведению. К измерению критериев личностных качеств следует подходить осторожно: в сущности, эти показатели оценивают лишь *готовность* разозлиться и/или напасть на кого-либо. Такая готовность не всегда переходит в открытую агрессию, и люди, показывающие высокий результат в личностном тесте, не всегда открыто проявляют свою раздражительность.

Для этого существует по крайней мере два очевидных объяснения. Во-первых, скрытая предрасположенность к гневу не всегда активизируется. Даже склонные к насилию люди должны пережить что-то, имеющее для них агрессивный или неприятный смысл, прежде чем сработают их агрессивные привычки и/или эмоциональные склонности. Одно из отличительных качеств людей этого типа состоит в том, что они быстро замечают агрессию, угрозы и опасность в окружающем их мире. Ниже мы увидим, что эти люди типично интерпретируют двусмысленные действия как умышленное оскорбление или вызов и затем приходят в сильное эмоциональное возбуждение. В недавней газетной статье рассказывалась история о серьезной драке между тинейджерами в нью-йоркском метро. Драка началась из-за того, что один молодой человек подумал, что другой слишком пристально на него смотрит. Этот вид происшествий намного более распространен, чем вы можете себе представить. Склонным к насилию людей свойственно думать, что кто-то рядом слишком пристально на них смотрит, интерпретировать предполагаемый пристальный взгляд как оскорбление или вызов и приходить в сильную ярость.

Даже в том случае, если вспыльчивость таких людей активизируется, иногда они все же могут сдержаться и ни на кого не нападать из опасения, что их накажут. Джимми, вероятно, не стал бы нападать на офицера полиции, если бы тот достал оружие, когда Джимми начал его оскорблять, или если бы в этот момент рядом находились другие полицейские или охранники. Эта явная опасность могла бы активизировать запреты, которые бы помешали Джимми осуществить свое побуждение к насилию (см.: Lesser, 1957).

СТАБИЛЬНОСТЬ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ТЕЧЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ЛЕТ: ДЛИТЕЛЬНАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

Очевидно, что агрессивное поведение с впечатляющей последовательностью проявляется на относительно коротком временном отрезке, однако будет ли такое поведение столь же последовательным в течение более длительного времени? Особенно важно знать, говорит ли агрессивность в юном возрасте об антисоциальном поведении в более поздний период времени. Нам нравится думать, что дети с течением времени могут измениться и что мальчики-драчуны и девочки-задиры с возрастом преодолеют свою недисциплинированность.

Тем не менее некоторые наблюдатели человеческой природы полагают, что характер сохраняется, а не улучшается с течением времени. Когда-то поэт Джон Мильтон писал: «В ребенке виден муж, как утром виден полдень», есть схожая строчка и у Уильяма Вордсворта: «Дитя — отец мужчины». Оба поэта говорят об одном и том же, фактически о том же говорит и народная пословица: «Куда росток, туда и дерево наклонится». Действительно ли личность взрослого формируется и даже фиксируется в юности?

Обзор исследований длительной стабильности агрессии Ольвеуса

Следуя авторитетному обзору, опубликованному Дэном Ольвеусом из Бергенского университета в Норвегии и посвященному исследованиям, относящимся к данному вопросу, мы не можем автоматически сделать вывод о том, что «молодой леопард» (по крайней мере, леопард-самец) с течением времени «сменит свои пятна». Довольно большое количество людей, бывшие драчунами в детстве, со временем «исправляются», однако многие другие — нет (Olweus, 1979).

Американские, английские и шведские исследования, проанализированные Ольвеусом, в первую очередь касались агрессивности, которую демонстрировали субъекты-мужчины в возрасте от 2 до 18 лет. Впоследствии измерения повторялись через интервал от 6 месяцев до 21 года. При оценке поведения использовались разнообраз-

ные процедуры, в том числе прямые наблюдения, рейтинг, полученный на основе мнения учителей, и даже свидетельства сверстников испытуемого. Во всех этих исследованиях ученые в каждом примере подсчитывали взаимосвязь между первоначальными и последующими данными. Выясняли, были ли люди, показавшие при первом измерении сильную степень агрессии, такими же агрессивными впоследствии.

Ольвеус обнаружил удивительное соответствие в шестнадцати различных выборках мужчин, включенных в эти разработки. Вообще говоря, между первоначальными и последующими измерениями существовала довольно сильная взаимосвязь, несмотря на то что величина соответствия снижалась по мере того, как возрастал временной интервал. Когда измерение проводилось через год после первого, то среднее соответствие было свыше 0,7, а затем равномерно снижалось; когда промежуток между двумя измерениями составлял 21 год, показатель соответствия падал до значения 0,4. Более того, показатель агрессии, полученный из наблюдений над реальным поведением испытуемых, с течением времени сохранял то же соответствие, что и данные, полученные на основе рейтинга учителей, по крайней мере на период времени, охватывавший данные исследования.

На основании своего обзора Ольвеус сделал важное заключение: мальчики, остававшиеся такими же злобными, как и прежде, сохранили свою агрессивность, даже находясь под давлением общественных правил и сталкиваясь с меняющимися с течением времени ситуациями. Как и Джимми, этот тип юношей действовал агрессивно в ситуациях, кажущихся различными.

Аргументация Ольвеуса представляется очень разумной: несмотря на то что многие люди действительно меняются, по крайней мере до некоторой степени, очень вероятно, что мальчики, проявляющие высокий уровень агрессивности в молодости, останутся относительно агрессивными (по сравнению со своими менее агрессивными сверстниками, также участвовавшими в исследованиях) с течением времени (см.: Caspi, Elder & Bem, 1987). В этих работах есть более современные данные, подтверждающие данную точку зрения.

Два заслуживающих внимания исследования

Исследование длительной стабильности агрессии говорит нам и о другом. В качестве введения к этим дополнительным данным я подведу итог двум особенно примечательным работам. Одна основана на изучении молодых лондонских рабочих, а другая рассматривает детей из преимущественно сельскохозяйственного округа штата Нью-Йорк. Оба эти исследования перспективны, так как первона-

чальные измерения проводились, когда их участники были еще сравнительно молоды, а более поздняя оценка осуществлялась во время периодических измерений, проводимых в течение нескольких лет. Обе работы были включены в обзор Ольвеуса, но я расширю его резюме и опишу недавние разработки.

❐ **Кембриджское исследование возникновения преступлений.** Над этим проектом начал работать Дональд Вест из института криминологии Кембриджского университета, а дальнейшей разработкой занялся его коллега Дэвид Фаррингтон. Проект представляет собой исследование 400 мужчин из густонаселенного рабочего района Лондона (см., например: West, 1969; West & Farrington, 1977; Farrington, 1978, 1982, 1989 a, 1989 b).

В 1961 году, к началу проекта, мальчикам было около 8 лет. Исследование охватывало всех мальчиков-школьников шести начальных школ одного столичного района. Почти все они были белыми, англичанами и происходили из рабочих семей. Почти всех мальчиков снова опрашивали несколько раз в течение последующих лет, чтобы определить, какими они стали и что с ними происходило. Социальные работники также периодически опрашивали родителей и учителей и составляли рейтинг поведения опрошенных. Эти данные были подкреплены сведениями о нарушении закона. Ученые неоднократно обращались к уголовным делам, находившимся в центральном уголовном архиве.

С помощью периодических проверок можно было оценить данные об агрессивности участников опросов в возрасте 9, 13, 17 и 32 года. В каждый период времени субъекты, набравшие показатель более 25%, обозначались как «очень агрессивные» и исследовались особо. Для моих целей я также исследую группу из двадцати семи опасных преступников, которые были идентифицированы еще в 1974 году, когда им было около 21 года. Тогда они были осуждены по крайней мере за одно опасное преступление (нападение на людей или грабеж с насилием).

Предсказуемость агрессивности. Для простоты я сосредоточусь на том, как исходя из юношеской агрессивности предсказать поведение человека в дальнейшем. Рис. 5-2 показывает число совпадений между очень агрессивными субъектами в юном возрасте (9,13 и 17 лет) и теми, кто входил в группу «очень агрессивных личностей» в поздней юности (в возрасте 17 лет) и/или в группу опасных преступников в возрасте 21 года. Для интерпретации этих данных рассмотрим мальчиков (верхний ряд), составлявших группу очень агрессивных в 9 лет: 40% опрошенных попали в число самых агрессивных мальчиков и восемь лет спустя, в возрасте около 17 лет. (Это линия «ранее очень агрессивные» на рисунке.) Для сравнения: всего 27% мальчиков, составлявших три четверти нижнего уровня аг-

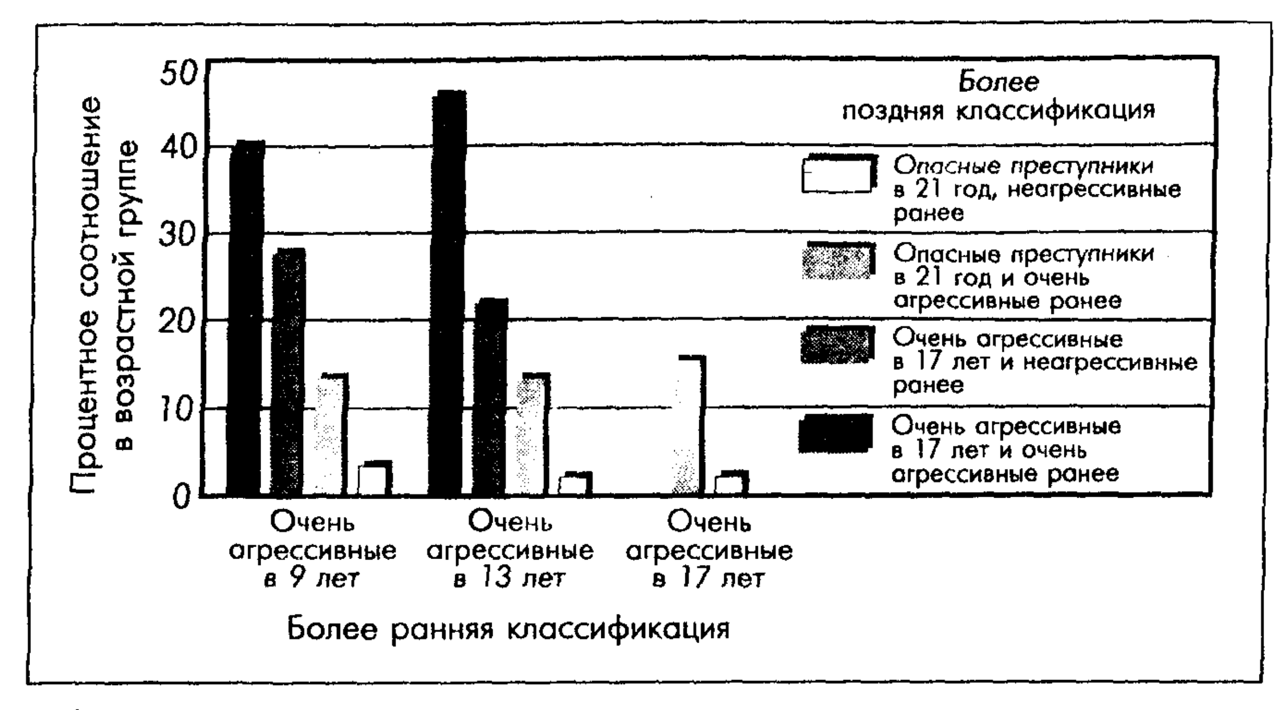


Рис. 5-2. Процентное соотношение очень агрессивных мальчиков в ранних возрастных группах, классифицированных впоследствии как очень агрессивные в возрасте 17 и/или классифицированных как опасные преступники в возрасте 21 года.

рессивности в возрасте 9 лет (те, кто раньше были неагрессивными), в возрасте 17 лет перешли в группу очень агрессивных. В соответствии с этим довольно грубым измерением большинство мальчиков претерпели какие-то изменения, однако те, кто в ранней юности доставляли больше всего неприятностей окружающим, оказались менее всего склонны существенно менять поведение с течением времени. Эти крайне агрессивные личности и были леопардами, едва ли сменившими «пятна на шкуре».

Почти такой же вывод можно сделать относительно предсказания преступлений, связанных с насилием, исходя из высокой агрессивности в возрасте 9 лет. На рис. 5-2 видно, что 14% мальчиков, наиболее агрессивных в детстве, к 21 году уже были осуждены за преступления, связанные с насилием. Для сравнения: всего 4% мальчиков, неагрессивных в 9 лет, были потом судимы. Как вы можете видеть, высокий уровень агрессивности в ранней юности, в возрасте 13 лет, в значительной степени связан с сильной агрессивностью четырьмя годами позже (в возрасте 17 лет) и с судимостью за опасное преступление восемь лет спустя (в возрасте 21 года). В целом, несмотря на то что только малая часть юных нарушителей спокойствия привлекаются к суду за преступления, связанные с насилием, когда становятся взрослыми, существует некоторый риск, что те, кто были крайне агрессивными в юности, будут нарушать закон, когда станут старше.

Когда Фаррингтон и его помощники, проводившие опрос, снова обратились к этой же группе мужчин несколько лет спустя, новые

данные дополнили и подтвердили предыдущие результаты (см., в частности: Farrington, 1989 b). Показательно, что люди, очень агрессивные в ранней молодости, вероятнее всего попадали под суд за преступления, связанные с насилием, к 32 годам. Около 22% очень агрессивных мальчиков и лишь 7% менее агрессивных юношей имели судимость впоследствии (см.: Farrington, 1989 b).

Агрессия как одна из форм «антисоциальности». Эти результаты не просто указывают на последовательность в поведении человека в течение нескольких лет. Они также говорят нам, как подтвердили в 1977 году Вест и Фаррингтон, что устойчивая крайняя степень агрессивности в значительной степени является «всего лишь составляющей более общей антисоциальной тенденции». Хотя не всякая агрессия имеет одно и то же происхождение и несмотря на то что люди могут быть предрасположены к агрессии по самым разным причинам, многие люди всегда готовы нападать на других. Те, кто относительно часто так ведет себя, проявляют и склонность отвергать другие социальные правила. Мы можем наблюдать это в случае с Джимми: помимо проступков, вызванных его общей агрессивностью, он обвинялся в изнасиловании, наркомании, воровстве и других преступлениях. Точно так же очень агрессивные мальчики в Кембриджском исследовании с возрастом продолжали нарушать многие социальные нормы. Довольно большой процент этих мальчиков составляли те, кто «пьянствовали, играли в азартные игры, употребляли наркотики, были беспорядочны в сексуальных связях и нарушали правила дорожного движения», а также совершали акты вандализма (Farrington, 1989 b, p. 97; Farrington, 1989 a, p. 27).

Это, конечно, не означает, что любая антисоциальная личность обязательно отличается высокой степенью агрессивности. Некоторые люди легко преступают закон, если думают, что останутся безнаказанными, и при этом не отличаются склонностью к насилию. Более того, похоже, что существуют различные типы агрессивных личностей. Позже я вернусь к этим вопросам.

❐ **Исследование в течение 21 года в Колумбийском округе.** Почти одновременно с разработкой проекта в Кембриджском университете группа психологов во главе с Леонардом Эроном завершила наблюдение над третьеклассниками из округа Колумбия, сельской местности в штате Нью-Йорк. Пытаясь раскрыть источники устойчивой агрессивности, исследователи опросили 870 мальчиков и девочек в среднем восьмилетнего возраста, а также их отцов и матерей. Около половины детей, попавших в первоначальную выборку, были опрошены и в 1970 году, когда им было около 19 лет, более 400 из них опрашивали снова, когда они достигли среднего возраста 30 лет. Помимо того что выявлялось, совершали ли мужчины и женщины преступления против закона или нарушения правил дорожного

движения, исследователи смогли также опросить супругов и детей некоторых участников выборки (Eron, 1987; Eron, Huesmann, Dubow, Romanoff & Yarmel, 1987; Eron, Walder & Lefkowitz, 1971; Huesmann & Eron, 1984; Huesmann, Eron, Lefkowitz & Walder, 1984; Lefkowitz, Eron, Walder & Huesmann, 1977).

Показатели агрессивности. Процедура номинации сверстниками использовалась для того, чтобы оценить агрессивность участников исследования в их школьные годы. Всех мальчиков и девочек в этом исследовании просили указать того из их одноклассников, кто лучше подходил для ответа на вопросы: «Кто начинает драку из-за пустяков?», «Кто говорит обидные слова?». Показатель детской агрессии за этот период определялся процентным соотношением количества раз, которое она или он были указаны как ведущие себя агрессивно, с общим количеством вопросов[1]. После того как участники опроса окончили школу, их агрессивность фиксировалась различными способами. Главным параметром служили агрессивные наклонности, о которых они сообщали сами. Использовались также (если были) зафиксированные нарушения закона и данные о нарушении при вождении. Если участники опроса вступали в брак, то их просили описать, как они воспитывали своих детей, а супругов просили оценить уровень их агрессивности.

Дополнительные данные о последовательности поведения в течение некоторого времени. Снова мы наблюдаем, что агрессивность участников опросов имеет тенденцию сохраняться со временем. Эту тенденцию можно ясно увидеть, если сравнить периоды детства и отрочества: и мальчики и девочки, набравшие в возрасте восьми лет наибольший показатель агрессивности, чаще всего и десять лет спустя считались среди сверстников очень агрессивными. Пожалуй, еще важнее то, что их тенденция к насилию зачастую сохранялась и во взрослой жизни. На это указывает взаимосвязь между детскими оценками и рассказами уже взрослых участников опросов (в возрасте 30 лет) о том, как они воспитывают своих собственных детей. Когда участников, у которых есть дети, спрашивали, как они отреагируют на агрессивное поведение своих детей, то те, кто в восьмилетнем возрасте были довольно агрессивными, как правило, говорили, что накажут провинившегося ребенка. Даже будучи взрослыми, они по-видимому, оставались более склонны отвечать агрессией на агрессию, чем их изначально менее агрессивные сверстники.

Общепринятые «плохие» против считающихся «хорошими». Данные других исследований подтверждают мнение Веста и Фаррингтона о

---

[1] Исследования, проведенные Ироном и его помощниками, содержат достаточно свидетельств в пользу достоверности и валидности данного измерения (см., например: Lefkowitz et al., 1977).

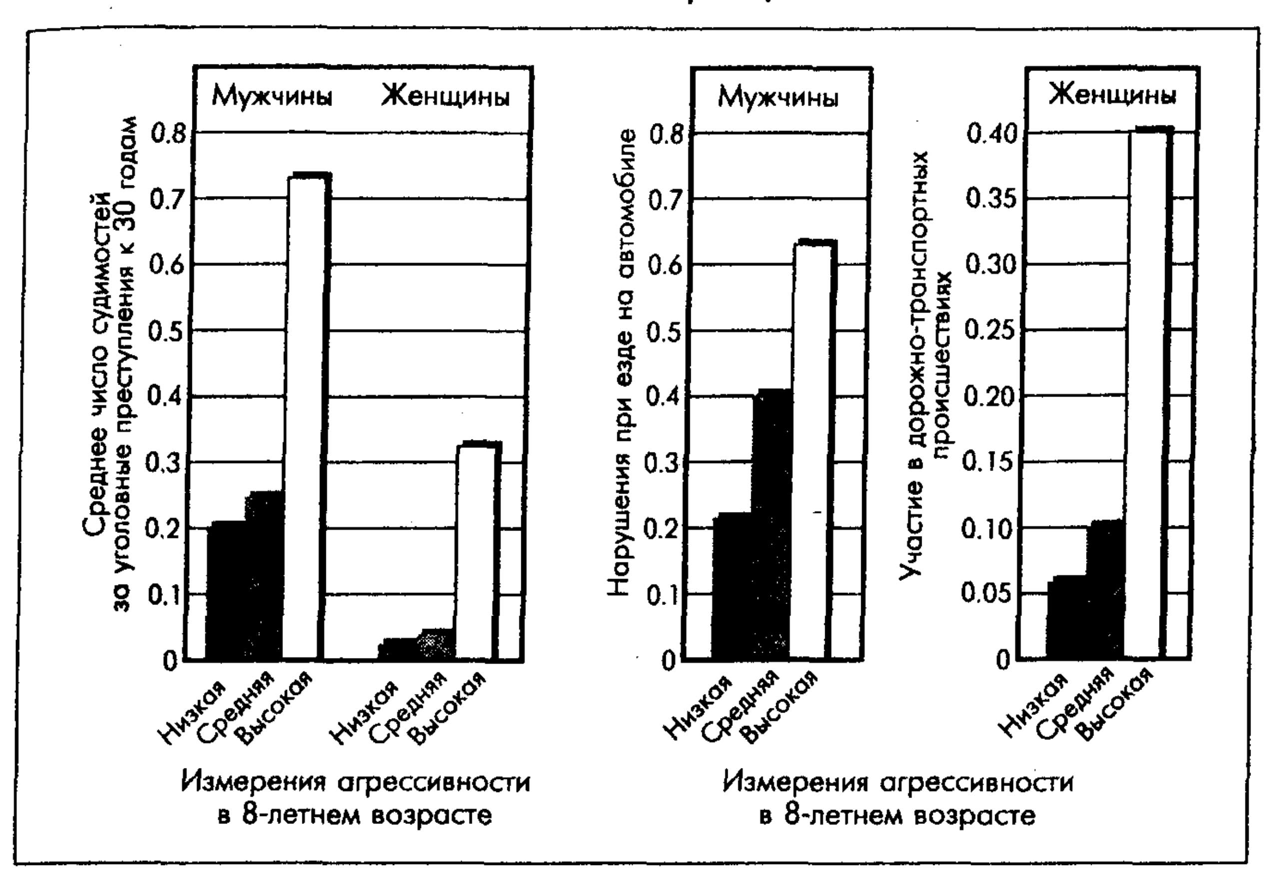


Рис. 5-3. Соотношение между агрессивностью в восьмилетнем возрасте, обозначенной сверстниками, и судимостями за (А) преступления против людей и (Б) за нарушения на дорогах к 30 годам.

ом, что крайняя агрессивность в детстве, в сущности, выражает общие антисоциальные тенденции. Когда группа Эрона в своей выборке 1981 года проверила уголовные дела ее участников, было обнаружено, что те из них, кто в восьмилетнем возрасте отличался ярко выраженной агрессивностью, в три раза чаще подвергались суду за преступления к 19-летнему возрасту, чем менее агрессивные. Более того, как видно из рис. 5-3, у этих участников опросов к 30 годам было самое большое число судимостей. Такое соотношение сохранялось как для мужчин, так и для женщин. Антисоциальные тенденции агрессивных молодых людей приводили и к большому количеству правонарушений на дорогах.

Сто лет назад большинство людей, пожалуй, сочли бы очень агрессивных людей, выявленных разработками Кембриджа и округа Колумбии, «плохими». Даже сегодня, с нашей большой психологической изощренностью, многие согласились бы с этой характеристикой. Агрессивные люди совсем не милы. Как и Джимми, многие из них легко обижают других и нарушают многие принятые правила поведения (см. также: Loeber & Dishion, 1983; Loeber & Schmaling, 1985).

Следует четко понимать, однако, что люди, о которых мы здесь говорим, в том числе и Джимми, *агрессивно антисоциальны.* Как я уже отмечал, существуют другие виды антисоциальных личностей, не особенно агрессивные, которых нелегко спровоцировать, и с ними редко случаются вспышки ярости. Рольф Лебер и Карен Шмалинг обратили наше внимание на два различных вида антисоциальности, существующих по крайней мере у детей. Проанализировав двадцать восемь исследований по идентификации различных типов антисоциального поведения у детей, они сделали вывод, что отклонение поведения детей от социально одобряемых образцов колебалось в пределах открыто-скрытого континуума. На одном конце этой шкалы были дети, проявлявшие открыто антисоциальное поведение, те, кто много ссорился и дрался — тот тип детей, обозначенных в разработках Кембриджа и округа Колумбии как агрессивные и нарушающие нормы дети. На другом конце открыто-скрытого континуума, по Леберу и Шмалингу, были указаны дети, обычно скрывавшие свое антисоциальное поведение. Они воровали, порой даже устраивали поджоги или нарушали закон каким-то другим способом, когда думали, что это сойдет им с рук, но все же они не отличались особой склонностью к насилию (Loeber & Schmaling, 1985)[1]. В центре нашей дискуссии будут как раз дети, отличающиеся открытой агрессивностью.

Концепция агрессивного поведения как вид психического расстройства. Если бы я стал рассматривать крайне агрессивных детей, идентифицированных в проектах Кембриджского университета и округа Колумбии, в перспективе психического здоровья, я бы мог, пожалуй, охарактеризовать это как вид агрессивного расстройства поведения (aggressive conduct disorder). Рассмотрим, насколько этот синдром, описанный в справочнике по диагностике и статистике Американской психиатрической ассоциации (DSM-III), подходит для этих мальчиков:

> *[Они проявляют] повторяющийся и устойчивый паттерн агрессивного поведения, в котором права других людей нарушаются, либо применяется физическое насилие против людей, либо происходят акты воровства, в том числе и конфронтация с жертвой. Физическое насилие может принимать форму изнасилования, уличного грабежа, нападения или — в редких случаях — убийства.*

Джимми, по-видимому, точно соответствует данному описанию, особенно если мы примем во внимание некоторые другие черты этого синдрома — такие, например, как «необычно раннее пристрастие к курению, алкоголю и другим существенным злоупотреблениям... нетерпимость к фрустрации, раздражительность, вспышки гнева и провокационная нетерпеливость». (Это описание агрессивного психи-

---

[1] Вопрос о том, существует или нет единый синдром «антисоциальности», обсуждается у Crowell (1987) и у Rutter & Garmezy (1983).

ческого расстройства взято из справочника по диагностике и статистике Американской психиатрической ассоциации, издание 1980 года (DSM-III), p. 45.)

❐ **Существуют ли в последовательности проявления агрессии различия между полами?** Прежде чем перейти к следующей теме, мне следует задать вопрос, который, вероятно, мог у вас возникнуть: отличаются ли мужчины и женщины в последовательном проявлении агрессии в течение нескольких лет? Вообще говоря, ответ представляется отрицательным. Большинство исследований по данной теме почти не обнаружили различий между полами в этом отношении. Например, в исследовании Колумбийского округа последовательность в течение длительного времени была сопоставима для обоих полов (Eron et al., 1987, p. 257. Также см.: Cairns & Cairns, 1984).

Почти такой же вывод можно сделать и о возможных различиях полов в том, что касается степени обусловленности зрелой преступности агрессивностью в детстве. Здесь также, несмотря на некоторые исключения, ряд работ подтвердил данные Колумбийского округа. Девочки, проявлявшие сильную агрессивность в 8–10-летнем возрасте, по-видимому, рискуют к поре юности получить судимость (Roff & Wirt, 1984).

КАК ДЕЙСТВУЮТ АГРЕССИВНЫЕ ЛИЧНОСТИ

После того как я установил, что существует тип людей с устойчивой склонностью к агрессии, моей следующей задачей будет показать, как ведут себя такие люди. Для этого мы сперва должны признать, что фактически существует два типа очень агрессивных людей.

РАЗНЫЕ ТИПЫ АГРЕССИВНЫХ ЛЮДЕЙ

Характеризуя очень агрессивную личность как в основном антисоциальную, я не предполагаю, что каждый агрессивный мальчик — это зарождающийся преступник или что любая драка на игровой площадке свидетельствует о серьезном скрытом психологическом несоответствии. Как я уже отметил, мы все склонны быть злыми и раздражительными, если плохо себя чувствуем. Временами мы даже можем на кого-нибудь накинуться в приступе ярости, из-за того что мы сильно возбуждены или недостаточно сдержанны. К тому же многие из нас поняли, когда повзрослели, что агрессия может принести свои плоды, что мы можем решить спор в свою пользу или достичь желаемого с помощью угроз, так что порой мы прибегаем к агрессии, рассчитывая продвинуться в достижении своих целей. Нас интересуют постоянные, а не случайные агрессоры — малая часть населения, которая легко нападает на других, снова и снова ведет себя агрессивно, те, кто не испытывает сожаления, что причиняют другим боль.

Эмоционально-реактивный и инструментальный тип постоянного агрессора

Даже постоянные агрессоры не обязательно похожи друг на друга. Хотя часто трудно провести четкое разграничение между различными видами агрессии, мы можем утверждать, что некоторые оскорбления по большей части представляют собой примеры эмоциональной (или враждебной) агрессии, тогда как другие — акты инструментальной агрессии. Мы также можем применить эту типологию к постоянным агрессорам, однако надо учесть, что склонные к насилию люди не всегда точно соответствуют той или иной категории. В общем и целом некоторые люди отличаются высокой степенью агрессивности, поскольку они эмоционально-реактивны: вспыльчивы, легко раздражаются и быстро «съезжают с катушек». Эти раздражительные люди тем не менее иногда оскорбляют других именно потому, что полагают, будто их агрессия окупится. Можно считать, что второй тип агрессоров обладает скорее инструментальной направленностью, так как их агрессия чаще совершается для достижения других желаний — чтобы удовлетворить стремление достичь власти, получить статус, денежные приобретения и так далее. Однако эти люди тоже могут время от времени терять самообладание и в ярости накидываться на кого-либо.

Для наших целей будет полезно разделить очень агрессивных мальчиков на тех, кто в основном проявляет или эмоционально-реактивную, или инструментальную агрессию[1]. Давайте обратимся к некоторым разработкам, которые легко интерпретируются с этой точки зрения.

Некоторые примеры агрессоров с инструментальной направленностью

❑ **Хулиганы как категория агрессоров с инструментальной направленностью.** Хулиганы — это хороший пример инструментально ориентированных агрессоров, поскольку они часто пытаются запу-

---

[1] Существует достаточно много свидетельств того, что дети, отличающиеся сильной агрессивностью, в основном похожи, так что их вполне можно отнести к одной категории (такой, например, как «расстройство поведения»), но, как уже отмечалось, ряд специалистов считают, что целесообразно провести более тонкую дифференциацию. Так, Справочник по диагностике и статистике (DSM-III) выделяет социальные и антисоциальные расстройства поведения. Дети с антисоциальным расстройством поведения гораздо чаще испытывают трудности в общении. Все же исследования в данной области не дают никаких определенных заключений, а детские психологи и психиатры не пришли к согласованному мнению о валидности данного разграничения. См., например: Rutter & Garmezy (1983).

гивать или даже нападать на других с преднамеренной попыткой принуждения. Свидетельства в пользу этого утверждения есть в работах Ольвеуса, который исследовал около 1000 шведских школьников в возрасте 12–16 лет. Он попросил учителей в классах указать учащихся, которые «подавляли или причиняли беспокойство» другим «физически или психически». На основании результатов своей работы Ольвеус сделал вывод о том, что около 5% этих мальчиков можно считать хулиганами. Его данные также наводят на мысль, что агрессия, проявляемая мальчиками, была инициирована ими самими, а не вызвана реакцией на специфические неприятные условия. Как правило, мальчики этого типа не набрасывались ни на кого в ярости, а действовали намеренно и хладнокровно, «выбирая и создавая вокруг себя» агрессию и стычки. Ольвеус считал, что эти мальчики не старались компенсировать скрытое чувство неполноценности. При этом они в основном происходили из благополучных небедных семей и часто оказывались самоуверенными и грубыми, а не тревожными и неуверенными в себе (Olweus, 1978).

Из работы Ольвеуса неясно, почему хулиганы поступали именно таким образом, однако возможно, что они пытались утвердить свое господство и стремились контролировать окружающих. Джон Локман, психолог из Медицинской школы университета Дьюк в Дареме, штат Северная Каролина, полагает, что «хулиганы испытывают сильную потребность контролировать других людей... Им нужна маска власти, чтобы скрыть страх, что они не владеют ситуацией». Каким бы мотивом они ни руководствовались, очевидно, что мальчики не просто эмоционально реагировали. Типично, что они не злились, когда угрожали своим жертвам. Их поведение скорее было тактикой; оно служило инструментом для достижения цели, не связанной с простым причинением боли жертве[1].

❒ **Инструментальные аспекты антисоциальной личности.** Некоторые аспекты агрессии, которую проявляют личности с ярко выраженной

---

[1] Цитата взята из статьи о хулиганах, написанной Дэниелом Големаном, *New York Times*, Apr. 7, 1987. В соответствии с обзором количественных исследований, посвященных хулиганам, составленным Дэвидом Фаррингтоном (1992), характеристика Олвейса подтверждается данными других исследований, в основном западноевропейских. Подводя итог результатам, полученным во многих из этих работ, Фаррингтон сделал вывод, что «обычно хулиганы агрессивны, грубы, сильны и самоуверенны... они получают удовольствие от запугивания окружающих и испытывают сильную потребность в господстве» (р. 3). Люди этого типа, по-видимому, запугивают и оскорбляют других, пытаясь ощутить свою власть и превосходство. Термин «хулиган», используемый в этой книге, относится только к таким агрессорам с инструментальной направленностью.

антисоциальностью, можно объяснить как инструментальное поведение. Один из крупных специалистов в области психического здоровья, участвовавший в создании диагностического справочника Американской психиатрической ассоциации, DSM-III, Теодор Миллон из университета в Майами штата Флорида, так описывал этот тип личности:

Оба варианта этой личности — основной агрессивный и открыто антисоциальный — пробуждают враждебность не только благодаря случайным последствиям своего поведения и отношения, но и потому, что они намеренно провоцируют других на конфликт. Они ищут повода для ссоры, часто, кажется, сами лезут в драку, и, по-видимому, им нравится драться, доказывать свою силу, проверять свои умения и силы. После периодических успехов в прошлом они становятся уверенными в своей отваге. Они намеренно могут стремиться к опасности и трудным ситуациям. Они не просто ведут себя дерзко и безрассудно, но кажутся при этом уравновешенными; рассвирепев, они готовы излить негодование, продемонстрировать свою неуязвимость и восстановить достоинство (Millon, 1981, p. 212–213).

Этот портрет похож на характеристику школьного хулигана. И в том и в другом случае проявляемая агрессия по большей части инициирована умышленно, по-видимому для того, чтобы агрессор мог доказать что-то самому себе. По Миллону, антисоциальные личности стремятся убедить себя, что они грубые, сильные и властные, поэтому они презрительно относятся к чувствительности, состраданию и нежности. По-видимому, получив в детстве мало внимания и любви, эти люди, как пишет Миллон, «слишком хорошо усвоили, что лучше никому не верить... Отрицая нежные чувства, они защищают себя от болезнённых воспоминаний о пренебрежении родителей».

Как указывает Миллон, враждебное отношение антисоциальной личности имеет несчастливые последствия. Оправдывается пророчество:

Агрессивное поведение и поиск конфликтов делают их страх и ощущение ничтожества постоянным. Они не просто стимулируют отчужденность и неприятие окружающих, но и провоцируют вполне оправданную ответную враждебность. Когда они лезут в драку или ведут себя с заносчивостью и иррациональной надменностью, в других людях они вызывают не только настороженность, но и интенсивную и вполне справедливую злобу. Тогда им приходится сталкиваться с настоящей агрессией, и у них есть все основания предвкушать расплату... Они не могут расслабиться и выйти из состояния постоянной бдительности (Millon, 1981, p. 213).

Очевидно, не всякий хулиган-школьник настолько антисоциален, что его или ее можно назвать «антисоциальной личностью» в указанном в справочнике смысле. Тем не менее по крайней мере в од-

ном отношении антисоциальная личность — преувеличенная версия такого хулигана. И тот и другой намного больше озабочены собственными прихотями и желаниями, а не психологическими нуждами других людей, и тот и другой тип не прочь причинить боль другим, чтобы сделать по-своему.

❐ **Вопрос о психопатах.** Антисоциальные личности, описываемые мной, определенно напоминают некогда бывшее довольно распространенным в психиатрической и криминологической литературе классическое понятие психопата. Вы, вероятно, слышали о психопатах и в общем представляете, какими они должны быть. Уильям и Джоан Маккорд в их книге 1964 года описывали случай, рассматриваемый ими как типический, и картина, представленная ими, несомненно, может показаться знакомой.

Это был красивый мужчина, стройный, с мягкими волнистыми волосами, всегда безупречно чисто одетый в тюремную робу. Английский акцент в его речи, его театральные жесты, его всегда к месту драматические чувства выдавали в нем актера, которым он когда-то и был. Внешне ничто не говорило о его карьере мошенника, грабителя, лжеца, гомосексуалиста и в конце концов убийцы...

[После серии преступлений в Нью-Йорке и Калифорнии, в том числе подлогов и грабежей, он застрелил мужчину, совершая кражу со взломом.] Во время его заключения несколько психиатров осматривали Борлова и поставили ему диагноз — психопатическая личность. Импульсивные вспышки агрессии, нарциссизм и бездушие делали его патологически отличающимся от других людей. Его ложь свидетельствовала о возможном существовании галлюцинаций. Однако все, кто знали Борлова, согласились, что он, в отличие от психопатической личности, ни на минуту не мог поверить в собственную ложь. Он лгал, признали психиатры, потому что ему это нравилось. Под давлением он с любезным видом соглашался, что солгал (McCord, W. & McCord, J., 1964, p. 5, 6).

Этот человек обладает всеми признаками, которыми должен обладать психопат, особенно внешним шармом и обходительностью, «маской здравого смысла», скрывающей внутреннюю грубость чувств и даже зверство. Маккорд и Маккорд говорят, что этот тип «антисоциальная, агрессивная, очень импульсивная личность, лишенная чувства вины и неспособная формировать прочные узы привязанности с другими людьми» (McCord, W. & McCord, J., 1964, p. 3) Так же как и многие другие специалисты по психическому здоровью, они считают, что подобные личности представляют большую опасность для общества и являются причиной многих тяжких преступлений.

Другие специалисты, однако, серьезно обеспокоены расплывчатостью и неточностью данной классификации, что признавали и сами

Уильям и Джоан Маккорд. Борлов обладал хорошими манерами, однако другие люди, также называемые «психопатами», были отнюдь не обаятельны по отношению к тем, с кем они сталкивались. Важнее отметить другое: хотя импульсивность часто считалась признаком этого типа личности, некоторые исследователи отмечали, что «психопаты могут вести себя обдуманно и намеренно, а могут быть импульсивными и недальновидными». Из-за этой кажущейся непоследовательности неудивительно, что судебные психиатры не всегда сходятся во мнении, какими качествами характеризуются психопаты. По мнению одного критика, раньше американские специалисты часто подчеркивали «очарование, социальные навыки и тщеславие психопатов, так же как и их другие, причиняющие серьезный ущерб атрибуты», немецкие психиатры указывали на «эмоциональную холодность психопатов и отсутствие сочувствия к другим людям», а английские специалисты указывали на их импульсивность и агрессию (Block & Gjerde, 1986; Feldman, 1977). Действительно, распространенная неточность в использовании этого термина настолько велика, что в последнем диагностическом справочнике Американской психиатрической ассоциации, DSM-IIIR, термин «психопат» даже не используется, а говорится лишь об «антисоциальном расстройстве личности». Существует тип личности, часто нарушающей закон и склонной к насилию, однако в справочнике, по-видимому, подразумевается, что назвать такой тип личности «психопатом» было бы неверно.

❒ **Критерии психопатии.** Целый ряд ученых, однако, не отказались от самой концепции «психопатии». Они показали, что тип психопатической личности можно достоверно идентифицировать и точно определить, если используются правильные критерии. Лидером в попытке определения такого критерия стал канадец Роберт Хейр из университета Британской Колумбии в Ванкувере. Хейр и его помощники составили Список признаков психопатии (СПП), куда входили первоначально двадцать два пункта, впоследствии сократившийся до двадцати пунктов, относящихся к тому, что исследователи считают отличительными характеристиками психопатов. В этот список, в частности, включены: 1) болтливость и поверхностный шарм, 3) сильное чувство собственной ценности, 5) патологическая склонность ко лжи и обману, 9) бессердечность и недостаток эмпатии, 11) *плохой контроль над поведением*, 15) *импульсивность*, 20) неспособность принять ответственность за свои поступки. Когда исследователи используют данную шкалу, они, как правило, отмечают, обладал или нет преступник какими-либо из вышеуказанных качеств (см.: Hare, Harpur, Hakstian, Forth, Hart & Newmann, 1990).

Исследование Хейра и других ученых, применявших СПП, ясно показывает нам важное значение концепции психопатии для созда-

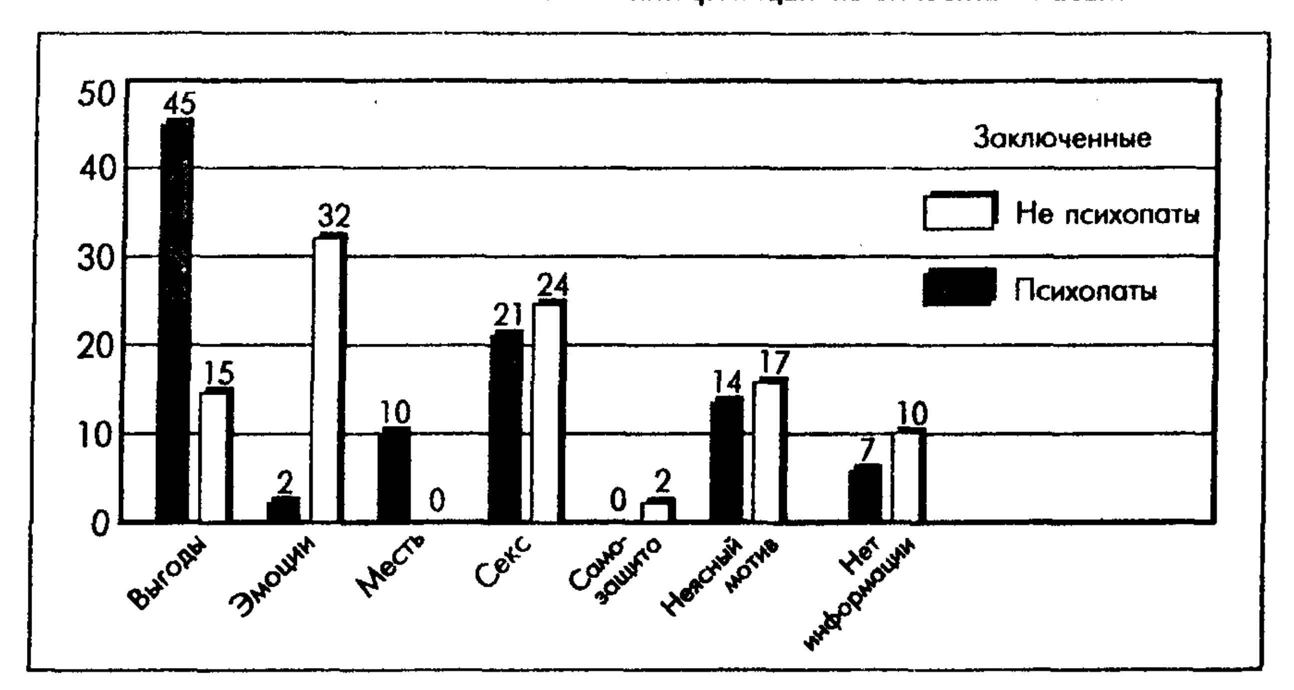


Рис. 5-4. Процентное соотношение заключенных психопатов и непсихопатов с четкой мотивировкой преступления.

ния целостной картины роли личности в агрессивно-антисоциальном поведении. Например, как продемонстрировали научные работы, преступники, набравшие максимальные показатели по этому списку, намного чаще получали судимость за преступления, связанные с насилием, чем другие преступники-мужчины, и в тюрьме они, как правило, вели себя жестоко и агрессивно (Hare & McPherson, 1984). Они действительно обладали склонностью к насилию.

Уместно привести еще одно исследование, касающееся вопроса о возможном существовании нескольких типов предрасположенности к насилию. Уильямсон, Хейр и Вонг первыми использовали СПП для классификации мужчин, заключенных в различных исправительных учреждениях Канады. Они разделили заключенных на психопатов с высокими показателями соответствия и низкими показателями, а затем изучили их уголовные дела, выяснили характер преступления и попытались определить видимые мотивы поступков. На рис. 5-4 показаны некоторые данные для преступлений, в которых были жертвы (эти данные не относятся к преступлениям типа подлога, торговли наркотиками, в которых жертв не было).

Интересно отметить (хотя рис. 5-4 этого не показывает), что достаточно большой процент включенных в рисунок преступлений приходится на убийства, совершенные *непсихопатами*, в то время как психопаты чаще всего совершали грабежи и имущественные преступления. Данные уголовных дел, как показывает рис. 5-4, тоже согласуются с этой дифференциацией и показывают, что психопаты, когда совершали преступления, были в основном заинтересованы в материальной выгоде. Наоборот, сильное эмоциональное возбужде-

ние (такое, как ревность, ярость и ожесточенная ссора) обычно играло ведущую роль в преступлениях, совершаемых непсихопатами. Учитывая все это, неудивительно, что, как говорят исследователи, у психопатов и непсихопатов были различные взаимоотношения со своими жертвами. Жертвами непсихопатов обычно были люди, которых они знали, в то время как жертвами психопатов чаще всего становились незнакомые им люди.

Эти данные показывают, что многие опасные преступления, совершаемые психопатами, не являются последствием вспышки эмоций. Их насилие, вообще говоря, как правило, не возникает в ходе ожесточенного спора с кем-либо, кого они знают, а чаще всего они нападают на кого-то, надеясь, что им это принесет выгоду. Уильямсон и ее помощники полагали, что «психопаты больше других преступников стремятся занять положение, при котором насилие могло бы потребоваться», но когда они прибегают к агрессии, их поведение «отличается бессердечием и хладнокровием, оно лишено какой бы то ни было эмоциональной окраски», характерной для других преступлений, связанных с насилием (Williamson, Hare & Wong, 1987). Если учесть, как предполагают процитированные здесь работы, что агрессия психопатов по большей части носит инструментальный характер, представляется, что психопаты — это люди с инструментальной направленностью агрессии, тип агрессивной антисоциальной личности.

Недостаток самообладания: к вопросу о более точном понимании особенностей психопатической личности. Мало сказать, что психопаты хладнокровно нападают на окружающих, хотя, как подчеркивают Хейр и многие ученые, это часто оказывается именно так. Люди подобного типа зачастую неспособны сдерживать себя, когда преследуют желанную цель. В самом деле, недостаток сдерживания себя — одна из ключевых черт психопатической личности, о чем свидетельствуют результаты интересной исследовательской программы, идущей под руководством Джозефа Ньюмена из университета штата Висконсин в городе Мэдисон.

Предположим, что в данный момент психопат хочет что-то получить, например деньги или секс, и ведет себя таким образом, чтобы достичь цели. Мы можем назвать его тип поведения «тенденцией с доминантой действий» (dominant action tendency) в конкретной ситуации. Допустим, что, хотя психопат мог бы получить желаемое, есть большая вероятность того, что его поймают и накажут. Как убедился Ньюмен в ходе экспериментов и опыта работы с заключенными исправительных учреждений, психопаты отличаются характерным недостатком способности сдерживать тенденцию к непрерывным, ориентированным на достижение цели действиям, даже если эти действия могут привести к тому, что их накажут. Самое большое значение для психопатов имеет возможность достижения их непосред-

ственных целей. В результате неадекватного самоограничения в ситуации такого рода они даже не пытаются рассмотреть свое поведение с точки зрения других людей или принять во внимание соображения перспективы (*например, то, каким окажется их будущее, если они станут вести себя таким вот образом*) (см.: Kosson, Smith & Newman, 1990; Newman, 1987; Newman, Patterson & Kosson, 1987). Даже если психопат считает, что достичь его непосредственных целей можно при помощи угроз или демонстрации силы, он все равно доведет свое нападение до конца, игнорируя неприятности, к которым оно может привести впоследствии.

❑ **Некоторые последние штрихи**. Поскольку многие молодые люди, поступки которых с психиатрической точки зрения можно рассматривать как психическое расстройство поведения, с возрастом всетаки изменяются, психологи и психиатры теперь не классифицируют людей как психопатов до достижения ими возраста 18 лет. Кроме того, не каждый психопат — или, в данном случае, не любая агрессивная антисоциальная личность — обязательно будет обладать характеристиками, указанными в списке признаков психопатии. Однако чем больше этих качеств человек проявляет, тем вероятнее, что он будет представлять для общества угрозу насилия.

Эмоционально-реактивные агрессоры

Некоторые люди, как дети, так и взрослые, обладают ярко выраженной агрессивностью, не связанной с инструментальной направленностью. Они не используют агрессивное поведение, чтобы добиться желаемого, а просто ведут себя агрессивно, потому что обладают высокой эмоциональной реактивностью и легко раздражаются. Очень чувствительные к любому пренебрежению или оскорблениям, они склонны видеть угрозы и оскорбления, которых в действительности не существует, и легко обижаются. Неудивительно, что они склонны неадекватно реагировать на события, происходящие рядом с ними. В результате такие люди бывают не очень-то популярны в обществе.

❑ **Доказательства существования двух типов агрессии.** Некоторые читатели, полагая, что всякая агрессия по своей природе инструментальна, могут сомневаться в правомерности проводимого мной разграничения. Поэтому, прежде чем глубже рассматривать психологию эмоционально-реактивных агрессоров, обратимся к результатам исследований, указывающих на разницу между людьми, чья агрессия в основном имеет инструментальную направленность, и теми, кто ведут себя агрессивно, потому что склонны обижаться на действия или слова, в которых видят угрозу или оскорбления.

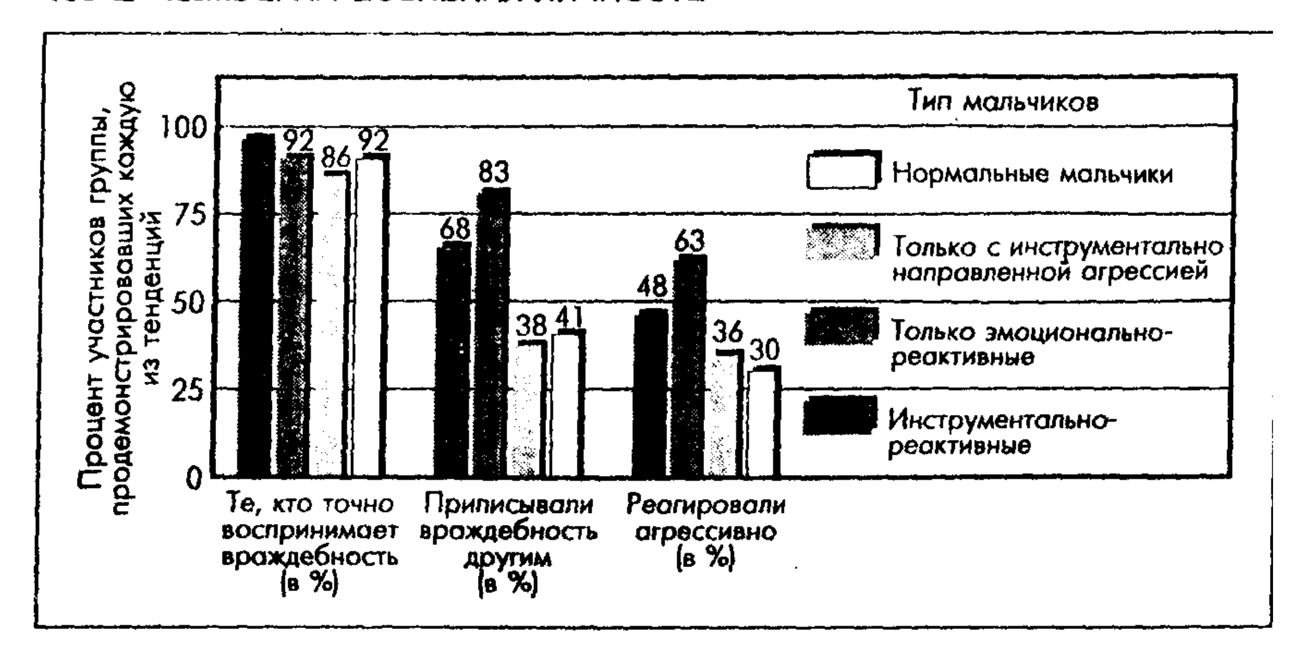


Рис. 5-5. Процентное соотношение мальчиков, показавших различную реакцию: точное восприятие враждебности, атрибуция враждебности и проявление агрессивной реакции на эпизод.

В ряде работ, исследующих поведение мальчиков, учащихся первых и третьих классов, Кеннет Додж и Джон Кой делили детей на агрессоров с высокой реактивностью и тех, чье поведение напоминало инструментально направленное поведение хулиганов. Для этого использовались отзывы учителей. Ребенок считался эмоционально-реактивным, если его учитель отмечал, что «когда этого ребенка дразнят или угрожают ему... он быстро начинает злиться и дает сдачи». Инструментально направленного ребенка характеризовали как угрожающего другим детям и обижающего их, использующего «физическую силу для господства над другими». Некоторых мальчиков легко было отнести к первой или второй категории, но, конечно, встречались и такие дети, которых учителя оценивали как смесь этих типов. Для наших целей мы рассмотрим три категории детей: тех, чья агрессия была главным образом инструментально ориентирована (обозначенные «только с инструментальной агрессией» на рис. 5-5), тех, чья агрессия была в основном реактивной (обозначенные «только эмоционально-реактивные»), и остальных, проявивших оба типа агрессии («инструментально-реактивные»). Мы сравним этих детей с четвертой категорией — мальчиками, которые (по мнению своих одноклассников) вели себя умеренно в социальном плане (обозначены «нормальные»).

Исследователи, в частности, показали мальчикам видеозапись серии из 12 эпизодов, каждый из которых изображал, как один мальчик сбивал кубики другого. Актеры вели себя так, чтобы испытуемые смогли наблюдать три вида сцен: 1) намеренную агрессию, 2) слу-

чайную небрежность и 3) эпизоды, в которых намерения фрустрирующего мальчика можно было истолковать двусмысленно. После того как дети просматривали каждый эпизод, каждого по отдельности спрашивали о том, что он видел и как бы отреагировал на такую ситуацию.

Затем Додж и Кой сравнили, как мальчики разных категорий воспринимали сцены на видео. Рис. 5-5 показывает, что все группы детей одинаково точно узнавали изображение намеренной враждебности. Однако когда мальчики не были уверены в том, почему актер сбивает кубики, возникали отличия. В этом случае оба типа эмоционально-реактивных мальчиков — в особенности отчетливо эмоциональные агрессоры — были особенно склонны приписывать актерам враждебность (см. средний отрезок рис. 5-5). Они, по-видимому, были предрасположены интерпретировать двусмысленное поведение как враждебное. Предположительно именно благодаря этой готовности видеть враждебность оба типа эмоционально-реактивных мальчиков — и опять-таки особенно явно эмоциональные агрессоры — на вопрос, как бы они поступили, чаще всего отвечали, что отреагируют той или иной формой агрессии (см. отрезок справа на рис. 5-5) (Dodge & Coie, 1987).

Результаты представляются очевидными. Не все явно агрессивные люди похожи друг на друга. Люди, использующие агрессию главным образом для инструментальных целей — например чтобы доминировать над остальными и контролировать их, — в некоторых важных аспектах отличаются от ярко выраженных реактивных агрессоров, легко распознающих враждебность в других людях или приписывающих другим враждебные намерения. Это не означает, впрочем, что инструментально направленные агрессоры и эмоционально-реактивные не имеют между собой ничего общего. В самом деле, они могут иметь ряд общих черт, и те и другие могут считать, что, оскорбляя своих противников, они действуют адекватно. Тем не менее люди, часто использующие агрессию для достижения своих целей, скорее всего будут думать, что их агрессия приведет к положительному результату (Dodge & Crick, 1990; Perry, Perry & Rasmussen, 1986).

❑ **Обработка информации и атрибуции в эмоционально реактивной агрессии.** Данные, полученные Доджем и Коем, вполне согласуются с *моделью обработки социальной информации* при агрессивных стычках, но в то же время показывают ограниченность ее формулировки. Этот анализ стоит рассмотреть детально, так как его результаты можно применить ко многим (хотя и не ко всем) склонным к насилию людям (см.: Dodge, 1982).

Чтобы понять эту модель, сначала представим себе основной эпизод, демонстрировавшийся детям в исследовании Доджа и Коя: один

мальчик сбивает ногой кубики другого. Предположим, что ребенок, наблюдающий эту сцену, хочет понять происшедшее. Согласно модели Доджа, первое, что он должен сделать, это *исследовать ситуацию и правильно найти все имеющиеся информативные сигналы.* Мальчик может вглядываться в выражения лиц актеров, пытаться определить какие-то невербальные сигналы, указывающие на отношения и намерения актеров. Некоторым лучше удается воспринимать невербальные сигналы, хотя в ряде случаев эти сигналы настолько очевидны, что угадываются безошибочно. Как видно, все четыре типа мальчиков в работе Доджа и Коя одинаково точно идентифицировали *очевидные* признаки преднамеренной враждебности.

Как только ребенок обнаруживает имеющиеся информативные сигналы, *он должен их интерпретировать.* Именно этот шаг особенно подчеркивается в модели Доджа (хотя и другие когнитивные процессы также признаются). Особое внимание Додж уделяет интерпретациям и атрибуциям агрессивных детей. В рассматриваемой нами работе интерпретации эмоционально-реактивных агрессоров и атрибуции, отображающие их концепцию социального мира, полны враждебности. Когда мотивы фрустратора были неясны, эти дети, как правило, считали, что он собирается обидеть другого ребенка.

После какого-то осознания события человек должен *представить возможные реакции на ситуацию, выбрать определенный ответ и совершить действие.* Предположительно человек сначала думает о различных возможных способах реагирования на то, что случилось. Не все люди видят одинаковые альтернативные реакции. Тогда как наиболее хорошо адаптирующиеся люди, столкнувшись с проблемной ситуацией, понимают, что они могут отреагировать поразному, люди с явно выраженной агрессивностью обычно представляют себе только одну возможность (ударить, например), если считают, что с ними намеренно обошлись несправедливо. Кроме того, отчасти из-за их ограниченного репертуара реакций на межличностные трудности, отчасти из-за тенденции доминировать, склонные к насилию люди реагируют агрессивно, когда считают, что им угрожают или дурно обращаются, и часто предпочитают нападать на предполагаемого обидчика. Эмоционально-реактивные агрессоры в исследовании Доджа и Коя обнаружили свои агрессивные наклонности, выбрав агрессивную реакцию, так же как и враждебную атрибуцию. Полагая, будто они заметили враждебное отношение, такие дети решили, что наиболее подходящей реакцией на агрессию станет их собственная агрессивность.

❒ **Ограниченность модели обработки информации.** Анализ обработки информации Доджа идентифицирует несколько важных аспектов психологии эмоционально-реактивных агрессоров: их тенденцию 1) интерпретировать двусмысленные действия как враждебные

и приписывать другим агрессивные намерения, 2) представлять относительно мало возможных вариантов ответной реакции на тревожные ситуации, кроме агрессивной, 3) считать, что на враждебность других людей надо отвечать агрессией. Очевидно, что эта формулировка не учитывает некоторых важных соображений и не может адекватно объяснить поведение всех очень агрессивных людей.

Во-первых, *данная модель уделяет мало внимания другим когнитивным процессам, отличающимся от враждебной интерпретации и атрибуции*. Важно признать, что мысли склонных к насилию людей обычно приобретают агрессивную направленность, когда те встречают стимул, имеющий агрессивное значение[1]. Как я отмечал раньше, у таких людей возникают агрессивные представления, когда они слышат слова, ассоциирующиеся с агрессией, видят оружие, драку на экране телевизора или наблюдают за конфликтом сверстников. В результате в их сознании возникают воспоминания, связанные с агрессией, чувства и тенденция к действию; если обстоятельства благоприятны для насилия, то все это может привести к непосредственному проявлению агрессии.

Формировать склонность к агрессии могут и мыслительные процессы более длительного характера. Роуэл Хьюсман и Леонард Эрон высказали мысль о том, что многие из склонных к агрессии детей воспроизводили в своем сознании агрессивные стычки, которые они часто видели по телевизору. Мальчики этого типа, вероятно, то и дело думают о насилии, изображенном на экране, возможно, представляя самих себя героями фильма и воображая, что побеждают своих врагов. Когнитивное воспроизведение, возможно, помогает таким детям приобрести агрессивные паттерны поведения (Huesmann & Eron, 1984).

Во-вторых, *на реакцию ярости у людей, склонных к эмоциональной агрессии, влияет не только их способ обработки информации, но и другие факторы*. Эмоциональные агрессоры не только быстро приходят в сильное возбуждение, часто им также недостает самоконтроля. Как теперь принято считать, *точка зрения Доджа недостаточно учитывает то обстоятельство, что эмоционально-реактивным агрессорам часто не удается себя адекватно сдерживать*. Этот пункт заслуживает более детальной разработки.

Отсутствие надлежащей сдержанности может привести к потере контроля над мыслями, так же как к неспособности сдерживать свои моторные реакции. Несколько лет назад Додж высказал предположение, что очень агрессивные мальчики, которых он изучал, припи-

---

[1] См., в частности: Geen & George (1969); Simpson & Craig (1967). Когнитивные процессы, включенные в поведение этих людей, имеют отношение и к другим вещам, а не просто связаны с атрибуцией.

сывают враждебность другим, потому что они, как правило, не подавляют свои атрибутивные идеи. Когда кто-то беспокоит их, они, так сказать, не улавливают собственных мыслей и не дают себе возможности представить другие возможные интерпретации поведения человека, который их беспокоит (Dodge & Frame, 1982).

Кроме того, из-за их в целом слабого подавления агрессии эмоционально-реактивные люди не всегда могут сдерживать свою речь и не удерживаются от реакции на действия, воспринимаемые ими как оскорбления. Бывали ли вы когда-либо настолько рассержены, что в гневе выпаливали какое-нибудь недружелюбное замечание, хотя ваш рассудок отчасти побуждал вас сдержаться? Несмотря на то что тихий внутренний голос предупреждал вас: «Не говори этого», вы все-таки высказывались вслух и потом сожалели об этом. Я предполагаю, что эмоционально-реактивные агрессоры часто проявляют этот вид недостатка самоконтроля, когда приходят в сильное возбуждение.

Помимо недостаточного сдерживания вербальной агрессии, этот тип людей, пожалуй, не может подавить в себе стремление к физической агрессии. Они могут импульсивно наброситься на человека, обидевшего их, независимо от возможных последствий. Джимми, например, действовал именно таким образом, когда напал на полицейского, потому что разозлился, что тот не дал ему войти на дискотеку[1]. Более того, из-за слабой способности к самоограничению реактивно-агрессивные люди порой становятся неспособны контролировать себя, стоит им только вступить в агрессивное взаимодействие. Они продолжают атаковать — ругаются, толкаются или бьют кулаками, забывая при этом как о возможном наказании, так и о просьбах окружающих. Часто практически невозможно заставить их остановиться (см., например: Patterson, Dishion & Bank, 1984).

Ранее я уже упоминал, что *эмоционально реактивные агрессоры могут приходить в очень сильное возбуждение*. Если бы мы могли измерить ощущения людей при столкновении с фрустрацией, угрозой или откровенным вызовом, то я предполагаю, что эмоциональные агрессоры в среднем показывали бы на нашей шкале максимальное ощущение неудовольствия — сильную физиологическую и экспрессивно-моторную реакцию и сильную реакцию воображения. Все эти реакции отличались бы агрессивной природой. Шкала гнева, наподобие шкалы признаков состояния гнева Шпилбергера, описываемая раньше в этой главе, не только оценивает готовность людей прийти в состояние злости, когда их провоцируют, но еще и показывает интен-

---

[1] Додж в книге Dodge & Crick (1990) также указывает на распространенную у агрессивных детей неспособность сдерживаться, когда их злят и раздражают сверстники.

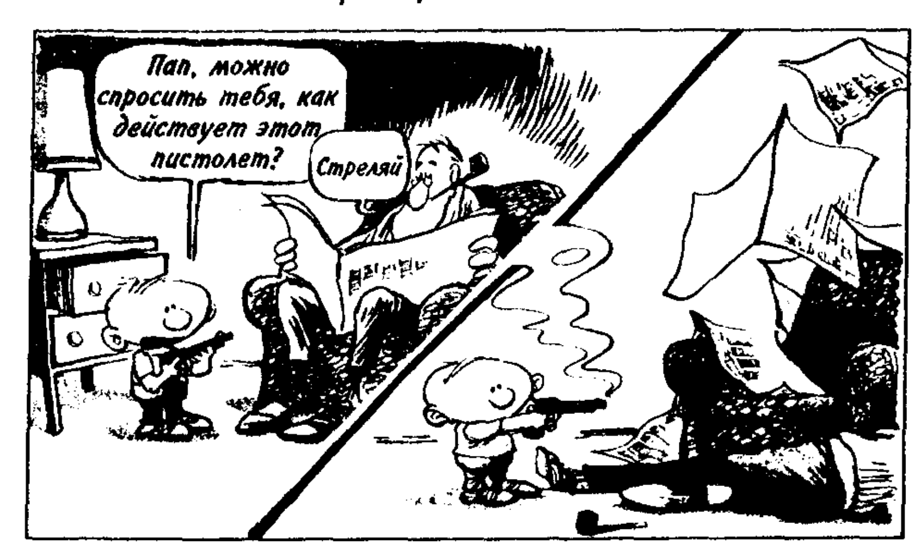


Рис. 5-6. В шутливой форме эта карикатура указывает нам на феномен, поясняющий некоторые случаи насилия, совершаемого, в частности, очень агрессивными личностями. Когда они слышат слова, которые имеют для них агрессивный смысл, у них активизируются агрессивные идеи и тенденции к действию, которые могут привести к импульсивному нападению на доступный объект, если при этом их внутреннее подавление агрессии достаточно слабо.

сивность их чувств в этом случае. Пожалуй, важно измерить эту интенсивность. Если я прав в том, что неприятные чувства имеют тенденцию порождать как агрессивное побуждение, так и ощущение злости пропорционально силе ощущаемого неудовольствия, то станет очевидно, что действительно исчерпывающая теория эмоциональной агрессии должна принимать во внимание эту эмоциональную интенсивность. С моей точки зрения, атрибутивная модель не уделяет достаточно внимания индивидуальным различиям в этом плане и не учитывает вероятность того, что реактивные агрессоры склонны к сильным эмоциональным реакциям.

Личность А-типа — реактивно-агрессивная

Понятие эмоциональной реактивности особенно применимо к определенному типу людей, подвергающихся опасности заболеть коронарным тромбозом: это хорошо известный А-тип личности. Интересно взглянуть на этот тип людей с точки зрения исследования агрессии, но сперва позвольте изложить некоторые общие сведения.

❑ **Личность А-типа и заболевания сердца.** Около трех десятилетий назад калифорнийские врачи Мейер Фридман и Рей Розенман заметили, что некоторые люди отличаются особенной предрасположенностью к развитию хронических заболеваний сердца из-за их эмоциональных реакций на внешние стрессовые факторы. На основании обширного клинического опыта медики пришли к выводу, что зна-

чительное число людей, страдавших серьезными заболеваниями сердца, отличались некоторыми личными качествами, которые и могли привести к возникновению болезни. Им были свойственны соперничество и нетерпеливость. Ими двигало стремление закончить свое дело (и победить) как можно скорее; однако в то же время они были излишне тревожными и всегда слишком охотно брались и за другие дела, как будто хотели взвалить на себя одновременно максимальное количество забот. Учитывая все эти характеристики личности А-типа, Фридман и Розенман решили определить, будет ли вероятность заболеваний сердца у этих людей выше, чем у тех, кто обладает противоположными качествами, — этот тип ученые обозначили как *личность Б-типа.*

Начав свой труд в 1960 году, Фридман, Розенман и их помощники обследовали более 3000 рабочих среднего возраста из 11 различных корпораций с целью определить те факторы риска (такие, как курение, уровень холестерина в крови, характеристики личности), которые могли бы обусловить возникновение сердечно-сосудистых заболеваний.

Ожидания врачей подтвердились: люди, классифицированные как личности А-типа (на основании первоначальных интервью исследователей с ними), в два раза чаще страдали от того или иного заболевания сердца восемь лет спустя.

Многие другие исследователи впоследствии также стремились исследовать связь между типом личности и тромбозом коронарных сосудов. Хотя выявлены и некоторые исключения, общий характер результатов (подтвержденный и параллельными работами) подкрепляет базовый тезис Фридмана — Розенмана: существует умеренное, но не незначительное взаимоотношение между личностью типа А и тромбозом коронарных сосудов сердца. Более того, согласно имеющимся теперь данным, эта взаимосвязь между типом личности и болезнями сердца наблюдается в одинаковой степени как у мужчин, так и у женщин (Friedman & Rosenman, 1974; Booth-Kewley & Friedman, 1987).

Важнее всего в контексте данной дискуссии то, что позднейшие исследования в этой области в какой-то мере уточняют оригинальный анализ Фридмана и Розенмана. Заболеваниям сердца подвержены вовсе не трудоголики, увлеченные своим делом и находящиеся под давлением постоянной необходимости закончить работу. Скорее это люди, в которых крайне силен дух соперничества, склонные к гневу, враждебности и агрессивности (см.: Booth-Kewley & Friedman, 1987; Baker, Dearborn, Hastings & Hamberger, 1984; Dembroski & Costa, 1987; Chesney & Rosenman, 1985). Люди этого типа, по-видимому, особенно сильно реагируют на стресс. Когда они сталкиваются с вызовом или стрессом, реакция их симпатической нервной системы слишком сильна. Показатели систолического кровяного давления

могут быть необычайно велики, так же как показатели нейрогормональной секреции. У этих людей наблюдается повышенный уровень низко-плотного липопротеидного холестерина (см.: Chesney & Rosenman, 1985; Weidner, Sexton, McLerrarn & Connor, 1987).

Чтобы отчетливее представить то, что подразумевается этими данными, вообразим следующую ситуацию: вы ведете машину и вот-вот опоздаете на важную встречу. Другая машина обгоняет вас, затем замедляет ход, так что вам приходится затормозить, когда на светофоре загорается красный свет. Водители позади вас раздраженно сигналят. Когда вы думаете об этой ситуации, вполне вероятно, что ваше сердцебиение участится и, если вы представляете собой личность А-типа, оно будет сильнее, чем у типа Б. Однако тип вашей личности не имеет значения, когда вы воображаете обыкновенную, не связанную со стрессом ситуацию из жизни (Baker, Hastings & Hart, 1984).

❒ **Доказательства в пользу того, что личности типа А являются реактивными агрессорами.** Наше рассуждение о личности типа А, очевидно, актуально для понимания эмоционально-реактивных агрессоров. Не каждый человек А-типа впадает в крайности или антисоциален, как описанные раньше реактивные личности. Совсем не обязательно он склонен совершать атрибутивные ошибки, подчеркнутые Доджем. Тем не менее люди этого типа — в особенности те, в ком силен элемент агрессивности, — обычно отличаются высокой эмоциональной реактивностью. Они особенно часто приходят в раздражение и становятся агрессивными, когда сталкиваются с явно неприятным для них событием. Некоторые эксперименты ясно демонстрируют нам правдоподобие этого положения.

Один из таких экспериментов был проведен Чарльзом Карвером и Дэвидом Глассом. Опыт проводился с молодыми мужчинами, студентами последнего курса в университете Майами во Флориде, предварительно разделенными на две категории — тип А или тип Б. Испытуемым была создана одна из трех ситуаций: 1) условие фрустрации — студенту предлагалось разрешить в действительности неразрешимую задачу, при этом рядом находился второй студент (помощник экспериментатора), 2) условие нанесения оскорбления — помощник экспериментатора пытался помешать испытуемому во время решения задачи, 3) нейтральная ситуация, при которой студентам *контрольной* группы не ставилось ни одно из этих условий. Затем всех субъектов просили быть «учителями» в процедуре с машиной агрессии Басса. От них требовалось назначать «ученику» удар электрошоком, как только он делал ошибку в задании. Стандартно для данной процедуры: субъекты могли сами выбирать интенсивность назначаемого ими наказания.

Коротко подводя итог полученным результатам, надо отметить, что люди А-типа, как правило, назначали гораздо более сильные удары

электрошоком, чем люди типа Б, как во фрустрирующей ситуации, так и в ситуации с причинением обиды, но не в нейтральной группе. (Отметим, что у фрустрированного типа А не было оснований приписывать враждебность другому студенту.) Как раз тогда, когда студенты А-типа находились в эмоциональном возбуждении, они вели себя агрессивно по отношению к доступной для агрессии мишени.

Хотя Карвер и Гласс считали, что агрессия испытуемых типа А представляла собой скорее инструментальный, а не эмоционально-реактивный тип поведения, более поздние эксперименты (которые проводились Майклом Струбом, Чарльзом Тернером, Дэном Сиро, Джоном Стивенсом и Фрэнсисом Хинчи в университете штата Юта в Солт Лейк Сити) показали, что мужчины типа А отличаются высокой степенью агрессивности, если они фрустрированы, даже в том случае, когда их *агрессия не направлена на достижение какой-то цели.*

Мужчин-студентов, также разделенных на типы А и Б, поставили в одну из двух ситуаций: условие фрустрации или нефрустрации (применялась та же процедура, что и в эксперименте Карвера и Гласса), а затем каждому предлагалось сыграть для другого роль учителя. На этот раз, однако, учитель должен был вознаграждать ученика оценкой по девятибалльной шкале за правильное выполнение задания и наказывать его, назначая штраф от 1 до 9 очков. Исследователи ввели важное и довольно-таки тонкое отличие в условиях эксперимента: некоторым испытуемым внушалась идея о том, что они в действительности не могли повлиять на поведение «ученика» в первых трех испытаниях. Им говорили, что, наказывая «учеников» за ошибку, они просто причиняли боль своим товарищам. Испытуемым объясняли, что в этих первых трех испытаниях «ученик» не узнает о своем количестве штрафных очков. Таким образом, они якобы не могли на него повлиять, вне зависимости от того, какой назначали штраф, большой или маленький. Размер штрафа имел значение только для самих испытуемых — если они хотели обидеть «ученика».

Результаты таких измерений наказания очевидны. В основном участники экспериментов, испытав сильную фрустрацию, штрафовали «ученика» больше, чем попав в нейтральные условия.

Опять мы видим, что фрустрация вызывает побуждение к агрессии. Однако для моего рассуждения показателен тот факт, что люди типа А в возбужденном состоянии были намного более пунитивны, чем люди типа Б в ситуации, когда тем мешали. В целом люди типа А обладали более высокой эмоциональной реактивностью и чаще и вероятнее отвечали на фрустрацию эмоциональной агрессией. (Первый эксперимент, изложенный в этом разделе, проводили Carver & Glass, 1978). Вторая работа, описывающая желание фрустрированных субъектов причинить боль жертве, проводилась Strube, Turner, Cerro, Stevens & Hinchey, 1984).

Статья, опубликованная в газете в 1990 году, описывала еще исследования, дополняющие картину возможных вредных для здоровья последствий реактивной агрессивности личности.

Люди, у которых часто случаются приступы ярости, то есть закипающие от злости, лишь только им представится для этого малейший повод, не просто выставляют себя в неприглядном виде. Вполне вероятно, что они просто убивают себя.

Ученые в настоящее время собрали большое количество фактов, доказывающих, что хроническая злоба настолько вредна для тела, что даже превышает вред от курения сигарет, ожирение, потребление жирной пищи и представляет собой сильнейший фактор риска ранней смерти.

«Наши исследования показывают, что враждебность, подозрительность и злоба приравниваются к любым другим известным нам опасностям для здоровья»,— сказал доктор Редфорд Уильямс, исследователь в области бихевиористской медицины Медицинского центра при университете Дьюк.

Представляя результаты своей работы на недавней конференции Американской ассоциации исследований сердца, доктор Вильямс сообщил, что люди, которые в юном возрасте обладали высокой степенью враждебности, уже будучи взрослыми, намного чаще, чем их бодрые и веселые сверстники, приобретали повышенный уровень холестерина, подтверждая тем самым связь между постоянным гневом и болезнью сердца.

В еще одном недавнем исследовании эпидемиолог, доктор Мара Джулиус из университета Мичигана, проанализировала воздействие хронической злости на женщин старше 18 лет. Она обнаружила, что женщины, в первом тестировании проявившие очевидные признаки гнева, подавляемого в течение длительного времени, в три раза чаще умирали [ко времени, когда проводилось второе тестирование], чем те, кто не питал враждебных чувств...

Другие ученые также пытаются внести ясность в сложный вопрос физического влияния гнева на тело. Обнаружили, что некоторые люди, склонные к проявлению злости, имеют чересчур сильную реакцию типа «драться или убегать», в результате чего у них при любой ситуации вырабатывается чрезмерное число стрессовых гормонов (Angier, N. New York Times, Dec. 13, 1990).

РЕЗЮМЕ

Вопреки убеждению некоторых психологов, согласно которому поведение человека в различных ситуациях не отличается последовательностью, эксперименты показали, что у людей с высокой степенью агрессивности четко видна стабильность поведения как на коротком, так и на длинном отрезке времени. Люди с сильной агрес-

сивностью склонны нападать на других, если ситуация, с которой они сталкиваются, имеет для них агрессивный смысл или если они недостаточно сдерживают себя. Они также чаще, чем их значительно менее агрессивные сверстники, проявляют агрессию в разных ситуациях.

В этой главе описываются научные работы, охватывающие длительный период времени, в том числе замечательные кембриджские исследования Фаррингтона и Веста, которые изучали молодых людей, представителей английского рабочего класса, а также сопоставимые с ними работы Эрона, Хьюсмана и их коллег из Колумбийского округа, в которых изучалось поведение детей маленького американского городка. Эти работы показывают стабильность проявления паттернов ярко выраженного агрессивного поведения как в юном, так и в зрелом возрасте.

(Учтем все же, что достаточно большая часть детей, изначально отличавшихся сильной агрессивностью, меняется и становится с годами менее агрессивной.) Эти исследования также показывают, что необычная агрессивность часто представляет лишь один из аспектов общего паттерна антисоциального поведения. Результатом подобного агрессивного поведения в детстве (хотя это и не неизбежно) может стать судимость и заключение в тюрьму, когда такие дети становятся взрослыми.

Далее в этой главе исследуется личность людей с высокой степенью агрессивности. Продолжая введенное мной разграничение между инструментальной и эмоциональной (или враждебной) агрессией, я полагаю, что будет полезно дифференцировать людей, чья агрессия в основном инструментально направлена, и тех, кто отличается сильной агрессивностью, потому что эмоционально очень реактивны в провоцирующих агрессию ситуациях. Есть основание считать, что многие школьные хулиганы отличаются главным образом инструментально направленной агрессией, так как цель их агрессии, как правило, установление превосходства и контроля. Этот вид агрессии часто проявляют люди с антисоциальным типом личности, описанным в психиатрических справочниках. Их агрессия также содержит значительный компонент инструментальной направленности. В данной главе уделено внимание и психопатической личности. Несмотря на то что многие специалисты всерьез обеспокоены слишком свободным применением данного понятия, исследования показывают, что при использовании соответствующих критериев можно устанавливать достоверный диагноз психопатии. По мнению Хейра, создателя широко известной шкалы психопатии, агрессия психопатов чаще всего носит инструментальный характер и стимулируется возможнос-

тью получения некоторой выгоды, а не вспышкой эмоций. Кратко суммируется анализ психопатической личности Ньюмена.

Затем для подтверждения существования эмоционально-реактивных агрессоров приводятся работы Доджа и Коя. В соответствии с анализом склонных к насилию личностей Доджа и на основании его концепции обработки информации, данное исследование обнаружило, что дети с эмоционально-реактивной агрессивностью 1) чаще всего приписывают другим враждебные намерения, когда неясно, почему те действовали именно таким образом, и 2) склонны верить в то, что агрессия — это подходящая и даже желательная реакция на действия, воспринимаемые как враждебные. Соглашаясь с такими выводами, я делаю предположение о том, что формулировку Доджа следует расширить. Можно признать, что эмоционально-реактивные агрессоры, как правило, приходят в сильное возбуждение и им часто недостает способности сдерживать свои агрессивные реакции.

Глава завершается рассмотрением эмоционально-реактивной агрессии личности А-типа. Основываясь на оригинальных наблюдениях Фридмана и Розенмана, более поздние работы показывают нам, что люди, имеющие личность А-типа, подвержены тромбозу коронарных сосудов сердца, потому что они легко раздражаются, когда считают, что им бросают вызов, угрожают, или когда они находятся в стрессовой ситуации. Два психологических эксперимента показывают, что личности типа А склонны вести себя агрессивно, когда они фрустрированы или оскорблены, даже если их агрессия не принесет им никакой пользы и выгоды.

Глава 6

РАЗВИТИЕ СКЛОННОСТИ К НАСИЛИЮ

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ И СВЕРСТНИКОВ НА РАЗВИТИЕ АГРЕССИВНОСТИ

Опыт переживаний детства. Семья может влиять на развитие антисоциальных диспозиций. Прямые влияния на развитие агрессивности. Вознаграждение за агрессию. Неблагоприятные условия, создаваемые родителями. Непрямые влияния. Конфликт в семье. Влияние моделирования.

В главе 5 было показано, что некоторые люди имеют устойчивую склонность к насилию. Используют ли они агрессию для достижения своих целей, то есть инструментально, или просто взрываются приступами сильнейшей ярости, но такие люди ответственны за немалую долю насилия в нашем обществе. Более того, многие из них проявляют свою агрессивность в самых разнообразных ситуациях и в течение многих лет. Каким образом они становятся столь агрессивными?

На этот вопрос не существует единственного ответа. Склонность к насилию может быть результатом целого ряда различных влияний. В их числе недостаток любви и нежных чувств со стороны матери и отца, жесткость и непоследовательность родителей в применении воспитательных воздействий в ранние, формирующие годы ребенка, наследственность и неврологический базис, уровень стрессовых состояний и то, в какой степени ребенку удается или не удается реализовать свои личные стремления. Не менее важны связанные с агрессией установки и ценности, превалирующие в данном сегменте общества, то, как часто ребенок видит других людей, использующих агрессию для решения своих проблем (в реальной жизни и/или в кино и на телеэкране), и как он научился понимать социальный мир. Нет единственного источника агрессивных наклонностей, как нет и одного пути развития агрессивного характера.

Вместо того чтобы рассматривать все факторы, влияющие на развитие устойчивой агрессивности, в этой главе я сосредоточиваю внимание на роли семьи и сверстников, особенно в период детства. Специалисты в области психического здоровья давно уже рассмат-

ривали семью и как «кузницу», в которой выковывается индивидуальный характер, и как главный источник антисоциальных наклонностей. Первопроходцами в этой области стали У. Хейли и А. Броннер. На основе проведенного в 1926 году исследования около 2000 малолетних преступников они доказали, что родители оказывали столь сильное влияние на развитие преступности, что детей следовало убрать из «плохих домов» (Healy and Bronner, 1926, см. также: McCord, 1986, p. 343). Многие согласились бы с этим и сегодня. Тем не менее моя сосредоточенность на семье не означает, что агрессивные личности с необходимостью формируются лишь под ее влиянием в результате определенного обращения с детьми их матерей и отцов.

Хотя агрессивность ребенка может сохраняться годами, я не считаю, что паттерны склонного к насилию индивида *всегда* фиксируются в начале жизни. Многие люди могут в ходе взросления изменить свои формы поведения, по крайней мере до определенной степени[1]. Я также не считаю, что дети вообще настолько хрупки и легко поддаются негативным воздействиям своих родителей. Обобщая сотни исследований и анализируя опыт, накопленный за долгие годы научной работы, детский психолог Сандра Скарр уверяет нас, что «человеческий организм удивительно эластичен в отношении вредоносных воздействий... Лишь наиболее глубокие и постоянно действующие негативные переживания оказывают устойчивые негативные влияния на развитие» (Scarr, Phillips & McCartney, 1990, p. 27). Знакомясь с содержанием данной главы, читателю следует иметь в виду эту адаптивность человеческой личности. Матери и отцы вовсе не обязательно превращают своих сыновей в преступников, время от времени фрустрируя их или отшлепав за какие-то провинности, при условии взаимопонимания с ними, последовательности в дисциплинирующих воздействиях и, прежде всего, если обычно они проявляют к ним теплые и нежные чувства. Высокоагрессивные личности чаще всего — это продукт постоянных и сильных неблагоприятных воздействий.

С самого начала я должен отметить, что в главе 6 речь будет идти почти исключительно о мужской агрессивности, так же как в главе 5 рассматривалась идентификация высокоагрессивных *лиц мужского пола*. Женская агрессия, разумеется, при этом не игнорируется как

---

[1] В качестве лишь одного примера: только около 59% из 93 высокоагрессивных мальчиков 8–10-летнего возраста, охваченных кембриджским лонгитюдным исследованием, были квалифицированы как крайне агрессивные в период ранней юности и даже еще меньше (40%) оказались самыми агрессивными в период ранней юности. См.: Farrington, 1978; West and Farrington, 1977).

реальное явление. Некоторые женщины даже особенно склонны физически атаковать тех, кто провоцировал их гнев. Однако, как будет показано в главе 12, агрессия более характерна для мужчин, чем для женщин, и большинство исследований агрессии проводилось на лицах мужского пола. Лишь относительно небольшое число исследований было направлено на изучение развития женской агрессивности. Необходимо более обстоятельно исследовать истоки устойчивой агрессивности у женщин, так как тенденции причинять вред и атаковать других у мужчин и у женщин могут развиваться по-разному.

Наконец, из этой главы читатель узнает, что устойчивая агрессивность иногда индексируется антисоциальными способами поведения. Данные, проанализированные в главе 5, свидетельствуют о том, что склонные к насилию мужчины и мальчики способны нарушать законы общества и глубоко укорененные социальные нормы, как если бы сильно выраженные агрессивные наклонности составляли лишь только один из компонентов явно антисоциального характера. Юноши, допускающие серьезные нарушения закона, по всей вероятности, гораздо агрессивнее, чем большинство их сверстников.

ОПЫТ ПЕРЕЖИВАНИЙ ДЕТСТВА

СЕМЬЯ МОЖЕТ ВЛИЯТЬ НА РАЗВИТИЕ АНТИСОЦИАЛЬНЫХ ДИСПОЗИЦИЙ

Множество исследований свидетельствует о влиянии семьи на развитие антиобщественных наклонностей. Я начну с обзора некоторых статистических данных, представленных У. и Дж. Маккорд. Читателю может быть интересно узнать предысторию этих исследований, так как я не раз буду обращаться в этой главе к их данным.

Как раз перед началом Второй мировой войны в Бостоне, Массачусетсе, а также в предместьях Кембриджа и Сомервиля был проведен эксперимент с целью определить, можно ли при помощи социальной работы с семьями ослабить антиобщественные тенденции у подростков из рабочей среды. В период между 1939 и 1945 годами исследованием было охвачено около 230 детей в возрасте от 5 до 13 лет. Данных, свидетельствующих о том, что подобная социальная работа может редуцировать подростковую преступность, получено не было[1]. Тем не менее, надеясь, что из протоколов социальных работников все же можно извлечь какую-то пользу, авторы исследования проследили дальнейшую историю жизни этих детей и подростков в период от 1975 до 1979 годов. Прежде всего Маккордов интересо-

---

[1] Кембридж-Сомервильский проект и его результаты описаны в: Powers and Witmer (1951).

вал вопрос, позволяют ли семейные условия жизни этих людей в детские годы прогнозировать вероятность того, что они станут выраженно агрессивными и антисоциальными личностями.

Не вдаваясь в детали исследования, я хочу лишь отметить, что авторы выявили явное влияние обращения родителей со своими сыновьями на вероятность того, что во взаимодействиях со сверстниками и учителями мальчики станут теми, кого я называю эмоционально-реактивными агрессорами. Семейные условия, таким образом, в немалой степени определяют, с какой готовностью и как часто подростки ведут себя агрессивно, сталкиваясь с противодействием или угрозой. Джоан Маккорд позже еще раз проанализировала отчеты социальных работников с тем, чтобы определить, связаны ли воспитательные методы, применявшиеся родителями до окончания подросткового возраста детей, с их криминальными действиями в последующие 30 лет. Сложный статистический анализ, данными для которого послужили поведение родителей по отношению к детям и их личностные характеристики, выявил такую связь для почти 75% случаев. Другими словами, по крайней мере для некоторых людей ранний опыт семейного воспитания в значительной степени определяет их дальнейшие жизненные пути и даже может существенно повлиять на шансы стать правонарушителями. На основе своих данных и результатов ряда других исследований, проведенных в нескольких странах, Маккорд пришла к заключению, что воспитание ребенка часто оказывает «длительное воздействие» на развитие антисоциальных наклонностей (J. McCord, 1979, 1986; McCord, McCord & Howard, 1961).

Какие способы воспитания детей способствуют развитию антисоциальных наклонностей?

Какие виды семейных влияний могут иметь такие негативные воздействия? В частности, какие особенности поведения родителей повышают вероятность того, что их сын станет злонравным и антисоциальным типом? Рассмотрение частных случаев показывает, что на эти вопросы не существует простого ответа.

Более тридцати лет назад А. Бандура и Р. Уолтерс интервьюировали родителей 52 мальчиков из Калифорнии с целью изучения истоков подростковой агрессивности. Среди прочего они спрашивали матерей и отцов, побуждают ли те своих сыновей драться. Одна из опрашиваемых женщин рассказывала, как ее муж учил сына давать сдачи, когда ребенку было 6 или 7 лет:

Все мальчишки задиристые и драчливые, а он не дерется никогда. Его сестре всегда приходится драться вместо него... И вот однажды мой муж смотрел в окно и увидел, как двое мальчишек били его [Глена]. Тог-

да муж снял свой ремень, вышел на улицу и сказал: «Послушай, ты каждый раз приходишь домой и плачешься: "Он меня поколотил". Так вот, Глен, я хочу тебе кое-что сказать. Ты сейчас побьешь этих мальчишек, или я тебя выпорю». Так он заставил его подняться на ноги и драться с обоими мальчишками (Bandura & Walters, 1959, p. 107).

Этот рассказ гораздо показательнее, чем видится на первый взгляд. Ведь кто-то, быть может, подумает, будто родители были правы, так как они беспокоятся за Глена: «Мальчик должен уметь постоять за себя». Неважно, в какой степени вы соглашаетесь с политикой родителей «агрессия за агрессию», но то, что они заставляют Глена драться, может иметь такие последствия, которые вряд ли вам понравятся: представьте себе ребенка, который научился прибегать к насилию всякий раз, когда у него возникают проблемы в отношениях с окружающими. Однако нельзя забывать, что способствовать развитию агрессивности у ребенка может целый ряд факторов. В этой главе будут рассмотрены некоторые основные особенности семейной среды, которые оказывают наибольшее влияние на развитие склонности к насилию.

Я начну с краткого обсуждения прямых позитивных влияний, которые не только поощряют людей атаковать других, но и порождают тенденцию сохранять и закреплять этот тип поведения, тем самым становясь негативными факторами, способствующими формированию агрессивности как устойчивой черты характера. А закончу я кратким обзором некоторых непрямых влияний, которые также могут вносить свой вклад в формирование этого поведенческого паттерна.

❐ **Кое-что, что следует иметь в виду.** Я должен предупредить читателя о том, что эта глава может в какой-то мере ввести в заблуждение, если читать ее не слишком внимательно. В ней используется метод анализа, который иногда называют подходом с «одной переменной» (single-variable), и, таким образом, в большинстве разделов воздействие тех или иных факторов, таких, как вознаграждения, получаемые детьми от родителей за агрессивное поведение, или применяемые родителями наказания, будет рассматриваться по отдельности. Вспомним, как воспитывал Глена его отец; он, вероятно, не только побуждал мальчика драться, но также вознаграждал (по крайней мере, похвалой), когда тот дрался, и был готов побить его, если бы Глен не подчинился отцовским требованиям. Любое из этих воздействий само по себе могло бы, разумеется, усилить агрессивность Глена. Однако влияние любого из факторов может зависеть от ряда других условий. Например, полученные Маккорд данные, в частности, показывают, что даже если бы мать Глена часто отвергала его, мальчик не обязательно стал бы антисоциальным типом. Благопри-

ятный исход мог произойти при условии, что воспитательные воздействия матери были бы ясными и последовательными. Выдающийся английский детский психиатр М. Руттер в своем обзоре влияний материнской депривации подчеркивал важность подхода «со многими переменными» (multiple-variable). Исследования показали, писал Руттер, что «не сепарация сама по себе, но сепарация плюс другие факторы риска, например семейный стресс, — вот что ведет к антисоциальному поведению» (см.: Scarr, Phillips and McCartney, 1990, p. 28).

❐ **Отдельные переменные как возможные факторы риска.** Тем не менее небесполезно рассмотреть возможные следствия любого вида родительских воздействий, поскольку мы можем оценивать каждое из таких воздействий (например, отвергание ребенка со стороны матери) как *фактор риска*. Фактор риска может повысить вероятность дальнейшего антисоциального поведения, даже если на нее влияют другие условия (например, ясность родительских требований). То же самое можно сказать и о других аспектах воспитания детей. Удивительно, но меньше половины подростков, которых били матери и/или отцы, вырастая и становясь сами родителями, также бьют своих детей (см.: Widom, 1989). Это не означает, что грубые физические наказания *вообще* не влияют на развитие агрессивных наклонностей. Они могут являться лишь одним из многих факторов, а их влияние порой смягчается воздействием других условий. Как курение является фактором риска в развитии рака легких и болезней сердца, так жестокое обращение родителей с детьми может быть фактором, повышающим вероятность формирования агрессивности и антисоциальных наклонностей.

ПРЯМЫЕ ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ АГРЕССИВНОСТИ

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ЗА АГРЕССИЮ

Некоторые из тех, кто склонны к насилию, продолжают быть агрессивными в течение многих лет потому, что получали вознаграждение за свое агрессивное поведение. Они часто атаковали других людей (по сути, «практиковались» в этом), и оказывалось, что агрессивное поведение всякий раз приносит им те или иные выгоды, окупается.

Мы все понимаем, что вознаграждаемое поведение закрепляется, но вы можете не знать, сколь сильными и глубокими бывают эффекты вознаграждений и какие именно условия закрепляют агрессивное поведение. В этом разделе я проанализирую значение различных видов вознаграждений, от наиболее до наименее очевидных.

Вознаграждения могут влиять на поведение двумя способами: 1) выполнять роль *мотива*, побуждающего к действию, и 2) выступать в качестве *закрепляющего фактора*, служащего поддержанию определенного типа поведения. В первом случае мы предвосхищаем удовольствие, которое будем переживать, получив вознаграждение, и это побуждает нас делать то, что, по нашему мнению, необходимо для получения желаемого результата. Глен мог расценивать одобрение своего отца как вознаграждение. Желание заслужить похвалу и любовь отца давало Глену мотив побить мальчишек, которые на него нападали. Так как агрессия стимулировалась надеждой получить внешнее вознаграждение – одобрение отца, то можно расценивать поведение мальчика как инструментальную агрессию.

С другой стороны, когда отец Глена похвалил сына за то, что тот побил нападавших на него мальчишек, эта родительская похвала могла автоматически усилить тенденции мальчика реагировать на провокации агрессивно, тем самым подкрепляя и сохраняя агрессивность Глена. В качестве подкрепления вознаграждение способствует более или менее безотчетному усвоению агрессивных реакций на определенные виды ситуаций и, таким образом, повышает вероятность того, что агрессивное поведение будет повторяться.

При дальнейшем обсуждении больше внимания я уделю вознаграждениям, выступающим в качестве подкрепления, поскольку большинство читателей менее знакомы с автоматическими, закрепляющими влияниями позитивных результатов поведения, чем с проблемами мотивации, и я хотел бы исправить это положение дел. Важны и тот и другой эффекты вознаграждения. Мы склонны вновь и вновь повторять действия, приводившие ранее к желательным последствиям, иногда сознательно предвосхищая получение подобных позитивных результатов, а иногда потому, что поведенческая тенденция стала привычной.

Вознаграждения, получаемые не от жертвы, а от других людей

❒ **Одобрение тех, кто воспитывает.** *Повышение вероятности непосредственно вознаграждаемого поведения.* Психологи многократно продемонстрировали, как вознаграждения повышают вероятность того, что вознаграждаемое действие будет повторяться. Например, в эксперименте Дж. Дэвитц, проведенном двумя поколениями ранее, было показано, как вознаграждения, получаемые от тех, кто воспитывает, влияли на вероятность прямой агрессии в ответ на фрустрацию.

Группы из четырех подростков каждая проходили сначала через серию тренировочных занятий, во время которых они получали похвалу за определенные виды поведения: в одной группе – за агрес-

сивные реакции, а в другой — за конструктивную игру и кооперативное поведение. Когда в дальнейшем испытуемых фрустрировали, то те, кого во время тренировочных занятий вербально вознаграждали за их агрессивные действия, проявляли большую агрессивность, а подростки, получавшие одобрение за кооперативные действия, менее агрессивно реагировали на фрустрирующие воздействия (см.: Davitz, 1952).

Другими словами, соответствующим образом применяемые вознаграждения могут модифицировать естественные склонности подростков к агрессивной реакции на фрустрирование. Вознаграждения за конструктивное поведение могут понизить шансы на то, что ребенок будет совершать насильственные действия, а вознаграждения за агрессивное поведение — повысить вероятность агрессии.

Вознаграждение ассоциированных поведенческих актов. Вознаграждения могут оказывать и более широкое влияние. Отец Глена мог выработать у своего сына генерализованное агрессивное реагирование, хваля его каждый раз, когда тот давал сдачи своим противникам (до тех пор, пока агрессия мальчика не имела никаких неприятных последствий для самих родителей). Он не стремился превратить своего сына в задиру или хулигана, а только хотел, чтобы мальчик «стал мужчиной», чтобы мог постоять за себя и не позволять другим мальчишкам «помыкать им». Однако, поощряя своего сына давать сдачи и хваля его за это, отец тем самым учил Глена действовать агрессивно и в тех случаях, когда на него не нападали. На самом деле вознаграждения порой имеют гораздо более глубокое влияние, чем кто-то мог бы подумать. Они могут усиливать не только намеренные действия, но также другие тенденции того же общего характера.

Генерализация влияния вознаграждений была продемонстрирована в эксперименте с семилетними канадскими школьниками. В этом исследовании Р. Уолтерс и М. Браун попытались выяснить, возможно ли посредством систематического подкрепления притворной (make-believe) агрессии в игре, когда дети атакуют игрушку, повысить вероятность реальной агрессии в других ситуациях. Во время двух занятий каждый из испытуемых практиковался в серии «учебных упражнений», нанося удары большой пластиковой кукле Бобо. Для «тренинга агрессии» были созданы три различные ситуации. В одной группе мальчики получали мраморный шарик каждый раз, когда наносили кукле удар (постоянное вознаграждение). В другой группе шарики выдавались лишь после каждого шестого нанесенного удара (перемежающееся вознаграждение). Мальчики третьей группы вообще не получали никакого вознаграждения. Кроме этих трех была еще и четвертая, контрольная группа, которая не имела контакта с куклой Бобо.

Через два дня после второго тренировочного занятия исследователи стали показывать детям интересный кинофильм. При этом со-

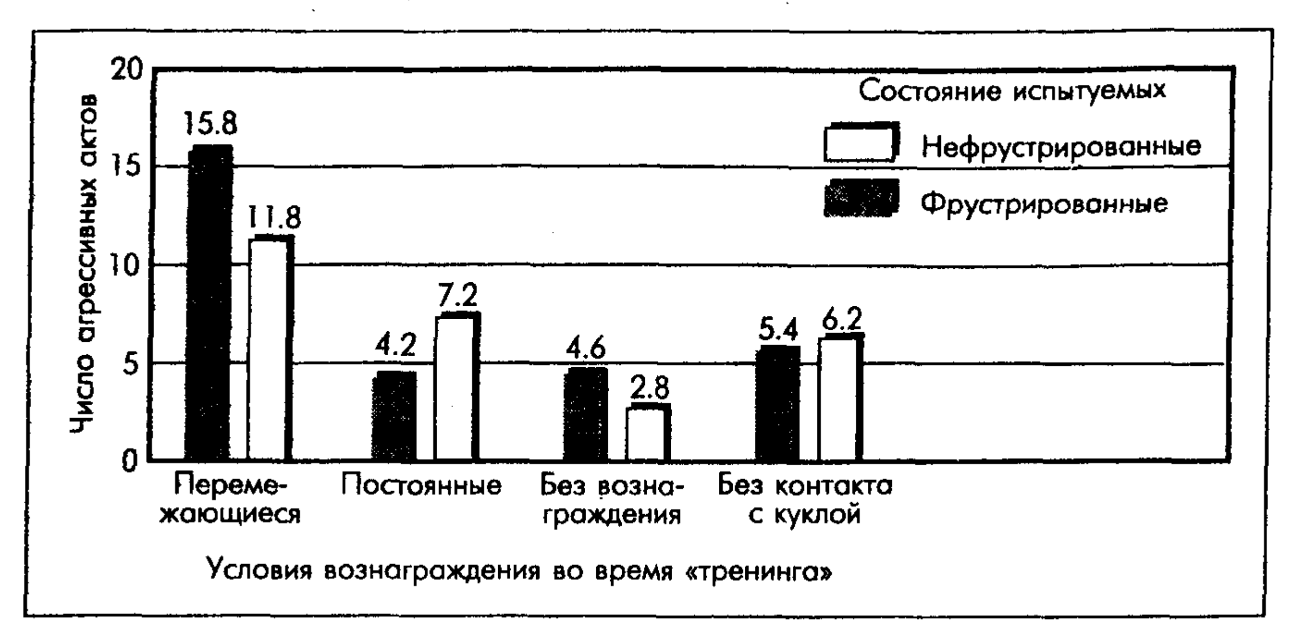


Рис. 6-1. Среднее число агрессивных реакций во время соревновательных игр (Walters and Brown. 1963)

здавались две различные ситуации — фрустрирующая и нефрустрирующая. Одним детям позволялось смотреть фильм до конца, в то время как другие, якобы из-за поломки проектора, смогли посмотреть фильм только до середины. Непосредственно после этой экспериментальной процедуры каждого приглашали играть в две соревновательные игры с другим мальчиком того же возраста, а за игрой следили взрослые, не знавшие, из какой группы был испытуемый. Наблюдатели фиксировали каждое агрессивное действие, совершаемое мальчиками. Я представлю результаты измерения, которые основывались на подсчете количества нанесенных каждым мальчиком ударов, пинков, толчков и т. п.

Исходя из того, что уже было известно психологам о процессах научения, Уолтерс и Браун предсказывали, что те испытуемые, которые получали вознаграждение во время «тренингового» сеанса игры с куклой не постоянно, а лишь после каждого шестого удара (перемежающееся вознаграждение), будут с наибольшей вероятностью переносить результат своего научения в последующую, соревновательную ситуацию. Вы можете видеть из результатов, представленных на рис. 6-1, что данное предсказание подтвердилось. Во время соревновательной игры мальчики из этой группы были более агрессивными по отношению к партнеру, чем все остальные испытуемые. Получая вознаграждение за агрессию, — притом, что вознаграждения выдавались достаточно редко и лишь за «игровую» агрессию, — они становились более агрессивными в последующей, более реалистической ситуации.

Интересно, что, как мы видим из рис. 6-1, фрустрированные мальчики из группы, получавшей перемежающееся вознаграждение, были

самыми агрессивными из всех испытуемых. Только что пережитое неприятное состояние фрустрации увеличило их готовность выплеснуть накопившуюся агрессивность, за которую они получали перемежающиеся вознаграждения[1].

Таким образом, побуждая своего ребенка драться, родители могут получить нечто большее, чем то, чего они хотели. Желая всего лишь научить детей наносить обидчикам ответный удар, они, не отдавая себе в том отчета, фактически могут подкреплять их агрессивные действия в самом широком диапазоне. Чтобы ограничить этот эффект, родители должны удостовериться, что их дети понимают: драться следует только в строго определенных ситуациях и существует большая разница между тем, когда человек должен постоять за себя, и другими видами агрессивных действий. И даже тогда родители должны сознавать, что рискуют повысить общие агрессивные наклонности своих отпрысков, побуждая их давать сдачи.

❑ **Вознаграждения, получаемые от сверстников.** Родители — не единственные, кто определяет процесс социализации ребенка, даже и в раннем возрасте. Друзья и знакомые также научают детей, как действовать в определенных ситуациях, выступая в качестве моделей для подражания и вознаграждая принятием или явным одобрением, когда те ведут себя так, как эти люди считают правильным.

Влияние группы и банды. Нет ничего удивительного в том, что подростки особенно восприимчивы к влиянию сверстников. Стремясь быть признанными в этой среде, они часто ищут компании других подростков, которые могли бы их оценить. Такое стремление еще сильнее проявляется у тех детей, которые склонны часто затевать драки со сверстниками. Задиристость и агрессивность этих воинственных мальчишек может отталкивать большинство их одноклассников, но чаще всего они находят себе друзей — других агрессивных подростков и поддерживают друг друга (Cairns, Cairns, Neckerman, Gest & Gariepy, 1988). Общение и предпринимаемые совместно действия укрепляют их общие интересы и установки и усиливают антисоциальные наклонности. Эти дружеские отношения могут способствовать конфликтам, возникающим со взрослыми. Будучи индивидуально относительно бессильными, но собравшись вместе, агрессивные подростки могут угрожать социальному порядку, особенно в школах. Учителя и воспитатели поступали бы правильно, при любой возможности разбивая подобные группы.

---

[1] См.: Walters and Brown (1963). На основе приведенных в этой работе данных я нашел, что в группе фрустрированных и нерегулярно вознаграждаемых испытуемых было значительно больше агрессивных реакций, чем в группе нефрустрированных и нерегулярно вознаграждаемых ($p = .05$).

Эти замечания особенно справедливы, если речь идет о антисоциальных подростковых бандах (см.: Giordano, Cernkovich & Pugh, 1986). В таких девиантных группах их члены находят себе принятие и статус; здесь они чувствуют свою значимость, в то время как в любом другом месте они ничто. Здесь они находят взаимное подтверждение того, что их общие представления и установки верны и что опасности, которых они страшатся, могут быть преодолены.

Взаимная поддержка играет немаловажную роль в подростковой преступности. Любой девиантный подросток в одиночку может и не отважиться нарушить закон, но вместе с другими членами банды он чувствует себя смелым и решительным. Неудивительно, что довольно большая часть подростковых агрессивных действий, в том числе и насильственных, совершается именно группами подростков, действующих сообща. Причем проявляемая такими группами агрессивность может быть весьма серьезной (см.: Farrington, Berkowitz & West, 1982).

Приверженность групповому кодексу поведения. Влияние банды, разумеется, не ограничивается взаимным усилением установок ее членов или подкреплением их чувства уверенности, статуса и ценности собственной личности. Общаясь друг с другом, подростки устанавливают правила поведения, определяющие, как следует действовать в тех или иных обстоятельствах. Эти общие установки и ценности порой оказывают сильнейшее влияние на индивидуальное поведение членов группы. Они сознают, что в одиночку ли, или находясь вместе с другими, они могут либо заслужить одобрение других членов группы своей приверженностью к ее стандартам, либо быть отвергнуты ими, если не будут соответствовать групповым ожиданиям.

Подростковые банды, склонные к насильственным агрессивным действиям, являют собой яркий пример этого вида социального влияния. Многие группы настаивают на том, что их члены должны быть «круты» в своем самоутверждении и поддержании собственного достоинства. По крайней мере частично подобные требования вызваны сверхценностью, приписываемой «мужественности». Изучающие подростковые банды специалисты из Института исследований преступности в Чикаго пишут в связи с этим следующее:

> *Члены банды подписываются под кодексом личной чести, который акцентирует «маскулинность» и оценивает нарушения межличностного этикета крайне негативным образом. Любое действие или высказывание, ставящее под сомнение «право» члена банды на уважительное обращение с ним, интерпретируются как оскорбление и, следовательно, как потенциальная угроза его «маскулинности». В представлении этих подростков понятие чести центрируется вокруг способности личности добиваться и сохранять уважение со стороны других (Horowitz & Schwartz, 1974, p. 240. См. также: Klein & Maxson, 1989).*

Этот кодекс представляется доведенной почти до абсурда версией того самого принципа, необходимость следования которому пытался внушить Глену его отец: «Настоящий мужчина должен уметь постоять за себя и не позволять другим командовать собой». Важно, однако, отдавать себе отчет в том, что эти групповые нормы не предполагают обязательное отрицание обычных социальных ценностей и не требуют, чтобы члены группы непрестанно вступали в драки с посторонними людьми или друг с другом. Скорее, они лишь определяют желательный образец поведения в тех случаях, когда оспаривается либо оказывается под вопросом «честь» (или идентичность) члена группы: чтобы доказать свою «маскулинность», если его я-концепция оказывается под угрозой, он должен быть «крутым» и наказывать тех, кто его оскорбил[1].

Какова бы ни была природа и порождающие условия агрессивного поведения, но убеждение в его желательности при определенных обстоятельствах выполняет роль как мотива, побуждающего к агрессии, так и подкрепляющего фактора. Подростки, разделяющие подобное убеждение, мотивированы руководствоваться этим кодексом поведения и, как следствие, демонстрируют готовность к насильственной агрессии, если считают, что ставится под сомнение их «честь» (или образ «я», или идентичность). «Практикуя» агрессию, они получают желаемое одобрение других членов группы и, следовательно, их поведение вознаграждается, что, в свою очередь, ведет к повышению шансов повторения подобных действий снова и снова. Разумеется, если члены банды крайне антисоциальны и серьезно отчуждены от общества, они могут одобрять многие формы антисоциального поведения помимо насильственной агрессии. В одном исследовании малолетних правонарушителей было выявлено, что подростки вознаграждались другими малолетними делинквентами за нарушения социальных правил и в той же степени наказывались, когда сверстники считали, что они слишком охотно принимают стандарты представителей власти (Buehler, Patterson & Furniss, 1966).

Вознаграждения, исходящие от жертвы

В случаях, обсуждавшихся выше, агрессоры получали вознаграждение от людей, которые не были непосредственными участниками конфликта или ссоры, обычно от своих родителей и/или сверстников. Иногда же они могут получать удовлетворение от реакций своих жертв.

---

[1] Эрлангер предполагает, что принятый в банде кодекс маскулинности облегчает проявление агрессии лишь при других предрасполагающих к насильственным действиям условиях (Erlanger, 1979 a).

❐ **Негативное подкрепление.** Как я уже неоднократно отмечал, проявляемая нами агрессия чаще всего является реакцией на неприятное положение дел. Особенно сильно мы выходим из себя, если кто-то разозлит нас, и очень часто в таких случаях мы набрасываемся на этого человека, чтобы прекратить его раздражающее воздействие. Вы можете вспомнить из главы 1 мнение некоторых психологов, например Дж. Паттерсона и его коллег, которые считают, что во многих случаях агрессия возникает именно таким образом – как грубая попытка заставить других вести себя менее раздражающе (см., например: Patterson, 1979, 1986).

В течение многих лет исследователи из Центра социального научения в Орегоне стремились определить, как матери, отцы и дети влияют друг на друга в повседневной жизни. Посещая семьи и проводя детальное протоколирование интеракций, они прослеживали характер взаимодействия между членами семейств, последовательности их поступков и реакций в отношении друг друга. Эти психологи даже смогли рассчитать вероятность того, что определенный вид поведения вызовет агрессию другого члена семьи, а также шансы того, что теперь уже это (ответное) поведение приведет в свою очередь к тем или иным реакциям со стороны других членов семьи.

Ниже я буду более подробно обсуждать данные, полученные этими исследователями, а здесь только упомяну один из основных выводов Паттерсона: *семейная агрессия возникает чаще всего из попыток членов семьи контролировать друг друга.* Более того, действия агрессора часто направлены на прекращение раздражающего его поведения жертвы. Хороший (хотя и стереотипный) пример: маленький мальчик, которого дразнит сестра, злится, выходит из себя и набрасывается на нее с кулаками. Если в результате сестра перестает дразнить братишку, изменение ее поведения становится вознаграждением. Используя язык психологии, мы можем сказать, что агрессивное поведение мальчика получило *негативное подкрепление*, ибо его действие привело к избавлению от неприятного (т. е. негативного) положения дел.

Полученная исследователями из Орегона оценка вероятности негативного подкрепления представляет существенный интерес. В наблюдавшихся ими семейных интеракциях, когда подростки вели себя таким же образом, как брат по отношению к сестре в нашем гипотетическом примере, их агрессивное поведение было успешным (т. е. приводило к прекращению раздражающего их поведения других членов семьи) в четырех из каждых десяти случаев. Из этого следует, что значительная часть агрессии, проявляемой детьми в семье, получает негативное подкрепление. Все дети получают подобного рода подкрепления, но высокоагрессивные мальчики особенно часто находят, что их поведение окупается, принося им желаемые

вознаграждения (см., например: Patterson, Dishion & Bank, 1984, а также Perry, Perry & Rasmussen, 1986). Быть может, потому, что другие члены семьи не научились их контролировать, эти мальчики достаточно успешно могли использовать агрессию для достижения своих целей.

Одно из ранних исследований Паттерсона со всей очевидностью продемонстрировало, как негативные подкрепления могут способствовать формированию агрессивного поведения. Мальчикам, которые постоянно становились жертвами агрессивности других мальчишек, были даны некоторые возможности наказать своих обидчиков. Неудивительно, что многие из них воспользовались возможностью отомстить мучителям. Примерно в двух из каждых трех случаев контрагрессия этих мальчиков привела к успеху, избавив их от нападений тех, кто раньше к ним приставал. Дети, которые прежде покорно подчинялись, теперь отвечали агрессией на агрессию, и их поведение окупалось в том смысле, что в результате на них меньше нападали. Однако еще более важно следующее: негативное подкрепление повышает вероятность того, что мальчики в дальнейшем сами будут атаковать других детей, даже и не будучи спровоцированы. Другими словами, чем чаще их контратаки приводили к успеху, тем чаще они *сами проявляли агрессию в дальнейшем*. Вместо того чтобы оставаться миролюбивыми, зная, как неприятно быть жертвой агрессии, в результате своих вознаграждаемых агрессивных действий они становились более агрессивными (Patterson, Littman & Bricker, 1967). Описанный эффект служит еще одним подтверждением того, как трудно удерживать агрессию в узких рамках.

❐ **Страдания и/или неудачи (поражения) жертвы как подкрепление агрессии.** Еще один вид поведения жертвы также приносит вознаграждение агрессору: проявление ею страдания (боли) и/или те или иные неудачи и поражения. Вспомним обсуждение целей агрессии в главе 1. Люди, переживающие негативные эмоции, часто проявляют стремление причинять вред кому-то другому и испытывают определенное удовлетворение от того, что жертва их намеренной агрессии испытывает страдание[1]. В контексте настоящего обсуждения особенно важным представляется то, что информация о причиненном жертве страдании может подкреплять тип поведения, который приводит к получению этой информации (см. также: Feshbach, Stiles & Bitter, 1967).

Ричард Себастьян провел эксперимент, в котором изучались реакции фрустрированных людей на страдания их мучителей. Некоторые из мужчин — участников этого исследования сначала были

---

[1] Как отмечалось в главе 1, Бэрон (1977) и Сварт и Берковиц (1976) представили доказательства того, что информация о причиненных жертве страданиях может являться вознаграждением для рассерженного человека.

намеренно фрустрированы помощником экспериментатора, а затем им давалась возможность поквитаться с ним, после чего наконец испытуемые получали информацию о том, сколь сильный вред они причинили обидчику. Чем сильнее было якобы причиненное испытуемыми своему мучителю страдание, тем большую радость они испытывали. Вероятно, им нравилось причинять вред человеку, который их фрустрировал. Еще более важные результаты были получены на следующий день, когда испытуемых просили наказывать *другого студента* за его неправильные ответы. Чем больше испытуемые радовались накануне возможности отомстить своему обидчику — помощнику экспериментатора, тем сильнее они наказывали невиновного человека. Таким образом, дело обстоит так, что рассерженные люди, чья агрессия вознаграждалась страданиями их мучителя в первой фазе эксперимента, проявляют затем готовность к агрессивному поведению по отношению к другому — невиновному человеку (Sebastian, 1978). Их агрессивная наклонность была усилена. Использование возможности поквитаться, следуя древнему предписанию «око за око, зуб за зуб», может приносить вознаграждение за агрессию и тем самым способствовать увеличению вероятности дальнейшей агрессии, даже и при отсутствии желания отомстить.

Эти выводы имеют прямое отношение к проводимому мной различению между инструментальной и эмоциональной агрессией. Некоторым людям свойственно постоянно проявлять агрессию, поскольку они научились тому, что агрессивное поведение окупается, предоставляя возможность добиться желаемого результата. Для этих людей агрессия — в основном инструментальное поведение, средство достижения той или иной цели. Поскольку страдание жертвы не является их конечной целью, они не обязательно будут получать от него удовлетворение. Однако, как я подчеркивал в главе 5, есть и такие люди, чьи агрессивные наклонности имеют более эмоциональную основу. Будучи эмоционально возбуждены, они испытывают радость от причинения вреда другим людям и получают удовлетворение, вызывая чьи-либо страдания. Переживаемое ими удовлетворение от причинения страданий кому-то другому может даже усиливать их общую агрессивную диспозицию в различных ситуациях. По меньшей мере маловероятно, чтобы их беспокоила мысль о том, что своим поведением они могут причинить вред кому-то другому (см.: Perry & Busseu, 1977).

НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ УСЛОВИЯ, СОЗДАВАЕМЫЕ РОДИТЕЛЯМИ

Если неприятные чувства действительно порождают побуждение к агрессии, то вполне может быть, что у детей, часто подвергавшихся негативным воздействиям, к подростковому периоду и далее в ходе взросления постепенно развиваются сильно выраженные наклон-

ности к агрессивному поведению. Такие люди могут становиться эмоционально реактивными агрессорами. Для них характерны частые вспышки гнева, они в ярости набрасываются на тех, кто вызывает их раздражение. Считать ли этих людей эмоционально-реактивными или же инструментальными агрессорами, но без сомнения остается верным утверждение о том, что многие дети вследствие крайне неблагоприятных семейных условий действительно становятся склонными к насилию.

❐ **Дурное (жестокое) обращение родителей с детьми часто бывает генерализованным.** Плохое обращение родителей с детьми может быть весьма разнообразным; например, они могут быть холодны и безразличны к своим детям, подвергать их жестоким наказаниям за непослушание, требования к ребенку могут отличаться неясностью и непоследовательностью. Важно иметь в виду, что лишь немногие из таких воспитателей ограничиваются каким-то одним из вариантов плохого обращения, например безразличием, обычно им присуща тенденция к негативному обращению с детьми во многих аспектах. Сурово наказывающие детей матери и отцы, как правило, бывают холодны в отношении к ним и непоследовательны в применении дисциплинирующих методов (Farrington, 1978, Olweus, 1980, Parke & Slaby, 1983). Отец Глена, по-видимому, был очень суров со своим сыном и готов побить его, когда бывал недоволен. Если это так, то существует большая вероятность, что этот человек был не очень-то нежен с ребенком и часто непоследователен в своем обращении с ним.

Данные, опубликованные Д. Ольвеусом из Бергенского университета, Норвегия (о работе которого говорилось в главе 5), иллюстрируют то, как различные формы дурного обращения родителей с детьми действуют в одном направлении и согласованно влияют на развитие агрессивности (Olweus, 1980). В рамках своего исследования школьников Ольвеус интервьюировал родителей 76 подростков в возрасте около 13 лет, живущих поблизости от Стокгольма. Исходя из того, что матери в основном выполняли функцию воспитания и ухода, а отцы были более активны в дисциплинировании детей, оценивался ряд характеристик родителей, включая: 1) *негативизм*, проявившийся матерями, когда мальчикам было меньше пяти лет (т. е. насколько негативными, холодными, безразличными они были по отношению к детям), 2) *пермиссивность в отношении агрессии*, т. е. насколько они позволяли детям быть агрессивными, и 3) степень, в какой оба родителя применяли *жесткие, суровые дисциплинирующие* наказания для осуществления контроля над своими сыновьями. Помимо этого по результатам интервьюирования родителей оцени-

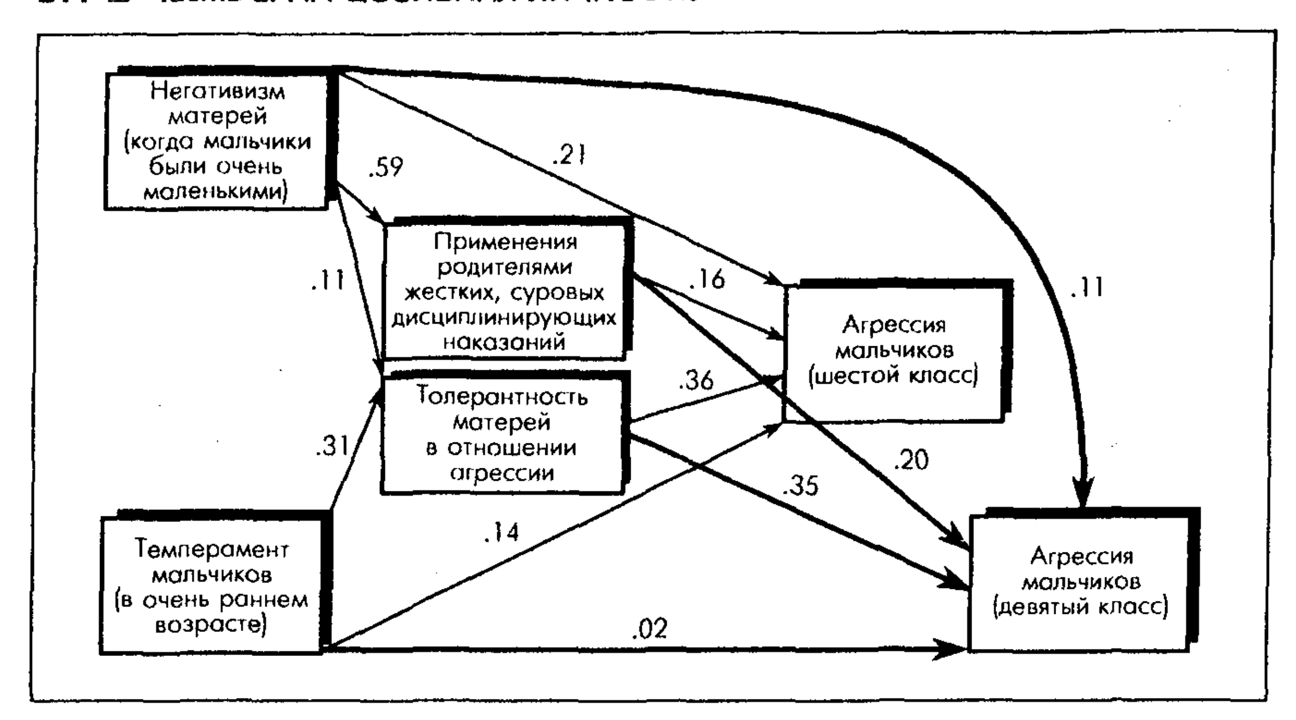


Рис. 6-2. Выделенные влияния на агрессивность шведских мальчиков (учащихся шестого класса и, три года спустя,— девятого класса). Обозначены коэффициенты (бета-веса), указывающие прямое каузальное влияние той или иной переменной при условии постоянства других характеристик (Olweus, 1980).

вался также *темперамент мальчиков*, когда они были еще очень маленькими (главным образом то, насколько вспыльчивыми они были). Агрессивность подростков оценивалась на основе того, как одноклассники описывали их физические и вербальные агрессивные действия по отношению к сверстникам и учителям. Данные о проявлениях агрессивности в школе собирались дважды: когда мальчики учились в шестом классе и три года спустя, в девятом.

Результаты статистического анализа связей между показателями различных измерений (*регрессионный анализ*) представлены на рис. 6-2. Необходимо отметить, что различные характеристики условий воспитания оказались в определенной мере взаимосвязаны. Матери, которые холодно и безразлично относились к своим сыновьям, когда те были очень маленькими, обычно (как и их мужья) были склонны применять к ним жесткие и суровые наказания, когда мальчики становились старше. Далее, быть может вследствие своего часто проявляемого безразличия, матери, которым был свойствен сильно выраженный негативизм, отмечали, что они были достаточно терпимы к проявлениям агрессивного поведения мальчиков в семье (т. е. эти женщины практически не стремились пресекать подобное поведение).

Даже при том, что измеряемые показатели были взаимосвязаны, аналитическая процедура позволяла определить, в какой степени

любая из измеряемых характеристик воспитания дает возможность предсказывать агрессивность мальчиков посредством статистического контроля влияний всех других переменных. Результаты этого анализа также представлены на рис. 6-2. Как можно видеть на этом рисунке, сыновья женщин, которые были холодны и безразличны к ним, когда мальчикам было меньше пяти лет, отличались относительной агрессивностью в школе (шестой класс) с некоторым ее снижением к более старшему возрасту (девятый класс). Аналогично, чем более жестко и сурово родители наказывали своих сыновей, с тем большей вероятностью эти подростки становились агрессивными (что наблюдалось как в шестом, так и девятом классах).

Плохое обращение родителей со своими отпрысками реализуется самыми различными способами, а значит, во многих исследованиях детской агрессивности остается неясным, результатом каких методов воспитания оказывается поведение подростков. Тем не менее в связи с широким интересом к таким вопросам, как безразличие родителей к детям или применяемые ими наказания, и в силу того, что некоторые виды родительского поведения могут быть факторами риска в развитии антисоциальных тенденций, я кратко опишу вероятные последствия некоторых специфических форм воспитания детей.

❐ **Отвергание родителями детей.** Родительское отвергание, очевидно, болезненно для маленьких детей, и потому не вызывают удивления полученные в исследованиях данные, свидетельствующие о том, что очень агрессивные мальчики имеют холодных и безразличных в отношении к ним родителей[1]. Например, по данным Маккордов и Ховарда, матери и отцы агрессивных подростков из их выборки в общем были менее теплыми и любящими по отношению к своим

---

[1] Как показано в ряде исследований, родительское поведение оценивалось приблизительно в то же самое время, что и агрессивность детей, а это означает, что мы не можем быть уверены в том, было ли обусловлено поведение ребенка воспитательными воздействиями или же само воспитание было главным образом реакцией родителей на поведение ребенка. Как отмечали Парк и Слэби (1983), специалисты в области психологии развития все в большей степени осознают, что воспитание ребенка – интерактивный процесс и не обязательно протекает в одном направлении; поведение детей может оказывать большое влияние на то, как с ними обращаются взрослые. Тем не менее ради простоты при дальнейшем изложении материала я буду считать, что действия родителей в основном определяют поведение их отпрысков. Эта посылка представляется верной для многих случаев, т. к. 1) в ряде исследований воспитание детей описывалось до того, как оценивалось их поведение, и 2) даже если характер воспитания и поведение детей оценивались параллельно, выявленная зависимость была такой же, как и в тех случаях, когда поведение родителей определенно предшествовало агрессивности детей.

сыновьям по сравнению с родителями неагрессивных детей. Джоан Маккорд выявила, что половина из тех, кто в детстве были отвергаемы нелюбящими родителями, когда стали взрослыми, оказались осуждены за серьезные преступления, даже если их не подвергали физическим наказаниям. Другими учеными были получены сходные результаты (J. McCord, 1983; McCord, McCord & Howard, 1961).

Данные различных исследований достаточно хорошо согласуются. Необходимо, однако, помнить, что антисоциальные последствия родительского отвержения могут быть сглажены другими влияниями. Так, например, в проведенном в Массачусетсе исследовании было выявлено, что безразличные, нелюбящие матери не оказывали заметного влияния на формирование преступных наклонностей у их сыновей, если эти женщины были уверенными в себе и последовательными в применении дисциплинирующих воздействий (см.: J. McCord, 1986, p. 352). Холодные, но последовательные матери, очевидно, четко определяли свои требования к сыновьям, а сыновья хорошо усваивали эти требования и нормы поведения (возможно, в силу того, что они были очень неуверенными и чувствовали сильную зависимость от родителей). По-видимому, у отвергаемых подростков открытая агрессивность развивается главным образом в тех случаях, когда отсутствуют четкие внутренние стандарты, которые могли бы служить им ориентирами для усвоения социально одобряемых форм поведения. Таким образом, не родительская холодность и безразличие сами по себе обусловливают развитие антисоциальных тенденций, но родительское отвергание в сочетании с другими негативными влияниями.

□ **Грубое (жесткое) обращение родителей с детьми.** Взрослые, разумеется, могут причинять страдания своим отпрыскам как дурным обращением, так и игнорированием их. Неудивительно, что в семьях, где к детям применяются грубые и суровые наказания, с большой вероятностью вырастают агрессивные и антисоциальные подростки. Я упомяну лишь некоторые данные, подтверждающие эту связь.

Прежде всего, рассмотрим результаты, полученные в исследовании, проведенном Маккорд и ее коллегами в рамках Массачусетского проекта. Около 20% из числа тех лиц, с которыми в детстве обращались грубо или жестоко, были осуждены за серьезные преступления к тому времени, когда они становились взрослыми, в то время как число осужденных за аналогичные преступления из тех, кого родители любили, составило только 11%. Фаррингтон сообщал схожие данные, полученные в исследовании подростков, проведенном им в рамках Кембриджского лонгитюдного проекта. Хотя лишь для небольшого числа этих лондонских подростков из рабочих семей было выявлено насилие со стороны взрослых, для родителей тех из них, которые совершали преступления, связанные с насилием, как

правило, были характерны «жестокие аттитюды» и применение суровых дисциплинирующих наказаний[1].

Данные статистики относительно насилия в американских семьях также отражают процесс, в котором насилие порождает насилие. Согласно результатам интервьюирования членов неблагополучных семей, чем больше родители бьют своих детей, тем чаще они нападают не только на братьев и сестер, но и на родителей[2].

Крайне агрессивные подростки, очевидно, особенно склонны реагировать агрессивно, когда их бьют матери или отцы. Дж. Рейд, психолог из Центра социального научения в Орегоне, подтвердил это результатами статистического анализа семейных интеракций. В обследованной им выборке приблизительно лишь в одном случае из семи нормальные дети реагировали на пунитивные действия своих родителей с некоторой степенью агрессивности. В случае же подростков, которым свойственно асоциальное поведение, вероятность агрессивного реагирования была значительно выше (около 35%), и составила более 50% в выборке антисоциальных детей, подвергавшихся жестоким наказаниям со стороны родителей (Patterson, Dishion and Bank, 1984).

На основе этих и других данных Паттерсон сделал вывод: «Антисоциальные мальчики с существенно большей вероятностью, чем нормальные дети, будут оставаться агрессивными в условиях применения родителями умеренных наказаний». Равно важно и то, что агрессивное реагирование проблемных подростков не только становится привычным для них, но и окупается, т. е. оказывается вознаграждаемым. Ибо, как правило, с достаточно высокой вероятностью они получают то, чего добиваются. Их агрессия вознаграждается, что ведет к повторению агрессивных действий и закреплению агрессивного поведения (Patterson, Dishion & Bank, 1984).

Насколько эффективно применение наказаний в дисциплинировании детей?

❐ **Всякое ли «утверждающее власть» дисциплинирование плохо?** Следует ли из приведенного выше исследования, что родители никогда не должны физически наказывать своих детей, даже если подростки явно и вызывающе не подчиняются их требованиям? Мнения специалистов, занимающихся проблемами развития и воспитания детей, по этому вопросу расходятся. В то время как одни из

---

[1] Данные Массачусетского исследования сообщаются в: McCord (1983, 1986), а данные Кембриджского лонгитюдного исследования представлены в: Farrington (1989 a, b); West and Farrington (1977).

[2] Более подробно я расскажу об этом в главе 8, «Насилие в семье». См. также: Straus, Gelles & Steinmetz (1980); Erlanger (1979 b).

них считают, что в определенных ситуациях применение физических наказаний допустимо, другие настаивают на том, что матери и отцы никогда не должны бить своих детей, пытаясь контролировать их поведение[1].

Специалисты, решительно выступающие против физических наказаний, фактически имеют в виду любое использование наказания в качестве *утверждающего власть* (power-assertive) метода воспитания ребенка, посредством которого воспитывающий стремится с помощью силы добиться своей цели. С этой точки зрения, силовые методы, по-видимому, нежелательны, ибо порождают скорее упрямство и агрессию, а не принятие моральных стандартов общества. Рассмотренные выше данные как будто бы говорят в пользу этого заключения, но давайте посмотрим более внимательно на результаты этих исследований и выясним, о чем они на самом деле свидетельствуют. В большинстве обсуждавшихся в этой главе исследований фактически не изучались последствия какого-либо отдельного вида родительского поведения. Применяемые родителями наказания, которые оценивались исследователями, во многих случаях смешивались с другими факторами. Вспомним о том, что многие матери и отцы, применяющие суровые физические наказания, были, кроме того, холодны и безразличны к своим детям, временами даже явно враждебны к ним, не уделяли им внимания и часто проявляли непоследовательность или попустительство в воспитании своих отпрысков. В классическом исследовании Р. Сирса, Э. Маккоби и Г. Левина было показано, что родители, применяющие грубые физические наказания, не только довольно часто били своих детей, но также были непоследовательными и временами даже допускали чрезмерное попустительство (Sears, Maccoby and Levin, 1957). В исследовании, проведенном учеными Орегона, также было выявлено, что родительская пунитивность смешивается с другими качествами. Как неоднократно подчеркивал Паттерсон, матери и отцы обследованных им и его сотрудниками проблемных детей были не только чрезмерно пунитивными, но и отличались *низкой* эффективностью в воспитании дисциплинированности у своих детей. Они не были достаточно избирательными и последовательными в выборе действий, за которые награждали или наказывали, и постоянно и без разбору придирались, ругались и угрожали своим детям (Patterson, 1986 a, 1986 b; Patterson, Dishion and Bank, 1984; Patterson, DeBaryshe and Ramsey, 1989).

Выводы очевидны: негативные эффекты, приписываемые применению родителями наказаний, в действительности могут быть обус-

---

[1] Обстоятельное обсуждение возможных влияний наказания на развитие ребенка приводится в: Berkowitz (1973 a); Hoffman (1970); Parke and Slaby (1983); Walters and Parke (1967).

ловлены, по крайней мере частично, не наказанием как таковым, но непоследовательностью, отсутствием избирательности, излишне суровым и/или неразумным наказанием. Важно учитывать также различие между эмоциональной родительской агрессивностью и хорошо контролируемым использованием физических наказаний. Существует огромная разница между импульсивным ударом кулаком или ремнем и хладнокровной, намеренной пощечиной или подзатыльником. Не все предположительно утверждающие власть методы подобны один другому (Baumrind, 1973). При соответствующих обстоятельствах матери или отцы могут эффективно использовать физические наказания в дисциплинировании своих детей, не вызывая у них устойчивой тенденции к агрессивности. Не каждая порка обязательно становится шагом в развитии подростковой преступности.

❐ **Непоследовательность в применении воспитательных воздействий.** Как я уже отмечал, многие пунитивные родители отличаются в то же время и непоследовательностью в применении воспитательных воздействий. В этой связи представляется полезным учитывать различения, предлагаемые Р. Парком и Р. Слэби. В своем обзоре исследований, посвященных развитию агрессивности, эти авторы дифференцируют интрасубъективную (intragent) и интерсубъективную (interagent) нонконсистентность, отмечая, что исследователи не всегда уделяют должное внимание этому различению (Parke & Slaby, 1983, p. 581). В случае *интрасубъективной нонконсистентности* воспитатели не реагируют «на те или иные нарушения установленных ими правил одинаковым образом каждый раз, когда они случаются» и/или «недостаточно последовательны в осуществлении угроз наказания». Может быть, потому, что они не очень-то заботятся о своих отпрысках (или даже в какой-то степени враждебно к ним относятся), или потому, что слишком заняты своими проблемами, эти люди наказывают своих детей за определенные действия в одних случаях и игнорируют такие же самые действия в других обстоятельствах. Маккорд и Маккорд попытались оценить этот тип нонконсистентности в своем анализе асоциального поведения подростков Массачусетса. Они нашли, что у многих из них матери были пунитивными в одних случаях и попустительствовали в других (McCord, 1986).

В семьях с *интерсубъективной нонконсистентностью* «социализирующие агенты, а именно двое родителей, не реагируют одинаковым образом на нарушения правил». Очевидно, этот тип нонконсистентности может возникать, когда мать и отец находятся в состоянии конфликта или когда один из родителей играет значительно более доминирующую сравнительно с другим роль в семейных решениях. Каковы бы ни были причины разногласий между ро-

дителями, представляется, что они также способствуют развитию антисоциальных тенденций. Так, например, в проведенном в Кембридже лонгитюдном исследовании было показано, что между матерями и отцами мальчиков, которые несколько лет спустя совершили связанные с насилием преступления, было меньше согласия по сравнению с теми родителями, дети которых, подрастая, не становились нарушителями закона. Маккорд сообщает, что в исследовании, проведенном в Массачусетсе, мальчики, «чьи родители жили в разумном согласии и не были агрессивными, были менее склонны к нарушению закона» (McCord, 1986, p. 353).

Интересно отметить, что, хотя и возможно различать указанные два типа нонконсистентности, Парк и Слэби пришли к выводу, что как тот, так и другой могут снижать эффективность дисциплинирования родителями своих детей (Parke & Slaby, 1983, p. 581). В обоих случаях дети могут страдать от неопределенности, не зная, чему верить и как лучше всего поступать. Здесь опять-таки возможно извлечь урок: родители не обязательно вырастят нарушителей закона, применяя не слишком суровые физические наказания, при условии, что будут действовать последовательно каждый раз, когда дети нарушают четко определенные и разумные правила.

❑ **Объяснение наказания.** Психологи, которые осуждают применение наказаний в воспитании ребенка, никоим образом не выступают против установления твердых стандартов поведения. Обычно они говорят, что родители *должны* точно определить, почему дети, для их же пользы, обязаны выполнять эти правила. Более того, если правила нарушаются, взрослые должны убедиться, что дети поняли, что поступили неправильно. Прежде всего, однако, эти психологи подчеркивают важнейшее значение родительской любви и привязанности. Они утверждают, что стандарты поведения должны утверждаться скорее «психологически», нежели физической силой. Родители должны не только объяснять свои действия, но и ясно и последовательно выражать неодобрение при каждом случае нарушения детьми правил, посредством, например, лишения тех или иных привилегий или даже имплицитной угрозы временного лишения их своей любви (см.: Hoffman, 1970).

Широко известное сравнение Дианы Баумринд авторитативных, авторитарных и пермиссивных (попустительствующих) родителей иллюстрирует то, как родительские стандарты могут строго и разумно соблюдаться без негативных последствий для ребенка (Baumrind, 1973). На основе своих наблюдений она разделила матерей и отцов четырехлетних малышей своей выборки на три группы, характеристики которых представлены в табл. 6-1. В то время как *пермиссивно-попустительствующие* матери и отцы не определяли со всей яс-

Таблица 6-1

Три родительских стиля воспитания, выделенных Д. Баумринд и три предположительно обусловленных ими соответствующих паттерна поведения ребенка

Родительский стиль воспитания	Поведение ребенка
Авторитарный стиль	*Конфликтующе-раздражительное*
Жесткое навязывание правил.	Ребенок боязливый, тревожный.
Не даются ясные объяснения правил.	Легко раздражается.
Используются жесткие, силовые методы дисциплинирования.	Чередование агрессивного и избегающего поведения.
Недостаток теплоты и заботы о ребенке.	Чрезмерная неустойчивость настроения, депрессивность.
Проявление гнева и неудовольствия.	
Авторитативный стиль	*Энергичное, дружелюбное*
Ясное определение правил и сообщение их ребенку.	Ребенок уверен в себе.
Родители не поддаются попыткам ребенка принудить их к отклонению от правил.	Высокий уровень энергии.
Выражение неудовольствия и раздражения в ответ на неправильное (плохое) поведение ребенка.	Самоконтроль.
Демонстрация удовольствия и поддержки конструктивного поведения ребенка.	Ребенок веселый, дружелюбный со сверстниками.
	Кооперативность со взрослыми.
	Хорошо справляется со стрессами.
Пермиссивно-попустительствующий стиль	*Импульсивно-агрессивное*
Отсутствие ясного выполнения правил.	Ребенок упрямый, несговорчивый.
Родители поддаются принуждению или идут на уступки, когда ребенок плачем добивается своего.	Низкий уровень уверенности в себе.
Непоследовательность в применении дисциплинирующих воздействий.	Ребенок агрессивен.
Умеренно теплое отношение.	Импульсивность.
Поощряется свободное выражение импульсов.	Отсутствие целей.

Модифицированная таблица из: Baumrind (1973).

ностью свои правила, не сообщали их детям и не прилагали усилий, чтобы они выполнялись детьми, *авторитарные* родители проявляли значительную ригидность, настаивая на строгом выполнении детьми правил, но не объясняя их. Они были жесткими и пунитивными в осуществлении своих дисциплинирующих воздействий и с легкостью раздражались и впадали в гнев, когда дети не слушались. *Авторитативные* матери и отцы, напротив, были теплыми и заботливыми по отношению к детям, но они также четко определяли свои правила, последовательно добивались выполнения установленных стандартов поведения, не поддавались попыткам детей принудить их к отступлению от своих требований, открыто выражали свое неудовольствие или раздражение, когда дети вели себя плохо, и как будто охотно применяли физические наказания.

Эти различные родительские стили ведут, разумеется, к различным паттернам поведения ребенка (как это показано в табл. 6-1). Дети из семей с пермиссивным и авторитарным стилями воспитания обычно были «склонны к конфликтам и раздражительны»; они легко и часто раздражались и проявляли смесь агрессивного и избегающего поведения с унылым настроением, в то время как дети авторитативных родителей были дружелюбными, склонными к сотрудничеству и уверенными в себе.

На основе этих заключений относительно влияний различных стилей семейного воспитания я могу согласиться с акцентированием значимости родительской любви и разумных способов дисциплинирования детей, не настаивая на тотальном избегании любых физических наказаний. Мягкие физические наказания могут не иметь неблагоприятных последствий, если они адекватно объясняются и правильно используются. Эту идею подтверждает повторный анализ некоторых данных проведенного Страусом и Стейнметц обследования насилия в американских семьях. Ученые из Нью-Гемпшира спрашивали родителей о том, как часто они применяли наказания и как часто обсуждали их со своим ребенком. Другой исследователь выяснял возможные последствия применяемых родителями способов дисциплинирования, определяя, насколько агрессивными становились подростки в дальнейшем по мере взросления. Как можно видеть на рис. 6-3, лишь в том случае, когда родители редко обсуждали наказания с подростками, частые наказания вели к довольно выраженной агрессии по отношению к родителям (Larzelere, 1986).

❒ **Некоторые характеристики эффективного наказания.** Физические наказания, применяемые в реальной жизни, часто сопровождаются другими неблагоприятными факторами, что не позволяет выявить их относительную значимость в качестве эффективного средства дисциплинирования. Лабораторные исследования все же позволили получить определенную полезную информацию, но их методики от-

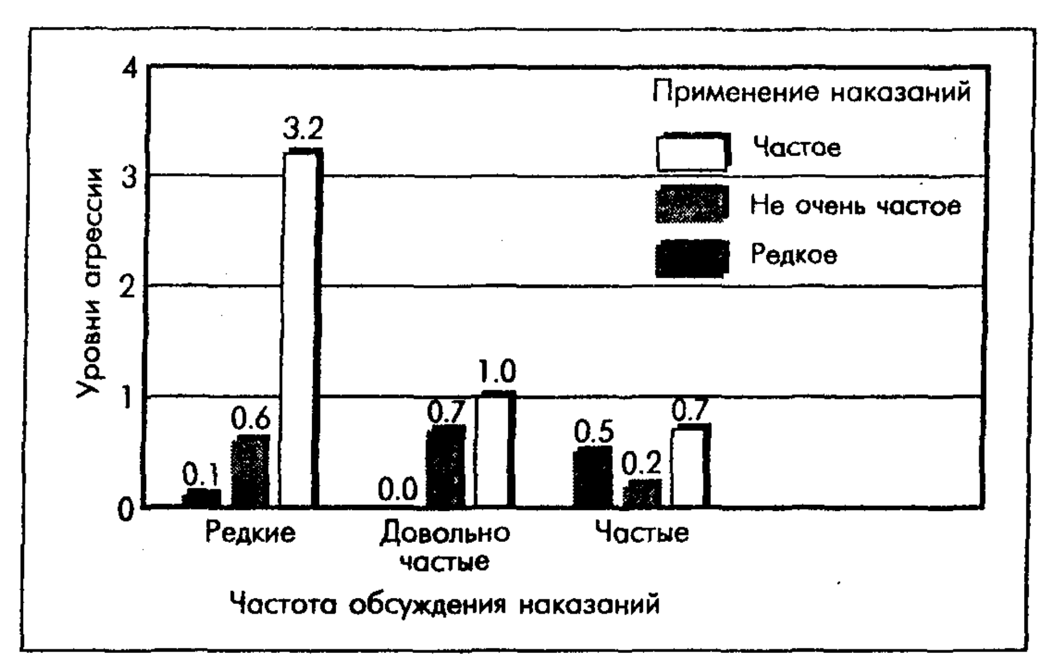


Рис. 6-3. Агрессия по отношению к родителям в зависимости от частоты обсуждения родителями наказания и частоты их применения. (Данные из: Larzelere (1986), Table I, «Moderate spanking: Model or deterrent of children's aggression in the family», Journal of Family Violence, 1.)

носительно сложны, и я могу дать лишь краткое и несколько упрощенное описание результатов.

Вообще говоря, данные исследований свидетельствуют в пользу того, что телесные наказания могут быть эффективными, если (помимо того, что они применяются последовательно и даются их объяснения): 1) они правильно распределяются во времени; 2) подросткам предлагается привлекательный альтернативный способ действий; 3) самооценка детей достаточно адекватна[1]. Предположим, маленький мальчик добивается того, чтобы выбежать на улицу с оживленным движением, несмотря на то что мать уже неоднократно объясняла, почему это опасно, и настаивает на том, что он должен играть только во дворе. В подобной ситуации физическое наказание может быть эффективным и не повлечь за собой ненужной агрессивной реакции при условии правильного его применения. Это означает, что мать, например, отшлепает своего ребенка сразу же после того, как тот нарушит запрет (лучше до того, как ребенок насладится запретным удовольствием от игры на улице), и что должно присутствовать аттрактивное замещение того, что запрещается (во дворе должна быть соответствующая площадка для игры).

---

[1] Более полное обсуждение использования физических наказаний в дисциплинировании детей представлено в работах: Berkowitz (1973 a); Walters and Parke (1967); Parke and Slaby (1983).

Интеграция: анализ социального научения Паттерсона

Даже если несколько видов родительского поведения влияют на развитие антисоциального поведения детей, необходимо иметь в виду, что подростки не принимают пассивно что бы то ни было, что делают их матери и отцы! Они реагируют на действия своих родителей, а их реакции в свою очередь могут влиять на то, как будут родители поступать в следующий раз. Семейная жизнь представляет собой серию действий и реакций, члены семьи постоянно влияют друг на друга и сами испытывают влияние. Любое объяснение происхождения устойчивой агрессивности должно опираться на анализ этих последовательностей интеракций. Как я уже отмечал, Паттерсон, Рейд и их коллеги из Центра социального научения в Орегоне попытались разработать такой подход (Patterson, 1986 b; Patterson, Dishion and Bank, 1984; Patterson, DeBaryshe and Ramsey, 1989). С учетом некоторых уже высказанных ранее соображений я кратко изложу основные выводы, сделанные этими авторами на основе проведенных ими исследований.

❒ **Семья как источник антисоциального поведения.** Анализ Паттерсона начинается с довольно весомого предположения: многие дети в основном научаются агрессивному поведению в результате взаимодействия с другими членами их семей. Паттерсон признает, что на развитие ребенка влияют не только стрессовые ситуации, воздействующие на семью, например безработица или конфликты между мужем и женой, но и другие факторы. В их числе он называет уровень образования родителей, их доход или этническое происхождение. Однако Паттерсон утверждает, что подобные факторы действуют, главным образом влияя на характер воспитания ребенка. Если мальчик становится агрессивным в результате интеракций с другими членами семьи, у него развивается тенденция к социально неадекватным действиям и в других, внесемейных ситуациях. Обусловленные всем этим неудачи в разного рода социальных ситуациях, включая и школьную жизнь, будут усиливать его антисоциальные диспозиции. На рис. 6-4 представлена эта гипотетическая последовательность действующих факторов и обусловленных ими следствий.

❒ **Плохие «семейные менеджеры».** Первое звено в цепи неблагоприятных семейных влияний, согласно Паттерсону и его сотрудникам, связано с характером реагирования родителей на нежелательное поведение ребенка. На основе более чем десятилетних наблюдений эти исследователи пришли к выводу, что родители антисоциальных подростков недостаточно успешно справляются с выполнением четырех важных функций «менеджмента»: 1) они недостаточно контролиру-

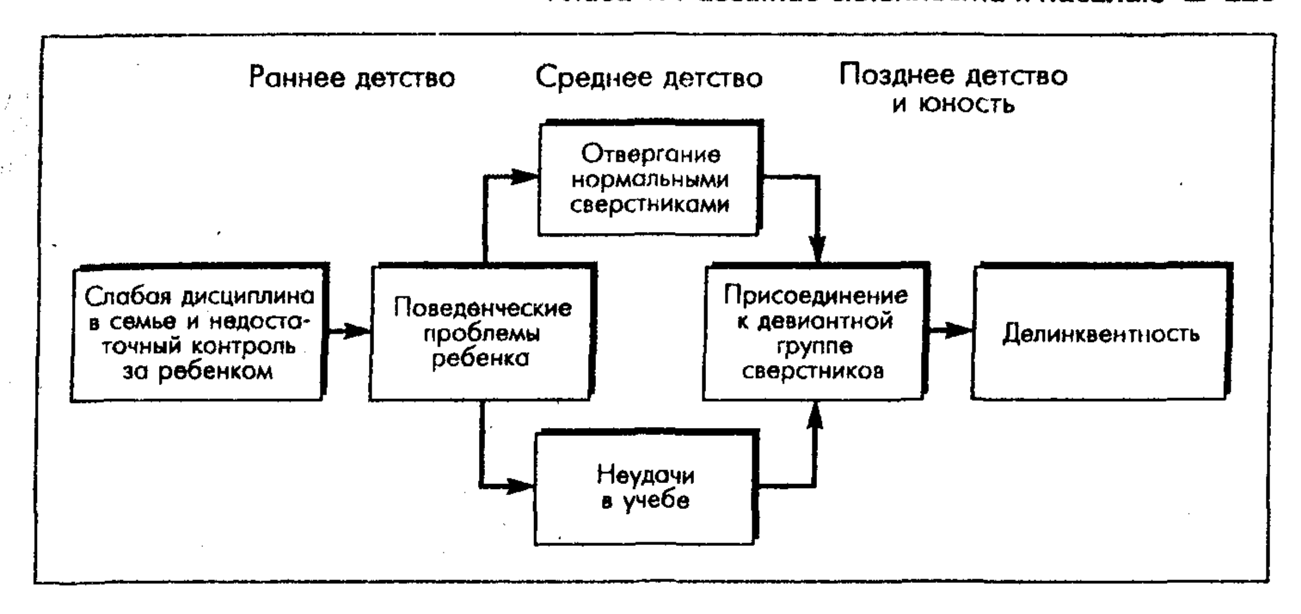


Рис. 6-4 Схематическое описание развития детской агрессивности и антисоциального поведения по Паттерсону (Patterson, DeBaryshe and Ramsey, 1989, p. 331)

ют активность своих отпрысков, как в домашних ситуациях, так и вне дома; 2) они не умеют адекватно дисциплинировать их антисоциальное поведение; 3) они не вознаграждают в должной мере просоциальное поведение детей; 4) они (как и другие члены семьи) недостаточно успешны в решении проблем.

Эти недостатки, как уже отмечалось, обычно проявляются не по отдельности, а совместно, так что любой из них сопровождается другими. Матери и отцы, которые не контролируют в достаточной степени своих отпрысков, часто не способны дисциплинировать их; аналогично, родители, не способные дисциплинировать своих детей, обычно не подкрепляют их просоциальное поведение. Дело обстоит, следовательно, так, как если бы существовала такая «черта» или качество — быть плохим «менеджером».

❐ **Микросоциальный анализ семейных интеракций.** *Неадекватный контроль и недифференцированные реакции.* Давайте посмотрим более внимательно, что подразумевается под плохим родительским управлением. Согласно Паттерсону, родители, о которых идет речь, особенно склонны позволять членам своих семей взаимодействовать таким образом, что их интеракции ведут к подкреплению агрессивных форм поведения детей. Слабое контролирование взрослыми того, что происходит, отражается в относительной недостаточности, дифференциации и избирательности в том, как они реагируют на поведение своих детей. В сравнении с «нормальными» матерями и отцами они менее склонны замечать различия между просоциальным и антисоциальным поведением. Они часто вознаграждают детей за поведение, направленное на то, чтобы принудить других пойти на уступки, например, уделяя им внимание, а порой даже прямо одобряя,

когда те стремятся во что бы то ни стало настоять на своем, и в то же время такие родители нередко игнорируют, не замечают и не вознаграждают их дружественные, конструктивные действия. Даже наказывая за агрессивность, они не всегда ясно дают детям понять, что наказания, которым их подвергают, вызваны их плохим поведением[1].

Провоцирование агрессии. Помимо малоэффективного контроля поведения своих отпрысков родители антисоциальных подростков также особенно склонны провоцировать их, будучи жесткими и пунитивными. Эти матери и отцы, по свидетельству исследователей из Орегона, обычно доставляют больше неприятностей своим отпрыскам, нежели другие родители, потому что не только постоянно придираются и ругают их, но также и наказывают и даже бьют их часто и жестоко. Немалое число антисоциальных подростков проявляют свои агрессивные тенденции в том, как они реагируют на грубое и жестокое обращение родителей. По сравнению с нормальными мальчиками эти дети более склонны отвечать агрессией на агрессию. При этом их агрессивные реакции отличаются устойчивостью в течение длительных периодов времени.

Негативное подкрепление агрессии ребенка. Каким бы образом ни возникала агрессия подростков, это поведение часто оказывается успешным в том смысле, что оно устраняет нежелательное для них положение дел. Микросоциальный анализ, проведенный исследователями из Орегона, показал, что братья и сестры агрессивного ребенка играют особенно важную роль в обеспечении негативного подкрепления его агрессивного поведения. Они нашли, что во многих случаях брат или сестра провоцировали мальчика, но переставали ему досаждать, когда тот нападал на них, тем самым научая его тому, что агрессия окупается (приносит желаемый результат).

□ **Отвергание и неуспешность.** ***Отвергание сверстниками.*** Паттерсон полагает, что вероятными последствиями неблагоприятного раннего научения и раннего опыта агрессивного ребенка могут быть не только готовность угрожать и атаковать других, но также и отсутствие адекватных социальных навыков (Patterson, DeBaryshe and Ramsey, 1989, p. 330). Такой ребенок не вполне понимает, как себя вести при встрече с теми, кого он еще не знает, недостаточно чувствителен к мнениям, потребностям и интересам других людей. Этих детей особенно отличает то, что они часто неправильно истолковывают действия сверстников, с которыми им приходится иметь дело. Как мы

---

[1] Утверждая, что слабое дисциплинирование родителями детей часто бывает причиной их плохого поведения, а не только реакцией на такое поведение, Паттерсон ссылается на исследование Форгатча, показавшее, что «изменения родительских методов дисциплинирования и контроля за поведением детей сопровождалось существенным уменьшением их антисоциального поведения» (Patterson, DeBaryshe and Ramsey, 1989, p. 330).

знаем из исследования Доджа (рассмотренного в главе 5), агрессивный ребенок может усматривать угрозы и вызовы там, где их нет, и ошибочно приписывать другим злостные намерения. Как результат подобных искаженных перцепций и интерпретаций, продолжает Паттерсон, существуют большие шансы того, что антисоциальный ребенок будет отвергаться его более нормальными сверстниками, и на самом деле, агрессивность такого мальчика оказывается скорее причиной, нежели результатом его социального отвергания.

Неудачи в школе. Антисоциальные дети также часто сталкиваются с трудностями в школе. В ряде исследований было показано, что подростки, вступающие в конфликт с законом, часто имеют в школе низкую успеваемость, и, по мнению Паттерсона, это связано, по крайней мере частично, с их личностными недостатками. В силу импульсивности и низкого уровня самоконтроля они отличаются неустойчивостью и легкой отвлекаемостью. Часто они бывают не в состоянии спокойно сидеть на месте, не могут управлять своим вниманием и порой неспособны выполнить домашнее задание.

❐ **Принадлежность к девиантным группам.** В результате низкой успеваемости в школе и отвергания со стороны относительно хорошо социализированных сверстников многие из этих детей тянутся к другим подросткам, которые не только обладают схожими особенностями личности, но и склонны отвергать традиционные нормы и ценности общества. Новичков, присоединяющихся к таким девиантным группам, научают антисоциальному поведению и могут даже побуждать, имплицитно, если не эксплицитно, совершать противозаконные действия. Таким образом, нарушение закона приносит популярность, которую они не могли завоевать другими способами.

Паттерсон не пытается объяснять заинтересованность только лишь плохим родительским «менеджментом» или негативным влиянием социально девиантных сверстников. Как семья, так и сверстники, а быть может, и ряд других факторов вносят вклад в формирование антисоциальных паттернов поведения[1]. Паттерсон предполагает, однако, что влияние девиантных групп сверстников обычно служит подкреплению и, может быть, даже усилению результатов научения, полученного в семье.

НЕПРЯМЫЕ ВЛИЯНИЯ

До настоящего времени в этой главе обсуждались некоторые из факторов, прямо влияющих на развитие агрессивности: действия

[1] Хандльбай и Мэрцер (1987) сообщали, что *как* неблагоприятные семейные условия (особенно антисоциальные родители и/или отсутствие родительской любви), *так* и аттитюды и действия друзей значимо связаны с употреблением подростками наркотиков.

родителей и/или сверстников, способствующие развитию у подростка устойчивых диспозиций к насильственным действиям. Однако на формирование личности подростка также могут оказывать воздействие, по крайней мере в определенной степени, и непрямые влияния, не предполагающие чьего-либо специального намерения.

Хотя целый ряд факторов, включая культурные нормы, бедность и другие ситуационные стрессоры, может косвенным образом влиять на формирование паттернов агрессивного поведения, я здесь ограничусь только двумя такими непрямыми влияниями: несогласие между родителями и наличие антисоциальных моделей.

КОНФЛИКТ В СЕМЬЕ

Распавшиеся семьи порождают делинквентность?

Преступность и делинквентность часто связывают с негативными влияниями распавшейся семьи. Многие социальные ученые, как и обычные люди, верят, что часть правонарушителей являются социально дезадаптированными жертвами анормальных семейных условий. В силу того, что будущие преступники не только росли в бедности, но также имели лишь одного из родителей, они просто не могли усвоить традиционные нормы и ценности общества.

Читатель, возможно, будет удивлен, узнав, как мало обосновано это широко распространенное суждение. Джоан Маккорд на примере значительного количества проведенных в США и Великобритании исследований продемонстрировала, что их результаты не дают однозначного ответа на вопрос о том, чаще ли дети из неполных семей становятся делинквентными, чем неделинквентными. Действительно, как показал ее анализ, среди подростков из неполных и с низким доходом семей уровень делинквентности не был выше, чем среди их сверстников из равно бедных, но полных семей. На самом деле имеет значение не то, что один из родителей ушел из семьи, но то, каким образом это случилось. По словам Маккорд, «семьи, разбитые в результате смерти одного из родителей, менее криминогенны, чем семьи, распавшиеся в результате развода или ухода из семьи одного из супругов». В общем, как считает Маккорд, разбитая семья «как бы экранирует другие, более весомые переменные» (McCord, 1986, p. 344–345). Другие факторы, часто сопровождающие разрушение семьи, могут в действительности обусловливать антисоциальные тенденции ребенка.

❑ **Конфликт между матерью и отцом.** Маккорд принадлежит к числу исследователей, считающих, что несогласие между родителями является главным источником каких бы то ни было возникающих в семьях «криминогенных» тенденций. Кембриджский проект может слу-

жить одним из примеров, подтверждающих это положение. Некоторые из подростков не отличались особенной агрессивностью до начала юношеского периода, но ближе к его концу становились склонными к насильственной агрессии. Когда Фаррингтон обратил внимание на семейные условия таких подростков, он выяснил, что в подавляющем числе случаев матери и отцы в их семьях ссорились и дрались друг с другом в раннеюношеский период жизни этих детей. Далее, скандалы и ссоры родителей, по-видимому, способствовали развитию сильных агрессивных диспозиций у этих подростков. Напряженные отношения в семье явно повышали их агрессивные наклонности. Многие исследования американских авторов также свидетельствуют о порождающих агрессию влияниях родительской дисгармонии[1].

Нетрудно объяснить, почему резкие несогласия между родителями могут порождать агрессивные наклонности у их отпрысков: подростки могут постоянно испытывать состояние дистресса, обусловленное антагонизмом между родителями. Несколько лет назад одна молодая и необычайно художественно одаренная девушка описывала свои переживания, рассказывая мне о том, что ей приходилось испытывать во время родительских скандалов. Она говорила, что представляла себе своих родителей как две опоры книжной полки, которые удерживают ее между ними. Когда у родителей начинался скандал, опоры расходились, лишая ее поддержки и оставляя в одиночестве и неустойчивом положении.

И из повседневных наблюдений, и из лабораторных экспериментов мы знаем, насколько могут быть потрясены и как сильно переживают дети, когда видят ссорящихся взрослых. Чем сильнее скандалы, свидетелями которых дети бывают, тем более мощный дистресс они испытывают. Как и в других областях человеческого поведения, сильные негативные переживания могут продуцировать у детей агрессивные реакции. Когда маленькие дети видят, как ссорятся и скандалят даже незнакомые им взрослые, это может стимулировать к тому, чтобы наносить удары, пинать и пихать друг друга, очевидно, вследствие сильного эмоционального возбуждения (Cumming, Ianotti & Zahn-Waxler, 1985). И если дети подобным образом реагируют на ссоры и скандалы посторонних людей, то естественно ожидать, что они будут еще сильнее возбуждаться, переживать и реагировать еще более агрессивно при виде ссорящихся и конфликтующих родителей.

---

[1] Ряд релевантных данному контексту исследований приводятся в работе McCord (1986), p. 344, а данные исследования Фаррингтона рассматриваются в: Farrington (1978). См. также: Loeber and Dishion (1984).

Конфликт и развод. Когда конфликты между родителями становятся настолько серьезными, что ведут к расторжению брака, они часто являются источником сильнейших переживаний ребенка и могут, таким образом, провоцировать его агрессию. Мэвис Хэтерингтон из университета Вирджинии наблюдала такие агрессивные реакции, проводя свое широко известное лонгитюдное исследование влияний развода на детей. Она и ее коллеги оценивали социальное поведение детей обоего пола начиная с четырехлетнего возраста в течение двух лет после развода их родителей. (Во всех этих случаях после развода дети оставались с матерями.) Поскольку в этой главе речь идет главным образом о мужской агрессии, я буду обсуждать только данные, относящиеся к мальчикам (хотя, в общем, девочки демонстрировали примерно схожие паттерны поведения).

Многие из мальчиков, исследованных Хэррингтон, по-видимому, переживали распад своих семей крайне тяжело в течение длительного периода времени. По сравнению со сверстниками из нормальных семей дети разведенных родителей даже через год после развода проявляли более высокий уровень как эмоциональной, так и инструментальной агрессии, физической и вербальной. Другим проявлением эмоционального смятения было то, что они не только чаще по сравнению со сверстниками из нормальных семей проявляли агрессивность, но и были менее успешны в достижении своих целей с помощью агрессии.

Два года спустя после распада семьи картина до некоторой степени изменилась. Теперь психологи уже не обнаруживали никаких различий между двумя группами мальчиков, хотя дети из нормальных семей все еще оценивали подростков из неполных семей как более агрессивных по сравнению с детьми неразведенных родителей. Одно из возможных объяснений этого расхождения в оценках состоит в том, что дети разведенных родителей теперь не реагировали агрессивно на провоцирующие стимулы с той же легкостью, как раньше (так что не атаковали любого и каждого, когда психологи находились поблизости), но они не были столь же дружелюбными по отношению к сверстникам, как дети из полных семей (см.: Hetherington, Cox & Cox, 1979, 1982; а также Parke and Slaby, 1983, p. 588–589).

Однако я все же полагаю, что агрессивность этих подростков не была обусловлена отсутствием отцов. Ее происхождение скорее связано с эмоциональными перегрузками, порождаемыми родительскими конфликтами. Еще одно лонгитюдное исследование свидетельствует в пользу данного истолкования.

Изучая личностные особенности детей на разных стадиях развития, исследователи сравнивали детей, чьи родители *какое-то время спустя* разводились или расходились, с другими подростками, роди-

тели которых продолжали совместную жизнь и дальше. Мальчики из тех семей, которые в дальнейшем распадались, отличались большей импульсивностью, чрезмерной активностью и были более агрессивными по сравнению с другими детьми *даже еще за несколько лет до распада семьи*, как если бы личности этих детей претерпели определенные эмоциональные деформации вследствие родительской дисгармонии. По мнению исследователей, «поведение конфликтующих между собой, холодных и недоступных родителей еще в предшествующий разводу или расхождению период могло иметь серьезные последствия для развития личности детей, особенно мальчиков» (Block, Block & Gjerde, 1986).

Из всего сказанного, разумеется, не следует вывод о том, что развод или конфликты матерей и отцов сами по себе обязательно причиняют тяжелый ущерб развитию личности детей. Степень переживаемого детьми стресса может существенно зависеть от тяжести родительского конфликта. Эмоциональные деформации их личности могут быть не слишком серьезными, или, по крайней мере, дети могут довольно быстро справляться со своими негативными переживаниями, если родители не переходят к открытым «военным действиям», и если расстаются вполне дружелюбно. Хэтерингтон и ее сотрудники представили существенные свидетельства в пользу данной точки зрения. Сравнивая детей разведенных и неразведенных родителей два года спустя после развода, они нашли, что дети из полных семей, но таких, в которых родители постоянно конфликтовали друг с другом, были действительно более агрессивными, чем сыновья мирно расставшихся родителей. Как комментировали исследователи, «в конечном счете конфликтные отношения между родителями приводят к более неблагоприятным последствиям для детей, нежели их развод» (Hethereington, Cox and Cox, 1982, p. 262). Родительское тепло и любовь также могут служить фактором, смягчающим стрессы и психические напряжения, вызванные распадом семьи (Hodges, Buchsbaum and Tierney, 1983). Если родители спокойно и мирно расходятся, то это может причинить ребенку меньше вреда, чем постоянные напряжение и конфликты между родителями в течение значительного периода времени.

ВЛИЯНИЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ

«Делай, как я»: предоставление детям примеров для подражания

Наряду с факторами, описанными выше, на развитие агрессивных склонностей у детей могут влиять также и образцы поведения, демонстрируемые другими людьми, независимо от того, хотят ли эти дру-

гие, чтобы дети им подражали. Первопроходцем в экспериментальных и теоретических исследованиях в этой области был Альберт Бандура (см.: Bandura, 1965, 1973). Бандура и другие психологи обычно обозначают этот феномен термином *моделирование*, определяя его как влияние, оказываемое наблюдением за тем, как выполняет определенные действия другой человек, и последующую имитацию наблюдающим поведения этого другого лица.

❑ **Сверстники и родители как модели социального девиантного поведения.** На поведение детей могут оказывать влияние самые различные модели. В качестве таких моделей часто выступают сверстники, показывая им, какую одежду носить, какую музыку слушать, как говорить, как действовать и даже как следует разрешать конфликты и другие социальные проблемы. Особенно важно учитывать, что социально дезадаптированные подростки могут выбирать в качестве *моделей для подражания антисоциальные группы, и более того, они* могут стремиться копировать поведение подростков, занимающих высокое положение в делинквентной группе. Влияние лидера не ограничивается прямыми командами. Часто оно выражается в том, то члены группы с относительно низким статусом просто копируют поведение аттрактивного, имеющего высокий статус лидера. Джо может начать носить золотую цепочку на шее, потому что Дюк, лидер банды, носит такую цепочку, или может начать ходить с высокомерным видом, копируя походку своего обладающего престижем приятеля. Еще более значимо для общества то, что Джо может, подражая Дюку, начать употреблять наркотики или совершать другие противозаконные действия.

В качестве моделей для детей могут выступать и их родители, и не приходится удивляться тому, что, как показывают исследования, антисоциальное поведение некоторых подростков могло быть результатом копирования поведения социально девиантных родителей. В качестве примера могут служить результаты исследования Фаррингтона. Значительное число лондонских подростков, которые в дальнейшем (к тому времени, когда они уже стали взрослыми молодыми людьми), состояли на учете в связи с криминальным поведением, имели родителей, осужденных за нарушение закона еще до того, как их дети достигли юношеского возраста.

Джоан Маккорд напоминает нам, однако, что не каждый девиантный отец проторяет и показывает соответствующий путь своему сыну. Обследовав выборку отцов, жителей Массачусетса, страдающих алкоголизмом или имевших криминальное прошлое, она нашла, что у более чем половины этих людей сыновья совершали криминальные действия. Тем не менее существуют факторы, уменьшающие ве-

роятность того, что подростки будут копировать антисоциальное поведение взрослых. Так, вероятность того, что подростки станут нарушителями закона, уменьшается, если социально девиантные отцы относятся к ним с любовью и у них хорошие отношения с матерями. Около половины подростков, имеющих девиантных и не любящих их отцов, стали преступниками. В то же время закон нарушила лишь одна пятая часть тех мальчиков, чьи отцы также были преступниками и/или алкоголиками, но относились к своим сыновьям с теплотой и любовью. Если некоторые из антисоциальных отцов служили моделью для их сыновей, то их влияние, по-видимому, сказывалось лишь при особых, ограниченных обстоятельствах (см.: Farrington, 1986; McCord, 1986).

❐ **Некоторые условия, от которых зависит влияние модели.** Данные, полученные Маккорд, заслуживают дальнейшего комментария. По меньшей мере, они показывают, что дети не всегда копируют чьи-то действия; по-видимому, необходимы определенные условия, способствующие готовности действовать по примеру модели. Давайте поразмышляем о том, каковы должны быть эти условия.

Предрасположенность к аналогичному поведению. На мой взгляд, представляется вполне обоснованным предположение о том, что лица, наблюдавшие действия модели, с наибольшей вероятностью будут имитировать ее поведение в том случае, если они уже предрасположены вести себя подобным образом. Подростки из выборки, обследованной Маккорд, которые явно копировали своих девиантных отцов, могли уже иметь довольно сильно выраженные антисоциальные склонности. В конце концов, отцы относились к ним без любви и часто конфликтовали с их матерями.

Лабораторные эксперименты также подтверждают важность подобных диспозиций для имитации поведения модели. По крайней мере в двух исследованиях было показано, что дети, наблюдавшие нападения агрессивного взрослого на другого человека, были особенно склонны копировать его поведение, если перед этим они были фрустрированы. Фрустрация, несомненно, усиливала агрессивные тенденции, и в результате они с готовностью начинали подражать поведению модели — агрессивного взрослого (Hanratty, O'Neal & Sulzer, 1972; Parker & Rogers, 1981). Вне лаборатории подростки, подвергающиеся частым фрустрациям и суровому обращению родителей, часто становятся склонными подражать антисоциальному поведению своих девиантных отцов.

Власть модели по отношению к наблюдающему ребенку. Влиянию на сыновей девиантных отцов, обследованных в Массачусетсе, может способствовать еще один фактор. Представим себе, как сыновья мог-

ли бы относиться к своим холодным и нелюбящим отцам. Быть может, подростки тосковали по родительской любви и поддержке и их отцы время от времени все-таки проявляли нежные чувства по отношению к своим детям. Однако они, вероятно, настолько же часто фрустрировали и наказывали сыновей. Если это так, то мальчики могли рассматривать своих отцов как источник и наград и наказаний и, следовательно, как лиц, обладающих значительной властью над ними. В результате, как и было продемонстрировано экспериментально в исследовании А. Бандуры, Д. Росс и Ш. Росс, дети с особенной готовностью имитируют поведение взрослых, от которых они зависят и которые обладают властью — распределяют награды и наказания (Bandura, Ross & Ross, 1963 b).

РЕЗЮМЕ

Общее предположение о том, что корни устойчивых антисоциальных способов поведения во многих (но, вероятно, не во всех) случаях могут быть прослежены до влияний, оказанных на человека еще в детстве, получило значительное эмпирическое подтверждение. В этой главе рассмотрены исследования, показывающие, каким образом, взаимодействия в семье и со сверстниками могут влиять на развитие высокоагрессивных антисоциальных диспозиций. Внимание в основном было сосредоточено на влияниях отдельных переменных, таких, например, как пунитивность взрослых, занимающихся воспитанием ребенка, но при этом также подчеркивалось, что: 1) действие любого фактора, влияющего на развитие ребенка, обычно зависит от ряда других условий, которые могут играть существенную роль в данный момент; 2) родители, плохо обращающиеся с ребенком в каком-то одном отношении, склонны плохо обращаться с ним и в других аспектах.

В качестве отдельных переменных рассматривались те из них, которые оказывают прямое влияние на ребенка. Я начал с обсуждения того, как влияют вознаграждения, получаемые за агрессивные действия, и того, что эти вознаграждения могут иметь значительно более общий эффект, чем считает большинство родителей. Таким образом, когда взрослые хвалят своих сыновей за то, что те умеют «дать сдачи», и если при этом не будет соблюдаться очень большая осторожность, то с высокой вероятностью можно ожидать, что тем самым они будут усиливать и общие агрессивные тенденции своих отпрысков. Подростки, разумеется, подвержены и воздействию вознаграждений, получаемых от своих сверстников, эти влияния также были

вкратце рассмотрены. Далее, я отметил, что агрессия подростков может подкрепляться реакциями жертв. Можно выделить по крайней мере два аспекта этого подкрепляющего воздействия со стороны жертв: 1) жертвы могут перестать раздражать или каким-то образом причинять неприятности агрессорам, тем самым негативно подкрепляя их действия; 2) боль и страдания жертвы могут приносить агрессорам удовлетворение, особенно если в этот момент они находятся в состоянии эмоционального возбуждения, и, таким образом, их действия получают позитивное подкрепление.

Родители могут также способствовать развитию агрессивности у своих детей, постоянно создавая для них крайне неприятные условия. Хотя существует множество разновидностей дурного обращения родителей со своими детьми, в данной главе основное внимание было посвящено отверганию и грубому обращению с ними. Многие из неблагоприятных последствий, приписываемых обычно физическим наказаниям как таковым, на самом деле могут быть обусловлены совместным действием наказаний и других факторов, например, непоследовательности в применении воспитательных воздействий. Имеющиеся исследования показывают, что физические наказания (и силовые методы дисциплинирования в целом) могут быть более эффективными и иметь меньше неблагоприятных побочных эффектов, чем обычно считается, если их применять: 1) последовательно; 2) сопровождая объяснением ребенку, за что его наказывают; 3) до того, как ребенок успеет получить большое удовольствие в результате совершения запрещаемых действий; 4) когда ребенку предлагаются аттрактивные одобряемые альтернативы.

Представленный Дж. Паттерсоном анализ развития детской агрессивности обсуждался в этой главе как способ интегрирования приведенных выше наблюдений. С точки зрения социального научения предполагается, что социальные условия, например бедность, которые обычно связываются с развитием антисоциального поведения, действуют главным образом через влияние на характер воспитывающих воздействий родителей на своих детей. При этом утверждается, что родители высокоагрессивных и/или антисоциальных подростков обычно бывают плохими «семейными менеджерами», не способными эффективно контролировать и дисциплинировать агрессивное поведение своих отпрысков и не умеющими адекватно подкреплять их просоциальное поведение. Паттерсон утверждает также, что для детей таких родителей наряду со склонностью к агрессивности характерно недостаточное развитие социальных навыков, в результате они часто отвергаются их более нормальными сверстниками и сталкиваются с трудностями в школе.

Глава заканчивается кратким обзором некоторых непрямых влияний на развитие детской агрессивности. Наибольшее внимание при этом уделялось влияниям, связанным с распадом семьи, и были приведены данные, свидетельствующие о том, что во многих случаях не столько сам распад семьи, сколько конфликты между родителями ведут к повышению вероятности формирования у детей агрессивных паттернов поведения. Далее, было кратко рассмотрено моделирование — процесс, при котором дети подражают действиям других людей. Я утверждаю, что подростки особенно склонны подражать поведению других людей, когда у них уже сформировалась предрасположенность действовать подобно тому, как действуют модели, и когда модели обладают значительной властью над детьми.

Часть 3

НАСИЛИЕ В ОБЩЕСТВЕ

ЧИСЛО УБИЙСТВ СТРЕМИТЕЛЬНО РАСТЕТ ВО ВСЕХ КРУПНЫХ ГОРОДАХ США

Филадельфия, 17 июля. Тревожный рост числа убийств, зафиксированный в прошлом году, продолжается и в нынешнем. Наблюдатели связывают этот подъем с распространением наркотиков, оружия и установившейся среди молодежи тенденцией начинать карьеру с пистолетом в руке...

Статистика вызывает тревогу полиции и прокуратуры, некоторые представители органов правопорядка описывают ситуацию в стране в мрачных красках. «Уровень убийств достиг максимума,— сказал окружной прокурор Филадельфии Рональд Д. Кастилле (Ronald D. Castille).— Три недели назад всего за 48 часов было убито 11 человек».

«Главная причина роста насилия,— говорит он,— в легкой доступности оружия и воздействии наркотиков».

...В 1988 г. в Чикаго было совершено 660 убийств. В прошлом, 1989-м, их число выросло до 742, включая 29 убийств детей, 7 непредумышленных убийств и 2 случая эвтаназии. По данным полиции, 22% убийств связано с бытовыми ссорами, 24% — с наркотиками.

М. Д. Хиндз (M. D. Hinds), New York Times, 18 июля 1990 г.

Это печальное свидетельство волны жестоких преступлений, захлестнувшей современные Соединенные Штаты, было опубликовано на первой странице *New York Times*. Следующие три главы книги посвящены социальному влиянию общества на агрессию вообще и жестокие преступления, в частности. В главе 7 мы рассматриваем вероятное воздействие кино и телевидения, пытаясь ответить на вопрос, может ли наблюдение за людьми, дерущимися и убивающими друг друга на кино- и телеэкранах, заставить зрителей становиться более агрессивными. В главе 8 исследуются причины жестоких преступлений, начиная с изучения насилия в семье (избиения женщин и жестокого обращения с детьми), а в заключение, в главе 9, обсуждаются основные причины убийств как в семье, так и вне ее.

Глава 7

НАСИЛИЕ В МАСС-МЕДИА

ЗАНИМАТЕЛЬНО, ИНФОРМАТИВНО, ПОУЧИТЕЛЬНО И... ОПАСНО?

Насилие на экранах и печатных страницах: немедленный эффект. Преступления-имитации: заразность насилия. Экспериментальные исследования кратковременного воздействия сцен насилия в масс-медиа. Насилие в СМИ: длительные эффекты при повторяющемся воздействии. Формирование представлений об обществе у детей. Приобретение агрессивных наклонностей. Понять «Почему?»: формирование социальных сценариев.

Ежегодно рекламодатели тратят миллиарды долларов, уверовав в то, что телевидение способно повлиять на поведение человека. Представители телеиндустрии с энтузиазмом соглашаются с ними, утверждая при этом, что программы, содержащие сцены насилия, никоим образом подобного влияния не оказывают. Но проведенные исследования совершенно определенно свидетельствуют: насилие в телевизионных программах может иметь и имеет неблагоприятное воздействие на аудиторию.

Национальная Комиссия по расследованию причин и предупреждению насилия. Из официального отчета Комиссии, 23 сентября 1969 г.

В фильме «Таксист» главный герой, выйдя из себя, заявляет малолетней проститутке, что, если она откажет ему, он убьет одного из политиков. Эта сцена может побудить какого-нибудь легковозбудимого человека на самом деле застрелить известного политика. В марте 1981 года, вскоре после просмотра этого фильма, Джон Хинкли покушался на убийство президента Рональда Рейгана и ранил его — так он пытался завоевать любовь женщины. Позже следователи обнаружили в гостиничном номере Хинкли письмо, адресованное актрисе Джоди Фостер, сыгравшей в фильме проститутку. Потенциальный убийца, очевидно безумно влюбленный в мисс Фостер, писал, что ради нее готов убить президента Рейгана. Средства массовой информации и специалисты-психиатры высказали предположение, что Хинкли действовал в соответствии с фантазией, навеянной этим фильмом (*Wall Street Journal,* Apr. 2, 1981).

Может ли насилие, показанное на кино- или телеэкранах, действительно провоцировать агрессию? Допустим, Джон Хинкли подражал герою из фильма «Таксист». Тогда возникает другой вопрос:

подобные фильмы влияют только на психически неуравновешенных людей и лиц с крайне агрессивным характером или вид драки может побудить даже сравнительно нормальных людей становиться агрессивнее, чем обычно?

Широкая общественность сомневается, что увиденное на экране действует не только на психически больных людей, но все же считает, что следует ограничить возможное вредное влияние телевидения и кино для одной категории зрителей — детей. Высказываются опасения, что кино и телевидение учат детей тому, что агрессия выгодна, а применение насилия — прекрасный способ добиться цели.

Такие опасения существуют уже давно. Комитеты Сената США, Комиссия при президенте и Национальный Институт психического здоровья, разнообразные психологические и психиатрические организации — все они выражают серьезную обеспокоенность той безграничной жестокостью, которую выплескивает на детей коммерческое телевидение. Многочисленные эксперты свидетельствуют, что дети приобретают агрессивные наклонности, подвергаясь постоянному воздействию демонстрируемого по телевидению насилия. Единодушие специалистов было столь велико, а результаты исследований столь убедительны, что в 1972 году высший медицинский чиновник федерального правительства, главный хирург США Джесси Стейнфилд (Jesse Steinfield) заявил:

> ***Существует причинная связь между жестокостью, демонстрируемой на экранах телевизоров, и последующим антисоциальным поведением; эта зависимость настолько очевидна, что в необходимости принятия соответствующих шагов со стороны ответственных органов, ТВ-индустрии, правительства и граждан мало кто сомневается.***

По-видимому, эту точку зрения разделяют даже чиновники от телевидения. Президент американской радиовещательной компании пообещал, что телеиндустрия будет реформироваться:

> ***Теперь, когда мы уверены в том, что демонстрация насилия способна привести к повышению агрессивных склонностей у детей, мы будем следить за составлением наших телепрограмм[1].***

---

[1] См.: выступления Главного хирурга США, представителей ТВ-индустрии и исследователей влияния масс-медиа на заседании подкомитета по коммуникациям при Сенате США 21–24 марта 1972 г. [Communications Subcommittee (1972)]. Совещательная комиссия по телевидению и социальному поведению при Главном хирурге США признает, что в отдельных исследованиях есть неясности и даже ошибки, но тем не менее заключает, что *общий характер* результатов сотен исследований, задействующих разные выборки испытуемых и разные исследовательские процедуры, указывает на «причинную взаимосвязь между частым просмотром сцен насилия и последующим агрессивным поведением» [Rubenstein (1978), p. 686].

Однако вскоре тонкий лед согласия сломался и началась острая полемика по вопросу о том, насколько велико влияние экранной жестокости на среднего телезрителя. С экранов телевизоров на нас обрушивается ничуть не меньше стрельбы, драк и убийств, чем тридцать лет назад. Как подсчитали Джордж Гербнер (George Gerbner) и его коллеги из университета Пенсильвании, начиная с 1967 года на каналах телевещания в прайм-тайм в среднем в час демонстрировалось до пяти-шести актов насилия. Группа Гербнера также установила, что в 1989 году около 70% программ, показанных в прайм-тайм, содержали сцены насилия и что эта цифра доходила до 90% в те часы, когда перед телеэкранами вероятнее всего устраивались дети[3].

И все же, оказывает ли на нас какое-либо влияние тот поток агрессии, который обрушивают на наши головы средства массовой информации? Если да, то являются ли дети и психически нездоровые люди единственными, на кого влияют сцены насилия, увиденные в кино или на телевидении? Что говорят на эту тему научные исследования?

В этой главе мы покажем, что иногда воспроизведение сцен насилия в средствах массовой информации действительно увеличивает вероятность последующего проявления агрессии как со стороны детей и сравнительно нормальных взрослых людей, так и со стороны тех, кто эмоционально неуравновешен. Вы также увидите, что это вероятное усиление агрессии может быть обусловлено как временным влиянием, так и более постоянным научением. Хотя со временем принцип составления ТВ-программ не изменился, а большинство исследований медиа-эффектов подверглось критике, исследователям человеческого поведения удалось немало узнать о возможных последствиях демонстрации жестокости в кино и по телевидению. В этой главе подытоживаются результаты этих изысканий.

Наш обзор разделен на две части. Первый параграф посвящен немедленным или относительно кратковременным эффектам от изображения изнасилований и убийств в средствах массовой информации, начиная с преступлений-имитаций. Этой начальной теме мы уделяем много внимания, чтобы подчеркнуть два главных момента: во-первых, СМИ, просто сообщая новости или стремясь развлечь, могут иметь более обширное влияние на социальную агрессию, чем принято думать. Во-вторых, некоторые из психологических процессов, усиливающих агрессивные реакции на художественные фильмы, имеют место в случаях преступлений-имитаций. Я расскажу об опытах, целью которых было изучение краткосрочных последствий просмотра сцен драк и убийств из кинофильмов и телепрограмм. Ос-

[3] Эта статистика взята из отчета: George Gerbner, *Violence profile 1967–1989: Enduring patterns*, *Wisconsin State Journal*, Jan. 26, 1990.

новное внимание фокусируется на вопросе, при каких условиях сцены насилия на телевидении с большей вероятностью могут усиливать агрессию. Во втором параграфе рассматриваются долгосрочные последствия частых просмотров сцен насилия, которыми нас перекармливает телевидение. В завершение я предложу несколько способов ослабления этих пагубных эффектов.

НАСИЛИЕ НА ЭКРАНАХ И ПЕЧАТНЫХ СТРАНИЦАХ: НЕМЕДЛЕННЫЙ ЭФФЕКТ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ-ИМИТАЦИИ: ЗАРАЗНОСТЬ НАСИЛИЯ

«Эпидемия преступлений распространяется по линиям телеграфа»

Дело Джона Хинкли — наглядный пример того, как изощренно и глубоко средства массовой информации могут влиять на уровень агрессивности современного общества. Не только его попытка убить президента Рейгана была явно спровоцирована фильмом, но и само это покушение, которое широко освещалось в прессе, по радио и телевидению, вероятно, побудило других людей копировать его агрессию. По словам представителя Секретной службы (правительственной службы охраны президента), в первые дни после покушения угроза жизни президента резко возросла. Далее он заметил, что в этом не было ничего необычного. За попытками убить президента часто следует резкий рост числа устных и письменных угроз в его адрес.

Именно такой рост имел место шестью годами ранее, в сентябре 1975 года, после того как Линетт Фромме пыталась застрелить президента Джеральда Форда. Согласно статистике, представленной секретной службой, в первые три недели после покушения в адрес президента Форда пришло 320 угроз в сравнении с обычными 100 угрозами за такой же период времени. Естественно, каждое подобное угрожающее послание требует проверки, поскольку всегда может найтись тот, кто способен реализовать свои слова. И действительно, примерно через две недели после попытки Линетт Фромме в президента Форда стреляла Сара Джейн Мур. Очевидно, что покушения являются источником опасности для всех видных политических деятелей. Хьюберт Хамфри, вице-президент во времена Линдона Джонсона и сам трижды кандидат в президенты, так прокомментировал второе покушение на жизнь президента Форда: «Встречаются люди, которые в ту минуту, когда видят такую попытку или слышат о ней, по той или иной причине... хотят совершить то же самое» (*Wisconsin State Journal*, Apr. 3, 1981; *Capital Times*, Apr. 1, 1981).

Другие случаи из жизни знаменитостей также подтверждают заразность насилия, распространяющегося вместе с новостями о сенсационных преступлениях. Несколько убийств, случившихся в 1966 году, представляют особый интерес для анализа, который я предложу позже в этой главе. Ричард Спек убил восемь медсестер в Чикаго, штат Иллинойс, в июле 1966 года. В августе того же года Чарльз Уитмен расстрелял 45 человек с башни Техасского университета в г. Остин. Три месяца спустя в Аризоне Роберт Смит, 18-летний ученик старшего класса, отправился на курсы косметологии и убил там четырех женщин и ребенка. Позже он рассказал полиции, что мысль о массовом убийстве возникла у него после того, как он прочитал в газете о Спеке и Уитмене. Смит также сказал, что планировал стрельбу с тех пор, как родители подарили ему на день рождения спортивный пистолет (см.: Bercowitz & Macaulay, 1971). К этим случаям мы еще вернемся в этой главе.

Мы много слышим о преступлениях-имитациях, и социологи уже давно знают о подобном феномене. Еще в 1890 году французский социолог Габриэль Тард (Gabriel Tarde) писал о «суггесто-подражательных-нападениях», говоря, что с распространением сообщений о жестоких преступлениях (в то время по телеграфу) у восприимчивых людей рождаются агрессивные идеи, а некоторые из них даже прямо копируют описанное в сообщениях поведение. Тард утверждал, что такой эффект имели убийства, совершенные знаменитым Джеком-Потрошителем в Лондоне в 1888 году:

> *Менее чем через год в этом огромном городе было совершено целых восемь абсолютно идентичных преступлений. И это еще не все; затем последовало повторение этих преступлений за пределами... столицы (и за границей). Инфекционная эпидемия распространяется по воздуху или ветру; эпидемия преступлений идет по линиям телеграфа (Tarde, 1912, p. 340–341).*

Статистические данные о заразности насилия

Факты говорят о том, что преступления-имитации не относятся к разряду крайне редких. Они случаются с определенной регулярностью, хотя нельзя говорить и об их неизбежности. Более двадцати лет назад мы с моей коллегой Жаклин Маколей (Jacqueline Macaulay) решили выяснить, приводят ли сенсационные акты насилия к витку жестоких преступлений в масштабах страны. С этой целью мы проанализировали данные Федерального Бюро Расследований (ФБР) по сорока американским городам. Мы составили перечень жестоких преступлений — убийств, нападений при отягчающих обстоятельствах, изнасилований и грабежей — и, воспользовавшись методами статистики, попытались выявить, как изменяется уровень преступности в зависимости от таких параметров, как вели-

чина города и месяц года. Неожиданные и нетипичные изменения в списке преступлений были обнаружены после убийства президента Джона Ф. Кеннеди в ноябре 1963 года. Хотя год от года число жестоких преступлений в общем возрастало, за убийством Кеннеди последовал сначала (через месяц) относительный их спад и затем резкий скачок в течение следующих нескольких месяцев (позже я попытаюсь объяснить такого рода резкие колебания). Интересно, что составленный нами перечень ненасильственных преступлений (воровство, кражи со взломом, угоны автомобилей) не подпадал под эту схему. Наши результаты получили дальнейшее подтверждение, когда за преступлениями Спека и Уитмена также последовал внезапный рост уровня насильственных преступлений по сравнению с цифрами, которых можно было ожидать исходя из общей тенденции. Роберт Смит был не единственным, чью жестокость спровоцировали газетные колонки новостей (Bercowitz & Macaulay, 1971).

Мы не можем точно сказать, почему происходит подобный резкий рост числа жестоких преступлений. Однако в ФБР уверены, что ни одно неожиданное изменение в полицейских процедурах или правилах нельзя считать основанием для такого скачка. Думается, убийство президента Кеннеди могло усилить беспокойство правоохранительных органов о поддержании законности и порядка и заставить их быть более внимательными к происходящему вокруг, но трудно поверить, чтобы инциденты со Спеком и Уитменом также вызвали озабоченность полиции по всей стране. Более чем вероятно, что внезапный и кратковременный рост жестоких преступлений стал реакцией на сообщения в прессе.

Исследования Д. Филипса о заразности насилия

Возможно, самое известное и наверняка самое противоречивое исследование заразной природы насилия принадлежит социологу Дэвиду Филипсу (David Phillips) из Калифорнийского университета Сан-Диего. Одни из его выводов подверглись критике, другие были подтверждены независимыми исследователями. Стоит поближе познакомиться с отдельными его работами, поскольку они имеют как теоретическое, так и практическое значение. В них указывается, что сообщения в новостях, а также художественные фильмы и ТВ-программы могут оказывать социально неблагоприятное влияние на аудиторию, что эти последствия могут быть сравнительно кратковременными и необязательно являются результатом длительного научения агрессивному поведению и что взрослые наравне с детьми могут подвергаться воздействию масс-медиа.

❑ **Заразность суицида**. Филипс начал свои изыскания с подсчета самоубийств-имитаций. Он составил список из тридцати пяти случаев самоубийств, освещавшихся в национальных средствах массо-

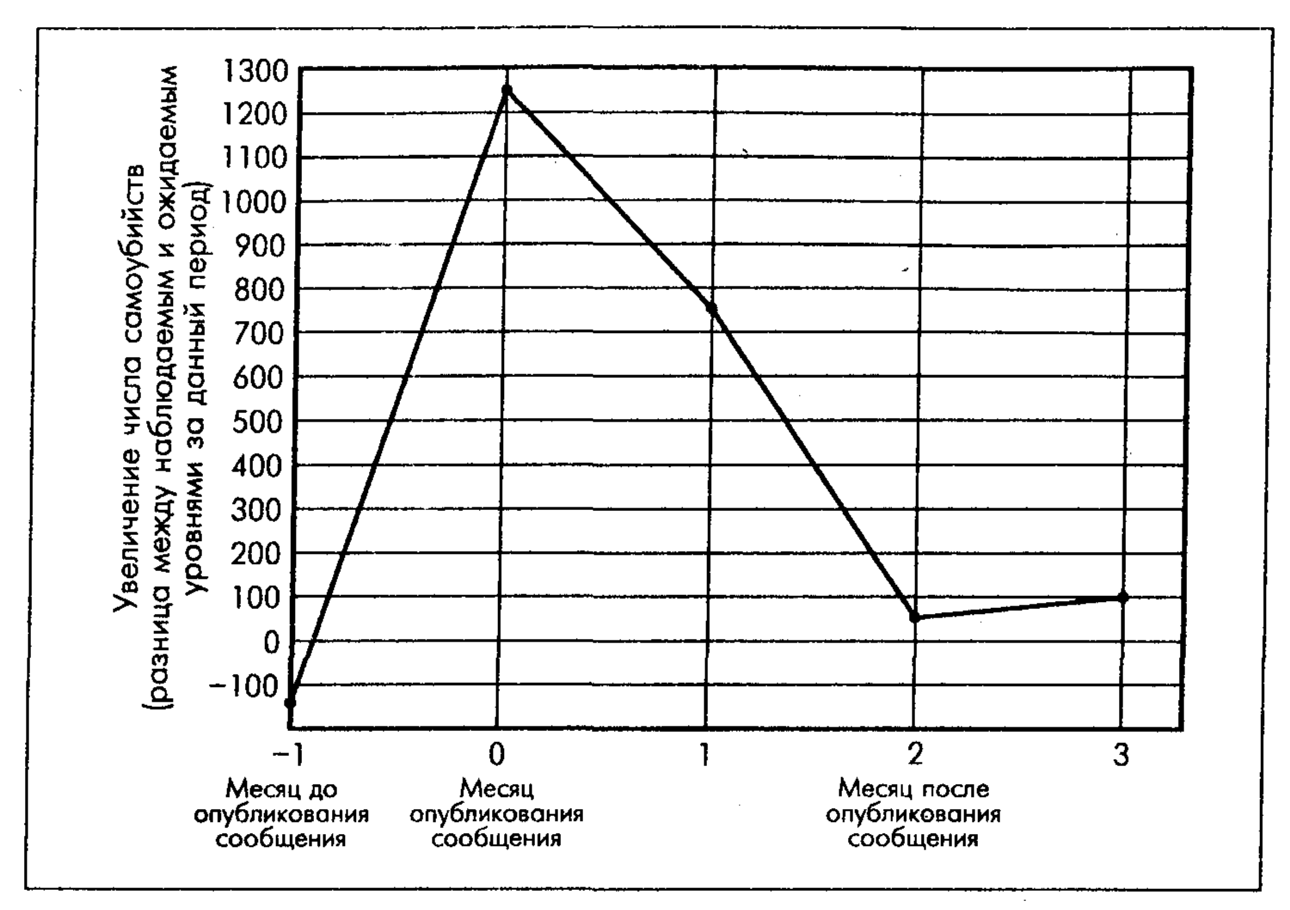


Рис. 7-1. Колебания числа самоубийств в США в месяц до самоубийств, в месяц самоубийств и в месяц после самоубийств, широко освещенных в прессе, по всем случаям (Phillips, 1974). Copyright by the American Psychological Assossiation).

вой информации с 1947 по 1968 год. Затем он использовал официальные документы для определения числа суицидов, имевших место в США в течение трех периодов: в месяц до совершения суицида известной личностью, в месяц совершения суицида и в месяц после него. Как показывает рис. 7-1, если эти тридцать пять широко освещенных в СМИ самоубийств рассматривать вместе, то становится очевидным, что в месяц смерти знаменитости из жизни добровольно уходит больше людей, чем обычно. «Превышение» числа самоубийств не было слишком высоким в расчете на каждый случай — в среднем по стране произошло всего на 28 самоубийств больше, чем в другое время, — но тем не менее было очевидно, что сообщения в новостях имели определенное (статистически значимое) воздействие.

Заразность суицида не ограничивается Соединенными Штатами. Проанализировав британскую статистику, Филипс получил в целом те же результаты. Так же, как в США, в Великобритании суициды, получившие «широкую прессу», привели к заметному росту числа людей, которые явно последовали этим примерам. Вам может быть небезынтересно узнать, что смерть Мерилин Монро в августе 1962 года вызвала 12%-ный рост самоубийств в США по сравнению с ожидаемым уровнем и 10%-ный рост — в Великобритании. Более

того, чем шире в обеих странах освещалось какое-либо самоубийство на страницах национальной периодической печати, тем выше в сравнении с ожидаемым было число суицидов[1].

Филипс утверждает, что суицид более заразен, чем думают многие. Даже некоторые авто- и авиакатастрофы, считает он, могут быть на самом деле хорошо обдуманными самоубийствами, спровоцированными новостями о смерти известных людей. В одном из его исследований отмечается, что после освещения в СМИ одного из суицидов число автомобильных аварий со смертельным исходом выросло более чем на 30%, причем этот рост достиг пика на третий день после сообщения. Как и другие его работы, данное исследование свидетельствует о том, что чем больше аудитория программ новостей, тем выше был рост смертей в транспортных авариях[2].

Хотя в отношении ряда исследований Филипса высказываются сомнения, он сумел опровергнуть некоторые аргументы своих критиков[3]. Взятые вместе, его работы наглядно доказывают, что отдельные самоубийства вызваны сообщениями в печати и теленовостях о добровольном уходе из жизни известных людей. «Имитаторы», несомненно, и раньше задумывались о том, чтобы свести счеты с жизнью, но некоторые из них наверняка бы передумали и продолжали бы жить, не столкнись они с сообщениями о «звездных» суицидах.

❐ **Влияние информации об агрессии на уровень убийств**. Воодушевленный своим успехом в сборе доказательств о заразности само-

---

[1] Phillips (1974). Помимо обзора ряда социологических исследований о потенциальной роли внушения в принятии решения о суициде, эта работа подробно знакомит с аналитическими процедурами, применяемыми Филипсом, например, с процедурой оценки количества внимания, уделяемого газетой отдельному событию. Также см.: Phillips (1986). Иногда новости, опубликованные в СМИ, влияют на распространение мыслей о самоубийстве среди подростков. Опираясь на общенациональную статистику, Филипс и Карстенсен (Phillips & Carstensen, 1986) доказали, что сообщения или документальные очерки о самоубийствах, переданные по трем главным телеканалам США, в течение следующей недели привели к повышению уровня самоубийств среди подростков. Более того, этот эффект не имел места только в том случае, если новости сообщались через газеты; чем больше телепрограмм сообщали о происшествии, тем значительнее был последующий рост числа суицидов подростков по всей стране.

[2] Phillips (1979). Несоразмерное повышение числа смертей в автокатастрофах с участием одной машины по сравнению с авариями с участием нескольких машин.

[3] Например, вслед за другими критиками Кесслер и Стипп (Kessler & Stipp, 1984) утверждают, что в исследовании Филипса о влиянии вымышленных самоубийств персонажей телесериалов (эта работа в данной главе не упоминалась) была серьезная методологическая ошибка. Ответ Филипса на критику см.: в Phillips (1986).

убийств, Филипс взялся за исследование вопроса о том, насколько сильное воздействие оказывает широкое освещение агрессивных столкновений на случаи убийств в США. Разумеется, он не думал, что каждый случай применения насилия обязательно приводит к незамедлительному росту числа убийств. По мнению Филлипса, эффектно обставленный акт насилия может и не побудить других действовать агрессивно, если в новостях рассказывается, что преступники понесли наказание за свои злодеяния.

Профессиональные боксерские бои наводят на мысли о насилии. Боксерские бои за чемпионский титул — хороший пример ненаказуемых агрессивных столкновений, санкционированных обществом. Филипс предположил, что такие спортивные события в действительности могут привести к увеличению жестоких преступлений.

Для проверки своих смелых гипотез Филипс провел сложный статистический анализ (в котором учитывались время года, праздничные дни и дни недели), изучив колебания количества ежедневных убийств в США до и после чемпионатов по боксу в тяжелом весе в период с 1973 по 1978 год. Он обнаружил, что бои имеют небольшой, но статистически значимый эффект с максимальным влиянием в первые три дня после боев. Каждая схватка (из выборки Филлипса) привела к росту числа убийств по сравнению с обычным уровнем примерно на 12 случаев (в масштабах страны). Согласно теории Филлипса, «лишних» убийств было больше тогда, когда в вечерних новостях на всю страну сообщали о чемпионате (Phillips, 1986).

Только задумайтесь. Спортивные соревнования призваны развлекать аудиторию, и какая-то часть людей действительно получает удовольствие, следя за ними. Но если признать результаты, полученные Филлипсом (а я думаю, они верны), значит, встречаются люди, которые, по-видимому, действительно черпают жестокие идеи из ТВ и газет, сообщающих об агрессивных поединках, а кое-кто из таких людей даже воплощает свои мысли в насильственных действиях. Более детальное описание этого процесса дается ниже в этой главе.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРАТКОВРЕМЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СЦЕН НАСИЛИЯ В МАСС-МЕДИА

Увеличивает ли насилие в средствах массовой информации вероятность проявления агрессии?

Я высказал предположение, что новости о насильственных событиях могут разбудить жестокость в некоторых зрителях, слушателях и читателях этих новостей. То же самое можно сказать о воздей-

ствии кино, которое призвано развлекать, а не нести информацию. Изображение дерущихся и убивающих друг друга людей может усилить в зрителях их агрессивные наклонности. Однако немало психологов сомневаются в существовании такого влияния. Например, Джонатан Фридман (Jonathan Freedman) настаивает, что имеющиеся «свидетельства не подтверждают мысль, что просмотр фильмов со сценами насилия вызывает агрессию». Другие скептики утверждают, что наблюдение за агрессивными действиями киногероев оказывает в лучшем случае лишь незначительное влияние на поведение наблюдателя[1].

❑ **Результаты лабораторных экспериментов**. Я же, в свою очередь, присоединяюсь к тем, кто полагает, что значительная часть экспериментальных исследований со всей очевидностью доказывает: фильмы с жестокими, кровавыми сценами способны повысить вероятность агрессивного поведения зрителей. Это влияние варьируется в диапазоне от «слабого» до «среднего». Статистический анализ результатов 31 лабораторного опыта, проведенный Эндисоном (Andison), резюмирует некоторые из этих доказательств. Большинство исследований демонстрирует, что просмотр сцен насилия в кино приводит к повышению уровня агрессивности у людей. Правда, более половины исследований показали, что фильмы такого рода имеют лишь умеренное влияние на поведение людей (Andison, 1977).

❑ **Оценка более реалистической агрессии**. Подобный анализ провели Венди Вуд (Wendy Wood) и ее коллеги из университета A&M в Техасе. Возможно, он покажется вам более убедительным. Поскольку в научных кругах росли сомнения относительно предполагаемой искусственности лабораторных измерений агрессии, группа Вуд сфокусировала внимание на 28 отдельных опытах, в которых испытуемые имели возможность естественно и свободно выступать против других людей (Wood, Wong & Chachere, 1991).

Бельгийский эксперимент Лейенса*. Опыт, проведенный Жаком-Филиппом Лейенсом и Леонсио Камино (Jacques-Philippe Leyens & Leoncio Camino) в бельгийском университете г. Левена,— это исследование в ключе работы психологов из Техасского университета. В эксперименте участвовали подростки, обитатели детских исправительных за-*

---

[1] Freedman (1984) поставил под сомнение адекватность доказательств, указывающих на то, что сцены насилия в кино увеличивают агрессивность людей. В основном он говорит о противоречивости этих результатов. На его критику ответили Friedrich-Cofer & Huston (1986) и Phillips (1986), p. 236. На мой взгляд, Фридман не придает должного значения тому, что результаты многочисленных исследований (задействующих разные типы зрителей, фильмов и разные методы измерения) доказывают практически те же эффекты.

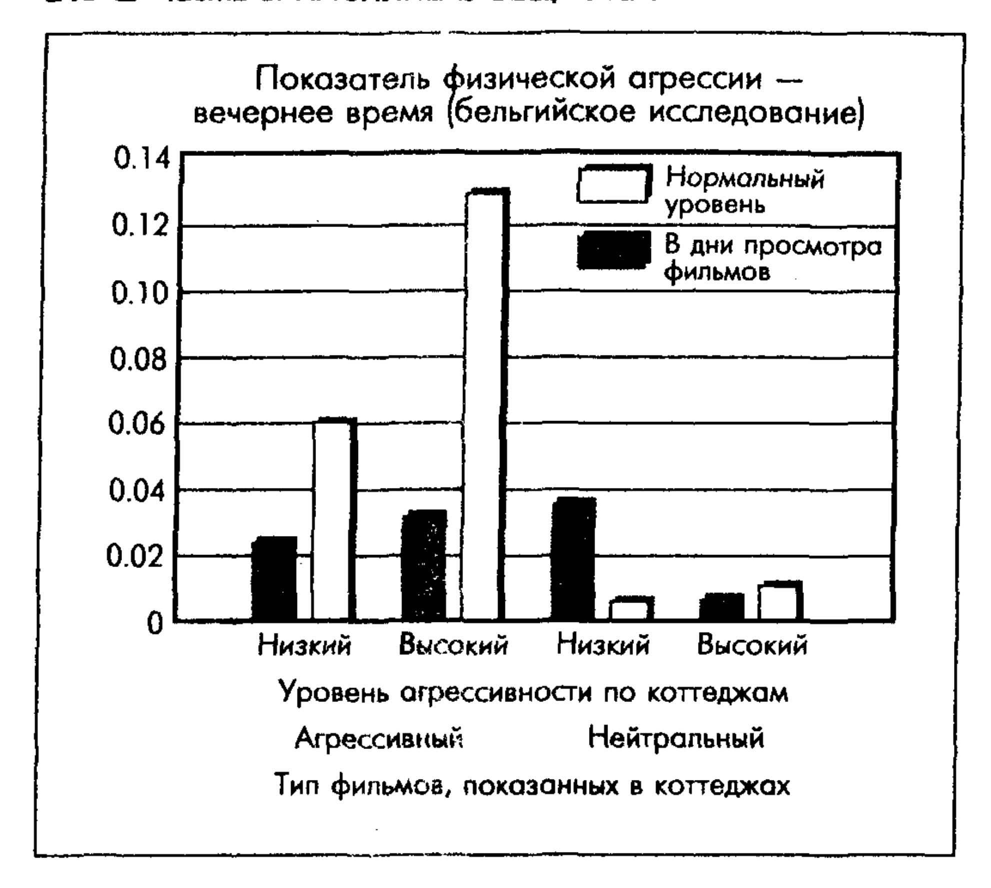


Рис. 7-2. Средние уровни физической агрессии среди подростков вскоре после просмотра кинофильмов. (Данные из работы Leyens, Camino, Parker, &, (1975) as reported in Parker, Berkowitz, Leyens, West, & Sebastian (1977), p. 155. Copyright 1975 by the American Psychological Association.)

ведений. На время эксперимента всех их поселили в четырех коттеджах. Сначала инструкторы-наблюдатели измерили исходный уровень агрессивности каждого мальчика. Через неделю после этого, на второй стадии эксперимента (которая длилась пять дней), в коттеджах каждый вечер показывали художественные фильмы. При этом в одних коттеджах демонстрировались «агрессивные» фильмы, а в других — неагрессивные. Всю неделю наблюдатели анализировали поведение мальчиков. Наконец в течение следующей недели подросткам не показывали никаких фильмов, но ежедневные наблюдения за их поведением продолжались. Я расскажу вам только об агрессии подростков, зафиксированной в те пять вечеров второй недели, когда демонстрировались фильмы, поскольку Вуд и ее коллеги также основное внимание уделяли поведению испытуемых сразу после просмотра фильма. Для краткости ограничимся физическими нападками мальчиков друг на друга.

Из рис. 7-2 видно, что просмотр «агрессивных» фильмов привел к тому, что подростки стали более агрессивными по отношению к соседям по коттеджу, независимо от того, насколько часто происходили ссоры между ними в первую неделю. Для сравнения: у мальчиков,

смотревших нейтральные фильмы, частота нападок друг на друга либо снизилась, либо осталась прежней. Лейенс также обнаружил (и это важно отметить), что повышенная агрессивность, наблюдаемая в коттеджах, где показывали фильмы со сценами насилия, не была вызвана просто увеличением уровня активности; мальчиков намеренно провоцировали на агрессию. Эти фильмы определенно стимулировали агрессивность подростков[1].

Результаты, полученные Вуд в ходе анализа всех работ. Бельгийские результаты Лейенса ни в коем случае не являются нетипичными. Результаты работ, изученных Вуд и ее коллегами, в общем повторяли результаты исследований, изученных Эндисоном, даже при том, что техасские ученые занимались исключительно исследованиями «естественных» форм агрессии. Примерно в 70% экспериментов, изученных техасской группой, просмотр «агрессивных» фильмов приводил к большей агрессивности, чем просмотр нейтральных фильмов у контрольной группы. Более того, оценив разницу в показателях, Вуд и ее коллеги пришли к выводу, что слова: «изображение насилия в средствах массовой информации в среднем влияет на уровень агрессивности человека, колеблясь в диапазоне от слабого до среднего» — это типичный прогноз социальной психологии[2].

Хотим предостеречь вас от неправильного понимания слов «от слабого до среднего», что свойственно отдельным критикам исследований средств массовой информации. Вуд отмечает, что даже слабое влияние не обязательно является незначительным. По ее оценкам, основанным на статистическом анализе, пусть малая часть молодых людей, смотревших фильмы со сценами насилия, могут стать более агрессивными, но тем не менее эта малая часть значимая и ее следует воспринимать всерьез, памятуя об огромном размере медиа-аудитории.

Поскольку средства телевещания показывают фильмы многим миллионам телезрителей, по всей стране в течение любой недели может произойти на несколько сот серьезных актов насилия больше, чем их было бы в том случае, если бы такие фильмы не демонстрировались.

---

[1] Leyens, Camino, Parke & Berkowitz (1975). Отчет о двух полевых экспериментах, проведенных в Висконсине, а также о бельгийском исследовании и еще четырех лабораторных экспериментах см.: Parke, Berkowitz, Leyens, West & Sebastian (1977).

[2] Wood, Wong & Chachere (1991), p. 379. Результаты, относящиеся к естественно возникающей агрессии, сходны с «искусственными», лабораторными показателями агрессии. Это подтверждает валидность лабораторных показателей. Дополнительные доказательства см.: гл. 13 этой книги, а также Carlson, Marcus-Newhall & Miller (1989).

Насилие в средствах массовой информации под микроскопом: когда и почему «агрессивные» фильмы влияют на агрессивность

Итак, перед большей частью исследователей уже не стоит вопрос о том, повышают ли сообщения в СМИ, содержащие информацию о насилии, вероятность того, что в дальнейшем уровень агрессии возрастет. Но возникает другой вопрос: когда и почему этот эффект имеет место. К нему мы и обратимся. Вы увидите, что не все «агрессивные» фильмы одинаковы и что только отдельные агрессивные сцены способны иметь последействие. Фактически некоторые изображения насилия могут даже ослабить порыв зрителей напасть на своих врагов. Ниже мы выделим условия, ограничивающие вредные влияния сцен насилия, а также представим теоретический анализ медиа-эффектов, который одновременно является попыткой объяснить исключения и поможет понять как природу преступлений-имитаций, так и воздействия сцен насилия в художественном кино. Ввиду недостатка места мы не сможем познакомить вас со многими интересными и важными экспериментами, поэтому наш обзор исследований будет очень выборочным[1].

❑ **Эффект прайминга от агрессивных сцен: люди заражаются идеями.** Прежде чем продолжить, я должен напомнить, что говорю сейчас только об относительно непосредственном и скоротечном воздействии изображения насилия на телевидении и в кино или чтения о нем, но не о долговременных последствиях частого просмотра сцен насилия. Даже кратковременные эффекты могут быть довольно сложными: несомненно, они находятся под влиянием разнообразных психологических процессов. Я полагаю, что будет полезно объяснить это последействие с точки зрения понятия «прайминга», с которым я познакомил вас в главе 4. Позвольте мне напомнить вам о том, что подразумевается под праймингом.

Понятие «прайминга». Центральная идея понятия «прайминга» (от англ. prime — заряжать, воспламенять) такова: когда люди сталкиваются с неким стимулом (или событием), имеющим частное значение, им в голову приходят другие идеи с точно таким же значением. Эти мысли в свою очередь могут активизировать и другие семантически родственные им идеи и даже склонить к действию.

Один из опытов, упоминавшихся в главе 4, иллюстрирует этот принцип в действии. Чарльз Карвер (Charles Carver) и его коллеги предложили испытуемым несколько наборов из четырех слов и просили составить из

---

[1] *Более подробное изложение моей теории см.:* Berkowitz (1984). Нет нужды говорить, что другие психологи защищают несколько иные взгляды на влияние насилия, изображаемого в кино. См., например: Bandura (1973); Zillmann (1979); Huesmann & Malamuth (1986).

каждого набора законченные трехсловные предложения. В той группе студентов, где условием эксперимента была «агрессивная зарядка», 80% наборов слов содержали слово с агрессивной коннотацией. Например, один набор состоял из слов «ударил ее он их», следовательно, из него могло получиться предложение «Он ударил ее». Сразу после того, как студенты составили предложения, они получили задание «наказать» своих коллег за допущенные ошибки. Испытуемые в группе с агрессивным праймингом прибегли к значительно более суровым санкциям, чем студенты из других групп. Агрессивные мысли, которые активизировались в испытуемых в процессе составления агрессивных предложений, по-видимому, заставили их дать враждебную оценку работам других студентов и, возможно также, пробудили их агрессивные наклонности (Carver, Ganellen, Froming & Chambers, 1983).

Понятие прайминга применительно к сценам насилия в масс-медиа. Как уже говорилось в главе 4, именно явления подобного рода способствуют агрессивному поведению, которое является результатом просмотра теле- или кинопрограмм со сценами насилия или знакомства с газетными новостями о человеческой жестокости. Люди заражаются агрессивными идеями. Этот эффект знаком многим. Несколько лет назад один журналист спросил вожака нью-йоркской банды подростков, какие телепрограммы больше всего нравятся молодежи. Парень перечислил программы, изобилующие стрельбой и убийствами, но добавил, что не любит, когда по телевизору показывают изнасилования. По его мнению, подобные сцены «[внушают] парням ненужные идеи... Они выходят из дому и делают то же самое — просто так» (Gale, W.).

Возможно, парень прав. Трудно сказать, делают они это «просто так» или по какой-то причине. Но многие люди, угрожавшие президенту Рейгану после покушения на него, или те, кто совершал насилие под впечатлением от убийства президента Кеннеди или после широко освещавшегося чемпионата по боксу, вероятно, получили агрессивную зарядку от ставших отправными агрессивных историй в СМИ и воплотили свои мысли о насилии в насильственные действия.

Эксперимент, проведенный Чарльзом Тернером и Джоном Лейтоном (Charles Turner & John Layton) в университете Солт-Лейк-Сити, штат Юта, помогает понять психологические аспекты этого процесса. Исследователи дали студентам списки слов на запоминание, а затем поручили каждому «наказать» другого студента за ошибки в ходе «проверки» выученного. В этом задании самыми строгими учителями оказались те, кому достались легко визуализируемые слова, обладающие четкой агрессивной коннотацией (например, «пистолет», «нокаут», «столкновение»). Испытуемые, запомнившие агрессивные, но менее легко визуализируемые слова (например, «гнев», «враг», наказание») или выучившие только нейтральные слова (какова бы ни была их образная ценность), налагали менее суровые наказания (Turner & Layton, 1976).

Теперь давайте через призму этого результата рассмотрим обыкновенные жизненные ситуации. Допустим, мы слышим, что два человека напали на третьего и ранили его. Такое нетрудно себе представить. Легковизуализируемые события, подобные этому, впоследствии так же легко вспоминаются. (Тернер и Лейтон и другие исследователи доказали этот эффект.) Если, на наш взгляд, в этом происшествии преобладает агрессивный смысл, то есть событие вызывает у нас беспокойство или мы считаем его достойным порицания, то мы не только довольно быстро его запомним; также велика вероятность, что наша память активизирует другие связанные с агрессией идеи, чувства и желание действовать. Схожим образом могут воздействовать сцены насилия в кино. Обычно они легко вспоминаются благодаря своей визуальности, яркости и концептуальной простоте. Когда мы вспоминаем эти сцены, их агрессивное содержание может вызвать у нас связанные с агрессией мысли, чувства и моторные реакции. В таком случае мы вполне способны сделать нечто в русле этих спровоцированных реакций, особенно если на тот момент будут ослаблены наши внутренние запреты на агрессию.

Работа Брэда Бушмена и Рассела Гина (Brad Bushman & Russell Geen) дает эмпирическое обоснование для моего исследования о том, каким образом наблюдение сцен насилия повышает вероятность дальнейшей агрессии. В их эксперименте испытуемых просили записать мысли, которые придут им на ум во время просмотра короткого отрывка из фильма. Чем жестче была сцена, тем больше агрессивных идей рождалось у испытуемых. Интересно, — и это лишний раз подтверждает мою теорию, — что люди, которым показывали самый жестокий фильм, сильнее всего выражали свой гнев (в сравнении с тем, как они чувствовали себя в начале эксперимента) и у них значительно повышалось кровяное давление[1]. Таким образом, активизирующее событие — в данном случае просмотр кинофильма со сценами насилия — может породить физиологические и эмоциональные реакции, а также конкретные мысли.

---

[1] Bushman & Geen (1990). Эти исследователи обнаружили также, что у мужчин с относительно сильной склонностью к физической агрессии (оценка по шкале Басса–Дарки) агрессивные мысли возникали чаще после просмотра сцен умеренного насилия. Уонн и Брэнскоум (Wann & Branscombe, 1989) явно опирались на понятие прайминга в своем исследовании влияния спорта. Их испытуемым не показывали записи спортивных игр, а давали задание составить предложения об агрессивных (например, бокс) или неагрессивных (например, гольф) видах спорта. Позже испытуемые должны были охарактеризовать малознакомого им человека (ассистента экспериментатора). Те, кто составлял предложения с названиями агрессивных видов спорта, были более склонны считать этого человека враждебно настроенным типом с сильной склонностью к проявлению агрессии.

❑ **Смысл наблюдаемого насилия**. Обсуждая эксперимент Тернера — Лейтона, мы затронули серьезную проблему, которую следует сформулировать точнее: у людей, наблюдающих сцены насилия, не возникнут агрессивные мысли и склонности, если они не интерпретируют увиденные действия как агрессивные. Иными словами, агрессия активизируется, если зрители изначально думают, что видят людей, намеренно пытающихся ранить или убить друг друга.

Являются ли контактные виды спорта жестокими играми? К такому выводу можно прийти относительно таких контактных видов спорта, как американский футбол. Многие считают его жестокой игрой, и действительно, на некоторых людей футбольная борьба может воздействовать так же, как и насилие в кино. Джеффри Голдстейн и Роберт Армс (Jeffrey Goldstein & Robert Arms) опросили зрителей на футбольном матче и на чемпионате по гимнастике с целью оценить уровень враждебности болельщиков до и после состязаний. Если у тех, кто переживал за гимнастов, не было выявлено никакого обнаружимого эффекта, то футбольные фанаты продемонстрировали значительный рост враждебности, причем независимо от того, болели они за победившую или проигравшую команду.

Однако не следует рассматривать футбол как агрессивный вид спорта. У соперников нет намерения покалечить друг друга, мы должны видеть в игроках просто хороших спортсменов, энергично добивающихся победы. Не придавая игре агрессивного смысла, зритель не придет к агрессивным мыслям (если он не слишком обеспокоен ходом игры) и, следовательно, не получит стимула к агрессии. С моим коллегой Джо Алиото (Joe Alioto) мы доказали это с помощью следующего опыта.

Сначала ассистент экспериментатора преднамеренно оскорбил испытуемых, а затем им показали фильм о профессиональном футболе или боксе. Испытуемых из двух групп по-разному подготовили к восприятию фильма: одной группе описали соперников как ожесточенных противников, которые стремятся изничтожить друг друга, другой группе — как невозмутимых профессионалов. Только испытуемые из первой группы увидели в соревнованиях агрессивный смысл. Когда позже всем участникам было предложено «наказать» человека, оскорбившего их в начале эксперимента, то испытуемые, полагавшие, что спортсмены стремились покалечить друг друга, проявили больше агрессии, чем их коллеги из второй группы[1].

---

[1] Первое из упомянутых исследований влияния футбола проведено Голдстейном и Армсом (Goldstein & Arms, 1971). Армс, Рассел и Сэндиленде (Arms, Russell, Sandilands, 1979) также обнаружили возрастание агрессивности после хоккейного матча и соревнований по борьбе, но не после соревнований по плаванию. Второй из упомянутых экспериментов проведен Берковицем и Алиото (Berkowitz & Alioto, 1973).

Теперь давайте через призму этого результата рассмотрим обыкновенные жизненные ситуации. Допустим, мы слышим, что два человека напали на третьего и ранили его. Такое нетрудно себе представить. Легковизуализируемые события, подобные этому, впоследствии так же легко вспоминаются. (Тернер и Лейтон и другие исследователи доказали этот эффект.) Если, на наш взгляд, в этом происшествии преобладает агрессивный смысл, то есть событие вызывает у нас беспокойство или мы считаем его достойным порицания, то мы не только довольно быстро его запомним; также велика вероятность, что наша память активизирует другие связанные с агрессией идеи, чувства и желание действовать. Схожим образом могут воздействовать сцены насилия в кино. Обычно они легко вспоминаются благодаря своей визуальности, яркости и концептуальной простоте. Когда мы вспоминаем эти сцены, их агрессивное содержание может вызвать у нас связанные с агрессией мысли, чувства и моторные реакции. В таком случае мы вполне способны сделать нечто в русле этих спровоцированных реакций, особенно если на тот момент будут ослаблены наши внутренние запреты на агрессию.

Работа Брэда Бушмена и Рассела Гина (Brad Bushman & Russell Geen) дает эмпирическое обоснование для моего исследования о том, каким образом наблюдение сцен насилия повышает вероятность дальнейшей агрессии. В их эксперименте испытуемых просили записать мысли, которые придут им на ум во время просмотра короткого отрывка из фильма. Чем жестче была сцена, тем больше агрессивных идей рождалось у испытуемых. Интересно, — и это лишний раз подтверждает мою теорию, — что люди, которым показывали самый жестокий фильм, сильнее всего выражали свой гнев (в сравнении с тем, как они чувствовали себя в начале эксперимента) и у них значительно повышалось кровяное давление[1]. Таким образом, активизирующее событие — в данном случае просмотр кинофильма со сценами насилия — может породить физиологические и эмоциональные реакции, а также конкретные мысли.

---

[1] Bushman & Geen (1990). Эти исследователи обнаружили также, что у мужчин с относительно сильной склонностью к физической агрессии (оценка по шкале Басса–Дарки) агрессивные мысли возникали чаще после просмотра сцен умеренного насилия. Уонн и Брэнскоум (Wann & Branscombe, 1989) явно опирались на понятие прайминга в своем исследовании влияния спорта. Их испытуемым не показывали записи спортивных игр, а давали задание составить предложения об агрессивных (например, бокс) или неагрессивных (например, гольф) видах спорта. Позже испытуемые должны были охарактеризовать малознакомого им человека (ассистента экспериментатора). Те, кто составлял предложения с названиями агрессивных видов спорта, были более склонны считать этого человека враждебно настроенным типом с сильной склонностью к проявлению агрессии.

❐ **Смысл наблюдаемого насилия**. Обсуждая эксперимент Тернера – Лейтона, мы затронули серьезную проблему, которую следует сформулировать точнее: у людей, наблюдающих сцены насилия, не возникнут агрессивные мысли и склонности, если они не интерпретируют увиденные действия как агрессивные. Иными словами, агрессия активизируется, если зрители изначально думают, что видят людей, намеренно пытающихся ранить или убить друг друга.

Являются ли контактные виды спорта жестокими играми? К такому выводу можно прийти относительно таких контактных видов спорта, как американский футбол. Многие считают его жестокой игрой, и действительно, на некоторых людей футбольная борьба может воздействовать так же, как и насилие в кино. Джеффри Голдстейн и Роберт Армс (Jeffrey Goldstein & Robert Arms) опросили зрителей на футбольном матче и на чемпионате по гимнастике с целью оценить уровень враждебности болельщиков до и после состязаний. Если у тех, кто переживал за гимнастов, не было выявлено никакого обнаружимого эффекта, то футбольные фанаты продемонстрировали значительный рост враждебности, причем независимо от того, болели они за победившую или проигравшую команду.

Однако не следует рассматривать футбол как агрессивный вид спорта. У соперников нет намерения покалечить друг друга, мы должны видеть в игроках просто хороших спортсменов, энергично добивающихся победы. Не придавая игре агрессивного смысла, зритель не придет к агрессивным мыслям (если он не слишком обеспокоен ходом игры) и, следовательно, не получит стимула к агрессии. С моим коллегой Джо Алиото (Joe Alioto) мы доказали это с помощью следующего опыта.

Сначала ассистент экспериментатора преднамеренно оскорбил испытуемых, а затем им показали фильм о профессиональном футболе или боксе. Испытуемых из двух групп по-разному подготовили к восприятию фильма: одной группе описали соперников как ожесточенных противников, которые стремятся изничтожить друг друга, другой группе — как невозмутимых профессионалов. Только испытуемые из первой группы увидели в соревнованиях агрессивный смысл. Когда позже всем участникам было предложено «наказать» человека, оскорбившего их в начале эксперимента, то испытуемые, полагавшие, что спортсмены стремились покалечить друг друга, проявили больше агрессии, чем их коллеги из второй группы[1].

---

[1] Первое из упомянутых исследований влияния футбола проведено Голдстейном и Армсом (Goldstein & Arms, 1971). Армс, Рассел и Сэндилендс (Arms, Russell, Sandilands, 1979) также обнаружили возрастание агрессивности после хоккейного матча и соревнований по борьбе, но не после соревнований по плаванию. Второй из упомянутых экспериментов проведен Берковицем и Алиото (Berkowitz & Alioto, 1973).

Итак, наблюдаемая агрессия — в голове самого очевидца. Только если люди толкуют увиденное как агрессию, данное событие активизирует связанные с агрессией идеи и стимулирует их к проявлению агрессии.

Наказуема ли увиденная агрессия? Даже считая наблюдаемое событие агрессивным, зрители тем не менее могут не получить посыла к агрессии, если им четко дали понять, что агрессия наказуема. Допустим, мы видим, как некто избил человека, а потом видим, как драчун расплачивается за свой поступок. Как подчеркивал Альберт Бандура (Albert Bandura), маловероятно, чтобы в этом случае мы стали подражать поведению преступника, и едва ли у нас возникнут мысли, одобряющие агрессию. То же относится и к криминальным сообщениям.

Читая в главе 10 о высшей мере наказания, вы увидите, что новости об убийце, казненном или приговоренном к пожизненному заключению, явно способны привести к кратковременному спаду уровня убийств — снижение будет продолжаться до тех пор, пока новости о наказании будут появляться регулярно и оставаться актуальными.

Является ли наблюдаемая агрессия «плохой»? Мы получим тот же результат, если будем думать, что увиденная агрессия заслуживает морального осуждения. Возьмем тот же гипотетический пример. Допустим, мы узнали, что человек, которого на наших глазах избили, позже умер от полученных травм. Это напоминание, что агрессия зачастую имеет чрезвычайно печальные или даже трагические последствия, может активизировать наши запреты в отношении агрессии и даже уберечь нас от столкновения с тем, кто только что рассердил нас.

Определенно то же самое относится и к демонстрации насилия в кино. Чрезвычайно агрессивный фильм не спровоцирует усиливающие агрессию мысли и моторные реакции, если зрители расценивают экранные драки, стрельбу и убийства как злодеяния. Но в большинстве подобных фильмов изображаемая агрессия не осуждается. В этом отношении показательны добрые старые вестерны. В этих фильмах никогда не показывают, что кто-то серьезно пострадал в драке или от пули. Персонажи просто падают, но публика не получает напоминания о смерти и уничтожении, которые несет с собой оружие.

Конечно, в современном жестоком фильме нам почти наверняка покажут тела с кровоточащими рваными ранами от пуль и ножей, но даже в этом случае к концу картины зрители все же приходят к выводу, что для изображенного насилия по большей части имелись достаточные основания. Сколь бы кровожадным ни был фильм, в

конечном счете в нем заложена идея о том, что жестокость можно полностью оправдать[1].

Однако каким бы ни был исход агрессии в фильме, мы расцениваем поведение, представленное на экране, как «неправильное», если не находим оправданий для агрессора. Приведу пример, поясняющий мою мысль. Возможно, вы видели старый американский фильм *Bad Day at Black Rock*. Главный герой фильма (в исполнении Спенсера Трейси) едет на запад, в небольшой городок, чтобы выяснить обстоятельства загадочной смерти своего друга. Кое-кто из жителей города недоволен этим, и ему начинают угрожать. Некоторые зрители могут получать удовольствие от того, что «плохие парни» запугивают героя Трейси, поскольку им вообще нравится наблюдать за агрессивными действиями — по крайней мере, такой тип поведения их не возмущает. Эти люди не думают, что запугивать человека — это плохо, и изображение угрожающего поведения вполне способно спровоцировать в них агрессивные идеи и чувства. Настроенное примерно таким же образом незначительное меньшинство американцев не было обеспокоено убийством президента Кеннеди или попытками убить президентов Форда и Рейгана. Именно на таких людях может лежать львиная доля ответственности за рост агрессии и жестоких угроз, который имел место вскоре после совершения этих сенсационных преступлений.

Моя гипотеза состоит в том, что люди реагируют абсолютно поразному, когда видят, как угрозы приводятся в действие. Большинство видевших фильм *Bad Day at Black Rock* несомненно расценивают поведение злодеев по отношению к персонажу Спенсера Трейси как бесчестное. Так и подавляющее большинство американцев было потрясено покушениями на Кеннеди, Форда и Рейгана. Их негативная оценка увиденного преступления не дала возникнуть агрессивным идеям и склонностям, которые могли активизироваться, не имей они твердой позиции на сей счет.

Однако чаще в кинофильмах не просто демонстрируются грубые, агрессивные сцены. Обычно создатели фильма идут дальше и под конец показывают героя-триумфатора, наказывающего плохих парней. В *Bad Day* происходит именно так. После того как к Спенсеру Трейси почти весь фильм приставали бандиты, он наконец решает, что с него довольно, и (под аплодисменты зрителей) внезапно обру-

---

[1] Ричард Горансон обнаружил, что люди, смотревшие боксерский поединок, проявляли *меньшую* агрессивность по сравнению с испытуемыми из контрольной группы, когда им говорили, что проигравший боксер скончался от полученных в этом бою травм. Напоминание о том, что агрессия может иметь трагические последствия, явно активизирует запреты на проявление агрессии по отношению к другим людям (Berkowitz, 1984, р. 421).

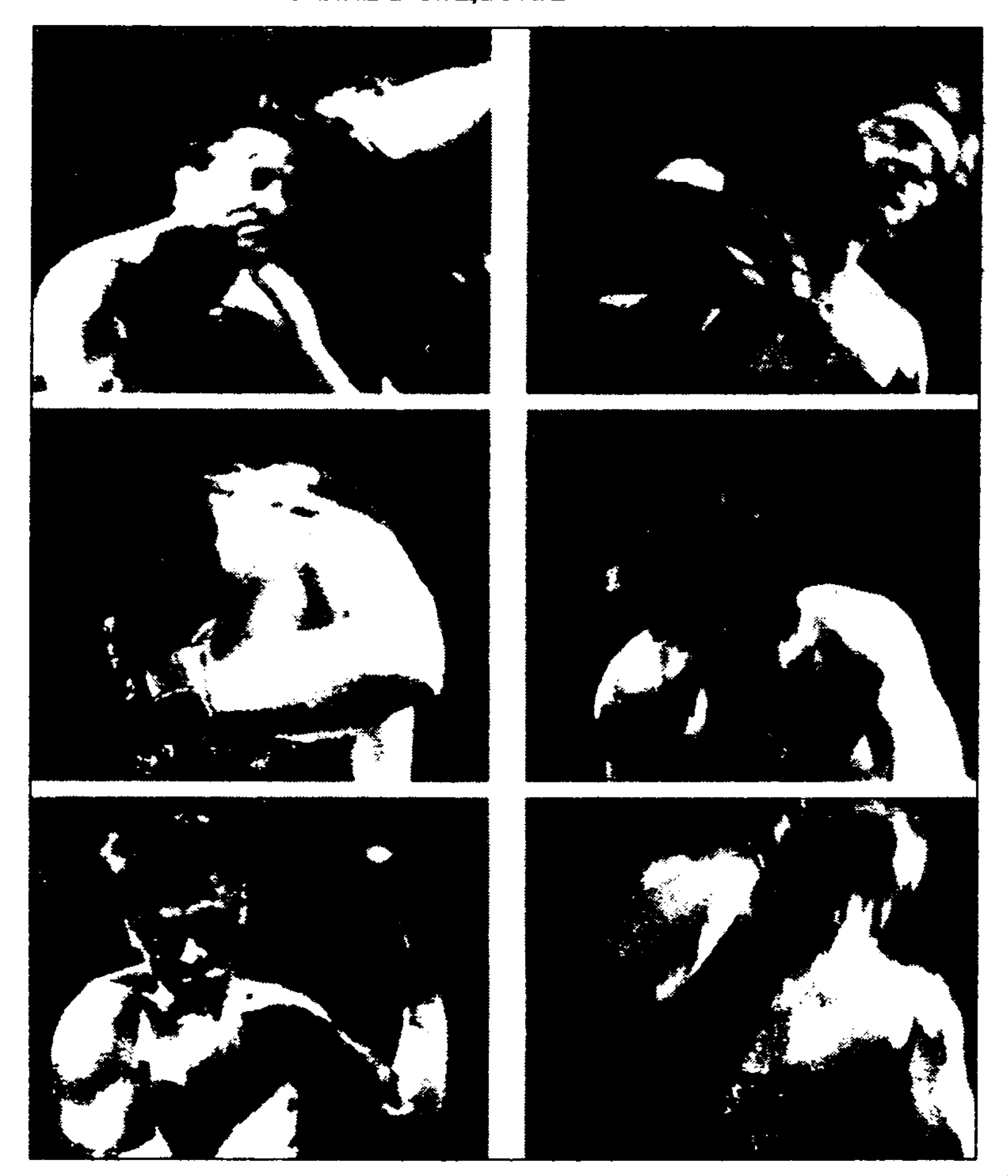


Рис. 7-3. В эксперименте автора была показана агрессивная сцена из фильма «Чемпион», в которой избивали боксера в исполнении Кирка Дугласа. Зрители получали определенную информацию о его герое и/или их напарнике по эксперименту еще до просмотра отрывка из фильма.

шивается на своих обидчиков. Как сказал бы автор викторианской эпохи, он отомстил злодеям сполна. Публика обожает такую развязку. Людям нравится смотреть, как обидчики получают по заслугам, и мысли, возникающие под воздействием этой доставляющей удовольствие жестокости, могут на самом деле повысить вероятность того, что кто-то из зрителей после просмотра кинофильма как минимум оскорбит другого человека.

Я совершенно уверен в таком прогнозе, потому что его подтверждают результаты девяти разных экспериментов, начиная с работы, опубликованной мной в соавторстве с Эдной Роулингз (Edna Rawlings) в 1963 году. Проведенные тогда эксперименты неоднократно повторялись, и не только в моей лаборатории. Во всех исследованиях рассерженные испытуемые-мужчины демонстрировали наибольшую агрессивность по отношению к провоцировавшим их ранее лицам после просмотра фильма, в котором обидчики понесли заслуженное, по общему мнению, наказание. Типичным является и опыт, который я описал в 1965 году.

Испытуемому говорили, что он получит несколько заданий и будет решать их вместе с другим студентом, поскольку цель эксперимента — изучение психологических реакций на разные виды деятельности. Обоих студентов подключали к некоему аппарату, объясняя, что тот будет фиксировать физиологические изменения организма. На первом этапе требовалось пройти тест на интеллект, и «другой студент», а на самом деле помощник экспериментатора, либо пренебрежительно отзывался о результатах теста испытуемого (тем самым вызывая его гнев), либо держался нейтрально. На втором этапе, следовавшем сразу за первым, оба студента смотрели 6-минутную сцену боксерского поединка из фильма «Чемпион», где персонажа в исполнении Кирка Дугласа сильно избивали. Но перед началом просмотра испытуемым кратко пересказывали содержание фильма, якобы для того, чтобы они лучше поняли эту сцену. Испытуемым из одной группы героя Дугласа характеризовали как хорошего человека, другой группе его описывали как неприятного, злобного типа. Предполагалось, что испытуемые из второй группы должны прийти к мысли, что избиение Кирка Дугласа в финальном бою за кубок — это справедливая агрессия: он получил «то, что заслужил». Студенты из первой группы, напротив, должны были расценить наказание «хорошего парня» как неоправданное.

На последнем этапе «другой студент» якобы получал задание поработать над задачами в соседней комнате. Настоящему испытуемому говорили, что он должен оценить каждый ответ своего напарника и «наказывать» его, нажимая на механизм, генерирующий электрические разряды,— за каждый ответ полагалось от одного до десяти разрядов в зависимости от качества ответа. Через несколько минут испытуемому показывали мнимую работу «другого студента» (со средними результатами, продемонстрированными в этом эксперименте). На рис. 7-4 показано, сколько разрядов послали напарнику испытуемые из каждой группы; большее число разрядов означает более сильную агрессию.

Как вы видите, люди, которых напарник провоцировал обидными замечаниями, наказывали его более жестоко, чем это делали те, кого не обижали. Но еще важнее, что наиболее агрессивными оказались студенты, считавшие агрессию на экране «справедливой». Образ «плохого

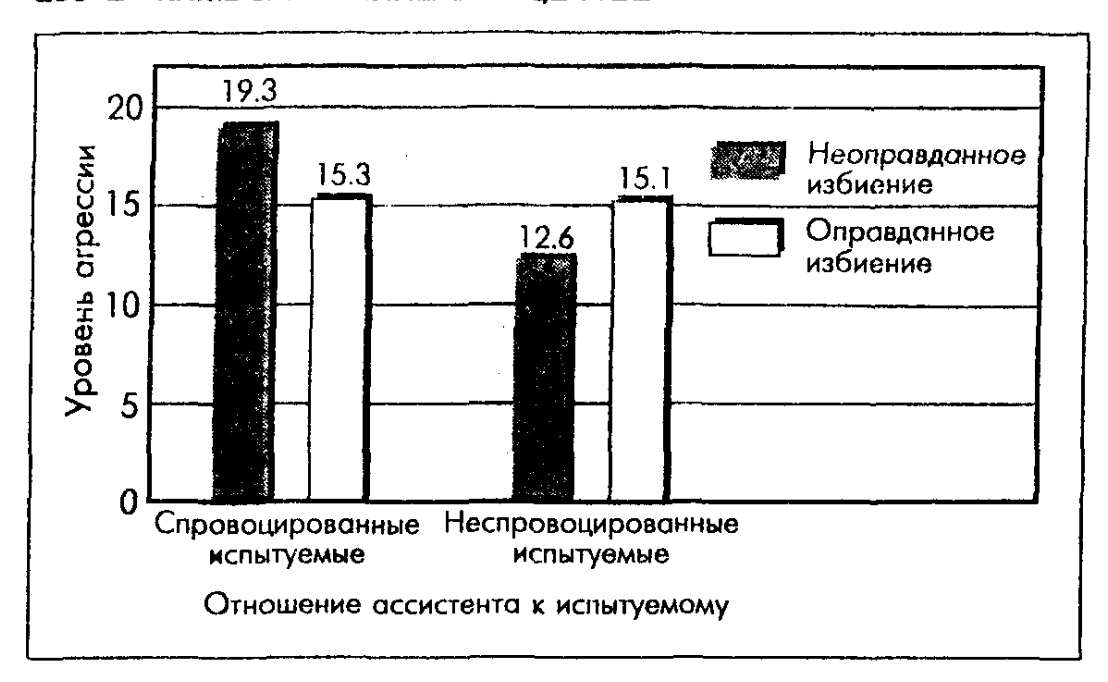


Рис. 7-4. Средняя величина агрессии по отношению к напарнику после просмотра фильма, где герой оправданно или неоправданно избит. Агрессия измеряется суммой числа электрических разрядов и длительностью разрядов (данные из Berkowitz (1965). Copyright 1965 by the American Psychological Association.)

парня», получившего по заслугам, заставил их поверить (на время), что они поступят правильно, наказав плохого парня в реальной жизни[1].

Тот же вывод верен и для аудитории фильма *Bad Day at Black Rock* (или любого фильма, где главный герой наказывает злодеев). Сценаристы и режиссеры могут возразить, что их фильмы преподают хороший урок, например: «Преступление не приносит выгоды» или «Справедливость всегда торжествует». Однако некоторые зрители покинут кинозал с несколько иной мыслью, а именно: иногда агрессия оправданна. Только что оказавшись свидетелями праведной агрессии, эти люди могут полагать, пусть недолго, что с их стороны будет совершенно правильно заставить страдать того, кто их спровоцировал.

Отождествление себя с киноагрессором. Иногда зрители отождествляют себя с теле- и кипогероями, что также влияет на силу их впечатлений от увиденного на экране. Отождествляя себя с одним из персонажей, они, по сути, воображают себя этим человеком. Как

[1] Эксперимент, демонстрирующий, что свидетели предположительно «оправданной» агрессии склонны нападать на других людей чаще, чем в других ситуациях, описан в Berkowitz & Rawlings (1963). Об эксперименте, описанном в этом разделе, сообщается в Berkowitz (1965), Experiment III. Сравнимые результаты получены в исследованиях, перечисленных в Berkowitz (1984), p. 421.

следствие, люди эмоционально реагируют на все, что бы ни случилось с «их» персонажем. Если герой — мужчина, который вступает в борьбу, они думают, что вместе с ним дерутся и стреляют в экранных врагов. Поскольку они представляют себя агрессивными, в них легко активизируется широкий спектр агрессивных идей и склонностей.

Эксперимент Жака-Филиппа Лейенса и Стива Пикуса (Jacques-Philippe & Steve Picus) продемонстрировал,что агрессия усиливается, когда зрители отождествляют себя с киноагрессором. Испытуемых, студентов университета Мэдисона, штат Висконсин, попросили представить себя одним из двух боксеров в короткой схватке за приз (персонажем, который в итоге побеждает). После того как испытуемые видели, что их герой в фильме избивает соперника, они сами наказывали ранее провоцировавшего их человека более строго, чем наказали бы его в иной ситуации (Leyens & Picus, 1973).

Психологическое дистанцирование от кинонасилия. Если психологическая близость к киноагрессору способна впоследствии усилить агрессивность зрителей, то противоположный эффект может иметь место, если зрители психологически дистанцируются от борьбы на экране. Очевидно, что при таком психологическом отстранении снижается вероятность, что наблюдаемая агрессия будет активизировать агрессивные идеи и желание действовать.

Один из способов достижения эффекта отстранения — сфокусировать внимание на аспектах фильма, не связанных с насилием. Например, Лейенс, Киснерос и Хоссэй (Leyens, Cisneros & Hossay) попросили некоторых испытуемых обратить внимание на художественные аспекты кинокартин, в которых есть агрессия. Позже все участники эксперимента получили возможность наказать человека, обидевшего их до просмотра фильма. Те, кого интересовала эстетика картины, наносили обидчику меньше ударов, чем остальные. Поскольку их занимала не агрессия, а другие вопросы, агрессивное содержание фильма незначительно усиливало агрессивные мысли и склонности(Leyens, Cisneros, & Hossay, 1976).

Думаю, что смогу объяснить, почему профессиональные кинокритики редко выражают беспокойство по поводу насилия, которым часто изобилуют современные фильмы. Когда критики смотрят фильм, их внимание концентрируется на эстетических и художественных аспектах, что не приводит к стимуляции агрессии. Однако они не осознают, что среди зрителей есть люди с совершенно иными интересами, склонные увлечься наблюдаемой жестокостью и становиться более агрессивными от вида драк и убийств.

Осознание нереальности насилия. Зрители могут также дистанцироваться от происходящего на экране, говоря себе, что это всего лишь вымысел или игра. «Это неправда», — думают они и мысленно от-

ходят от наблюдаемых событий, благодаря чему те меньше на них влияют.

Некоторые люди интуитивно знают, как достичь этого благотворного психологического дистанцирования во время просмотра фильма, нарушающего их эмоциональное равновесие. Одна журналистка рассказывала о том, что в детстве любила смотреть фильмы ужаса, но в самые пугающие моменты ее всегда охватывал страх. Ее тетя, вместе с которой она смотрела эти фильмы, успокаивала ее, напоминая, что это всего лишь кино. «Помни, — говорила она бодрым голосом, — что вокруг там стоят осветительные приборы, камеры и режиссеры с гримерами, но только на экране их не видно. В общем, это просто выдумка» (James, C. *New York Times*, May 27, 1990).

Эта женщина была права, когда пыталась обратить внимание ребенка на нереальность происходящего на экране. Знание о вымышленной природе кинособытий может ослабить их эмоционально-возбуждающую способность — и снизить их способность активизировать связанные с агрессией идеи и побуждения. Эксперименты с участием детей и студентов доказывают, что агрессивные сцены с меньшей вероятностью стимулируют усиленную агрессивность, когда зрителям заранее напоминали, что они увидят всего лишь игру актеров в декорациях. Другим молодым людям говорили, что они увидят хронику реальных событий. Когда те и другие после просмотра фильма получили возможность наказать своих коллег, испытуемые, считавшие происходящее на экране вымыслом, оказывались менее агрессивными (см.: Feshbach, 1972; Geen, 1975; Geen & Rakovsky, 1973. Также см.: Berkowitz, 1984, p. 422–423). Их осведомленность о нереальности наблюдаемой борьбы, по-видимому, снижала влияние увиденной агрессии.

Эти результаты не означают, что вымышленная жестокость всегда менее агрессивна, чем реальные драки и убийства. Для того чтобы психологически дистанцироваться от происходящего, зрители должны быть уверены, что экранные персонажи в действительности не пытаются причинить друг другу вред. Это знание не всегда наличествует.

Опытные зрители могут самопроизвольно напомнить себе, что это художественный фильм, но дети, вероятно, не всегда помнят, что наблюдают за нереальными событиями. Более того, согласно исследованиям, по сравнению с детьми из более благополучных семей дети из неимущих семей менее склонны говорить себе, что кино — это только вымысел. Возможно, это объясняется тем, что в реальном мире им пришлось пережить немало разочарований и что реальность их собственной жизни была чрезвычайно жестока к ним, не давая сбываться их фантазиям. Как бы ни было, дети из неблагополучных

семей могут больше других подвергаться «риску», когда по телевизору показывают передачи и фильмы со сценами насилия[1].

❑ **Сохранение влияния информации о насилии**. Позвольте напомнить вам, что агрессивные мысли и склонности, активизированные картинами насилия в средствах массовой информации, обычно довольно быстро сходят на нет. По данным Филлипса, как вы помните, шквал преступлений-имитаций обычно прекращается примерно через четыре дня после первых широких сообщений о жестоком преступлении. Один из моих лабораторных опытов также показал, что повышенная агрессивность, вызванная просмотром фильма с жестокими, кровавыми сценами, практически исчезает в течение часа[2]. (Экспериментальные исследования также обнаружили ослабление эффекта прайминга с течением времени.)

И все же влияние информации о насилии не всегда столь скоротечно. Это подтверждает пример Роберта Смита, убийцы, о котором я упоминал в начале этой главы. Хотя Смит заявил, что преступления Спека и Уитмена подали ему идею самому совершить массовое убийство, он ждал три месяца, прежде чем открыть пальбу на курсах косметологии в Аризоне. Почему сообщения о зверских преступлениях Спека и Уитмена имели такой устойчивый эффект? И почему убийство президента Кеннеди вызвало рост насильственных преступлений лишь месяц спустя?

Очевидно, в этих конкретных случаях имело место нечто такое, что продлило усиливающее агрессию влияние сообщений о преступлениях. Мы можем предположить, как все происходило. Вероятно, активизированные агрессивные склонности сохранились у Роберта Смита потому, что у него периодически возникали связанные с на-

---

[1] См.: Liebert & Sprafkin (1988), p. 89–90. В *Заявлении Комиссии о насилии в телевизионных развлекательных программах*, опубликованном Национальной комиссией по расследованию причин и предотвращению насилия, было сделано замечание, актуальное не только в 1969 г., но и для представителей следующего поколения: «Многие дети склонны верить, что мир, который изображает телевидение, есть отражение реального мира. Способность дифференцировать факты и вымысел сама собой приходит с возрастом и зрелостью, но от социального окружения ребенка требуется помочь ему развить эту способность... Дети и подростки из семей с низким уровнем дохода верят, что в реальной жизни люди ведут себя так же, как в выдуманном телевизионном мире» (1969 a, p. 6).

[2] Бьювиник и Берковиц (Buvinic & Berkowitz, 1976) пишут о спаде эффекта от наблюдаемого насилия в течение часа, а Дуб и Клайми (Doob & Climie, 1972) подтверждают этот результат только для нерассерженных испытуемых. Еще одно доказательство быстрого исчезновения эффекта прайминга в ситуациях социального взаимодействия представляют Уилсон и Капитмен (Wilson & Capitman, 1982).

силием фантазии. Упражняясь в стрельбе из спортивного пистолета подаренного родителями, он мог представлять себе, что стреляет в людей. Это происходило целый месяц после преступлений Спека и Уитмена вплоть до того дня, когда он решил, что пришло время действовать. Воображаемая агрессия с большей вероятностью сохраняет и даже усиливает агрессивные мысли и намерения и с меньшей — вызывает ослабление желания совершить насилие[1].

Возможно, СМИ несут ответственность за то долговременное влияние на умы, которое имело убийство президента Кеннеди. Налицо парадокс. Журналисты печатных и вещательных средств информации, конечно, должны были рассказать миру об этом трагическом событии (точно так же, как они обязаны сообщать о других насильственных преступлениях). Однако, рассказывая о событии, вновь и вновь показывая кадры, запечатлевшие убийство, постоянно рассуждая о том, на самом ли деле президента убил Освальд (и если да, то почему он пошел на это), средства массовой информации могли непреднамеренно подбросить склонным к насилию людям агрессивные идеи, а также помочь сохранить эти агрессивные мысли и склонности и через несколько дней и недель.

Реактивация влияния ассоциируемых с агрессией сигналов. Анализ эффекта прайминга от СМИ, на мой взгляд, может легко объяснить описанные выше результаты. По сути, агрессивные мысли, пришедшие на ум в результате другой (не связанной с получением информации) деятельности вскоре после прайминга агрессии, наступившего после просмотра сцен насилия в кино или по телевидению (или после знакомства с газетными новостями, рассказывающими о случаях насилия), могут реактивировать агрессивные мысли и наклонности, рожденные под впечатлением информации из масс-медиа. Так, фантазии о насилии Роберта Смита во время его упражнений в стрельбе предположительно пробудили и пролонгировали прайминг от информации о преступлениях Спека и Уитмена.

Но еще более удивительно, что определенные виды явно нейтральных стимулов из окружающей среды также способны реактивировать ранее созданный просмотром кинофильма эффект прайминга, даже при том, что эти стимулы неагрессивны по своей природе.

Приведем один пример. После того как в 1963 году был убит президент Кеннеди, а в 1968-м застрелили его брата Роберта Кенне-

---

[1] В работе Buvinic & Berkowitz (1976) явная агрессия, демонстрируемая обиженными испытуемыми, которые смотрели фильм со сценами насилия, не шла на убыль через час, если испытуемые получали возможность выразить свое мнение об обидчике после просмотра фильма, но перед тем, как им разрешали наказать его. Символическая вербальная агрессия явно способствовала пролонгации агрессивных мыслей и склонностей, активизированных видом насилия из фильма.

ди, многие считали, что их третий брат, сенатор Эдвард Кеннеди, также может стать жертвой покушения. Предполагалось, что ассоциация с убитыми братьями каким-то образом может побудить эмоционально неуравновешенного человека покушаться на Эдварда Кеннеди. Иначе говоря, сама его фамилия, либо его вид, либо разговор о нем могли бы реактивировать агрессивные идеи и желания, возникшие еще раньше от сообщений о смерти его братьев[1].

Несколько экспериментов, которые я провел с помощью своих студентов в Висконсине, вполне допускают такой тип реактивации. Я опишу только один опыт, отчет о котором мы с Расселом Гином опубликовали в 1966 году.

В начале эксперимента каждого студента, участвующего в опытах, знакомили якобы еще с одним испытуемым, а на самом деле ассистентом экспериментатора. Этот «другой студент» представлялся одним из трех имен — Бобом Келли, Бобом Данне или Бобом Райли — для того, чтобы варьировать связь имени ассистента с жертвой агрессии из фильма, который предстояло увидеть настоящему испытуемому. Во всех случаях ассистент провоцировал последнего, пренебрежительно отзываясь о результатах выполненного им задания. Затем, как и в других опытах, испытуемому показывали 6-минутный отрывок из фильма — либо сцену боксерского матча из «Чемпиона», либо кадры захватывающих, но неагрессивных автогонок. По окончании просмотра испытуемый получал возможность наказать ассистента электрическими ударами (якобы оценивая качество выполненного тем здания).

Имя ассистента ассоциировалось у испытуемого с одним из персонажей фильма. Когда «другой студент» назывался Бобом Келли, то его имя ассоциировалось с жертвой наблюдаемой агрессии, так как по фильму избитый герой Кирка Дугласа носил прозвище «Келли Карлик». Если же ассистента представляли как Боба Данне, то его имя ассоциировалось с именем агрессора-победителя Данне, который в фильме избивает Келли Карлика. Наконец, поскольку в фильме не было персонажа с фамилией Райли, имя Боб Райли не вызывало у испытуемого никаких ассоциаций с боксом.

---

[1] По данным журналиста Тома Виккера (Tom Wicker, 1991), Роберт Кеннеди подозревал, что может стать жертвой покушения. Одному французскому литератору он говорил, что «может быть убит из-за заразности этих настроений, в подражание» другим убийствам (р. 326). Ассоциация сенатора Кеннеди с его убитым старшим братом, вероятно, могла внушить мысль убить его. Есть некоторые свидетельства того, что ассоциация по фамилии самого младшего Эдварда Кеннеди со старшими братьями увеличила вероятность того, что он может стать жертвой насильственного преступления. В 1972 г. автор синдицированной газетной колонки Гай Гарднер сообщал, что за период с конца 1963 по 1971 г. Эдвард Кеннеди получил угроз больше, чем кто-либо. По данным Секретной службы, 355 из этих угроз были настолько серьезны, что по ним были предприняты расследования.

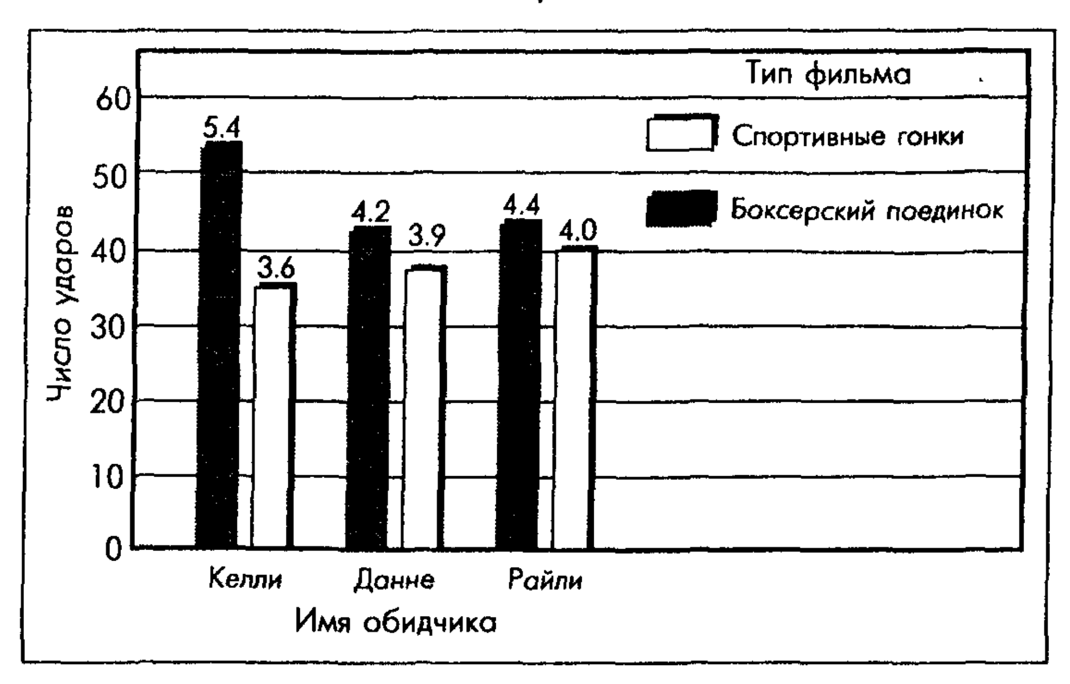


Рис. 7-5. Среднее число ударов, посланных обидчику в зависимости от его имени и типа показанного фильма (данные из Geen & Berkowitz (1966). Name mediated aggressive cue properties, Journal of Personality, 34, copyright Duke University Press 1966).

Из рис. 7-5 видно, что имя обидчика-ассистента действительно влияло на то, сколько ударов он получал, но эта зависимость обнаруживалась только в тех случаях, когда испытуемому показывали фильм о боксе. В итоге он наказывал ассистента более жестоко, если тот ассоциировался с *жертвой* увиденной агрессии (в среднем 5,4 раза в сравнении с 4 ударами от испытуемых, чей напарник не ассоциировался с жертвой). Рассерженные испытуемые из этого эксперимента, желавшие расквитаться с обидчиком, имели возможность сделать это и намеревались отомстить — и связь их «мишени» с тем, кого на их глазах только что избили, усиливала агрессию. Возможно, когда испытуемый думал об этом человеке, ассоциативная связь последнего с кем-то, кому был причинен ущерб в результате агрессии, усиливала желание наказать его (Geen & Berkowitz, 1966. Также см.: Berkowitz, 1984, p. 422; Carlson, Marcus-Newhall & Miller, 1990).

Этот эксперимент и некоторые другие исследования говорят о следующем: агрессивные склонности, вызванные сценами насилия из фильма, не обязательно направлены в равной степени на всех присутствующих. Целью агрессии скорее всего станут люди определенного типа[1].

[1] В качестве еще одного доказательства этого эффекта еще тридцать лет назад (Berkowitz, 1965, Experiment III) я обнаружил, что человек, которому приписывают агрессивность из-за того, что он является членом университетской команды по боксу, вызывает самые сильные нападки со стороны людей, только что посмотревших фильм о боксе. Причем это происходило даже в том случае, если этот человек не провоцировал испытуемых. Одна лишь его связь с агрессией усиливала агрессивные идеи и склонности, активизированные агрессивной сценой из фильма.

Возвращаясь к вопросу об Эдварде Кеннеди, признаюсь, что не знаю, почему он, к счастью, избежал судьбы своих братьев и не стал мишенью убийцы. Что бы ни явилось его защитой в первые несколько лет после смерти братьев, я предполагаю, что со времени люди перестали автоматически связывать его с братьями. Ослабление этой самовозникающей ассоциации снижает вероятность того, что он станет жертвой покушения.

Еще одно замечание: вызванные кинофильмом агрессивные мысли и склонности могут быть реактивированы также видом неодушевленного объекта, каким-то образом напомнившего о фильме. Объект напоминает зрителям об увиденном — и оживляет идеи, чувства и моторные реакции, возникшие у них во время просмотра. Действие внешних сигналов, связанных с агрессией, демонстрирует эксперимент, проведенный под руководством Венди Джозефсон (Wendy Josephson) в университете канадского города Виннипег, провинция Манитоба.

Нескольким небольшим группам учеников второго и третьего класса средней школы показывали короткие телепередачи со сценами насилия (кадры полицейской операции, в которой бойцы отряда специального назначения SWAT обезвреживают стрелков-убийц) и без таковых (офицеры полиции готовятся к соревнованиям по мотогонкам). После просмотра испытуемым предложили поиграть в хоккей с мячом в спортзале. (Но перед этим всех мальчиков обидели, якобы случайно.) Перед началом игры взрослый инструктор взял у каждого мальчика интервью в стиле прямого репортажа. Для интервью он использовал в одних случаях магнитофон, а в других — переносной радиопередатчик. Таким же передатчиком пользовались в фильме со сценами насилия. Предположительно мальчики, видевшие на экране насилие, должны были вспомнить об агрессии, увидев рацию в руках интервьюера. По окончании интервью началась девятиминутная игра, во время которой два независимых наблюдателя фиксировали все агрессивные действия на площадке.

Главный результат эксперимента заключался в том, что самыми агрессивными оказались именно те мальчики, которые смотрели фильм с кадрами насилия и позже видели рацию (связанный с агрессией сигнал). Эти мальчики не просто подражали показанной на экране агрессии — они толкали, пинали и били друг друга. Конечно, отдельные испытуемые были особенно восприимчивы к влиянию агрессивных стимулов. Тщательно анализируя результаты эксперимента, Джозефсон предположила, что просмотр передачи со сценами насилия наряду с сигналом в виде рации очень быстро вызвали агрессивность в склонных к агрессии мальчиках из каждой группы, а их атакующие действия, в свою очередь, спровоцировали ответную реакцию со стороны остальных. Один вид радиопередатчика явно реактивировал агрессивные мысли и моторные реакции, ранее вызванные наблюдением сцен насилия. Эти реакции оказались легковосстановимы, возможно потому, что несколькими минутами раньше мальчиков расстроили, а также в силу их собственной агрессивности (Josephson, 1987).

Растормаживание и десенсибилизация эффектов от наблюдаемой агрессии

Представленный мною теоретический анализ акцентирует провоцирующее (или подстрекающее) влияние насилия, изображаемого в средствах массовой информации: наблюдаемая агрессия или информация об агрессии активизирует (или генерирует) агрессивные мысли и стремления действовать. Другие авторы, например Бандура, предпочитают несколько иную интерпретацию, утверждая, что агрессия, порожденная кино, возникает в результате *растормаживания* — ослабления существующих у зрителей запретов на агрессию. То есть, по его мнению, вид дерущихся людей побуждает — по крайней мере на короткое время — предрасположенных к агрессии зрителей напасть на тех, кто их раздражает (см.: Thomas, Horton, Lippincott & Drabman, 1977; Liebert & Sprafkin, 1988, p. 138).

Казалось бы, это два совершенно различных объяснения влияния изображения насилия в СМИ, и они могут развести исследователей в разные стороны. Но вместе с тем их можно совместить, если помнить о главном: вид дерущихся людей способен стимулировать агрессивные мысли. В следующем разделе данной главы я попытаюсь примирить эти точки зрения, но вначале позвольте обратить ваше внимание на еще один эффект от наблюдения агрессии.

❐ **Эмоциональное притупление**. Результаты некоторых экспериментов по изучению влияния изображения насилия в СМИ могут удивить вас, поскольку на первый взгляд противоречат представленным здесь доводам. Согласно отдельным исследованиям, наблюдаемые драки и убийства могут привести к «эмоциональному притуплению», или десенсибилизации, в результате чего аудитория становится относительно индифферентна к агрессии. Как это возможно, если нанесение увечий и убийства на экране предположительно возбуждают зрителей?

Исследование Маргарет Ханратти Томас, Рональда Драбмена (Margaret Hanratty Thomas, Ronald Drabman) и их коллег наглядно демонстрирует этот эффект десенсибилизации. В одном из их экспериментов дети, смотревшие «агрессивный» фильм, позже не проявили особой обеспокоенности дракой между другими их сверстниками. В отличие от испытуемых из контрольной группы, они явно не торопились разнять ребят, которые всерьез дрались в соседней комнате. Как вы думаете, почему возникшие у зрителей мысли привели к очевидному равнодушию к агрессии? Имея в голове активизированные фильмом агрессивные идеи, эти дети могли полагать (временно), что драка — это нормальное поведение людей.

В ходе другого эксперимента школьников спрашивали, как, по их мнению, дети их возраста реагировали бы на разнообразные конфликтные ситуации. Дети, которые незадолго до опроса видели «аг-

рессивный» фильм, полагали, что их сверстники будут агрессивнее, чем ожидали дети из контрольной группы, смотревшие нейтральный, неагрессивный фильм.

Томас и Драбмен провели и другие эксперименты в надежде получить подтверждение явления десенсибилизации. Если люди считают, что агрессия не является чем-то необычным, то, возможно, вид дерущихся людей их не шокирует и не огорчит. Это предположение подтвердилось результатами опыта: предварительный просмотр сцен агрессии из художественного кинофильма вызвал у студентов колледжа более слабое физиологическое возбуждение, чем при последующем просмотре подлинных кадров уличных столкновений. Обнаружилось также, что люди, которые часто видят сцены насилия по телевидению в повседневной жизни, демонстрируют более слабое физиологическое возбуждение в ответ как на театрализованную, так и на реальную агрессию.

Заключение этих исследователей об изменении эмоционального состояния вполне обоснованно. По их мнению, результаты экспериментов «подтверждают подозрение, что чрезмерно частый показ насилия по телевидению может привести к тому, что население будет все больше привыкать к насилию».

Однако индифферентность к агрессии, вызванная показом фильмов со сценами насилия, вовсе не означает, что у зрителей ослабнет способность нападать на других людей. Пониженное возбуждение в ответ на вид драки говорит лишь о том, что в данный момент зрители не очень сильно обеспокоены агрессией. На самом деле, испытывая меньше возмущения проявлением насилия, они с большей вероятностью способны напасть на ранее провоцировавшего их человека[1].

❑ **Растормаживание и десенсибилизация как результат прайминга.** Признаки десенсибилизации к агрессии, вызванной фильмами со сценами насилия, можно объяснить исходя из эффекта прайминга. Все виды агрессивных идей активизируются тогда, когда на экране дерутся, стреляют, убивают. Поскольку у зрителей увиденное не вызывает отвращения или тревоги, «жестокое кино» может стимулировать враждебные мысли по отношению к другим людям. Некоторые зрители могут прийти к мысли, что агрессивное поведение свойственно очень многим. У этих зрителей даже может возникнуть эффект растормаживания, так как они временно убеждены в правильности и приемлемости агрессии. Именно из-за подобных спровоцированных идей показ насилия по телевидению может способствовать увеличению общей десенсибилизации населения к насилию.

---

[1] Доказательства этого см. в: Thomas (1982). Вышеприведенная цитата из: Thomas, Horton et. al. (1977), p. 457.

НАСИЛИЕ В СМИ: ДЛИТЕЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ПРИ ПОВТОРЯЮЩЕМСЯ ВОЗДЕЙСТВИИ

Если бы родители могли приобрести комплекс регулярного психологического воздействия на своих детей, то едва ли кто-то из них, будучи в здравом уме, остановил бы выбор на сумасшедших стрелках с Запада [sic], буйных психопатах, душевнобольных садистах, дешевых [sic] фиглярах и тому подобных типах, если только родители не строят специфических планов в отношении своих подрастающих отпрысков. Тем не менее примеры такого поведения мы встречаем в миллионах семей — практически без всякой ответственности со стороны взрослых. ...Современная молодежь воспитывается на массированном воздействии агрессии и насилия, демонстрируемых по телевидению[1].

Эта цитата — открытое обвинение в адрес телевидения. Еще в далеком 1963 году Бандура пытался довести до нашего сознания, что среди детей всегда есть такие, кто усваивает не приветствуемые обществом ценности и антисоциальные модели поведения, наблюдая за «сумасшедшими стрелками, буйными психопатами, душевнобольными садистами... и подобными типами», наводняющими телевизионные программы. Хотя психологи все еще спорят о силе этого вредного влияния, если учесть всю ту исследовательскую работу, которая была проведена более чем за тридцать лет, прошедших с того момента, как Бандура написал эти слова, то ничего добавлять уже и не придется[2]. «Массированное воздействие агрессии, демонстрируемой телевидением» способно сформировать в юных умах твердый взгляд на мир и убеждения о том, как следует поступать по отношению к другим людям.

---

[1] Альберт Бандура написал это в 1963 г. Цит. по: Liebert & Sprafkin (1988), p. 9–10.

[2] Кук, Кендзерски и Томас (Cook, Kendziersky, & Thomas, 1983) предположили, что телевидение может иметь вредное влияние, но не такое сильное, как полагают некоторые психологи. Фридман и Макгвайр (Freedman, 1984; McGuire, 1986) высказывают более решительные сомнения, полагая, что телевидение в лучшем случае может иметь «незначительное» влияние на последующую агрессивность. Фридрих-Кофер и Хьюстон (Friedrich-Cofer & Huston, 1986) отвечают на аргументы Фридмана. Либерт и Спрафкин (Liebert & Sprafkin, 1988) представили обзор многочисленных исследований о возможных долговременных эффектах от частого просмотра сцен насилия по телевизору. Они пришли к выводу, что существует много доказательств того, что массированное воздействие сцен насилия может иметь социально опасные последствия. Тернер, Гессе и Петерсон-Льюис (Turner, Hesse & Peterson-Lewis,1986) также проанализировали публикации на эту тему и попытались привести в соответствие положительные и отрицательные результаты. Они придерживаются мнения, что повторяющееся воздействие изображения насилия в средствах массовой информации обычно увеличивает вероятность агрессивного поведения.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОБЩЕСТВЕ У ДЕТЕЙ

Тезис о культивировании

Я уже говорил, что фильмы со сценами насилия могут оказывать временное влияние на представления детей об окружающих. Увидев агрессию на экране, многие из них думают, что их сверстники тоже способны действовать агрессивно в конфликтной ситуации. В описанном выше эксперименте Томас — Драбмена (Thomas — Drabman) это предположение родилось у детей в результате просмотра всего одного фильма и, вероятно, было кратковременным[1]. Усилится ли ожидание агрессии, если дети будут видеть насилие по телевизору каждый день? Коммерческие телеканалы в Соединенных Штатах рисуют мир, полный драк и убийств. Согласно данным Джорджа Гербнера (George Gerbner) и его коллег из Школы коммуникации Анненберга при Пенсильванском университете, в 1989 году семь из десяти передач, показанных в прайм-тайм, содержали по крайней мере одну-две сцены насилия.

Но имеет ли это насилие влияние на представление детей об окружающих их людях? По мнению группы Гербнера, однозначно «да». Частые показы зла и насилия по телевидению «культивируют» устойчивое впечатление о мире как ненадежном, злом и опасном.

Идея Гербнера о культивировании кажется обоснованной, но не следует преувеличивать ее значения. Его исследовательская группа из Пенсильвании представила несколько работ, свидетельствующих о том, что люди, которые часто смотрят телевизор, склонны переоценивать уровень агрессивности общества и полагать, что социальный мир опасен в целом и изначально. Другие исследователи из США, Австралии, Канады и Великобритании возражают против такого обобщения. Некоторые из тех, кто много времени проводит у телевизора, преувеличивают опасности социальной среды, но эта «параноидная» картина мира распространена не столь широко, как предполагает тезис о культивировании. Истина, скорее всего, лежит где-то посередине: ТВ способно влиять на общие представления об окружающем мире, но для телеаудитории в целом эффект культивирования является довольно умеренным[2].

Тем не менее было бы ошибкой считать, что телевидение не оказывает никакого влияния на впечатление детей об окружающем

---

[1] Эксперимент Thomas & Drabman (1977), описанный в Liebert & Sprafkin (1988), p. 13. Также см. исследование Харви Хорнстейна (Harvey Hornstein), описанное в Berkowitz (1984).

[2] Ссылки см. в: Berkowitz (1984); Liebert & Sprafkin (1988); Rule & Ferguson (1986). Также см.: Cook, Kendziersky & Thomas (1983), где представлен скептический взгляд на тезис культивирования.

мире. Рассмотрим эксперимент Брайанта, Карвета и Брауна (Bryant, Carveth & Brown), в котором студенты в течение шести недель с заданной частотой смотрели специально отобранные телепередачи. У одних студентов был облегченный режим: они редко садились перед телевизором; другие же проводили перед ним массу времени, причем минимум 28 часов в неделю смотрели программы в стиле «экшн» и приключения. Через шесть недель испытуемые, в больших количествах наблюдавшие боевые действия и приключения (также с немалыми дозами насилия), пришли к мысли, что мир намного более опасен, чем думают их сверстники, которые нечасто смотрят телевизор. По сравнению с контрольной группой постоянные телезрители сильнее верили в то, что сами могут стать жертвами насилия (Liebert & Sprafkin, 1988, p. 130–140).

Проанализируем эти данные в более широком контексте. Телевидение – лишь один из потенциальных источников информации об окружающем нас социальном мире. Некоторые люди смотрят телевизор нечасто и потому представляют себе мир не столь злым и опасным. Другие не мыслят жизни без телевизора, но люди, с которыми они общаются, – родители, друзья, соседи, – не ведут себя как персонажи ТВ-программ: те агрессивны и ненадежны, а люди из *своего* окружения доброжелательные и отзывчивые. Зрители считают телевизионные истории абсолютно нереальными и потому не верят в правдивость картины мира, рисуемой телевидением.

Однако есть и те, кто более восприимчив к информации, полученной из ТВ-программ. Как правило, это молодые люди из неимущих семей. Молодость и отсутствие образования обусловливают их склонность считать происходящее на экране реальностью. Они с готовностью принимают навязанный телевидением образ человека как ненадежного, подлого и опасного существа, особенно если люди, играющие важную роль в их собственной жизни, вели себя по отношению к ним непоследовательно и жестоко. Чем чаще эти дети сталкиваются с негативной телевизионной картиной социального мира, тем глубже эта картина врастает в их умы, особенно если они не получают иной, противоположной информации[1].

ПРИОБРЕТЕНИЕ АГРЕССИВНЫХ НАКЛОННОСТЕЙ

Помимо передачи идеи о сути окружающего мира, телевидение может научить восприимчивую молодежь тому, как следует действо-

---

[1] Джером Сингер и Дороти Сингер (Jerome Singer and Dorothy Singer, 1986) обнаружили, что среди детей, чаще других смотревших ТВ-программы о приключениях и в стиле «экшн», было непропорционально много детей из бедных семей, не белых, с коэффициентом интеллектуального развития ниже среднего.

вать в этой угрожающей среде. Этот вывод Национальная Комиссия США по расследованию причин и предотвращению насилия сделала еще в 1969 году. Как заметили специалисты Комиссии, главные герои телевизионных фильмов чаще добиваются успеха, когда нападают на кого-то, чем когда не нападают. «Насилие [часто]... изображается как приемлемое средство достижения желанных целей»[1]. Некоторые дети выучивают этот урок назубок.

Изучение группой Эрона-Хьюсмана долговременных эффектов от телевизионного насилия. Заключение Комиссии по насилию подтверждается столь многочисленными и обстоятельными исследованиями, что рассказать обо всех на страницах книги не представляется возможным. Я познакомлю вас только с результатами, полученными Леонардом Эроном, Роуэллом Хьюсманом и их коллегами в ходе исследований, проведенных в США и других странах[2].

❑ **Исследование в округе Колумбия, штат Нью-Йорк.** Это исследование, о котором уже рассказывалось в главе 5, служит одним из лучших доказательств долговременных последствий массированного воздействия насилия, демонстрируемого по телевидению. Группа Эрона, как вы помните, собрала информацию о повседневном поведении третьеклассников, проживающих в округе Колумбия, штат Нью-Йорк, опросив самих детей и их родителей. Затем началось постоянное наблюдение за поведением детей, которое продолжалось до тех пор, пока они не стали взрослыми. Как я уже говорил, главным показателем *обычной агрессивности каждого испытуемого было мнение* о нем/ней одноклассников. В контексте нашего разговора особенно важно то, что исследователи установили (в третьем классе и вновь десять лет спустя), насколько детям нравится смотреть телевизионные программы со сценами насилия[3].

Как и в ряде других экспериментов, в этом исследовании обнаружилось, что самыми агрессивными третьеклассниками в округе Колумбии — как среди мальчиков, так и среди девочек — оказались приверженцы телепередач, изображающих насилие. Но означает ли это, что агрессивные дети просто любят наблюдать, как люди нападают друг на друга? Или вид драки способствует их агрессивности? Для того чтобы ответить на эти вопросы, психологи сделали подвы-

---

[1] National Commission on Causes and Prevention of Violence (1969), p. 194.

[2] См., в частности: Eron (1982); Eron, Huesmann, Lefkowitz, & Walder (1972); Huesmann (1986); Huesmann & Eron (1986).

[3] По рассказам матерей о любимых передачах их детей было определено, что в третьем классе дети отдавали предпочтение ТВ-программам, изображающим насилие. О зрительских предпочтениях через десять лет судили по собственным рассказам испытуемых. По итоговым подсчетам, ТВ-программы со сценами насилия оказались в тройке самых популярных. См.: Eron et. al (1972).

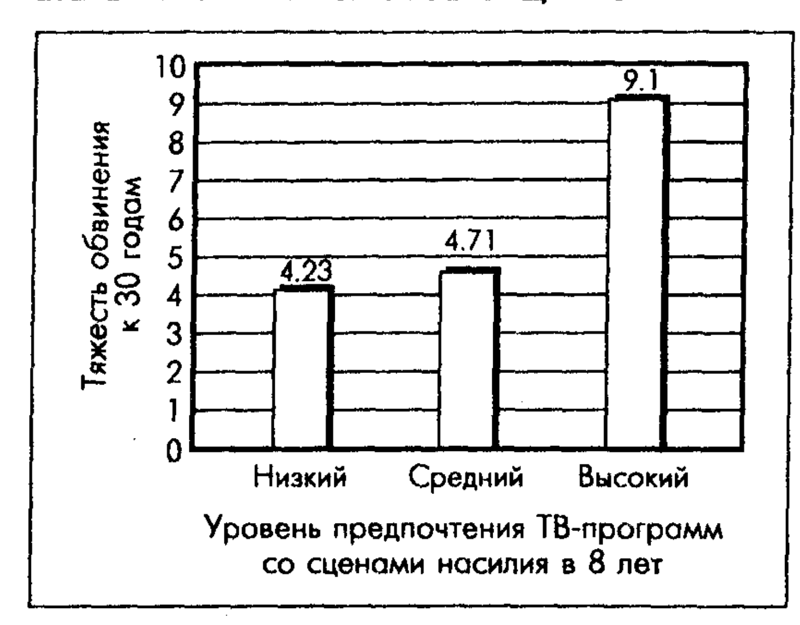


Рис. 7-6. Взаимосвязь между пристрастием восьмилетних мальчиков к ТВ-программам со сценами насилия и тяжестью совершенных ими преступлений в возрасте 30 лет. (Данные из Huesmann (1986). Copyright 1986 by Society for the Psychological Study of Social Issues.)

борку из 211 мальчиков, о поведении которых имелась полная информация, и скоррелировали их зрительские предпочтения в третьем классе с уровнем агрессивности десятью годами позже. Получились любопытные результаты. Агрессивность третьеклассников *не* стала прогнозом их будущих зрительских предпочтений. По прошествии десяти лет их уровень агрессивности оставался в основном прежним, но изменились их зрительские предпочтения. Меж тем третьеклассники, обнаружившие самые сильные пристрастия к телепередачам с кровавыми жестокими сценами — предположительно, они смотрели их часто, — к 19-летнему возрасту стали самыми недоброжелательными и агрессивными юношами из выборки. Пристрастие третьеклассников к ТВ-программам, изображающим насилие, оказалось важным показателем их будущей агрессивности, даже когда их исходный уровень агрессивности считался статистически постоянным — этот вывод еще раз подтверждает теоретическую позицию исследователей. Частые просмотры телепередач со сценами насилия очевидно способствовали развитию агрессивных моделей поведения, независимо от того, насколько агрессивными были мальчики в восемь лет.

Рис. 7-6 продолжает этот анализ. Как вы помните из разговора об агрессивных типах личности в части 2, антисоциальность высокоагрессивных индивидов проявляется по-разному и они чаще своих сверстников вовлечены в противозаконную деятельность. Таким образом, можно предполагать, что частые просмотры ТВ-программ со сценами насилия могут способствовать развитию преступных наклонностей, а также предрасположенности к насилию. Мальчики восьми лет, обнаружившие самые сильные пристрастия к кинофильмам с кровавыми драками и убийствами, с большой вероятностью окажутся среди совершивших тяжкие преступления по достижении ими 30-летнего возраста.

❐ **Результаты межнациональных исследований: эксперимент в пяти странах.** Эрон и Хьюсман (Eron & Huesmann) не удовлетворились описанными выше результатами. Поскольку большинство исследований эффектов от изображения насилия в СМИ проводилось в Соединенных Штатах, они решили проверить истинность полученных результатов для жителей других стран. Они осознавали, что в других культурах могло сложиться иное отношение к агрессии и что, следовательно, частая демонстрация агрессии может не всюду приводить к одинаковым последствиям.

Чтобы выяснить, повторятся ли результаты, полученные в округе Колумбия, Эрон и Хьюсман организовали совместное трехгодичное исследование с участием психологов и испытуемых из Австралии, Финляндии, Израиля, Польши, а также одного из пригородов Чикаго. Как и в предыдущем эксперименте, школьников и их родителей опрашивали и тестировали дважды, в начале и в конце исследования. К концу проекта, в 1982 году, было обнаружено, что в главном новые результаты повторяют полученные ранее, но также проявились интересные и заставляющие задуматься различия.

По некоторым показателям была выявлена положительная взаимосвязь между просмотром телепередач и детской агрессивностью во всех странах, хотя корреляция не всегда была значимой (отчасти по причине небольшого размера отдельных выборок). Во всех странах самые агрессивные дети продемонстрировали, в сравнении с их менее агрессивными сверстниками, следующие особенности: 1) в целом проводили больше времени у телевизора; 2) больше были склонны предпочитать программы со сценами насилия; 3) обычно в большей мере отождествляли себя с телегероями; 4) больше были склонны думать, что насилие, показываемое на экране, правдоподобно.

Хотя эти корреляции служили ободряющим подтверждением результатов эксперимента в округе Колумбия, психологи стремились найти более веские доказательства важной роли телевидения в формировании антисоциального поведения у детей. Поскольку предрасположенность личности к агрессии имеет тенденцию оставаться стабильной с течением лет, ученые предположили, что агрессивное поведение любого ребенка, проявившееся в начале проекта, должно *в определенной мере* служить прогнозом его/ее агрессивности через три года. Они хотели выяснить, повысит ли исходная информация о просмотре детьми телепередач точность этого прогноза сверх прогноза, обеспеченного одним лишь знанием исходной агрессивности. Если да, то можно было бы предполагать, что просмотр детьми телепередач способствуют усвоению ими антисоциальных моделей поведения.

Исследователям удалось доказать, за некоторыми исключениями, свою гипотезу: «В США, Польше, Финляндии, а также в Израиле у

детей, проживающих в городах, ранние привычки, связанные с просмотром ТВ-передач, прогнозировали агрессивность детей, даже когда исходная агрессивность детей была статистически регулируемой» (см. статью Хьюсмана в: Huesmann & Eron, 1986).

Эти результаты, конечно, не означают, что телевидение – это единственный или даже главный фактор, влияющий на поведение подрастающего ребенка. По сути дела, психологи, проводившие это совместное исследование, обнаружили, что поведение родителей также было связано с агрессивностью детей. В большинстве стран – участниц проекта у более агрессивных детей были более жесткие по характеру матери и отцы, которые, в частности, нередко отталкивали от себя своих детей. Судя по статистическому анализу, отношение родителей к детям влияло на ответное отношение к ним детей. Даже при этих условиях чувство разочарования и применяемые родителями наказания, несомненно, также влияли на агрессивность детей, хотя бы до определенной степени.

ПОНЯТЬ «ПОЧЕМУ?»: ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЦЕНАРИЕВ

Описанные результаты, наряду с аналогичными данными других исследований, подтверждают истинность нашей позиции. Частое и массированное воздействие насилия, демонстрируемого по телевидению, не является общественным благом и даже может способствовать формированию антисоциальных моделей поведения. Однако, как я уже не раз отмечал, наблюдаемая агрессия не всегда стимулирует агрессивное поведение. Кроме того, поскольку взаимосвязь между просмотром ТВ-передач и агрессивностью далека от абсолютной, можно сказать, что частое наблюдение за дерущимися на экране людьми *не обязательно* ведет к развитию высокоагрессивного характера у любого человека. Для того чтобы понять, почему частый просмотр телепередач со сценами насилия влияет на агрессивные наклонности некоторых детей и какие обстоятельства ослабляют или усиливают этот эффект, мы должны создать адекватную теорию научения, которое имеет место, когда дети видят, как на телеэкране люди дерутся, стреляют и убивают друг друга.

«СЦЕНАРНАЯ» КОНЦЕПЦИЯ ЭФФЕКТОВ ОТ ПРОСМОТРА ТЕЛЕПЕРЕДАЧ СО СЦЕНАМИ НАСИЛИЯ

Роуэлл Хьюсман представил еще одну очень перспективную аналитическую работу, посвященную эффектам от изображения насилия средствами массовой информации[1]. Опираясь на психологичес-

---

[1] См.: Huesmann (1986); Также см. главы, написанные Хьюсманом и Эроном в: Huesmann & Eron (1986).

кие концепции получения, обработки и сохранения информации, Хьюсман утверждает, что при виде экранных драк у юных телезрителей развивается определенный способ понимания агрессии. Психологи, изучающие когнитивные процессы, назвали бы это созданием сценария, направляющего их ожидания в релевантных ситуациях — в данном случае ожидания последствий агрессии, а также предположения о способе решения определенных социальных проблем. Столкнувшись с трудностями во взаимоотношениях с людьми, юноша или девушка вспомнят сценарий агрессии, который предскажет вероятный ход событий и предпишет оптимальное поведение в сложившихся обстоятельствах. Люди, создающие в высшей степени агрессивные сценарии, вероятно, выберут агрессивные действия как наилучший способ решения проблемы.

Соглашаясь с формулой «социального научения» Бандуры, Хьюсман подчеркивает, что свои социальные стратегии (т. е. сценарии) дети могут выводить, хотя бы отчасти, из наблюдений за поведением других людей, будь то люди «из плоти и крови» или экранные герои. Хьюсман согласен с анализом Бандуры и в другом: для того чтобы показанное по телевидению насилие дало толчок развитию агрессивных идей, необходимы определенные предпосылки. Во-первых, зрители должны *обратить внимание* на происходящее на экране. Им не обязательно замечать и анализировать *все*, что они видят, у них в уме должны отложиться сцены насилия. Хьюсман предполагает, — и это созвучно моему анализу факторов, обусловливающих реакции на насилие, изображаемое средствами массовой информации, — что у некоторых наблюдателей от агрессивной сцены останется особенно яркое впечатление, если они воспринимают ее как правдоподобную и отождествляют себя с экранным агрессором.

Зрители также должны соответствующим образом интерпретировать (или «кодировать») увиденное. Формировать способствующие агрессии сценарии особенно свойственно детям, если они, к примеру, считают наблюдаемую агрессию «правильным» и «выигрышным» поведением.

Однако, какова бы ни была ее суть, эта идея может постепенно исчезнуть из памяти, если телезрители периодически не «повторяют» созданные ими понятия. Следовательно, необходимо также учитывать, от чего зависит *сохранение* индуцированного телевидением сценария. Чем больше человек смотрит телевизор и напоминает себе о том, чему он уже научился, тем сильнее сценарий вживляется в его память. Далее, чем разнообразнее повторы, тем шире диапазон ситуаций, к которым зритель будет применять сценарий. Например, Роберт Смит (открывший пальбу на курсах косметологии в Аризоне) повторял сценарий, возникший у него под впечатлением от преступлений Спека и Уитмена, практикуясь в стрельбе из пистолета.

Но и сохранение сценария в памяти — это еще не все. Для того чтобы оказать непосредственное действие, сценарий должен быть *активизирован*. Исходя из эффекта прайминга, Хьюсман полагает, что определенные сигналы (или особенности внешнего окружения) помогают восстановить сценарий в памяти зрителя и привести его в действие. Сценарий агрессивного поведения, информация для которого накапливалась годами, может активизироваться одним лишь видом драки или оружия. Точно так же и вскоре после увиденной по телевизору сцены насилия релевантные ситуационные сигналы могут легко реактивировать давно сформировавшийся у человека сценарий, который отчетливо отпечатался в памяти.

В конечном итоге, заключает Хьюсман, изображение насилия в СМИ «стимулирует развитие новых агрессивных сценариев и подсказывает, как использовать уже имеющиеся общие или специфические сценарии агрессии» (Huesmann, 1986, p. 133). Можно понять, почему очень агрессивны именно те люди, которых сильно впечатляют фильмы со сценами насилия. Они лучше других усвоили и используют хранящиеся в памяти агрессивные сценарии. Их сценарии легко активизируются изображаемым на экране насилием (агрессивным сигналом). Однако нельзя забывать, что большинство людей, даже те из нас, кто не отличается повышенной агрессивностью, приобретают *некоторые* представления об агрессии и соответствующие стратегии еще в детстве и в процессе взросления. «Агрессивные» фильмы могут активизировать в определенной степени и наши с вами сценарии, особенно если этому не помешают какие-нибудь другие мысли.

Из всего сказанного явствует, что не только теория сценария согласуется с предложенным в этой главе анализом эффекта прайминга, но и формула прайминга может быть включена в более широкий сценарный подход. «Заряжающий» стимул (прайминг) — это сигнал, активизирующий определенные идеи и склонности, заложенные в релевантном, уже сформированном сценарии. Мы представили эти две теоретические концепции по отдельности, потому что понятие прайминга акцентирует краткосрочные последствия наблюдаемой агрессии, в то время как теория сценария изучает ее долговременные эффекты. Несмотря на такую расстановку акцентов, эти два направления анализа близки друг другу.

Ослабление вредного влияния насилия, показанного по телевидению

Как в собственном исследовании Хьюсмана, так и в его совместной работе с Эроном и другими исследователями выделяется ряд факторов, способных ослабить роль часто наблюдаемого насилия в

формировании антисоциальных моделей поведения. В частности, о таких факторах говорится в уже упоминавшемся международном исследовании с участием пяти стран.

В Австралии не было обнаружено связи между просмотром телепередач и уровнем агрессивности у детей, как не было ее обнаружено и у израильских детей, проживающих в кибуцах (хотя у городских детей эта связь проявилась). Не вполне понятно, что ослабляет влияние телевидения в случае Австралии. Что же касается Израиля, ученые предполагают (думается, справедливо), что бытующее в кибуце отношение к агрессии подавляет вредный эффект от наблюдаемого насилия. Дело не только в том, что здешние дети смотрят сравнительно мало агрессивных ТВ-программ. В кибуце принято обсуждать социальные последствия драк и убийств, увиденных на экране (Huesmann & Eron, 1986, p. 242). Какие бы идеи поначалу ни внушили детям сцены насилия, последующая дискуссия практически не оставляет у них сомнения, что человек не должен решать свои проблемы с обществом, нападая на других людей.

Разве это не урок и для всех нас? Когда дети видят по телевизору драки и убийства, разве не должны те взрослые, на ком лежит ответственность за детей, напомнить им, что агрессия — не самый подходящий способ уладить свои взаимоотношения с другими людьми?

Эксперимент с участием детей из пригорода Чикаго, проведенный Хьюсманом, Эроном и другими в рамках того же международного исследования, также доказывает важность отношения юных телезрителей к кровавым и жестоким сценам. Следуя своей теории сценария, эти психологии провели два занятия, на которых дети были вынуждены участвовать в дискуссии о нежелательности подражания агрессивному поведению, изображаемому в ТВ-программах. Дети получили задание поразмышлять о том, почему телегерои, участвующие в драках и убийствах, вели себя недостойно. Через четыре месяца исследователи сравнили поведение этих детей с поведением их сверстников из контрольной группы. Обнаружилось, что дети, размышлявшие о последствиях агрессии, вели себя с одноклассниками менее агрессивно, чем другие их сверстники. Для нашей теории особенно важно, что в этом эксперименте не выявилось корреляции между частотой наблюдения насилия на телеэкране и агрессивностью детей, хотя такая взаимосвязь проявилась у не прошедших обучение детей из контрольной группы. Всего два занятия оказались эффективной «прививкой» против вредного влияния показываемых на ТВ драк и убийств. Хотя обученные и необученные дети подвергались воздействию насилия, изображаемого на телеэкране, в равной степени, первые были менее склонны воспринимать передаваемые сценами насилия зловещие сигналы, так как у них сформировалось неблагоприятное отношение к насильственному поведению (Huesmann, Eron, Klein, Brise & Fischer, 1983).

Теперь вы имеете представление об исследованиях, посвященных влиянию сцен насилия, которыми переполнены средства массовой информации. Интересно, согласитесь ли вы, вслед за мной, с заявлениями Национальной Комиссии по причинам и предотвращению насилия. В первом заявлении осуждается позиция коммерческого телевидения: «Телевидение, которое развлекает, показывая насилие, возможно, имеет высокие рейтинги, но это плохая услуга цивилизации» (National Commission on Causes and Prevention of Violence 1969 a, p. 11, 10 соответственно). Второе заявление адресовано родителям: «Родители обязаны прилагать все усилия, чтобы контролировать зрительские предпочтения своих детей и нести полную ответственность за их нравственное развитие». Результаты исследований и обыкновенный здравый смысл говорят о том, что родители — и педагоги — должны сделать все, чтобы свести к минимуму пагубное влияние телевидения. Самое малое, что в их силах, — помочь детям осознать, что агрессия нежелательна, даже если она исходит от «героя», и что лучше всего научиться решать наши проблемы мирным путем.

РЕЗЮМЕ

По мнению общественности в целом и даже некоторых специалистов в области средств массовой информации, изображение насилия на кино- и телеэкране, на страницах газет и журналов имеет весьма незначительное влияние на зрительскую и читающую аудиторию. Также бытует мнение, что только дети и душевнобольные люди подвержены этому неопасному влиянию. Однако большинство ученых, изучавших медиа-эффекты, и те, кто внимательно ознакомился со специальной научной литературой, уверены в обратном. В этой главе я хотел показать, что: 1) изображение насилия и даже информация о нем в новостях увеличивает вероятность того, что аудитория СМИ, взрослые и дети, будут также вести себя агрессивно; 2) это влияние не является незначительным, тем более если учесть, что медиа-аудитория насчитывает несколько миллионов человек; 3) специальные психологические концепции помогают выявить те факторы, которые способны усилить или ослабить вероятность возникновения агрессивных реакций.

Масс-медиа могут иметь как краткосрочное, так и длительное влияние на свою аудиторию. Эта глава начинается с рассмотрения немедленных и скоротечных эффектов изображения насилия в СМИ. Сначала приводятся данные о росте числа преступлений-имитаций. Уделяя особое внимание работам Дэвида Филлипса о «заразности» самоубийств и убийств, я стремился показать, каким глу-

боким и сложным может быть влияние сцен насилия. Затем я обращаюсь к исследованиям краткосрочных эффектов, согласно которым наблюдаемая агрессия может иметь слабое и среднее влияние на поведение испытуемых. Этот эффект доказало проявление как естественной агрессии, так и «искусственной» агрессии (удары током) в условиях лабораторного эксперимента.

Вводя понятие прайминга, я подразумеваю, что сообщения о насилии или изображение насилия способны активизировать в зрителях связанные с агрессией идеи и склонности. Однако эти идеи и склонности будут активизированы лишь в той мере, в какой полученная информация является релевантной для реципиента. Согласно имеющимся исследованиям, наблюдаемое насилие скорее всего увеличит вероятность агрессивного поведения представителей аудитории при следующих условиях: 1) если они не видят, что агрессор наказан или пострадал каким-либо иным образом; 2) если они не считают агрессию неприемлемой или неоправданной; 3) если они идентифицируют себя с агрессорами, представляя себя на их месте; 4) если они фокусируют внимание на агрессии, а не на других аспектах происходящих событий; 5) если они психологически не дистанцируются от увиденного или услышанного, например, не говорят себе, что все происходящее на экране — неправда.

Даже притупляясь со временем, спровоцированные идеи и поведенческие наклонности могут впоследствии реактивироваться. Ситуационные сигналы, напоминающие зрителям о виденном ранее насилии, способны пробудить — хотя бы в какой-то мере — прежние агрессивные мысли и импульсы.

Я полагаю, что причиной часто обсуждаемых в литературе эффектов десенсибилизации и растормаживания вполне могут быть спровоцированные агрессивные мысли. Наблюдаемая агрессия может обусловить относительное равнодушие зрителей к насилию вообще и/или их желание наказать своих реальных обидчиков. Ввиду того что сцены насилия наводят зрителей на агрессивные мысли, люди на какое-то время начинают думать, будто агрессия — это явление нормальное и часто уместное.

Затем я рассматриваю возможные последствия частого просмотра сцен насилия. Мне ближе несколько скорректированная и менее резкая формулировка тезиса Гербнера о культивировании. По моему мнению, люди, которые часто сталкиваются с информацией о насилии, склонны преувеличивать масштабы насилия в обществе, но такое восприятие может быть обусловлено только отсутствием другой, противоположной информации, исходящей от их реального окружения.

Частый просмотр сцен насилия, демонстрируемых по телевидению, может стимулировать агрессивное поведение у детей. Хотя на

такую возможность указывает целый ряд исследований (есть и такие, которые ее не подтверждают), я опираюсь на результаты эксперимента, проведенного в округе Колумбия, и международного исследования с участием пяти стран под руководством Леонарда Эрона и Роуэлла Хьюсмана. Вообще говоря, очень высока вероятность, что дети, которые смотрят много ТВ-программ, изобилующих драками и убийствами, став взрослыми, будут отличаться — за малым исключением — повышенной агрессивностью.

Теория сценария Хьюсмана (в чем-то близкая анализу социального научения Бандуры) удачно объединяет разные идеи, представленные в этой главе. Дети, которые часто видят насилие на экране телевизора, могут усвоить агрессивные сценарии, убеждающие их в том, что насилие — это обычный и приемлемый способ разрешения межличностных проблем. Дети усвоят эти сценарии особенно хорошо, если будут обращать внимание на наблюдаемое насилие и если не найдется авторитетного для них человека, который скажет им, что агрессия является нежелательным поведением. Родители, педагоги и средства массовой информации могут и должны предпринять меры, направленные на ослабление вредных последствий массированного воздействия насилия, заполнившего теле- и киноэкраны.

Глава 8

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ

Объяснение случаев применения насилия в семье. Взгляды на проблему насилия в семье. Факторы, которые могут побуждать к применению насилия в семье. Ссылки на результаты исследований.

Нам хочется думать о своей семье как о надежном убежище, в котором всегда можно укрыться от стрессов и перегрузок нашего беспокойного мира. Что бы ни угрожало нам вне дома, мы надеемся найти защиту и поддержку в любви тех, с кем поддерживаем самые близкие отношения. Недаром в одной старой французской песне есть такие слова: «Где еще можно почувствовать себя лучше, как не в лоне родной семьи!» Однако для многих людей желание обретения семейного покоя оказывается невыполнимым, так как их близкие являются скорее источником угрозы, чем надежности и безопасности.

В главе 1 мы уже указывали на существование подобного явления. Согласно результатам Общенационального исследования проблем насилия в семье (ОИПНС), выполненного на основе репрезентативной выборки американских семей социологами из штата Нью-Гемпшир Мюрреем Страусом, Ричардом Джеллесом и Сюзанной Стейнметц (Murray Straus,Richard Gelles & Suzanne Steinmetz), в 1975 году более чем в 17% семей США один из супругов хотя бы однажды ударил другого. При этом было установлено, что в 60% семей родители били своих детей. Второе общенациональное исследование, выполненное десятилетие спустя, в 1985 году, выявило примерно тот же процент случаев применения насилия среди супружеских пар в США. Чаще это не имело серьезных последствий, так как акт насилия ограничивался нанесением легких ударов и пощечин, однако иногда агрессивность одного из супругов проявлялась в более серьезной форме и сопровождалась ударами ногой, кулаком или даже попытками удушения. На основе результатов исследования, проведенного в 1985 году, Страус и Джеллес установили, что более чем в трех миллионах супружеских пар были отмечены разовые или многократные случаи нападок, имевшие высокую вероятность получения травм. Они также выяснили, что каждая восьмая американс-

кая женщина подвергалась физическим нападкам со стороны супруга или партнера на протяжении тех 12 месяцев, в течение которых проводилось исследование. В среднем за этот период каждая такая женщина подвергалась нападению проживавшего с нею мужчины шесть раз. Жизнь детей в стенах родного дома также не была спокойной. Судя по данным другого исследования, выполненного в том же 1985 году, ежегодно один из десяти американских детей подвергался грубому насилию в своей семье[1].

Ряд наиболее интересных находок Страуса и Джеллеса приведены в табл. 8-1.

Бюро юридической статистики публикует результаты других оценок масштабов применения насилия в американских домах. Я приведу только одну цифру. Согласно результатам, полученным Бюро в ходе общенационального изучения проблем бытовых правонарушений, примерно в 20% случаев противоправного применения силы против личности физическое оскорбление наносилось человеку его родственником[2].

Но стоит ли удивляться столь частым случаям проявления агрессивности внутри семьи? Ведь люди, живущие в тесном взаимодействии, неизбежно хотя бы изредка входят в резкое противостояние друг с другом.

Как говорят социологи, семьи являются в высшей степени взаимозависимыми сообществами и их члены легко могут расстраивать планы друг друга или даже вступать между собой в серьезные конфликты. И все же подобные обострения внутренней обстановки не всегда приводят к насилию, и немало семей оказываются в состоянии сохранять гармонию отношений или хотя бы не доводить дело до «гражданской войны». Чем же обусловлено такое различие внутрисемейного поведения?

---

[1] На основе данных, полученных в 1975 г., Страус, Джеллес и Стейнметц (Straus, Gelles, & Steinmetz, 1980) установили, что 60% американских женщин избивались хотя бы один раз в жизни. Расчеты, выполненные в известной работе Ленора Уолкера (Lenore Walker, 1979), посвященной насилию над женщинами, называли весьма близкую цифру: 50%. Страус и Джеллес (1990) представили результаты сравнения данных, полученных ими в 1975 и 1985 годах. Группа специалистов под руководством Страуса сосредоточилась на широком спектре проявлений физического насилия: от самых легких форм — швыряния домашних предметов в жену и т. д. к самым тяжелым — использованию ножа или пистолета. При этом во всех случаях действия мужчин «выполнялись с осознанным или неосознанным намерением причинить боль или нанести повреждение», хотя в нанесении повреждения не было никакой необходимости.

[2] Данные Бюро юридической статистики (1988), табл. 3.36, р. 310.

Таблица 8-1

Ежегодные данные об абсолютном и относительном числе случаев применения насилия в семье

Тип внутрисемейного насилия[1]	Количество случаев на 1000 супругов или детей	Количество людей, подвергшихся насилию[2]
1. Акт насилия одного супруга над другим		
Все случаи применения насилия в течение года (толчки, шлепки и пр.)	161	8 700 000
Грубое насилие (удары ногой, кулаком, нанесение ран и пр.)	63	3 400 000
Все случаи применения насилия со стороны мужа	116	6 250 000
Грубое насилие со стороны мужа (избиение жены)	34	1 800 000
Все случаи применения насилия со стороны жены	124	6 800 000
Грубое насилие со стороны жены	48	2 600 000
2. Жестокое обращение родителей с детьми в возрасте до 17 лет		
Все случаи применения насилия в течение года	Примерно на уровне 100% для малолетних детей[3]	
Очень грубое насилие (насилие над ребенком 1-й степени)[4]	23	1 500 000
Грубое насилие (насилие над ребенком 2-й степени)[5]	110	6 900 000
3. Жестокое обращение родителей с детьми в возрасте 15–17 лет		
Все случаи применения насилия	340	3 800 000
Грубое насилие	70	800 000
Очень грубое насилие	21	235 000
4. Акты насилия, осуществленные детьми в возрасте от 3 до 17 лет		
Все случаи применения насилия против брата или сестры	800	50 400 000
Грубое насилие, примененное против брата или сестры	530	33 300 000

Продолжение таблицы 8-1

Тип внутрисемейного насилия[1]	Количество случаев на 1000 супругов или детей	Количество людей, подвергшихся насилию[2]
Все случаи применения насилия против родителей	180	9 700 000
Грубое насилие, примененное против родителей	90	4 800 000
5. Акты насилия, осуществленные детьми в возрасте 15–17 лет		
Все случаи применения насилия против брата или сестры	640	7 200 000
Грубое насилие, примененное против брата или сестры	360	4 000 000
Все случаи применения насилия против родителей	100	1 100 000
Грубое насилие, примененное против родителей	35	400 000

Источник: Взято из *Straus & Gelles* (1990), *Physical Violence in American Families*; табл. 6-1, с. 97–98. Все данные основываются на результатах Общенационального исследования проблем внутрисемейного насилия 1975 и 1985 годов. Разрешение на использования результатов исследования получено.

---

[1] Цифры раздела 1 основываются на результатах обследования 6002 супружеских или совместно проживающих пар, проведенного в 1985 году. Данные раздела 2 — результат обследования 3232 семей с детьми в возрасте до 17 лет, выполненного в 1985 году. Данные разделов 3 и 4 соответствуют итогам Общенационального исследования проблем насилия в семье, проведенного в 1975 году, так как во время исследования 1985 года сведения о насилии над детьми не собирались.

[2] Данные графы «Количество людей, подвергшихся насилию» вычислялись путем умножения цифр соседней колонки этой таблицы на численность населения США (54 млн. пар и 63 млн. детей в возрасте до 17 лет), указанную в *Statistical Abstract* в 1986 году. Число детей в возрасте от 15 до 17 лет было принято равным 11,23 млн. Эта цифра была получена путем умножения на 0,75 числа детей в возрасте от 14 до 17 лет, указанную в табл. 29 в *Statistical Abstract*.

[3] По результатам исследования 1975 года этот показатель для трехлетних детей составил 97%.

[4] «Насилие над ребенком 1-й степени» подразумевает действия родителей, которые «в любой ситуации воспринимаются как проявление насилия», то есть удары ногой, кулаком, избиение и агрессивные действия с применением оружия.

[5] «Насилие над ребенком 2-й степени» подразумевает добавление к предыдущему перечню насильственных действий нанесение ребенку ударов каким-либо предметом.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПРИЧИН ПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ

ВЗГЛЯДЫ НА ПРОБЛЕМУ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ

В значительной мере благодаря социальным работникам и врачам наша нация стала проявлять беспокойство по поводу роста случаев применения насилия в американских семьях, отмеченного в 60-х — начале 70-х годов. Неудивительно, что в силу особенностей профессиональных взглядов этих специалистов их первоначальные попытки проанализировать причины избиения жен и детей находили отражение в психиатрических или медицинских формулировках, ориентированных на конкретного индивида, а первые исследования этого явления были нацелены на выяснение того, какие личные качества человека способствуют его жестокому обращению с супругой и/или детьми.

Однако диапазон исследований заметно расширился, когда и представители других общественно-научных дисциплин — главным образом социологи — также обратили свое внимание на проблему агрессивного поведения в семье. Благодаря их усилиям было достигнуто осознание важности влияния социальных факторов, в особенности общественных норм и ценностей, на то, кто из супругов должен занимать главенствующее место в семье и как он может надлежащим образом реализовывать свою власть. В качестве примера можно привести книгу Эмерсона и Рассела Добаш «Насилие против жен» (Emerson Dobash and Russell Dobash, *Violence against Wives*), изданную в 1979 году, в которой утверждалось, что мужья бьют своих жен главным образом исходя из своих устойчивых представлений о том, что таким образом они могут обеспечить себе традиционно главенствующую роль в семье. «Мужья, избивающие своих жен,— утверждали авторы книги,— живут в соответствии с неписаными законами западного общества, насаждающими агрессивность поведения и главенство мужчин и подчиненность женщин, и поэтому используют физическую силу как средство укрепления своего доминирующего положения». Развивая эту тему, некоторые исследователи семейных отношений утверждали, что общественные нормы изначально устанавливают, кто должен командовать в семье, а кто подчиняться. Они видели во внутрисемейном насилии проявление различий властных полномочий мужчин и женщин в ориентированном на патриархальные традиции обществе, основанном на главенстве мужчин (Dobash & Dobash, 1979; см. также: Gelles, 1987; Kadushin & Martin, 1981; Pagelow, 1984; Straus & Gelles, 1990).

Но данный взгляд на проблему также оказался слишком узким. В настоящее время теоретики и исследователи уделяют основное

внимание интерактивной природе факторов, порождающих насилие в доме. Такие внешние условия, как безработица, низкий уровень доходов или обусловленные невысоким культурным уровнем убеждения и жизненные ценности могут сказываться на действиях членов семьи и влиять на их взаимоотношения. Даже поведение жертвы способно повлиять на действия нападающего супруга. Более того, как показывают данные все большего числа исследований, разнообразные знания, полученные учеными о формах и истоках человеческой агрессивности, также могут помочь понять, почему мужья избивают своих жен и детей.

Достаточно очевидно, что спор между проживающими совместно мужчиной и женщиной во многих отношениях отличен от спора двух незнакомых прежде посетителей кабака, однако и в том и другом случае имеется много сходных условий, способных повысить вероятность применения насилия[1].

ФАКТОРЫ, ТОЛКАЮЩИЕ К ПРИМЕНЕНИЮ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ

Далее я кратко остановлюсь на доказательстве каждой точки зрения, приведенной выше. По сути, я постараюсь лишь адаптировать более новый подход к проблеме насилия в семье, уделяя особое внимание самым разным условиям, которые могут или повысить, или понизить вероятность жестокого обращения друг с другом людей, проживающих в одном доме. Для удобства рассмотрения я сгруппирую эти факторы так, как это показано на рис. 8-1. (Я отнюдь не собираюсь утверждать, что не существует других факторов — помимо приведенных на этом рисунке, — способных породить насилие, или что схема их воздействия является единственно правильной.)

Кроме того, полезно будет сделать два предварительных замечания. Во-первых, я еще раз напомню о том, что использую понятия «агрессия» и «насилие» в смысле умышленной попытки нанести повреждение другому человеку.

С моей точки зрения, агрессия редко подразумевает действие, совершаемое по неосмотрительности. Умышленное причинение боли ребенку не тождественно проявлению неспособности надлежащим образом заботиться о нем; жестокость и халатность проистекают из разных причин. Невнимательные к своим детям взрослые заметно

---

[1] Страус и его соавторы [например, Straus & Gelles (1990), Straus et al. (1980)] настаивали на необходимости взаимосвязанного подхода, использованного Кадушиным и Мартин (Kadushin & Martin, 1981). См. также Wolfe (1985).

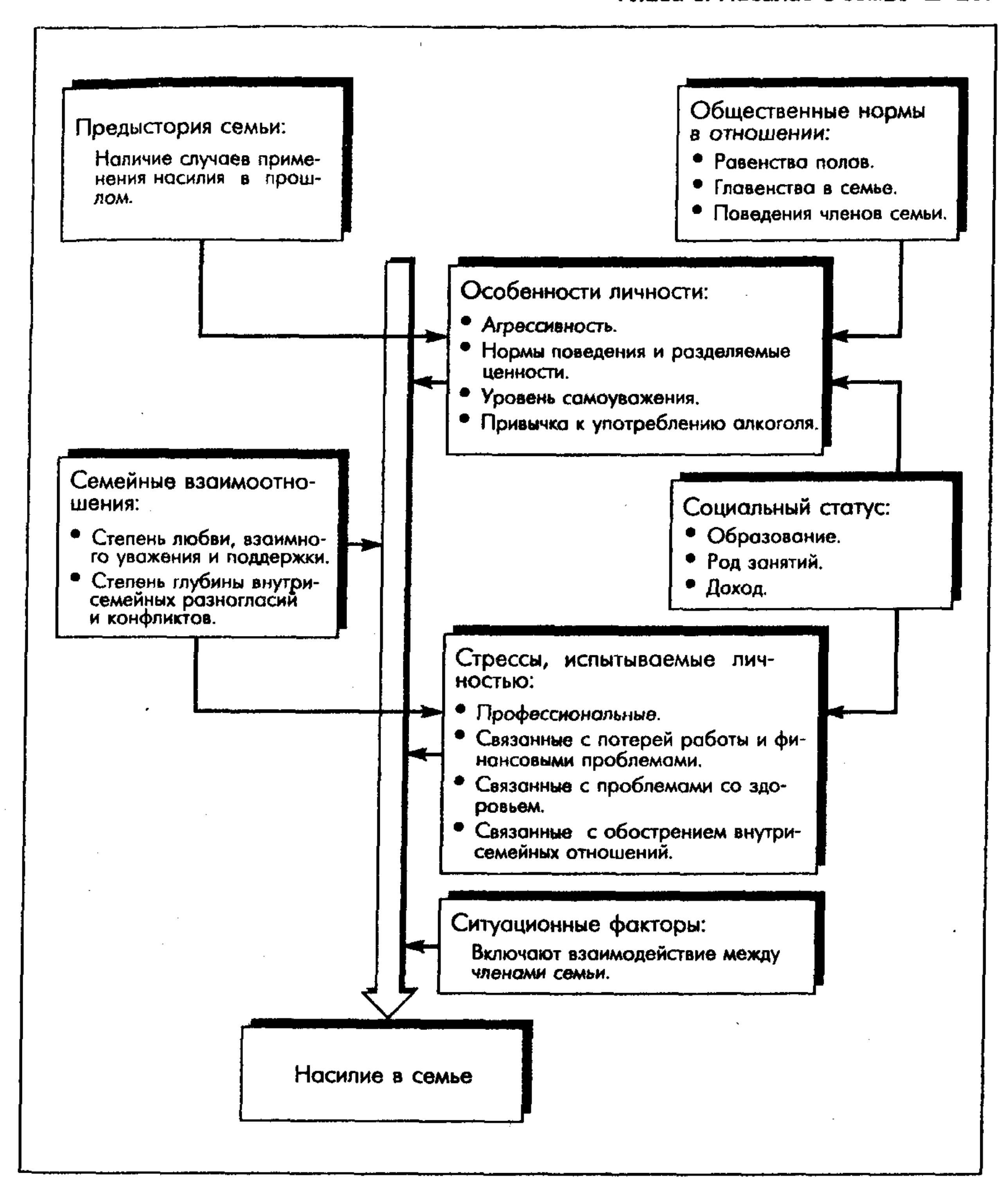


Рис. 8-1. Факторы, толкающие к применению насилия в семье.

отличаются от тех заботливых родителей, которые тем не менее бьют своих отпрысков. Однако каким бы предосудительным я ни считал безразличное отношение родителей к ребенку, попытки квалифицировать это безразличие разновидностью «насилия» означало бы, что оба типа поведения родителей обусловливаются одними и теми же психологическими процессами, а поощрение этой ошибочной точки

зрения неминуемо привело бы к запутыванию сути данного вопроса[1].

Во-вторых (и это соответствует моему общему подходу), в обзоре этой главы будут выделены черты, общие для различных форм применения насилия в семье. Хотя время от времени я буду обращаться к проблемам жестокого обращения с женами и детьми по отдельности, я не рассматриваю эти два типа поведения совершенно отличными друг от друга, и мой дальнейший анализ проблемы покажет, что основой для них могут послужить одни и те же условия. Мюррей Страус (Murray Straus) предоставил одно из лучших доказательств правильности этой позиции, которое в его изложении выглядит следующим образом:

> ***Результаты показывают, что одни и те же факторы, которые объясняют жестокое обращение с детьми и избиение жены, объясняют также применение обычного телесного наказания или минимального физического насилия в отношениях между супругами. Таким образом... оказывается, что насилие всегда остается насилием, вне зависимости от степени его жестокости и вне зависимости от того, является ли оно определенным образом узаконенным (как в случае телесного наказания) или незаконным (как в случае проявления жестокости в отношении детей или при избиении жены) (Straus, 1983, p. 231).***

ССЫЛКИ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Социальные нормы и общественные ценности

❑ **Доминирующая роль мужчины в семье и обществе**. Многие ученые, занимающиеся проблемами американской семьи, убеждены в том, что восприятие обществом мужчин в качестве главы семьи является одной из главных причин применения насилия против жен. В наши дни демократические воззрения распространены как никогда ранее,

---

[1] Пагелоу (Pagelow, 1984) рассматривает отсутствие родительской заботы о детях как жестокое обращение с ними. Он говорит: «Дети, страдающие от отсутствия душевного внимания... лишаются права на полную реализацию личностного потенциала» (р. 21). В главе 1 объяснено, почему я убежден в том, что рассмотрение агрессии или насилия в качестве контрнормативного поведения приводит к серьезной запутанности понятий. Вольфе (Wolfe, 1985) просуммировал результаты исследования различий между безответственными и склонными к проявлению насилия родителями. Некоторые цитируемые им авторы указывают на то, что безответственные родители чаще оказываются апатичными и равнодушными людьми, чем родители, склонные к применению насилия против своих детей. Обычно течение первых лет жизни детей — жертв родительского насилия заметно отличается от течения первых лет жизни их сверстников, страдающих от невнимательного отношения родителей.

и все большее число мужчин заявляет, что женщина должна быть равноправным участником процесса принятия семейных решений. Даже если это и соответствует действительности, то, как отмечают Страус и Джеллес, «многие, если не большинство» мужей в душе убеждены, что последнее слово в принятии семейных решений всегда должно оставаться за ними просто потому, что они являются мужчинами. Если супруги не могут прийти к согласию в споре, то мужчина полагает, что для него будет оправданным применение силы в качестве доказательства своей власти в доме — таким образом он обеспечивает за собой право на решающее слово. Один женатый мужчина, с которым беседовали Страус и Джеллес, — говорящий, по всей видимости, от лица многих своих собратьев, — при упоминании случая нанесения им побоев своей жене заявил интервьюерам следующее: «Зато с тех пор у нас нет никаких проблем!» (Straus & Gelles, 1990, p. 514).

Авторы, подчеркивающие, что ожидания общества, несомненно, способствуют росту случаев избиения жен, изначально ошибочно принимают тезис о жестокости не отдельных людей, а общества в целом. Они утверждают, что грубое отношение к женщинам во многом обусловлено существованием патриархальной системы, управление которой основывается на принципе главенства мужчины над женщиной. Как сказали об этом Э. и Р. Добаш: «Проблема заключается в подчиненности женщин, а ее решение — в борьбе против этого явления» (Dobash & Dobash, 1979, приводится в: Straus & Gelles, 1990, p. 385).

Во многом подобные выводы подтверждают и результаты проведенного в 1975 году Общенационального исследования, согласно которым большинство подвергшихся насилию женщин играли у себя дома настолько незначительную роль, что практически не имели влияния на принятие решений в своей семье. Жестокое обращение с женщинами наблюдалось в 11% супружеских пар, в которых муж явно занимал главенствующее положение, и только в 3% семей, где оба супруга обладали примерно одинаковыми правами.

Подчиненность женщины и верховенство мужчины. Мужчина проявляет особую склонность к занятию доминирующего положения в семье в тех случаях, когда женщина сильно зависит от него как *экономически* (поскольку он обеспечивает основные поступления в семейный бюджет), так и *психологически* (так как в случае распада брака, по ее мнению, она пострадает больше мужа). Результаты Общенационального исследования 1975 года показали, что акты насилия против жен наиболее часто имели место там, где присутствовали оба типа зависимости.

Интересно отметить, что степень взаимосвязи между подчиненностью женщины и жестоким обращением с ней изменяется в соот-

ветствии с изменениями природы ее зависимости от мужчины и степени жестокости насилия. Чем выше психологическая зависимость жены от мужа, тем выше вероятность того, что она станет объектом «умеренного» насилия (толчков или легких ударов). Лишь около 5% психологически более независимых женщин подверглись подобному обращению, в то время как у наиболее зависимых в этом плане женщин данный показатель составил 14%. Экономическая же зависимость, напротив, связана с гораздо более жестокими проявлениями насилия. Доля женщин, обеспечивавших деньгами себя и свою семью и тем не менее подвергавшихся жестоким побоям, составила около 4%, в то время как доля избиваемых женщин, находящихся в полной финансовой зависимости от мужей, равнялась примерно 7%. В отношении обоих видов зависимости исследователи пришли к выводу о том что: «жены, находящиеся в сильной зависимости от мужей, в меньшей мере способны ослабить жестокость насилия или вовсе положить ему конец по сравнению с теми женщинами, в чьих семьях материальные и психологические взаимоотношения супругов оказываются более сбалансированными» (см.: Kalmuss & Strauss в: Straus & Gelles, 1990).

Является ли свидетельство о браке свидетельством на право жестокого обращения с женой? В начале 70-х годов Джеллес и Страус предложили новую трактовку темы общественных норм поведения. Они высказали предположение, что для мужчины «свидетельство о браке является одновременно и разрешением на жестокое обращение с женой». Исследуя гражданский кодекс средних веков, социологи выяснили, что он давал мужьям «право подвергать телесным наказаниям заблудших жен».

Хотя подобное «право» никогда не признавалось в Соединенных Штатах на законодательном уровне, Джеллес и Страус установили, что в период от средневековья и до XIX века лежащий в его основе принцип пусть в разной мере, но постоянно присутствовал в народной культуре[1].

Однако я хотел бы знать, является ли это предполагаемое «свидетельство на право применения насилия» действительно важным фактором жестокого обращения с женами. Если подобный социальный феномен играет такую важную роль в применении насилия внутри семьи, то от женатых мужчин можно ожидать более агрессивного поведения в отношениях с женами, чем от фактически холостых мужчин в отношениях с их сожительницами. Неженатые мужчины в таких парах теоретически с меньшей вероятностью по сравнению с женатыми должны верить в наличие у них права бить своих непослушных жен. Однако, проведя в 1985 году второе

[1] Это замечание более полно рассматривается в Straus et al. (1980).

ОИНС и сравнив показатели уровня применения насилия для зарегистрированных и незарегистрированных пар, Страус и его помощники выяснили, что поведение последних отличалось большей конфликтностью и агрессивностью. Невыясненным остался лишь вопрос, осуществлялось ли насилие только мужчиной либо только женщиной или имело обоюдный характер. Кроме того, следует отметить, что полученные результаты относились к случаям как умеренного, так и грубого насилия в семьях лишь так называемых «синих» и «белых» воротничков.

По моей оценке, немногое говорит в поддержку идеи о «свидетельстве на право применения насилия». Многие исследователи выдвигают предположения, что муж и жена способны лучше понимать желания друг друга, чем просто совместно проживающие мужчина и женщина. Они считают, что супруги более склонны к мыслям «пойти на компромиссы или жертвы ради сохранения прочности семейных уз»[1]. Брачное свидетельство, по-видимому, в большей мере создает предпосылки для достижения внутрисемейного компромисса, чем для применения насилия с целью «поставить жену на место».

Ожидания проявления родительской власти и жестокое обращение с детьми. Взгляды общества на то, кто должен главенствовать в семье, несомненно, способствуют росту случаев жестокого обращения с детьми. Общество очень долго считало, что дети должны находиться в подчинении у родителей и иметь весьма ограниченные права. В прошлые века отцы и матери могли осуществлять почти неограниченный контроль за действиями своих отпрысков. Так как большинство наших предков были уверены в том, что молодежь склонна к беспорядочной жизни и нуждается в строгом руководстве («недостаточное наказание розгами портит ребенка»), то они всегда были готовы наказать своих детей, если считали их поведение предосудительным.

Ученые заметили, что родители часто обращались не лучшим образом с подрастающим поколением вплоть до самого последнего времени. Ллойд Демаус (Lloyd DeMause), известный исследователь проблем детства, заметил: «Собранные мной свидетельства о дисциплинарных методах воздействия на детей привели меня к убеждению в том, что большинство людей, родившихся до начала XVIII века, считались бы в наши дни "детьми, подвергавшимися насилию со стороны взрослых"». Другой специалист не только согласился с ним, но и заявил, что, по его мнению, жестокое обращение с детьми широко практиковалось по крайней мере до XIX века. «Формы наказания, считавшиеся обычными и даже благотворными в викторианскую и

---

[1] См. главу, написанную Стетсом и Страусом в: Straus & Gelles (1990, p. 242).

елизаветинскую эпоху, — утверждает он, — в наши дни считались бы проявлением насилия»[1].

Хотя сегодняшние законы наделили детей гораздо большими правами и существенно ограничили власть родителей, общество по-прежнему позволяет отцам и матерям в определенных границах применять к своим детям меры физического воздействия. Согласно результатам опроса Харриса (Harris Poll), проведенного в конце 1988 года, 86% американцев одобрительно отозвались о применении телесных наказаний дома. Школьные учителя, в основной своей массе, также не возражают против такого «воспитательного» средства. Согласно данным Альфреда Кадушина и Джудит Мартин (Alfred Kaduchin & Judith Martin), две трети учителей начальных школ, опрошенных в 1972 году Национальной ассоциацией образования (НАО), положительно отнеслись к использованию телесных наказаний в школе, а половина всех учителей, участвовавших в последнем опросе Гэллапа, также высказалась за предоставление им права наказывать таким образом непослушных учеников[2].

Благодаря широкораспространенному мнению о том, что физическое наказание является необходимым — и эффективным — средством контролирования детского поведения, многие родители прибегают к нему хотя бы однажды в жизни в тех ситуациях, когда, по их убеждению, ребенок нарушил правила, установленные взрослыми. Как отмечают Кадушин и Мартин, агрессия родителей обычно носит умеренный характер, но иногда может принимать жестокие формы. В табл. 8-1 показано, что не далее как в 1985 году, согласно результатам второго ОИПНС, более 2% американских детей в возрасте от 15 до 17 лет получали от родителей такие серьезные удары, которые позволяли считать их подвергшимися насилию. Этот показатель возрастает до 11%, когда мы добавляем к нему ситуации, в которых родители били своих детей каким-либо предметом, например половником. В результате агрессивных действий родителей избиению подвергается такое количество детей, что по крайней мере в одном правительственном исследовании, посвященном жестокому обращению с несовершеннолетними членами семьи, определение физического

---

[1] Первое высказывание, принадлежащее Ллойду Демаусу (Lloyd DeMayse), взято из: Kadushin & Martin (1981), p. 1, а второе, принадлежащее Милдреду Арнольду (Mildred Arnold), — из: Kadushin & Martin (1981), p. 5.

[2] Результаты исследования, выполненного НАО, приведены в: Kadushin & Martin (1981), p. 7. Результаты опросов Харриса и Гэллапа любезно предоставлены мне профессором Кадушиным при личной встрече. Более 80% всех респондентов Общенационального исследования проблем насилия в семье, проведенного в 1975 г. Страусом и его помощниками (Straus et al., 1981), сочли вполне нормальным шлепнуть 12-летнего ребенка, при этом чуть более четверти из них заявили, что подобная мера допустима и в отношении супруга или супруги.

насилия пришлось ограничить лишь теми случаями, в которых «травма или повреждение были настолько серьезными, что проявляли свои последствия минимум в течение 48 часов»[1].

На мой взгляд, в подобных ситуациях родители очень редко верят, что нанесение физических повреждений детям оправдано тем, что они оказали открытое неповиновение или совершили плохой поступок. Специальное исследование случаев жестокого обращения с детьми, проведенное Кадушиным и Мартин (результаты которого сотрудники службы защиты прав ребенка штата Висконсин сообщили властям), позволило установить, что большинство детей, ставших объектом жестокого обращения со стороны родителей, предварительно совершили предосудительные поступки. Более того, почти в 21% всех инцидентов несовершеннолетние сами вели себя агрессивно до того, как их начинали бить родители. Другие сведения, собранные этими специалистами, дают еще больше информации о подобной линии поведения. Так, когда исследователи стали более подробно опрашивать мужчин и женщин, признавших факт своего жестокого обращения с детьми, оказалось, что свыше 60% родителей были убеждены в оправданности использованных мер физического воздействия. С точки зрения этих взрослых, дети оказали им открытое неповиновение. Поэтому как родители они сделали только то, что следовало сделать. Очевидно, что в этом случае они защищали свой авторитет теми способами, которые допускались принятыми в их среде общественными нормами[2].

Внутренний смысл этих результатов представляется весьма интересным. Так как многие американцы считают, что наказание непослушных детей является нормальным явлением, то они не рассматривают себя в качестве лиц, совершающих насилие, в тот момент, когда бьют ребенка, нарушающего родительские запреты. Большинство из них даже не воспринимают в качестве насилия те жестокие наказания, которые применяли к ним в детстве их собственные родители. «Насилие», по мнению таких людей, противозаконно, однако оправданные шлепки и подзатыльники представляют собой нормальное явление. Хотя вполне очевидно, что плохое обращение должно перейти определенные границы, чтобы рассматриваться в качестве насилия, я буду следовать определению Мюррея Страуса, трактующего это понятие как действия, вызывающие физическое повреждение или же способные его вызвать.

---

[1] См.: отчет Управления здравоохранения и социальной помощи № 81-30326, октябрь 1981 г.

[2] См. раздел «Намерения родителей в случаях применения насилия» в: Kadushin & Martin (1981), р. 188–199. См. также повторный анализ данных интервью, взятых Кадушиным и Мартин, в Dietrich, Berkowitz, Kadushin & McGloin (1990).

Постарайтесь понять меня правильно. Я вовсе не защищаю людей, бьющих своих несовершеннолетних детей, и не утверждаю, что их агрессивные действия являются оправданными. Я также убежден в том, что проблема жестокого обращения с детьми не ограничивается одними лишь вопросами следования принятым в обществе нормам поведения. Многие склонные к насилию родители агрессивно ведут себя и по отношению к своему супругу или супруге, а некоторые готовы проявить свою жестокость и вне дома[1]. В дальнейшем я смогу рассказать о качествах склонных к проявлению насилия родителей более подробно.

❒ **Различия в возможностях проявления власти**. Однако другая теория, объясняющая насилие в семье с точки зрения существующих общественных норм, утверждает, что агрессия порождается главным образом различием в возможностях проявления власти. Один член семьи, например муж или отец, имеет возможность заставлять остальных домочадцев выполнять свою волю вследствие наличия у него большей физической силы или существования в обществе определенных норм поведения. Его жена и дети не имеют экономических, социальных, психологических или физических возможностей, чтобы оказать ему реальное сопротивление. Это различие в возможностях проявления власти, вероятно, и позволяет доминирующей в семье личности третировать более слабых домочадцев, не выполняющих его желаний.

Жестокое обращение с детьми как форма злоупотребления властью. Проблему жестокого обращения с детьми удобно рассматривать с точки зрения реализации возможностей проявления власти. Согласно результатам ОИПНС, выполненного в 1975 году, родители проявляют все меньше склонности к жестокому обращению со своими детьми по мере их взросления, вероятно потому, что относительное превосходство взрослых в использовании своих возможностей со временем становится все меньше и меньше. Кроме того, результаты других исследований указывают на то, что мальчики чаще девочек становятся жертвами грубого обращения родителей в доподростковом возрасте, зато среди тинэйджеров картина меняется на прямо противоположную. По-видимому, как утверждает социолог Милдред Пагелоу (Mildred Pagelow): «Родительская власть уменьшается по мере роста физической силы мальчиков, однако по-прежнему остается относительно высокой для девочек. Похоже, что некоторые родители, чаще жестоко обращающиеся с сыновьями, будут направлять свою агрессию на ранее не привлекавших их внимание дочерей,

---

[1] Вольфе (Wolfe) опубликовал полезный обзор работ, подтверждающих эту точку зрения.

так как мальчики становятся настолько большими, что оказываются способными дать сдачи» (Pagelow, 1984, p. 76).

Избиение жен. Пагелоу и другие специалисты также убеждены в том, что разница в возможностях проявить свою власть у супругов во многом позволяет объяснить случаи насилия в семье, направленного против женщин. Они ссылаются на статистические данные, показывающие наличие связи между доминирующим положением мужчины и случаями избиения жен, в качестве свидетельства тяжелых последствий различия властных полномочий супругов. Согласно Пагелоу:

> *«Эти и другие результаты противоречат представлениям людей, убежденных в том, что женщина избивается чаще всего там, где наблюдается жесткая конкуренция за главенствующее положение в доме между мужем и женой. ...Напротив, результаты Страуса и его последователей демонстрируют, что чем меньшими возможностями обладает жена, тем с большей вероятностью муж станет злоупотреблять своей властью; и наоборот, чем больше будет равноправия в отношениях супругов, тем менее вероятно применение насилия со стороны одного из них» (Pagelow, 1984 , p. 77).*

Нормы не являются достаточными предпосылками насилия

Общественные нормы и различия в возможностях проявления власти, несомненно, способствуют применению насилия в семье. Однако в большинстве случаев более важным является агрессивное поведение индивида, чем просто социальные нормы, декларирующие главенствующее положение мужчины в доме. Сами по себе правила поведения не могут адекватно объяснить то множество новых сведений об агрессивном поведении в семье, которые были получены в результате исследований.

❑ **Некоторые часто получаемые результаты.** Несколько лет тому назад Джеральд Хоталинг и Дэвид Шугармен (Gerald Hotaling & David Sugarman) проанализировали 52 работы, в которых избиваемые женщины и их мужья сравнивались с соответствующей группой не подвергающихся насилию женщин и их мужей, с целью определить, в чем же состояло различие между супружескими парами этих двух групп (Hotaling & Sugarman, 1986). Я назову только основные результаты этого сопоставления:

❑ Избиваемые женщины по сравнению с не подвергавшимися побоям: *1) чаще были свидетельницами случаев применения насилия в семьях, в которых они росли (в 73% работ, исследовавших этот фактор); 2) чаще сами были жертвами насилия в детстве (в 69% исследований, делавших подобное сравнение).*

❑ Агрессивные мужья по сравнению с не прибегавшими к насилию: *3) чаще были жестоки к своим детям (в 100% работ, учитывавших эту характеристику); 4) чаще были свидетелями случаев применения насилия в семьях, в которых они росли (в 88% работ, рассматривавших этот фактор); 5) чаще были объектами насилия в детском возрасте (в 69% работ, делавших подобное сравнение).*

❑ Пары, в которых отмечались случаи внутрисемейного насилия, по сравнению с другими семьями: *6) чаще ссорились (в 100% работ, исследовавших эту характеристику); 7) жены в таких семьях чаще имели более высокий образовательный уровень, чем их мужья (в 67% работ, анализировавших этот фактор); 8) получали сравнительно низкие доходы и/или имели невысокий социально-экономический статус (в 78% исследований, рассматривавших этот фактор).*

Давайте поразмышляем над этими различиями. Во-первых, я считаю важным, что избиваемые женщины с большей вероятностью были как свидетельницами, так и жертвами насилия в детстве (характеристики 1 и 2). Такой ранний опыт знакомства с подобным явлением не обязательно означает правоту сторонников теории различий в возможностях проявления власти, утверждающих, что эти женщины не могли защитить себя вследствие своей пассивности и безволия. Напротив, многие из них давали отпор мужьям, что нередко приводило к возникновению семейных ссор (характеристика 6). Разве это не возможно, чтобы раннее знакомство женщины с таким явлением, как насилие, увеличило агрессивность ее поведения, хотя бы в ответ на провоцирующие действия?

Вполне вероятно, что мужья избиваемых женщин имели склонность к применению насилия. Они угрожали своим женам, но при этом нередко били и своих детей (характеристика 3). Далее, эти мужчины слишком часто были свидетелями или объектами насилия в детстве (характеристики 4 и 5).

Эти данные указывают на то, что по меньшей мере в некоторых случаях применения насилия в семье оба супруга были предрасположены к агрессивному поведению. Кроме того, поскольку значительная часть подвергавшихся побоям женщин была более образованна, чем их мужья (характеристика 7), то можно предположить, что этот факт был по крайней мере потенциальной причиной конфликта между мужем и женой по поводу того, кто из них должен занять господствующее положение в семье[1].

---

[1] Во время своего первого исследования, опросив 80 семей из штата Нью-Гемпшир, Джеллес (Gelles, 1987) установил, что случаи насилия чаще наблюдались в тех семьях, где профессиональный и образовательный уровень мужа был ниже, чем у жены. Джеллес предположил, что такое несоответствие статусов супругов «способствует тому, что муж становится чрезмерно озабоченным доказательством того, что он действительно является главой семьи». См. с. 137–139.

Таким образом, везде, где Пагелоу стремится минимизировать значение фактора борьбы за верховенство в семье в качестве причины агрессивного поведения мужа по отношению к жене, неизбежно возникает основание для уверенности в том, что этот вид конкуренции во многих случаях как раз и приводит к возникновению внутрисемейного насилия. Некоторые женщины, ставшие жертвами рукоприкладства своих мужей, действительно страдали от своего подчиненного положения в доме, однако другие подвергались побоям в результате ссор, возникших на почве неудовлетворенности сложившимися внутрисемейными отношениями.

❑ **Женщины также могут быть нападающей стороной**. Другая важная особенность отношений между мужем и женой в подверженных вспышкам насилия семьях заключается в том, что жены в них также могут быть нападающей стороной. Обычно они оказываются менее предрасположенными к физическому насилию по сравнению с мужчинами, но тем не менее временами способны демонстрировать явную агрессивность. Подобное случается чаще всего тогда, когда мужчины провоцируют их или разражаются угрозами, побуждая к принятию защитных мер; однако, даже находясь в возбужденном состоянии, не многие из жен в действительности наносят удары своему супругу.

Возможно, вы удивитесь, узнав, как много женщин способны действовать таким образом. Проанализировав данные ОИПНС 1975 года о семьях, в которых к насилию прибегал только один из супругов, Мюррей Страус и его сотрудники обнаружили, что муж в них выступал в качестве единственного источника агрессии в 28% случаев, а жена — в 23%. Сведения о частоте совершения агрессивных действий рисуют во многом сходную картину. Согласно результатам того же исследования 1975 года, жены нападали на своих супругов, нанося им как легкие, так и серьезные повреждения, примерно так же часто, как это делали их мужья. При этом оказалось, что женщины получили серьезные травмы в 8,9%, а мужчины — в 8,0% подобных случаев.

Как бы ни различались статистические сведения о совершении насильственных действий мужчинами и женщинами вне дома, в собственной семье жены не меньше мужей наносили удары своим супругам или угрожали им ножами или пистолетами.

Страус и Джеллес уверяют нас, что в этих результатах нет ничего необычного. Исследование 1985 года показало, что агрессивность женщин не уступала агрессивности мужчин, а может быть, и несколько превышала ее, как это можно увидеть из данных, приведенных в верхней части табл. 8-1. Другие исследователи также указывали на то, что в целом женщины «в равной мере с мужчинами

склонны к агрессивному поведению в семье»[1]. Р. Л. Мак-Нили и Глория Робинсон-Симпсон (R. L. McNeely & Gloria Robinson-Simpson) указывали на отсутствие различий в агрессивных действиях мужей и жен в своей работе, опубликованной в одном известном журнале, освещающем проблемы социологии. Краткое резюме по результатам их независимого исследования позволяет понять основную идею сделанных ими выводов: «Жены сообщали о фактах нанесения ударов своим мужьям почти так же часто, как мужья о фактах избиения своих жен, при этом доля мужчин, признавшихся в получении ударов от жен, была выше, чем доля женщин, признавшихся в получении побоев от своих мужей». В итоге эти авторы утверждали, что не только жены избивались своими мужьями, но и «мужья также становились жертвами насилия со стороны своих жен» (McNeely & Robinson-Simpson, 1987, р. 486).

О чем же говорят эти статистические данные? Разумеется, как справедливо указывают Страус и Джеллес, если муж и жена обмениваются ударами в домашней стычке, то вероятность того, что мужчина, обладающий, как правило, большей физической силой, нанесет больше повреждений женщине, чем она ему, будет выше. Однако супруги не обязательно дерутся только руками или ногами. Они могут использовать также различные предметы, например ножи или пистолеты (так как огнестрельное оружие легкодоступно в нашей стране), которые способны наносить гораздо более тяжкие повреждения, чем голый кулак. Более того, во многих случаях именно женщина прибегает к использованию оружия. Результаты исследования Мак-Леода (McLeod), приведенные у Мак-Нили и Робинсон-Симпсон, основывались на анализе более чем 6000 случаев применения насилия в семье (о которых также сообщалось правоохранительным органам или специалистам, проводившим в 1973, 1974 и 1975 годах по заказу правительства Национальное исследование проблем преступности) и позволяют понять, кто же из супругов получал во время конфликта более серьезные повреждения. Согласно выводам исследователей, оружие применялось примерно в 25% случаев, в которых жертвой насилия становилась женщина, и в 80% случаев, в которых жертвой оказался мужчина. Таким образом, мужчина с большей вероятностью мог получить серьезные ранения в ссоре со своей супругой. Этот результат позволил Мак-Леоду сделать следу-

---

[1] См.: Straus & Gelles (1990), р. 119–120 — список других работ, результаты которых говорят в пользу выводов исследователей из Нью-Гемпшира. Когда Stets & Straus [Straus & Gelles (1990), р. 234] объединили данные исследований 1975–1985 гг. с целью выяснить, кто же является основным агрессором (для тех случаев, когда основным источником насилия являлся только один из супругов), они обнаружили, что чаще им оказывается жена.

ющий вывод: «Ясно, что акты насилия против мужчин имеют более разрушительный характер, чем акты насилия против женщин. <...> При этом жертвы-мужчины травмируются *чаще и серьезнее, чем* жертвы-женщины»[1].

Я не собираюсь утверждать, что женщина является главным агрессором или что она всегда прибегает к насилию первой. Довольно часто женщина лишь отвечает физическими действиями на оскорбления и угрозы. Однако независимо от того, были ли она инициатором конфликта или нет, женщина может нанести своему супругу серьезные повреждения. В качестве примера, подтверждающего этот вывод, можно привести следующие слова одной женщины, проинтервьюированной Джеллесом:

> ***Он всегда от меня что-нибудь хотел. Причем эти требования носили необычный характер, например «прибраться в доме» в три часа ночи. Если же я этого не делала, он начинал швыряться всем, что попадало ему под руку. Он бросал в меня настольную лампу и даже журнальный столик. Однажды я пошла за ним с ножом и сделала это... Его отправили в больницу, где он и умер (Gelles, 1987, р. 163).***

Вне зависимости от того, кто страдает от насилия сильнее, в обсуждении этой проблемы важно отметить сравнительно высокий уровень агрессии, проявляемой в семье некоторыми женщинами. Они не всегда оказываются беспомощными жертвами общества, которое предписывает мужчинам прибегать к насилию в качестве средства «поставить женщину на место». Все сказанное выше говорит не о том, что общественные нормы не играют никакой роли в насильственных случаях в семье, а лишь о том, что эти нормы и порождаемые ими ожидания, возможно, не всегда реализуются так, как это представляют себе многие теоретики. Если муж избивает жену, руководствуясь нормами и ценностями той социальной группы, к которой он принадлежит, то, вероятно, это происходит по следующим причинам: 1) он думает, что от него ожидают действий, подтверждающих его главенство в семье; 2) он испытывает беспокойство по поводу угрозы его доминирующему положению. Разумеется, муж может быть убежден в том, что общественные нормы позволяют ему наказывать жену, однако мне представляется более важным то, что сами по себе эти нормы уже являются источником его внутренней неудовлетворенности. Поэтому муж входит в состояние эмоционального воз-

---

[1] Цитата из: McLeod (1984), приведенная в: McNeely & Robinson-Simpson (1987), р. 487. Многие авторы оспаривали утверждение о том, что во время семейной ссоры мужчина чаще получает более серьезные повреждения, чем женщина. См.: Berk, Berk, Loseke & Rauma (1983). Там же показывается, что *существуют группы, в которых получившая побои женщина является главной* жертвой, хотя подобное наблюдается не всегда.

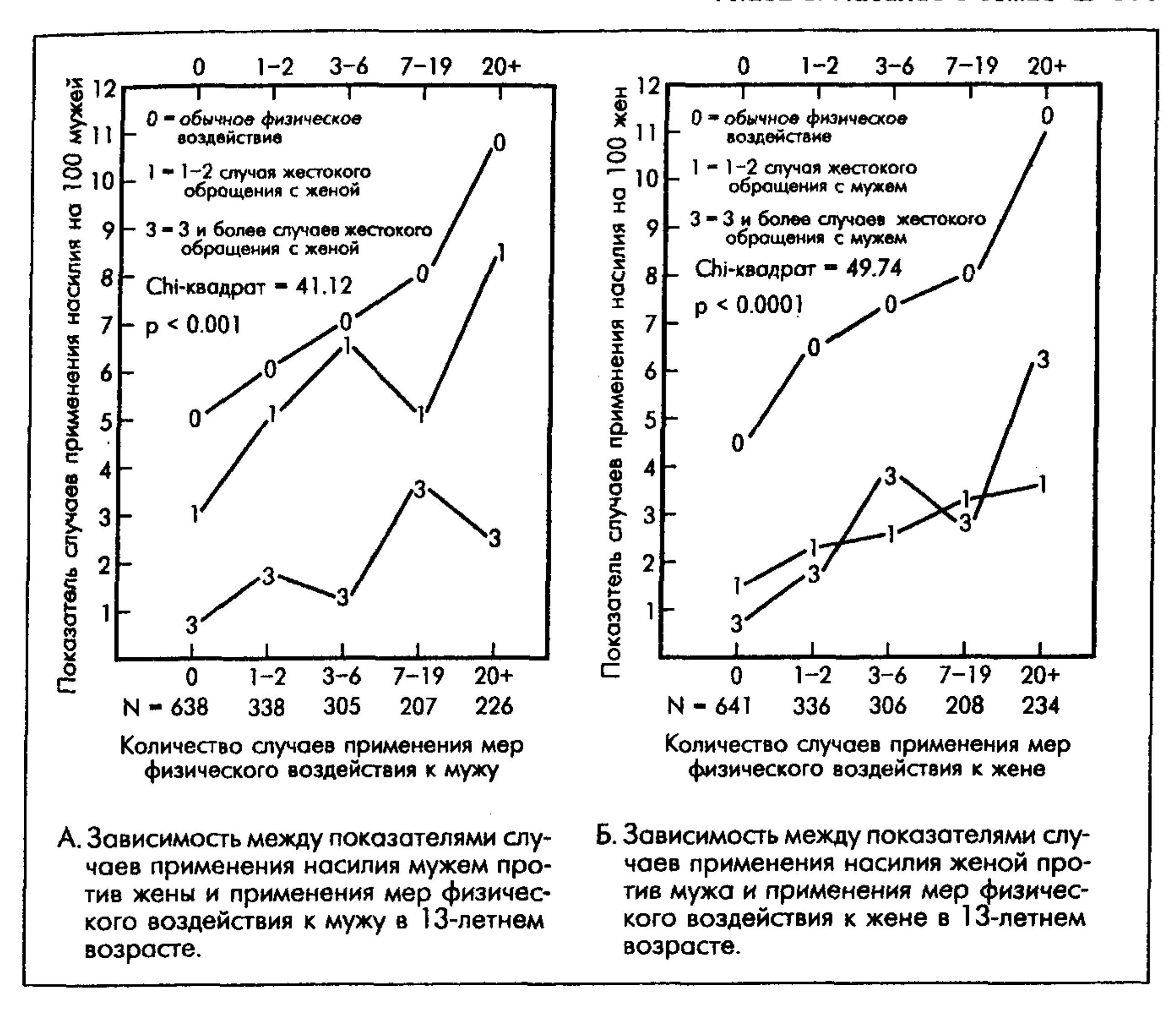
буждения, видя, что в действительности он не занимает той позиции в семье, которую должен занимать, и/или что возникает угроза его авторитету.

Предыстория семьи и личная предрасположенность

В соответствии с подходом, которого я стараюсь придерживаться на протяжении всей этой книги, представляется, что применение насилия в семье в значительной мере является эмоциональной реакцией на ситуацию, которую человек воспринимает как возникшую в результате нарушения сложившегося порядка. Оно во многом сходно с применением насилия вне дома. Любой полный и точный отчет об агрессивном поведении в семье должен учитывать эмоциональные реакции, которые являются источником агрессивного возбуждения, а также особенности людей, склонных к ответным агрессивным действиям. Я начну следующий раздел с описания особенностей характера людей, склонных к нападению на других членов семьи, так как этой теме уделяют большое внимание многие исследователи.

❒ **Насилие порождает насилие**. Почти все исследователи проблем семьи отмечали одну особенность ее членов, склонных к проявлению насилия: многие из этих людей сами были жертвами насилия в детстве. Фактически внимание ученых обращалось на эту черту так часто, что в наше время стало вполне привычным говорить о цикличности проявления агрессивности или, другими словами, о передаче склонности к агрессии от поколения к поколению. Насилие порождает насилие, так утверждают эти исследователи проблем семьи. Люди, которые подверглись насилию в детстве, обычно также приобретают склонность к агрессии. Разумеется, у этого правила есть и исключения, и некоторые специалисты по проблемам семьи задаются вопросом о том, имеются ли реальные доказательства того, что формы жестокого поведения передаются от поколения к поколению (например, Pagelow, 1984; Widom, 1989). Однако накапливаемые результаты исследований дают нам все больше свидетельств в пользу обоснованности существования понятия цикла насилия. Ниже приводится краткий обзор работ, поддерживающих данную концепцию.

Избиение жены. Ранее я уже упоминал некоторые результаты исследования Хоталинга и Шугармена, посвященного проблемам избиения жен. Как следовало из 88% работ, проанализированных этими учеными, склонные к проявлению агрессии мужья чаще других в детстве становились свидетелями случаев применения насилия в своей семье. Подобным образом, в 69% исследований было установлено, что мужья, избивающие жен, также получали в детстве побои от своих близких.



А. Зависимость между показателями случаев применения насилия мужем против жены и применения мер физического воздействия к мужу в 13-летнем возрасте.

Б. Зависимость между показателями случаев применения насилия женой против мужа и применения мер физического воздействия к жене в 13-летнем возрасте.

Рис. 8-2. Зависимость между показателем случаев применения насилия у взрослых и частотой, с которой они подвергались своими родителями мерам физического воздействия в 13-летнем возрасте. (Взято из Straus (1983), р. 227, 228. Адаптировано с разрешения издателя, Sage Publications.)

ОИПНС 1975 года предоставило более подробную информацию по данной проблеме. Страус, Джеллес и Стейнметц задавали мужчинам и женщинам вопрос о том, как часто в 13-летнем возрасте они получали шлепки и толчки от родителей. Затем исследователи подсчитывали, сколько респондентов каждого пола прибегали, с учетом степени жестокости обращения родителей, к актам насилия против своей супруги (супруга) в год проведения опроса. Полученные результаты приведены на рис. 8-2. Зависимости между опытом, полученным в детстве, и поведением в самостоятельной семейной жизни мужчин и женщин показаны соответственно на графиках А и Б.

Верхняя кривая обоих графиков соответствует обычным мерам физического воздействия, таким, как шлепки, толчки и бросание вещей. И мужчины, и женщины, которые подвергались в детстве подобным воздействиям, более часто и сами впоследствии прибегали к

этой форме относительно умеренной агрессии. Важно отметить, что подобная зависимость с небольшими вариациями в основном сохранялась и для более серьезных случаев применения насилия. Например, чем чаще мужчина или женщина подвергались мерам физического воздействия в детстве, тем выше была вероятность их жестокого обращения с будущей женой или мужем (Straus, 1983).

Жестокое обращение с детьми. Теперь давайте вернемся к вопросу о том, как часто люди, бьющие своих детей, подвергались в детстве насилию со стороны своих родителей. В этом случае прослеживается та же закономерность — агрессия порождает агрессию.

Для ее иллюстрации воспользуемся результатами обследования пациентов психиатрической больницы города Айова-Сити, выполненного специалистами местного университета под руководством Джона Кнутсона (John Knutson). Анализ историй болезни 169 детей, имевших отклонения в поведении, показал, что примерно четверть из них со всей очевидностью подвергались насилию со стороны одного или обоих родителей. Беседуя с отцами и матерями этих детей, исследователи выяснили, что большинство прибегавших к насилию родителей также жестоко наказывались в детстве. Если отец и мать сообщали, что их избивали в детстве, то с вероятностью 50% они сами жестоко обращались со своими детьми. В то же время если в детстве телесным наказаниям подвергался только один из родителей, то вероятность применения насилия против детей снижалась до 32%. Если же родители не подвергались в детстве мерам физического воздействия вовсе, то вероятность применения насилия к детям составляла 17% (Zaidi, Knutson & Mehm, 1989).

Проведенное в 1975 году ОИПНС показало, что эффект порождения насилия насилием можно наблюдать не только у людей, обследованных в психиатрической больнице в Айове. Полученные в его ходе результаты указывали на то, что родители, наиболее часто подвергавшиеся телесным наказаниям в своей семье (согласно их собственным воспоминаниям), оказались среди тех, кто с наибольшей вероятностью были способны на жестокое обращение со своими детьми.

Подвергшиеся насилию дети становятся склонными к проявлению агрессии. Я привел результаты *лишь нескольких работ, хотя общее* число посвященных этой теме исследований является довольно огромным. Несмотря на наличие отклонений от средних результатов и определенных методологических проблем, преобладающее число полученных данных говорит в поддержку правильности концепции цикла насилия. Этот вывод не покажется удивительным, если вы вспомните результаты исследований поведения и развития агрессивных личностей, рассмотренные в главах 5 и 6: родители, грубо обращающиеся со своими детьми, порождают в них склонность к наси-

лию. Более того, значительная часть этих агрессивных детей не только будет склонна к агрессивным действиям по отношению к своим сверстникам в раннем детстве, но и сохранит подобные привычки в отрочестве и в первые годы взрослой жизни.

Исследования случаев применения насилия в семье позволяют сделать аналогичные выводы. Например, результаты исследования, выполненного в 1975 году под руководством Страуса, подтвердили проявление агрессивности у постоянно подвергающихся телесным наказаниям детей. Три четверти мальчиков, часто подвергавшихся родительским побоям, грубо обращались со своими братьями и сестрами, в то время как подобное поведение было отмечено лишь у 15% мальчиков, не подвергавшихся телесным наказаниям. Многие из имевших склонность к проявлению насилия мужчины, указавшие в процессе обследования 1975 года, что с ними грубо обращались их родители, нередко избивали и жен, и детей. Как я уже упоминал выше, Хоталинг и Шугармен в ходе анализа печатных работ установили, что в каждом проанализированном ими исследовании, затрагивавшем проблему сравнения склонных и несклонных к насилию мужей, утверждалось, что большинство избивающих своих жен мужчин проявляли агрессию и против своих детей.

Эти тенденции применения насилия не всегда ограничивались стенами дома (как в тех случаях, когда агрессия отражала попытки сохранить главенствующее положение в семье). Хотя лишь сравнительно небольшое число ученых пыталось затронуть эту тему, в качестве примера можно привести одну работу, указывавшую на существование значительного процента мужчин, которые подвергались побоям в детстве и затем проявляли склонность к агрессии против посторонних людей[1].

Страус, Джеллес и Стейнметц были поражены полученными ими свидетельствами взаимосвязи случаев применения насилия на протяжении нескольких поколений. Оно позволило им сделать следующий вывод:

> ***Каждое поколение знакомится с насилием, сталкиваясь с ним в своей семье. Мы проследили процесс приобретения подобного опыта на примере трех поколений. Дети склонных к применению телесного наказания дедушек и бабушек из опрошенных нами семей впоследствии сами, с большей вероятностью, становились агрессивными женами и мужьями, жестоко обращающимися со своими детьми. Эти дети, в свою очередь, стремились придерживаться образцов поведения своих родителей. Чем более грубыми были отношения супругов в опрашиваемых***

---

[1] Fagan (1983). Тем не менее следует признать, что встречаются склонные к насилию люди, чья агрессия проявляется либо исключительно в семье, либо исключительно вне дома. См., например: Shields, McCall & Hanneke (1988).

нами семьях, тем агрессивнее вели себя дети по отношению к родителям, а также своим братьям и сестрам. «Насилие порождает насилие» (Straus et al., 1980, p. 121–122).

В общем случае, я могу сказать о последствиях жестокого обращения с детьми то же, что я говорил ранее о влиянии жестокого обращения с их родителями: насилие, пережитое человеком в детстве, порождает риск проявления агрессивности в более зрелом возрасте. Эта будущая агрессивность не является предопределенной, а имеет лишь вероятностный характер. Не все люди, подвергавшиеся жестоким наказаниям в семье, обязательно будут грубо обращаться со своими детьми. Об этом свидетельствуют результаты как уже упоминавшихся нами, так и многих других исследований. Когда два ученых проанализировали все работы, затрагивавшие проблему передачи от поколения к поколению склонности к применению насилия, они установили, что с вероятностью примерно 30% все взрослые, имевшие жестоких родителей, сами грубо обращались со своими детьми. Несомненно, что эта вероятность может меняться в зависимости от многих факторов, например от степени конфликтности отношений в семье или подверженности родителей тем или иным стрессам. Однако в общем случае применение насилия к ребенку увеличивает вероятность того, что, став взрослым, он будет вести себя агрессивно по отношению к другим людям, в том числе и членам своей семьи[1].

Насколько справедливо утверждение о том, что грубое обращение родителей с ребенком не обязательно означает, что он станет жестоким отцом или матерью, настолько же справедливо и утверждение о том, что не каждый использующий телесные наказания взрослый обязательно подвергался мерам физического воздействия со стороны своих родителей. Как мы уже отмечали в главе 6, люди могут приобрести привычки агрессивного поведения самыми разными способами. В частности, они могут многократно наблюдать агрессивное поведение авторитетных для себя людей и воспринимать его в качестве примера для подражания.

Наблюдение насилия, совершаемого родителями. Истории жизни многих жестоких людей указывают на то, что в детстве они наблюдали примеры агрессивного поведения. Один заключенный, находившийся в тюрьме за совершение тяжкого преступления, рассказал психиатру о многочисленных случаях насилия, которые он наблюдал на протяжении своей жизни. Вот краткое изложение его слов:

Уроки жестокости усваиваются человеком как бранные слова: чему-то я научился в семье, а что-то постоянно наблюдал в сценах уличной

---

[1] Оценка вероятности на уровне 30% заимствована из: Kaufman & Zigler (1987) и приведена в: Zaidi, Knutson & Mehm (1989), p. 121.

жизни. ...Насколько себя помню, вокруг меня всегда господствовала жестокость: мать била своих детей, старшие братья и сестры били не только младших, но и нашу мать, сосед снизу постоянно колотил свою жену и так далее (Steele, 1977; приведено в: Straus et al., 1980, p. 121).

Указания на влияние подобных примеров имеются и в научной литературе по проблемам насилия в семье. Согласно результатам ОИПНС 1975 года, мужчины, видевшие в детстве дерущихся родителей, становились агрессивными мужьями в два раза чаще, чем мужчины, не наблюдавшие в детстве подобных семейных сцен. Эти результаты не представляются чем-то необычным. Например, в исследовании Хоталинга и Шугармена в 90% проанализированных ими работ было установлено, что избивающие своих жен мужья чаще, по сравнению с нормальными мужчинами, были свидетелями случаев проявления агрессии в своей семье. Те же авторы установили, что избиваемые женщины также часто наблюдали в детстве сцены насилия в своих семьях.

❐ **Почему знакомство с насилием в детстве способствует проявлению агрессии во взрослом возрасте.** Поскольку эта книга затрагивает все аспекты агрессии, имеет смысл задать вопрос, почему взрослые люди, видевшие сцены насилия в своих семьях в детском возрасте, чаще демонстрируют агрессивное поведение в отношении супруги (супруга) и детей. Несомненно, на то существует несколько причин. Одна из них была фактически названа в рассказе уголовника, приведенном выше (она упоминается также в исследованиях о влиянии показа сцен насилия в кино или по телевизору). Люди, часто видящие сцены насилия, становятся относительно индифферентными к агрессивному поведению. Их способность к подавлению внутренней агрессивности может оказаться довольно слабой ввиду отсутствия представления о том, что недопустимо нападать на других людей ради достижения собственных интересов.

Известная теория Альберта Бандуры о научении через наблюдение идет еще дальше. Как я уже упоминал ранее, Бандура продемонстрировал, что дети учатся правильным действиям в конкретной ситуации через наблюдение действий других людей. Так, мальчики, видя драку взрослых, усваивают, что и они могут решать свои проблемы путем нападения на другого человека.

Этот процесс, возможно, повлиял на результаты эксперимента, участниками которого стали студенты университета штата Айова. Исследователи показывали испытуемым изображения детей, занятых различными предосудительными с общепринятой точки зрения делами (от брызганья виноградным соком на ковер до разрезания автомобильных шин ножом). Затем они попросили студентов рассказать о том, как бы они поступили с детьми в каждой конкретной

ситуации. Позже психологи, распределив ответы на группы в зависимости от того, подвергались ли студенты в детстве строгим наказаниям или нет, обнаружили, что строго наказывавшиеся студенты чаще изъявляли намерение прибегнуть к физическому наказанию детей (Zaidi, Knutson & Mehm, 1989. См. также: Wolfe, Katell & Drabman, 1982).

Люди могут также копировать поступки своих родителей. Когда матери и отцы били их в детстве, то этими действиями они как бы говорили им: «В будущем поступай как я». Таким образом, они приучали своего сына или дочь к мысли о необходимости строгого наказания ребенка в случае нарушения им существующих правил. Возможно, что при этом они убедили своих детей в том, что агрессия является эффективным способом решения многих проблем. Исследование, выполненное Национальной комиссией по изучению проблем возникновения и предотвращения насилия, позволило установить, что люди, многократно наблюдавшие случаи применения насилия в юности, став взрослыми, не видели ничего предосудительного в использовании силовых методов воздействия на того, с кем у них возникали конфликты. Кроме того, эти люди не только одобряли использование шлепков и затрещин для вразумления непослушных детей, но были уверены в том, что муж вправе ударить жену, посмевшую оскорбить его или даже лишь высказавшую ему малейшее возражение (Owens & Straus, 1975).

Ошибки воспитания и конфликты между родителями. Мальчики, которые становятся свидетелями многочисленных случаев агрессивного поведения в своих семьях, возможно, испытывают влияние и других факторов помимо научения через наблюдение. Например, вполне возможно, что их родители не смогли выработать у них навыков самодисциплины. Результаты исследования, выполненного Джеральдом Паттерсоном, Джоном Рейдом (Gerald Patterson & John Reid) и их помощниками из Орегонского центра социальных исследований (они суммируются в главе 6), указывают на то, что многие придирчивые и склонные к рукоприкладству отцы и матери оказывались настолько неспособными к воспитанию детей, что фактически приучали их к агрессивной манере поведения[1].

Правильность этого вывода подкрепляется наблюдениями многих социальных работников за склонными к конфликтам семьями. Сделанные ими описания позволяют установить определенные симптомы, которые могут развиться у детей из подобных семей: ночное недержание мочи, ночные кошмары, депрессия, психосоматические проблемы, внезапные вспышки гнева, частые конфликты с братьями,

---

[1] Кроме доказательств, упомянутых в 6 гл., см. другие исследования, на которые ссылается Вольфе (Wolfe, D. A., 1985).

сестрами и одноклассниками, а в некоторых случаях даже склонность к правонарушениям. Эти отчеты настолько хорошо согласовывались друг с другом, что оба автора пришли к заключению о том, что «открытая ссора родителей... является определяющим фактором развития детских проблем в конфликтных семьях» (Fantuzzo & Lindquist, 1989, p. 78; см. также: Kempton, Thomas & Forehand, 1989).

Я должен сразу же добавить, что стычки родителей не обязательно наносят серьезную душевную травму каждому ребенку. Некоторые дети могут не испытывать серьезных последствий семейных ссор или, по крайней мере, испытывать их в такой форме, которая не сразу становится понятной постороннему наблюдателю. Но если даже это и так, то открытые столкновения отца и матери могут рассматриваться в качества фактора риска, повышающего вероятность того, что их ребенок, став взрослым, также будет проявлять склонность к агрессии.

❐ **Прочие персональные особенности: социальный класс и проблемы пьянства.** До сих пор, рассматривая личные качества человека, регулярно агрессивно нападающего на других членов семьи, я уделял основное внимание его долгосрочным тенденциям поведения. Однако и другие характеристики подобных личностей также являются объектами исследования ученых. Двумя такими личными особенностями этих людей, связанными с возникновением внутрисемейного насилия, являются принадлежность к определенному социальному классу и степень, в которой они могут рассматриваться в качестве алкоголиков.

Роль социального класса. Средства массовой информации постоянно заявляют, что внутрисемейное насилие наблюдается во всех слоях общества. «Синие воротнички» и неквалифицированные рабочие не являются единственными социальными группами, в которых происходит избиение жен и жестокое наказание детей. Высококвалифицированным специалистам и топ-менеджерам также свойственны подобные виды агрессивного поведения, по крайней мере, об этом сообщают многие популярные газеты. Подобные заявления, безусловно, справедливы, если воспринимать их буквально, но это не обязательно означает, что насилие в семье с равной вероятностью наблюдается на всех социально-экономических уровнях общества. Люди, чья профессиональная подготовка, уровень образования и/или доходов позволяют им занять лишь невысокое место на социальной лестнице, с большей вероятностью демонстрируют агрессивное поведение, чем те, кто находится на ее высших ступенях.

Эта вероятность, по-видимому, зависит от особенностей семей, в которых, как сообщается в прессе, наиболее часто допускается жестокое обращение с детьми. Кадушин и Мартин утверждают, что значительная часть семей, члены которых склонны к агрессивному по-

ведению, имеют «недостаточные доходы», поскольку родители в них имеют низкий уровень образования и профессиональной подготовки. «Хотя насилие присутствует во всех социально-экономических группах, — заявляют эти авторы, — наиболее часто оно наблюдается среди бедных». Мы должны с осторожностью рассматривать связь социальных различий и склонности к насилию. Кадушин и Мартин видят серьезные основания для уверенности в том, что «даже после принятия... объяснений, оправдывающих расхождения в сообщениях прессы, члены групп с более низким социально-экономическим статусом имеют непропорционально большое представительство среди людей, допускающих насилие, так что фактически оно не является "внеклассовым" явлением».

Обзор работ, выполненный Хоталингом и Шугарменом, указывает на то, что феномен избиения жен тоже не обязательно носит «внеклассовый» характер. Во многих работах, проанализированных этими исследователями, отмечалось, что избивающие своих жен мужья имели в среднем более низкий образовательный и профессиональный уровень по сравнению с не прибегавшими к насилию мужчинами. Факт существования подобного различия подтверждается и данными ОИПНС 1975 года. Согласно полученным в ходе этого обследования результатам, удалось установить, что «синие воротнички» чаще били своих жен, чем «белые воротнички»[1].

Употребление алкоголя. Вне зависимости от мнений, которых мы придерживаемся в вопросе о роли социальных различий в проявлениях насилия в семье, всем нам приходилось слышать истории о рабочих, приходящих домой пьяными из кабака и избивающих своих жен и детей. Сообщения о случаях применения насилия к членам семьи, происходящих после приема спиртного, часто встречались в американских газетах в период, предшествовавший началу Второй мировой войны. Однако существуют ли весомые доказательства того, что в наше время пьянство по-прежнему влияет на частоту применения насилия в семье?

На этот вопрос нет простого ответа, так как результаты исследований не всегда согласуются между собой. Тем не менее большинство результатов действительно указывают на то, что употребление спиртного нередко приводит к разжиганию семейных ссор. Например, обзор работ, выполненный Хоталингом и Шугарменом, позволил установить, что более чем в двух третях исследований, затрагивавших проблему возможного влияния пьянства на склонность к жестокому обращению с женой, делался положительный вывод о

---

[1] Kadushin & Martin (1981), p. 10–11. Повторный анализ результатов, полученных группой Страуса в 1975 г., выполнен в: Howel & Pugliesi (1988).

наличии подобной зависимости. Несмотря на то что, несомненно, есть и исключения из этого правила, факты избиения жены чаще наблюдались в тех семьях, где муж регулярно предавался пьянству.

Однако исследователи проблем насилия в семье также хотели бы выяснить, имеются ли доказательства в пользу существования особого типа агрессивного, находящегося в состоянии алкогольной зависимости представителя рабочего класса. Другими словами, действительно ли злоупотребление спиртным приводит к фактам применения насилия в семьях, имеющих низкий социально-экономический статус. Гленда Кантор и Мюррей Страус убеждены в том, что проведенный ими анализ результатов ОИПНС 1985 года позволяет утверждать о наличии подобной связи.

Участвовавшие в этом обследовании респонденты-мужчины были разделены на две группы по следующим признакам: 1) род их занятий (относились ли они к синим или белым воротничкам); 2) частота употребления спиртного; 3) одобрительное или неодобрительное отношение к проявлению агрессии против жены (то есть возможны ли, с их точки зрения, ситуации, в которых они бы одобрили использование мужем мер физического воздействия на супругу). Как видно из рис. 8-3, влияние каждого из этих факторов было пропорционально числу мужчин той или иной группы, признавшихся в нанесении побоев своим женам в течение текущего года. В общем случае оказалось несущественным, каким были род занятий мужчины и его отношение к жестокому обращению с женой, так как постоянно пьющие мужья избивали своих жен чаще, чем те, кто употреблял алкоголь лишь эпизодически. Что очень важно в обсуждении данной проблемы, так это то, что наивысший показатель применения насилия был отмечен среди рабочих, с одобрением относившихся к использованию мер физического воздействия на своих жен и одновременно регулярно участвовавших в попойках. Эти мужчины почти в восемь раз чаще наносили побои своим женам, чем представители «белых воротничков», редко употреблявшие спиртное и не одобрявшие применения насилия против супруг[1].

Таким образом, не должно возникать серьезных сомнений в том, что многие жестокие преступления совершаются под влиянием ал-

---

[1] Kantor & Straus в: Straus & Gelles (1990). Между тем Кантор и Страус также подчеркивали, что не каждый случай насилия происходил на почве употребления алкоголя и что пьянство не всегда порождало агрессивное поведение. Тщательный анализ данных о связи между потреблением спиртного и употреблением насилия в быту, опубликованных Murdoch, Pihl & Ross (1990), предоставляет еще больше доказательств того, что пьянство увеличивает вероятность возникновения «семейного конфликта с физическими последствиями».

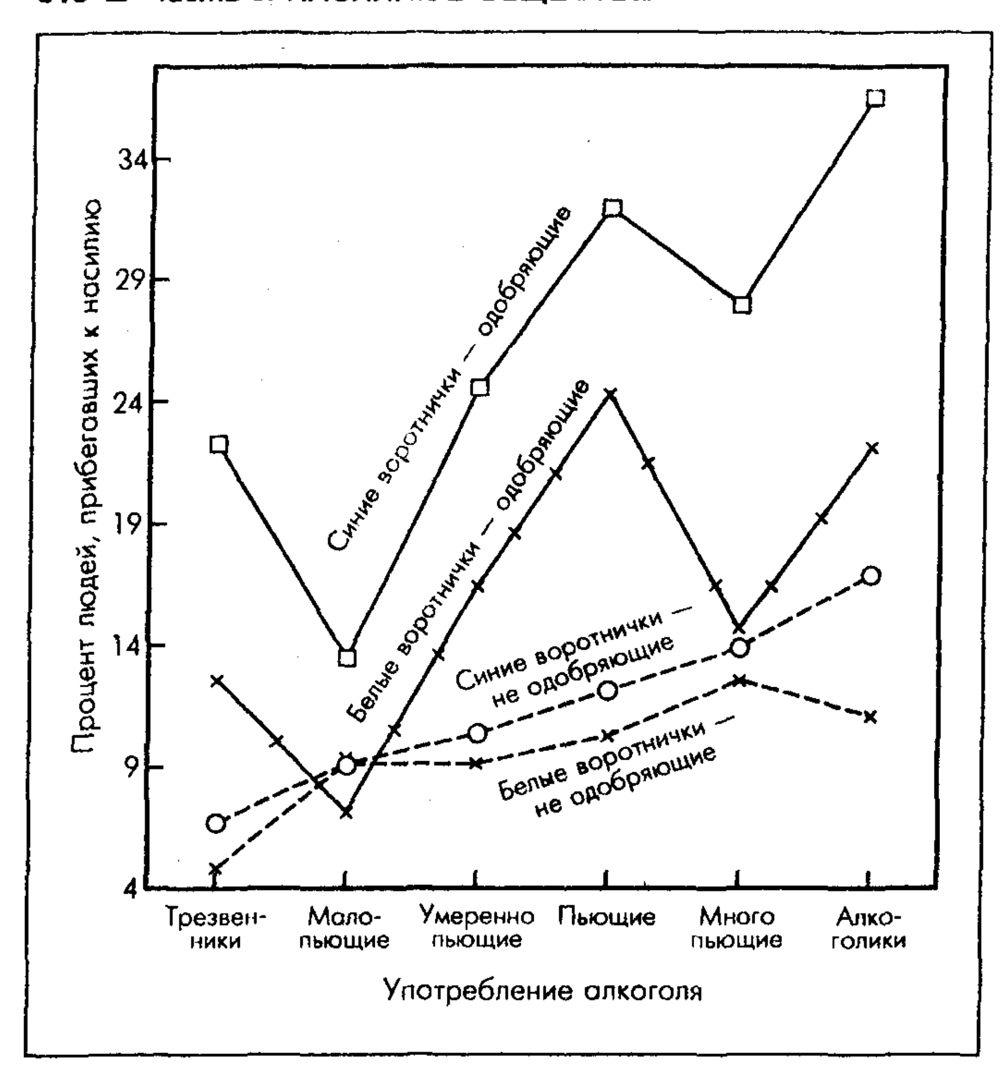


Рис. 8-3. Показатель частоты актов насилия как функция склонности к употреблению алкоголя, профессионального статуса и взглядов на возможность силового решения семейных проблем. (Straus & Gelles (1990), Physical Violence in American Families. Графики построены на основе данных табл. 12.2 в главе 12. Адаптировано с разрешения авторов.)

коголя. В главе 12 будет показано, почему подобное утверждение может считаться справедливым. Пока же я сообщу только то, что, по-видимому, многие мужчины, агрессивно ведущие себя в семье, употребляют алкоголь для того, чтобы забыть о своих текущих проблемах. При этом они надеются, что спиртное ослабит их чувство тревоги, облегчит душевную боль и поможет избавиться от стрессов повседневной жизни (Fagan, Barnett & Patton, 1988). Однако мужчинам не всегда удается добиться желаемого эффекта, и их внутреннее напряжение не ослабевает. Они пытаются обрести спокойствие с помощью спиртного, которое на самом деле может еще более повысить их эмоциональное возбуждение. В результате тем или иным образом алкоголь увеличивает вероятность их агрессивных действий по отношению к причиняющим им беспокойство людям.

Влияние стресса и негативной эмоциональной реакции на применение насилия в семье

Наличие связи между употреблением алкоголя и агрессивным поведением позволяет сделать следующий важный вывод: во многих случаях применение насилия в семье является реакцией на тот или иной стресс. Хотя такое утверждение может показаться достаточно очевидным, я думаю, все же стоит обсудить те различные способы, которыми стресс влияет на возникновение и характер семейных конфликтов.

Как я уже отмечал, основная мысль данной книги заключается в том, что большинство случаев проявления агрессии, которые мы наблюдаем вокруг себя, являются эмоциональной реакцией на неудовлетворительное состояние дел. Люди, чувствующие себя несчастными по той или иной причине, могут испытывать повышенное раздражение и проявлять склонность к агрессии. Я применял это положение для объяснения многих формам насилия и могу с полным основанием использовать его и в данном случае. В сущности, я утверждаю, что многие (но, разумеется, не все) ситуации, в которых муж применяет насилие против жены и детей и/или подвергается нападению своей супруги, могут начинаться с эмоционального взрыва, порожденного отрицательными чувствами мужа или жены к объекту агрессии в момент ее проявления. Однако я также указывал на то, что негативный импульс, приводящий к насилию, нередко возникает с запаздыванием по времени. Исключения наблюдаются лишь в тех случаях, когда человек имеет серьезные агрессивные намерения, а его внутренние ограничения на применение силы являются слабыми.

Я постараюсь подробнее раскрыть эту тему, рассмотрев некоторые из причин, способствующих возникновению у членов семьи тех негативных чувств, которые в итоге могут привести к взрыву от малейшей искры неудовольствия.

❑ **Стрессы, обусловленные экономическими и бытовыми причинами.** Разумеется, основным источником тревожного состояния могут стать материальные проблемы. Представители «синих воротничков» часто набрасываются с кулаками на своих жен просто потому, что испытывают раздражение, вызванное нехваткой денег. Озлобленные невозможностью приобрести многие необходимые им и их семье вещи и испытывающие вызванные этим обстоятельством уколы самолюбия, они находятся в состоянии неустойчивого психического равновесия, которое легко может быть нарушено неосторожными поступками жены или детей. Их готовность к нападению на задевших их людей легко выливается в открытое насилие, если: 1) они имеют сравнительно высокую предрасположенность к агрессии, обуслов-

ленную опытом, приобретенным в детстве; 2) находятся в данный момент под воздействием выпитого спиртного; 3) способность к самоконтролю ослаблена уверенностью в том, что муж имеет право бить свою жену, а родители имеют право бить детей.

Многие из этих рассуждений о стрессе применимы также и к женщинам. Материальные проблемы семьи одинаково тяжело сказываются и на мужьях, и на женах и могут внести свой вклад в развитие агрессивных наклонностей у женщин. Как указывали Хоталинг и Шугармен, пары со сравнительно низкими доходами с большей вероятностью применяют силу при выяснении отношений, чем более обеспеченные супруги.

Проблемы на работе также могут быть важным источником стрессов, причем они не обязательно могут быть вызваны сложностями взаимоотношений с сотрудниками или начальством. Необходимость завершить задание к установленному сроку или постоянное выполнение бесконечной рутинной работы также могут привести к нарушению душевного равновесия. У рабочих, занятых на конвейерных линиях однообразными операциями, может накапливаться внутреннее напряжение, в результате чего нередко они приходят домой раздраженными. Даже неуверенность работника относительно того, что же ему необходимо сделать для выполнения своих обязанностей, также может стать причиной серьезного беспокойства. В одном исследовании удалось установить, что матери наказывали своих детей особенно часто, когда те мешали им выполнять порученное задание, смысл которого был этим женщинам не до конца понятен (Passman & Mulhern, 1977).

Разумеется, трудности на работе и нехватка денег являются не единственными источниками стрессов. Глубокое расстройство может быть вызвано смертью любимого человека, болезнью или враждебными действиями близких нам людей. В определенной степени мы можем быть обеспокоены изменениями дневного распорядка, связанными с новыми служебными обязанностями или переездом на новое место жительства. Возникающее при этом душевное смятение может повысить чувствительность к угрозам, новым проблемам или разочарованиям. Подобные вещи способны снизить возможности самоконтроля и повысить вероятность того, что человек начнет неадекватно резко реагировать на поступки других членов семьи.

Как отмечала на основе результатов ОИПНС 1975 года Мюррей Страус, многие люди с трудом справляются с подобными стрессами. Чем большему числу стрессов подвергался респондент (из списка из 18 событий, отдельные из которых мы уже упоминали ранее), тем выше была вероятность того, что он сообщал об оскорблении, нанесенном своей жене или мужу в текущем году. Хотя подобная закономерность наблюдалась и у мужчин, и у женщин, все же результаты исследования указывали на то, что количество перенесенных стрес-

сов наибольшим образом сказывалось на агрессивном поведении именно женщин. В частности, среди мужчин и женщин, имевших мало проблем, последние проявляли агрессивное поведение в два раза реже, однако среди людей с серьезными проблемами жены гораздо чаще нападали на мужей, чем мужья на жен. Вне зависимости от причин этих различий нетрудно заметить, что и мужчины и женщины особенно легко приводятся в ярость своими партнерами по браку в те моменты, когда утрачивают состояние душевного равновесия[1].

Ситуационный стресс может также сказываться и на отношениях с детьми. В исследовании, проведенном Кадушиным и Мартин среди взрослых жителей штата Висконсин, на вопрос о применении к детям мер физического воздействия 68% респондентов заявили о том, что они били своих детей, находясь в стрессовом состоянии, вызванном потерей работы, финансовыми затруднениями, болезнью и/или личными проблемами. При этом некоторые родители испытывали такое нервное напряжение, что даже малейший проступок детей мог стать причиной вспышки насилия. Мать-одиночка с четырьмя детьми рассказала о таком случае:

> *Это было в воскресенье вечером. У меня было отвратительное настроение. Еще утром я снова легла в постель, потому что дети отказались прибраться на столе. Они не хотели помогать мне по дому. Я чувствовала себя усталой и расстроенной. Мне хотелось на какое-то время отдохнуть от своих детей, отправить их в этот лагерь, но они были против. Я пала духом и ощущала гнетущее беспокойство — как будто я отдала что-то ценное и ничего не получила взамен. К тому же моя зарплата была совсем невелика. В довершение всего мне никак не удавалось закончить внешнюю обшивку нашего дома алюминиевыми листами — как я ни прикрепляла их, все равно я не могла сделать это достаточно ровно. Градус моего настроения опустился до самой нижней точки. Я испытывала полный упадок душевных сил. Мы ужинали, когда он сказал, что ему попала кость в горло, и выплюнул ее. Тогда я сказала: «Не смей так делать»,— и вонзила в него нож. Я старалась, чтобы он вошел как можно глубже. В тот момент я действовала как сумасшедшая (Kadushin & Martin, 1981, p. 228).*

---

[1] Straus (1980 b). Перечень из 18 стрессов начинался «смертью близкого человека» (его испытало 40% респондентов) и заканчивался «арестом и осуждением за серьезное преступление» (он был знаком 1,3% респондентов). Кроме того, в этот список входили «серьезные проблемы со здоровьем или поведением членов семьи» (26%), «плохие отношения с сотрудниками» (20%), «ухудшение финансового положения» (14%), «перемена места жительства» (17%). Страус также сообщает, что каждый источник стрессов связан с актами применения насилия в семье, хотя наибольшее влияние на него оказывают «супружеский стресс» и «стресс, вызванный материальными и профессиональными проблемами».

Интересно, что анализ интервью, взятых Кадушиным и Мартин, позволил сделать вывод о том, что многие взрослые, бившие детей в порыве гнева, возникшего на фоне испытываемого ими эмоционального стресса, впоследствии сами стыдились подобных поступков. По-видимому, они понимали различие между агрессией, направленной на восстановление семейного статус-кво, и эмоциональной агрессией, вызванной внешними проблемами. Эти родители считали вполне разумным ударить проявляющего сознательное непослушание ребенка, но с неодобрением относились к попыткам «распускать руки» и бить детей лишь по причине собственного плохого настроения (Dietrich et al., 1990, p. 228).

❒ **Другие источники отрицательных эмоций: погода и выбросы вредных веществ**. Нет ничего удивительного в том, что испытывающие серьезные проблемы люди часто оказываются раздражительными или даже озлобленными и легко срываются на применение насилия. Не столь очевидно то, что почти все способное вызвать у нас отрицательные эмоции также может инициировать появление агрессии и, как следствие, семейные конфликты.

Впервые высказав эту мысль в главе 3, я обратил внимание на существование таких факторов дискомфорта, способных породить агрессию, как непривычно высокая температура воздуха и социальный стресс. Теперь я хотел бы добавить к ним выброс вредных веществ в атмосферу, ухудшающий внутреннее состояние людей и, значит, увеличивающий вероятность применения насилия в семье.

Занимаясь одним из направлений комплексной программы исследования психологических последствий для населения выбросов вредных веществ в атмосферу, Джеймс Роттон и Джеймс Фрей (James Rotton & James Frey) фиксировали все случаи домашних ссор, о которых ежедневно в течение всего 1975 года сообщалось в полицию города Дейтон, штат Огайо. Кроме того, от местного управления контроля за состоянием окружающей среды они получили данные о выбросах в городскую атмосферу в течение этого периода. После выполнения чрезвычайно сложной статистической обработки полученной информации исследователи пришли к выводу, что полиция получала наибольшее число сигналов о семейных конфликтах именно в те дни, когда температура воздуха повышалась, скорость ветра падала, а уровень содержания озона в атмосфере увеличивался. При этом ученые обращали внимание на то, что концентрация загрязняющих воздух веществ, также способных повысить раздражительность людей, достигала своего пикового значения, когда содержание озона в атмосфере было высоким, а скорость ветра — недостаточно большой, чтобы отнести от города вредные выбросы.

Роттон и Фрей утверждали, что эти данные следует рассматривать не только с точки зрения роста числа конфликтов внутри се-

мьи. Многие социологи и криминалисты неоднократно заявляли о влиянии погодных и атмосферных условий на повышение частоты социальных контактов между людьми, приводящих к увеличению числа тяжких преступлений против личности. По мнению этих специалистов, чем чаще люди вступают в контакт друг с другом, тем выше вероятность возникновения ссоры между ними. Однако Роттон и Фрей отмечали, что, несмотря на то что члены одной семьи должны иметь наибольшее число взаимных контактов в холодную погоду, когда все они находятся дома, число обращений в полицию в прохладные дни было минимальным. По-видимому, наилучшее объяснение этого феномена заключается в том, что выбросы в атмосферу отрицательно сказывались на многих жителях города, которые в результате с большей вероятностью проявляли свою агрессивность (Rotton & Frey, 1985).

Особенности конфликта, способные стать катализаторами насилия

Хотя возникновение у человека неприятных ощущений может быть обусловлено его склонностью к агрессивности, обычно этот стимул оказывается слишком слабым, чтобы перерасти в открытое нападение. Нередко побуждение к свершению акта насилия получает дополнительное подкрепление за счет возникновения новых тревожных обстоятельств или появления факторов, напоминающих о негативных моментах в прошлом, которые приводят к возникновению агрессивных намерений.

Эту функцию может выполнять спор или неожиданный конфликт. Ричард Джеллес собрал много результатов интервью с членами семей, в которых отмечались насильственные случаи. В частности, многие мужья и жены сообщали о том, как они сами или их партнеры по браку выражали недовольство, досаждали придирками или допускали открытые оскорбления, провоцируя таким образом реакцию с применением насилия. Придирки и ворчание иногда приводили к резкому взрыву эмоций, «интенсивность которого зависела от глубины стресса, под влиянием которого находился в данный момент супруг», и некоторые жены признавали, что если бы они не «пилили» своих мужей, то те не стали бы прибегать к рукоприкладству. «Я не могу взять всю вину за произошедшее на себя, — призналась одна женщина, — но во многих случаях, чтобы избежать побоев, мне просто следовало прикусить язык. Я сама шпыняла мужа до тех пор, пока он не набрасывался на меня с кулаками». Однако очень часто жены утверждали, что их мужья были виноваты перед ними, по крайней мере отчасти — либо из-за своих проступков (чрезмерного употребления спиртного, проигрыша денег или оскорбительного поведе-

ния), либо из-за того, что они не выполняли ожидаемых от них действий (например, не зарабатывали достаточного количества денег, не занимались поисками работы или не уделяли должного внимания своим супругам). Джеллес также отмечал, что в отдельных случаях сильное неудовольствие возникало в результате «недостаточной или неумело проявляемой сексуальной активности партнера» (Gelles, 1987, p. 158–163).

Каким бы ни был источник неудовольствия супругов, их чувство обиды нередко приводит к возникновению ссоры. Обмен резкими словами будет учащаться по мере обострения конфликта, в результате чего он может перейти в стадию открытого применения насилия. В результате такого развития событий любое проявление агрессии, в форме ли словесных оскорблений или же мер физического воздействия, способно породить ответную агрессию. Подобная «контрагрессия» является широко распространенным явлением, на что указывают, в частности, результаты ОИПНС 1975 года. При этом нападки жены на мужа являются более важным фактором ответной реакции супруга, чем его отношение к подобным действиям со стороны других людей. Чрезвычайно возбужденные агрессивными действиями супруга или супруги, муж или жена, нередко забывая о возможных последствиях стычки, импульсивно стараются нанести ответное оскорбление обидчику (Dibble & Straus, в: Straus & Gelles, 1990).

Мюррей Страус указывал на этот вид обмена агрессивными действиями в своей критике метода, используемого в школе терапии супружеских отношений, суть которого может быть выражена следующими словами: «Ничего не скрывайте — выражайте свои чувства открыто». Попросив своих студентов описать последний конфликт в их семье между отцом и матерью, он обнаружил, что когда один из родителей внезапно начинал произносить оскорбительные слова в адрес другого, то подобные действия с большой вероятностью вызывали ответную реакцию в виде физического насилия. Таким образом, вместо того чтобы дать возможность обоим участникам ссоры излить свое недовольство с помощью крика или даже битья посуды, вербальная агрессия чаще приводит к физической агрессии, чем к миру и гармонии. При этом сходный результат обычно наблюдался вне зависимости от того, исходила ли первоначальная агрессия от мужа или от жены (Straus, 1974). (Я собираюсь обсудить этот вопрос более подробно в главе 11 «Психологические процедуры контролирования агрессии».) Подобная катализация насилия иногда происходит и в тех случаях, когда родители пытаются физически воздействовать на ребенка. Кадушин и Мартин выявили одну особенность, которая хорошо вписывается в картину агрессии, нарисованную в этой книге. На основе интервью, взятых у родителей, бив-

ших своих детей, эти ученые установили, что существует различие между «экспрессивным» наказанием (то, что я называю «эмоциональной агрессией») и сознательно контролируемой, ориентированной на достижение определенной цели агрессией. Большинство взрослых в данном опросе (свыше 60%) демонстрировали склонность именно к такой целенаправленной агрессии, применяя наказания к своим детям ради того, чтобы дать им урок на будущее и заставить изменить поведение. Однако почти четверть всех родителей описывали свои действия в более экспрессивных и эмоциональных выражениях, подчеркивая, что они действовали импульсивно, поскольку находились в возбужденном состоянии или просто хотели причинить боль непослушному ребенку. Одна мать, признавшая, что ее агрессия носила именно такой характер, описывала свои действия по отношению к ребенку как не обусловленные никакой осознанной целью. «На самом деле я ни о чем не думала, — сообщила она, — мои действия были просто импульсивной реакцией на сложившуюся ситуацию».

Какими бы ни были исходные намерения взрослых, во многих случаях, начав бить ребенка, они приходят в неистовое возбуждение и их агрессивность начинает стремительно нарастать. Жестоко наказывавшая своего ребенка мать, о которой я сообщал в главе 1, отмечала, что все происшедшее с ней в описанном случае было в определенном смысле ее ответом на вызывающую реакцию дочери Джулии на примененные к ней меры физического воздействия.

Я схватила дочь и пристально посмотрела на нее. Однако она даже не взглянула на меня. Но на самом-то деле она следила за мной. На ее лице было такое выражение, как будто я была не ее мать, а какая-то отрава. Тогда я принялась бить Джулию. Я била и била ее, и казалось, чем дольше я это делала, тем больше испытывала потребность бить ее еще и еще. Мне было не остановиться (см.: Kadushin & Martin, 1981, р. 189, 196).

Очевидно, в нашей жизни было бы меньше инцидентов с применением насилия, если бы мы могли каким-то образом снизить степень эмоционального дистресса людей и научить их уменьшать или хотя бы контролировать степень их душевного смятения, порожденного последствиями конфликта с членами семьи. В главе 11 мы познакомимся с некоторыми процедурами, позволяющими добиться этой цели.

РЕЗЮМЕ

Круг тем психологических и социологических исследований проблем применения насилия в семье в последнее время заметно расширился и уже не ограничивается изучением «дефективных» лич-

ностей, наносящих побои своим близким. Теперь ученые уделяют пристальное внимание вопросам роли социальных норм и общественных ценностей в семейных отношениях, а также признают растущую важность взаимосвязанного влияния множества внешних и внутренних факторов. Результаты проведенных исследований показали, что положение дел в обществе в целом и в жизни каждого человека в отдельности, характер семейных взаимоотношений и даже особенности конкретной ситуации, все вместе могут влиять на вероятность того, что один из членов семьи станет применять насилие в отношении другого. Придерживаясь теоретической ориентации этой книги, я провел анализ этих взаимодействующих между собой факторов в главе 1. Основное мое предположение состоит в том, что многие случаи применения насилия в семье по своей сути подобны другим видам проявления агрессии, рассмотренным ранее. Многие факторы, влияющие на вероятность нападения одного человека на другого вне дома, влияют и на возможность воспроизведения подобного сценария в домашней обстановке.

Это исследование начинается с анализа роли социальных норм и общественных ценностей, главным образом тех, которые касаются вопросов главенства мужчины в семье, его возможностей проявить свою власть. Доминирующее положение взрослого мужчины в доме и его большие, по сравнению с остальными домочадцами, физические возможности могут повысить вероятность применения им силовых методов решения конфликтов. Все растущее число работ показывает, что социальные нормы и общественные ценности ни в коем случае не являются единственными или даже основными причинами насилия в семье. Теперь, помимо прочего, мы знаем, что женщины, так же как и мужчины, могут быть агрессивными, что насилие может быть результатом внутрисемейного конфликта, что значительная доля людей, применивших насилие, сами были его жертвами или свидетелями в детские годы и что многие склонные к рукоприкладству люди нередко бьют не только своих жен и детей, но и других людей вне своего дома.

Фактически немалое число проявляющих высокую склонность к насилию взрослых людей имеют высокую предрасположенность к агрессивному поведению. В настоящее время получены серьезные доказательства того, что агрессивное поведение некоторых людей нередко наблюдается и у их детей — результат, который согласуется с результатами исследований по проблеме формирования агрессивной личности, приведенными в главе 6. Помимо приведения данных в поддержку данного представления, сформировавшегося в процессе исследования случаев применения насилия в семье, данная глава предоставляет некоторые объяснения того, почему насилие, испытанное или увиденное человеком в детстве, способствует проявлению

его агрессивности в будущем. Кроме того, в ней рассматривается роль личных качеств человека и отмечается, что основная часть людей, склонных к применению насилия, принадлежит к общественным слоям с низким социально-экономическим статусом, а также что многие из них являются алкоголиками.

Ситуационный стресс, либо сам по себе, либо, что более вероятно, вкупе с личной предрасположенностью к применению насилия, также может содействовать учащению случаев агрессивного поведения в семье. С учетом моего утверждения о том, что отрицательные эмоции являются основным источником эмоциональной агрессии, я предполагаю, что тяжелые чувства, вызванные материальными и иными проблемами (а также нередко и неблагоприятные климатические и экологические факторы), способны повысить вероятность того, что конфликт или иное раздражающее событие приведут к вспышке агрессии, в особенности у людей, которые имеют к этому повышенную склонность и/или не обладают способностями к достаточному самоконтролю.

Любая достаточно объективная точка зрения на проблему насилия в семье должна учитывать тот факт, что катализатором агрессии могут быть и некоторые особенности возникшего конфликта. Личная предрасположенность и ситуационные стрессы способны лишь породить состояние готовности к проявлению агрессии. В дальнейшем же эта готовность должна активироваться тем или иным неприятным событием. Хотя не многие исследователи уделяли внимание каталитическим особенностям исходного конфликта, все же большинство имеющихся в нашем распоряжении данных указывают на то, что грубость порождает еще большую грубость, а агрессивные действия одной стороны вызывают ответную агрессию другой. Таким образом, существует множество способов, посредством которых насилие порождает насилие.

Глава 9

УБИЙСТВА

Введение. Условия, при которых совершаются убийства. Личная предрасположенность. Социальное влияние. Взаимодействие при совершении насилия.

В 8 ИЗ 20 КРУПНЕЙШИХ ГОРОДОВ США ПРОИЗОШЛО РЕКОРДНОЕ КОЛИЧЕСТВО УБИЙСТВ

В 1990 году молодые жители городов убивали из-за наркотиков, одежды, небольшой суммы денег, любви, ненависти и без каких-либо видимых причин. Их жертвами были друзья, родственники и невинные прохожие. Соседство с ними становилось виртуальной тюрьмой для законопослушных граждан.

New York Times, декабрь 1990 года

Реальная картина убийств, совершенных в американских городах, несомненно, отличается от той, которую рисуют авторы криминальных романов. Герои книг, побуждаемые либо страстью, либо хладнокровным расчетом, для достижения цели обычно просчитывают каждый свой шаг. Приведенная цитата в духе художественной литературы говорит нам о том, что многие преступники ожидают получить выгоду (возможно, путем ограбления или продажи наркотиков), но тут же указывает, что иногда люди убивают по самым ничтожным поводам: «из-за одежды, небольшой суммы денег... и без каких-либо видимых причин». В состоянии ли мы разобраться в столь разных причинах убийств? Почему один человек лишает другого жизни?

В этой главе предлагается краткий обзор того, что известно социальным психологам об убийствах. Это отнюдь не широкий обзор данной темы. Он сконцентрирован лишь на случаях убийств в Соединенных Штатах Америки. Такой выбор частично обусловлен доступностью большого объема информации о преступлениях в США, но на него повлияло и то обстоятельство, что в США предумышленные убийства являются гораздо более серьезной социальной проблемой, чем во многих других развитых странах. В середине 60-х годов

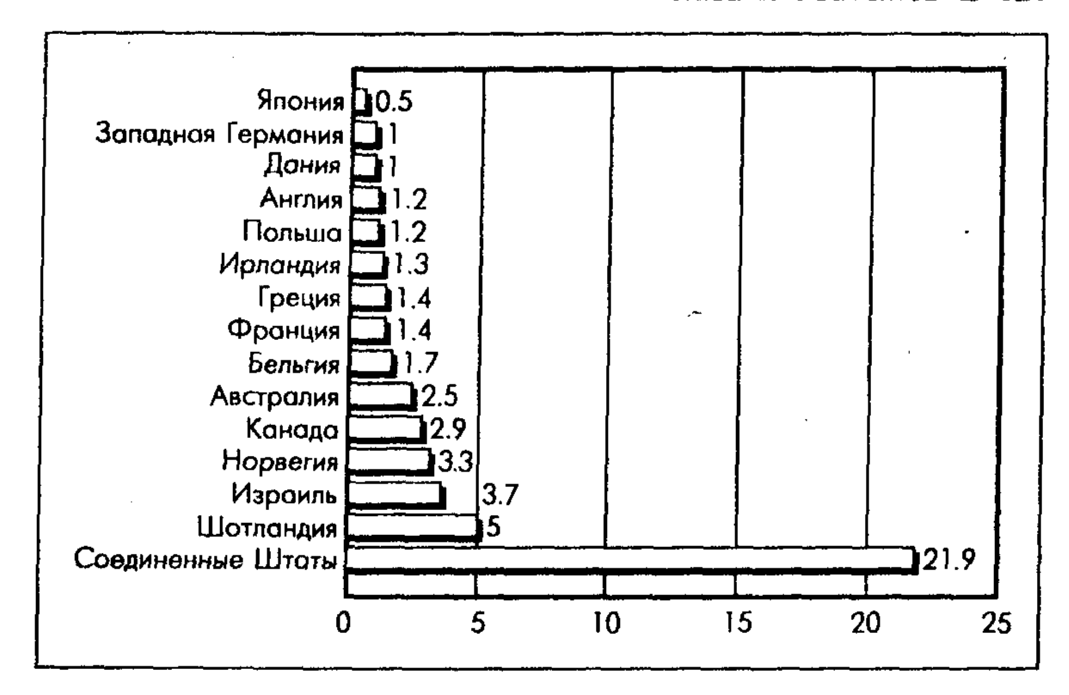


Рис. 9-1. Количество убийств на 100 тыс. человек, совершаемых молодыми людьми в возрасте от 15 до 24 лет (1986–1987). (Сведения из Fingerhut & Kleiman (1990), Journal of the American Medical Association. Vol. 263, p. 3292–3295).

один из критиков американского общества заметил, что насилие «типично для Америки так же, как яблочный пирог». Цифры, представленные на рис. 9-1, подтверждают этот, в общем-то, довольно циничный комментарий. Число убийств, совершенных в США молодыми людьми в возрасте от 15 до 24 лет (в США наибольшее число преступлений со смертельным исходом совершается именно этой возрастной группой), намного превышает показатели других развитых стран (сведения из: Fingerhut & Kleinman, 1990).

В обзоре не рассматриваются убийства, совершаемые психопатическими личностями, например параноидальными шизофрениками, которые «слышат» голоса, повелевающие им уничтожить кого-либо, или омерзительными типами, совращающими и убивающими несовершеннолетних детей. К сожалению (с моей точки зрения), придется исключить из рассмотрения и серийных убийц. Обзор будет ограничен более типичными случаями убийств, которые преобладают в статистических отчетах.

ВВЕДЕНИЕ

В качестве основы обсуждения я в первую очередь приведу определение нескольких важных правовых концепций, затем основные статистические данные, комментарии к которым будут даны далее, в этой же главе.

11 Зак. 3973

Закон, убийство, предумышленное убийство

С точки зрения закона *убийством* в очень широком смысле является любое лишение жизни одного человека другим. Далеко не всякий смертный случай в равной степени предосудителен в глазах закона. Лишение жизни не несет за собой наказания, если закон признает это действие оправданной или простительной мерой. Оправданные убийства имеют место в случаях соответствия требованиям закона, например когда полицейский стреляет в убегающего подозреваемого, отказавшегося остановиться, тогда как простительный смертный случай является результатом случайности законного действия, например когда водитель автомобиля не успевает затормозить и сбивает ребенка, внезапно выскочившего на проезжую часть. Законом наказываются только *убийства с преступной целью*, за которые кто-либо несет уголовную ответственность.

Тяжесть убийства с преступной целью, с точки зрения закона, зависит от того, относится оно к *предумышленному* или к *непредумышленному*. Различие состоит в том, насколько осознанными были намеренность и злой умысел при совершении убийства. В случае непреднамеренного убийства смерть, предположительно, не замышлялась или убийство было совершено неосознанно, даже если его можно было предполагать. Автомобилист признается виновным в непредумышленном убийстве, если в результате его (или ее) опасного вождения гибнет человек. Чтобы признать преступника виновным в тяжком убийстве первой степени, необходимо доказать, что в его намерения входило не только совершение преступления и планирование его исполнения, *но и желание убить жертву*. С другой стороны, для признания тяжкого убийства второй степени необходимо доказать только желание убить (заранее обдуманный злой умысел). Данный обзор будет рассматривать главным образом предумышленные убийства первой и второй степени, хотя некоторые статистические данные, о которых было упомянуто выше, включают и преднамеренные, и непреднамеренные убийства (так как они не подразделяются в статистике, приводимой Министерством юстиции США в *Sourcebook of Criminal Justice Statistics*).

Какие типы убийств чаще всего совершаются в Соединенных Штатах Америки

Статистика преступлений дает общее представление, какие типы убийств наиболее вероятны в США, так как большинство преступников арестовывается и информация об этих случаях становится доступной. Например, совершенно ясно, что, как правило, это инцидент между двумя людьми, в котором один человек убивает другого. Также ясно, что большинство убийц относительно молоды — с этим мы

еще не раз столкнемся в настоящей главе. Далее отметим, что в большинстве случаев и убийца и жертва являются мужчинами. О том, насколько мужчины опаснее женщин, говорят следующие данные: в 1987 году из 10 000 убийств 86% совершили мужчины. Этот показатель остается без изменений. Более того, свыше 70% жертв — также мужчины[1].

Кроме перечисления статистических данных я привожу в этом разделе открытия выдающегося криминолога Марвина Вольфганга (Marvin Wolfgang), опубликованные им в 1958 году в ставшем классическим исследовании убийств (Wolfgang, 1958, 1967). В них приведено множество фактов, которые необходимо сопоставить, чтобы понять, почему люди сознательно лишают друг друга жизни.

❑ **Убийства в Филадельфии и других городах.** *Статистические данные.* Чтобы получить исходную статистическую базу, Вольфганг изучил в полицейском управлении Филадельфии 588 уголовных дел с зарегистрированными убийствами за 5-летний период — с 1948 по 1952 год. Он выявил наличие определенных закономерностей, даже в том преобладающем большинстве случаев, когда смертельный исход не планировался.

Некоторые из этих закономерностей напрямую связаны с общими предпосылками преступлений. Так, большинство убийств совершались в выходные дни, одна треть — в субботние ночи. Как и можно было предполагать, почти две трети преступлений совершались после принятия алкоголя.

Но в контексте данной главы наиболее интересны открытия о природе преступников и их жертвах. Статистика показывает, что в большинстве случаев один или оба участника инцидента имели давно укоренившуюся склонность к насилию. Относительно высокий процент убийц мужского пола ранее арестовывались за преступления против личности. Это вовсе не означает, что убийства неизбежны или что почти каждый может стать жертвой. Гораздо чаще жертвами были люди, в чем-то похожие на преступников. Характерное сходство заключалось в том, что и злоумышленник, и его жертва были бедны и/или из рабочего класса и более чем в 90% случаев принадлежали к одной этнической или расовой группе. Необходимо отметить значительное преобладание случаев преступлений среди афро-американцев, мы еще вернемся к этому. Хотя за рассмотренный период только 18% жителей Филадельфии были чернокожими, три четверти преступников и почти такой же процент жертв принадлежали к этой расе. Кроме того, статистика показывает, что боль-

---

[1] Статистика гендерного распределения взята из: U. S. Department of Justice (1988). *Sourcebook of Criminal Justice Statistics.* Washington: U. S. Department of Justice, p. 453.

шинство злоумышленников были молоды: от 20 до 30 лет, и их жертвы — того же возраста или чуть старше.

Наконец, часто участники инцидента были знакомы до убийства, а во многих случаях и не просто знакомы. Более чем в половине столкновений это были друзья или родственники, и почти в 60% жертвой становился человек, схожий с убийцей психологически.

Насилие, спровоцированное жертвой. Вольфганг не только проанализировал статистические данные. Он также продемонстрировал, что значительное количество жертв играют активную роль в агрессивных столкновениях, приводящих к их смерти. Такое мнение высказывалось впервые. До публикации работы Вольфганга большинство социологов изучали только преступников, их культурное и физическое развитие. Исследователи не принимали во внимание возможную роль жертвы. По словам одного из психологов, «жертвы убийств рассматривались как пассивные и подчиненные индивиды, которым судьба предназначала стать объектами воздействия активности центральных участников событий — злоумышленников» (Braucht, Loya & Jamieson, 1980, p. 316).

Оспаривая мнение, что только незначительное меньшинство жертв действительно инициировали насилие, Вольфганг вносит необходимые коррективы в этот односторонний взгляд. Результаты его изучения уголовных дел показали, что примерно в четвертой части преступлений именно убитые первыми вытаскивали оружие или применяли силу. Вольфганг говорит об этих случаях как об *убийствах, спровоцированных жертвой.* В подтверждение этого тезиса он отмечает, что в большинстве таких инцидентов жертвы ранее задерживались полицией как участники уголовных преступлений. Ясно, что они не были пассивными и невинными мишенями отпетых уголовников.

Мотивы преступлений. Стремясь не просто дать описание случаев применения насилия и задействованных в них лиц, Вольфганг попытался также определить мотивы поведения убийц. Опираясь на материалы уголовных дел, он пришел к выводу, что причинами большинства смертельных случаев являлись ссоры, возникающие на основе домашних раздоров, споров из-за денег или из ревности. Лишь минимальная часть инцидентов по большей части или всецело были хладнокровными и немотивированными.

Аналогичные открытия в других работах. В различных регионах США было проведено множество других сравнительных исследований, охватывающих разные временные периоды между окончанием Второй мировой войны и серединой 70-х годов. Результаты их в целом совпадали с выводами Вольфганга, хотя не всегда повторялись в деталях (см.: Braucht et al., 1980; Gibbons, 1987).

Различия в деталях могут иметь важное значение. Изучение убийств в Хьюстоне, штат Техас, среди белого населения выделяло

латиноамериканцев (чего не было у Вольфганга) и показало высокий уровень убийц и жертв в этой этнической группе. Другими словами, оно говорило, что помимо афро-американцев и другие неблагополучные в социально-экономическом плане группы ощущают уколы стрел насилия. Кроме того, анализ преступлений в Чикаго за 1965 год выявил, что по сравнению с данными десятилетней давности, полученными Вольфгангом, увеличился процент смертельных случаев в результате применения огнестрельного оружия. Последующее изучение убийств в этом городе за период с 1965 по 1970 годы, проведенное Ричардом Блоком (Richard Block) и Франклином Зимрингом (Franklin Zimring), показало устойчивый рост убийств в течение всех пяти лет. Больше всего возрос удельный вес смертных случаев в результате вооруженных ограблений и убийств огнестрельным оружием, совершаемых афро-американцами от 15 до 24 лет[1].

Различные случаи провоцирования убийств

Убийства знакомых и незнакомых преступнику людей. Привéденная выше статистика наводит на мысль о росте убийств незнакомых преступнику людей. Если это так, то отсюда следуют важные выводы. Убийство знакомого человека во многих случаях отличается от убийства случайного встречного; чаще всего оно является результатом взрыва эмоций вследствие ссоры или межличностного конфликта. Вероятность лишения жизни человека, которого видят первый раз в жизни, наиболее высока в процессе совершения кражи со взломом, вооруженного ограбления, угона автомобиля или при торговле наркотиками. В данном случае смерть жертвы не является главной целью, она – более или менее вспомогательное действие в ходе достижения других целей. Таким образом, предполагаемый рост убийств незнакомых преступнику людей может означать увеличение количества «производных» или «побочных» убийств.

Некоторые свидетельства подтверждают эти выводы. Давайте разграничим смертные случаи, произошедшие в результате ссор или эмоциональных конфликтов, с одной стороны, и явившиеся результатом таких уголовных преступлений, как кражи со взломом, воровство, ограбления, поджоги и прочее, с другой. (Учитывая концепции, ранее представленные в данной книге, последние можно отнести к инструментальным действиям, так как обычно они совершаются главным образом для достижения определенной цели, а не для причинения физического увечья жертве.) Социологи Керк Уильямс (Kirk Williams) и Роберт Флюеллинг (Robert Flewelling) из университета Нью-Гемпшира, изучив отношения преступник – жертва в

---

[1] Исследования, упоминаемые в этих двух параграфах, цитируются в: Braucht et al. (1980).

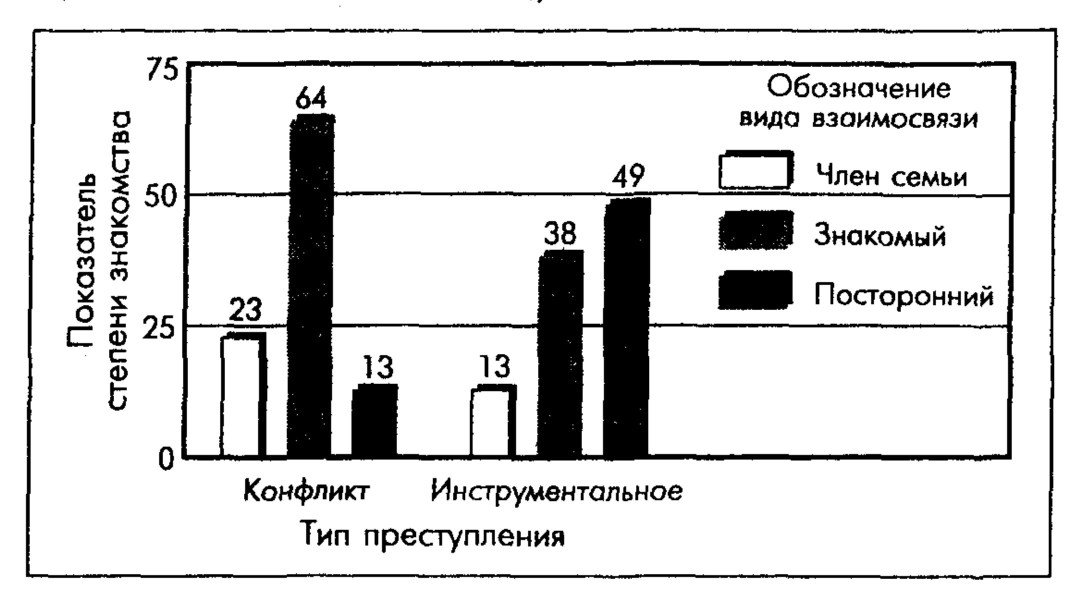


Рис. 9-2. Различия взаимоотношений между жертвой и преступником в предумышленных и непредумышленных убийствах, происходящих вследствие конфликтов и инструментальных преступлений.

разных типах преступлений со смертельным исходом, провели аналогичное разграничение.

Рассматривая только американские города с населением более 100 тысяч человек, так как насилие с летальным исходом посторонних наиболее часто случается в крупных промышленных центрах, они изучили около 48 тысяч уголовных дел, возбужденных по предумышленным и непредумышленным убийствам за период с 1980 по 1984 год. Ученые подразделили смертные случаи на две категории: конфликты — например, любовные треугольники или ссоры; и убийства, совершенные в процессе уголовного преступления, которые я называю «инструментальными». Затем они определили взаимоотношения между преступником и жертвой в каждой категории преступлений. На рис. 9-2 обобщены выводы данного исследования.

Из рисунка видно, что при конфликтах в процентном отношении количество убийств незнакомых преступнику людей очень мало. Фактически из 21 тысячи жертв 87% были знакомы со своим убийцей. И наоборот, при «инструментальных преступлениях» наибольшую вероятность стать жертвой имели посторонние для преступника люди[1].

---

[1] Williams & Flewelling (1988). Следует понимать, что категория преступлений, совершаемых после возникновения конфликтов, — это нечто более широкое, чем упоминающиеся в настоящей дискуссии. Тут и дети, убитые нянями, и любовные треугольники, и шумные ссоры после совместного распития алкоголя или приема наркотиков и т. д. «Другие» категории включают в себя изнасилования, ночные кражи со взломом, воровство, грабежи, угон мотоциклов и автомашин, безнравственные поступки, спекуляцию и организованные убийства.

Анализ преступлений последующего периода, проведенный на национальном уровне с охватом и крупных и небольших городов, дает сходную картину. По материалам *Sourcebook of Criminal Justice Statistics* за 1988 год, во всех 18 тысячах убийств, предумышленных и непредумышленных, известных полиции в 1987 году, жертва и злоумышленник были: членами одной семьи — в 16% случаев, друзьями или знакомыми — в 40%, и только в 13% инцидентов они были незнакомы. В остальных случаях их знакомство осталось невыясненным. Еще более важно то, что посторонний человек имел гораздо большую вероятность стать жертвой при совершении злоумышленником уголовного преступления, чем в случае насильственных инцидентов из-за ссоры или ревности. Так, случайный человек становился жертвой убийства в процессе совершения другого преступления почти в 30% подобных случаев, по сравнению с 11% в случае преступлений из-за ревности, 7% — ссор на финансовой основе и 9% другого рода инцидентов (из: U. S. Department of Justice, 1988, op. cit., p. 448).

Статистика подтверждает рост убийств, жертвами которых становятся незнакомые преступнику люди. Например, в Чикаго в 1965 году жертва была в какой-то степени знакома с убийцей в трех четвертях случаев. Однако через 10 лет преступник знал жертву только в 58% убийств. Статистика также отражает заметный рост убийств, совершаемых в процессе другого преступления. В 1960 году только пятая часть всех убийств относилась к этой категории, но к концу десятилетия они составляли уже 30%. К концу 70-х годов, как заметил Франклин Зимринг, «хотя в большинстве убийств жертвами становятся друзья или знакомые, постоянно возрастает число "нового американского убийства" — результата ограбления — инцидента, при котором жертва и преступник, как правило, абсолютно неизвестны друг другу»[1].

Что же происходит? Почему имеет место такой рост убийств в ходе совершения другого преступления? Вероятно, это обусловлено многими факторами. Окружной прокурор Филадельфии, которого мы цитировали в начале третьей части книги, возлагает всю вину на «легкую доступность ручного огнестрельного оружия и влияние наркотиков». Однако такое объяснение было бы слишком примитивным. Хотя распространенность наркотиков действительно играет большую роль в насильственных преступлениях против личности, по-видимому, значительный рост убийств — это не прямое следствие применения наркотиков. Согласно данным Управления полиции Ва-

[1] Данные, указывающие на снижение числа убийств в Чикаго, в которых жертва была известна убийце, позаимствованы из: Block (1977), p. 40. Заявление о росте убийств в 60-х годах взято из: Rose (1979), p. 10–11, а последняя цитата — из: Zimring (1979), p. 31.

шингтона, округ Колумбия, в 1988 году примерно две трети убийств в городе были связаны с применением или продажей наркотиков, но в 1990 году эта цифра снизилась до 39%, *хотя количество убийств в течение двух лет постоянно росло*. Аналогичную картину представляют собой и преступления в Нью-Йорке за тот же период[1]. Если жертвами убийц в большинстве случаев становились посторонние люди, это, возможно, не просто потому, что люди были так или иначе связаны с наркотиками.

Более успешно можно уяснить роль оружия в росте числа убийств. Когда Зимринг проанализировал полицейские отчеты о вооруженных нападениях в Детройте с 1962 по 1974 год, он выявил не только значительный рост этого вида преступлений в течение всего периода, но и еще более высокий уровень роста убийств в ходе подобного рода преступлений. Большая часть смертных случаев, связанных с вооруженным ограблением, явилась результатом более частого использования при этом огнестрельного оружия (Zimring, 1979). Можно сделать вывод, что резкий рост убийств незнакомых людей за последние два десятилетия частично объясняется частотой применения огнестрельного оружия при совершении других видов преступлений.

Интересно отметить, что Зимринг считал, что в тот период в Детройте на 150 вооруженных ограблений приходился один смертельный случай, и относил их в большей степени к «случайным», чем к инструментальным, так как они не являлись средством достижения целей преступников. При столкновении преступника и жертвы происходило что-то, что заставляло злоумышленника выстрелить. Возможно, жертвы сопротивлялись или слишком медленно реагировали на приказания грабителей. По крайней мере в некоторых из таких столкновений эмоционально взвинченные и находящиеся на грани нервного срыва правонарушители могли открыть огонь просто импульсивно.

Необходимо выделить еще одно открытие Зимринга: широко распространено мнение, что типичное вооруженное ограбление заключается в нападении чернокожего злоумышленника на белую жертву. Действительно, в начале 60-х годов большинство людей, убитых грабителями в Детройте, были белые, погибшие от рук чернокожих. Однако во второй половине десятилетия картина резко изменилась. К 1974 году две трети жертв были чернокожими, и большая часть из них были убиты также чернокожими. Это положение сохраняется и в настоящее время.

❐ **Убийства, совершаемые афро-американцами.** Горожане, полицейские власти и социологи весьма озабочены высоким уровнем убийств,

---

[1] Статистические данные взяты из редакционной статьи *Fight guns, not just drugs* в *New York Times*, Dec. 8, 1990.

совершаемых афро-американцами. Статистика действительно удручает. Напомню, что исследование Вольфгангом преступности в Филадельфии показало, что почти три четверти злоумышленников и почти столько же жертв были чернокожими, хотя чернокожее население города составляло только 18% общей численности. Цифры констатировали, что уровень преступлений, совершаемых чернокожими мужчинами в расчете на 100 тысяч жителей, составлял 42%, в то время как белыми — 3%. Изучение убийств в других городах Америки, как уже упоминалось, открывало аналогичную картину.

Более высокая преступность со смертельным исходом, при которой и злоумышленник и жертва являются афро-американцами, характерна и в наши дни. Об этом говорит хотя бы тот факт, что за 1987 год из 10 тысяч инцидентов, при которых преступник-одиночка убил человека, в половине случаев полицией была установлена афро-американская расовая принадлежность убийц, хотя эта расовая группа составляет только около 12% населения США. Среди жертв также преобладали чернокожие: среди убитых при столкновении один на один их было 88% (US Department of Justice 1988, op. cit., p. 453).

Однако здесь важно иметь в виду, что высокий уровень убийств совершается главным образом в конкретном сегменте чернокожего населения: среди молодежи мужского пола. По данным американских *Centers for Disease Control* (CDC, Центры контроля заболеваний), уровень убийств среди этой категории населения с 1978 по 1987 год «в 4–5 раз выше, чем среди молодых чернокожих женщин, и в 5–8 раз — чем среди молодых белых мужского пола». На рис. 9-3 представлен уровень убийств (в расчете на 100 тысяч человек) за данное десятилетие, совершаемых молодыми чернокожими мужчинами в возрасте от 15 до 24 лет. На рисунке также отражено применение огнестрельного оружия в трех четвертях убийств этого периода.

Недавно CDC выпустили обновленные данные. С 1987 по 1990 год уровень убийств продолжал расти, что отмечают и статьи в газетах, которые я цитировал. Рост в основном обусловлен увеличением числа преступлений, совершаемых чернокожими тинэйджерами. В 95% убийств применялось огнестрельное оружие.

Необходимо учитывать, что большинство жертв также были чернокожими и примерно той же возрастной группы. В настоящее время эта категория преступлений так многочисленна, что по данным эпидемиологов CDC убийства становятся основной причиной смерти чернокожих мужчин от 15 до 24 лет. Как заметил один из работников CDC: «В настоящее время в некоторых регионах страны вероятность насильственной смерти черного мужчины в возрасте от 15 до 25 лет выше, чем вероятность смерти американского солдата во вре-

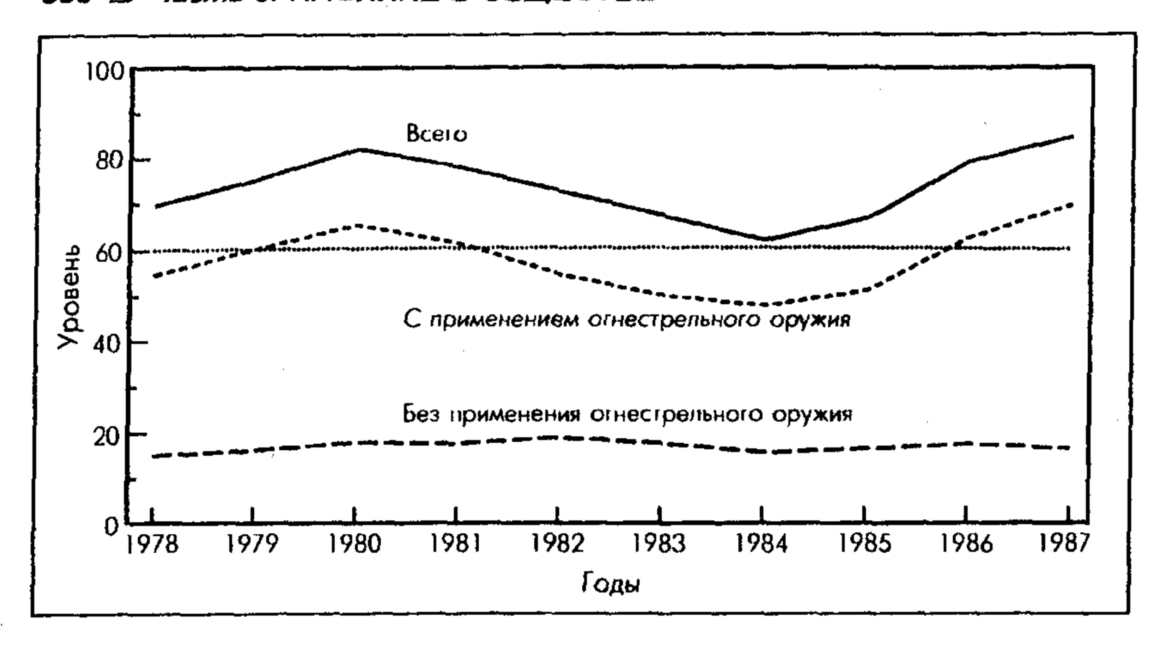


Рис. 9-3. Уровень убийств с применением и без применения огнестрельного оружия (в расчете на 100 тысяч человек), совершаемых молодыми чернокожими мужчинами в возрасте от 15 до 24 лет.

мя выполнения им воинского долга во Вьетнаме»[1]. Подумайте об этом. Именно сейчас центральные районы многих крупных американских городов намного опаснее для этой категории граждан страны, чем были джунгли и рисовые поля для их отцов и старших братьев во время войны во Вьетнаме.

На высокий уровень убийств, совершаемых чернокожими американцами, могут влиять и другие факторы. Среди преступников, как белых, так и чернокожих, высокий процент составляют люди, находящиеся на нижних ступенях социально-экономической лестницы. Кроме того, велик шанс, что алкоголь играет важную роль в случаях убийств, которые распространяются как чума в этом сегменте населения. Обобщая эти факты, Лоуренс Гари (Lawrence Gary) из университета Говард, Вашингтон, говорит:

> ***Можно утверждать, что при убийствах, совершаемых среди людей с доходами ниже средних, как правило, убийцей является чернокожий мужчина моложе 30 лет и что более чем в 50 случаях преступление совершается после употребления алкоголя. ...Убийства, связанные с употреблением алкоголя, реже случаются среди чернокожих мужчин со средними или выше чем средними доходами (Gary, 1986, p. 25).***

---

[1] Статистические данные и приведенные утверждения взяты из сводок CDC Weekly Morbidity and Mortality Report, опубликованных в *Journal of the American Medical Association,* Jan 9, 1991, p. 183–184, и отчета CDC, 7 декабря 1990 года, опубликованного в *New York Times*. В добавление к нерадующим сведениям, сообщаемым в этом разделе, Рихтер (1992) отмечает, что в 1988 году чернокожих молодых людей из огнестрельного оружия убивали в одиннадцать раз чаще, чем их белых сверстников.

УСЛОВИЯ, ПРИ КОТОРЫХ СОВЕРШАЮТСЯ УБИЙСТВА

Главная задача, стоящая перед современным обществом, — понять и использовать статистические данные, рассмотренные мною в этой главе. Отдельного изучения требует вопрос, почему в Америке столь высок процент чернокожих и малоимущих убийц. Является ли подобное преступление результатом озлобленной реакции на нищенскую жизнь и дискриминацию? Если да, какие другие социальные факторы влияют на него? Какие социальные причины воздействуют на вероятность совершения физического насилия одного человека над другим? Какую роль играют личностные качества преступников? Действительно ли убийцы обладают определенными особенностями, которые увеличивают шансы, что они лишат жизни другого человека — например, в припадке ярости?

На рис. 9-4 представлена схема рассмотрения мною этих вопросов, которая во многом схожа со схемой, приведенной в главе 8. Мы начнем с исследования личной предрасположенности к насилию, за-

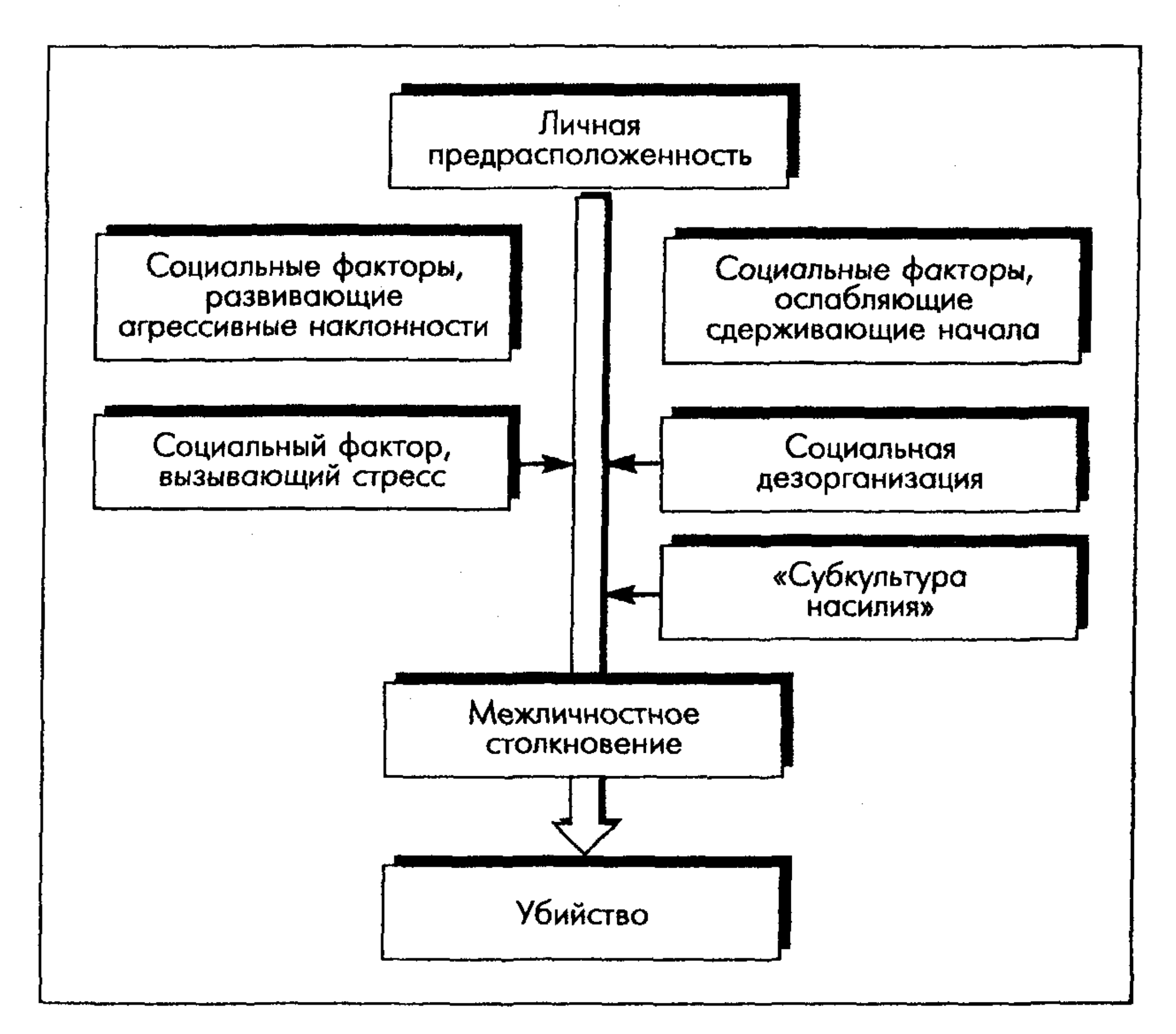


Рис. 9-4. Факторы, оказывающие влияние на случаи убийства.

тем рассмотрим основные социальные факторы, развивающие агрессивные наклонности и/или ослабляющие сдерживающие начала. В заключение мы рассмотрим взаимодействие преступника и жертвы.

Как отмечалось в начале главы, данный обзор не будет полным и всеохватывающим; например, он не включает анализ психиатрических и неврологических состояний преступников. Тем не менее я полагаю, что для рассматриваемых факторов влияния будет вполне достаточно имеющихся в нашем распоряжении показателей.

ЛИЧНАЯ ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ

Склонны ли убийцы к насилию?

Много лет назад бывший начальник одного хорошо известного исправительного учреждения написал ставшую популярной книгу о том, как в доме его семьи, располагавшемся на тюремной территории, в качестве слуг работали отбывающие срок убийцы. Он убеждал читателей, что эти люди не представляли опасности. Скорее всего, они совершили убийство под влиянием повышенных стрессовоздействующих обстоятельств, которыми они не могли управлять. Это был одноразовый выплеск насилия. После того как их жизнь стала протекать в более спокойной и мирной обстановке, вероятность того, что они снова прибегнут к насилию, была очень мала. Такой портрет убийц успокаивает. Однако характеристика автора книги известных ему заключенных чаще всего не подходит людям, сознательно лишающим жизни другого человека. Большинство преступников, совершающих убийства, совсем не похожи на людей, описываемых автором книги. Напротив, их уголовные дела фиксируют факты их частого агрессивного и антиобщественного поведения. Например, Вольфганг в своей работе отмечал, что примерно две трети убийц ранее арестовывались. Причем наиболее часто за «преступление против личности». Совершенно очевидно, что они были антисоциально настроены и склонны к насилию.

Другие исследования дают нам примерно такой же образ преступников-убийц. Когда Миллер (Miller), Диннтц (Dinitz) и Конрад (Conrad) изучили «преступную карьеру» большей части осужденных в штате Огайо за тяжкие преступления, связанные с насилием (например, нападения при отягчающих обстоятельствах), они установили, что только около 30% этих людей прекратили преступную деятельность после одного насильственного преступления. Исследователи отмечали, что у этих индивидов в юном возрасте были «личные проблемы или порочные модели поведения для подражания», это привело к развитию антисоциального поведения, которое часто наблюдалось и в среднем возрасте (Miller, Dinitz & Conrad, 1982, p. 106).

Такую же картину мы видим, анализируя жизни мужчин с высокой степенью агрессивности. В главе 8 отмечалось, что большинству людей, жестко обращающихся с членами своей семьи, свойственна устойчивая склонность к насилию, а исследование агрессивных личностей, обобщенное в главе 5, показывает, что люди, склонные к насилию, могут прибегать к нему в самых разнообразных антиобщественных действиях. К сказанному можно добавить, что, когда социолог Анн Готтинг (Ann Goetting) изучила биографии мужчин, убивших в Детройте с 1982 по 1983 год своих жен или приятелей своих дочерей, она выявила, что почти две трети таких преступников как минимум однажды арестовывались и до этого преступления.

Можно ли разделить убийц на категории?

Существуют ли различные типы убийц? Многие убийцы имеют свою историю насилия и антисоциального поведения, но, возможно, другие имеют совсем другую. По крайней мере, внешне они могут быть обыкновенными законопослушными и миролюбивыми гражданами.

❒ **Убийцы со сверхконтролируемой агрессивностью.** Эдвин Мегарджи (Edwin Megargee) предположил, что такой тип преступников, прибегающих к насилию, достаточно распространен. Соглашаясь с авторами многочисленных газетных репортажей о совершенно неожиданном применении насилия со стороны людей, казавшихся абсолютно мирными и безопасными, Мегарджи утверждал, что эти люди относятся к *личностям со сверхконтролируемой агрессивностью*, в противоположность хорошо известным и более предсказуемым *личностям с низкоконтролируемой агрессивностью.* По его словам, личности со сверхконтролируемой агрессивностью носят в себе скрытую, но активно побуждающую к проявлению агрессию, хотя они и подавляют каждое проявление демонстрации импульсов насилия.

> *Человек с повышенной склонностью к физическому насилию — часто спокойный, многострадальный индивид, скрывающий свои чувства под жестким, но хрупким контролем. При определенных обстоятельствах он может выплеснуть всю накопившуюся агрессию в одном, часто с пагубными последствиями, действии. После этого он возвращается в обычное для него защитное состояние сверхконтроля (Megargee & Hokanson, 1970, p. 111).*

Точка зрения Мегарджи получила поддержку в многочисленных работах английских и американских психологов. Британский психолог Рональд Блакберн (Ronald Blackburn) расширил анализ этого типа личности. На основе проведенного исследования он выдвинул предположение о двух типах убийц со сверконтролируемой

агрессией: «сверхконтролирующий себя репрессор», тип с сильным «контролем импульсов» и крайне редкими или вообще непроявляемыми признаками эмоциональных проблем; и «депрессивно сдерживающий» себя тип личности с высокой степенью сдерживания, склонный также к подавленности и постоянному самообвинению[1].

Тема сверконтролируемой агрессивности требует тщательного изучения. Насколько мне известно, этот тип личности был выявлен посредством личностного тестирования, а не при оценке реального поведения. Хорошо было бы знать, действительно ли такие люди никак не проявляют признаков агрессии до тех пор, пока не грянет «гроза». Кроме того, в отличие от интерпретации Мегарджи, я полагаю, что эти личности склонны к тягостным размышлениям о своей беззащитности и о тех несправедливостях, от которых, по их мнению, они страдают. Зачастую они раздражены, хотя и не проявляют обиду открыто. Частые воспоминания о несчастьях и агрессивные мысли могут быть главными причинами их агрессивных выплесков.

❑ **Реактивный убийца с низким самоконтролем.** Независимо от характерных особенностей поведения и возможной распространенности сверхконтролирующей себя личности, склонной к насилию, у многих убийц предположительно отсутствует подавление своей агрессивности. В соответствии с портретом эмоционально реагирующего, склонного к насилию индивида, обрисованного в главе 5, а также с точкой зрения Джеймса Уилсона (James Wilson) и Ричарда Гернстейна (Richard Herrnstein), предполагающих, что многие опасные преступники крайне импульсивны, я считаю, что большинству убийц свойственно сочетание ярко выраженных антисоциальных наклонностей и низкого подавления собственной агрессивности. Как отмечалось в главе 5, эти качества, несомненно, присущи психопатическим личностям, но кроме психопатов в большой степени они должны присутствовать и у людей с высоким уровнем реактивности (см.: Wilson & Herrnstein, 1985).

Здесь поднимается очень важная теоретическая тема. С моей точки зрения, относительно небольшое число преступников со склонностью к насилию всегда готовы к нападению на других людей; у них нет постоянного стремления убивать или увечить кого-либо. Здесь самое главное, как они *реагируют*. У них могут мгновенно появиться агрессивные мысли. Они обладают повышенной склонностью к трактовке действий других людей как враждебных им, но делают это преимущественно при вполне определенных обстоятельствах: когда сталкиваются с вещами, которые кажутся им агрессивно окрашен-

[1] См.: Hollin, 1989, p. 75–78, о подведении итогов исследований, имеющих отношение к данной теме, включая исследования Блэкберна (Blackburn).

ными; при эмоциональном возбуждении из-за того, что не могут получить желаемое; когда перед ними встает проблема или угроза; или когда они просто неважно себя чувствуют. Эти причины возбуждения могут также активировать в них относительно сильные агрессивные наклонности, которые довольно трудно подавить сразу же в момент их проявления.

Здесь важно словосочетание *сразу же в момент их проявления.* Людям с высокой степенью агрессивности трудно сдерживать себя в момент эмоционального возбуждения, но они могут подавить возбуждение, если в это время не слишком напряжены или если имеют сильные стимулы к сдерживанию.

❐ **Нравится ли некоторым людям увечить других?** Позвольте поразмышлять на эту тему. Считая, что многим склонным к насилию личностям свойственны описанные выше качества, я также полагаю, что увеличение нападений на людей со стороны агрессивных личностей происходит главным образом потому, что их не волнует боль, причиняемая другим. Им могут даже нравиться их страдания. В главе 1, вспоминая «дикие шалости» в 1989 году в Центральном парке Нью-Йорка, я говорил о такой возможности. В ходе этого инцидента группа подростков из 6–12 человек стала преследовать женщину, совершавшую пробежку, «просто так, потому что это было весело». К счастью, женщине удалось убежать. Вспомним упомянутую в той же главе группу бандитов, которая напала на бездомных. Согласно отчету полицейских, молодые люди жестоко избили их, в возбуждении забив одного человека до смерти «просто потому, что им нравилось атаковать беспризорных». Какие бы еще чувства ни проявлялись в этом случае, очевидно, что нападающие искали удовольствия в причинении страдания другим людям.

Желания такого рода могут присутствовать и при некоторых убийствах, обозначенных в начале главы словами «без каких-либо видимых причин». Рассмотрим два случая: один — из жизни, второй — весьма вероятный. Представьте себе банду молодых хулиганов, врывающихся в вагон метро и наводящих страх на пассажиров, представителей среднего класса. Они разгуливают по вагону с вопящими на всю мощь приемниками и бьют и пинают любого, кто имеет смелость (или глупость) поднять на них взгляд. Теперь вспомните (или представьте себе) сцену жестокого насилия в фильме Стэнли Кубрика «Заводной апельсин», вышедшем в 1972 году: воображаемое и ужасное видение будущего Великобритании. В одном эпизоде «герой» фильма Алекс и его приятель-тинэйджер, врываясь в дом пожилой семейной пары, нападают на несчастных стариков. Ясно, что не деньги или секс являются целью злоумышленников, а просто унижение, запугивание и даже причинение боли и страданий беззащитным жертвам.

По-видимому, на такую бесчувственную жестокость должны влиять многие факторы. Некоторые специалисты сказали бы, что Алексу присущи черты психопатической личности. Независимо от диагноза, такие агрессивные люди настолько жестоки, что не могут сочувствовать своим жертвам. Для них имеет значение только *их* цель и *их* удовольствие. Их может также радовать иллюзия своей власти над испуганными и подавленными людьми. Они переживают из-за своей незначительности в этом мире и хотят доказать, что с ними необходимо считаться. Жестоко избивая человека, они видят свою силу и власть и ощущают себя «хозяевами Вселенной».

Интересно, действительно ли люди, беспричинно нападающие на других, ищут только возможности проявить свою власть. Агрессия, проявляемая хулиганами в метро, вполне может быть мотивирована желанием обретения власти и контроля над людьми. Кажется, что этих юнцов больше интересует подавление пассажиров, чем нанесение им увечья. Мотивы Алекса и его банды до некоторой степени могут быть такими же. Они явно в равной степени жаждут и власти, и причинения страдания. Может ли Алекс действительно считать себя доминирующей личностью и хозяином положения — «настоящим мужчиной» — только потому, что он запугал и жестоко избил двух стариков? А реальные молодые люди, напавшие на бездомных? Неужели они убили беспомощную жертву, неспособную противодействовать, только для того, чтобы доказать свою силу? Мое предположение, совпадающее с мнением полиции, заключается в том, что, помимо способа самоутверждения, нападающие искали повышенного возбуждения и дополнительного удовольствия, которое получали в причинении страданий и даже смерти одной из жертв.

Некоторые размышления по поводу предсказания опасности

Я уже несколько раз отмечал в этой книге, что относительно небольшое число людей ответственны за многие серьезные акты насилия, охватившие нашу страну. Можем ли мы, используя то, что нам известно об этих людях, идентифицировать их и наблюдать за ними — *до того,* как они совершат преступления?

Законодательная система США долго надеялась, что психиатры смогут выявлять личности с высокой агрессивностью. Автор широко известной книги *Predicting Violence Behavior* («Предсказание жестокого поведения») Джон Монахан (John Monahan), психолог, профессор права, психиатрии и общественной политики юридического колледжа университета штата Вирджинии, г. Шарлоттсвилл, отмечает, что «на всех этапах исторического развития каждое обще-

ство» принимало превентивные меры к людям, представляющим потенциальную опасность. Этих людей заключали в тюрьмы или другими способами ограничивали их свободу не в качестве наказания за совершенные преступления, а потому, что «считалось, что они могут принести серьезный вред в будущем»[1]. Верховный Суд США считает конституционным правом каждого штата выносить смертный приговор некоторым типам убийц в тех случаях, когда местные судьи приходят к мнению, что эти люди склонны к проявлению жестокости и в будущем (Monahan, 1981, p. 23). Могут ли психологи и психиатры сделать то, на что надеется закон: точно определить вероятность того, что данный индивид «склонен причинять боль» или при случае проявить жестокость в будущем?

Очень трудно определить даже реальную способность специалистов предсказывать опасность. Любое всеохватывающее обсуждение этого вопроса должно исследовать множество аспектов, начиная от статистических и заканчивая юридическими и этническими проблемами. Однако уже сейчас многие представители властей приходят к выводу, что общество чрезмерно и необоснованно оптимистично относится к способностям специалистов прогнозировать опасность того или иного человека.

Основная сложность состоит в том, что к таким специалистам обращаются только в очень редких случаях. Высокий уровень жестокости и насилия в США хорошо известен, так же как и то, что слишком много людей становятся жертвами убийц. Однако представьте, что вы психиатр и к вам обратились с просьбой определить, представляет ли опасность конкретный 19-летний юноша. Насколько сильна вероятность, что в будущем он убьет кого-либо? Вернемся еще раз к рис. 9-1. Хотя уровень убийств в Америке очень высок, только 22 человека из 100 тысяч молодых людей этого возраста совершили убийства. Убийства по-прежнему остаются исключительными случаями, и такие случаи очень трудно прогнозировать.

Проблема не становится легче, даже если человек уже совершал преступление. Допустим, что к вам как к психиатру обратились за диагнозом: будет ли опасен вот этот заключенный, если удовлетворят его просьбу о досрочном освобождении? Он отбывает срок за тяжкое уголовное преступление, а статистика говорит, что 68% преступников, совершив аналогичное преступление, в дальнейшем снова арестовывались. Нападет ли он на кого-либо, если его выпустить из тюрьмы? Обработав большой объем информации, исследователи подсчитали, что только 3 из 100 осужденных за тяжкое преступление впоследствии обвинялись в убийстве или изнасиловании. Другими

---

[1] Цитата взята из статьи Dershowitz (1974), ее приводит Monahan (1981), p. 21.

словами, даже среди людей, относящихся к группе высокого риска, вероятность совершения убийства довольно мала[1]. Психиатры и психологи могут просчитать вероятность проявления жестокости и агрессивности со стороны людей, обладающих определенными особенностями (например, на основе получения ими высоких баллов в специальных тестах, на основе их принадлежности к конкретной этнической или расовой группе или на основе официальной информации об их преступных действиях), но обычно правдоподобность таких подсчетов слишком мала, чтобы с уверенностью предсказать действия этого человека в будущем.

Другая причина сложности предсказания проявления жестокости состоит в сильном влиянии ситуации на агрессивность поведения. Наиболее часто жестокое поведение является реакцией на определенные обстоятельства. Следовательно, для точного прогнозирования специалисты должны учитывать воздействующие факторы. Но в действительности никто не может сказать, что же произойдет при возникновении непредвиденных обстоятельств.

Независимо от того, что послужило основанием для прогнозов — беседы в клиниках или стандартные личностные тесты, — психиатры и психологи нередко ошибаются в предсказаниях возможного жестокого поведения[2]. Слишком часто они приходят к «ошибкам включения» — прогнозам применения насилия, которые не подтверждаются. Большинство людей, которые по результатам интервью или тестирования показывают устойчивую склонность к насилию, при общении с другими людьми никак ее не проявляют. Обычно получаемые в ходе этих процедур показатели недостаточны для исследовательской работы. Они могут дать важную информацию о корнях и функционировании предрасположенности человека к жестокости. Однако в целом их нельзя использовать для прогноза серьезного антиобщественного поведения *любого из отдельно взятых индивидов.*

СОЦИАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ

Наибольшего прогресса в деле борьбы с жестокостью и насилием в Америке можно достичь принятием действенных мер по улучшению условий жизни семей и общин в городах, особенно для бедных, живущих в трущобах своих гетто. Именно эти нищие гетто порождают жестокие преступления.

---

[1] Сведения взяты из: Steadman (1987), p. 8.

[2] Подробный обзор литературы, имеющей отношение к делу, см.: Monahan (1981, 1988). Говоря об эффективности предсказаний, Monahan приходит к заключению, что психологи и психотерапевты слишком часто ошибаются, даже тогда, когда учитывают предысторию совершения насилия и психического заболевания.

Быть бедным молодым человеком; не иметь хорошего образования и средств, чтобы вырваться из гнетущего окружения; желать обрести права, предоставляемые обществом (и доступные для других); видеть, как другие незаконно, а часто и жестоко действуют для достижения материальных целей; наблюдать безнаказанность этих действий — все это становится тяжелым бременем и оказывает ненормальное влияние, которое толкает многих к преступлениям и правонарушениям. Если к тому же этот молодой человек принадлежит к афро-американской, пуэрториканской или другой латиноамериканской расе, то, помимо прочего, он испытывает на себе давление дискриминации и сегрегации, усиливающих воздействие криминогенных сил[1].

В этом заявлении Национальная комиссия по изучению причин и способов предотвращения жестокости перечислила основные факторы, вносящие свой вклад в высокий уровень тяжелых преступлений в американском обществе. Мы видим здесь обвинение неблагоприятному влиянию семьи и констатацию факта, что в большей степени насильственное поведение ассоциируется с молодым возрастом и мужским полом. Однако более чем в каких-либо других документах Комиссия акцентирует внимание на том, что я называю «социальные стрессоры»: тяжелые социальные условия, вызывающие дистресс и страдания. По моим предположениям, неблагоприятные жизненные условия могут активировать враждебное мышление, формировать наклонность к жестокости и способствовать развитию антиобщественных форм поведения.

Социально-экономические факторы, вызывающие стресс

Социологи давно высказывают мнение, что насилие в американском обществе во многом зависит от неблагоприятных материальных обстоятельств в сочетании с социальными условиями. Например, мы знаем, что преимущественную часть жестоких преступлений совершают представители рабочего класса или люди, занимающие невысокое общественное положение. В ранее приведенном примере из работы Готтинга больше половины мужчин, совершивших в Детройте убийство жен или приятелей своих дочерей, занимали относительно невысокое социальное положение. Почти две трети из них были безработными. Демографические характеристики городских районов, в которых совершается большое количество убийств, также подчеркивают криминогенное влияние нищеты. Согласно показательному исследованию, проведенному в Кливленде, штат Огайо, самый высо-

---

[1] *To establish justice, to insure domestic tranquility.* December 1969. Washington, D. C.: U. S. Government Printing Office, p. xxi-xxii.

кий уровень убийств наблюдается в самых бедных районах города. Для жителей этих районов характерны: низкий средний уровень доходов; низкий уровень образования; жители, работающие на низших должностях; разваливающиеся и перенаселенные дома (Bensing & Schroeder, 1960; резюме в: Braucht et al., 1980, p. 319).

Изучение взаимосвязей между уровнем преступности и социальными и экономическими характеристиками районов проживания крупных городов страны выявили аналогичную картину. Это исследование особенно интересно, так как оно, по всей видимости, глубже других проникает в проблему.

Джудит Бло (Judith Blau) и Питер Бло (Peter Blau) сопоставили уровни убийств и нападений, совершенных в 1970 году в 125 районах крупнейших метрополий Соединенных Штатов Америки с различными социальными и экономическими статистическими данными. Они выявили, что в общинах с наиболее бедными людьми, а также с наибольшей концентрацией афро-американцев самое высокое соотношение числа совершенных убийств к численности общины. Удивительнее всего было то, что эта связь между нищетой и уровнем убийств имела тенденцию исчезать, когда социологи брали в расчет разницу в доходах в данном районе. Другими словами, количество тяжких преступлений в данной общине в большей степени представлялось результатом неравенства в доходах между ее жителями, чем зависело от доли населяющих ее бедняков.

Джудит и Питер Бло, как и другие исследователи, установили, что во всех районах с большим удельным весом чернокожего населения уровень убийств выше. Чтобы выяснить, влияет ли на взаимосвязь между расой и тяжкими преступлениями расовое неравенство в доступности хороших и дорогих вещей, социологи с помощью компьютера вывели индекс социально-экономического неравенства между белыми и чернокожими для каждого района метрополии. Действительно, этот показатель во многом, но не во всем, играет важную роль в соотношении процентного количества проживающих в районе чернокожих и тамошним уровнем жестоких преступлений.

Рассмотрев полученные результаты, Джудит и Питер Бло делают следующий вывод:

> *Высокий уровень тяжких преступлений — отчасти цена расового и экономического неравенства. В обществе, построенном на принципе «все люди равны изначально», экономическое неравенство... [особенно связанное с расовой принадлежностью] попирает дух демократии и может стать причиной отчуждения, безысходности и конфликтов. ...Социально-экономическое неравенство между расами и внутри их непосредственно влияет на высокий уровень преступлений, связанных с насилием над личностью (Blau & Blau, 1982, p. 126).*

Акцент на социально-экономическом неравенстве как источнике социального стресса кажется весьма обоснованным, но, возможно,

эти ученые поторопились свести к минимуму неблагоприятное влияние самой бедности. Другие ученые получили более серьезное подтверждение связи роста нищеты с ростом уровня насильственных преступлений со смертельным исходом. Так, Керк Уильямс подтвердил связь высокого уровня убийств в районе с наличием ярко выраженного расового неравенства в социально-экономическом статусе, выявленную Джудит и Питером Бло, но он также установил прямую связь бедственного социального положения с относительно высоким уровнем убийств. Уже упоминавшаяся работа Уильямса и Флюеллинга по изучению убийств в крупных городах страны также подтверждает влияние бедности на убийства. Воспользовавшись некоторыми из индексов, введенных Бло, эти ученые установили, что в общинах с высоким уровнем числа убийств на душу населения, как правило, самый высокий процент проживающих бедняков и самая высокая плотность населения. После обобщения этих данных появляются все основания утверждать, что бедность способствует росту преступлений, связанных с насилием.

Необходимо отметить, что не только экономические лишения формируют неблагоприятные социальные последствия. Как уже неоднократно отмечалось в этой книге, по-видимому, все, что усиливает бедственное положение, может воздействовать на формирование жестокого отношения к окружающим. Мы определенно можем рассматривать неравенство в доходах как источник раздражения. Люди, неудовлетворенные жизненными условиями, которые большинство из нас воспринимают как само собой разумеющееся, вполне способны обижаться на существующие различия, и эти обиды могут сильно воздействовать на формирование агрессивных наклонностей. Помимо этого, согласно некоторым исследованиям, инфляция, так же как и высокий уровень безработицы, способствуют появлению неуверенности в своем экономическом положении, что также может внести определенный вклад в дистресс, а следовательно, и в рост числа убийств[1].

Вспомним, что изнуряющая жара может вызывать стресс. Проявление жестокости имеет тенденцию возрастать при неблагоприятных атмосферных условиях. Психолог Грег Андерсон (Graig Anderson) из университета Миссури, Колумбия, провел последовательное изучение этого вопроса и получил лучшие из имеющихся на сегодняшний день свидетельства влияния высокой атмосферной температуры на агрессивность. Одна из его работ, проведенная совместно с Доной Андерсон (Dona Anderson), тесно связана с рассматриваемыми воп-

---

[1] Williams (1984); Williams & Flewelling (1988). Devine, Sheley & Smith (1988) сообщают, что рост безработицы в стране почти всегда сопровождается ростом числа убийств.

росами. Ученые проанализировали ежедневное число агрессивных преступлений (убийства и изнасилования) и неагрессивных (вооруженные ограбления и поджоги) в Хьюстоне, штат Техас, за двухлетний период (с 1980 по 1982 г.) и затем исследовали взаимосвязь числа преступлений и высокой атмосферной температуры. Они установили, что количество неагрессивных преступлений не зависело от температурных условий, тогда как самое большое количество преступлений, связанных с насилием над личностью, приходилось на самые жаркие дни (Anderson & Anderson, 1984).

Я считаю ошибкой игнорирование этих открытий под предлогом того, что в жару большее число людей выходит на улицы. В настоящее время имеется достаточно много свидетельств, полученных и путем лабораторных экспериментов, и исследованием в естественных условиях, подтверждающих, что высокая температура воздуха действительно неблагоприятна и активизирует агрессивные наклонности (см.: Anderson, 1989). Следовательно, разве нельзя предположить, что человек, страдающий от жары — а может быть, и от других неблагоприятных факторов, например нищеты, безработицы и расовой дискриминации, — может легко раздражаться от того, что он воспринимает как аномальное поведение? Если такая личность имеет устойчивую склонность к агрессии, если сдерживающие факторы в это время ослаблены, а оружие окажется под рукой, в припадке гнева он может убить предмет своего раздражения.

Социальная дезорганизация

Помимо положения, что агрессия нередко является реакцией на неблагоприятные обстоятельства, я неоднократно подчеркивал, насколько важно сохранить самообладание в управлении такими реакциями. По большей части я уделял внимание индивидуальным различиям в склонности к агрессии, но очевидно также, что внешние социальные условия могут в равной степени влиять и на степень самообладания, и на частоту его ослабления. Обстоятельства могут, прямо или косвенно, сказать людям, что данное агрессивное действие является правонарушением и если они проявят жестокость или насилие, то могут понести наказание. С другой стороны, в иных ситуациях некоторые люди могут посчитать, что будет правильно ударить другого и что вероятность наказания за нападение на сверстников или представителей власти невелика.

Социальная дезорганизация имеет тенденцию снижать сдерживание проявления агрессивности. Как уже давно признано социологами (и подчеркивается некоторыми теоретиками), контроль в естественной среде и в исправительных заведениях помогает сохранять общественный порядок. Людей, склонных к нарушению закона — к

грабежам, воровству, к нападению на своих врагов, — угроза наказания во многом сдерживает от активной противозаконной деятельности. Влияние агентов социальных служб (куда входят члены семьи, соседи, сотрудники и специалисты агентств по принудительному выполнению закона) *обычно ослабляется экономическими и социальными стрессорами*. Люди, страдающие от плохих жизненных условий, становятся недоверчивыми, особенно к посторонним. Частично основой недоверия может стать реальное опасное окружение, но недоверие может формироваться и на основе раздражения и враждебных мыслей. Так как такие люди погружены в размышления о собственных разочарованиях и тревогах, они относительно безразличны к мнению других членов общества. Некоторые из них склонны к выработке установок и ценностей, благоприятствующих совершению преступления. С их точки зрения, обществу доверять нельзя. Окружающий мир наполнен жадностью, лживостью, взяточничеством и развращенностью. Они думают, что должны создать собственные правила жизни и сами позаботиться о себе, если хотят получить то, что им надо. Общество унижает их достоинство, следовательно, множит их проблемы, а официальные власти уделяют им слишком мало времени и внимания.

Многие чикагские социологи хорошо известны своими новаторскими работами по проблемам социальной дезорганизации в центральных районах крупных американских городов. По словам двух из этих авторов, это «районы с разрушающимися зданиями, перенаселенные людьми... экономически зависимыми, живущими в арендуемых домах... и поддерживающими связь только с некоторыми организациями и ведомствами» (Sutherland & Cressey, 1960, p. 159–160).

Такие условия характерны для многих городских негритянских гетто, и зачастую именно в них социальный контроль весьма низок. «В широком смысле американское общество никак не присутствует в различных гетто, если не считать телевидения, — отмечает один из исследователей. — Полицейские избегают совершать там обходы, большинство школ ничему не учат, отцы не живут с семьями, преступления остаются безнаказанными» (Lemann, 1991, p. 20).

Помимо переполненных и разрушающихся домов, школ, в которых нет никакого порядка, и семей без отцов, превалирующих в гетто, социальная дезорганизация проявляется и другим образом. Некоторые социологи указывают на конфликт между существующими нормами и ценностями как на фактор, вносящий основной вклад в социальную дезорганизацию. Люди просто не знают, что думать. Они путаются, тревожатся и возмущаются, когда общество требует от них законопослушания и тяжелой работы для преуспевания в жизни, а они видят, что честные труженики ничего не добиваются,

тогда как ни в чем не отказывающие себе криминальные личности имеют деньги и социальное положение. Когда людей рвут на части такие противоречия, их приверженность к установленным правилам ослабевает. Дезорганизация проявляется также в большом количестве юношей, бросающих школу и остающихся без образования; в высоком уровне незаконнорожденных детей; и, согласно некоторым исследованиям, в высоком уровне разводов.

Какими бы ни были отдельные индикаторы этого состояния общества, по данным всех социологов со времен Эмиля Дюркгейма (Emile Durkheim), работавшего в конце XIX — начале XX веков, и до наших дней, и особенно по материалам специалистов так называемой Чикагской школы криминологии, социальная дезорганизация является основой распространения преступности и роста числа убийств. Ее влияние можно проследить по статистике взаимосвязи частоты разводов и количества убийств в районе. Независимые исследования Джудит и Питера Бло и Керка Уильямса и Роберта Флюеллинга показали, что в городских районах с высоким уровнем разводов также довольно высок уровень убийств на душу населения, даже при исключении влияния фактора уровня доходов. Несомненно, что в общинах с часто распадающимися семьями ослаблены социальные правила и нормы и агрессия, вероятнее всего, не подавляется (Blau & Blau, 1982, Williams & Flewelling, 1988).

Влияние субкультуры, общих норм и ценностей

❑ **В чем причины высокого уровня убийств среди чернокожего населения?** Чтобы стать всеохватывающим, рассмотрение социального и экономического влияния на уровень убийств должно учитывать и крайне высокий уровень предумышленных и непредумышленных убийств, совершаемых афро-американцами. Фактически в каждом из исследований влияния социальных факторов на насильственные преступления со смертельным исходом отмечается относительно высокий уровень подобного рода преступлений среди данной этнической группы. Кроме Вольфганга, этот факт подтвердили и другие ученые, исследовавшие убийства в крупных американских городах. Более современные работы также отмечают тенденцию сравнительно более высокого уровня убийств среди чернокожих (Blau & Blau, 1982; Williams, 1984; Williams & Flewelling, 1988).

Не только нищета. Связь между расовым составом населения и уровнем убийств не является простым и прямым следствием одной только бедности. Упомянутые ранее исследования преступности в крупных городах говорят нам о том, что в районах с высокой концентрацией чернокожих высокий уровень убийств прослеживается

даже там, где уровни доходов людей практически не отличаются друг от друга, и это подтверждается многими другими работами. Один из представителей власти сделал такой вывод: «Принадлежность к определенному социальному классу и уровень доходов не являются причинами несоразмерной разницы в уровнях серьезных преступлений и правонарушений, совершаемых расовыми меньшинствами и белыми» (Curtis,1989,p. 140).

Социальное неравенство. Отсюда очевидно, что помимо нищеты на высокий уровень убийств должны воздействовать и другие социальные факторы.

Как я отмечал ранее, одним из таких дополнительных факторов может быть социальное неравенство. Позвольте привести подтверждение этому предположению.

Эндрю Генри (Andrew Henry) и Джеймс Шорт (James Short), пионеры в области изучения взаимосвязи экономических циклов и уровня убийств, установили, что с 1900 по 1947 год тяжелые экономические времена по-разному влияли на белых и чернокожих. В этот период сокращение деловой активности приводило к росту убийств, совершаемых белыми, и даже к большему числу самоубийств среди них. По-видимому, экономические трудности не только до некоторой степени повышали агрессивные наклонности белых (по предположению Генри и Шорта, особенно белых с низким социальным статусом), но и формировали у многих из них самообвинения в возникших финансовых проблемах.

И наоборот, спад деловой активности приводил к снижению уровня убийств, совершаемых чернокожими, и имел сравнительно небольшое влияние на уровень самоубийств в этой расовой группе. Не могло ли быть так, что при наступлении тяжелых времен неимущие чернокожие видели меньше различий между своим положением и положением других людей? То есть можно сказать, что экономически трудные времена становились «уравнителями». Не только чернокожие, но и *большинство* людей другой расы имели финансовые трудности. Следовательно, самооценка чернокожих в эти периоды была выше, чем во времена экономического благополучия, и выплески возмущения и агрессии были реже[1].

---

[1] Henry & Short (1954). Могу высказать предположение, что чернокожих американцев, скорее всего, возмутят столь неблагоприятные для них сравнения с белыми. Но при спаде деловой активности неравенство действительно уменьшалось в несколько раз. Blau & Blau (1982) также обнаружили, что внутрирасовое и межрасовое неравенство положительно связано с уровнем убийств в столичных районах.

❑ **Существуют ли субкультуры насилия?** При проведении анализа разницы между уровнями убийств среди этнических и расовых групп Вольфганг объяснял частоту убийств широко распространенными в общинах национальных меньшинств убеждениями и отношениями, благоприятствующими проявлению агрессии. Он предположил, что в этих группах существует *субкультура насилия* — ряд убеждений и норм, которые учат, как трактовать конкретные ситуации, и предписывают, как на них реагировать. То есть, согласно выдающемуся криминологу, люди, выросшие в субкультуре склонности к насилию, обычно легко выходят из себя, так как быстро классифицируют ссоры или другие межличностные противоречия как провокационные факторы и считают, что если они хотят сохранить свое положение среди окружающих, то должны реагировать агрессивно. По-видимому, люди этой субкультуры нападают на других главным образом потому, что от них ждут таких действий. Если их провоцируют, единственный способ, который обеспечит им признание и одобрение, — это нападение на провокатора.

Вольфганг полагает, что эта субкультура распространена не только в общинах чернокожих. Он считает вероятным наличие норм такого рода в большинстве групповых меньшинств с высокой склонностью к насилию и в определенном сегменте низкого социального слоя.

Другие ученые также исследовали причины частого проявления агрессии среди некоторых групп американского общества, например бандами молодежи в городских гетто или же в целых регионах страны (Wolfgang, 1967, Wolfgang & Ferracuti, 1967).

Есть ли субкультура насилия на Юге? В разных регионах США наблюдается различный уровень насильственных преступлений со смертельным исходом. Так, в южных штатах уровень убийств белых, по отношению к численности населения региона, намного выше, чем, например, в Новой Англии или в центральных штатах, и эта картина сохраняется в течение всего столетия. В 1958 году, когда Вольфганг опубликовал свою работу, отчет Федерального Бюро Расследований (ФБР) *Uniform Crime Reports* отмечал, что уровень убийств на южном побережье Атлантики в шесть раз выше, чем в Новой Англии. Хотя в настоящее время этот разрыв сокращается, Юг по-прежнему остается самой смертоносной частью страны, особенно для белых молодых людей.

В 1987 году во многих южных штатах, особенно в Техасе, Флориде и Алабаме, уровень применения насилия со смертельным исходом среди белых молодых людей от 15 до 24 лет намного превышал среднестатистический показатель по стране. (Интересно отметить, что

уровень убийств на Юге, совершаемых чернокожими того же возраста, был в целом довольно низким.)[1]

Социологи по-разному объясняют высокий уровень убийств, совершенных белыми жителями Юга. Некоторые приписывают этот феномен бедности и экономическому неравенству, характерному для данного региона, другие же считают, что убийства стимулируются «региональной культурой». Вот как комментирует это один из историков:

> ***Образ насильственного Юга, в разных одеяниях, предстает (перед нами) на каждом шагу: поединок между джентльменами и рабовладельцами, избивающими рабов, судовладельцами, потворствующими грубым и беспорядочным схваткам... Этот образ настолько распространен, что подчиняет любого, кто стремится к пониманию Юга (Hackney, 1969, p. 505).***

Некоторые социологи полагают, что такой образ — это не просто стереотип. Считается, что многие южане сохранили свои установки и убеждения, способствующие насилию и жестокости. Тот же историк предполагает: «Насилие на Юге — это стиль жизни, который переходит от отца к сыну вместе со старой охотничьей винтовкой и семейной Библией». С учетом этого нетрудно нарисовать себе образ молодого белого южанина из сельской местности. Легко обижающийся на слова или поступки, воспринимаемые как угроза или оскорбление, он быстро впадает в гнев и, более того, верит, что принцип чести требует принятия насильственных действий против человека, с его точки зрения, нанесшего оскорбление.

Сторонники влияния южной субкультуры насилия аргументируют свою позицию сложным статистическим анализом. Хотя проведенные исследования часто дают противоречивые результаты, в основном они демонстрирует, что убийства, совершаемые в конкретном регионе страны (районе метрополии или в штате), особенно белыми, имеют позитивную корреляцию с соотношением в данном районе

---

[1] Fingerhut & Klemman (1990) предоставили сведения о случаях убийств молодых чернокожих и белых мужчин в Америке за 1987 год. В них трудно найти подтверждение, что уровень убийств молодых белых людей сравнительно выше в западных штатах. Greenberg, Carey & Popper (1987) предоставляют большую информацию о высоком уровне смертей молодых белых мужчин в западной части Соединенных Штатов Америки. Сверх того они показывают, что сельские западные штаты имели наивысочайший уровень смертей молодых людей в возрасте между 15 и 24 годами *во всех случаях*. Они сообщают, что «общий уровень насильственных смертей белых мужчин в шести наиболее криминальных сельских западных деревнях был на 13% выше, чем уровень насильственных смертей чернокожих в шести восточных городах».

белых выходцев с Юга. Более того, эта взаимосвязь сохраняется даже с учетом бедности и социально-экономического неравенства. На основании этого группа ученых пришла к выводу, что субкультура насилия «частично ответственна за высокий уровень на Юге насильственных случаев со смертельным исходом» (Huff-Corzine, Corzine & Moore, 1986, p. 921. См. также: Blau & Blau, 1982).

Однако эти выводы, наводящие на размышления, только косвенно поддерживают тезис субкультуры насилия. Насколько я знаю, нет прямых свидетельств, показывающих, что способствующие насилию убеждения, отношения и ценности в действительности преобладают на Юге сильнее, чем в других регионах страны. Есть некоторые основания считать, что жители Юга как группа более других американцев склонны к применению насилия для соблюдения «закона и порядка», но это еще не означает, что они считают насилие правомерным способом решения споров или защиты чести. Исследователи, искавшие различия в этом вопросе между южными и другими регионами, не смогли их выявить. Тогда может быть, как предполагают другие авторы, гипотетическая южная культурная традиция способствует только случаям применения насилия со *смертельным* исходом, а не всем физическим нападениям, и только при определенных обстоятельствах (Erlanger, 1976).

Наличие субкультуры насилия в узко определенных группах. Определенно выглядит правдоподобным, что некоторые групповые и территориальные различия в уровне убийств являются следствием установок и ценностей, благоприятствующих проявлению агрессивности. Существуют и определенные доказательства этого. Тем не менее практические исследования показывают, что убеждения, поддерживающие применение насилия и положительное отношение к нему, сейчас не так распространены в беднейших слоях общества, в том числе и в сообществах чернокожих, как предполагали Вольфганг и другие ученые. Вероятно даже, что ценность жесткости и мужественности не стоит на первом месте у преступников, совершающих насилие, как это утверждают сторонники теории субкультуры (см.: Ball-Rokeach, 1973, Erlanger, 1974).

Даже если большинство людей, пользующихся меньшими социальными и экономическими правами, не попустительствуют агрессии как способу решения межличностных проблем, мировоззрение части из них, возможно, является проводником насилия. Как отмечалось в главе 6, в некоторых городских подростковых бандах США придерживаются кодекса личной чести, акцентирующего неприкосновенность мужского достоинства, которое трактуется ими по-своему. Разделяя эти убеждения и ценности, члены банды быстро переходят в наступление, когда не получают требуемого уважения. Они убеждены, что должны наказать обидчика, чтобы доказать свою му-

жественность и сохранить честь. С имеющимся или легкодоступным оружием они запросто могут убить тех, кто, как они думают, нанес им оскорбление.

Еще хуже (а это становится все более очевидным), что некоторые молодые люди, особенно из бедных слоев и меньшинств общества, имеют еще более радикальные взгляды на агрессию. Кажется, что они совершенно равнодушны к боли или смерти других. Эти ожесточенные, бесчувственные агрессоры переполнены почти нескрываемым негодованием и враждебностью. Они сосредоточены только на себе и своих желаниях. Совершенно явно, что их очень мало заботит или вообще не заботит вид или даже причинение страданий. Когда несколько таких человек собираются вместе, они поддерживают друг друга в проявлении бессердечности и агрессивности. Они считают это в порядке вещей, что это хорошая идея. Они веселятся, нападая на богатого спортсмена-любителя в парке. Они решают, как им лучше развлечься: напасть и ограбить подростков, одетых в кожаные куртки и кроссовки марки *Nike*, или просто избить пожилого подвыпившего прохожего.

Нам неизвестно, сколько такой молодежи в Америке. Отчеты полиции и газетные статьи, цитаты из которых я приводил, предполагают, что их число возрастает. Недавно один горожанин пожаловался журналисту на то, как изменился его микрорайон за последние годы. В годы его молодости оскорбления при случайных столкновениях были редкостью. «А сейчас, если вы заденете чью-то машину, вас просто убьют», — говорит он. Хотя это утверждение несколько преувеличено, оно подтверждает данные криминологов о росте числа убийств, совершаемых городскими молодежными бандами вследствие «легкомысленного отношения к человеческой жизни». Вполне возможно, что эти ожесточенные бандиты появляются в результате распространения внутри городов относительно небольшой и ограниченной субкультуры «полного разочарования и привычного насилия», о которой говорят социологи[1].

Эффекты стимулирования в обстановке насилия. Нормы, ценности и убеждения субкультуры, формирующей склонность к насилию, могут возникать не так, как развиваются и передаются общепринятые социальные нормы поведения, передаваемые от отца к сыну «вместе с охотничьей винтовкой и семейной Библией». Данные убеждения и установки в большей степени есть косвенные продукты жизни, вырабатываемые в обстановке жесткости, бессердечности и насилия.

---

[1] Мнения жителей городов и наблюдения криминологов приведены в *New York Times,* Dec. 9, 1990. Наблюдения социальных работников, имеющие отношение к развитию субкультуры «полного разочарования и привычного насилия» в урбанистических негритянских гетто, взяты из: Pally & Robinson (1988).

Во втором разделе книги мы видели, что у холодных и безучастных родителей вероятней всего будут агрессивные дети. Очевидно, что суровый, наполненный стрессами, беспорядочный мир городских гетто мало подходит для проявления родительских чувств. Неудивительно, что необразованные, забитые стрессами, трудностями и бедностью и часто сталкивающиеся с дискриминацией и социальной дезорганизацией родители редко могут дать своим детям необходимые любовь и внимание. Неудивительно и то, что они безразличны или чрезмерно суровы с ними.

Ощущение неблагоприятного влияния такого родительского отношения на рост насилия подтверждают все большее число городских детей. Джон Ричтерс (John Richters), исследователь Национального института психического здоровья, проверил, насколько часто такие дети становятся свидетелями сцен насилия. Он провел опрос детей и матерей, проживающих в бедном, «умеренно агрессивном» районе Вашингтона, и установил, что 72% пятнадцати-шестнадцатилетних были свидетелями применения насилия, 11% видели, как люди стреляли, 6% были мишенями стрельбы и 4% своими глазами видели совершение убийства.

Разумеется, перестрелки и убийства оказывают сильное воздействие на детей. Опрос Ричтерса показал взаимосвязь между частотой наблюдения сцен насилия и неблагоприятными психологическими симптомами у детей. Еще хуже то, что, как мы знаем из главы 6, эмоциональное смятение может развить наклонности к применению насилия. Ученые из Колумбийского университета Нью-Йорка, исследовавшие ливанских детей из разрушенного войной Бейрута, установили у них не только чрезвычайно высокий уровень тревожности и стресса, но и высокий уровень агрессивности[1].

Следовательно, городской чернокожей молодежи и другим меньшинствам вовсе не требуется специально обучаться насилию у своих сверстников или взрослых. Многие из этих молодых людей на себе испытали плохое обращение и противодействие в кругу семьи, в окружающей обстановке гетто. Часто они начинают воспринимать окружающий социальный мир как джунгли, где ценятся только преступление и агрессия. Доступность оружия повышает и без того высокие шансы, что в будущем они совершат нападение на другого человека или убийство.

❑ **Краткосрочное влияние на агрессивные установки.** До настоящего момента в этой главе рассматривались только те факторы влияния, которые могут формировать относительно долговременные убежде-

---

[1] Об открытиях Ричтерса сообщается в: Richters & Martinez (1992). Еще одну сводку результатов и наблюдений касательно бейрутских детей можно увидеть в: Shuchman, *New York Times*, Feb 21, 1991.

ния и установки, способствующие агрессивному поведению. Однако общество имеет под рукой и более краткосрочные способы влияния, которые способны как минимум на короткий срок воздействовать на человеческую агрессивность.

В главе 7 «Насилие в средствах массовой информации» эти факторы влияния рассматривались более подробно. Люди могут воспринимать агрессивные идеи из кинофильмов и телевизионных передач и даже из газетных статей о насилии, и та часть аудитории, которая имеет слабую подавляемость собственной агрессивности, может реализовать эти мысли, нападая на окружающих. Рассмотрим, какое влияние могут оказать на подростков из бедных городских районов американских городов фильмы о жестокости и насилии. Стрельба на экране может легко активизировать агрессивные идеи и воздействовать на агрессивные наклонности юношей: 1) обладающих повышенной агрессивностью и слабой способностью подавления антисоциального поведения; 2) имеющих невысокое умственное развитие и, вследствие этого, мало осознающих вымышленность жизни на экране и расположенных к восприятию насильственного мира в кино как отражения реального; 3) склонных, по крайней мере отчасти, отождествлять себя с героем для обретения иллюзии власти и господства над другими; 4) характеризующих насильственные действия героя как справедливое и благое дело. Все это увеличивает вероятность временного самооправдания их собственной агрессивности.

Кроме кинофильмов и телевизионных передач, репортажи в новостях о войнах, стрельбе и убийствах также могут повысить вероятность усиления агрессивности впечатлительных людей. Поэтому нас не должен удивлять рост насильственных преступлений в странах в послевоенный период.

Со времен исследования Эмилем Дюркгеймом последствий франко-прусской войны 1870–1871 гг. социологи высказывали различные предположения о том, как вооруженный конфликт между государствами влияет на общественный порядок в сражающихся странах. В контексте рассматриваемого вопроса особый интерес представляют предположения ученых о том, что граждане воюющих государств переживают катарсис в период нахождения своей страны в состоянии войны. Предположительно, когда люди думают о сражениях, в них ослабляется собственное побуждение к применению насилия и они более миролюбиво ведут себя с посторонними, членами семьи и соседями. Как показано в главе 7, кино не оказывает такого благотворного влияния, но, возможно, происходящие в реальной жизни убийства действительно высвобождают агрессивную энергию.

Ден Арчер (Dane Archer) и Розмари Гартнер (Rosemary Gartner) исследовали эти и другие предположения ученых, сравнив

уровень убийств во многих странах до и после их участия в войне. В табл. 9-1 обобщены итоги проведенного ими анализа. Независимо от победы или поражения страны и от многочисленности или относительной малочисленности погибших граждан, в большинстве воевавших странах наблюдался рост, а не снижение уровня убийств в послевоенный период.

Однако в послевоенный период не обязательно происходит повышение агрессивности у людей. Из таблицы видно, что этого не произошло в США после Второй мировой войны (хотя имело место после войны во Вьетнаме). В целом Арчер и Гартнер делают следующие выводы:

> ***Большинство исследованных стран, принимавших участие в войнах, испытали значительный послевоенный рост случаев убийств. В контрольной группе стран, не участвовавших в войнах, такой рост отсутствовал. Учащение случаев убийств было распространенным и имело место как после длительных, так и после коротких войн, в странах победивших и потерпевших поражение, в странах с усиленной и с ослабленной послевоенной экономикой, среди мужчин и женщин и в нескольких возрастных группах[1].***

Таким образом, участие страны в войне способствует расширению сферы насильственных преступлений, совершаемых ее гражданами, а не разряжает сдерживаемые агрессивные побуждения. Так же как и оправдываемая некоторыми зрителями агрессия в кинофильмах может вызывать у них убеждение в правомерности собственных насильственных действий, межгосударственные и национальные конфликты могут подтверждать мнение отдельных граждан о законности нападения на их врагов.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИ СОВЕРШЕНИИ НАСИЛИЯ

Итак, пока мы рассматривали только общую картину случаев убийств. Я идентифицировал различные факторы, которые влияют на вероятность того, что человек осознанно лишит другого жизни. Но перед тем как это произойдет, потенциальный преступник должен столкнуться с тем, кто станет жертвой, и эти два индивида должны вступить во взаимодействие, которое приведет к смерти жертвы. В этом разделе мы и обратимся к характеру этого взаимодействия.

Различные типы взаимодействия при совершении насилия

При дальнейшем чтении этой главы необходимо иметь в виду различия между инструментальной и импульсивной, эмоциональной аг-

---

[1] Archer & Gartner (1984), p. 96. В этой работе исследователи сравнивали уровни убийств на протяжении пяти лет до войны и после нее.

Таблица 9-1

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЯ УБИЙСТВ КАК ФУНКЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО КОЛИЧЕСТВА ПОГИБШИХ В СРАЖЕНИЯХ И ИСХОДА ВОЙНЫ

	Изменение уровня убийств		
	Снижение	Без изменений	Увеличение
A. Более 500 погибших в сражениях на 1 млн. довоенного населения			
Страны-победители	США (II)*	Канада (II)* Англия (I) Франция (I) Япония (в русско-японской войне 1905 г.)	Австралия (II) Бельгия (I) Англия (II) Франция (II) Италия (I) Нидерланды (II)* Новая Зеландия (II) Норвегия (II) Португалия (I) Южная Африка (II) США (I)
Страны, потерпевшие поражение	Финляндия (II) Венгрия (I)		Болгария (I)[+] Германия (I) Венгрия (II) (1956, после конфликта с СССР) Италия (II) Япония (II)
B. Менее 500 погибших в сражениях на 1 млн. довоенного населения			
Страны-победители	Израиль (1956, война в Синае) Италия (1896, война с Эфиопией) Италия (1935, война с Эфиопией)	Япония (1932, конфликт с Маньчжурией)	Израиль (1967, Шестидневная война) Япония (1894, первая японо-китайская война) Япония (I) Пакистан (1965, вторая война в Кашмире)

Продолжение таблицы 9-1

	Изменение уровня убийств		
	Снижение	Без изменений	Увеличение
Страны, потерпевшие поражение	Индия (1962, приграничная война с Китаем)	Египет (1956, Синайская кампания) Индия (1965, вторая война в Кашмире)	Иордания (1967, Шестидневная война)

* Для США (II), Канады (II) и Нидерландов (II) данные включают предумышленные и непредумышленные убийства.

\+ Данные по Болгарии относятся к преступлениям, совершаемым против личности, включая убийства.

Обозначения: I — до и после Первой мировой войны; II — до и после Второй мировой войны.

рессией. Инструментальное убийство, при котором преступника в первую очередь интересует достижение какой-либо иной цели, а не смерти жертвы, далеко не то же самое, что совершение убийства под воздействием эмоций. Несколько исследователей криминальных убийств оспаривают такое разграничение. Как уже отмечалось, Вильямс и Флюеллинг выделяют убийства, совершаемые в процессе других уголовных преступлений (которые я называю «инструментальными»), и убийства, являющиеся следствием напряженного межличностного конфликта. В том же духе и Ричард Блок говорит о «двух моделях поведения». Анализируя убийства в Чикаго, он отмечает:

> *Первая модель, инструментальное действие, характеризуется тем, что и жертва и [конкретный] преступник действуют с целью максимизации своих выгод и минимизации своих издержек в опасной ситуации. Убийство во время грабежа рассматривается как инструментальное действие.*
>
> *Вторая модель, импульсивное действие, характеризует неинструментальное поведение. При ней соотношение издержки/выгода не имеет значения, важно только желание причинить боль или убить*[1].

---

[1] Block (1977), p. 9. Предыдущая сноска относится к Williams & Flewellmg (1988).

Убийство незнакомого человека: инструментальная агрессия

Как отмечалось ранее, межличностное взаимодействие, приводящее к инструментальному насилию, может по многим своим аспектам отличаться от взаимодействия, дающего толчок усилению эмоциональных кризов. В случае инструментального насилия агрессор более заинтересован в достижении конкретной цели, а не в причинении зла или убийстве жертвы ради наслаждения от самого зрелища боли или умерщвления. Как и Блок, я могу сказать, что убийства, совершаемые в ходе грабежей, обычно являются инструментальными действиями. Преступники считают, что, лишив жертву жизни, они легче достигнут своей преступной цели. Жертва инструментальной агрессии — это помеха, которую необходимо убрать, или некто, угрожающий безопасности агрессора, и, следовательно, от него надо избавиться.

Это ни в коем случае не означает, что инструментальные убийства всегда хладнокровно рассчитаны и совершаются полностью сознательно. Смерти при грабежах наиболее вероятны, когда жертвы сопротивляются вооруженным злоумышленникам (Block, 1977). Вспомним также точку зрения Франклина Зимринга. Он говорил о том, что значительная часть таких убийств является следствием повышенного эмоционального напряжения преступников в тот момент. Они импульсивно реагируют на действия, воспринимаемые как угрозы, например на кажущееся сопротивление жертвы. Тем не менее, так как их главная цель — безопасный захват денег или другого имущества жертвы, убийства совершаются в основном для достижения именно этой цели.

Хотя я предполагаю, что большинство людей, ставших жертвами инструментальных убийств, ранее не имели близких отношений со своими убийцами и даже могли быть совершенно незнакомы с ними, из этого не следует делать вывод, что при всех без исключения убийствах родственников, друзей или любовников полностью отсутствуют инструментальные аспекты. В жизни, как и в кино, убийца может хорошо знать свою жертву и получить от ее смерти ожидаемую выгоду. После войны в Персидском заливе в теленовостях сообщалось об убийстве только что вернувшегося с войны солдата, которое произошло, когда он грузил в машину вещи из своего дома. Первоначально говорили, что он стал жертвой ограбления, но впоследствии выяснилось, что преступление организовали жена жертвы и ее любовник, заинтересованные в его смерти.

Данное убийство было рассчитанным средством достижения целей убийц. Хотя оно и было продиктовано ожиданием сексуальных

и материальных выгод, оно не являлось следствием эмоционального взрыва гнева или страсти и по своему характеру относилось скорее к инструментальным, чем к эмоциональным.

Убийство при конфликте: эмоциональная агрессия

Напряженный конфликт, приводящий к лишению жизни члена семьи, друга или знакомого, обычно формирует совсем другой тип взаимодействия. В ситуации такого рода жертва, как правило, играет гораздо более активную роль и, как отмечал Вольфганг и другие ученые, временами может ускорять обмен агрессивными действиями. Неважно, кто начал этот обмен, однако очень часто он накаляется до такой точки, что раздражение, выплескиваясь, приводит к насилию.

Как отмечалось при рассмотрении насилия в семье в главе 8, некоторые авторы рассматривают этот вид агрессивного взаимодействия между знакомыми людьми как борьбу за власть или влияние. Согласно этой теории, большая часть людей, предрасположенных к насилию, боятся выглядеть незначительными в глазах окружающих и считают, что не имеют возможности влиять на то, что с ними происходит. Например, когда человек с таким самовосприятием вступает в спор с соседом, он будет пытаться компенсировать воображаемую слабость, стараясь доказать свою силу и показать, кто здесь хозяин.

Другие теории выдвигают несколько отличное объяснение причин конфликта. Оно состоит в том, что обе стороны чересчур озабочены сохранением престижа. Дэвид Лакенбилл (David Luckenbill) на основании анализа семнадцати убийств дает превосходный пример такой интерпретации. Согласно Лакенбиллу, одна из сторон взаимодействия вызывает обмен агрессией, совершая что-либо, воспринимаемое другим индивидом как «оскорбление его достоинства, то есть покушение на имидж, о котором человек заявлял в конкретном случае или социальном контакте». Часто это оскорбительное или принижающее замечание, но может также быть и отказ исполнить требование. Обиженный не отступает или не пытается успокоить другую сторону, главным образом потому, что это еще больше повредит его имиджу. Вместо этого он пытается спасти свою честь и респектабельность, выражая гнев и/или презрение, прежде всего высказывая свое мнение о противнике как о «человеке, ни на что не годном». Происходит эскалация конфликта, так как каждая сторона боится показать свою слабость или потерять лицо. Лакенбилл также отмечает, что каждый участник в такой ситуации считает применение насилия единственной правильной реакцией (Luckenbill, 1977).

Я нисколько не сомневаюсь, что желание сохранить лицо (и/или утвердить свою власть) присутствует во многих конфликтах с обме-

ном насильственными действиями. Показателен один из примеров Лакенбилла:

Пример 4. Преступник, его жертва и трое их приятелей ехали на автомобиле за город и пили вино и пиво. В какой-то момент жертва начала смеяться над машиной преступника, которую он, жертва, неделю назад поцарапал. Преступник спросил, почему он смеется. Он ответил, что эта машина просто старый хлам. Преступник остановил автомобиль, и все вышли. Он попросил жертву повторить сказанное. Когда жертва повторила свое мнение о машине, преступник ударил этого человека и сбил с ног. (После этого жертва была убита.) (Luckenbill, 1977, p. 182)

Однако, по моему мнению, чаще насильственные действия являются импульсивными по своему характеру. Это относительно безрассудные реакции, приводимые в движение высоким внутренним напряжением. Эти реакции не являются необычными при преступлениях, связанных с насилием над личностью. Когда мы с коллегами проводили опрос 71 заключенного, отбывающих наказание за подобные преступления в Шотландии, мы получили очень немного явных подтверждений, что эти мужчины попали в тюрьму из-за попыток сохранить свое лицо. На вопрос, чего они хотели добиться в схватке, которая привела их в тюрьму, большинство ответили, что хотели причинить боль другому человеку, и только 12% ответили, что хотели защитить свою репутацию или добиться одобрения. Идеи, высказанные заключенными во время опроса, были еще более разоблачающими. Тогда как большинство открыто говорило о желании причинить боль своим противникам и/или защитить себя, только около 20% упомянули о самоудовлетворении или социальном одобрении (Berkowitz, 1986).

Вот еще один из примеров, приведенных Лакенбиллом, который дает повод также поговорить о причине убийства:

Пример 28. Когда преступник вошел домой через черный ход, его жена сказала своему любовнику, жертве: «Это — ...». Жертва вскочил на ноги и начал торопливо одеваться. Преступник, крича имя жены и не получая ответа, вошел в спальню. Он обнаружил раздетую жену и полуодетую жертву. Ошарашенный муж спросил: «Почему?» Жертва ответил: «Разве вы никогда не любили? Мы любим друг друга». Позднее преступник утверждал: «Если бы они были пьяны или еще что-нибудь в этом роде, я бы заметил это. Я имею в виду, что сам знаю, как это бывает. Но когда он сказал, что они любят друг друга, тут я и сделал это» (Luckenbill, 1977, p. 180).

Я полагаю, что преступник потерял самообладание, когда услышал ответ. Если учесть последующее объяснение, его явно мало беспокоила неверность жены. (Разве мужчины непременно теряют лицо при измене жены?) Совершенно очевидно, что его спровоцировала

угроза потери этой женщины. «И я сделал это», как он сам признался. По-видимому, вследствие сильного возбуждения, вызванного мыслью о потере, в приступе ярости он убил противника.

Мы не можем быть уверены в том, что все произошло именно так или, сказать точнее, что именно это мотивировало убийство; но несомненно, что большинство убийств, как и многие другие насильственные действия, являются высокоэмоциональными взрывами, управляемыми сильной страстью.

РЕЗЮМЕ

При рассмотрении криминальных убийств в Америке, имеющей самый высокий уровень такого рода преступлений среди технологически развитых стран, в этой главе предлагается краткий обзор важнейших факторов, приводящих к осознанному лишению жизни одного человека другим. Хотя роли личностей, склонных к насилию, уделяется большое внимание, анализ не включает рассмотрение более серьезных психических расстройств или серийных убийц.

Основные статистические данные, требующие объяснения, были хорошо известны с опубликования в 1958 году классической работы Марвина Вольфганга, анализирующей убийства в Филадельфии: наиболее часто убийца и его жертва имели низкий социально-экономический статус, были мужского пола и принадлежали к одной этнической или расовой группе. Большая часть убийц и их жертв были чернокожими и обычно хорошо знали друга друга до преступления. В преобладающем большинстве случаев имело место влияние алкоголя. Кроме того, в значительной части инцидентов, в которых жертвы явно играли активную роль при столкновении, по-видимому, убийства провоцировались со стороны жертвы. Согласно Вольфгангу, для большинства случаев характерно высокое эмоциональное напряжение участников, только незначительная часть убийств кажется хладнокровными и бесстрастными.

Хотя другие работы в основной своей массе подтверждают открытия Вольфганга, статистика за последние несколько десятилетий показывает рост числа убийств незнакомых преступнику людей. Можно предположить, что убийцы посторонних для них людей по многим важным аспектам отличаются от тех, кто лишает жизни своих знакомых. На основе концепций данной книги я предполагаю, что убийства незнакомых людей являются особыми случаями инструментальной агрессии, тогда как убийства знакомых, вероятней всего, являются последствием эмоциональной агрессии. Свидетельства в пользу такого разделения приводятся в настоящей главе вместе с открытиями, предполагающими, что рост числа убийств людей в процессе инструментальных, криминальных преступлений (особенно

ограблений) является следствием более частого применения огнестрельного оружия.

Я пытаюсь объяснить упомянутые выше статистические данные описанием персональных наклонностей преступников и социальными факторами, которые усиливают и/или ослабляют подавление агрессивности. Открытия многих ученых, включая Вольфганга, показывают, что убийцы чаще всего имеют свою историю агрессивных проступков и наклонности к применению насилия. Хотя некоторые исследователи говорят о «личностях со сверхконтролируемой агрессивностью», свидетельства в пользу наличия и частоты такого типа людей среди убийц малоубедительны. По-видимому, большинству признанных виновными в тяжких насильственных преступлениях свойственны высокий уровень эмоциональной реактивности и слабо подавляемая агрессивность. Я также считаю (хотелось бы ошибаться), что, вероятно, на данный момент имеет место рост числа людей, не только безразличных к страданиям других, но и причиняющих боль просто ради собственного удовольствия. Однако независимо от числа людей, склонных к насилию, и того, что нам о них известно, психиатрам и психологам невероятно сложно (а может быть, и невозможно) с помощью этой информации предсказать, совершит ли такой человек насильственное преступление — главным образом, из-за исключительности самих действий.

Рассматривается также роль причин, особенно тех, которые выступают в качестве социальных стрессоров. В целом характерна тенденция наиболее высокого уровня убийств для регионов страны с низким уровнем доходов, разваливающимися и перенаселенными домами и процентным преобладанием чернокожего населения. Социально-экономическое неравенство в конкретном районе определенно вносит вклад в высокий уровень насильственных преступлений, но справедливо и то, что на него, видимо, влияет и бедность сама по себе. В соответствии с тезисом настоящей книги, я предполагаю, что любая причина, вызывающая неудовлетворенность и раздражение, — нищета, расовая дискриминация, перенаселенность дома или изнурительная жара, — может дать толчок агрессивным наклонностям, которые могут привести к убийству.

Социальные причины, способствующие высокому росту числа убийств, обычно не только приводят к выплеску агрессии; большинство из них являются также факторами снижения подавления агрессивности. Социальная дезорганизация проявляется в слабом общественном контроле, ее отличительным признаком являются перенаселенные районы с забитыми нищетой, физически ослабленными людьми. В некоторой степени она может иметь место в районах с высоким уровнем разводов, так как уровень распада семей связан с уровнем убийств даже при статистически одинаковом уровне доходов.

Я рассматриваю также вероятность влияния субкультур, подразумевая главным образом возможное влияние на уровень убийств норм и ценностей, признаваемых определенной группой людей. При рассмотрении этой проблемы возникает следующий вопрос: является ли высокий уровень убийств, характерный для районов метрополий с высокой концентрацией чернокожего населения, следствием существования субкультуры насилия, которая поощряет или разрешает прибегать к агрессии? Согласно ряду проведенных статистических анализов, относительная частота убийств в данных сообществах неадекватно объясняется нищетой или социальным неравенством. Я предполагаю, что если бы субкультуры насилия действительно существовали, — а прямые свидетельства, подтверждающие их наличие, отсутствуют, — то их влияние ограничивалось бы определенными сегментами сообщества: малочисленными группами городской молодежи, которая расположена к насилию вследствие разочарования и отчуждения от общества. Модифицируя распространенную трактовку возможных субкультур, я полагаю, что положительное отношение к насилию и ценности, разделяемые данными молодыми людьми, не обязательно сознательно прививаются им взрослыми. Вероятнее, что формирование такого отношения и ценностей является результатом воспитания человека в атмосфере жестокости и разочарования, где насилие является распространенным.

Хотя данная глава сфокусирована в основном на факторах длительного воздействия на агрессивность, я выделяю также краткосрочные факторы влияния, которые могут способствовать совершению убийства. Тенденция роста уровня убийств в послевоенный период, выявленная Арчером и Гартнером, является одним из примеров краткосрочного влияния. Однако еще более очевидное краткосрочное влияние можно увидеть в случаях взаимодействия, которое приводит к насильственной смерти. До некоторой степени в инструментальных убийствах, то есть совершаемых в ходе других уголовных преступлений, но гораздо чаще при эмоциональных столкновениях со знакомыми, проявление агрессивных наклонностей тем или иным образом провоцируется противоположной стороной. Люди с обостренным реагированием и низким самоограничением могут убивать тех, кого воспринимают как врагов, особенно когда оружие легкодоступно.

Часть 4

КОНТРОЛЬ НАД АГРЕССИЕЙ

Нет необходимости повторять мрачную статистику. Печальный факт для всех весьма очевиден: жестокие преступления неизменно становятся более частыми. Как может общество сократить ужасающее число случаев проявления насилия, которое его так беспокоит? Что мы – правительство, полиция, граждане, родители и воспитатели, все мы вместе – можем сделать для того, чтобы наш социальный мир стал лучшим или, по крайней мере, более безопасным?

РАЗЛИЧНЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Специалисты, занимающиеся исследованием поведения человека, предлагают различные доктрины. Многие считают здравым наказывать преступников, которые нарушают наши законы. Это политика устрашения, которая широко поддерживается многими общественными социальными кругами, а также большинством полицейских агентств, юристов и довольно обширным рядом ученых. Если поведение можно контролировать посредством его последствий (так, как правило, утверждают ученые), значит, можно понизить уровень преступности, показывая потенциальным преступникам, что их злодеяния будут иметь негативные для них последствия[1]. Зигмунд Фрейд также симпатизировал методу устрашения. Он считал, что цивилизация в конечном счете основывается на силе, а не на любви и милосердии. Наши законы всегда «готовы направить свои силы против индивида, оказывающего им сопротивление»

---

[1] Уилсон и Гернстейн (Wilson & Herrnstein, 1985), наряду с другими учеными, предпочитают именно этот подход к контролю над преступным поведением и высказывают свои аргументы по этому поводу.

(Freud, 1933/1950). Угроза наказания оберегает закон и порядок и является основой, на которой построено общество.

Довольно большое число юристов и ученых-правоведов разделяют этот взгляд. Они настаивают: преступление карается законом для того, чтобы предотвратить дальнейшие проступки (хотя, конечно, это не является оправданием суровых санкций). Неумение надлежащим образом обращаться с негодяями только поощряет преступления. Как-то один англичанин выразил эту мысль так: «Люди не склонны к конокрадству, но лошади могут быть украдены».

Защитники системы наказания, конечно же, являются не единственными, кто высказывается по этому поводу. Встречаются и такие люди, кто утверждает, что применение наказания никоим образом не является столь эффективным способом снижения преступлений, как это подразумевается, и что оно редко приносит положительные плоды.

«Мир не становится лучше благодаря использованию силы или полицейских дубинок», — говорят они. Опасность понести тяжкое наказание в действительности не останавливает людей от убийства тех, кого они ненавидят, и, разумеется, не учит их решать свои ссоры дружеским и конструктивным способом. Еще хуже, говорят те же оппоненты, когда мы призываем к вынесению смертного приговора убийце. Тем самым мы толкаем к мщению и обнаруживаем примитивную сторону человеческой натуры. «Казня убийц, — заметил однажды один из авторов, — мы совершаем ту же ошибку, что и ребенок, бьющий стул, о который он ударился».

Как можно избежать подобной ошибки? Некоторые психологи, специалисты по психическому здоровью, полагают, что идеальным решением проблемы преступного насилия является, по общему мнению, поиск способов «очищения» и «освобождения» от сдерживаемых агрессивных импульсов. Они утверждают, что люди могут уменьшить силу импульсов, задействовав их иным образом: в воображении, или в реальной ситуации, или даже в спортивных соревнованиях. Я называю таких специалистов терапевтами-вентиляционистами, из-за их веры в успех «проветривания» чувств. Психологи также говорят, что такие психиатры придерживаются *гидравлической* концепции мотивации, так как они, по существу, считают, что внутри у человека есть некий резервуар, где аккумулируется агрессивная энергия, которая постоянно толкает его совершать физическое насилие (см.: Zillmann, 1979, p. 118–122; Berkowitz, 1970 b, July 1973 b; Geen & Quanty, 1977; Feshbach, 1984).

Некоторые специалисты по психическому здоровью, сторонники позиции «гидравлики мышления», в том числе Фрейд и его последователи, считают, что импульс к совершению насилия является инстинктивным и что он аккумулируется сам по себе как результат

неизвестных биологических процессов. Остальные хотя и не утверждают, что существует агрессивный инстинкт, тем не менее полагают, что люди ведут себя как склады спрессованных сильных импульсов. Согласно им, мы носим внутри себя последствия различных агрессивных импульсов, появившихся в результате угроз и фрустраций, пережитых нами в нашей жизни. Разумно, в целях сохранения нашего психического здоровья, дать разрядку этим сдерживаемым агрессивным побуждениям. Вентиляционист Фриц Перлс (Fritz Perls), один из создателей гештальттерапии, привел следующий аргумент:

> ***Если человек сдерживает агрессию... если он загнал в бутылку свою ярость, мы можем найти выходное отверстие. Мы должны дать возможность этому человеку выпустить пар. Когда он ударяет по мячу, колет дрова или выполняет любое другое агрессивное действие, например играет в футбол, часто случаются чудеса (Perls, 1969, p. 116).***

Сторонники более экстремальных подходов пошли гораздо дальше. Они приписывают многие болезни общества отсутствию достаточного числа выходов агрессивным импульсам. «Если общество в опасности, — сказал как-то один из них, — то это не из-за агрессивности людей, а потому, что их агрессивность подавляется» (Storr, 1968, p. 109). То есть, по общему мнению этих психологов, должны быть найдены соответствующие способы освобождения агрессивной энергии, которая образуется внутри нас.

Что является альтернативой, если эта концепция неверна? Обширное изучение вопроса показывает, что в этой концепции действительно допущена ошибка. Но что можно сделать в случае нашей неспособности реабилитировать сильных преступников или смирить их через игры в футбол, плавание на каноэ или восхождение на гору? Может быть, нужен какой-то иной способ психологического вмешательства, который бы придал особое значение воспитанию и излечению преступников? Карла Меннингера, известного во всем мире создателя Клиники Меннингера, настолько отталкивали традиционные способы борьбы с преступниками, что он назвал одну из своих книг *«Криминальность наказания»*. «И пока дух мщения носит некоторый отпечаток респектабельности, — писал он, — и проникает в общественные умы, вселяя этого дьявола в букву закона, мы не продвинемся ни на йоту вперед в направлении к обузданию преступлений» (Menninger, 1968, p. 165). По мнению Меннингера и многих других, лучший путь к снижению преступности — это реабилитация или очищение преступников.

Часть 4 посвящена этим трем основным способам контроля и снижения насилия: угрозе наказания людей, ведущих себя агрессивно, «разрядке» сильных импульсов посредством различных форм выплеска агрессивных эмоций и поощрению к освоению нового по-

ведения. Каждый из этих подходов сталкивается со многими трудностями. В главе 10 внимание сосредоточено на эффективности внешнего общественного контроля; также будет описано исследование системы наказания на примере введения смертной казни и ограничения возможности использования огнестрельного оружия. В главе 11 речь пойдет о психологических воздействиях на человека, о процедурах, направленных, по сути, на то, чтобы изменить побуждения человека нанести вред другому. В этой связи я хочу сконцентрироваться в основном на подходах, поощряющих людей выражать свои чувства и эмоциональные импульсы, а также на других психологических методах, в основном пытающихся помочь человеку освоить новое для него поведение.

Глава 10

НАКАЗАНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

Использование наказания для сдерживания насилия. Наказание: «за» и «против». Удерживает ли наказание от применения насилия? Снижает ли контроль над применением оружия количество преступлений, связанных с насилием?

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАКАЗАНИЯ ДЛЯ СДЕРЖИВАНИЯ НАСИЛИЯ

НАКАЗАНИЕ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

В главе 6 «Развитие склонности к насилию» описаны эффекты наказания в нескольких деталях, внимание сосредоточено на роли наказания в развитии относительно устойчивой манеры насильственного поведения. В этой главе я задаю вопрос, может ли угроза наказания минимизировать вероятность проявления агрессивности, главным образом когда потенциальный агрессор надеется, что он не понесет плату за свое поведение (см. также: Parke & Slaby, 1983; Solomon, 1964; Blanchard & Blanchard, 1986).

Даже с учетом этого различия многое из теорий и исследований, описываемых в главе 6, также применимо здесь. Обзор основных точек зрения будет очень полезен.

Аргументы против наказания как сдерживающего средства

Немало воспитателей и специалистов-психиатров осуждают использование наказания как попытки повлиять на поведение детей. Сторонники отказа от применения насильственных методов сомневаются в нравственности использования физического насилия, даже в целях социального блага. Другие специалисты настаивают на том, что эффективность наказания маловероятна. Оскорбленные жертвы, говорят они, могут приостановиться в совершении осуждаемых поступков, однако подавление будет лишь временным. Согласно этому взгляду, если мать шлепает своего сына за драку с сестрой, мальчик может на время перестать проявлять агрессию. Однако не исключена возможность, что он ударит девочку снова, особенно если полагает, что его мать не увидит, как он это делает. Что еще хуже, с точки зрения сторонников насильственных методов, он может даже стать более агрессивным.

❐ **Противостояние физическим наказаниям в школах.** Те же возражения, особенно возможность нежелательных побочных эффектов, направлены против использования телесных наказаний в школах. Еще в большей степени, чем наложение физического наказания, говорят оппоненты, избиение ударяет по самолюбию подростков и может даже усилить их непокорность. Кроме того, удар ребенка указкой или линейкой по ягодицам ничего не решает. Столкнувшись с этими протестами, двадцать американских штатов запретили телесные наказания в школах; девять из этих запретов вступили в силу закона в период с 1987 по середину 1990 года. Противники такой практики в Европе даже более единообразны. Что касается этого вопроса, ни одна европейская нация, за исключением Великобритании, не позволяет своим учителям физически наказывать учеников за нарушения дисциплины.

❐ **Опасность взрывов или выстрелов, как правило, не останавливает врага.** В то время как физическое наказание часто бывает неэффективным при применении к детям, оно может быть даже более бесполезным в случае со взрослыми. Приведем пример, который, скорее всего, не придет вам на ум в данном контексте: бомбежка американцами Северного Вьетнама во время вьетнамской войны показала, насколько неэффективным может быть наказание во многих случаях. Конечно, войска США могли бы сделать больше: они могли бы стереть с лица земли всю организованную оппозицию, нанеся ядерный удар по врагам. Но даже без ведения ядерной войны Соединенные Штаты нанесли жестокое наказание жителям Северного Вьетнама, сбросив на них большее количество бомб, чем было сброшено на Германию во время Второй мировой войны. И все было зря. Жители Северного Вьетнама продолжали свою борьбу, несмотря на смерть и разрушения. Как нам известно, в итоге они вытеснили Соединенные Штаты из Юго-Восточной Азии. Несмотря на весь нанесенный врагу ущерб, мы не смогли подчинить его своим желаниям, бомбардировки только укрепили его решительность[1].

---

[1] Карноу (Karnow, 1983) оценивает результаты истории вьетнамского конфликта следующим образом: «Американские воздушные удары против Вьетнама продолжались почти ежедневно с марта 1965 по ноябрь 1968 года. Сбрасывались миллионы тонн бомб, ракет и снарядов — приблизительно 800 тонн каждый день в течение трех с половиной лет... Одной из целей данной операции было нанести моральный удар ханойским лидерам и заставить их уйти с юга; другой целью было ослабить боевую мощь коммунистов. Однако ни одна цель не была достигнута ни на йоту... Макнамара, главный вдохновитель воздушной наступательной операции... утверждал: "Вражеские действия на юге, на основании тех отчетов, что я видел, не могли быть остановлены без воздушных бомбардировок — короче говоря, без фактического уничтожения Северного Вьетнама и его населения"» (p. 454).

❐ **Возможные опасности приклеивания ярлыков.** Социологи также определили другие возможные недостатки использования наказания в качестве процедуры социального контроля. Концепция социологов, известная как *теория приклеивания ярлыков,* утверждает, что многие становятся людьми с отклонениями в результате того, что им приклеивают ярлык «правонарушителя». Так как общество опасается их как дурных людей, их самоидентичность изменяется. Они начинают думать о себе как о людях вне закона и действуют соответственно. С этой точки зрения люди, наказанные системой уголовного правосудия, слишком подходящие объекты для навешивания ярлыка – сами себе или другими – «человека с отклонением от нормы» и «правонарушителя». Вместо того чтобы удержать их от правонарушений, наказание увеличивает вероятность совершения будущих преступлений, так как они действуют согласно этой идентичности (эта концепция обсуждается в: Gibbons, 1987; Sherman & Berk, 1984 a).

❐ **Наказание часто бывает неэффективным в случае с психопатами.** Что бы я ни говорил, неоспоримо, что угроза наказания особенно неэффективна для некоторых типов людей, особенно для психопатов. Как я уже упоминал в главе 5, эти люди имеют тенденцию быть в высшей степени импульсивными. По исследованию Джозефа Ньюмена (Joseph Newman's), психопаты часто упорствуют в своем поведении, они расположены всегда играть свою роль, даже когда им становится доступной информация, указывающая на то, что их поведение неуместно и оно, возможно, будет наказано. Резонно предположить тогда, что, если психопаты сильно расположены напасть на кого-либо, они могут быть совершенно невосприимчивы к информации об угрозе наказания. Фокусируясь на своем желании нанести вред тому, кто провоцировал их (цель их агрессии), они не сдерживают себя, так как не думают о возможных негативных последствиях своего поведения (см., например: Newman 1987).

Наказание может быть сдерживающим средством — иногда

И все же не стоит отказываться от наказаний раз и навсегда, несмотря на протесты против их применения. Такие протесты обоснованны, но не всегда. Как я отмечал в главе 6, при определенных условиях быстро наступающие негативные последствия, как физические, так и психологические по своей природе, могут удержать от антисоциального поведения без получения серьезных неблагоприятных побочных эффектов.

Я перечислял эти условия ранее, однако они настолько важны, что я повторю их снова. Согласно психологической теории и исследо-

ваниям, наилучшим образом наказание действует, если оно: 1) строгое; 2) применяется быстро, до того как личность, чье поведение необходимо контролировать, сможет насладиться удовольствием, которого она может достичь осуждаемым поведением; 3) осуществляется последовательно и уверенно, так что сомнений в том, что осуждаемое действие будет иметь по крайней мере хоть какие-то негативные последствия, практически не остается; 4) существует привлекательная альтернатива осуждаемому поведению; 5) люди, исполняющие наказание, ясно понимают здравый смысл дисциплины.

Теория и исследования также подтверждают, что мы не всегда можем заставить других вести себя правильно, угрожая им ужасными последствиями плохого поведения. Идеальные условия, перечисленные выше, существуют не всегда, и в действительности они относительно редки. Соединенные Штаты жестоко наказали Северный Вьетнам, как я говорил выше, и лидеры Северного Вьетнама, несомненно, хорошо знали о причинах акции США (хотя они не признали эти причины). Альтернатива, представленная правительством США (остановка борьбы и конфликтов с самостоятельным некоммунистическим государством Южный Вьетнам), не являлась привлекательной для северовьетнамских лидеров, и многие из их осуждаемых действий (такие, как введение войск в Южный Вьетнам и убийство солдат США и Южного Вьетнама) были наказаны или недостаточно быстро, или с недостаточной уверенностью. По существу, северовьетнамские лидеры полагали, что у них есть довольно хорошие шансы уйти от наказания, сделав то, что они хотели, несмотря на оппозицию США.

Существуют еще дополнительные трудности, связанные с эффективным использованием наказания для контроля над агрессией. Одной из таких трудностей является вознаграждение, которое может последовать за агрессией. Иногда невозможно предотвратить получение агрессорами вознаграждения за их действия. Люди, эмоционально возбужденные, вознаграждаются просто тем, что имеют возможность нанести вред своей жертве. Например, мальчик, спровоцированный сестрой, в ответ ударяет ее. Если мать хочет наказать сына, она, очевидно, не должна ждать, пока отец вернется с работы. Это будет слишком поздно. Однако если даже мать накажет обидчика сразу же, наказание может последовать после того, как девочка покажет, что ее ударили. Боль жертвы, таким образом, вознаграждает агрессора до того, как он будет наказан матерью.

Еще одна проблема произрастает из негативного аффекта, вызванного наказанием. Неприятные чувства, связанные с наказанием, с большой вероятностью подстрекают к последующим атакам, за исключением тех случаев, когда наказанный человек: 1) думает о нака-

зании, которое он может испытать, 2) может сдержать свои агрессивные импульсы и 3) имеет привлекательный альтернативный способ действия.

УДЕРЖИВАЕТ ЛИ НАКАЗАНИЕ ОТ ПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ?

Все эти психологические теоретизирования кажутся правдоподобными, можете подумать вы, однако насколько хорошо работают эти идеи в реальных условиях? В основе своей угроза наказания, по всей видимости, снижает уровень агрессивных нападений до некоторого уровня — по крайней мере, *при определенных обстоятельствах*, хотя факт не настолько очевиден, как этого бы хотелось.

Пример: аресты, удерживающие от применения физического насилия в семье

Важный эксперимент в реальных условиях был проведен вместе с полицейским участком Миннеаполиса, штат Миннесота, и Полицейским фондом (частной организацией, занимающейся исследованием всех аспектов работы полиции). Офицеры полиции не любят разбираться с семейными скандалами и часто вообще не расположены предпринимать какие-либо шаги, когда раздаются звонки по поводу драк. В середине 80-х годов было подсчитано, что по всей стране аресты были произведены лишь в 1% случаев, в которых совершалось нападение на жену (см.: Straus & Gelles, 1990). Даже когда полицейские уверены в законности своих действий, даже когда они арестовывают нападавшего, они все равно знают, что суды вряд ли вынесут им законное наказание. Кроме того, семейные проблемы кажутся им вообще не имеющими решения. Даже если бы они хотели что-либо сделать, непонятно, что именно делать.

Специалисты различного рода с легкостью дают полицейским советы, однако не все они предписывают выполнение одних и тех же действий. Некоторые психологи и социальные работники полагают, что полиция должна быть активным миротворцем: что офицеры, расследующие бытовые споры, прежде чем производить арест, должны пытаться урегулировать конфликт дружелюбно, насколько это возможно, и даже проконсультировать непримиримых супругов. Другие строго критикуют эти рекомендации, особенно члены воинственных женских группировок, которые мало симпатизируют мужчинам, нападающим на женщин. Они утверждают, что таких мужчин нужно наказывать (т. е. арестовывать), а не консультировать.

При проведении эксперимента в Миннеаполисе исследователи пытались изучить, что более эффективно в снижении вероятности применения насилия в семье — консультации или аресты. Когда полицейские, участво-

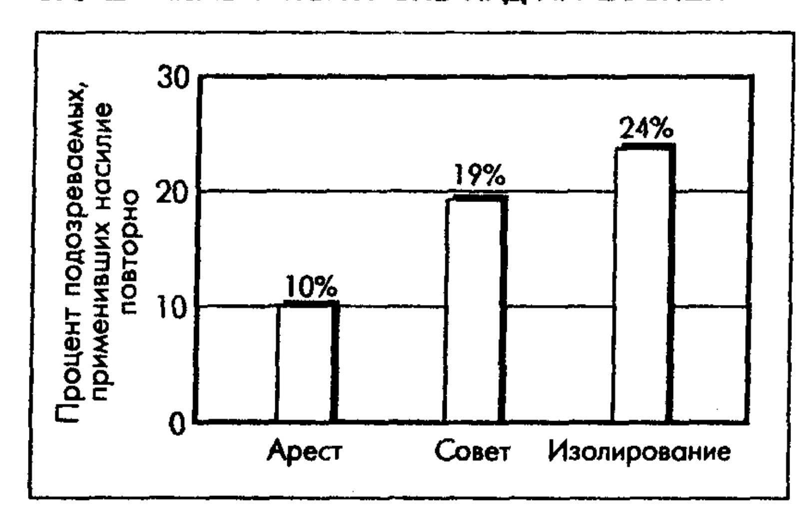


Рис. 10-1. Процент повторного применения насилия в течение 6 месяцев при разных способах воздействия, согласно официальным данным полиции. (Данные из: Sherman & Berk, 1984 b), рис. 1. Перепечатано по разрешению Полицейского фонда.)

вавшие в исследовании, прибывали на место происшествия, вначале они определяли, удовлетворяет ли случай критериям эксперимента: присутствуют ли оба члена семейной пары, было ли нападение совершено в течение последних четырех часов и подлежит ли нападение только судебному разбирательству (т. е. избиение достаточно сильное для того, чтобы последовал арест, однако не настолько сильное, чтобы были нанесены серьезные раны или существовала угроза жизни). Затем подходящие случаи случайным образом относились к одному из трех вариантов последствий: 1) нападающий был арестован; 2) офицеры выслушивали участников спора и пытались дать им совет, как устранить конфликт; 3) офицеры разделяли мужчину и женщину, изолируя напавшего хотя бы на несколько часов от семьи. (Важно понять, что арестованные не заключались в тюрьму на длительный срок; более 40% из них были освобождены в течение дня, а почти 90% были отпущены через неделю или ранее.) Наблюдение за этими семьями продолжалось в течение последующих 6 месяцев, чтобы посмотреть, что происходит далее и, особенно, повторяются ли случаи жестокого обращения.

Как показано на рис. 10-1, арест оказался наилучшим средством предупреждения агрессивного поведения в дальнейшем. По официальным записям полиции, только 10% мужчин, арестованных за жестокое обращение со своими женами, были арестованы в течение следующих 6 месяцев снова. Столь низкий уровень повторных случаев применения насилия контрастирует с 19% мужей, выслушавших советы, и 24% «изолированных» мужчин, арестованных в дальнейшем за применение насилия против своих жен.

Сделанные открытия, несомненно, имеют важное практическое значение для социальной политики, и эксперимент привлек внимание всей нации. Полицейский отдел Миннеаполиса был настолько поражен результатами, что изменил свою политику относительно насильственных случаев в семье. Сами исследователи решили, что желательно уполномочить полицию применять арест даже в про-

стых случаях физического насилия в семье, «если нет веских причин, по которым арест не может быть произведен»[1].

❐ Ограниченность сдерживающего эффекта арестов. Однако мы должны быть осторожными в оценке результатов, полученных в Миннеаполисе. Я обратил внимание на то, что наказание является эффективным средством регулирования только при определенных условиях, и поэтому мы не должны ожидать, что арест всегда является хорошим средством для сдерживания правонарушений. Эту ограниченную эффективность можно увидеть и в самом эксперименте в Миннеаполисе, но с большей очевидностью она проявилась при последующих попытках повторить основное исследование.

Только некоторых людей можно удержать от применения насилия. Прежде всего, не вызывает сомнений то, что для одних людей аресты могут быть намного более эффективным способом, удерживающим от правонарушений в будущем, чем для других. Вспомним, что арестованные мужчины в эксперименте в Миннеаполисе не наносили серьезных травм женщинам. Значит, можно предположить, что они не были слишком возбуждены и не теряли полного контроля над своим поведением. К тому же, вероятнее всего, большинство из них не были ни чрезвычайно эмоциональными людьми, ни агрессивными психопатами. Не испытывая сильного возбуждения, они в состоянии были себя сдерживать и помнить о возможных негативных последствиях применения насилия. Позже, когда их вновь провоцировали, они могли бы вспомнить, что их могут арестовать, если они ударят свою жену, и поэтому себя сдерживали.

Сдерживающий эффект от арестов со временем может ослабевать. В общем, угроза наказания удерживает людей от совершения правонарушений только в той степени, в какой они способны думать о возможных негативных последствиях, когда испытывают соблазн перейти границу закона. Это означает, что для многих людей, по крайней мере по истечении времени, первые аресты за правонарушения могут перестать быть эффективным сдерживающим средством от последующего нарушения закона. Наказание, понесенное ранее, постепенно стирается из памяти.

Переосмысление данных, полученных во время исследования в Миннеаполисе, показывает нам, как с течением времени уменьшается степень, в которой аресты оказывают контролирующее влияние на применение насилия в семье. Когда команда исследователей при-

---

[1] См.: Sherman & Berk (1984 a, 1984 b). Berk & Newton (1985) сообщили более свежие данные, подтверждающие результаты, полученные в Миннеаполисе. Полицейские аресты в Калифорнии в случаях избиения жен, по-видимому, снизили вероятность последующих арестов за применение насилия в семье в течение 28 месяцев исследования.

стально изучила результаты этого исследования, она обнаружила, что «эффект ареста как средства устрашения недолговечен; большинство сдерживающих эффектов, проявившихся в начале, исчезли по истечении последующих шести месяцев»[1].

Другие исследования применения арестов в случаях жестокого обращения в семье проводились в следующих направлениях. Национальный институт юстиции, поддержавший первые исследования, проводившиеся в Миннеаполисе, финансировал серьезные исследования в других американских городах — в том числе в Омахе, Небраске, Шарлотте, Северной Каролине, Милуоки и Висконсине — для того, чтобы определить, насколько политика арестов могла бы снизить число случаев применения насилия в семье. Результаты этого более позднего исследования были чрезвычайно неоднозначными, не было обнаружено и последовательных свидетельств того, что аресты способны снизить число повторных случаев применения насилия в семье. Каким бы ни был сдерживающий эффект, он в основном представлялся относительно временным.

Данные, полученные в ходе тщательно продуманного и хорошо организованного эксперимента в Милуоки и собранные Лоренсом Шерманом и его коллегами по Институту контроля над преступностью (научно-исследовательская организация) в Мэриленде, наводят на размышление. Когда полицейские г. Милуоки, входившие в исследовательскую команду, сталкивались со случаем избиения в семье, который мог бы привести к аресту, они случайным образом относили подозреваемого (почти во всех случаях — мужчину) к одной из трех категорий и, таким образом, его ждал один из трех вариантов последствий: 1) *самый настоящий арест*, когда подозреваемому говорили, что за избиение его арестовывают, на него надевали наручники и заключали в тюрьму приблизительно на 11 часов; 2) *кратковременный арест*, когда подозреваемый также обвинялся и заключался в наручники, однако ему сообщали, что «его могут отпустить спустя несколько часов» и затем отправляли в тюрьму на 3 часа; 3) *получение предупреждения*, когда никто не арестовывался, однако людям, причастным к случившемуся, говорили, «что кто-то пойдет в тюрьму», если полицейскому придется вернуться. В эксперимент были вовлечены более 1000 пар из четырех районов, где обитали чернокожие с довольно низким уровнем жизни.

Беседы с участниками приблизительно через месяц после события *показали, что как долговременный, так и краткосрочный арест снизили* риск повторения применения насилия. Таким образом, в то время как из тех, кто получил предупреждение, в отчет о свершении новых правонарушений в течение следующих шести месяцев попали 17%, из тех, кто подвергся «полному» и «кратковременному» арестам, туда попали лишь 6% и 7% соответственно. Однако аресты потеряли свое предупреждаю-

---

[1] Как процитировано у Sherman et al. (1991), p. 833, Tauchen и др. (1986) пересмотрели данные эксперимента в Миннеаполисе.

щее значение, когда прошло несколько месяцев; приблизительно 30% людей в каждой группе повторно прибегали к насилию спустя шесть месяцев после первого зарегистрированного случая. Когда их прежний опыт остался в прошлом, в пылу ссоры прежде арестованные, по-видимому, были не в состоянии остановиться и подумать о возможных последствиях и поэтому не особенно склонны были себя сдерживать[1].

Строгость и неизбежность наказания

Не знаю, насколько я прав в своей интерпретации проведенных экспериментов, но мне кажется, что там в первую очередь рассматривается, насколько действенными будут юридические санкции в сдерживании применения насилия в семье в зависимости от степени строгости и неизбежности наказания. В действительности *теория сдерживания*, хорошо известная криминологическая концепция, описанная ранее, говорит именно об этом. Общество, по-видимому, может снизить число случаев противозаконного поведения, показывая потенциальным нарушителям, что их почти наверняка ждут серьезные последствия, если они нарушат закон. Хотя это кажется очевидным, вас, возможно, все же удивят некоторые результаты, полученные криминологами при исследовании способов наказания.

Открытия, сделанные относительно строгости наказания, особенно поражают. В Соединенных Штатах требование общества пожестче обращаться с преступниками обычно трансформируется в длительное заключение опасных преступников в тюрьму. Однако это отнюдь не означает, что угроза провести долгое время в камере действительно препятствует совершению преступления. Согласно материалам исследования, проведенного по заказу Национальной академии наук, существует не много серьезных доказательств, что длительное заключение имеет сильный сдерживающий эффект. Если заключенные являются наркоманами, ворами, любителями управлять машиной в нетрезвом состоянии или даже убийцами, исследователи «сомневаются, что от преступления можно удержать уси-

---

[1] Sherman et al. (1991). По мнению исследователей, есть сведения, полученные спустя несколько лет после получения первоначальных данных, что процедура краткосрочных арестов привела к долговременному «криминогенному» эффекту, то есть большему числу насильственных случаев в семье по сравнению с группой, получившей предупреждение. Шерман и его коллеги также отметили (р. 842–843), что «лечение» арестом в экспериментах в Омахе и Шарлотте тоже, по-видимому, произвело криминогенный эффект. Объяснение этого заключалось в том, говорят они, что «постоянная схема ослабления первоначального сдерживающего эффекта подтверждает, что краткосрочный арест вызывает страх, который быстро стирается. Тогда раньше (как в Шарлотте и Омахе) или позже (как в Милуоки) ярость побеждает и память о предыдущем аресте может стать вызовом – человеку хочется доказать, насколько он "сильная личность"...» (р. 843–844).

лением строгости наказания»[1]. Неизбежность наказания кажется более важной. Результаты исследования, упомянутого выше, предполагают, что преступность сокращается, когда воспринимаемая вероятность ареста и заключения в тюрьму становится выше. Наказание, видимо, должно быть достаточно строгим, чтобы причинить страдание, однако вероятность наказания имеет большее значение в сдерживании преступления, чем его сила[2].

Устрашение никогда не может быть совершенным, отчасти потому, что отнюдь не каждый преступник несет наказание. Многие случаи нарушения закона не обнаруживаются. Но даже если нарушения обнаруживаются, нарушители не всегда бывают пойманы и наказаны. Это касается преступлений, связанных с насилием, а также дорожно-транспортных нарушителей и мошенников. Вопреки впечатлению, создающемуся после прочтения детективных историй, большинство преступников арестовывают тогда, когда свидетель оказывается способным его идентифицировать, или тогда, когда полиция очень быстро приезжает на место и застает нарушителя практически с поличным. Так как нападения на посторонних людей с меньшей вероятностью бывают засвидетельствованы и/или быстро привлекают внимание полиции, чем случаи применения насилия в семье, соответственно они реже ведут к арестам. Собственно говоря, большая доля преступлений, связанных с насилием, не приводит к аресту и наказанию. Десятилетие назад, согласно данным, представленным Питером Гринвудом (Peter Greenwood), несмотря на то что почти три четверти зарегистрированных в Соединенных Штатах убийств закончились арестом, только 59% нападений с отягчающими обстоятельствами, 48% изнасилований и одна четверть краж привели к такому же результату[3]. Процентное соотношение будет даже меньше, если сегодняшняя тенденция роста случаев применения насилия

---

[1] Обзор Национальной академии наук приведен в: Greenwood (1982). Цитата в конце параграфа — из: Waldo & Chiricos (1972). Данные, свидетельствующие о том, что мы не можем с уверенностью сказать, что усиление строгости мер наказания сокращает случаи вождения автомобиля в нетрезвом виде, основываются на обозрении Росса, о котором упоминается: Blanchard & Blanchard (1986), p. 144.

[2] Greenwood (1982) пришел к следующему заключению: «Кроме того, что в этих исследованиях обнаружены факты, согласующиеся с гипотезой сдерживания, в них предполагается, что возможность заключения в тюрьму намного более важна, чем длительность отбываемого срока» (p. 338). Однако Piliavin, Gartner, Thornton & Matsueda (1986) высказывают противоположные мнения.

[3] Greenwood (1982), p. 324. Криминальная статистика, приводимая: Blanchard & Blanchard (1986, p. 146), показывает, что в отчеты занесены около половины всех насильственных преступлений в Соединенных Штатах и что из них только около 43% приводят к аресту. Более 70% случаев, дошедших до судебного разбирательства, заканчиваются просто осуждением.

против незнакомых людей будет усиливаться. Представьте себе, что это может означать для людей, которые замышляют нападение на других. Даже если они знают о возможных неблагоприятных последствиях, им известно, что есть некий шанс, что их агрессивные действия не будут наказаны по закону.

Удерживает ли смертная казнь от убийства?

Как насчет максимального наказания? Снизится ли число убийств в обществе, если убийцам будет грозить смертная казнь? Этот вопрос горячо обсуждается. Сотни книг и статей написаны о моральности, разумности и эффективности смертной казни, множество эмпирических исследований проведено для того, чтобы установить, сильно ли сдерживает убийц угроза смертной казни.

Проводились исследования различного рода. В некоторых из них использовались сравнения ситуаций в странах (или отдельных штатах США), где применяют или не применяют смертную казнь на практике. В известном исследовании такого рода Торстейн Селлин (Thorstein Sellin) рассматривал уровни различных случаев убийств в США в период 1920–1958 гг. В основном он сравнивал штаты, отличающиеся своей политикой по отношению к смертной казни, но похожие по своим географическим и демографическим признакам. Селлин говорит, что угроза применения смертной казни, по-видимому, не влияет на уровень совершенных в штате убийств. В штатах, где применяли смертную казнь, в среднем не совершалось меньше убийств, чем в штатах, где смертная казнь не применялась. Другие исследования того же рода в большинстве своем пришли к такому же выводу[1].

[1] Две статьи Селлина перепечатаны в: Bedau, 1967. Метод Селлина и полученные им в процессе двух исследований данные приведены здесь, а ниже подытожены в: Shin, 1978; цитата в следующем параграфе взята там же. Эрлих (Ehrlich, 1975) доказывал, что исследование Селлина некорректно. Используя данные по Соединенным Штатам с 1932 по 1970 год, Эрлих провел ряд сложных статистических исследований и пришел к выводу о том, что применение смертной казни, как правило, производило сильный сдерживающий эффект. Его исследование, по общему мнению, повлияло на некоторых судей Верховного суда, когда в 1976 году они принимали решение о возобновлении высшей меры наказания. Однако другие авторы, в том числе сотрудники Национального совета по исследованиям, настаивают, что исследование Эрлиха сомнительно с точки зрения методологии и реальности. Исследователи, смотрящие на это со стороны, например Натансон (Natanson, 1987), пришли к согласию, что критика «вызвала сильные сомнения в правильности доказательств Эрлиха, что смертная казнь является наилучшим способом сдерживания насилия» (p. 26).

Можно также поискать доказательства положительного влияния смертной казни, задавая вопрос, как менялось число убийств в стране после национального разрешения применения смертной казни. Хотя Верховный суд США первоначально запретил исполнение смертного приговора по причине его жестокости, непривычности и неконституционности, затем, в 1976 году, он изменил свое решение и разрешил использовать это наказание в отдельных случаях. По мнению социологов Рут Петерсон и Уильяма Бейли (Ruth Peterson & William Bailey), это изменение не привело к тому, что американцы стали реже убивать друг друга. После тщательного изучения важных статистических данных они пришли к выводу, что «нет указаний на то, что возврат к смертной казни... оказывает систематическое влияние, приводящее к снижению числа убийств» (Peterson & Bailey, 1988).

Селлина интересовал также и другой вопрос: подвергается ли большей опасности полиция при практическом отсутствии смертной казни. Как-никак они находятся на передовой линии и часто сталкиваются с вооруженными нарушителями. Может быть, преступники менее охотно стреляют в полицейских, когда они знают, что за убийство подвергнутся смертной казни. Однако, сравнивая штаты, где применяют смертную казнь, со штатами, где ее не применяют, Селлин вновь не нашел никаких различий в числе случаев убийства полицейских во время выполнения ими служебных обязанностей. Эти результаты подтверждаются и другими исследованиями. «Мы не можем сказать, — резюмирует Селлин, — что штаты, отменившие смертную казнь, таким образом подвергли жизнь полицейских большей опасности».

Сравнения числа убийств в различных странах также потерпели неудачу в своих поисках случаев, когда смертная казнь снижает уровень убийств в стране. Методологически сложные исследования были проведены в девяти странах, использовавших смертную казнь, и в одиннадцати, не использовавших. После сверки полученных результатов по таким пунктам, как уровень индустриализации, безработицы и безграмотности, было обнаружило, что у наций, которые приговаривают убийц к смерти, уровень убийств самый высокий (Shin, 1978).

Исследования, которые я описал, в основном изучали долговременное влияние смертной казни. Другие исследования изучали краткосрочный эффект, задаваясь вопросом, может ли введение обществом смертной казни привести к сокращению числа убийств хотя бы на короткое время. По-видимому, такой временный эффект имеет место. Так, если средства *массовой информации будут время от времени* широко публиковать статьи о случаях применения насилия или показывать репортажи об этом, не забывая упоминать, что за

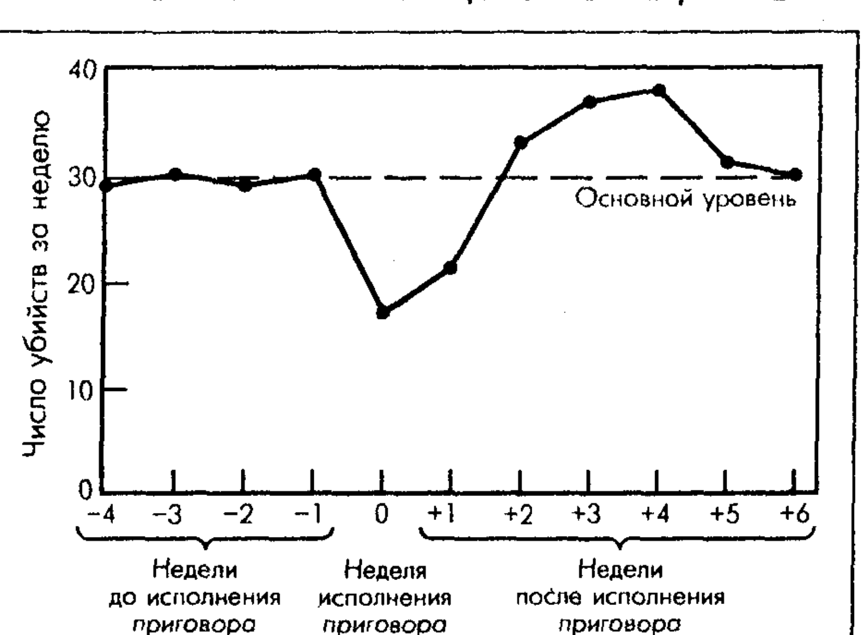


Рис. 10-2. Количество убийств в неделю до, в течение и после освещения в печати 22 фактов исполнения смертной казни (Лондон, 1858–1921). (Phillips, 1980 b, american Journal of Sociology, 86. Copyright 1980 University of Chicago Press. Адаптировано с разрешения.)

преступлением обычно следует наказание, то это будет напоминать потенциальным убийцам о высшей мере наказания, которая может быть применена к ним, если они отнимут жизнь у другого человека. Возможно, вследствие этого они постараются сдержать свои агрессивные наклонности — по крайней мере, на короткое время.

Дэвид Филипс (David Phillips), чья работа упоминалась в главе 7 «Насилие в средствах массовой информации», указывает на такой эффект подавления побуждения совершить убийство. Проанализировав частоту появления публикаций в британской прессе, в которых говорилось об исполнении смертельных казней в период с 1858 по 1921 год, он обнаружил, что, по-видимому, газетные публикации повлияли на уровень убийств в Лондоне. В целом, как показано на рис. 10-2, наблюдалось статистически значимое снижение числа убийств в Лондоне в течение двух-трех недель после появления наибольшего числа сообщений о казнях. Интересно, что в соответствии с другими открытиями Филипса это снижение существенным образом связано с вниманием прессы к исполнению смертельных приговоров. Создается впечатление, что многие убийства не состоялись потому, что некоторые потенциальные убийцы, хорошо осознав, что они могут получить высшую меру наказания, обуздали самих себя.

Однако их сдерживание самих себя было временным. Согласно Филлипсу, уровень убийств в Лондоне вышел за пределы основного уровня двумя неделями позже — вероятно, в связи с тем, что времен-

но сдерживавшие себя убийцы решили довести до конца свой первоначальный план. Угроза смертной казни, несомненно, подавляет будущие убийства, только если угроза получить высшую меру наказания еще свежа в общественной памяти[1].

Очевидно, что защитники и оппоненты смертной казни вынесут различные уроки из приведенных данных, но они могут также пожелать обсудить и результаты более позднего анализа случаев убийств, совершенных в США в 70-е годы, проведенного Филипсом и Хенсли (Phillips & Hensley). В этом случае за исполнением смертной казни следовало временное понижение числа более поздних убийств. После каждого смертного приговора по всей стране в среднем было приблизительно на три убийства меньше, чем могло бы ожидаться. Однако Филипс обнаружил, что это снижение происходило только тогда, когда факт исполнения смертельного приговора широко освещался в программах национального телевидения. Широко освещаемый факт осуждения к пожизненному заключению приводил приблизительно к тому же уровню снижения убийств (краткие выводы см.: Phillips, 1986, p. 242–246).

В итоге доказательств, что смертная казнь может удерживать от убийств в течение длительного периода времени, так и не было получено. Данные, проанализированные Филипсом, указывают только на временный эффект, а его результаты в лучшем случае приводят лишь к предположениям. Правда, другие исследования подобного рода пришли к несколько другим заключениям. По меньшей мере в одном из них сообщается об увеличивающейся частоте убийств, следующих за исполнением смертной казни[2]. Возможно, следует сказать, что на данный момент нет строгих доказательств ни «за», ни «против» сдерживающего эффекта смертной казни. Никто не может с уверенностью утверждать, что угроза высшей меры наказания определенно снижает число случаев убийств в Соединенных Штатах.

Это утверждение, возможно, удивит. С точки зрения здравого смысла большинство людей считают, что смертная казнь успешно

---

[1] См.: Phillips (1986). Временное сокращение убийств, последовавшее за быстрым скачком числа этих преступлений, чем-то похоже на модель, изложенную Берковицем & Макалау (Berkowitz & Macaulay, 1971) после убийства президента Кеннеди. Может быть, внезапное снижение числа убийств в декабре 1963 году было вызвано наказанием, присужденным Ли Харви Освальду, убийце-фанатику, обвиняемому в конце ноября: его убийством Джеком Руби в тюрьме в Далласе, Техас, в то время как вся нация смотрела телевизор. «Казнь» Освальда, которую снова и снова показывали по национальному телевидению в течение нескольких дней, была драматической демонстрацией убийства, являющегося наказанием. Однако даже этот урок, очевидно, был вскоре забыт.

[2] Bowers & Pierce, как процитировано в: Natanson, 1987, p. 28–29.

снижает уровень убийств. Однако этот взгляд игнорирует два несомненно важных момента, которые я подчеркнул в этой главе: во-первых, многие насильственные действия совершаются импульсивно, при этом возможным негативным последствиям уделяется чрезвычайно мало внимания; и, во-вторых, даже если преступники осознают в это время, что они могут быть наказаны, у них есть причина полагать, что они смогут уйти от наказания. Такая точка зрения поддерживает убийц и других агрессивных преступников. Только семь из десяти убийств, привлекших внимание полиции, приводят в результате к арестам. Только в 70% случаях, согласно той же статистике, выносится приговор, хотя не обязательно для убийств первой степени. Некоторые люди уходят от наказания за свои преступления. Не каждое убийство наказывается смертным приговором, даже если судебные органы имеют на это право.

Но как бы то ни было, имеет смертная казнь сдерживающий эффект или не имеет, все чаще высказываются предположения, что длительное заключение в тюрьму производит более сильное сдерживающее влияние, чем смертная казнь. Это серьезный социальный и моральный вопрос: имеет ли общество право выносить своим согражданам смертный приговор. Все большее количество развитых стран отказываются от такой практики, и не исключено, что вскоре Соединенные Штаты Америки останутся совершенно одинокими в таком решении вопроса.

СНИЖАЕТ ЛИ КОНТРОЛЬ НАД ПРИМЕНЕНИЕМ ОРУЖИЯ КОЛИЧЕСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАСИЛИЕМ?

Редко встречаются люди, которые действительно хотят читать о социальных болезнях Соединенных Штатов. Мы не хотим знать о том, что многие наши сограждане бедны, бездомны или умирают от СПИДа, а особенно не хотели бы говорить о преступлениях. Мрачные цифры сообщают о проблемах, которые, по нашему мнению, нам неподвластны. Однако статистике преступлений с применением оружия мы уделяем большее внимание, так как полагаем, что в этом случае мы способны отыскать решение хотя бы одной из социальных болезней, которые так обременительны для нашего общества[1].

---

[1] Статистические данные об огнестрельном оружии, приведенные в следующих параграфах, взяты в Бюро по юридической статистике Национального совета по правонарушениям. Как утверждалось в *New York Times* от 9 июля 1990 года, международные сравнения позаимствованы, в свою очередь, у Фингерхута и Клейнмана (Fingerhut & Kleinman, 1990) в Национальном статистическом центре Соединенных Штатов.

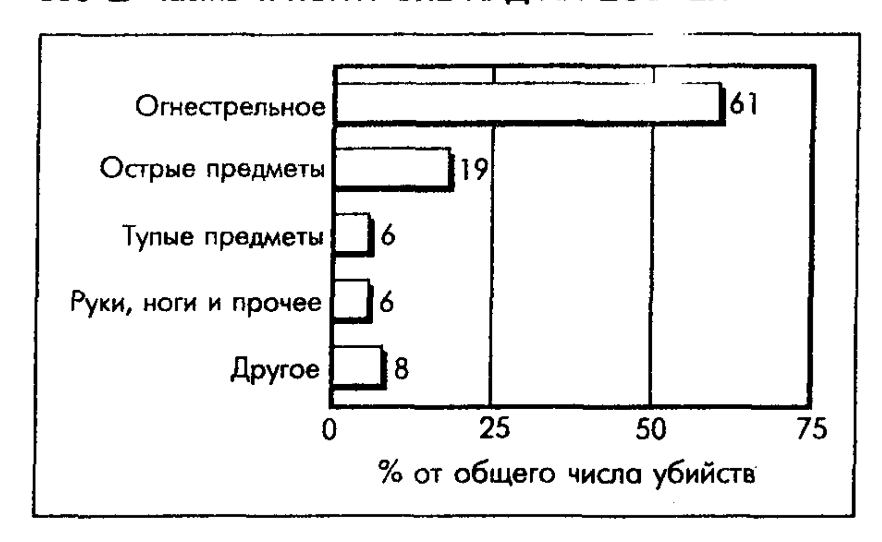


Рис. 10-3. Виды оружия, которые были использованы при совершении убийств в США (1988). (Данные из New York Times, август, 1980.)

Согласно сведениям, предоставленным Министерством юстиции США, в период с 1979 по 1987 год в Америке ежегодно совершалось около 640 000 преступлений с применением оружия. Свыше 9000 этих преступлений были убийствами, свыше 12 000 — изнасилованиями. Более чем в половине случаев убийств они совершались с использованием оружия, примененного в споре или драке, а не при совершении грабежа. (Более подробно о применении огнестрельного оружия я расскажу позже в этой же главе.)

Давайте сравним Соединенные Штаты с другими нациями. Национальный статистический центр сообщает нам о том, что в 1987 году три четверти убийств в США были совершены с помощью огнестрельного оружия, в то время как в других развитых странах в среднем цифра — 23%. Вот один из примеров подобного отличия: несмотря на то что города США и Канады имеют абсолютно одинаковый уровень преступности, уровень убийств в Сиэтле значительно выше по сравнению с соседним канадским городом. По существу, отличие состоит в том, что в городах США чаще применяется огнестрельное оружие.

Согласно отчетам о преступлениях в США, если при лишении чей-то жизни было применено оружие, то очень высок шанс, что это оружие будет огнестрельным. Как показано на рис. 10-3, оружие было использовано в 60% убийств, совершенных в США, которые были зарегистрированы полицией в 1988 году.

Вопрос заключается в том, может ли правительство сократить уровень преступлений, связанных с насилием над личностью, и особенно убийств, путем сокращения количества оружия в целом и ручного огнестрельного оружия, в частности?

Все в большей степени полицейские власти предпочитают именно такие способы борьбы. Руководители многих головных полицейских

организаций объединились в своих усилиях добиться того, чтобы Всемирный Конгресс по принятию федеральных законов принял решение о контроле над применением оружия. Полицейские некоторых крупных американских городов часто выступают в прессе с призывами наложить ограничения в этой области. Вилли Л. Уильямс, ранее комиссар полиции Филадельфии, а в настоящее время шеф полиции в Лос-Анджелесе, несколько лет назад утверждал, что строгий контроль над использованием оружия мог бы помочь обуздать число убийств в Филадельфии (которое достигло в 1989 году цифры 489). Он говорил о том, что рост случаев использования полуавтоматического оружия во время преступных нападений просто ужасает, что он горячо поддерживает предложения запрета на применение этого вида оружия, представленные в сенат США. Однако Уильямс также с горечью отмечал, что эти запреты уже существенно запоздали, чтобы заметно сократить случаи убийств. «Вокруг так много подобного оружия», – говорил он (Hinds, *New York Times*, July 18, 1990).

Некоторые возражения против контроля над приобретением оружия

Не только полицию беспокоит проблема приобретения оружия, по крайней мере, несколько лет назад многие социологи и криминалисты задавались вопросом, действительно ли контроль над оружием приведет к снижению уровня преступности[1]. Давайте коротко рассмотрим некоторые основные возражения против ограничений, наложенных на приобретение огнестрельного оружия (не углубляясь в юридическую и конституционную аргументацию).

❑ **«Так много оружия вокруг».** Оппоненты этих ограничений часто обращают внимание прежде всего (по мнению шефа Уильямса) на то, что уже столько огнестрельного оружия у людей на руках, что контроль над ним будет неэффективен. Около десяти лет назад социологи Джеймс Райт, Питер Росси и Кетлин Дейли (James Wright, Peter Rossi & Kathleen Daly) подсчитали, что в руках частных лиц находится более 100 млн. единиц оружия и что почти в половине американских домов хранится хотя бы одно ружье или пистолет. Со

---

[1] Райт, Росси и Дейли (Wright, Rossi & Daly, 1983) опубликовали обзор соответствующей литературы, в которой в основном рассматривается вопрос о целесообразности введения закона о контроле над оружием. Лестер (Lester, 1984) также утверждал, что не существует серьезных доказательств, что такой закон снизил бы уровень убийств. Кейтс (Kates, 1979), профессор юриспруденции, также скептически относится к введению запрета на огнестрельное оружие.

столь огромным резервом оружия (*доказывали они*) *слишком поздно* как-то бороться: «С таким складом оружия можно осуществить любые преступные намерения, замышляемые по крайней мере до начала следующего столетия... Так как же мы собираемся добиться какого бы то ни было существенного сокращения количества доступного огнестрельного оружия?» (Wright et al., 1983, p. 320).

❒ **«Оружие используется для защиты».** Наибольшее количество оружия в американских домах использовалось на законных основаниях – конечно же, процент использования оружия для охоты и спорта, а также в целях самозащиты, очень высок. Жители Соединенных Штатов, кажется, особенно заинтересованы в безопасности, которую (как они полагают) обеспечивает их оружие. По результатам общественного опроса, даже люди, использующие оружие в основном как хобби, склонны полагать, что их дома лучше защищены благодаря оружию, которое имеется у них. При ограничении доступности оружия, согласно доводу, использовавшемуся оппонентами контроля над оружием, создаются серьезные препятствия для охотников и спортсменов, а также это касается возможностей людей защищать себя.

❒ **«Будет использоваться какое-либо другое оружие».** Другой довод, который часто используют люди, возражающие против контроля над оружием, особенно важен в контексте этой дискуссии. Мы говорили, что недоступность огнестрельного оружия лишь заставит людей, собирающихся совершить убийство, искать замену. Криминалист Марвин Вольфганг, основываясь на данных, полученных в его ставшем сейчас уже классическим исследовании убийств в Филадельфии в 1958 году, выразил это следующим образом: «Немногих убийств, совершенных в результате выстрела, можно было бы избежать просто потому, что огнестрельное оружие не было бы легкодоступно в тот момент... для достижения своей цели преступник выбрал бы тогда какое-либо другое оружие» (Wolfgang, 1958, p. 83). Если большинство убийств совершаются при помощи огнестрельного оружия, продолжает он, это происходит в результате того, что убийцы просто предпочитают именно этот вид оружия по сравнению с другими, и не более того. Это утверждение Вольфганга согласуется с хорошо известным аргументом Национальной стрелковой ассоциации (НСА): «Не ружья убивают людей. Люди убивают людей».

Некоторые ответы на возражения

Здесь не место для подробного обсуждения множества публикаций, посвященных полемике об оружии, однако можно ответить на *приведенные выше возражения по поводу контроля над огнестрельным* оружием. Начну с широкораспространенного в нашей стране

предположения, что оружие обеспечивает защиту, а затем вернемся к утверждению: «Не ружья убивают людей» — к вере в то, что огнестрельное оружие само по себе не способствует совершению преступлений.

Как часть продолжающейся кампании против усилий, направленных на уменьшение доступности огнестрельного оружия, НСА любит публиковать случаи, в которых обычные люди используют оружие для защиты от вооруженных преступников. НСА настойчиво утверждает, что легально хранящееся огнестрельное оружие чаще сохраняет жизнь американцам, чем лишает их жизни. Еженедельный журнал *Time* оспорил это утверждение. Взяв наугад одну из недель 1989 года, журнал обнаружил, что в течение семи дней в Соединенных Штатах от огнестрельного оружия погибли 464 человека. Только в 3% случаев смерть явилась результатом самозащиты во время нападения, в то время как 5% смертей произошли в результате несчастного случая и почти половина были самоубийствами. Короче говоря, когда огнестрельное оружие убивает кого-то, жертва намного чаще не имеет криминальных намерений, чем имеет[1].

Эти статистические данные были подтверждены проведением анализа случаев наступления смерти от огнестрельного оружия дома. Эпидемиологи Артур Келлерман и Дональд Рэй (Arthur Kellermann & Donald Reay) изучили обстоятельства, в которых на-

[1] Утверждение НСА и обсуждение его в *Time*, а также графики, приведенные в этом параграфе, можно найти в *Time* от 21 августа 1989, р. 25–26. Недавно криминалисты Мак-Доуэл, Лизотте и Вирсема (McDowall, Lizotte & Wiersema, 1991) опубликовали свои подробные статистические исследования, в которых также ставится вопрос, действительно ли широкое распространение оружия сдерживает преступность. Используя сложные статистические методы, они изучили случаи ночных краж со взломом и грабежей в пяти разных городах Соединенных Штатов до и после того, как там были предприняты шаги либо к поощрению, либо к воспрепятствованию использования огнестрельного оружия, и не обнаружили данных, подтверждающих сдерживающий эффект. Например, после того как в Мортон-Груве, штат Иллинойс, в июне 1981 года был принят указ, запрещающий владение или продажу огнестрельного оружия в городе, Кеннесоу, штат Джорджия, нанес встречный удар своим собственным законом, в котором говорилось о том, что каждому хозяйству города надлежит держать огнестрельное оружие. Мэр и шеф полиции Кенесоу заявляли, что их акция привела к значительному сокращению краж со взломом в последующие семь месяцев. Однако вскоре стало понятно, что *до того*, как был принят указ, в Кеннесоу наблюдался необычный скачок числа краж со взломом, а предполагаемое сокращение, когда закон вступил в силу, было простым снижением уровня краж до «нормального». С другой стороны, закон, направленный против свободной продажи оружия в Мортон-Грув, имел следствием увеличение краж в этом городе, как предсказывали некоторые защитники отсутствия ограничений при покупке оружия.

ступило 743 смерти в результате применения огнестрельного оружия с 1978 по 1983 год в Кинг-Канти, Вашингтон, используя официальные отчеты, а также беседы с имеющими к этому отношение полицейскими. Они обнаружили, что 54% смертей наступили там, где хранилось огнестрельное оружие, в основном ружья. Большая часть была самоубийствами, и только в 2% остальных случаев можно было бы считать применение оружия законно обоснованным, то есть в целях самообороны. В целом, как подсчитали Келлерман и Рэй, было около 43 законно необоснованных смертей от огнестрельного оружия (суициды, несчастные случаи и криминальные убийства) в случаях, когда оружие применялось в целях самообороны. Как спрашивают эпидемиологи, не поднимает ли это вопрос: «Что повышает хранение огнестрельного оружия дома: защищенность семьи или число мест, где она подвергается большей опасности?» (Kellerman & Reay, 1986).

Я отнюдь не говорю о том, что огнестрельное оружие не обеспечивает *никакой* защиты, однако доступность огнестрельного оружия для самозащиты имеет существенные социальные издержки. Это становится особенно очевидным, когда мы решаем ввести ограничения на применение огнестрельного оружия в целях предотвращения преступлений. Как показало *время*, подавляющее большинство всех преступлений в домах совершаются, когда жертвы дома нет, и, таким образом, жертвы даже не имеют возможности использовать свое оружие в целях самозащиты. К тому же, по мнению социологов, которое цитировалось в журналах, насильственные преступления часто происходят на улицах, и огнестрельное оружие редко доступно для использования при попытке остановить такие нападения (если, конечно же, люди постоянно не носят огнестрельное оружие с собой). Фактически только небольшая доля населения имеет шансы использовать огнестрельное оружие для самообороны, а доступным является намного большее количество огнестрельного оружия, чем это в действительности необходимо данной небольшой группе.

Возникает также вопрос, какого рода огнестрельное оружие должно быть легально доступно. Специалисты отмечают, что огнестрельное оружие плохо подходит для самообороны: оно очень сложно и требует аккуратного использования. Авторы сообщают нам: «Только очень аккуратный выстрел поразит непосредственно противника» (Hemenway & Weil, процитировано в: Madison, Wisconsin, *Capital Times*, May, 17, 1990 г.). Конечно же, быстрый выстрел из полуавтоматического оружия с наибольшей вероятностью поразит цель, однако подумайте над тем, какое зло это оружие уже причинило обществу. Полицейские говорят о том, что существенную долю в последний рост уровня убийств внесло распространение полуавтоматического оружия, и многие криминалисты с ними

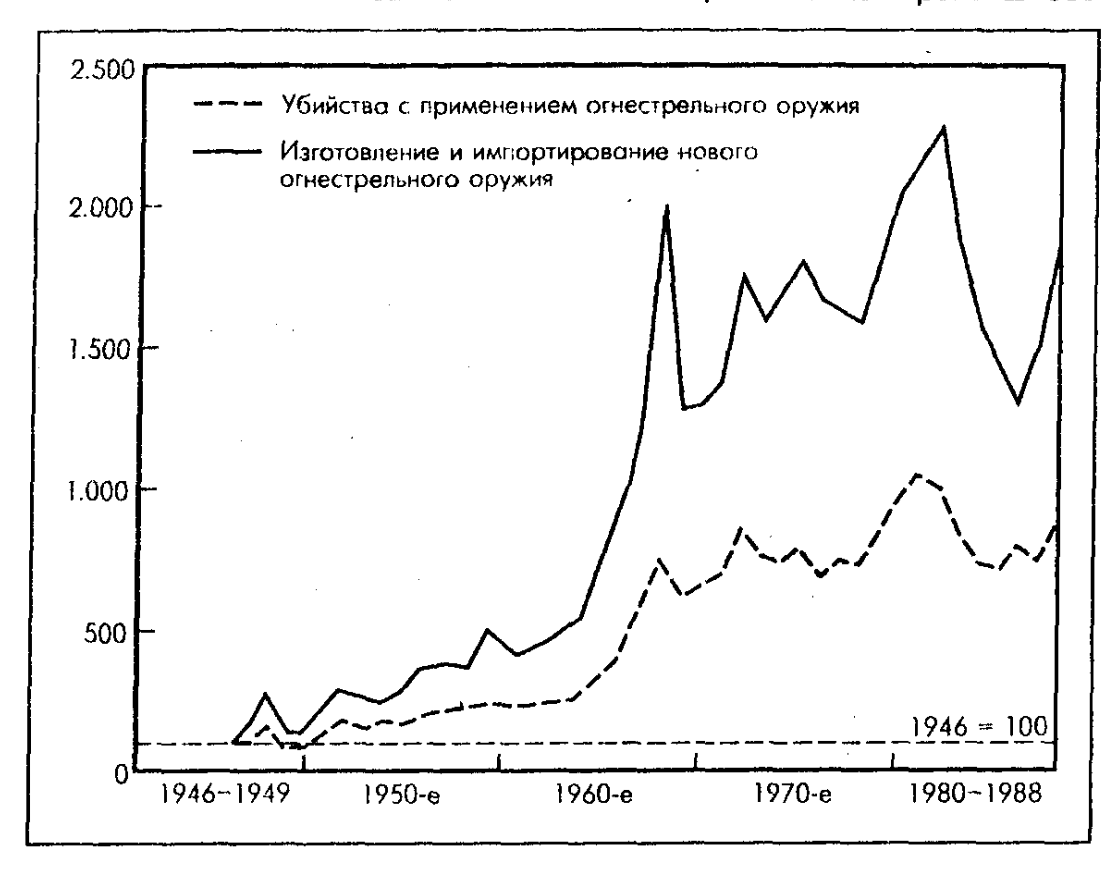


Рис. 10-4. Причина или последствие? Продажи ручного огнестрельного оружия и уровень убийств. Почему продажи оружия в Соединенных Штатах идут в параллель с уровнем убийств в этой стране? Продажи огнестрельного оружия, видимо, увеличиваются или сокращаются, когда люди становятся более или менее озабоченными преступлениями, связанными с насилием, там, где они живут. На основании растущего числа фактов настоящая книга утверждает, что доступность огнестрельного оружия увеличивает шансы, что владеющие оружием люди будут убивать невинных людей.

(Диаграмма из «Нью-Йорк таймс», 3 апреля 1992 г.; данные Бюро по вопросам алкоголя, табака и огнестрельного оружия и Центра контроля над заболеваниями. Copyright 1992 New York Times Company. Перепечатано с разрешения.)

соглашаются. Лоренс Шермен (Lawrence Sherman), один из ведущих разработчиков эксперимента по изучению насилия в семье в Миннеаполисе и Милуоки, обсуждавшегося выше в этой главе, а также президент Института по контролю над преступностью, научно-исследовательской организации, утверждает: «Число пуль огнестрельного оружия, скорость их полета, и вред, который они способны причинить, увеличивают уровень числа убийств» (цит. в: *New York Times*, July 18, 1990). Зачастую убийства становятся многочисленными в результате появления азарта при расправе с соперничающими группировками, однако временами стреляют и в единичные жертвы, их тела разрываются мощными пулями на куски.

Несомненно также, что убивают не только преступников. Страдают и невинные очевидцы: маленькие дети, а также взрослые, случайно оказавшиеся в опасном месте в неподходящее время. Согласно статистике, собранной «Нью-Йорк таймс», 253 человека были обстреляны в Нью-Йорке с 1977 по 1988 год, просто потому что они, к несчастью, оказались поблизости, когда началась стрельба. Число подобных смертных случаев увеличивается с годами и вследствие того, что оружие нападения становится все более доступным. Скольких трагедий можно было бы избежать, если бы Национальная стрелковая ассоциация и другие поклонники оружия не добивались бы так упорно возможности свободно и без ограничений покупать оружие нападения?

Большая часть огнестрельного оружия всех видов уже широко доступна в Соединенных Штатах. Несомненно, любой преступник может выбрать оружие по своему вкусу, однако я не считаю это веским аргументом для того, чтобы делать огнестрельное оружие еще более доступным. Чем больше оружия сосредоточено в нашей стране, тем больше вероятность того, что один человек неумышленно выстрелит в другого. Соответственно, чем меньше количество доступного огнестрельного оружия, тем ниже шанс, что сильно пострадает или будет убит в результате выстрела невинный человек.

Факты смертельных случаев во Флориде наглядно говорят о том же. Число детей, убитых огнестрельным оружием в этом штате, заметно увеличилось в месяцы после вступления в силу в октябре 1987 года законопроекта, сделавшего покупку и тайное ношение оружия более простым для лиц, постоянно проживающих в штате. Заслуженный детектив по расследованию убийств из Майами убежден в том, что увеличение числа смертей в результате выстрелов в основном обязано возросшей доступности оружия. «Столько оружия лежит повсюду — в домах и машинах, — говорил он, — что, вполне естественно, оно попадает в руки к детям». Другие статистические данные также подтвердили возможность такого трагического исхода. В журнале *Time* говорится, что предположительно около 135 000 детей каждый день приносят оружие в школу. Так стоит ли тогда удивляться, что, по статистике, примерно каждые 36 минут убивают или ранят одного ребенка?[1]

В заключение давайте вернемся к спору по поводу того, все ли убийства совершены намеренно. Немало людей, специалистов и любителей в области общественных наук, сходятся во мнении, что большинство убийц приобрели бы нож или иное оружие, если бы огне-

---

[1] Мнение, высказанное детективом на Майями, приведено в *New York Times*, Oct. 10, 1988. Оценки числа детей, приносящих в школу оружие, и числа совершенных выстрелов взяты из *Time*, Oct., 8, 1990, p. 42.

стрельное не было доступно. Я в этом сомневаюсь, основываясь на моем различении инструментальной и эмоциональной агрессии. Я неоднократно приводил доводы, что многие насильственные действия являются относительно импульсивными вспышками, вызванными сильным внутренним беспокойством. Лица, убивающие других в сильном возбуждении, хватают лежащее рядом оружие и стреляют в тех, кто привел их в такое состояние, обычно не думая ни о чем, кроме своего желания уничтожить мучителя. Кроме того, вспомните об «эффекте оружия», описанном в главе 3: часто просто взгляд, брошенный на оружие, может способствовать укреплению агрессивных импульсов агрессора. Жена, приведенная в ярость очередным обидным аргументом мужа, увидев пистолет, способна стать еще более взбешенной и выстрелить в мужа. Ее побуждение напасть и уничтожить могло бы быть слабее, и таким образом его легче было бы сдержать, если бы она не обратила внимания на оружие.

Исследователи, разделяющие мою основную позицию, например Франклин Зимринг и Ричард Блок (Franklin Zimring & Richard Block), приводят в поддержку этих аргументов серию статистических данных о преступности. Во многих убийствах, отмечают они, убийцы и их жертвы были членами одной семьи, друзьями или знакомыми (хотя в последние годы наблюдается существенный рост убийств людей, незнакомых убийце). Зимринг замечает: маловероятно, что убийцы заранее планировали убить человека, с которым у них сложились довольно близкие отношения. По его мнению, убийства — это скорее следствие ссоры, резко разгорающейся и вышедшей из-под контроля (Zimring, 1986).

Есть еще лучшее доказательство того, что ссоры действительно играют главную роль в убийствах. Как я отмечал ранее, Национальное бюро по преступности при Министерстве юстиции указывает на то, что более половины всех непреднамеренных убийств от ручного огнестрельного оружия в Соединенных Штатах в период с 1979 по 1987 год произошли во время споров или драк.

Другого рода статистические данные также совместимы с тезисами Зимринга. Как указал Блок, «противники принятия закона о контроле над приобретением оружия... [полагают], что лица, совершающие убийства, в основном отличаются от тех, кто совершает другие насильственные преступления». По общему мнению, наиболее вероятные личные качества, которыми обладают убийцы и не обладают другие преступники, совершающие насильственные, но не связанные со смертью преступления, толкают убийц отнимать жизнь у своих жертв. Однако в своем исследовании убийств, произошедших в Чикаго с конца 1960-х по середину 1970-х годов, Блок пришел к заключению (и многие исследователи согласились с ним), что между убийствами и другими насильственными преступлениями имеются

более существенные различия, чем ранее предполагалось. Преступники, арестованные за убийство, своими качествами были во многом похожи на тех, кто был арестован за нападение при отягчающих обстоятельствах. Представляется так, что два вида этих преступлений чаще всего происходят при схожих обстоятельствах. Однако было по крайней мере и одно серьезное отличие: в ситуациях со смертельным исходом с большей вероятностью было задействовано огнестрельное оружие[1]. Говорит ли это о том, что в большой доле случаев убийств одна из враждующих сторон выхватывала имеющееся оружие и использовала его спонтанно?

Социологи Райт, Росси и Дейли, тщательно проанализировав приводящиеся аргументы «за» и «против» контроля над приобретением оружия, выразили сомнение, что импульсивные убийства являются настолько частыми, как это предполагается. Данные, полученные в процессе исследования, проведенного Полицейским фондом в Канзас-Сити, также ставят под сомнение утверждение, что большое число бытовых убийств вызвано вспышками эмоций. Согласно этому исследованию, «не менее 85% всех убийств с участием членов семьи являются результатом серьезных ссор и насильственных случаев, берущих свое начало задолго до того, как приезжает полиция». Это означает, что убийство было «кульминационным событием в истории враждующих сторон: последовательном оскорблении друг друга, проявлении ненависти и насилия, начавшемся давным-давно». Например, жена, убившая своего мужа, вероятно, испытывала такую большую ненависть к своему мужу, что планировала убить его рано или поздно, и однажды она действительно сделала это. Если бы у нее дома не было пистолета, она могла бы убить мужа ножом[2].

Мне кажется, что на возражение социологов есть простой ответ: не противореча возможности импульсивного акта насилия, предыдущая история конфликтов и агрессивного поведения увеличивает

---

[1] Данные, приведенные в этом параграфе, взяты у Блока (Block, 1977), а цитата Блока – со стр. 33 его монографии. Вдобавок к моему основному аргументу McDowall, Lizotte & Wiersema (1991, p. 542) процитировали исследование Филипа Кука (Philip Cook,1979),подтверждающее,что распространение оружия имеет очень небольшое отношение к росту краж, однако оно имеет заметно бóльшее отношение к частоте убийств, совершаемых во время краж. Присутствие огнестрельного оружия, видимо, увеличивает шансы, что кто-нибудь будет убит во время обострения обстановки грабежа.

[2] Wright et al. (1983, p. 202) также высказывал сомнения по поводу моего исследования эффекта огнестрельного оружия (Berkowitz & LePage, 1967). Однако есть несколько подтверждений эффекта оружия [Turner, Berkowitz, Simons, & Frodi (1977); Caprara, Renzi, Amolini, D'Imperio & Travaglia (1984)], в т. ч. в исследовании югослава Zuzul, о котором говорилось в гл. 3. [Также см. для доказательства: Carlson, Marcus-Newhall & Miller (1990).]

шансы, что последующая ссора вызовет эмоциональный взрыв. Жена, с которой плохо обращался ее муж, может иметь склонность схватить оружие и выстрелить в своего мужа. Кроме того, простой взгляд на огнестрельное оружие или, возможно, даже мысль о нем может усилить ее агрессивные побуждения до такой степени, что она не будет думать о последствиях. Скорее всего, в такой момент она будет думать только о желании уничтожить своего противника.

Кто знает, как часто этот тип сценария происходит при смертельных столкновениях? Несомненно одно, полагаю я, что эмоциональные вспышки насилия, в которых оружие использовалось импульсивно, вероятно, не так уж редки. Я могу пойти даже дальше: люди нападают друг на друга в приступе ярости слишком часто, чтобы винить во всем этом только увеличивающуюся доступность огнестрельного оружия. И все же для общества было бы гораздо лучше, если бы в то время, когда убийца испытывал сильное желание убить, у него под рукой оказывался бы нож, а не огнестрельное оружие. Кроме всего прочего, агрессивно настроенные люди реже убивают невинных очевидцев, если у них нет под рукой мощного оружия нападения или даже пистолета.

РЕЗЮМЕ

В Соединенных Штатах существует соглашение о возможных методах контроля над преступным насилием. В этой главе я рассмотрел потенциальную эффективность двух методов: очень строгого наказания за преступления, связанные с насилием, и объявления огнестрельного оружия вне закона.

Я начал с исследования всех «за и против» телесного наказания как средства воспитания детей, отметив при этом растущую оппозицию использованию физического наказания в школах в Соединенных Штатах и за рубежом; затем я уделил внимание обоснованию этических и психологических моментов, связанных с этим. Я также указал на то (придерживаясь ранее сформулированной позиции), что наказание может быть эффективным и что можно избежать сильных неблагоприятных побочных эффектов — правда, при определенных условиях, в особенности тогда, когда наказание особенно строго, когда оно исполняется до того, как обидчик получит вознаграждение за свои осуждаемые действия, когда наказание последовательно следует за осуждаемым поведением, когда наказуемый понимает причины наказания или когда существует привлекательная альтернатива осуждаемому поведению.

Эксперимент в полицейском участке в Миннеаполисе, целью которого было изучить, способствует ли аресты снижению числа случаев применения насилия в семье, продемонстрировал возможное

сдерживающее влияние подобного наказания. При определенных условиях этого исследования мужчины, ударившие женщину (достаточно сильно для наложения ареста, однако без нанесения серьезной травмы), с наименьшей вероятностью повторяли подобные действия в течение последующих шести месяцев, если они были арестованы, чем в тех случаях, когда они получали лишь предупреждение от офицеров полиции.

Так как наказание эффективно только при определенных условиях, очень важно установить, каким образом система правосудия может наилучшим образом наказать правонарушителя в целях сдерживания преступности. Настоящее исследование показывает, что потенциальные правонарушители становятся более контролируемыми при учащении напоминания о неизбежности наказания за преступление, чем при строгости наказания.

Затем я перешел к крайнему случаю общественного наказания, спрашивая, может ли общество сократить случаи убийств, отправляя убийц, сознательно отнимающих жизни у других людей, на электрический стул. После анализа ряда исследований я пришел к выводу, что очевидных доказательств того, что угроза смертной казни снижает уровень убийств, не существует. Данные, полученные Дэвидом Филипсом, также подтверждают, что хотя широкое освещение в средствах массовой информации фактов исполнения смертного приговора действительно могут снизить число убийств в стране на короткое время (очевидно, на такой промежуток времени, пока казни свежи в памяти общественности), такое же временное снижение может быть достигнуто путем установления длительных сроков тюремного заключения.

В заключение я задался вопросом, можно ли снизить число насильственных преступлений, уменьшив доступность оружия. Хотя имеются и серьезные доводы против ограничения использования оружия (некоторые из них я также привожу в этой главе), я заявляю о своей приверженности политике ограничения оружия. Вместе с другими авторами и многими полицейскими я утверждаю, что: 1) стремительно растущая доступность автоматического оружия во многом ответственна за рост убийств в последние десятилетия; 2) ручное оружие в действительности не обеспечивает большую защищенность граждан: люди чаще используют оружие для убийства членов семьи, чем для стрельбы в незваных гостей; 3) необязательно, что убийцы будут использовать другой вид оружия, если огнестрельное им будет недоступно. Огнестрельное оружие может способствовать импульсивному совершению насильственных преступлений. Чем больше огнестрельного оружия имеется в обществе, тем выше шансы, что люди вообще и необязательно вследствие необходимой обороны будут убиты.

Глава 11

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ КОНТРОЛИРОВАНИЯ АГРЕССИИ

Катарсис: ослабление побуждений к насилию путем агрессивных выплесков. Вентилирующие чувства. Гипотеза катарсиса. Эффект последействия реальной агрессии. Разработка новых способов поведения. Выгоды сотрудничества: совершенствование родительского контроля над проблемными детьми. Снижение эмоциональной реактивности. Что может повлиять на правонарушителей, оказавшихся в заключении?

Агрессия может сдерживаться с помощью силы — по крайней мере, в некоторых ситуациях. При создании надлежащих условий общество может снизить количество преступлений, сопровождающихся применением насилия, за счет устрашения потенциальных правонарушителей перспективой неотвратимого наказания. Однако подобные условия еще не созданы повсеместно. В некоторых случаях у потенциальных преступников появляется уверенность в том, что им удастся уйти от правосудия. При этом даже если им и не удается избежать заслуженного наказания, то его тяжелые последствия будут долго сказываться на них и после совершения насилия над жертвой, принесшего им чувство удовлетворения, и в результате их агрессивное поведение получит дополнительное подкрепление.

Таким образом, использование одних лишь средств устрашения может оказаться недостаточным. Разумеется, в некоторых случаях общество обязано применять силу, но в то же время оно должно стремиться ослаблять проявление агрессивных наклонностей своих членов. Для этого следует использовать специальную коррекционную систему. Психологи предложили несколько различных способов ее применения.

КАТАРСИС: ОСЛАБЛЕНИЕ ПОБУЖДЕНИЙ К НАСИЛИЮ ПУТЕМ АГРЕССИВНЫХ ВЫПЛЕСКОВ

Традиционные правила этики не допускают открытого проявления агрессии и даже получения удовольствия от ее совершения. Подавление агрессии начинается с родительского требования говорить

тише, не возражать, не спорить, не кричать или не мешать. Когда агрессивная коммуникация блокируется или подавляется при осуществлении определенных взаимоотношений вне зависимости от того, являются ли они случайными или устойчивыми, люди вступают в искажающие реальность, нечестные по отношению друг к другу [соглашения]. Агрессивные чувства, для сознательного выражения которых в ходе обычных взаимоотношений устанавливается запрет, внезапно проявляются иным образом в активной и неконтролируемой форме. Когда же аккумулированные и запрятанные внутрь чувства обиды и враждебности прорываются наружу, предполагавшаяся «гармония» отношений внезапно нарушается (Bach & Goldberg, 1974, p. 114–115).

ВЕНТИЛИРУЮЩИЕ ЧУВСТВА

Уже в течение нескольких десятилетий многие физиотерапевты выступают за открытое и свободное выражение «агрессивных чувств», представляя этот подход как средство от многих социальных болезней. Сторонники этого подхода, которых я назвал «вентиляционистами» (Berkowitz, 1973 b), утверждают, что сдерживание эмоций является нежелательным и вредным для здоровья. Они считают, что если кто-то начинает нас раздражать, то нам следует открыто выразить свои отрицательные эмоции, «высказав этому человеку все, что мы думаем о нем и о его поведении». Другими словами, по их мнению, «лучше сразу бросить в обидчика камень, чем держать его за пазухой», так как в этом случае мы хотя бы облегчим себе душу. Если же мы никак не проявим свои отрицательные чувства, то их интенсивность станет нарастать. Вспомним строчки из Уильяма Блейка, которые я цитировал в первой части: «Враг обиду мне нанес — /Я молчал, но гнев мой рос». Далее, сторонники этого подхода убеждают нас в том, что, когда мы выражаем свои эмоции, мы снижаем вероятность того, что наш организм испытает вредные последствия сдерживания агрессии. Некоторые исследователи рассматривают сдерживание проявления агрессии в качестве причины развития болезней сердца (например: Gentry, 1985; Spielberger, Krasner & Solomon, 1988) и утверждают, что внутреннее подавление отрицательных эмоций пагубно сказывается на здоровье человека.

Я уверен в том, что вы знакомы с этим предписанием по сохранению физического и психического здоровья. Много лет тому назад одна ученая-психолог изложила эту идею в следующих простых выражениях:

Когда гной накапливается и образует абсцесс, этот нарыв должен быть вскрыт и прочищен. Если этого не сделать, то инфекция может распространиться по всему организму. ...То же самое следует делать и с нашими чувствами. Все, что в них есть негативного — обида,

страх или раздражение, должно выводиться наружу без остатка. В противном случае эти отрицательные эмоции могут нанести вред здоровью человека (Baruch, 1949, р. 38–39).

Идея, основанная на использовании такой аналогии, кажется простой и понятной; остается лишь выяснить, насколько она справедлива.

Что следует понимать под проявлением чувств?

Другими словами, что творится в душе человека, когда у него возникает потребность выразить или, образно выражаясь, «провентилировать» свои чувства? Какими способами можно вывести из них негативную составляющую?

В главе 3 я рассказывал о случае, произошедшем с женщиной по имени Джейн, обманутой мужчиной, не пришедшим к ней на свидание. Если бы я попросил вас перечислить способы, которыми Джейн могла бы проявить свое эмоциональное состояние, то вы, возможно, указали бы следующие:

- Джейн могла бы описать свои переживания другому человеку. *Она могла бы сообщить кому-нибудь, что была оскорблена и испытывала сильный гнев. Однако на самом деле Джейн описала свои ощущения без проявления особых эмоций.*

- Джейн могла бы проявить физиологические и экспрессивно-двигательные реакции, обычные для состояния раздражения. *Вне зависимости от произнесенных ею слов, она могла бы проявить мускульные реакции, обычно ассоциируемые с состоянием крайнего раздражения: нахмурить брови, напрячь мускулы, стиснуть зубы. В ней можно было бы также обнаружить физиологические изменения, обычно происходящие у людей, подвергнувшихся оскорблению: покрасневшее лицо, повышенное артериальное давление, учащенное сердцебиение. Джейн могла бы также совершить действия, обычно совершаемые в разгневанном состоянии: вернувшись вечером домой, она могла бы громко хлопнуть дверью, отшвырнуть ногой стоящую на ее пути табуретку, бросить в угол свое пальто и ничком упасть на диван.*

- Она могла бы выразить свои отрицательные эмоции в вербальной форме. *Не пытаясь нанести оскорбление кому-нибудь конкретно, она могла бы озвучивать свои негативные мысли и отношения, которые нередко приходят на ум человеку в подобной ситуации. Джейн могла бы сделать пренебрежительные замечания о неумении мужчин одеваться со вкусом или рассказывать своим подругам о том, что все представители противоположного пола глупы и эгоистичны.*

- Джейн могла бы нанести кому-нибудь словесное или даже физическое оскорбление. *При наличии провоцирующего повода она могла бы*

отреагировать на него открытой агрессией и попытаться причинить кому-нибудь боль, например обманувшему ее мужчине или совершенно постороннему человеку.

Разумеется, Джейн могла бы проявить любой набор из перечисленных выше реакций, так как все они взаимосвязаны друг с другом и нередко происходят одновременно[1]. Однако эти связанные с раздражением реакции являются также отчасти независимыми и некоторые из них не обязательно проявляются в каждой конкретной ситуации. Предположим, что Джейн не имеет никакого осознанного ощущения того, что можно было бы назвать «раздражением», но тем не менее критикует работу, выполненную каким-либо мужчиной. В какой степени она будет проявлять свое чувство открыто? С другой стороны, что если она рассказывает подруге о своих негативных чувствах к этому человеку, но никогда не пытается проявить их перед ним в вербальной форме? Можно ли считать, что и в этом случае она открыто проявляет свое раздражение?

Из этих вопросов должно быть понятно, что я не могу с уверенностью утверждать, что в действительности говорят люди, когда пытаются убедить нас выразить свой гнев или возмущение. Рекомендуют ли они обратить наше внимание на наши физические реакции и чувства? Говорят ли они о необходимости побеседовать с кем-нибудь о наших переживаниях? Настаивают ли они на том, что нам необходимо нанести «ответный удар» (в переносном, а может, даже и в прямом смысле) человеку, вызвавшему наш гнев? Каждая из этих реакций может иметь очень разные последствия. Одно дело — сообщить обидевшему вас человеку о своем раздражении, и совсем другое дело — наброситься на него с ответными оскорблениями.

Так как различные эмоциональные реакции, перечисленные выше, не всегда проявляются совместно, то мы можем избежать путаницы, дав им собственные названия. Наряду со многими другими психологами я убежден в выгодах ограничения применения понятия «раздражения» к некоторым чувствам (или переживаниям) людей. Физиологические и моторные реакции, нередко сопровождающие эти чувства, могут быть определены как «физические реакции, связанные с раздражением». Я рассматриваю «враждебность» в качестве

---

[1] Spielberg et al. (1988) убеждены в целесообразности подумать о существовании «синдрома раздражения, враждебности и агрессии» (который они назвали синдромом РВА) даже несмотря на то что они признают самостоятельный характер его составляющих. Они предпочитают рассматривать раздражение в качестве набора определенных чувств. С помощью своей шкалы характерных черт и состояний раздражения Spielberg пытается оценить интенсивность агрессивных чувств и определить последовательность их развития.

негативного отношения, а «агрессию» — как поведение, нацеленное на нанесение оскорбления или повреждения другому человеку или предмету.

ГИПОТЕЗА КАТАРСИСА

В этой главе будут рассмотрены последствия *агрессии* — поведения, нацеленного на несение вреда кому-либо или чему-либо[1]. Агрессия проявляется либо в виде вербального, либо в виде физического оскорбления и может носить реальный (пощечина) или воображаемый (стрельба из игрушечного ружья по выдуманному противнику) характер. Следует понять, что, даже несмотря на то что я использую понятие «катарсиса», я не пытаюсь применять «гидравлическую» модель. Все, что я имею в виду, относится к *снижению побуждения к агрессии*, а не к разрядке гипотетического количества нервной энергии. Таким образом, для меня и многих других (но далеко не всех) исследователей-психотерапевтов понятие *катарсиса* содержит идею о том, что любое агрессивное действие снижает вероятность последующего проявления агрессии.

В данном разделе исследуются вопросы о том, происходит ли катарсис на самом деле, и если да, то при каких обстоятельствах.

Катарсис через воображаемую агрессию

Как вы, несомненно, знаете, множество людей, как дилетантов, так и профессионалов, занимающихся проблемами психического здоровья, способны дать достаточно общее описание учения о катарсисе. Они считают, что множество самых разнообразных действий могут заменить реальную атаку на цель и таким образом «дренировать» (погасить) сдерживаемый внутренний импульс к агрессии. Ортодоксальная психоаналитическая теория, использующая гидравлическую модель мотивации, утверждает, что люди могут разрядить свои накопленные позывы к насилию различными способами: хи-

---

[1] Я не буду останавливаться на исследованиях концепции «катарсиса» как способа снижения общего психологического возбуждения. Когда люди оказываются возбужденными неудачами или спровоцированными на какие-либо ответные реакции, их автономная нервная система активируется, вызывая изменения состояния сосудистой системы, а также повышение кровяного давления и частоты сердечных сокращений. При этом нам будет интересно узнать, не помогает ли их агрессивная реакция снижению автономной активации до обычного уровня, а также достижению психологической успокоенности. Исследования, направленные на поиск ответов на эти вопросы, принесли интригующие и чрезвычайно важные результаты, о которых сообщили Geen & Quanty (1977) в своей работе, посвященной обзору литературы по этой теме. Однако многие затронутые в ней проблемы и рассмотренные результаты не имеют прямого отношения к содержанию данной книги.

рурги — работая ножом во время проведения операций, продавцы — настойчивыми попытками убедить сделать покупку несговорчивого клиента, альпинисты — восхождениями на горные вершины по еще никем не пройденным маршрутам и так далее.

Тем не менее обычно большинство сторонников обобщенной гипотезы катарсиса уверены в целесообразности ответных агрессивных действий даже при отсутствии реально произошедшего нападения. Они считают, что воображаемая агрессия все равно окажет свой положительный эффект. Например, Отто Фенихель (Otto Fenichel), известный теоретик психоанализа и автор классических работ в этой области, уверял своих читателей в том, что дети могут получить пользу от методов игровой терапии, основанных на процессах катарсиса[1]. Дети могут высвобождать свои скрытые позывы к совершению насилия за счет наказания кукол во время игры, создавая у себя иллюзию, что таким образом они наказывают несправедливо обидевших их родителей или братьев и сестер. Даже врачи, которые не проявляют особого интереса к психоанализу, убеждены в том, что их пациенты должны «разряжать» или «освобождать» свою сдерживаемую эмоциональную энергию за счет осуществления воображаемой агрессии. Вот один из примеров подобной ситуации:

Женщину, участвующую в эксперименте, просят взять в руки теннисную ракетку и начать бить ею по кровати. При этом ее просят произносить такие фразы, как «Я тебя ненавижу!», «Дерьмо!», «Сукин сын!», «Я тебя убью!». Члены группы, наблюдающие за этой женщиной, начинают поощрять ее агрессивные действия, просят продолжать в том же духе и бить ракеткой еще сильнее (из Alexander Lowen, цитируется в: Berkowitz, 1973 b).

Психотерапевты этого направления не являются единственными людьми, убежденными в том, что благотворная разрядка может быть достигнута с помощью реального воплощения воображаемой агрессии. Например, одна фирма стала изготавливать и продавать игрушечные автоматы для взрослых автолюбителей, с тем чтобы они могли имитировать стрельбу в других водителей, мешающих их движению, и таким образом снимать свое раздражение, вызванное дорожными инцидентами. Подобным образом происходила популяризация игр с мнимым применением насилия в качестве безопасно-

---

[1] Fenichel (1945), p. 565–566. Хотя Фенихель был убежден в возможности ослабления давления сдерживаемых импульсов агрессии посредством осуществления воображаемых действий, все же он полагал, что катарсис имеет невысокую терапевтическую ценность с точки зрения его пригодности для лечения неврозов. Многие современные психоаналитики разделяют подобный взгляд и делают акцент на интуитивных догадках, возникающих у пациента в процессе терапии, в особенности в результате интерпретаций высказываний лечащего их врача.

го психологического средства реализации сдерживаемых агрессивных желаний. В одной из таких игр ее участники (как дети, так и взрослые) надевали специальные шлемы, латы и другую защитную амуницию и начинали бегать по затемненному помещению, стреляя в своих «противников» из электронных ружей. Один из молодых участников этой игры, согласно газетному сообщению, так описывал достоинства подобного времяпровождения: «Вы оставляете здесь все свои разочарования... Эта стрельба и эти мнимые убийства не делают вас преступником».

Даже такие ученые-психологи, как Джон Доллард, Нил Миллер и их коллеги (John Dollard, Neal Miller) из Йельского университета, также верили в возможность ослабления побуждений к агрессии за счет применения подобных способов. В опубликованной в 1939 году монографии, посвященной выдвинутой ими гипотезе о связи фрустрации и агрессии, они утверждали, что «проявление любого акта агрессии» ослабляет склонность к насильственным действиям, возникшую вследствие расстройства намеченных ранее планов. Однако при этом они указывали на то, что «это ослабление носит временный характер, и побуждение к агрессии может возникнуть вновь, если исходное чувство фрустрации окажется достаточно прочным» (Dollard, Doob, Miller, Mowrer & Sears, 1939, p. 50). Таким образом, согласно этим психологам, любой тип агрессивного поведения, включая нападение на других людей или даже совершение «кровопускания», может иметь эффект катарсиса.

Таким образом, не должно быть сомнений в том, что учение о катарсисе получило широкое признание у многих людей. Однако для специалистов, занимающихся изучением поведения человека, этот факт сам по себе не является серьезным аргументом в пользу справедливости данной теории. Вспомним для примера, как много людей верили в то, что Земля является плоской и что вокруг нее происходит вращение Солнца и других небесных светил. Научные исследования должны быть направлены на получение неоспоримых доказательств, а не на достижение единства взглядов по какой-либо проблеме. Что же в действительности показывают нам результаты эмпирических исследований? Прежде всего я хотел бы подробнее рассмотреть эффект воображаемой агрессии на примере использования игрушечного оружия, а затем обратиться к последствиям более серьезных действий. После этого я смогу больше рассказать вам о реальном выражении человеческих чувств.

Снижает ли воображаемая агрессия склонность к проявлению реальной агрессии?

В этой книге я уже рассматривал последствия воображаемой агрессии, и вы сами могли убедиться в однозначности результатов исследований, посвященных изучению данной проблемы. В частно-

сти, эксперимент Ричарда Уолтерса и Мюррея Брауна (Richard Walters & Murray Brown), описанный в главе 6, показал, что совершение воображаемого насилия может повысить вероятность осуществления реальной агрессии. Напомним, что в этом эксперименте мальчики, время от времени вознаграждавшиеся за нанесение ударов пластиковой кукле, через несколько дней начинали вести себя более агрессивно по отношению к конкурировавшим с ними сверстникам (см. рис. 6-1). Таким образом, моделирование агрессивного поведения не сделало их более дружелюбными. Подобным образом и в эксперименте, проведенном с югославскими детьми Миомиром Зузулом (Miomir Zuzul) (подробно рассмотренном в главе 3), мальчики, часто игравшие с детским оружием, проявляли затем больше агрессивности в поведении по отношению к своим одноклассникам (см. рис. 3-8).

Другие исследования в этом направлении принесли во многом сходные результаты. Например, в двух экспериментах Чарльза Тернера и Дианы Голдсмит (Charles Turner & Diane Goldsmith) удалось установить, что мальчики дошкольного возраста, игравшие с детскими ружьями, проявляли впоследствии более агрессивное антиобщественное поведение, чем мальчики, имевшие дело с новыми или обычными игрушками (Turner & Goldsmith, 1976).

В экспериментах Тернера и Голдсмит мальчиков не провоцировали на совершение каких-либо резких ответных действий, однако не надо думать, что воображаемая агрессия имела бы более позитивный эффект, если бы дети находились в состоянии повышенного эмоционального возбуждения. Этот вывод хорошо прослеживается на примере эксперимента Шахбаза Маллика и Бойда Мак-Кэндлисса (Shahbaz Mallick & Boyd McCandless).

В их опыте пары третьеклассников, составленные из представителей как разного, так и одинакового пола, должны были строить модели из конструктора. При этом каждый ребенок, являвшийся объектом наблюдения, не знал, что его партнер получал от руководителей эксперимента особое задание, состоявшее в том, чтобы либо помогать решать поставленную строительную задачу, либо мешать ее выполнению в резкой форме. Сразу же после окончания этого этапа испытуемые в течение восьми минут обязаны были выполнить дополнительное задание. Его вид решающим образом сказывался на полученных результатах. Некоторые испытуемые, являвшиеся членами групп как первого, так и второго типов, должны были проявлять воображаемую агрессию с помощью стрельбы из игрушечных ружей, в то время как в контрольных условиях в группах обоих типов оба участника каждой пары проводили время в нейтральных беседах с экспериментаторами. При этом еще одна группа использовалась для того, чтобы определить, насколько агрессивными стали бы испытуемые, если бы они узнали, что некорректные действия партнеров не были направлены лично на них. С некоторыми из раздраженных детей беседо-

вали экспериментаторы и объясняли им, что поведение партнеров было обусловлено усталостью и огорчениями.

Когда время для выполнения дополнительного задания истекало, помощники экспериментаторов переходили в другую комнату якобы для решения подобных задач строительства моделей из конструктора. Каждый из ничего не подозревавших испытуемых получал возможность либо помочь, либо помешать этому помощнику выполнить заданную работу, нажимая специальные кнопки на электронном приборе. Степень агрессивности их поведения измерялась числом нажатий кнопки «Вред» при попытке вмешательства в работу партнера (максимально допустимое число нажатий этой кнопки равнялось 20). По итогам этого опыта не удалось установить никаких различий между поведением мальчиков и девочек, поэтому я привожу его основные результаты без ссылок на пол участвовавших в нем детей.

Рис. 11-1 ясно показывает, что раздражение детей заметно увеличивало проявление их агрессивных наклонностей (даже если их партнеры не имели намерения препятствовать их конструкторской деятельности). Действия экспериментатора, объяснявшего причины грубого поведения другого ребенка, существенно снижали желание (или готовность) детей наказать своего обидчика. Изменив свое мнение об обидчике в благоприятную сторону, дети либо полностью отказывались от применения ответных репрессивных мер, либо существенно снижали уровень проявления своей агрессивности. С другой стороны, агрессивный стиль игры не приводил к снижению

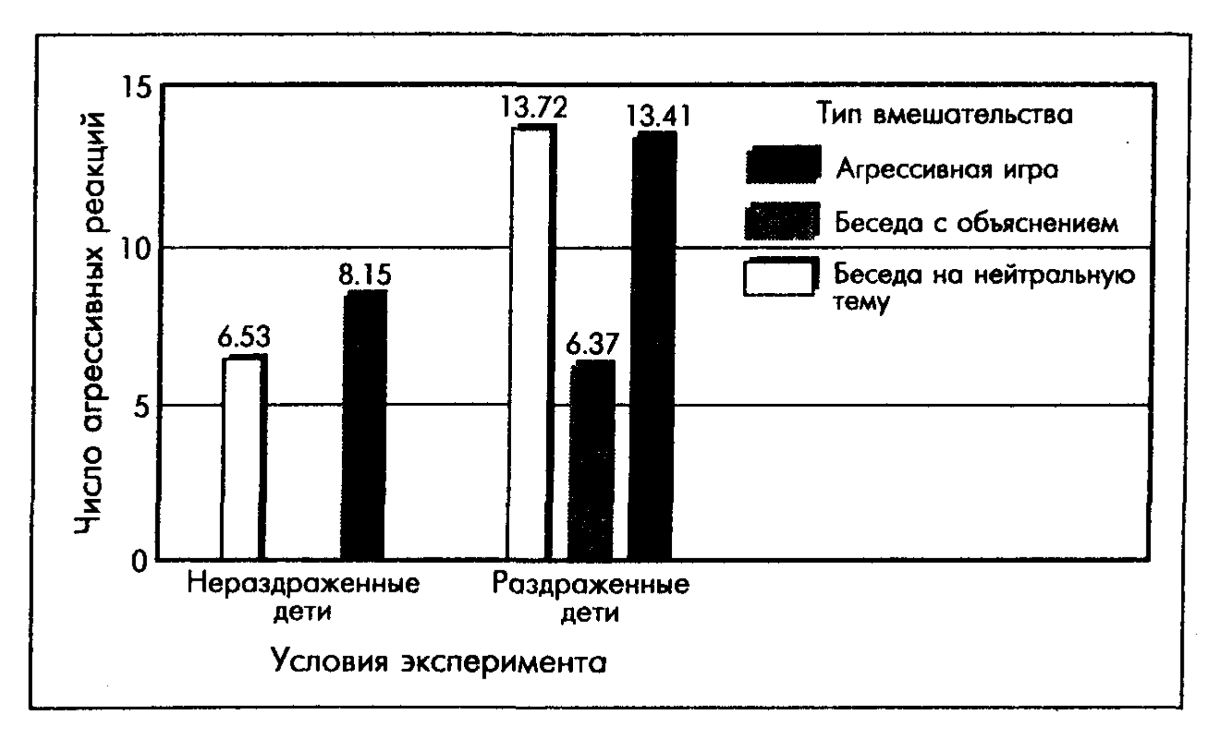


Рис. 11-1. Число агрессивных реакций в ответ на внешнее вмешательство (беседа на нейтральную тему, объяснение ситуации или агрессивная игра). (Данные взяты из: Mallick & McCandless (1966). Исследование II. Copyright 1966 by American Psychological Association. Адаптировано с разрешения авторов.)

числа попыток атаковать обидчика. Таким образом, возбужденные дети не испытывали благотворного влияния катарсиса в результате стрельбы из своих игрушечных ружей[1].

Полученные доказательства являются достаточно убедительными. Они позволяют полностью отвергнуть представление о том, что дети, а также взрослые могут избавиться от своих агрессивных побуждений за счет осуществления воображаемой агрессии. Поэтому водители не снизят свою склонность к проявлению агрессии, если будут выпускать очереди из игрушечных автоматов по другим участникам дорожного движения, а мальчики не станут относиться более дружелюбно к своим товарищам после того, как разрядят в них свои детские ружья и пистолеты. Поэтому, как я утверждал на протяжении всей этой книги (и как свидетельствуют результаты приведенных исследований), воинственные игры могут даже повысить вероятность проявления реальной агрессии в будущем, поскольку они внушают их участникам агрессивные идеи и предусматривают вознаграждение за более агрессивное поведение.

Мы должны согласиться с женщиной, которая несколько лет тому назад написала письмо в газету с целью оспорить разумность совета, данного ведущим колонки одной из читательниц, которая хотела узнать, как она может справиться со вспышками раздражения, возникающими у ее сына. Журналист порекомендовал этой матери дать ребенку специальный «мешок для битья», чтобы помочь ему «выводить из себя накопившееся раздражение». Автор письма в редакцию критически отнеслась к подобному совету и рассказала о случае, произошедшем в ее собственной семье:

> ***Когда мой младший брат был чем-нибудь рассержен, он начинал пинать ногами мебель. Наша мать говорила, что таким образом он «выпускает пар». Теперь ему исполнилось 32 года, и, если его что-то раздражает, он по-прежнему вымещает свою злобу на мебели. Но кроме того, он стал бить свою жену, своих детей, свою кошку и крушить все, что попадается на его пути[2].***

Подобная история представляется вполне правдоподобной (см. главу 6 «Развитие склонности к насилию»). Когда брат этой женщины пинал ногами мебель, его воображаемая агрессия против других

---

[1] Mallick & McCandless (1966), Исследование № 2. Заметьте, что, хотя агрессивные игры имеют тенденцию увеличивать агрессивность подростков вследствие создания помех их деятельности, подобного роста агрессивности не наблюдалось после организации агрессивной игры в группах, не испытывавших препятствий для решения их задачи. Возможно, в таких условиях раздраженные дети понимали, что они уже были достаточно агрессивными, и не желали становиться еще более грубыми.

[2] Взято из колонки Ann Lenders, опубликованной 8 апреля 1969 г., приведено в: Berkowitz, July 1973 b, p. 24.

людей получала подкрепление, так что его склонность к насилию становилась все сильнее, а он сам с большей вероятностью мог атаковать любого вызвавшего его раздражение человека. Во многом сходные процессы могут происходить всякий раз, когда люди ведут себя агрессивно, вне зависимости от того, в какой форме выражается подобное поведение. Наступило время, когда специалисты по проблемам психического здоровья людей должны прекратить рекомендовать осуществление воображаемого насилия в качестве средства ослабления склонности к агрессии.

❒ **Дополнительные соображения**. В данном контексте следует упомянуть еще два важных момента. Во-первых, на агрессивность людей может влиять их душевное состояние: агрессивность может повышаться при плохом настроении и снижаться при хорошем. Это означает, что игры, в которые играют люди, могут временно воздействовать на их настроение, а через него и на поведение в отношении других индивидов. Люди, получившие удовольствие от стрельбы из пистолета по мишеням или от того, что, пробегая по темному коридору, смогли поразить из электронного светового ружья всех своих противников, действительно могут испытать прилив доброжелательных чувств на ближайшие несколько минут или даже часов. Однако это состояние будет не результатом их освобождения от позывов к насилию, а следствием их хорошего настроения в данный период времени. Их повышенный уровень дружелюбия будет сохраняться до тех пор, пока они будут находиться в хорошем расположении духа.

Во-вторых, очевидно, что многие дети, и в особенности мальчики, получают удовольствие от игр с детским оружием. Для их родителей бывает довольно трудно, а иногда и просто невозможно заставить своих сыновей прекратить реализацию воображаемой агрессии. Если мальчикам не покупают игрушечные ружья, то для ведения воображаемой стрельбы по выдуманному противнику они готовы использовать палки или просто собственные руки.

Они демонстрируют такое поведение не в силу своей природной агрессивности, а, возможно, из-за своего желания самоутвердиться в окружающем мире. Этим они показывают, пусть и всего лишь тем способом, который кажется подходящим для их недостаточно развитого мужского сознания, что они хотят установить собственный контроль над находящимися вокруг них людьми. Пытаясь стрелять по чужим людям из окружающего их мира, они воображают, что борются с различными враждебными силами, и даже утверждают свой авторитет на будущее. Я полагаю, что они демонстрируют во многом то же самое стремление, что и дети, стремящиеся нажать на кнопку, останавливающую движение эскалатора в метро. Мне кажется, что отцы и матери должны с пониманием относиться к желанию мальчиков установить свой контроль над окружающим миром и разрешать им играть с детским оружием, если они будут настойчиво об этом

просить. Однако это не значит, что родители должны поощрять участие своих детей в играх, связанных с проявлением агрессии. Более того, они должны внушать своим отпрыскам мысль о недопустимости умышленного нанесения вреда окружающим их людям[1].

❐ **Воображаемые нападения и обычные проявления недовольства не способствуют достижению цели агрессии.** Нет никакой тайны в ответе на вопрос, почему воображаемая агрессия редко ослабляет побуждения к совершению реальной агрессии в будущем: ведь воображаемая агрессия не наносит жертве никакого вреда. Представим, что Джейн рассердилась на мужчину, который ее обманул. Удары ногой по кукле Бобо или теннисной ракеткой по кровати не обязательно удовлетворят ее агрессивные желания; у нее не будет оснований полагать, что подобные действия действительно причинят вред ее обидчику. Джейн также не достигнет состояния катарсиса, рассказав о недостойном поведении ее знакомого своей подруге, если у нее не появится уверенность в том, что этим она сможет каким-то образом реально повредить ему. В пользу этого представления говорит и тот факт, что, когда группа психологов интервьюировала нескольких сотрудников, разгневанных только что полученным ими уведомлением об увольнении, эти люди начинали проявлять еще большую враждебность по отношению к компании после того, как получили возможность высказать свое критическое отношение к ее руководству. Так как они не верили, что их слова действительно могут нанести вред этой фирме, и так как они не смогли понять мотивов действий ее руководства в данной ситуации, они начинали распалять себя все больше и больше (Ebbesen, Duncan & Konecni, 1975). Мы можем лишь повысить свое возбуждение, если будем размышлять о несправедливом отношении к нам, представлять себе способы наказания обидчиков или даже если на самом деле открыто выскажем им все, что о них думаем, но при этом не причиним им никакого реального вреда.

---

[1] Могут представлять интерес и некоторые другие замечания. Некоторые врачи используют воображаемую агрессию для того, чтобы научить своих пациентов быть более настойчивыми и уверенными в своих силах. Однако наряду со многими другими психологами я убежден в том, что человек может укрепить свой характер и не становясь более агрессивным (в том смысле, в котором понятие агрессии рассматривается в данной книге). Мы не должны учить людей получать удовольствие от нанесения повреждения себе подобным для того, чтобы они стали проявлять большую готовность постоять за себя. Кроме того, воображаемая агрессия нередко является всего лишь развлечением. Люди, вовлеченные в агрессивные игры, могут получать удовольствие от участия в них. Полученные положительные эмоции способны ослабить их агрессивные наклонности *в данный момент*, но это совсем не значит, что они будут менее склонными к проявлению насилия в будущем.

ЭФФЕКТ ПОСЛЕДЕЙСТВИЯ РЕАЛЬНОЙ АГРЕССИИ

Даже несмотря на то что воображаемая агрессия не ослабляет агрессивные тенденции (за исключением случаев, когда она приводит агрессора в хорошее настроение), в определенных условиях более реальные формы нападения на обидчика *могут* снизить желание причинять ему вред в будущем. Однако механизм этого процесса является достаточно сложным, и прежде чем понять его, вам следует познакомиться с некоторыми его особенностями.

Некоторые факторы, способствующие повышению агрессивности

❐ **Сдерживание агрессии может вызвать разочарование**. Так как агрессивно настроенные люди активно стремятся причинить вред своим предполагаемым обидчикам, то очевидно, что они будут испытывать разочарование, если не смогут добиться своей цели. Этот вывод будет справедливым и в том случае, когда эти люди сами являются источниками сил, сдерживающих их агрессию.

Мы можем наблюдать примеры подобного разочарования во многих экспериментах, выполненных еще несколько десятилетий тому назад. В самых ранних из них преднамеренно доведенные до состояния крайнего раздражения мужчины, которым запрещали отвечать на любые провоцирующие действия, впоследствии демонстрировали более высокую агрессивность по сравнению с членами контрольной группы, которым разрешали отвечать на полученные оскорбления. Таким образом, временное препятствие проявлению ответной реакции подвергшегося оскорблению человека, по-видимому, повышало его агрессивные намерения. Несколько лет тому назад я показал, что блокирование агрессивных побуждений, вызванных нанесенным оскорблением, приносило особо сильное чувство разочарования тем эмоционально возбужденным людям, которые собирались отплатить своим обидчикам. Стремившиеся свести счеты люди испытывали сильное разочарование, когда лишались возможности реализовать свои агрессивные устремления (Ebbesen, Duncan & Konecni, 1975).

В рассмотренных случаях ограничения устанавливались извне, но я полагаю, что подобное разочарование испытывают и те люди, которые сами не позволяют себе осуществить желаемые действия. Последствия подобных самоограничений могут быть примерно такими же: агрессивные желания, вне зависимости от того, подавляются они изнутри или извне, могут вызвать повышенную внутреннюю напряженность и еще более настойчиво побуждать к нападению на других людей.

Некоторые психотерапевты рассматривают подавленную агрессию в качестве основной психологической проблемы, поскольку не-

редко наблюдают вызванные ею чувства обиды и враждебности у своих пациентов. Многие из них оказываются чрезвычайно озлобленными и готовыми наброситься на своих оскорбителей. Однако по той или иной причине они опасаются последствий прямого нападения, что становится причиной все большего эмоционального расстройства. Тем не менее мы должны признать, что напряжение и возросшая агрессивность этих пациентов становятся результатом блокирования *активированного* побуждения к агрессии. Пациенты не ощущали бы этого внутреннего разлада, если бы не испытывали эмоционального возбуждения и не имели бы *активного* желания причинить вред другим людям (по крайней мере, мысленно).

❐ **Эскалация агрессии**. В некоторых случаях происходит эскалация агрессии. Не довольствуясь первыми ударами, нападающие входят в раж и продолжают наносить их со все большим ожесточением. Их ярость нарастает до тех пор, пока они сами не начинают ощущать усталость или не понимают, что поставленная цель уже достигнута. Последствия такого поведения могут оказаться трагическими.

В июне 1988 году в штате Луизиана был приведен в исполнение смертный приговор в отношении 28-летнего Эдварда Бирна, совершившего убийство женщины в процессе ограбления. Бирн назначил встречу своей жертве, поскольку заранее знал, что в тот день она должна была получить на работе большую сумму денег. Однако в своих показаниях он настаивал на том, что не собирался ее убивать. Он планировал лишь ударить свою жертву молотком по голове, чтобы лишить ее сознания. Однако первый удар оказался недостаточно «успешным», и Бирн стал бить женщину до тех пор, пока она не перестала подавать признаков жизни.

Если допустить, что Бирн говорил правду и действительно не собирался убивать свою жертву, то как объяснить то множество ударов, которые он ей нанес? Его первый удар не лишил ее сознания, но должен ли он был повторить его так много раз и с такой жестокостью? По-видимому, в этой ситуации Бирн не вполне контролировал свои действия.

В действительности данный тип автоматической эскалации агрессии не является чем-то необычным. Например, подобный эффект наблюдается при проведении лабораторных экспериментов, в которых субъектов исследования просят наказать студента, находящегося в другой комнате. По мере того как испытуемые наказывают другого человека (в действительности не существующего), их действия становятся все более и более жестокими. Это явление наблюдается и в тех случаях, когда субъекты исследования никак не провоцируются своими жертвами или экспериментаторами. Как и в случае с Бирном, интенсивность их действий нарастает с каждым новым ударом, наносимым жертве (Goldstein, J.H., Davis R.W. & Herman, D. 1975). В чем же причина подобного явления?

Психологические процессы, способствующие эскалации агрессии. Существует множество причин эскалации агрессии, поэтому я назову только некоторые из них. Во-первых, агрессор, по мере нанесения все новых ударов своей жертве, становится все более и более возбужденным, так что его собственное внутреннее состояние начинает служить дополнительным источником стимулирования агрессивных действий, по крайней мере на какой-то период времени. Эд Бирн, вероятно, также приходил во все большее возбуждение, нанося удары женщине, которую он хотел ограбить. Возможно, что его воодушевляла собственная смелость, ощущение грозящей ему опасности, внутреннее беспокойство или просто удовольствие от испытываемых переживаний.

Во-вторых, влияние факторов сдерживания агрессии может существенно ослабнуть. После того как Бирн нанес первые удары, он, вероятно, стал все меньше и меньше задумываться о возможных последствиях своих действий. Возможно, что причиной этого было внутреннее смятение, не позволившее ему удержать себя от продолжения бессмысленно жестокого поведения.

Я не могу с уверенностью сказать, происходил ли при этом процесс самостимуляции. Я уже замечал несколько раз, что мысли и слова, имеющие агрессивный подтекст, могут породить другие идеи, имеющие сходный смысл, и даже активировать проявление агрессивных тенденций. Люди, считающие для себя возможным умышленно причинить страдание другому человеку и не беспокоящиеся о последствиях такого поведения, могут внушать себе различные агрессивные мысли и, таким образом, побуждать себя к совершению еще более жестоких действий[1]. Вероятно, что и Бирн побуждал себя к насилию именно таким способом. Несомненно, он думал о насилии во время нанесения ударов своей жертве, и эти мысли стимулировали дальнейший рост его агрессивности.

Кроме того, возможно, что Бирна подхлестывали мысли о необходимости скорейшего достижения его агрессивных целей. Предлагаемые мною рассуждения помогут объяснить, почему такой ход событий может считаться вполне вероятным. Реакция нападающего на его собственные агрессивные действия отчасти зависит от того, насколько близко он подошел к решению поставленной им задачи. Когда агрессор находится в состоянии возбуждения и хочет причинить своей жертве боль, то первая информация о ее страданиях приносит ему желаемое чувство удовлетворения и побуждает к еще более жестоким действиям. Когда же он видит, что сумел достичь своей цели и причинить объекту агрессии те повреждения, которые

---

[1] См. доказательства в пользу этой возможности в: Berkowitz & Heimer (1989).

соответствовали его исходным намерениям, он считает свою задачу выполненной и прекращает нападение. При отсутствии других факторов влияния (например, страха перед наказанием) агрессор действует все более интенсивно по мере приближения к поставленной цели и прекращает свои атаки, когда считает, что достиг желаемого результата.

Эскалация насилия в семье. Социолог Мюррей Страус (Murray Straus) из университета города Дарем (штат Нью-Гемпшир), на чьи работы я неоднократно ссылался в этой книге, указывал на то, что семейные стычки нередко служат примером процесса акселерации агрессии. Когда он попросил своих студентов рассказать ему о том, как вели себя их отцы и матери во время трех последних серьезных «конфликтов или недоразумений», происходивших в семье, то их ответы позволили установить, что ссоры между родителями редко ограничивались проявлением лишь одного типа агрессии. Чем интенсивней была словесная перепалка, начинавшаяся со взаимных обвинений и переходившая к грубым оскорблениям и требованиям убираться из дома, тем выше оказывалась вероятность возникновения агрессии с применением физического насилия. И для отцов, и для матерей «по мере роста интенсивности вербальной агрессии происходил резкий всплеск вероятности физической агрессии» (Straus, 1974).

Полностью в соответствии с моей точкой зрения Страус использовал свои наблюдения для критики использования «вентиляционистского» подхода при проведении консультаций по семейным проблемам. Он отмечал, что некоторые сторонники данного метода настаивали на том, что «супруги, которые ссорятся между собой, обычно продолжают жить вместе» — до тех пор пока их ссоры протекают «в рамках дозволенного» и пока муж и жена не начинают открыто нападать друг на друга. В этих пределах, утверждают приверженцы «вентиляционизма», супруги не должны себя сдерживать и проявлять снисхождение друг к другу[1]. Нетрудно понять, что главная сложность применения таких рекомендаций заключается в удержании агрессии в определенных границах. Ведь на практике довольно часто происходит эскалация супружеского конфликта. Связано ли это со взаимным антагонизмом супругов или с тем, что они сами подстрекают себя к повышению агрессивности своих действий, но обмен взаимными претензиями может легко превратиться в обмен настоящими оскорблениями, от которых недалеко и до применения физического насилия. Разумеется, я не утверждаю, что мы не должны говорить своим близким о том, что раздражает нас в их

---

[1] Именно эта точка зрения находит свое отражение в: Bach & Goldberg (1974).

поведении, но я считаю, что сообщать об этом следует в спокойной, деликатной манере, без использования прямых обвинений. При этом мы не должны демонстрировать свою воинственность и готовность причинить боль.

Почему люди прекращают нападение? Теперь нам следует задаться следующим вопросом: если агрессия нередко идет по нарастающей, то почему она может прекращаться до того, как полностью выходит из-под контроля? Хотя Эд Бирн не смог остановиться, прежде чем не забил свою жертву насмерть, все же большинство из нас, даже несмотря на крайнее эмоциональное возбуждение, прекращает свои атаки еще до того, как их последствия становятся необратимыми.

Отчасти это явление может быть объяснено индивидуальными различиями в способностях к самоограничению. В главе 5 «Идентификация склонности к насилию» отмечалось, что некоторые люди, в частности те, кого я назвал «эмоционально-реактивными агрессорами», быстро возбуждаются в тех случаях, когда они оказываются в сложной ситуации или испытывают воздействие провоцирующих факторов. При этом они с трудом могут сдерживать импульсы, подталкивающие их к совершению насилия. Другие же люди обладают более развитыми способностями к самоконтролю. Когда они понимают смысл совершаемых поступков и не находятся целиком во власти охвативших их чувств, начинают действовать их внутренние центры сдерживания агрессии. Поэтому такие люди могут взять себя в руки и прекратить свои опасные действия. Эд Бирн, по-видимому, не обладал достаточными способностями самоконтроля. (В этой главе я еще вернусь к проблеме самоконтроля и рассмотрю ее более подробно.)

Другие факторы, в особенности уровень восприятия достижимости цели, также могут вносить свой вклад в эскалацию агрессии. Как я уже отмечал ранее, при отсутствии ограничений люди нападающие могут избивать своих жертв до тех пор, пока не убедятся в том, что своими действиями они смогли достичь желаемой цели. Поэтому они прекращают агрессию, когда считают свою главную задачу — нанесение достаточных повреждений своей жертве — выполненной.

Давайте теперь рассмотрим одно свидетельство в подтверждение правильности сделанных предположений.

Доказательство снижения агрессивности после совершения нападения

Исследование катарсиса, происходящего при совершении агрессии, является довольно сложным, и всесторонний обзор литературы по этой проблеме быстро позволяет выявить противоречивость ре-

туации те испытуемые, которые считали, что эта женщина уже наказывалась ранее — либо экспериментаторами, либо ими самими,— проявляли по отношению к ней *меньше* агрессивности, чем те студенты, которые считали, что она не подвергалась воздействию электрошока прежде. По-видимому, они были удовлетворены уже тем, что надоедавшая им персона получала наказание от кого-нибудь другого, и *для них* было не особенно важно причинить ей боль непосредственно своими действиями (Doob & Wood, 1972).

☐ **Чем вызвано отмеченное различие: не повышенной ли агрессивностью в крови?** В определенной мере, да. Но давайте посмотрим, что еще могло бы произойти в эксперименте Дуба и Вуда при условии провоцирования его участников. Те испытуемые, которые не наказывали мешавшую сообщницу экспериментаторов, спокойно сидели, ожидая, что это сделает кто-нибудь другой. Еще в 1973 году в своей работе, посвященной рассмотрению проблем катарсиса, Альберт Бандура ставил вопрос о том, действительно ли те испытуемые, которые находились в этом состоянии ожидания, могли быть отнесены к соответствующей «контрольной группе». На самом деле провоцируемые субъекты исследования могли размышлять в это время о плохом отношении к ним, так что их агрессивные побуждения, вероятно, по-прежнему оставались достаточно сильными или даже нарастали. Люди в предполагаемых условиях катарсиса (наказывающие своих обидчиков) могли бы быть менее пунитивными по отношению к провоцировавшему их человеку в конце эксперимента только потому, что они были бы слишком заняты решением собственной задачи, чтобы размышлять о его действиях, и таким образом, не стали бы возбуждать в себе агрессивные чувства.

Другое исследование катарсиса также было выполнено в университете г. Торонто. Его автором был Владимир Конечны (Vladimir Conecni), работающий в настоящее время в университете г. Сан-Диего, штат Калифорния. Конечны обратился к той же проблеме контрольной группы, которую впервые поднял Бандура. Полученные им результаты дают еще больше информации об условиях, влияющих на вероятность агрессивного катарсиса, поэтому мы рассмотрим их более подробно.

В начале своих экспериментов Конечны заставлял своих испытуемых (студентов и студенток университета) работать во время индивидуальных занятий над решением нескольких задач совместно с другим студентом (помощником экспериментатора), что во многом напоминало исследование, выполненное Дубом и Вудом. Во время этой первой фазы этот «другой студент» вел себя по отношению к испытуемому либо нейтрально, либо в невыносимо грубой манере. Далее создавались условия для вмешательства испытуемых. Как и в эксперименте Дуба и Вуда, имел место промежуточный период, в течение которого одни испытуемые

наказывали помощника экспериментатора с помощью электрошока всякий раз, когда он допускал ошибку в воспроизведении заученной информации, а другие не предпринимали никаких мер воздействия в течение определенного периода времени, ожидая наступления финальной части эксперимента. Кроме того создавались условия, при которых испытуемые не наказывали помощника экспериментатора, а получали задание, требовавшее напряжения их умственных сил. Например, они в одиночку занимались решением математических задач, предположительно для того, чтобы определить их трудность. Конечны также придал своим экспериментам некоторые особенности, которые следует упомянуть особо: поскольку он хотел узнать, смогут ли с течением времени успокоиться те испытуемые, в отношении которых применялись провоцирующие действия, то этим людям разрешалось применять ответные меры только по истечению определенного интервала времени длительностью от 7 до 13 минут. Наконец, каждый испытуемый имел возможность причинить «умеренную боль» помощнику экспериментатора, чтобы таким образом оценить степень его вмешательства в процесс решения задач другими студентами.

Конечны удалось установить, что, во-первых, результат вмешательства в деятельность испытуемых определялся их эмоциональным состоянием. В пояснениях к рис.11-3 перечислены способы подобного воздействия на испытуемых, получавших короткое (7-минутное) задание. Природа этих коротких заданий не оказывала значительного влияния на число применений электрошока теми студентами, которых специально не доводили до раздражения. Обычно они не стремились серьезно наказать помощника экспериментатора вне зависимости от того, какое задание получали.

В то же время характер полученных заданий заметно сказывался на поведении раздраженных испытуемых. Те из них, кто должен был просто сидеть и ждать, проявляли наивысшую пунитивность, а те, кто решал математические задачи, оказывались настроенными наименее агрессивно. Во многом в соответствии с предположениями Бандуры именно разгневанные испытуемые особенно тяготились провоцирующими действиями помощников экспериментатора во время ожидания наступления следующей фазы эксперимента и, таким образом, сохраняли свое раздражение или даже усиливали свои агрессивные побуждения. Те же испытуемые, которые получали отвлекающее задание, не становились более возбужденными, а, напротив, постепенно успокаивались, так как их мысли были заняты решением математических задач. Несмотря на то что подобная умственная деятельность, по-видимому, не устраняла агрессивных намерений провоцировавшихся испытуемых, все же те из них, кто уже наказывал мешавшего им помощника экспериментатора, оказывались настроенными менее воинственно. Фактически они становились наименее агрессивными из всех испытуемых, подвергавшихся внешним воздействиям трех упомянутых выше типов, и проявляли не большую пунитивность, чем те участники эксперимента, которые не испытывали воздействия внешних раздражающих факторов. По-видимому, они ощущали ослабление склонности к агрессии вследствие катарсиса, испытанного ими во время предыдущих наказаний провоцировавших их помощников экспериментатора.

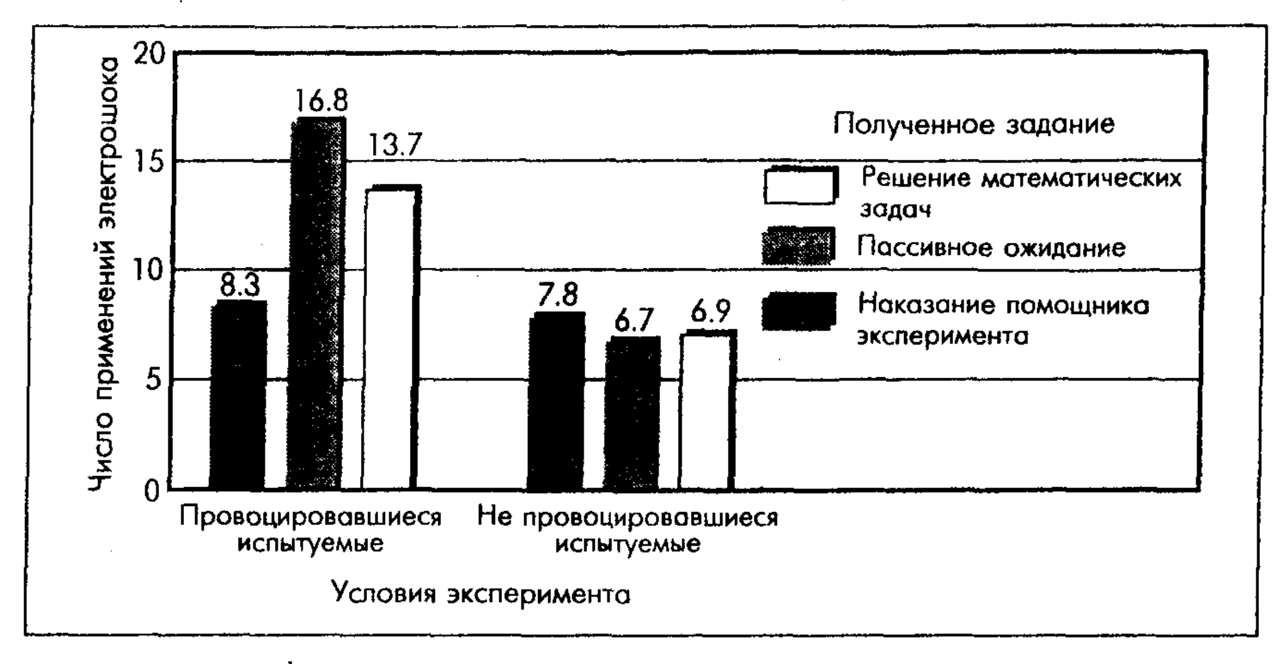


Рис. 11-3. Количество воздействий электрошоком, назначенных помощнику экспериментатора раздраженными и нераздраженными испытуемыми после выполнения ими кратковременных заданий. (Данные взяты из: Konechny, 1975 b. Copyright 1975 by the American Psychological Association. Публикуются с разрешения автора.)

Эти результаты не следует истолковывать таким образом, что нам следует атаковать вызывающих наше раздражение людей для того, чтобы ослабить свои агрессивные побуждения. Много веков тому назад Вергилий заметил: «Время способно излечить многие наши страдания», и результаты, полученные Конечны, указывают на то, что этот древнеримский поэт был прав по крайней мере при соблюдении некоторых условий. В конце рассматриваемого эксперимента раздраженные испытуемые, которые должны были в течение длительного периода (продолжительностью 13 минут) заниматься порученной им нейтральной деятельностью — пассивным ожиданием или решением математических задач, становились менее агрессивными, чем те раздраженные испытуемые, которым отводилось только 7 минут для принятия решения об использовании электрошока. Таким образом, их агрессивные побуждения, по-видимому, просто ослабевали с течением времени[1].

❐ **Возвращение наших мыслей в спокойное состояние.** Этот результат содержит в себе важный вывод. Мы не должны нападать на обидевшего нас человека, для того чтобы пережить «эффект катарсиса» (определяемый как пониженная вероятность агрессии). Само время может сделать нас более миролюбивыми, разумеется, если мы сами не будем постоянно вспоминать о доставивших нам страдание событиях и сможем переключить свое сознание на другие проблемы. Незадолго до наступления XX века один молодой человек, которого

---

[1] Konechny (1975 b). Сделанный Бандурой анализ исследований, относящихся к проблеме катарсиса, можно найти в его книге, выпущенной в 1973 г., например на с. 151.

интервьюировал один из пионеров современной психологии Стэнли Холл, рассказывал о том, как ему удавалось справиться с нередко возникавшим у него чувством раздражения. Здесь будет уместно привести один из описанных им случаев:

> *Однажды, когда мне было 13 лет, я страшно рассердился на родителей и ушел из дома, поклявшись, что больше туда не вернусь. Стоял чудесный летний день, и я гулял по живописным тропинкам в окрестностях нашего города до тех пор, пока тишина и очарование природы не успокоили мои чувства. Я вернулся домой раскаявшимся и умиротворенным. С тех пор всякий раз, когда я испытываю приступы гнева, я прибегаю к подобному методу, который лучше всего помогает мне справиться с моими отрицательными эмоциями (цит. по: Tavris, 1989, р. 135).*

Как было бы хорошо, если бы каждый из нас мог найти собственные «живописные тропинки», прогулки по которым могли бы помочь забыть нанесенную ему обиду.

Долгосрочные опасности удовлетворения агрессивных чувств

Нападение на провоцирующего вас человека не обязательно окажется хорошим выходом из возникшей ситуации вне зависимости от того, какое удовлетворение может принести вам эта агрессия. Начав атаку на своего обидчика, первоначально мы можем получить удовольствие от своих действий: помимо достижения агрессивных целей мы можем надеяться на то, что дадим ему хороший урок на будущее и сможем показать другим людям (а возможно, и себе), что никому не позволим помыкать собой.

Однако за подобное удовольствие все равно придется платить. Люди, подвергнувшиеся нашему нападению, могут ответить нам в том же духе, что неминуемо приведет к длительному обмену агрессивными и контрагрессивными действиями. Существует и другая, не такая очевидная возможность развития событий. Как я указывал в главе 6 «Развитие склонности к насилию», агрессоры нередко испытывают удовольствие, когда видят, что им удалось причинить вред атакованным им людям.

Благодаря получению подобного подкрепления они с большей вероятностью будут готовы нападать на других людей, даже если возникшая в будущем ситуация окажется существенно иной. Поэтому хотя наши агрессивные побуждения и могут ослабнуть после наказания провоцировавших нас людей, но при этом возникнет лишь *краткосрочное* уменьшение вероятности новых проявлений нашей агрессивности.

В долгосрочном плане мы, скорее всего, станем еще более агрессивными, чем были в прошлом.

Может оказаться полезным поговорить с кем-нибудь о своих проблемах

Не исключено, что вас не убедили мои аргументы, приведенные в данной главе. Вы можете размышлять приблизительно следующим образом: «Вероятно, не существовало бы такого широкораспространенного убеждения в преимуществах открытого выражения агрессивных чувств, если бы проявление эмоций не имело какого-либо значения». Я спешу убедить вас в том, что вы правильно поняли то, что я хотел сказать в этой книге.

Я постоянно подчеркивал, что выражение чувств может происходить различными способами, но оспаривал лишь допустимость такой формы проявление раздражения, при которой провоцируемый человек начинает угрожать другим людям или даже нападать на них. Я не возражаю против демонстрации раздражения с помощью мимики или жестов (если только эти действия не содержат в себе прямой угрозы) или же против высказывания своих чувств в неагрессивной манере. Задумаемся еще раз над строчками Уильяма Блейка, приведенными ранее: «Враг обиду мне нанес — /Я молчал, но гнев мой рос». Возможно, что в этом случае поэт открыто высказал претензии своему другу, не прибегая при этом к оскорбительным выражениям.

❑ **Выгоды, которые вы получаете от того, что делитесь своими проблемами с другими людьми**. На мой взгляд, Блейк не обязательно был *эмоционально экспрессивным* с точки зрения выразительности тона, которым он произносил слова, обращенные к другу. Напротив, скорее его речь имела информативный характер, когда он говорил этому человеку о своих чувствах и о тех поступках, которыми тот так досадил поэту. Впечатляющие результаты исследования, выполненного Джеймсом Пеннебейкером (James Pennebaker) из Южного Методистского университета г. Далласа, штат Техас, наглядно показывают различие между этими двумя способами проявления эмоционального состояния. Данные, полученные Пеннебейкером, наглядно показывают, что один из этих способов демонстрации чувств может принести гораздо больше выгод по сравнению с другим.

Кое-кто из нас крайне неохотно рассказывает другим людям о своих душевных травмах, личных трагедиях или глубоких разочарованиях. Полагая, что такие события являются нашим частным делом, что, сообщая о них, мы можем выставить себя в нежелательном свете и что они просто могут оказаться неинтересными нашему собеседнику, мы стараемся не проявлять своих чувств и ничего не говорить о том, что с нами случилось. Большинство психиатров не одобряют нежелание людей делиться своими проблемами с другими людьми, и результаты исследования Пеннебейкера указывают на то, что для

такого отрицательного отношения есть серьезные основания. Молчание может лишь усилить наше эмоциональное расстройство и, таким образом, отрицательно сказаться на физическом и психическом здоровье.

В одном своем исследовании Пеннебейкер проводил опрос мужчин и женщин в возрасте от 25 до 45 лет, чьи мужья или жены недавно погибли в результате автомобильных аварий или самоубийств. Как легко было предположить, неожиданная смерть мужа или жены была серьезным ударом для большинства из опрошенных людей, и многие из них отмечали, что за год, прошедший после трагедии, состояние их здоровья ухудшилось. При этом наименее серьезные проблемы со здоровьем возникали у тех мужчин и женщин, которые рассказывали другим людям о внезапной смерти своих близких. Интересно отметить, что, согласно полученным данным, чем больше они рассказывали о своей беде, тем реже у них наблюдалось ухудшение здоровья и тем меньше они думали об ушедших из жизни супругах в последующие годы.

Воодушевленные подобными результатами, Пеннебейкер и его помощники провели серию экспериментов с целью установить характер изменения физического и психического здоровья испытуемых (включая изменения на нейрофизиологическом и биохимическом уровнях), рассказывавших о полученных ими душевных травмах другим людям. Один из этих опытов особенно хорошо иллюстрирует приведенные мною выше рассуждения.

В ходе этого эксперимента здоровые студенты в течение четырех дней писали либо о произошедших с ними тривиальных событиях (они получили название контрольной группы), либо о пережитых ими стрессовых ситуациях. Затем студенты, писавшие о своих душевных травмах, подразделялись на три подгруппы: 1) писавшие лишь о самом факте душевной травмы, но ничего не сообщавшие о своих чувствах; 2) писавшие только о своих чувствах в момент травмировавшего их психику события; 3) рассказывавшие и о несчастном случае, и о пережитых ими ощущениях.

Когда экспериментатор спрашивал студентов о чувствах, испытанных ими сразу же после завершения этого задания, то его вопросы больше всего расстраивали тех из них, кто описывал свои ощущения в момент наступления стрессовой ситуации (то есть отнесенные ко второй и третьей подгруппам). Кроме того, у этих студентов наблюдался наивысший рост систолического кровяного давления. Очевидно, что они испытывали сильное эмоциональное волнение, когда вспоминали о пережитых ими событиях.

Однако это эмоциональное возбуждение, по-видимому, шло на пользу только тем испытуемым, которые были хорошо знакомы с фактической стороной инцидента, ставшего причиной их душевной травмы. Когда психологи стали интересоваться здоровьем студентов спустя

шесть месяцев, они установили, что те из них, кто сообщал и о фактической стороне события, и о своих переживаниях в момент его наступления, чувствовали себя более здоровыми, имели меньше заболеваний и реже посещали специалистов университетского лечебного центра, чем члены двух других подгрупп. Данные о частоте посещения врачей этого центра приведены на рис. 11-4. Из их рассмотрения видно, что важным для здоровья студентов оказалось не только желание описать пережитые чувства, но и готовность рассказать о них в контексте реально происходивших событий.

Теперь давайте вернемся к первому из описанных мною исследований Пеннебейкера и постараемся ответить на вопрос о том, почему же так ухудшалось здоровье некоммуникабельных людей после внезапной смерти их супруга или супруги. По мнению Пеннебейкера, основной причиной подобного явления было то, что эти люди постоянно испытывали сильный эмоциональный стресс. Помимо того что они никому не рассказывали о перенесенных ими душевных травмах, они, по-видимому, старались не думать о произошедших трагических событиях. Попытки подавления нежелательных мыслей требовали значительных затрат психической энергии, и эта внутренняя работа изматывала их также и физически. Из-за своего постоянного стремления заблокировать тяжелые воспоминания они не имели возможности расслабиться и все время находились в беспокойном состоянии. Для того чтобы отвлечь себя от размышлений о произошедшей трагедии, они должны были помнить о своих утратах практически все время, хотя и не во всех подробностях. Поскольку опасные мысли и воспоминания обычно сохранялись в глубине их сознания, эти оставшиеся одинокими супруги постоянно испытывали психологическое напряжение, причину которого они не до конца понимали. В то же время более коммуникабельные вдовы и вдовцы, по-видимому, не ощущали этого дополнительного стресса. Сознательно ставя себя перед реальностью факта смерти своих близких, они не должны были с таким трудом и так часто удерживать себя от воспоминаний о невосполнимых утратах.

Результаты второго рассмотренного нами исследования Пеннебейкера позволяют понять, что еще следует подразумевать под более адекватным восприятием душевной травмы. Когда люди начинают подавлять свои мысли о трагических инцидентах и о пережитых ими тяжелых ощущениях, согласно Пеннебейкеру, они не только держат себя в постоянном напряжении, но и оказываются неспособными интегрировать свои печальные воспоминания в работу своей психической системы. Попытки рассказать другим людям о полученных душевных травмах или даже просто изложить историю трагических событий на бумаге могут помочь осуществлению этой благотворной интеграции. Таким образом, возможно, что в то время как

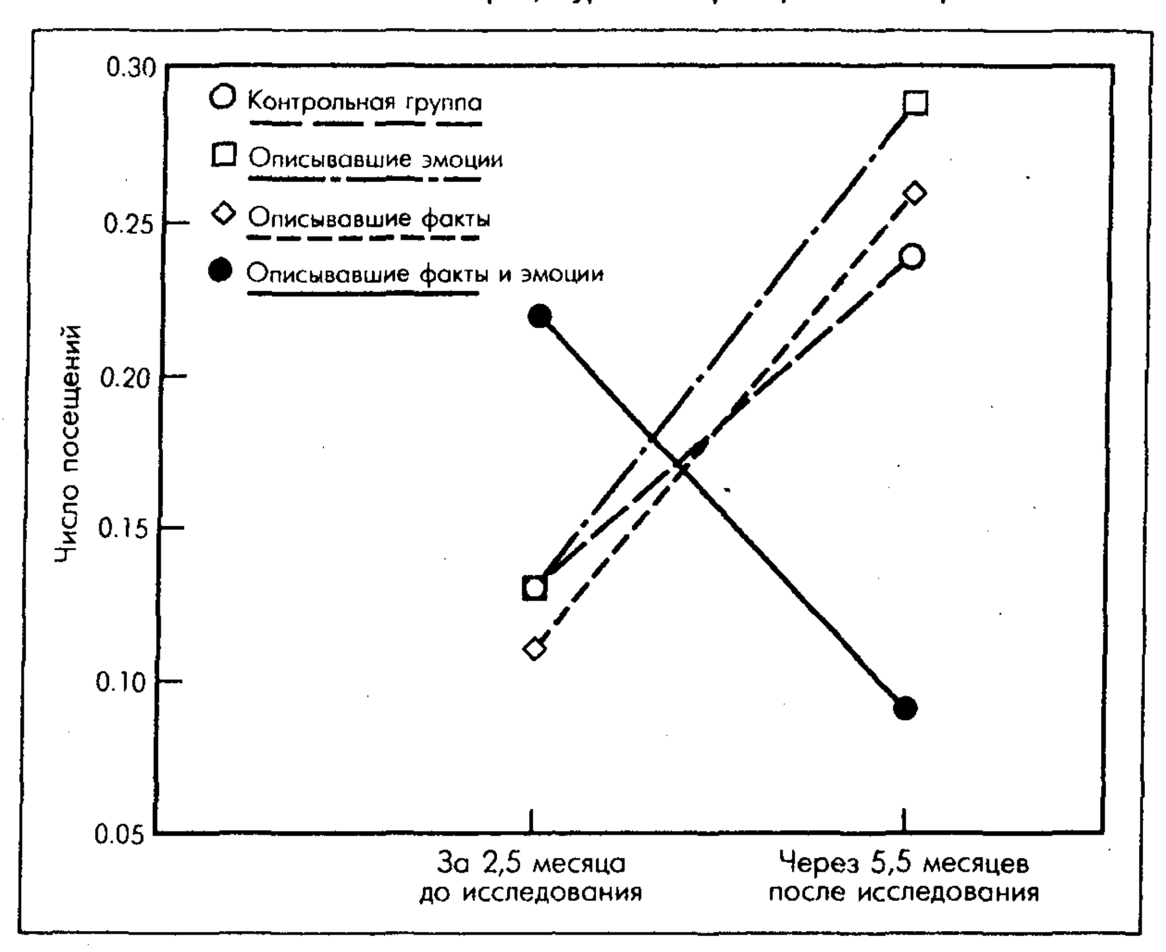


Рис. 11-4. Число посещений врачей в течение месяца в зависимости от характера изложения трагических событий. (Pennebaker & Bell, 1986). Copyright 1986 by the American Psychological Association. Приводится с разрешения авторов.)

субъекты второго исследования Пеннебейкера писали о несчастных случаях и пережитых ими тяжелых ощущениях, они достигали лучшего понимания произошедших событий, а также могли успешнее справиться с их последствиями и обеспечить более адекватный контроль над своими чувствами. За счет реализации такого подхода они становятся способны лучше воспринимать реальность случившегося и, выражаясь словами Пеннебейкера, «добиться прекращения переживаний». В первом исследовании Пеннебейкера те оставшиеся в живых супруги, которые рассказали другим людям о потере своих близких, более редко вспоминали своих погибших мужей или жен. Они закрыли тему.

Результаты работ Пеннебейкера показывают, что выгоды, получаемые при раскрытии человеком его эмоционального состояния перед другими людьми, обеспечиваются не за счет освобождения накопившихся чувств. При этом важным оказывается не обнажение эмоций и не разрядка накопившейся нервной энергии, а использование слов для описания причинивших страдания событий и сопровождавших их ощущений. Этот вывод полностью признается совре-

менной теорией психоанализа. Согласно утверждениям многих нынешних психоаналитиков, улучшение состояния их пациентов происходит не за счет достижения катарсиса, а за счет лучшего понимания смысла произошедших событий. Когда пациенты полностью осознают случившееся, то их воспоминания о пережитых тяжелых событиях и испытанных чувствах перестают существовать помимо их собственного «я» и становятся естественной частью их внутреннего мира. Кроме того, эти чувства становятся более контролируемыми[1].

Самосознание и самоконтроль

Самосознание, несомненно, может помочь людям ограничить воздействие враждебных и агрессивных импульсов, активируемых негативными ощущениями. Представьте себе, что вам как руководителю предстоит оценивать качество работы своего подчиненного. Предположим также, что к моменту начала аттестации у вас начали болеть зубы. В результате даже легкая зубная боль может сделать вас раздражительным (то есть отрицательные эмоции могут создать стимул для начала агрессии точно так же, как и враждебные мысли и чувство гнева). Поэтому вы можете с большей вероятностью дать неблагоприятную оценку работе своего подчиненного. Посмотрим теперь, что может произойти, если вы начнете полностью осознавать то, что говорите о другом человеке, и если вы будете намеренно стараться не позволить этим словам повлиять на выносимое вами решение.

Результаты серии экспериментов, выполненных мною совместно с Бартоломью Трокколи (о которых рассказывалось в главе 3), указывают на то, что самосознание с большой вероятностью может привести к возникновению самоконтроля. В одном из наших опытов (не упоминавшихся ранее) мы просили одну группу студенток нашего университета вытянуть горизонтально левую руку (для левшей — правую) и держать ее в таком положении несколько минут. В течение этого времени студентки должны были выслушивать сведения, которые сообщала им другая женщина (считалось, что эти сведения сообщаются в процессе интервью, осуществляемого при приеме на работу). Другая же группа студенток, выслушивая эту женщину, просто держала руки на столе. Студентки первой группы, которым приходилось держать свои руки вытянутыми вперед, вскоре начинали ощущать мышечную усталость, в то время как студентки второй группы не испытывали никакого физического дискомфорта. Затем мы попросили половину студенток из каждой группы постараться оценить свои ощущения в то время эксперимента для того, чтобы повысить их осведомленность о собственных чувствах. Каждой из оставших-

---

[1] Полное описание исследований Пеннебейкера и изложение его теоретических взглядов можно найти в: Pennebaker (1989).

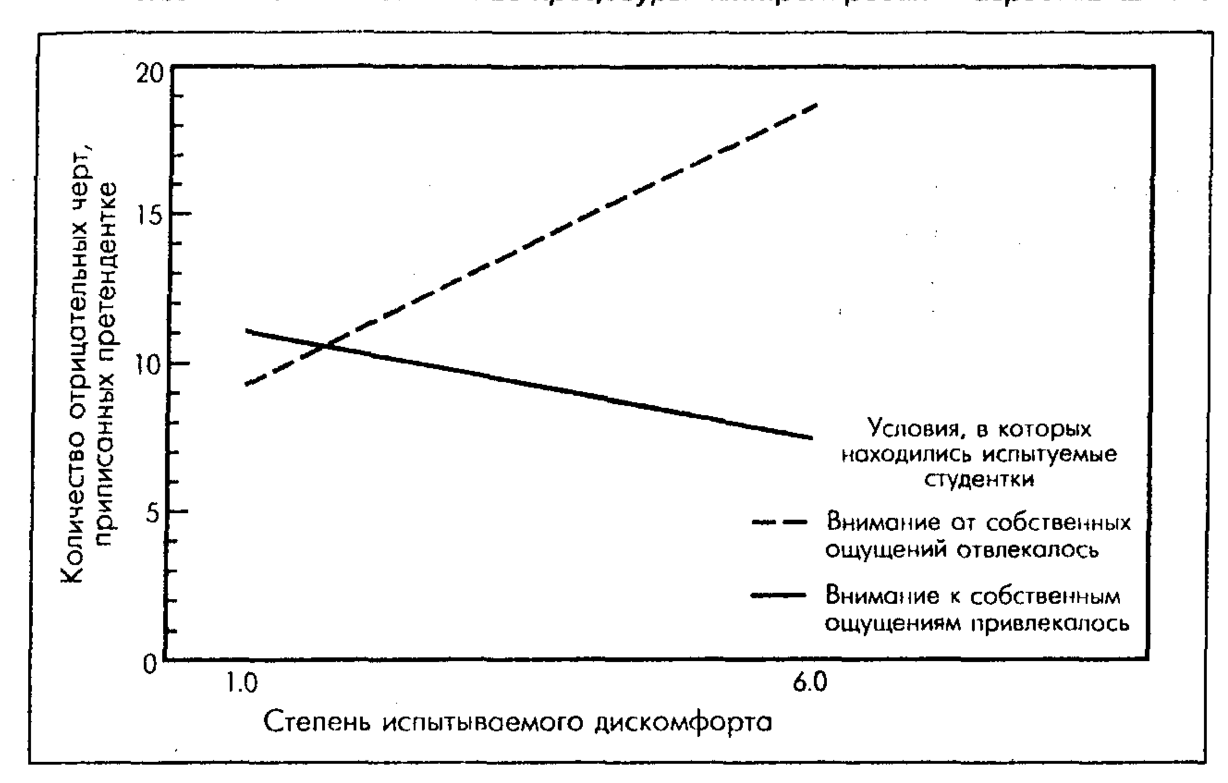


Рис 11-5. Связь между негативными чувствами и выраженными негативными оценками как функция активности внимания, привлекаемого к ощущениям испытуемых. (Графики построены на основании данных, взятых из Berkowitz & Troccoli, 1990, эксперимент 2.)

ся половин обеих групп было дано специальное короткое задание, которое должно было отвлечь их от анализа собственных ощущений. Наконец, всем участницам эксперимента предлагалось заполнить опросный лист, в котором им следовало 1) оценить проходившую интервью претендентку, перечислив те качества, которыми она обладала, и 2) описать, насколько дискомфортно каждая студентка чувствовала себя в конце эксперимента. При этом в качестве меры враждебности принималось число негативных характеристик, которые студентки приписывали соискательнице работы, выбирая из списка позитивных и негативных черт, приведенных в опроснике.

На рис. 11-5 отражены результаты этого эксперимента, хорошо согласующиеся с результатами других экспериментов этой серии. Степень внимания, с которым студентки следили за своими ощущениями, в значительной мере влияла на взаимосвязь между глубиной испытываемого ими дискомфорта и числом негативных суждений об интервьюировавшейся женщине. Другими словами, чем менее комфортно чувствовали себя испытуемые студентки, вынужденные отвлекаться на другие действия, тем более враждебно они были настроены по отношению к претендентке на рабочее место. По-видимому, из-за того что они не пытались осуществлять необходимый самоконтроль, их негативные чувства становились причиной явного проявления враждебности. Однако подобный вывод не распространялся на студенток, которые могли осознавать свои отрицательные чувства. Как можно видеть из рис. 11-5, чем хуже

они себя чувствовали, тем *менее* негативно они относились к претендентке на рабочее место, как будто они ударялись в другую крайность и старались ни в коем случае не допустить несправедливого отношения к ней[1].

Внимание, которое испытывавшие дискомфорт студентки привлекали к своим умеренно негативным ощущениям, заставляло их сдерживать себя и делать то, что, по их мнению, считалось в данных условиях желательным с социальной точки зрения. Я предполагаю, что их осведомленность о собственном, в какой-то мере неожиданном для них эмоциональном состоянии заставляла их думать о той ситуации, в которой они оказались. При этом они рассматривали всю доступную им информацию и делали то, что, по их мнению, считалось правильным.

РАЗРАБОТКА НОВЫХ СПОСОБОВ ПОВЕДЕНИЯ

Если объяснение, предложенное в предыдущем разделе, является верным, то люди, осознающие свое возбужденное состояние, не будут ограничивать свои действия до тех пор, пока не поверят в то, что враждебное или агрессивное поведение в данной ситуации является неправильным, и не смогут подавить свою агрессию. Однако некоторые индивиды оказываются несклонными подвергать сомнению свое право нападать на других людей и с трудом могут сдержать себя, чтобы не ответить на провоцирующие действия. Просто указать таким мужчинам и женщинам на их недопустимую агрессивность окажется недостаточным. Им необходимо внушать, что часто бывает лучше вести себя в дружелюбной, чем в угрожающей манере. Также может оказаться полезным привить им навыки социального общения и научить сдерживать свои эмоции.

В последние десятилетия психологи разработали множество программ обучения подобным навыкам. Эти программы заметно отличались одна от другой отчасти еще и потому, что их авторы неодинаково трактовали понятие агрессии. Психологи, видевшие в агрессии главным образом проявление инструментального поведения, осуществляемого для достижения определенной цели и повторяемого по-

---

[1] Berkowitz & Troccoli (1990), Эксперимент 2. Многофакторный регрессионный анализ взаимосвязи между оценками испытуемыми степени дискомфорта в конце эксперимента (например, напряжения, мышечной боли, утомления) и числом отрицательных характеристик, приписанных претендентке на рабочее место, позволил установить, что отвлекающие действия по сравнению с действиями, привлекающими внимание к собственным ощущениям, значительно ослабляли эту зависимость. Графики рис. 12-5, рассчитанные на основании данных регрессионного анализа, наглядно демонстрируют эту зависимость. [Результаты регрессионного анализа в Berkowitz & Troccoli (1990) не приведены.]

тому, что в прошлом оно позволяло добиться желаемого результата, концентрировали свои основные усилия на внушении особо агрессивным индивидам представлений о том, что антиобщественные действия обычно влекут за собой серьезные наказания (или, по крайней мере, редко приводят к благоприятному финалу) и что социально желаемое поведение с большей вероятностью позволит им решить стоящие перед ними задачи. Этот подход, обычно используемый в работе с детьми и подростками, нередко называется методом модификации поведения (*менеджмент при непредвиденных обстоятельствах*). Его приверженцы полагают, что склонность к социально желаемому поведению может укрепляться за счет демонстрации его связи с получением вознаграждения, а склонность к нежелательным действиям может быть ослаблена за счет демонстрации их связи с угрозой наказания или невозможностью получения благоприятных результатов.

Для других психологов более важными представляются скорость, с которой агрессивные индивиды переходят от возбужденного состояния к спокойному, и те сложности, с которыми связаны для этих людей процессы самоограничения. Поэтому эти психологи уделяют основное внимание изменению эмоциональной реактивности особо склонных к проявлению агрессии людей. Так как используемые ими методы направлены на изменение мыслей и действий пациентов, то считается, что их программы имеют *когнитивную* (или *когнитивно-бихевиоральную*) природу.

ВЫГОДЫ СОТРУДНИЧЕСТВА: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РОДИТЕЛЬСКОГО КОНТРОЛЯ НАД ПРОБЛЕМНЫМИ ДЕТЬМИ

Первая учебная программа, с которой мы познакомимся, была разработана Джеральдом Паттерсоном, Джоном Рейдом (Gerald Patterson & John Reid) и другими сотрудниками Центра социального обучения при Орегонском исследовательском институте. В главе 6, посвященной развитию агрессивности, были проанализированы различные результаты, полученные этими учеными в процессе обследования детей, демонстрирующих антиобщественное поведение. При этом, как вы помните, в этой главе особо подчеркивалась роль, которую играли в развитии таких проблемных детей неправильные действия родителей. Согласно данным исследователей из Орегонского института, во многих случаях отцы и матери вследствие неправильных методов воспитания сами способствовали формированию агрессивных наклонностей у своих детей. Например, нередко они оказывались слишком непоследовательными в попытках дисциплинировать поведение своих сыновей и дочерней — бывали слишком

придирчивыми к ним, не всегда поощряли хорошие поступки, назначали наказания, неадекватные серьезности проступков.

Используя общий подход к коррекции поведения, Паттерсон и его коллеги по, существу, пытались научить родителей правильно строить отношения с детьми. Хотя они и не отрицали важности факторов родительской любви и поддержки, но тем не менее подчеркивали, что одной любви бывает недостаточно. При осуществлении своих программ они рассказывали родителям о том, что взрослые должны порой наказывать детей и строго корректировать их поведение и что некоторым отцам и матерям следует научиться решать подобные задачи более эффективно.

Наказание детей и управление их поведением может оказаться чрезвычайно сложным отчасти еще и потому, что некоторые дети являются серьезными нарушителями общественного порядка. Например, исследователи из Орегонского института так описывали поведение одной девочки по имени Мод:

Мод было всего 10 лет, когда руководство школы, в которой она училась, сообщило о ней в Орегонский исследовательский институт. Трудность ситуации с этой девочкой состояла еще и в том, что помимо совершения частых краж у одноклассников и еще более частых обманов учителей она практически не имела друзей. Ее подключение к любой игре нередко сопровождалось грубыми оскорблениями и нанесением ударов тем детям, которые не желали подчиняться ее приказам. Особенно раздражала сверстников и учителей Мод ее способность глядя в глаза взрослым заявлять о своей непричастности к кражам, даже несмотря на то, что свидетелями подобных ее поступков одновременно бывало сразу несколько человек, включая учителей. Хотя рост Мод не превышал четырех футов, на многих взрослых она посматривала сверху вниз.

Родители справлялись со своей дочерью ничем не лучше учителей. Присутствие Мод в доме сопровождалось непрерывными стычками с обеими старшими сестрами. То, чего она не могла добиться в результате прямых словесных нападок, достигалось скрытыми действиями против принадлежащих им вещей.

В качестве проблем, вызывающих наибольшую обеспокоенность, родители Мод указали следующие: 1. Воровство. 2. Ложь. 3. Употребление ругательств в школе и дома. 4. Драки со сверстниками. 5. Неприязнь, которую она вызывала у других детей. 6. Приставание к сестрам. 7. Непослушание (Patterson, Reid, Jones & Conger, 1975, p. 31).

Паттерсон и его коллеги считают, что Мод и другие проблемные дети могут быть перевоспитаны с помощью использования принципов инструментального научения, другими словами, за счет вознаграждения за желаемое поведение. Хотя эти психологи убеждены в том, что в процессе изменения поведения проблемных детей должны участвовать все члены семьи, все же особый акцент они делают на

наказаниях и поощрениях, осуществляемых непосредственно родителями.

Я могу привести лишь сильно сокращенное и упрощенное описание 3- и 4-месячных воспитательных программ, проводимых Орегонским исследовательским институтом. Для этого я воспользуюсь примером девочки по имени Салли, имевшей примерно те же проблемы, что и Мод. (Следует отметить, что эти же принципы воспитания применимы и к мальчикам.)

Отец и мать Салли, подобно многим родителям агрессивных детей, нередко не могли выразить свое различное отношение к ее желательному и нежелательному поведению. Поэтому хорошие поступки ребенка обычно не подкреплялись должным образом, и напротив, его антисоциальные действия часто получали неоправданное вознаграждение. Чтобы помочь родителям Салли справиться с этой проблемой, психологи в начале своей программы начали их обучать идентифицировать, отслеживать и фиксировать любые действия их дочери, которые могли быть восприняты как особо беспокойные и разрушительные. Затем родителям объяснили, как следует вознаграждать ребенка за желательные действия и как его наказывать в случае проявления непослушания[1].

В качестве обязательного элемента проводимой программы Салли должна была научиться видеть различия между правильным и неправильным поведением, то есть понимать, что она должна и чего не должна делать. Она должна была также получить ясные представления о последствиях допустимых и недопустимых действий. Чтобы дать ей ясное понимание этой проблемы, психолог помогал родителям и ребенку выработать особое бихевиоральное соглашение. В этом соглашении взрослые формулировали конкретные действия, выполнения которых они ожидали от Салли. При этом они не должны были ставить перед дочерью завышенные или попросту нереальные требования. Кроме того, в соглашении указывались типы вознаграждений, которые их дочь могла получить за выполнение предусмотренных в нем желательных действий. В первоначальном варианте соглашения родители настаивали на том, чтобы Салли убирала по утрам свою постель, вытирала кухонный стол после ужина и каждый вечер посвящала один час приготовлению уроков. Так как Салли, подобно многим другим агрессивным детям, не хотела делать то, чего от нее требовали взрослые, только из-за желания заслужить их одобрение, родителям пришлось предложить ей более конкретный набор стимулов. Они пообещали дочери, что она сможет ежедневно зарабатывать очки за выполнение определенных заданий.

---

[1] Программа социального научения Орегонского исследовательского института подробно изложена в: Patterson et al. (1975).

Эти очки должны были оплачиваться ей примерно так же, как оплачивается работа взрослых людей. Всего за один день она могла заработать 10 очков: 5 — за послушание родителям и 5 — за выполнение конкретных заданий. Неподчинение требованиям старших влекло за собой наказание: снятие заработанных очков или даже «выключение из игры», во время которого Салли посылалась в другую комнату (обычно ванную), где она должна была провести определенный период времени (например, 15 минут или полчаса).

Число очков, заработанных к концу дня, определяло размер вознаграждения, которое могла получить Салли. Согласно договору, заключенному на первую неделю, за получение десяти очков она получала возможность не ложиться спать ранее 9 часов вечера и смотреть до этого времени телевизор; за восемь очков она получала специальный десерт и возможность не идти спать до половины девятого; когда она набирала всего четыре очка, то должна была отправляться в постель в половине восьмого; если же по итогам дня у нее не оказывалось ни одного очка, она должна была вымыть за собой посуду после ужина и идти спать в семь часов вечера.

Программой Орегонского института предусматривалось, что если первое соглашение успешно выполнялось, то консультант-психолог помогал заключить следующее, в котором появлялись дополнительные обязанности ребенка и изменялась система начисления очков. Так, в случае с Салли новое соглашение определяло, что она лишалась трех очков за каждый грубый ответ родителям и двух очков за каждое невыполнение их распоряжений. Помимо этого, было решено, что если дочь получала десять очков, то мать читала ей книжку в течение получаса, шесть очков давали ей возможность не ложиться спать раньше половины девятого, при отсутствии же очков на конец дня Салли должна была отправляться в постель в половине восьмого.

Консультант этой программы не просто помогал семьям заключать подобные соглашения. Он также проверял ход их выполнения, давал советы родителям и всячески поощрял их за эффективные воспитательные действия (одобрительными улыбками, похлопываниями по плечу, отсутствием критических замечаний и пр.). Следует иметь в виду, что осуществление подобных программ не всегда осуществлялось гладко. Трудности их реализации могли быть связаны с неправильным пониманием родителями их обязанностей и/или упрямством, сопротивлением или даже открытым противодействием со стороны детей, нередко демонстрировавших скрытую, но достаточно устойчивую враждебность к любым воспитательным нововведениям. Эти проблемы существенно усложняли процесс повторного научения и требовали от консультантов тактичных, но в то же время настойчивых действий.

Если данный процесс шел успешно, то, согласно теории Паттерсона, проблемные дети, участвовавшие в воспитательных программах, вскоре начинали стремиться заслужить одобрение своих действий со стороны родителей, а также получить больше очков и больше вознаграждений, предусмотренных заключенными соглашениями. Поняв, что хорошее поведение, в отличие от плохого, приносит реальную пользу, дети начинали вести себя в своей семье менее агрессивно и улучшали свои навыки социального общения вне дома.

Разумеется, оптимистические расчеты психологов не всегда оправдывались. Орегонский институт является одной из немногих научных организаций, занимающихся проблемами семейного воспитания и семейной терапии, делающих регулярные и систематизированные попытки оценки успехов своих пациентов. Помимо частых телефонных бесед с родителями, специалисты института осуществляют непосредственное наблюдение поведения членов семей в отношении друг друга в начале, середине и конце программы. Это делается не только для налаживания обратной связи с семьей, но и для оценки эффективности реализуемых методик. Паттерсон и его коллеги установили на основании изучения результатов наблюдений, что базовая программа Орегонского исследовательского института оказывается эффективной лишь для каждого третьего проблемного ребенка. При этом для остальных детей требуется разработка дополнительных программ. В одних случаях процедуры повторного обучения могут осуществляться непосредственно в классе, а в других основной упор делается на разрешении конфликтов между супругами. За счет комбинирования различных типов процедур программы Орегонского исследовательского института оказываются способными помочь все большему числу детей и их родителей[1].

СНИЖЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕАКТИВНОСТИ

Несмотря на полезность для некоторых агрессивных индивидов программ коррекции поведения, призванных научить их тому, что они могут достичь желаемых результатов, проявляя готовность к сотрудничеству и действуя в дружелюбной и одобряемой обществом манере, все же существуют и такие люди, которые постоянно готовы к применению насилия главным образом из-за своей повышенной раздражительности и неспособности к самоограничению. В настоящее время все большее число программ психологического тренинга разрабатываются с целью изменения этого вида эмоциональной реактивности.

---

[1] Следует отметить, что психологи разработали множество других программ снижения агрессивности детей. См. об этом: Goldstein, A. P., Carr, E. G., Davidson, W. S., & Wehr, P. (1981); Shapiro & Derr (1987).

Исследование методов контроля раздражительности, выполненное под руководством Новако

Реймонд Новако (Raymond Novaco) из университета города Ирвин, штат Калифорния, разработал одну из самых известных программ контроля раздражительности или агрессивности. Возможно, не менее важной является и предложенная им раньше многих других ученых система оценок эффективности подобных программ. При ее создании Новако занимал откровенно когнитивную позицию, которая в некоторых аспектах совпадает с моими взглядами на агрессию. Хотя он определял понятие раздражения в рамках, легкодоступных нашему здравому смыслу, то есть связывая чувства и действия, он был убежден в том, что данный вид проявления эмоций является, по сути дела, реакцией на пережитый стресс (или неприятное состояние дел). Он также подчеркивал, что раздражение может усиливаться за счет неблагоприятных ожиданий и непрерывных размышлений на болезненную тему. Однако его позиция отличается от моей, поскольку он утверждает, что неприятные события не порождают раздражения, если они не расцениваются в качестве представляющих личную угрозу.

Новако интересовался вопросом о том, может ли раздражение, понимаемое в качестве ответной реакции личности на провоцирующие события, быть ослаблено как за счет изменения их последующей оценки, так и способа размышлений о них. В соответствии с точкой зрения, поддержанной другими психологами когнитивной ориентации, Новако считал, что особенно важно научить человека с высокой эмоциональной реактивностью разговаривать с самим собой (разумеется, мысленно) в спокойной манере о той конфликтной ситуации, в которую он оказался вовлечен. Нередко психологи называют программы, пытающиеся изменить утверждения, используемые человеком в беседе с самим собой, программами самообучающего тренинга (см.: Novaco, 1975; Goldstein A. P., 1988, в особенности гл. 5).

Я дам краткое описание процедуры, разработанной Новако, рассказав в двух словах о проведенном им эксперименте. В нем участвовало 18 мужчин и 16 женщин в возрасте от 17 до 42 лет, которые сами признавали наличие серьезных проблем со сдерживанием своего вспыльчивого характера (и разумеется, у некоторых из них наблюдались вспышки гнева и во время проведения исследования). Психотерапевтические сеансы проводились с этими людьми еженедельно по два раза в течение трех недель для всех четырех изначально заданных условий проведения эксперимента. Кроме того, организовывались дополнительные встречи с испытуемыми в начале и в конце исследования, во время которых проводились различные оценки их психического состояния.

□ **Условие релаксации**. Так как концепция контроля раздражения, предложенная Новако, уделяет основное внимание ослаблению

эмоционального возбуждения, вызванного провоцирующим событием, то он решил сравнивать результаты своей когнитивной (или самообучающей) процедуры с результатами других широко используемых методов релаксации. Для достижения релаксации некоторым испытуемым изначально сообщалось, что их раздражение «является состоянием повышенного возбуждения, сопровождающегося беспокойством, которое становится причиной импульсивного поведения» (обратите внимание на то, что это утверждение хорошо согласуется с моей формулировкой), и что для них является крайне важным уметь добиваться как физического, так и психического расслабления. Затем испытуемым предлагалось выполнять серию стандартных релаксационных упражнений в течение всего курса обучения. Их просили представить себе различные провоцирующие раздражение случаи и затем попытаться наладить глубокое дыхание и производить чередующиеся напряжения и расслабления определенных групп мышц. При этом им ничего не сообщалось о роли мыслей и оценок в провоцировании раздражения.

❐ **Когнитивное лечение**. Я опишу этот вид условий эксперимента Новако более подробно, так как он главным образом имеет отношение к вопросу эффективности предложенной процедуры. В начале исследования экспериментатор разъяснял испытуемым цели опыта и возможные причины возникновения раздражения. Помимо рассказа о том, как эмоции могут возбуждаться вследствие негативных размышлений, испытуемым сообщалось, что раздражение может носить как конструктивный, так и деструктивный характер. При этом подчеркивалось, что цель данной программы заключается в том, чтобы помочь испытуемым научиться использовать раздражение для достижения собственных целей, не нанося при этом вреда своей личности. Во время проведения курса лечения, как дома, так и в специальных кабинетах для занятий, испытуемые выполняли специальные задания: воображали или разыгрывали различные способные вызвать беспокойства события, а затем старались сделать себе определенные внушения.

Мысли, которые постоянно внушали себе участники эксперимента, изменялись, согласно терминологии Новако, в соответствии с четырьмя этапами развития провоцирующего события.

❐ Подготовка к провоцирующему событию: *Испытуемые повторяли заявления следующего типа: «Если меня выведут из состояния душевного равновесия, я буду знать, что мне следует делать» или «Я смогу справиться с этой ситуацией. Я знаю, как контролировать свой гнев».*

❐ Наступление провоцирующего события. *На этом этапе могут внушаться следующие мысли: «Будь спокоен. Продолжай расслабляться», «Ты не должен подвергать себя испытанию» или «Жаль, что этот человек ведет себя подобным образом».*

❒ Преодоление возбуждения и волнения. *Испытуемые успокаивали себя утверждениями такого типа: «Мои мышцы начинают напрягаться. Время расслабиться» и «Я не собираюсь активно вмешиваться в происходящее, но и не буду оставаться совсем безучастным».*

❒ Размышление о провоцирующем событии. *На этом этапе мысли испытуемых должны быть направлены как на уже преодоленные, так и на еще не разрешенные конфликты. Примером утверждения, относящегося к неразрешенным конфликтам, является следующее: «Эта ситуация оказалась довольно сложной, чтобы сразу справиться с ней, потребуется дополнительное время». При размышлении о преодоленном конфликте могут использоваться заявления, например, такого типа: «Это оказалось не так трудно, как я себе представлял» и «Все могло оказаться гораздо хуже».*

❒ **Другие условия лечения**. При проведении эксперимента использовались и два других вида условий. В первом варианте испытуемые, составившие так называемую контрольную группу, не проходили когнитивного или релаксационного тренинга, но им давалось задание уделять особое внимание ощущениям, переживаемым в период наступления раздражения. Во втором варианте использовался комбинированный подход, при котором применялись как релаксационные упражнения, так и самотренирующие заявления.

❒ **Оценки эффективности**. Новако использовал несколько типов оценок изменения степени раздражения для проверки эффективности каждого типа условий лечения. Он оценивал раздражительность испытуемых до начала тренинга с помощью самых разных методов. Эти методы основывались на опросе испытуемых с целью выяснения степени их раздражения в качестве реакции на воображаемые провоцирующие события и фиксации их систолического и диастолического кровяного давления во время размышления над беспокоящими их происшествиями. Те же самые методы вновь применялись в процессе осуществления программ тренинга, и Новако вычислял расхождение оценок, полученных им до и после проведения лечебных сеансов.

На рис. 11-6 приведены данные об изменениях степени раздраженности, систолического и диастолического кровяного давления в качестве характеристик оценки реакции на воображаемое провоцирующее событие для четырех типов условий эксперимента Новако. (Другие характеристики, снимаемые в процессе исследования, также заметно отличались в зависимости от условий эксперимента.) В общем случае, как это видно из приведенных диаграмм, наилучшие результаты были получены в процессе лечения, объединявшего в себе как самообучающие, так и релаксационные упражнения. При этом у испытуемых отмечалось наибольшее снижение раздражительности,

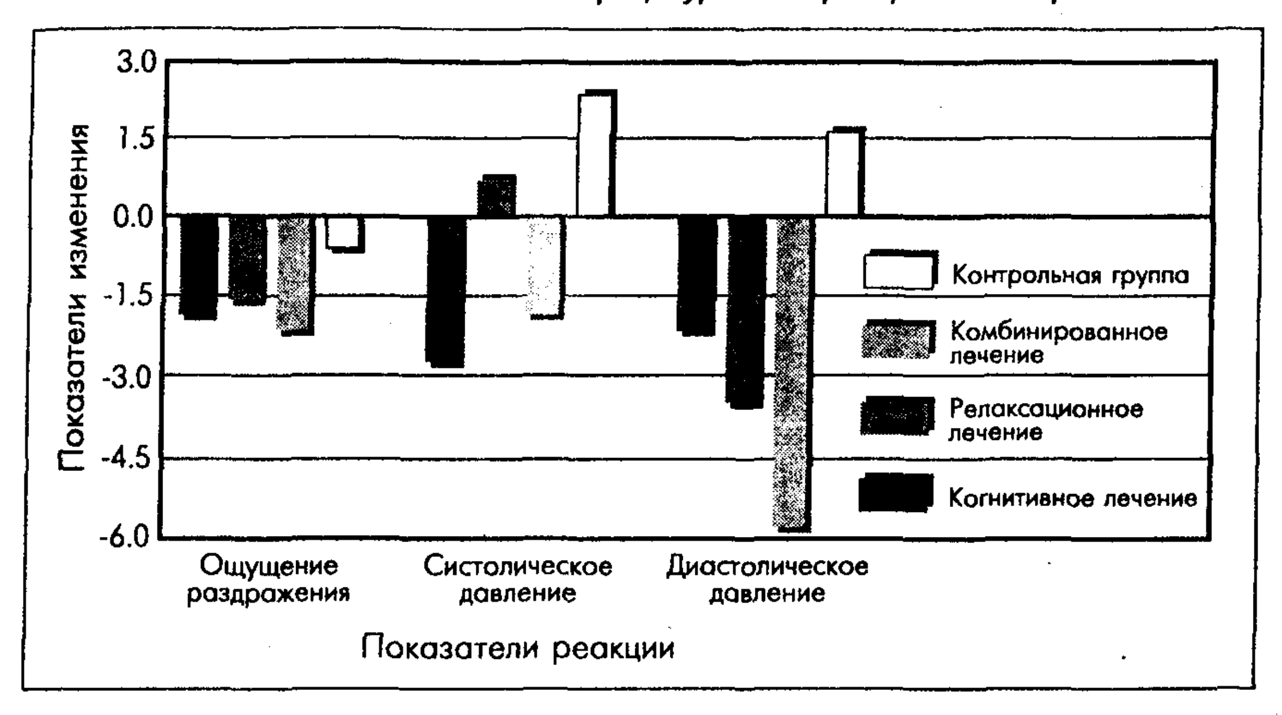


Рис. 11-6. Изменения показателей ощущения раздраженности и повышенного кровяного давления, наблюдаемых в качестве реакции на воображаемое провоцирующее событие (по сравнению с уровнем, существовавшим до начала процедуры). (Данные взяты из Novaco, 1975. Copyright by Raymond W. Novaco и приведены с разрешения автора.)

а также систолического и диастолического давления по сравнению с исходным уровнем. Использование либо только когнитивной, либо только релаксационной процедуры также приносило положительный результат, однако совместное применение этих методов оказывалось гораздо более эффективным. В дальнейшем я расскажу о результатах этого эксперимента более подробно.

Некоторые рекомендации по применению

Результаты исследований других психологов также говорят в поддержку вывода об эффективности объединения когнитивного и релаксационного методов сдерживания раздражения[1]. Очевидно, что по крайней мере некоторые люди могут стать менее агрессивными за счет приобретенного умения снижать свое эмоциональное возбуждение, вызванное наступлением провоцирующего события. Однако мы должны понимать, что такая лечебная процедура поможет не каждому эмоционально-реактивному агрессивному человеку. Джерри Деффенбахер (Jerry Deffenbacher) из университета города Форт-Коллинз штата Колорадо является одним из ведущих иссле-

---

[1] См., например: Deffenbacher (1988); Hazaleus & Deffenbacher (1986); Goldstein, A. P. (1988).

дователей методов сдерживания раздражения/агрессии. Он считает, что такой тип тренинга лучше всего может подойти юношам и девушкам, осведомленным о своей повышенной вспыльчивости и желающим справиться с подобной внутренней проблемой. Деффенбахер убежден в том, что другие способы лечения (в частности, вентиляционная терапия, о которой рассказывалось в начале этой главы) могут оказаться более полезными для тех людей, чьи агрессивные наклонности находятся в заторможенном или подавленном состоянии.

Он сделал также несколько важных замечаний о том, как должен действовать психотерапевт во время проведения программ психического тренинга. В то время как мои выводы о процедуре, разработанной Новако, подразумевают, что врачу в ней отводится пассивная роль, Деффенбахер подчеркивает, что психотерапевт должен быть активным, настойчивым, готовым оказать своему пациенту необходимую поддержку, а иногда напротив, заставить его изменить мнение по некоторым вопросам. Люди, склонные к проявлению гнева или агрессии, обычно легко вступают в спор, любят делать скоропалительные выводы и зачастую бывают чересчур резкими в суждениях. Деффенбахер считает, что психотерапевт эффективнее всего сможет работать с такими пациентами, если будет оспаривать их обычные суждения и обвинительные выпады в дружелюбной, но в то же время настойчивой манере, не забывая при этом учить их тому, как можно снизить эмоциональное возбуждение в стрессовой ситуации.

Хотя некоторые исследования указывают на то, что когнитивное или релаксационное лечение само по себе может оказаться столь же действенным, как и совместное использование обоих методов, все же Деффенбахер, как и Новако, считает комбинированный подход более эффективным[1]. Это мнение имеет важное значение для данной книги: поскольку многие приступы гнева являются эмоциональными реакциями на сильное внутреннее возбуждение, то необходимо научить людей, обладающих повышенной реактивностью, снижать свое эмоциональное возбуждение в стрессовых условиях.

Многим из нас также следует научиться этому, но особенно эти навыки необходимы для вспыльчивых людей, страдающих от хронических болезней сердца. Как было указано в главе 5 при рассмотрении личностей, отнесенных к типу А, люди, легко впадающие в ярость или страдающие от кажущихся им проявлений неуважения к их персоне, особенно склонны к кардиологическим заболеваниям. Результаты все большего числа новых исследований позволяют с уверен-

---

[1] Эти замечания были сделаны Деффенбахером в его докладе, прочитанном в 1989 году на съезде Американской психологической ассоциации в г. Атланта, штат Джорджия. Доклад был озаглавлен следующим образом: «Когнитивно-бихевиоральные подходы к ослаблению раздражительности: некоторые практические замечания».

ностью сказать, что эти люди должны изменить свой образ мыслей таким образом, чтобы не рассматривать себя постоянно в качестве объекта агрессии и, оказавшись в состоянии повышенного возбуждения, уметь быстро брать себя в руки. Одна газетная статья, посвященная негативному влиянию хронического раздражения, дает своим читателям следующий совет:

> *Ученые утверждают, что многие, если не все, раздражительные люди могут изменить свой гормональный баланс в благоприятную для себя сторону за счет специальной тренировки, направленной на то, чтобы научиться не приходить в ярость из-за каждого препятствия, возникающего на их жизненном пути. По мнению психологов, быстро осознав беспочвенность своего раздражения и умело справившись с ним, человек, по-видимому, может блокировать лавинообразный поток стрессовых гормонов прежде, чем он станет нерегулируемым.*
>
> *Доктор Редфорд Уильямс (Redford Williams) (специалист по бихевиоральной психологии медицинского центра при университете Дьюка) считает, что всякий раз, когда человек испытывает раздражение от поведения бестолкового покупателя в супермаркете или от ожидания лифта, он тем самым признает факт возникновения приступа своего недовольства. В таких ситуациях человеку следует попытаться отвлечь свое внимание от источника раздражения, например почитать журнал или поговорить с кем-нибудь на нейтральную тему (Angier, N.,* New York Times, *Dec. 13, 1990).*

Помимо переключения внимания, рекомендуемого доктором Уильямсом, может оказаться полезным попытаться интерпретировать провоцирующую ситуацию таким образом, чтобы она доставляла меньше беспокойства. Наконец, можно попробовать просто выкинуть из головы любые воспоминания о случившемся.

ЧТО МОЖЕТ ПОВЛИЯТЬ НА ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ, ОКАЗАВШИХСЯ В ЗАКЛЮЧЕНИИ?

До сих пор мы говорили о процедурах повторного научения, которые могут использоваться и уже используются в отношении людей, не вступающих в открытый конфликт с обществом, другими словами, не нарушающих его законы. А как же обстоит дело с теми, кто совершил преступление с применением насилия и оказался за решеткой? Можно ли их научить сдерживать свои склонности к применению насилия другими методами, помимо угрозы наказания?

Сомнения

В течение многих лет большинство руководителей исправительной системы, а также ученых, занимающихся социальными проблемами, были уверены в том, что общество не может перевоспитать основную часть преступников, оказавшихся в заключении или иным

способом ограниченных в своих правах. По их мнению, было наивно рассчитывать на то, что исправительные учреждения смогут превратить правонарушителей в законопослушных граждан.

По-видимому, для такого пессимизма у них были серьезные основания. Ведь основная часть результатов исследований указывает на то, что программы социальной реабилитации мало помогают снижению вероятности того, что выпущенный на свободу преступник вновь не окажется за решеткой. Причем эти результаты оказываются справедливыми независимо от того, были ли они получены группами исследователей или же отдельными учеными. Обзор таких работ, выполненный Робертом Мартинсоном (Robert Martinson), подтверждает этот вывод. После знакомства с 231 исследованием программ социальной реабилитации заключенных он пришел к следующему выводу: «Помимо нескольких редких исключений, все проанализированные мной реабилитационные программы до сих пор не оказывали никакого заметного влияния на вероятность повторного совершения преступлений»[1].

Джеймс Уилсон и Ричард Гернстейн (James Wilson & Richard Herrnstein), уделявшие особое внимание программам корректировки поведения (подобным тем, которые осуществляли в Орегонском исследовательском институте Паттерсон и его коллеги), также пришли к сходным выводам. Например, они описывали широко применявшуюся программу корректировки поведения (первоначально называвшуюся программой «достижения места», а в настоящее время чаще называющуюся «моделью семейного обучения»), в которой специально подготовленные пары приемных родителей назначали вознаграждения или наказания жившим вместе с ними нескольким (обычно около восьми) правонарушителям-подросткам. Целью программы было научить этих трудных ребят убираться в своей комнате, старательно заниматься в школе и вести себя в желательной для общества манере. При этом Уилсон и Гернстейн утверждали следующее:

> *По-видимому, вызывает мало сомнений тот факт, что система семейного обучения изменяет поведение подростков, в том числе и связанное с нарушением законов. Но нет никаких доказательств того, что она влияет на вероятность совершения преступлений через год после ее завершения или что она оказывает больший эффект на снижение правонарушений среди подростков по сравнению с другими аналогичными программами (Wilson & Herrnstein, 1985, p. 383).*

В силу большого числа накопленных негативных результатов многие руководители исправительных учреждений и ученые-социо-

---

[1] Martinson (1974), с. 25. Wilson & Herrnstein (1985) также анализировали исследования, выполненные в этой области, и также высказывали сомнения в эффективности программ психологической реабилитации.

логи утратили надежду на возможность социально-психологической реабилитации преступников. Некоторые из них даже стали утверждать, что социологи и психологи ввели сотрудников исправительных учреждений в заблуждение своими заявлениями о возможности перевоспитания преступников.

Есть ли надежда?

Тем не менее этот вопрос остается открытым. Многие психологи, психиатры и социальные работники выражают свое несогласие с процитированными мной пессимистическими выводами. При этом они утверждают, что при проведении обзоров исследовательских работ упускались из виду некоторые важные факторы. В дополнение к подобным возражениям недавно выполненный тщательный анализ результатов прошлых исследований с использованием более совершенных статистических методов обработки данных показал, что некоторые реабилитационные программы, безусловно, являются эффективными (см.: Bartol, 1980; Quay, 1987).

С. Гаррет (С. J. Garrett) проанализировала 111 работ, выполненных в период с 1960 по 1983 год и посвященных перевоспитанию совершивших преступление подростков. В каждой из этих работ юноши и девушки, проходившие программу реабилитации, сравнивались с представителями контрольной группы, не охваченными подобными мерами социально-психологического воздействия. (Всего программы реабилитации коснулись примерно 8000 малолетних правонарушителей; общая численность контрольной группы составила примерно 5000 человек; три четверти обследованных подростков были мужского пола). Когда были объединены все итоговые показатели рассматривавшихся экспериментов (с учетом различных корректирующих поправок, случаев рецидивов, особенностей внешних условий, типов преступлений и характера реабилитационными программ), Гаррет обнаружила, что правонарушители, прошедшие программу реабилитации, стали проявлять меньшую склонность к асоциальному поведению по сравнению с членами контрольной группы. Достигнутое относительное улучшение было более заметным в случае применения программ когнитивной и бихевиоральной корректировки, чем при использовании программ, имеющих психодинамическую ориентацию. Кроме того, эти программы оказывали больший положительный эффект на девушек, чем на юношей, а также на младших, чем на более старших правонарушителей.

Двигаясь в направлении, которое во многом соответствует теме данной книге, Гаррет задавалась вопросом о том, были ли все типы реабилитационных программ в одинаковой мере эффективны для подростков, совершивших разные виды правонарушений. В резуль-

тате ей удалось установить, что ответ на этот вопрос является отрицательным. Оказалось, что молодые люди, осужденные за преступления против личности (преступления, сопровождавшиеся открытой агрессией), чаще получали выгоду от психологической реабилитации, чем те, кто был осужден за воровство.

Работа Гаррет дает нам некоторую надежду, но очевидно, что мы еще находимся в начале долгого пути. Герберт Куэй (Herbert Quay), известный исследователь проблем преступности среди молодежи, считает: «Она [Гаррет] продемонстрировала, что некоторые методы воздействия действительно работают и что в некоторых условиях они работают достаточно хорошо». Однако исследователям потребуется решить многие проблемы, прежде чем их результаты смогут приносить практическую пользу. Им предстоит установить, какие обучающие процедуры наилучшим образом подходят для людей, совершивших те или иные правонарушения. Кроме того, до сих пор еще не установлено, возможно ли сделать взрослых преступников, отличающихся повышенной агрессивностью, менее склонными к совершению насилия[1].

РЕЗЮМЕ

В этой главе проанализированы некоторые психологические подходы к сдерживанию агрессии, не основанные на применении наказания. Представители первой из рассмотренных научных школ утверждают, что сдерживание раздражения является причиной многих медицинских и социальных болезней. Психиатры, придерживающиеся подобных взглядов, призывают людей свободно выражать свои чувства и таким образом достигать эффекта катарсиса. Чтобы адекватно проанализировать эту точку зрения, необходимо прежде всего получить ясное представление о понятии «свободного проявления раздражения», которое может иметь различные значения. Например, оно может рассматриваться как: 1) информативное сообщение о чьих-то чувствах; 2) проявление физиологических и экспрессивно-моторных реакций; 3) выражение враждебного чувства или отношения; 4) словесное и/или физическое оскорбление другого человека. Эти виды реакций слабо коррелированы между собой и могут иметь различные последствия как для проявившего их человека, так и для того, на кого они были направлены. В первом разделе главы я обращал внимание в основном на эффект последействия агрессии и кон-

[1] Результаты исследований Гаррет приведены в Garret (1985) и резюмированы в: Quay (1987).

кретно на то, может ли побуждение к нападению на другого человека быть ослаблено за счет осуществления реальной или воображаемой агрессии.

Хотя результаты экспериментальных исследований эффекта последействия агрессии являются трудными для понимания, а нередко и противоречащими друг другу, я привожу доказательства того, что при отсутствии ограничений агрессии: 1) воображаемые агрессивные действия чаще увеличивают, чем снижают вероятность дальнейшей агрессии, если только их осуществление не доставляет удовольствие нападающей стороне и, таким образом, не ослабляет ее негативные аффекты; 2) так как эмоционально возбужденные агрессоры имеют мотивацию к нападению на других людей, то их атакующие действия ослабляют их агрессивные намерения лишь в той степени, в которой они испытывают уверенность в нанесении достаточных повреждений атакованной ими стороне; 3) ослабление желания к осуществлению дальнейшей агрессии обычно носит краткосрочный характер, так как успешное достижение поставленной цели оказывает подкрепляющий эффект. Таким образом, успешная агрессия повышает вероятность того, что агрессивный человек вновь станет совершать нападения в будущем.

При рассмотрении результатов исследования, имеющего прямое отношение к данной главе, отмечалось, что человека могут привести в возбужденное состояние его собственные размышления о тех неприятностях, которые ему якобы причинили другие люди. Поэтому чересчур нервным людям вместо того, чтобы думать о чьих-то происках, полезно переключать свои мысли на другие проблемы и думать о более приятных вещах. Однако это не означает, что человек, переживший трагические события, никогда не должен рассказывать о них другим людям. Результаты многих исследований указывают на то, что люди, не желающие делиться своими печальными историями, чаще подвергаются значительным психологическим стрессам и имеют физиологические дисфункции организма вследствие внутреннего напряжения, испытываемого ими при попытках подавления негативных воспоминаний. Согласно Пеннебейкеру, те его пациенты, которые рассказывали о пережитых ими несчастьях своим слушателям, ослабляли свое внутреннее напряжение и успешнее проходили процесс психологического восстановления.

Таким образом, хотя я и не одобряю свободного проявления раздражения в форме открытой агрессии, я уверен в том, что эмоционально возбужденным людям следует рассказывать собеседникам о своих чувствах, а также о породивших эти чувства событиях. Я полагаю, что в этом случае они могут лучше управлять своим эмоцио-

нальным состоянием. Я также считаю, что, когда люди имеют более полное представление о собственных негативных ощущениях, они могут лучше контролировать их влияние на свои слова и поступки.

Далее в этой главе кратко рассказывается о двух других, очень разных методах ослабления агрессивных наклонностей. Оба они представляют собой попытки научить особо агрессивных индивидуумов стать менее склонными к нападению на других людей. Первый метод, разработанный Джеральдом Паттерсоном и его коллегами из Орегонского исследовательского института, использует подход, основанный на инструментальном научении. Метод строится на предположении о том, что повышенная агрессивность детей будет ослабевать, если они узнают, что деструктивное и асоциальное поведение не принесет им ожидаемых выгод, и напротив, конструктивные действия, осуществляемые в соответствии с принятыми социальными нормами, скорее позволят им добиться желаемых результатов. Второй метод, известный под названием программы сдерживания раздражения и разработанный Раймондом Новако, имеет гораздо более выраженную когнитивную ориентацию. Он концентрирует основные усилия на ослаблении эмоциональных побуждений к агрессивным действиям, а не на использовании вознаграждений за отказ от агрессии и наказаний за ее проявление. Оба подхода позволяют добиться желаемого эффекта, хотя и не во всех случаях.

Глава завершается кратким обзором психологических программ, нацеленных на достижение психологической реабилитации заключенных. Хотя с традиционной точки зрения эти программы представляются неэффективными, все же несколько последних исследований, посвященных анализу влияния этих методов на несовершеннолетних преступников, принесли обнадеживающие результаты. Следует отметить, что использование когнитивных процедур и программ корректировки поведения (основанных на инструментальном научении) приводят к более успешным результатам, чем методы, имеющие психодинамическую ориентацию.

Часть 5

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Следующая глава кратко касается двух тем, еще не обсуждавшихся раньше, которые могут быть особенно интересны для читателя.

Во-первых, я рассмотрю влияние биологических факторов на агрессию. Хотя основное внимание в данной книге уделяется психологическим процессам и факторам ситуаций непосредственного настоящего и/или прошлого, нам все-таки стоит согласиться с тем, что агрессия человека и других животных обусловливается также физиологическими процессами в теле и мозге.

Уже проводились многочисленные исследования того, какую роль играют биологические детерминанты. Однако следующая глава будет очень избирательна и затронет лишь малую часть наших знаний о влиянии физиологии на агрессию. Кратко рассмотрев идею агрессивных инстинктов, я исследую вопрос влияния наследственности на склонности людей к насилию, а затем исследую возможное влияние пола гормонов на различные проявления агрессивности.

В конце главы будет дан краткий обзор того, как алкоголь может повлиять на совершение насилия. Настоящая глава касается прежде всего вопросов методологии. Многие идеи и предположения, изложенные здесь, основываются на лабораторных экспериментах, проведенных с участием детей и взрослых.

Дальнейшее рассуждение посвящено логике, которой пользуются исследователи, проводящие эксперименты над поведением человека.

Глава 12

БИОЛОГИЯ И АГРЕССИЯ

Жажда ненависти и разрушения? Одержимы ли люди инстинктом насилия? Что такое инстинкт? Критика традиционной концепции инстинкта. Наследственность и гормоны. «Рожденный пробудить ад»? Влияние наследственности на агрессивность. Половые различия в проявлении агрессии. Влияние гормонов. Алкоголь и агрессия.

ЖАЖДА НЕНАВИСТИ И РАЗРУШЕНИЯ?

В 1932 году Лига Наций предложила Альберту Эйнштейну выбрать какого-либо выдающегося человека и обменяться с ним мнениями по наиболее актуальным проблемам современности. Лига Наций хотела опубликовать дискуссию, чтобы способствовать этим общению интеллектуальных лидеров современности. Эйнштейн согласился и предложил обсудить причины возникновения международных конфликтов. В памяти ученого еще живо сохранились воспоминания о чудовищной бойне Первой мировой войны, и он полагал, что нет вопроса важнее, чем «поиск какого-либо способа избавить человечество от угрозы войны». Великий физик, безусловно, не ждал простого разрешения этой проблемы. Подозревая, что воинственность и жестокость таятся в человеческой психологии, он обратился к основателю психоанализа Зигмунду Фрейду за подтверждением своей гипотезы. Как происходит, спрашивал Эйнштейн у пионера иссследования человеческой души, что ухищрения пропаганды настолько успешны и людей можно побудить к войне? Не обладают ли люди внутренней «жаждой ненавидеть и уничтожать», обычно скрытой, но которую легко возбудить и раздуть до «мощи коллективного психоза»? (Einstein, 1933).

Для Фрейда этот вопрос был относительно новым. В предшествующее войне десятилетие он не уделял в своих размышлениях особого внимания источникам человеческой агрессивности. За некоторыми исключениями, в историях болезней его пациентов гнев и ненависть рассматривались только в связи с сексуальными импульсами, и (по словам Эрика Фромма) «ему просто не удавалось придать проблемам агрессивности какое-то особое значение»[1]. Но теперь,

[1] См.: Fromm (1977), цитата дана у Siann (1985), p. 99. Исчерпывающий анализ развития взглядов Фрейда на агрессию есть в работе: Stepansky (1977).

после ужасов Первой мировой, жестокость человеческого поведения была слишком очевидна. Находясь в состоянии депрессии и все более мрачно глядя на человечество в целом, к 1920 году Фрейд изменил свою интерпретацию агрессии и стал уверен в том, что физик еще только подозревал. «Да, — ответил он Эйнштейну, — люди действительно одержимы ненавистью и стремлением убивать. Активный инстинкт ненависти и уничтожения живет в глубине человеческой личности» (Freud, 1933/1950).

Имеем ли мы право отрицать мрачную концепцию Фрейда? Обречено ли человечество вечно носить Каинову печать? Война в том или ином виде представляется неизбежной. Первая мировая война, с миллионами смертей и еще большим числом искалеченных, продолжилась всего поколение спустя новым мировым пожарищем, породившим еще больше смертей и разрушений, и битвы не прекращаются до сих пор. По оценке обозревателя газеты «Нью-Йорк таймс» Джеймса Рестона, по крайней мере 17 миллионов людей погибли в войнах в период с 1946 года (*New York Times*, 3 июня, 1988). В одном только 1987 году на земном шаре велось около 25 различных войн. В XII веке трубадур слагал песню о том, что его «сердце переполняла радость», когда он видел «мертвецов на остриях копий./ И великие и ничтожные/ падали в рвы и в траву». «...Господа, — восклицал он, — заложите владения, замки и города./ Но никогда не кончайте войну!» (Bertrand de Born, 1182–1215). Неужели даже сейчас, в конце XX века, человеческие сердца продолжают петь от радости при виде резни?

Даже если противники не сражаются друг с другом с помощью высокотехнологичного оружия, ограбления и убийства в изобилии происходят на улицах наших городов. Чем можно объяснить миллионы военных игрушек, распродаваемых каждый год, — солдатиков, Властелинов Вселенной, роботов-убийц, монстров, космические корабли, оснащенные оружием будущего? Взрослые, так же как и маленькие дети, по-видимому, чувствуют вкус к насилию. Обязан ли этот аппетит популярности фильмов и телепередач, изображающих насилие и жестокость, как, например, картины Клинта Иствуда «Грязный Гарри» или «Рембо» Сильвестра Сталлоне, не говоря уже о «Техасской резне электропилами»? Может быть, эти игрушки, фильмы и телепередачи рассчитаны на стойкую тягу к насилию, ненасытную жажду ненависти и разрушения, уходящую корнями в биологическое прошлое человечества?

В течение столетий различные исследователи человеческого поведения верили в существование стремления к насилию. И в последние годы немало теоретиков, включая профессиональных зоологов и психиатров, настаивают на том, что мы рождаемся с сильным по-

буждением ненавидеть и уничтожать. Одним из таких теоретиков был Конрад Лоренц, нобелевский лауреат, основатель этологии — науки, изучающей поведение животных в естественных условиях. В книге, привлекшей к себе значительное внимание в западном мире в бурные 60-е годы, когда протесты и мятежи сотрясали многие американские и европейские города, Лоренц отстаивал точку зрения о том, что люди, как и другие виды животных, обладают врожденным агрессивным драйвом (Lorenz, 1966). Кто смог бы обоснованно отрицать это? — спрашивал Лоренц. Он понимал, что некоторые люди, пожалуй, оспорят такой взгляд, — люди, обладавшие, как он считал, незаслуженно либеральной верой в способность человека к совершенствованию. Эти люди, настаивал Лоренц, гнались за иллюзией. Они стремились приписать социальное зло — например, насилие — недостаткам окружения, которые можно ликвидировать. По мнению Лореца, они отказывались признать, что все эти социальные проблемы в действительности возникали из-за неуправляемой человеческой природы.

Очевидно, имеет очень важное значение, действительно ли люди от природы одержимы страстью к насилию. Мы должны оценить право этой точки зрения на существование. Я начну с краткого рассмотрения понятия инстинкта, а затем исследую, что имели в виду Фрейд, Лоренц и другие теоретики, когда использовали этот термин[1]. Затем я докажу, что, вероятно, в поведении человека действительно могут прослеживаться наследственные влияния, но вовсе не обязательно они будут оказывать именно такое воздействие, как предполагали Фрейд, Лоренц и другие.

ОДЕРЖИМЫ ЛИ ЛЮДИ ИНСТИНКТОМ НАСИЛИЯ?

ЧТО ТАКОЕ ИНСТИНКТ?

Для того чтобы оценить понятие инстинктивного влечения к агрессии, нужно сперва прояснить значение термина «инстинкт». Это

---

[1] В этом коротком обзоре я не буду останавливаться на концепции агрессии, выдвинутой Уилсоном и другими социологами, не только из-за ее чрезвычайной расплывчатости, но еще и потому, что Уилсон, в отличие от Дарвина и Лоренца, намеренно опускает роль мотивационных механизмов, посредством которых проявляется влияние наследственности на поведение человека и социальную структуру. Хотя я не согласен с формулировкой Уилсона в ряде пунктов, но с симпатией отношусь к его предположению о том, что агрессия — «это сложный набор реакций... запрограммированный и возникающий в период стресса» (Wilson E. O., 1975, p. 248). Я также полностью не отрицаю мнение Уилсона о том, что компоненты паттерна агрессивного реагирования «обладают высокой степенью наследственности». Тем не менее я считаю более весомыми факторы воспитания и влияния окружающей среды.

слово используется совершенно по-разному, и не всегда можно с уверенностью утверждать, что именно подразумевается, когда говорят об инстинктивном поведении. Мы иногда слышим, что человек под влиянием внезапно возникшей ситуации «действовал инстинктивно». Значит ли это, что он отреагировал генетически запрограммированным способом или что он или она отреагировали на неожиданную ситуацию не подумав? Иногда о музыкантах говорят, что у них есть «музыкальный инстинкт». Подразумевают ли в этом случае, что музыканты обладают врожденным талантом и чувствительностью, развитой с помощью упражнений и практики, или что музыканты рождаются с желанием играть и слушать музыку? О женщинах часто говорят, что у них есть «материнский инстинкт». Относится ли это утверждение к врожденной потребности иметь и воспитывать детей или к интересу, разделяемому многими женщинами, ко всему, что касается детей?

Дарвиновская концепция

Не только профаны говорят об инстинктах в свободной и двусмысленной манере. Специалисты и ученые часто не соглашаются друг с другом относительно смысла этого термина. Нередко они даже противоречат сами себе, так как с годами дефиниции меняются. Даже Чарльз Дарвин, работы которого, опубликованные еще в XIX веке, до сих пор оказывают сильное влияние на современный анализ человеческого поведения, был непоследователен в применении этого термина. С. Г. Бир в своей статье, опубликованной в таком авторитетном издании, как «Энциклопедия социальных наук» (*Encyclopedia of the Social Sciences*), описал изменение взглядов Дарвина: тот рассматривал инстинкты то как драйвы, побуждающие человека к особенному типу поведения, то как поведенческие тенденции (например, кураж) или проявления чувств (таких, как симпатия), или придерживался более близкого современной науке взгляда, определяя инстинкты как стереотипные поведенческие паттерны, характерные для данного вида (например, строительство улья у пчел) (Beer, 1968, p. 363–372).

Большинство дискуссий на тему инстинкта, включая работы Фрейда и других психоаналитиков, использовали концепцию инстинктов, в основе схожую с той, которую развивал Дарвин в своей классической работе 1871 года «Происхождение человека». В этой книге Дарвин рассматривал инстинкт в основном как влечение или импульс, побуждающий животное стремиться к определенной цели. Именно цель, а не что-то еще определяет природу данного инстинкта, настаивал он, цель, а не специфические действия животного. Животное не всегда ведет себя одинаково, когда пытается добыть

еду, пару или убежище. Самое большое значение имеют цели животного. Более того, по Дарвину, инстинкты не обязательно направлены на поиск удовольствия и стремление избегнуть боли. Он думал, что более «вероятно, что инстинкты являются простой наследственной силой, не стимулированной ни удовольствием, ни болью» (Darwin, 1871/1948, p. 477).

Понятие Фрейда: «инстинкт смерти»

Понятие инстинкта имеет у Фрейда существенное сходство с Дарвиновской концепцией. Как и Дарвин, Фрейд верил, что внутренние побуждения заставляют человека преследовать определенные цели, и так же, как и великий эволюционист, он считал, что цель инстинктов не всегда заключается в простом поиске удовольствия. О предполагаемом стремлении человечества к смерти и уничтожению Фрейд написал в опубликованной после Первой мировой войны аналитической работе «По ту сторону принципа удовольствия» (Freud, 1920/1961). Согласно концепции Фрейда, конечной целью всей жизни является не удовлетворение фундаментальных биологических потребностей в выживании, а смерть.

Фрейд изначально относился к природе человека с глубоким пессимизмом и, под влиянием ужасной жестокости и разрушений, вызванных войной, а может быть, и собственных проблем (включая расхождения с некоторыми из своих прежних последователей), пришел к окончательному убеждению, что инстинкт жизни в какой-то степени противостоит другой инстинктивной силе — поиску смерти. В основании «инстинкта смерти», считал Фрейд, лежит биологический механизм, общий для всех форм жизни. Каждый организм, размышлял он, стремится снизить нервное возбуждение до минимума. Смерть полностью снимает всякое внутреннее напряжение, и, таким образом, все органические формы жизни стремятся к смерти. Однако стремление к полному внутреннему спокойствию сталкивается с противоположной силой, инстинктом жизни. По словам Фрейда, «задача либидо обезвредить разрушающий инстинкт, и оно выполняет свою задачу, отвлекая этот инстинкт наружу... в направлении объектов окружающего мира». Следовательно, инстинктивное влечение к смерти проявляется в агрессивном отношении к другим людям. «В самом деле кажется, — писал он, — как будто нам нужно уничтожить какую-то другую вещь или человека для того, чтобы не уничтожить самих себя... Печальное открытие для моралиста» (обе цитаты даны по: Fromm, 1977 и приводятся в: Siann, 1985, p. 103).

Если следовать теории Фрейда, то людям все же не обязательно делать этот выбор. Всегда существует та или иная альтернатива. Ортодоксальный психоанализ утверждает, что агрессивный драйв можно ослабить (то есть изменить его направление или сублимиро-

вать), занявшись подменяющей агрессию деятельностью, не включающей ни насилие над другими людьми, ни самоуничтожение. Мы можем найти нашей агрессивной энергии конструктивный выход в стремлении доминировать над другими в преодолении встречающихся нам трудностей, в освоении окружающей среды. Однако Фрейд не возлагал больших надежд на то, что подобные отвлечения сработают. Его «окончательное представление было мрачным» (Siann, 1985, p. 104). Люди не могут избежать непрерывной борьбы собственной жизни и инстинкта смерти. Вероятно, драйв ненависти и уничтожения можно ослабить, но нельзя исключить полностью.

В главе XI «Психологические процедуры контроля над агрессией» я отмечал, что нет надежных эмпирических подтверждений понятия «измененного направления» агрессивной энергии. Кроме того, мало кто из последователей Фрейда согласились с его предположением, что стремление к насилию основано на стремлении к собственной смерти (Siann, 1985, p. 105). Тем не менее нынешний психоанализ по большей части разделяет основные взгляды Фрейда на агрессию. Так же как и Фрейд, многие психоаналитики полагают, что людям требуется гармонизировать противоположные сексуальные и агрессивные инстинкты. Для многих современных фрейдистов эти влечения схожи в очень важном аспекте: оба влечения врожденные, постоянно требуют выражения, направление и того и другого можно изменить. Эта концепция настолько распространена, что даже те психологи, которые не считают себя ортодоксальными психоаналитиками, принимают ее. Один психолог из Калифорнии недавно заявила в прессе, что дети «рождаются с агрессивными влечениями». Однако, продолжала она, излагая собственную версию ортодоксальной психодинамической теории, «в любящей семье» эти влечения могут быть изменены на «здоровую агрессивность: конкуренцию и честолюбие».

Концепция агрессивного инстинкта Лоренца

Конрад Лоренц, выдающийся исследователь поведения животных, интерпретировал агрессию с точки зрения энергетической модели мотивации животных [воспользуемся характеристикой Хинде (Hinde, 1960)]. Его формулировки стоит обсудить, так как они затрагивают ряд вопросов, чрезвычайно важных для адекватного понимания агрессии, в том числе и человеческого насилия.

В течение всего своего длинного и замечательного научного пути Лоренц придерживался мнения, что инстинктивные действия по большей части детерминированы эндогенно как у животных, так и у людей и они не являются главным образом реакцией на внешние события (см.: Lorenz, 1966; Eibi-Eibesfeldt, 1979). В инстинктивных

центрах нервной системы организма спонтанно накапливается неизвестное вещество или возбуждение, и оно заставляет организм реагировать на ситуативный стимул особенным способом. Важно отметить, что Лоренц не приравнивает эти стимулы к рефлексам. Организм не побуждается внешними событиями. Более вероятно то, что ситуативные стимулы всего лишь «открывают» или «высвобождают» в нервной системе сдерживающие механизмы, тем самым давая возможность внутреннему драйву «вытолкнуть» инстинктивное действие наружу.

Формулировка Лоренца придает новый смысл и создает базу для попыток контроля агрессии. Лоренц полагает, что если организм в надлежащее время не столкнулся со случайным высвобождающим стимулом, то потом может действовать неадекватно ситуации. Инстинктивное поведение может проявляться само, в результате давления сдерживаемого в организме драйва. Так, например, голубь-самец, лишенный возможности ухаживать за самкой и спариваться с ней, начинает приседать и курлыкать не только перед надувной резиновой голубкой, но и перед углами собственной клетки (Lorenz, 1966, p. 52). Лоренц считал, что такая «бессмысленная активность» *(vacuum activity)* возникает вследствие переизбытка инстинктивной энергии, аккумулированной в особом центре инстинкта. Я кратко проанализирую этот аргумент.

Энергетическая модель Лоренца, очевидно, имеет существенное сходство с общим мотивационным подходом Фрейда: этолог-первопроходец признавал «соответствие» между своими взглядами и взглядами Фрейда. В случае агрессии он все же не принимал идеи Фрейда об инстинкте смерти, но действительно был убежден, вместе с великим психоаналитиком, что люди обладают врожденным стремлением нападать на других. Лоренц также считал, что это влечение может вызвать действия, на первый взгляд имеющие с агрессией мало общего[1].

В контексте данной книги важно убеждение Лоренца относительно того, что агрессивное побуждение, как и другие инстинкты, спонтанно генерируется в человеке и постоянно ищет выражения. Он четко сформулировал эту точку зрения в рассчитанной на широкую аудиторию книге 1966 года «Об агрессии» *(On Agression)*. Отталкиваясь от своей энергетической модели, Лоренц считал, что «именно

---

[1] В отличие от Фрейда, Лоренц все же делал попытки интегрировать свою концепцию с дарвиновской доктриной эволюции. Лоренц предположил, что агрессия дала по крайней мере три эволюционных приобретения. Она привела к дисперсии животных одного вида на данной территории, таким образом сбалансировав количество представителей вида и имеющиеся ресурсы; способствовала отбору сильнейших представителей вида в ходе драк с соперниками и способствовала проявлению заботы о молодняке.

спонтанность [агрессивного] инстинкта делает его столь опасным» (Lorenz, 1966, p. 50). Предполагается, что агрессивный драйв возникает сам по себе, а не как реакция на фрустрацию и внешние стрессы. Мы не можем существенно уменьшить агрессивные наклонности людей, облегчив их участь или уменьшив разочарования, настаивал Лоренц.

❒ **Представляют ли люди особую опасность?** Лоренц также был убежден, что агрессивный инстинкт оказывает на людей более серьезное влияние, чем на животных. В отличие от людей, заявлял он, у многих видов животных есть инстинктивные механизмы, контролирующие и сдерживающие их от нападения на себе подобных. Легче всего наблюдать эти сдерживающие процессы у животных, которые легко могут уничтожить друг друга. Так, утверждает Лоренц, львы, волки и даже собаки обладают чем-то вроде естественного «выключателя», автоматически сдерживающего их нападение на противника, когда активизируется запрещающий механизм. Этот механизм удерживает их от уничтожения врагов из своего вида. Согласно Лоренцу, таким эффектом обладают жесты умиротворения. Когда два животных одного вида дерутся, через некоторое время более слабое животное, которому грозит смерть, подчиняется победителю и показывает жест умиротворения. Так, волк, жестоко дерущийся с другим волком и проигрывающий схватку, изображает покорность, повернувшись на спину и выставляя незащищенное брюхо. Жест умиротворения быстро блокирует агрессию победителя и тем самым мешает животному добить жертву. Люди, писал Лоренц, не имеют инстинктивных преград, мешающих им убивать своих собратьев. Их нападения на других нельзя так же легко и быстро «выключить». Вследствие этого человеческий агрессивный драйв намного опаснее, чем агрессивный драйв животного.

❒ **Существует ли потребность в «безопасном выходе»?** Лоренц в действительности не думал, что все обстоит настолько безнадежно, даже если люди не обладают природными сдерживающими механизмами своих жестоких наклонностей. Так же как Фрейд и ортодоксальная психоаналитическая теория, он утверждал, что можно изменить вектор агрессивного драйва, направить его на другую, неагрессивную деятельность и тем самым разрядить скопившуюся агрессивную энергию. Лоренц считал, что общество должно обеспечить своих членов социально приемлемыми способами разрядки агрессивных сил, неизбежно накапливающихся у людей, иначе это грозит неконтролируемыми вспышками насилия. По мнению Лоренца и других ученых, присоединившихся к его точке зрения, цивилизованные люди страдают в наше время от недостаточного высвобождения аккумулированных в них агрессивных стремлений.

Рассмотрим данное понятие более тщательно, поскольку в той или иной форме оно до сих пор разделяется многими специалистами. Тезис Лоренца утверждает, что определенные группы людей обладают особенно сильными инстинктивными драйвами из-за влияния своей наследственности. Предполагается, что для данных групп людей важно найти подходящий выход их внутренней агрессивной энергии. Например, Лоренц утверждал, что высокая степень неприспособленности, неврозы и даже склонность попадать в аварийные ситуации, распространенные среди нынешних индейцев юта с западных равнин Северной Америки, являются следствием неспособности индейцев разрядить веками вырабатывавшуюся у них интенсивную тягу к агрессии (Lorenz, 1966, p. 244–245). Также Лоренц полагал, что причиной серьезных разногласий и ссор, возникающих между членами экспедиций в отдаленные местности, является изоляция от других людей. Людям в экспедиции не хватает специфических мишеней за пределами группы для разрядки накопившихся у них агрессивных побуждений. Они конфликтуют с другими членами своей экспедиции из-за все возрастающих *деструктивных прессов*. Лоренц предлагал несколько советов людям, попадающим в подобные ситуации: «восприимчивый человек может найти выход в том, чтобы, выбравшись незаметно из барака (палатки или иглу), разбить какой-нибудь недорогой предмет с таким звоном и треском, как того заслуживает случай» (Lorenz, 1966, p. 55–56).

Здесь мы снова видим знакомый аргумент в пользу «очищающей разрядки» предположительно сдерживаемой агрессивной энергии. Такую разрядку часто защищают психологи и работники, специализирующиеся в сфере ментального здоровья с психодинамической ориентацией. Не все они разделяют веру Лоренца и Фрейда в существование спонтанно возникающего побуждения к насилию. Фактически многие считают более правдоподобной мысль о том, что влечение к агрессии возрастает в течение жизни вместе с ростом фрустрации и накапливающимся стрессом. Однако, так же как Фрейд и Лоренц, они защищают необходимость периодической разрядки накапливающихся агрессивных побуждений. Если влечение к агрессии не переключено на подменные действия, такие, как конкуренция или стремление к мастерству, и не разряжается в искусственных формах агрессии, подобных рекомендованному Лоренцом битью ваз, то вспышки неконтролируемой ярости неизбежны.

КРИТИКА ТРАДИЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ ИНСТИНКТА

Предшествующий обзор охватил некоторые основные черты традиционного понятия агрессивного инстинкта, в частности концепцию, изложенную в теориях Фрейда и Лоренца. Не делая попыток

детально описать эти воззрения, я только отмечу некоторые недостатки теоретического и эмпирического обоснования традиционной доктрины инстинкта[1].

Неадекватная эмпирическая база

Главная проблема традиционной концепции инстинкта заключается в отсутствии достаточной эмпирической базы. Специалисты по изучению поведения животных подвергали серьезному сомнению ряд уверенных утверждений Лоренца относительно агрессивности животных. Возьмем, в частности, его замечания об автоматическом сдерживании агрессии у разных видов животных. Лоренц заявлял, что большинство животных, способных легко убить других представителей своего вида, имеют инстинктивные механизмы, быстро останавливающие их атаки. Людям недостает такого механизма, и мы являемся единственным видом, истребляющим самого себя. Однако, как указывает большое число исследователей, в действительности Лоренц незаслуженно принизил внутривидовую агрессивность, пронизывающую животный мир. Львы, волки и даже собаки убивают других представителей своего вида намного чаще, чем это показано у Лоренца (Marler, 1976; Wilson, E. O., 1975).

Сомнительное понятие спонтанно генерируемых инстинктивных драйвов

Существуют намного более серьезные проблемы традиционного взгляда на агрессивный инстинкт. Никто еще не смог обнаружить хотя бы приблизительное расположение «инстинктивного центра» этого влечения, который предполагается данной концепцией, или хотя бы намек на его существование в теле или мозге. Особые зоны мозга задействованы во многих агрессивных проявлениях, но, по-видимому, они ответственны за реакции на эмоциональные ситуации, а не служат для размещения аккумулированного возбуждения, вызванного агрессией или в результате химических процессов. Более того, исследователи также критиковали идею о том, что агрессивное поведение само вырывается наружу (предполагаемая «бессмысленная активность» Лоренца) из-за давления сдерживаемого влечения. Исследования показывают, что предположительно спонтанная аг-

---

[1] Существует распространенное заблуждение о том, что взгляды Лоренца разделяются большинством зоологов и этологов. Это отнюдь не так. Два выдающихся исследователя поведения животных Хинде (1982) и Барнетт (1967) приводили совершенно отличные одна от другой концепции инстинктивного поведения. Очень сложное рассуждение об агрессивности животных есть у Archer (1988).

рессивность и другие примеры «бессмысленного» инстинктивного поведения намного более вероятно представляют реакцию на стимулы данной ситуации, а не действия, «выталкиваемые наружу» внутренними силами (см.: Berkowitz, 1969 а, и особенно Hinde, 1960).

В конце 50-х годов Дж. П. Скотт, признанный ученый и исследователь поведения животных, опроверг идею спонтанно генерируемого инстинктивного влечения к агрессии на основании имеющихся в то время доказательств:

Нет никакого физиологического обоснования возникающей в теле спонтанной стимуляции драки. Это значит, что нет необходимости драться... если не принимать в расчет событий окружающей среды... Мы также можем сделать вывод о том, что не существует такой вещи, как «инстинкт драки» в значении внутренней движущей силы, требующей выхода. Существует, однако, внутренний физиологический механизм, который всего лишь нуждается в стимуляции, чтобы драка произошла (Scott, 1958, p. 62).

Исследования последующих лет забили еще больше гвоздей в гроб традиционных представлений об инстинкте, в котором надо похоронить влечение к агрессии. На основании результатов исследований ряд известных ученых в различных областях — от антропологии до зоологии — подписали в 1986 году в Испании, в Севилье, положение, прямо противоречащее идеям Фрейда об инстинктивном влечении к войне. Севильское Заявление о насилии гласит:

«С научной точки зрения, некорректно утверждать, что от наших животных предков мы унаследовали тенденцию развязывать войну...

С научной точки зрения, некорректно утверждать, что война или любое другое воинственное поведение генетически запрограммировано в нашей человеческой природе...

С научной точки зрения, некорректно утверждать, что в ходе человеческой эволюции происходил отбор, в котором предпочтение отдавалось более агрессивному поведению перед всеми другими видами поведения...

С научной точки зрения, некорректно утверждать, что война обусловливается "инстинктом" или какой-то одной мотивацией... Биология не обрекает человечество на неизбежную войну...»[1]

Различные виды агрессии

Еще одна серьезная проблема традиционной доктрины инстинкта заключается в предположении о том, что к агрессии приводит всего один драйв. Люди, придерживающиеся этого взгляда, считают, что

---

[1] Дополнительную информацию о Севильском Заявлении о насилии 1986 года можно получить у профессора Дэвида Адамса, отделение Психологии, Веслианского Университета в Миддлтауне (David Adams, Psychology Department, Wesleyan University, Middletown, CT).

любое нападение на других людей, какую бы форму оно ни принимало и какие бы цели ни преследовало, делается с одной глубинной целью — разрядить внутренний агрессивный драйв, а управляют поведением одни и те же биологические механизмы. В действительности, как я отметил в главе 1, сторонники этой доктрины часто идут еще дальше и утверждают, что и многие неагрессивные действия вызываются тем же инстинктивным импульсом.

❑ **Развивает ли агрессивный драйв ассертивность, настойчивость и стремление к мастерству?** Поскольку эта идея широко распространена, позвольте мне вернуться к некоторым утверждениям, сделанным автором популярной книги о человеческой агрессии, процитированной мною в первой главе. «Нет четкой границы, — пишет автор, — между формами агрессии, утрату которых мы будем оплакивать, и теми, от которых следует отказаться, если мы хотим выжить» (Storr, 1968, p. xi).

Агрессия вовсе не так плоха, считает он. Именно «агрессивная, деятельная сторона» человеческой природы подталкивает людей и заставляет их пытаться влиять на мир вокруг. В соответствии с этим взглядом, люди агрессивны, когда стремятся к независимости, хотят повлиять на других, пытаются справиться с противостоящими им трудностями. Их усилия во всех этих попытках предположительно обусловлены одним и тем же импульсом, который в других случаях ведет к разрушению и насилию.

Многие согласятся с этими утверждениями. Кроме того, разве мы не слышим часто, как люди «агрессивны», когда пытаются достичь цели или активно пытаются убедить других в своей правоте? Обыденная речь приравнивает настойчивость к агрессии. Подразумевается, что в обоих случаях задействован один и тот же драйв. Точно так же, разве не говорят о мужчине, «вгрызающемся» в проблему, или женщине, «атакующей» вопрос? Может быть, это означает, что попытки преодолеть трудности стимулируются агрессивными импульсами.

В действительности же обыденная речь не доказывает, что одни и те же мотивы приводят к агрессии, ассертивности, настойчивости, поиску независимости, стремлению к успеху и борьбе с внешними проблемами. Всем этим действиям временами присваивается ярлык «агрессии», отражающей широко распространенную народную веру в источник данного типа поведения. Однако такое вульгарное представление в корне ошибочно. Изучение феномена успеха, доминирования, независимости и мастерства показывает, что данные мотивы развиваются различными сложными путями и не имеют ничего общего с источником агрессии[1].

---

[1] Анализ некоторых исследований различных мотивов и форм поведения, связанных с агрессией, см. в: Endler & Hunt (1984).

15 Зак. 3973

❐ **Категории агрессии.** Чем пристальнее вглядываются исследователи в причины и последствия агрессии, тем лучше они понимают, что люди (и животные) пытаются причинить боль или уничтожить врагов по самым разным причинам. Исследователи приходят к выводу о том, что существуют различные виды агрессии.

В этой книге я уже писал, что следует разграничивать два вида агрессии в зависимости от целей, которые преследует агрессор, нападая на жертву: *эмоциональная (или враждебная) агрессия*, когда нападающий больше всего заинтересован в том, чтобы нанести жертве ущерб, и *инструментальная агрессия*, при которой нападение осуществляется для достижения других, отличных от причинения боли целей.

Важно осознать эту разницу, но при этом надо также понимать, что удары часто наносятся как с враждебными, так и с инструментальными целями. Впадая в ярость, мужья часто бьют жен; они могут бить женщин как ради удовольствия от причинения боли (удовлетворяя потребности враждебной агрессии), так и утверждая свое доминирование (достигая отличной от причинения боли цели).

Исследователи агрессии у животных (кроме Лоренца и его последователей) обычно проводят еще более тонкое разграничение между различными видами агрессии, беря за основу биологические функции, которым отвечает данное поведение. Кеннет Мойер, например, предполагал, что в животном мире присутствуют следующие виды агрессии: *хищная*, *агрессия самцов* (intermale), *устрашающая*, *гневная* (irritable), *защита территории*, *материнская*, *инструментальная* и *сексуальная* (Moyer, 1976).

Другие авторы подвергли сомнению адекватность такой классификации и отстаивали другие категории. По крайней мере в некоторых из предлагаемых разграничений агрессии есть одна общая тема. Джон Арчер (Archer, 1988), ученый-эрудит, исследователь поведения животных, считает, что агрессия — всего лишь попытка животного разрешить проблему. Он придерживается мнения, что лучше всего разделять агрессию, вызванную *конкуренцией из-за нехватки ресурсов*, таких, например, как еда или пара, и агрессию, осуществляемую в качестве *защитной реакции*. Двигаясь несколько в другом направлении, Берр Айхельман, Глен Элиот и Джек Баркас предложили, воспользовавшись неврологическими и биохимическими показателями, две другие (но, пожалуй, близкие) категории: *хищная* и *эмоциональная* агрессия. Хищная агрессия имеет место там, где «уничтожается добыча, чаще всего ради пищи».

В эмоциональной агрессии, с другой стороны, «угрожающие стимулы инициируют интенсивную активацию определенных паттернов в автономной нервной системе», и эти же стимулы провоцируют уг-

рожающие и защитные поступки (Eichelman, Elliott & Barchas, 1981, p. 57).

Современные знания еще не дают исследователям возможность определить наилучший способ классификации различных видов животной агрессии. Все же я склонен рассматривать инструментальную агрессию как широкую категорию, охватывающую несколько типов Мойера, *конкурирующую* агрессию Арчера и *хищную* агрессию, описанную Айхельманом, Элиотом и Баркасом. Вместе с Айхельманом и его коллегами я считаю, что *агрессия гнева*, *устрашающая агрессия* и даже *защитная* подпадают под общую категорию *враждебной* или *эмоциональной агрессии*.

Какие бы ярлыки ни прикрепляли к данным различным формам поведения, важно отметить, что все исследователи, процитированные мной, разграничивают эмоциональные (гневные, враждебные) попытки причинить вред другим и рассчитанные нападения, которые осуществляются для достижения отличной от причинения ущерба жертве цели (*инструментальная, хищная* агрессия). Для моих настоящих целей специфические виды агрессии не имеют большого значения. Суть заключается в том, что к разным видам агрессии подталкивают различные влечения.

Есть много причин для того, чтобы опровергнуть концепцию инстинктивного влечения к агрессии, которую защищали Фрейд и Лоренц. Сколько бы последователей ни цеплялись за этот традиционный взгляд, он имеет чрезвычайно мало эмпирических обоснований. Люди *способны* к агрессии и насилию, но внутри у них не развивается биологический импульс к нападению и уничтожению других.

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ И ГОРМОНЫ

«РОЖДЕННЫЙ ПРОБУДИТЬ АД»? ВЛИЯНИЕ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ НА АГРЕССИВНОСТЬ

В июле 1966 года психически не вполне нормальный молодой человек по имени Ричард Спек убил в Чикаго восемь медсестер. Ужасное преступление привлекло внимание всей страны, пресса подробно описала этот инцидент. Широкой публике стало известно, что Спек носил на руке татуировку «рожденный пробудить ад».

Первые генетические концепции: теория Ломброзо

Мы не знаем, действительно ли Ричард Спек родился с преступными наклонностями, которые неумолимо привели его к совершению этого преступления, или может быть «гены насилия», каким-то образом побудившие его к убийствам, были получены от родителей, — но

я хочу задать более общий вопрос: существует ли какая-то наследственная предрасположенность к насилию?

Некоторые исследователи настаивают на том, что преступные тенденции могут передаваться генетически. Одной из самых известных была теория итальянского криминолога конца XIX века Чезаре Ломброзо (Cesare Lombroso). Находясь под влиянием дарвиновских идей, завоевывавших в тот период все большую популярность, Ломброзо считал, что существует тип людей, представляющий собой некий атавизм эволюции и обладающий биологической склонностью к антисоциальному поведению. Свою аргументацию он строил на ошибочном понятии «прирожденных преступников», обладавших отличительными примитивными чертами (покатый лоб, необычный тип лица и тому подобное). Эти черты свидетельствовали о генетически обусловленных антисоциальных тенденциях. Исследования недавних лет продемонстрировали ошибки Ломброзо, и его теория была выброшена в мусорную корзину истории[1].

К несчастью, жестокие идеи Ломброзо привели к дискредитации всех исследований возможных наследственных источников преступлений. Даже сегодня многие ученые-социологи отказываются от подобных исследований, вероятнее всего подразумевая под ними лишь современные версии доктрины Ломброзо. Тем не менее, может быть, совершенно неправильно было бы сразу отказаться от возможности передачи преступных тенденций по наследству. Традиционное понятие спонтанно генерируемого изнутри влечения к смерти и уничтожению ошибочно, но могут существовать некоторые биологические факторы, влияющие на агрессию, а генетический склад людей может повлиять на вероятность их нападения на других. Возрастающее число исследований показывает, что наследственность человека может действительно повлиять на вероятность совершения им преступления.

Современное обоснование влияния наследственности

❑ **Семья оказывает некоторое влияние**. Эмпирическое исследование, относящееся ко временам Ломброзо, почти не оставляет сомнения в том, что семейное воспитание влияет на вероятность проявления преступного поведения. Как показывают английские исследования, например, около 40% процентов тех, кто имел отцов с криминальным прошлым, сами были судимы, в то время как всего у 13% осужден-

---

[1] Будет справедливо признать: Ломброзо полагал, что только около трети всех преступников — врожденные преступники. Он также утверждал, что влияние неблагоприятных условий способствует росту преступности, хотя и сосредоточивал свое внимание по большей части на генетических детерминантах. См.: Wilson & Herrnstein (1985), p. 73.

ных отцы не были судимы (Osborn & West, 1979). Проблема состоит в том, чтобы определить, в какой пропорции сказывается влияние семьи: что передается генетически, а что усваивается с опытом.

❑ **Близнецы.** Для того чтобы картина влияния наследственности на преступность и склонность к насилию была более ясной, изучались однояйцевые и двуяйцевые близнецы. Логика этого направления исследований вполне понятна: как однояйцевые, так и двуяйцевые близнецы подвергаются одному и тому же пренатальному воздействию в материнской матке и оба типа близнецов (хотя не всегда) после рождения попадают в одно и то же семейное окружение. Впрочем, в отношении генетического сходства эти два типа близнецов отличаются друг от друга. Однояйцевые близнецы идентичны генетически, так как развиваются из одного оплодотворенного яйца, и генетики называют их монозиготными; двуяйцевые же близнецы, развившиеся из двух разных яиц, называются дизиготными. В целом двуяйцевые близнецы имеют генетически не больше сходных черт, чем обычные братья и сестры. В той степени, в какой преступные склонности передаются по наследству (то есть от родителей к потомству), в такой же степени однояйцевые близнецы должны сильнее проявлять эту склонность, чем двуяйцевые.

Исследования, сравнивающие монозиготных и дизиготных близнецов, проводились уже в 20-х годах. Они последовательно продемонстрировали, что склонность к совершению преступлений действительно может быть наследственной. Возьмем уровень соответствия — степень проявления данного признака в пределах изучаемой группы. Если монозиготные близнецы проявляют 67% соответствия по данному признаку, это значит, что в двух третях этих пар оба члена пары обладают данной характеристикой. Одна из обзорных работ по исследованию взаимоотношений между наследственностью и преступностью, опубликованная между 1929 и 1940 годами, указывала средний уровень соответствия около 75% для монозиготных близнецов по сравнению с всего 24% у дизиготных близнецов. В позднейших исследованиях, применявших более точные методы определения однояйцевости и разнояйцевости близнецов, были получены степени соответствия в 48 и 20 %. Независимо от точности степени соответствия явно прослеживается влияние наследственности на склонность к совершению преступлений (Osborn & West, 1979).

Датские исследования генетических факторов

Еще яснее влияние наследственности было обнаружено в исследованиях, проводимых датскими учеными. Эта страна предоставляет превосходную базу для изучения преступности, так как у профес-

сионалов есть возможность изучать полную информацию о преступниках. Воспользовавшись доступностью этой информации, Карл Христиансен из университета в Копенгагене отобрал почти 800 пар датчан из группы приблизительно в 3900 близнецов, родившихся в один промежуток времени. В каждой выбранной паре по крайней мере один близнец подвергался судимости. Затем ученый проследил, имел ли судимость второй близнец в каждой паре, и просчитал уровень соответствия для однояйцевых и двуяйцевых близнецов. В этой выборке, отметил Христиансен, оба типа близнецов проявляли закономерное сходство. Еще важнее то, что соответствие было очень большим, когда учитывались склонности однояйцевых близнецов к совершению преступлений, связанных с нападением на человека. Это соответствие было выше показателей преступлений, связанных с хищением собственности. Не отрицая влияния окружающей среды, Христиансен делал вывод о том, что «комбинированное влияние наследственности и окружения больше для преступлений, связанных с насилием, чем с хищением собственности» (Christiansen, 1974).

В изучении близнецов еще остаются проблемы, и ученые до сих пор не сделали точных заключений. По меньшей мере, эти исследования показывают «существенный компонент наследственности в преступном поведении»[1] (Wilson & Herrnstein, 1985, p. 93).

☐ **Влияние биологических и приемных родителей.** Если бы наука была холодным умозрением, то возможно было провести грубый и безжалостный эксперимент для того, чтобы определить значение наследственности в развитии преступного сознания: только что родившихся младенцев забрать у их биологических родителей и отдать приемным, выбранным случайным образом. В таком случае исследователи имели бы возможность периодически осматривать детей по мере их взросления и, взяв поведенческие и психологические параметры, оценить влияние природных и приемных родителей. Если бы вероятность нарушения закона у детей с биологическими родителями-преступниками оказалась выше, можно было бы говорить о влиянии наследственности на вероятность нарушения закона.

Понятно, что такой эксперимент никогда не будет проводиться в обществе, поддерживающем гуманные ценности, однако можно получить приблизительные данные из исследований, сравнивающих пре-

---

[1] Ученые, скептически относящиеся к результатам этих исследований, отстаивали точку зрения о том, что однояйцевые близнецы, вероятно, растут в психологически идентичной обстановке, в отличие от двуяйцевых, поскольку у других людей однояйцевые близнецы могут вызывать одинаковую реакцию. Кроме того, возможно, что однояйцевые близнецы могут иметь более близкие отношения и склонны усваивать одинаковый стиль поведения, в том числе и антисоциальные поступки. См.: Hollin (1989), p. 26.

ступность приемных детей и преступность приемных и биологических родителей. В этом направлении проводился ряд исследований[1].

На основе обширной информации о гражданах, имеющейся в Дании, группа ученых во главе с Сарноффом Медником исследовала уголовные дела 14 400 мужчин — датчан, усыновленных в детстве и ничего не знавших о своих настоящих родителях. Так как ученые располагали полной информацией, они имели возможность найти сведения о приемных и биологических родителях этих людей. Также они знали, сколько раз отдельный человек подвергался судимости или был осужден за нарушение закона.

Неудивительно, что криминальные наклонности приемных родителей влияли на вероятность совершения преступлений детьми, которых они усыновили. Однако влияние этого рода было относительно ничтожным — гораздо слабее, чем влияние биологических родителей. Когда ни биологические, ни приемные родители не подвергались суду, то только 13,5% детей были признаны в совершении преступлений. Уровень преступности возрастал лишь до 15% в случае, когда приемные родители были осуждены, а биологические родители — нет. И наоборот, около 20% мужчин, имевших лояльных приемных родителей, но хотя бы одного биологического родителя-преступника, сами были преступниками. Шансы совершения преступления резко возрастали, когда обе семьи — приемная и биологическая — представляли антисоциальную группу, арестовывались и были осуждены.

Чтобы найти еще доказательства наследственного влияния на преступность, исследователи выбрали мужчин, не испытывавших антисоциального влияния родителей во время взросления (так как их приемные отцы и матери не были осуждены). В этой выборке вероятность совершения преступлений теми, чьи биологические родители часто нарушали закон (имели три и больше судимостей), в три раза превышала вероятность совершения преступлений детьми лояльных биологических родителей.

Это не значит, что мужчины, имевшие «плохую наследственность», были обречены на жизнь преступников. Целых 75% людей, рожденных особо опасными преступниками, не имели судимости. При этом сыновья биологических родителей-преступников, сами ставшие хроническими нарушителями закона, были, по-видимому, «порчеными яблоками». Хотя они составляли всего 1% процент от числа всех

---

[1] Сочувственное отношение к такого рода исследованиям можно найти в: Wilson & Herrnstein (1985), p. 95–100, и особенно в: Mednick & Christiansen (1977), но я опишу лишь одну из лучших работ, сделанную на примере достаточно большой группы приемных детей. Подробное резюме этого исследования можно найти в: Mednick, Gabrielli, & Hutchings (1987).

приемных детей биологических родителей-преступников, на этот один процент приходилась почти треть уголовных дел в группе людей с лояльными приемными родителями. Здесь, вероятно, можно говорить о том, что генетический фактор оказывает незначительное влияние на общее число преступлений, но он серьезно воздействует на поведение антисоциального сектора общества в целом.

Описывая данные исследований, я ссылался на все типы преступлений. В контексте данной книги уместен вопрос: насколько часто биологические родители-преступники передают по наследству тенденцию к преступлениям, связанным с насилием, по сравнению с тенденциями к другим видам преступлений. Рис. 12-1 дает детальный анализ силы влияния наследственности в зависимости от характера преступлений, совершенных детьми. Приводится пример мужчин, чьи приемные родители не нарушали закон. Диаграмма показывает, что преступность природных родителей больше связана с вероятностью преступлений в отношении собственности, чем с шансами совершить насилие, однако представляется, что существует некоторая взаимосвязь между наследственностью и обоими типами антисоциального поведения[1].

Данные, полученные Христиансеном в его исследовании однояйцевых и двуяйцевых близнецов, также наводят на мысль о том, что склонность к совершению насильственных преступлений может передаваться по наследству.

Обобщенные результаты датских исследований показывают, что некоторые мужчины наследуют склонность к антисоциальным поступкам и даже тенденцию к совершению насилия. Данные также свидетельствуют о том, что преступность биологических родителей не всегда ведет к криминальному поведению их потомства. Только малая часть приемных детей от биологических родителей-преступников превращаются в нарушителей закона, даже если их приемные

---

[1] Я должен признать, что взаимосвязь между преступностью биологических родителей и преступностью их потомства статистически оправдана для преступлений, связанных с хищением собственности, а не с насилием. Медник сделал вывод, что можно доказать лишь наследственную склонность к воровству. Однако изыскания Христиансена, так же как и другие сведения, полученные группой Медника, наводят на мысль, что, вероятно, в небольшом секторе населения существует наследственная предрасположенность к совершению насилия. В более позднем подробном анализе результатов датских исследований Моффитт (Moffitt, 1987) обнаружил, что психиатрические истории болезней биологических родителей влияли на вероятность совершения насилия детьми. Унаследованная склонность в этих крайних проявлениях, может быть, всего лишь потенциал, не обязательно проявляющийся в реальном поведении, если только влияние окружающей среды не усилит или не активизирует его.

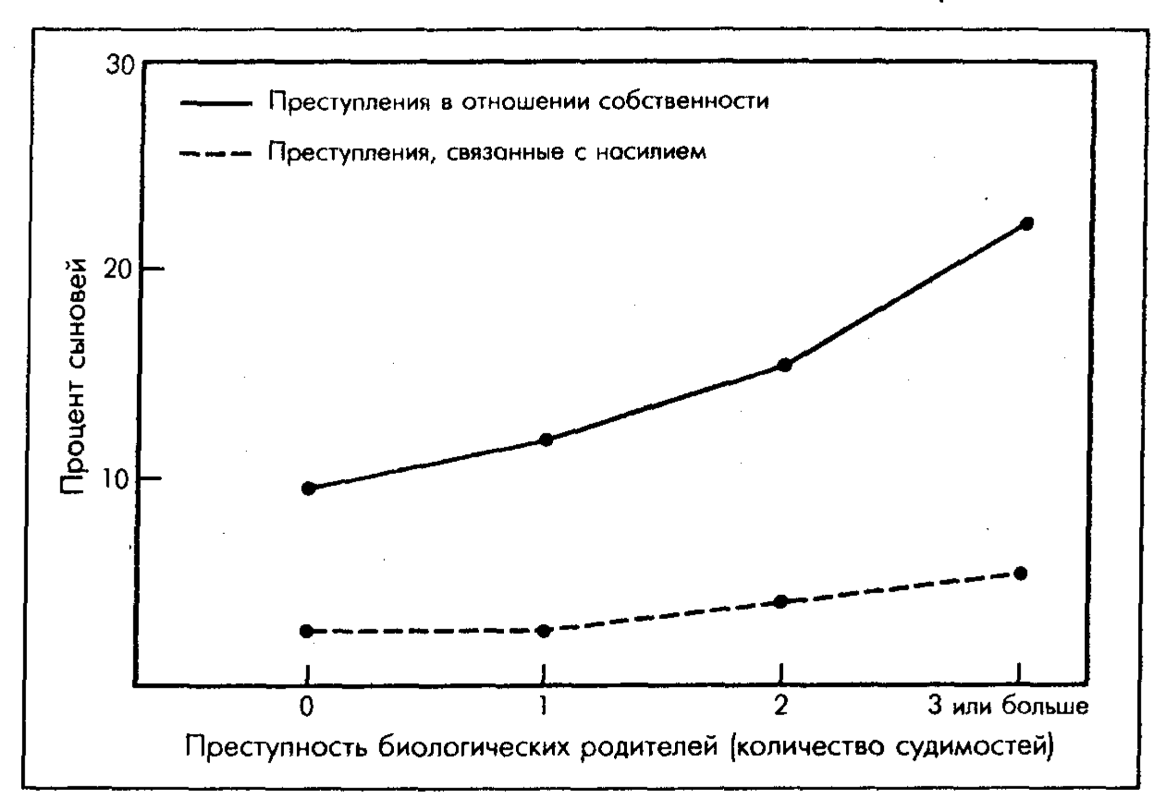


Рис. 12-1. Взаимоотношения между преступностью биологических родителей и судимостью детей. Процентное соотношение детей, осужденных за преступления, связанные с собственностью или с насилием, сравнивается с количеством аналогичных преступлений их биологических родителей. В данной выборке никто из приемных родителей не имеет судимости.

родители тоже совершали преступления. Вероятно, когда сыновья получают от своих антисоциальных матерей и/или отцов «плохие гены», в большинстве случаев (хотя, может быть, и не во всех) генетическая предрасположенность поддерживается воспитанием и окружающей средой. Важно подчеркнуть, что генетическая наследственность создает лишь потенциал для развития криминальных тенденций. Этот потенциал реализуется только в соответствующих условиях воспитания и влияния окружения.

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В АГРЕССИИ

Различия в проявлении агрессии у представителей обоих полов стали предметом дискуссий последних лет. Многие читатели, пожалуй, удивятся, если узнают, что по этой теме существуют разногласия. На первый взгляд кажется очевидным, что мужчины более склонны к яростным нападениям, чем женщины. Несмотря на это, многие психологи считают, что различие это не столь очевидно, а порой и совсем незаметно (см., например: Frodi, Macalay & Thome, 1977). Рассмотрим исследования этих различий и попробуем определить роль половых гормонов в стимуляции агрессии.

Некоторые результаты исследований

□ **Исследования животных.** Результаты исследования животных почти не вызывают разногласий. У подавляющего числа видов — от мышей до антропоидов — самцы проявляют больше склонности к агрессии, чем самки. В определенных условиях, разумеется, женские особи тоже ведут себя агрессивно, особенно когда защищаются от хищников. В этом случае никаких половых различий не наблюдается. Все же мужские особи больше женских склонны к драке и нападению (см.: Moyer, 1976; Archer, 1988).

□ **Различия мужчин и женщин в совершении насильственных преступлений.** А как ведут себя люди? Биологические сдерживающие механизмы оказывают на поведение людей гораздо меньшее влияние, чем на поведение животных. Одинакова ли вероятность проявления агрессии у мужчин и женщин? На этот вопрос можно ответить, сравнив, например, уровень преступлений, особенно связанных с насилием, совершенных мужчинами и женщинами. Эта статистика поучительна и в то же время провокационна. Как и можно было ожидать, большинство арестованных за нарушение закона людей — мужчины, и кажется, что эта закономерность наблюдается во всем мире (Wilson & Herrnstein, 1985, р. 104–107). Более того, когда арестовываются женщины, чаще всего их обвиняют в преступлениях, связанных с собственностью (таких, например, как воровство, подлог, хищение и мошенничество), а не в нападении на других людей (как, например, убийство или вооруженное нападение). По отчету ФБР за 1981 год, женщины арестовывались всего за 13% насильственных преступлений и вооруженных нападений и за 29% преступлений, связанных с воровством (Департамент судебной статистики, 1983).

Мой интерес к различиям полов простирается, однако, за пределы уровня преступности. Я намереваюсь выяснить, обязаны ли эти различия только культурным и историческим влияниям или они в значительной степени еще и отражают биологические различия полов. Изменение уровня насильственных преступлений, совершенных мужчинами и женщинами за последние несколько десятилетий, может предоставить нам некоторую информацию. Социальные дефиниции образцового мужского и женского поведения начиная с 60-х годов драматически изменились во всех сферах жизни. Женщины теперь самоутверждаются такими методами, которые прежде считались неприличными. Пожалуй, можно было бы говорить о том, что в случае увеличения пропорции насильственных преступлений, совершенных женщинами, это увеличение свидетельствовало бы о социальных изменениях в концепции надлежащего женского поведения. Такое увеличение свидетельствовало бы о подавляющем влиянии

социальных стандартов по сравнению с биологическими различиями полов.

Тем не менее нет достаточно веских доказательств того, что разрыв уровня женской и мужской преступности сокращается. В последние годы произошло некоторое стирание различий между полами, но это относится только к преступлениям, не слишком «мужественным» по своей природе. Рассмотрим воровство, преступление, часто совершаемое женщинами. В период накануне Второй мировой войны всего 8% арестованных за этот вид преступлений были женщины, а в конце 70-х годов женщины составляли почти треть всех арестованных. С другой стороны, за убийство — исторически «мужественный» тип поведения — показатель арестованных женщин за тот же период вырос от 10 до 14 %.

Статистика по количеству арестов за отдельную категорию преступлений, сделанная на примере 100 000 людей, показывает почти ту же модель. В 1970-х годах уровень мужской преступности, связанной с собственностью, возрос на 20%, в то время как рост женской преступности за то же десятилетие составил 35%. Наоборот, уровень насильственных преступлений, совершенных женщинами, показал почти то же процентное увеличение, что и уровень мужской преступности этого вида (от 30 до 35%) (Статистика взята из: Wilson & Herrnstein, 1985, p. 109–111; Bureau of Justice Statistics, 1983, p. 35).

В целом статистика преступности не подтверждает предположения о том, что различия уровня насильственной преступности мужчин и женщин обусловлены приверженностью женщин традиционно неагрессивной роли. Может быть, еще рано делать однозначный вывод по этой теме.

❑ **Другие формы агрессивного поведения.** Обладают ли мужчины большей склонностью к агрессии, чем женщины, если мы говорим о других, более слабых формах агрессии? Кажется, что ответ должен быть положительным, но что касается обоснования этого мнения, тут существуют разногласия.

В известном обзоре исследований детского поведения, сделанном Элеонор Маккоби и Кэрол Жаклин (Maccoby & Jacklin, 1974), отмечалось, что предполагаемая разница в агрессивности полов постоянно обнаруживалась во всех научных работах, начиная по меньшей мере с 30-х годов. За небольшим исключением, в полевых исследованиях, а также в лабораторных экспериментах, в которых использовались различные параметры, во всех случаях мальчики проявляли типично более сильную агрессивность, чем девочки. Более того, это различие существует во всех социальных слоях и наблюдается во многих культурах.

Я приведу пример только двух исследований, на которые ссылаются Маккоби и Жаклин. В одном из них под руководством Вайтинга и Поупа (Whiting & Pope) были проведены наблюдения за поведением детей из семи различных культур. Хотя мальчики из данных групп редко лезли в драку, в каждой из этих культур мальчики больше девочек были склонны оскорблять сверстников и чаще давали сдачи, если их начинали бить. Второе исследование было выполнено Омарком (Omark). Исследователи Омарк и Идельман (Edelman) наблюдали за поведением детей на школьных площадках в США, Швейцарии и Эфиопии. Они определили агрессию как толчок или удар другого человека и отсутствие улыбки на лице. Исследователи обнаружили, что во всех трех обществах мальчики чаще проявляли этот тип поведения, чем девочки[1].

Чтобы свести воедино всю информацию, Маккоби и Жаклин провели тщательный статистический анализ результатов наблюдений за детской агрессией, основывавшихся на 31 выборке. Все дети были в возрасте младше 6 лет, социальный статус их родителей широко варьировался. Результаты снова продемонстрировали типично более ярко выраженную агрессивность мальчиков. Один аспект данного анализа стоит отметить особо. Вопреки предположениям некоторых психологов о том, что различия в мужской и женской агрессивности ограничиваются физической атакой и что девочки чаще мальчиков словесно оскорбляют сверстников, Маккоби и Жаклин обнаружили, что половые различия явно прослеживались как в вербальной, так и в физической агрессии во всех проанализированных ими работах (Maccoby & Jacklin, 1980).

Вышеупомянутые работы касались поведения маленьких детей. А что же взрослые? Элис Игли и Валери Стеффен полагали, что различия, наблюдаемые у малышей, становятся меньше у взрослых (Eagly & Steffen, 1986)[2].

Игли и Стеффен провели статистический анализ половых различий, найденных ими во время 63 полевых и лабораторных исследований. Они работали с молодежью — студентами колледжа и людьми более старшего возраста. Измерялись поведенческие параметры агрессии (без использования *проективного теста* или воображае-

---

[1] Мальчики не оказываются агрессивнее девочек лишь сравнительно в небольшом количестве работ, на которые ссылаются Маккоби и Жаклин (1974).

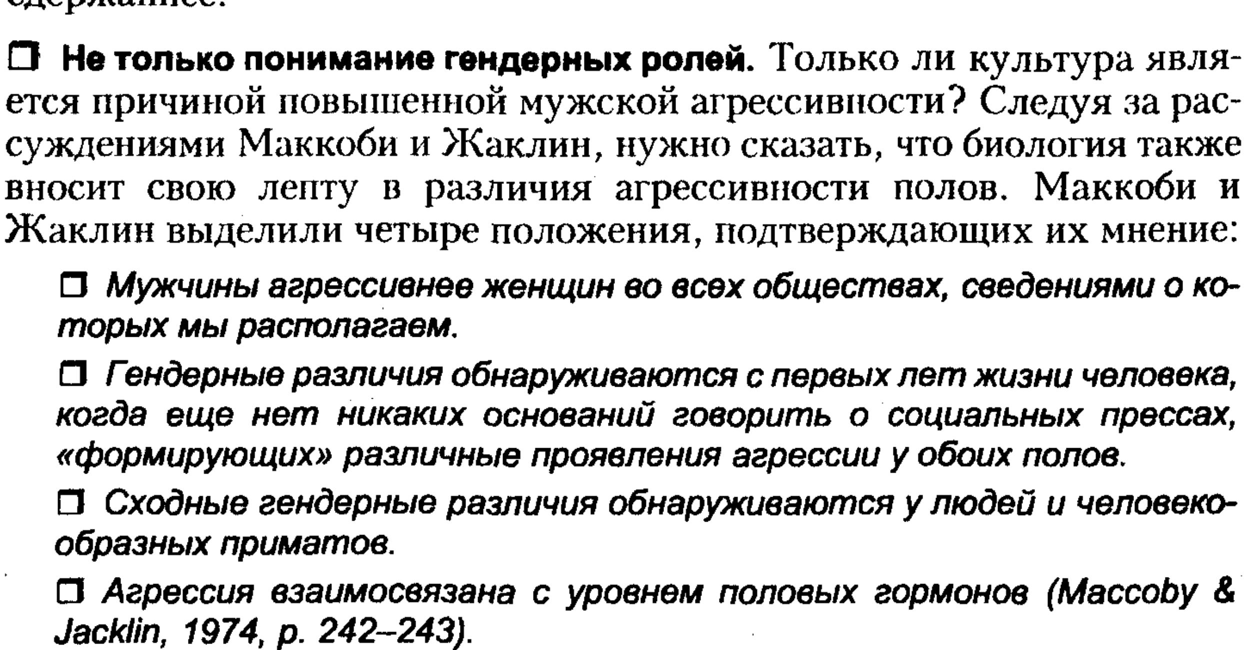
[2] В числе аргументов в пользу того, что различия в агрессивности становятся у взрослых менее заметны, было заключение, сделанное Frodi, Macalay & Thome (1977) на основе лабораторного эксперимента с девушками и юношами, учащимися колледжей. Молодые люди показали относительно мало различий в степени агрессивности.

мой агрессии, make-up agression). Игли и Стеффен особо выделили некоторые результаты своей работы. Во-первых, хотя мужчины в среднем были несколько агрессивнее женщин, различие не проявлялось последовательно во всех исследованиях, оно в целом оказывалось незначительнее половых различий, полученных при изучении других типов социального поведения, таких, например, как помощь и невербальные действия. Во-вторых, тенденция к большей агрессивности у мужчин была очевидна, когда им предоставлялась возможность причинить своим объектам физическую боль (например, когда они применяли электрошок). Здесь Игли и Стеффен отмечали, что при исследовании реакции испытуемых на их собственное поведение женщины явно выражали более сильное чувство вины и тревоги. Они также проявляли больше эмпатической тревоги о вреде, который они могли нанести жертве.

❑ **Почему мужчины и женщины проявляют агрессивность по-разному?** *Мужественность и женственность.* Мало кто из исследователей оспаривает суммированные выше данные, однако есть некоторое противоречие в трактовке половых отличий агрессивности. Очень многие социологи, в том числе Игли и Стеффен, полагают, что различия обусловлены прежде всего социальными ролями, которые традиционно отводятся мужчинам и женщинам. Вспомним, например, то, как современное западное общество учит детей, что драться подобает скорее мужчинам, а не женщинам. Популярная литература и масс-медиа постоянно показывают дерущихся мужчин, но не женщин. Родители покупают игрушечные пистолеты для сыновей и кукол дочерям. Родители охотно поощряют и вознаграждают агрессивное поведение у мальчиков, а у девочек — нет. Опять и опять, прямо или косвенно, мальчики осознают, что мужчины — агрессивны, а женщины — нет, что для мальчиков и мужчин нормально — нападать, отстаивая свои права и наказывая обидчика, однако девочки и женщины не должны вести себя таким образом. Неудивительно, что, поскольку агрессивность поощрялась у мужчин по мере взросления, они чаще выступают сторонниками силы и агрессии во многих жизненных ситуациях, включая контролирование общества, применение закона и даже межличностные взаимоотношения (см.: Eagly & Steffen, 1986, p. 310–311).

Кроме того, женщины менее склонны одобрять применение агрессии для решения проблем, женщины более чутко реагируют на возможные последствия своего агрессивного поведения как для самих себя, так и в отношении других людей. Игли и Стеффен полагают, что когда женщина собирается ударить того, кто ее оскорбил, то обычно быстрее, чем мужчина, представляет себе возможные последствия: что жертва может незаслуженно пострадать, прочные отноше-

ния рухнуть, может испортиться ее репутация и так далее. Так как женщины яснее представляют себе негативный результат своих поступков, вероятно, можно предположить, что они будут вести себя сдержаннее.



☐ **Не только понимание гендерных ролей.** Только ли культура является причиной повышенной мужской агрессивности? Следуя за рассуждениями Маккоби и Жаклин, нужно сказать, что биология также вносит свою лепту в различия агрессивности полов. Маккоби и Жаклин выделили четыре положения, подтверждающих их мнение:

- ☐ *Мужчины агрессивнее женщин во всех обществах, сведениями о которых мы располагаем.*
- ☐ *Гендерные различия обнаруживаются с первых лет жизни человека, когда еще нет никаких оснований говорить о социальных прессах, «формирующих» различные проявления агрессии у обоих полов.*
- ☐ *Сходные гендерные различия обнаруживаются у людей и человекообразных приматов.*
- ☐ *Агрессия взаимосвязана с уровнем половых гормонов (Maccoby & Jacklin, 1974, p. 242–243).*

ВЛИЯНИЕ ГОРМОНОВ

Обратимся к последнему пункту в списке Маккоби—Жаклин: роли половых гормонов в агрессивном поведении. Очевидно, что половые гормоны могут влиять на агрессивность животного. Стоит только посмотреть, что происходит, когда животное кастрируют. Дикий жеребец превращается в послушного коня, дикий бык становится медлительным волом, шаловливая собака — степенным домашним любимцем. Может существовать и обратное воздействие. Когда кастрированному животному-самцу вводят инъекцию тестостерона, его агрессивность снова возрастает (классическое исследование на эту тему провела Элизабет Бимен, Beeman, 1947).

Может быть, и человеческая агрессия, так же как и агрессия животных, зависит от мужских половых гормонов?

Воздействие мужских гормонов

Хотя данная книга не ставит целью дать детальный обзор исследований влияния половых гормонов, все же некоторые замечания будут полезны. Действительно, есть несколько мужских и женских гормонов, однако для изучения агрессии наибольшее значение имеет тестостерон — гормон, вырабатывающийся в мужских яичках, который стимулирует развитие вторичных мужских признаков, проявляющихся в период половозрелости. Влияние тестостерона не ограничивается только данным периодом жизни. Исследователи,

проводившие работу в этой области, говорят нам, что гормоны влияют на человеческое поведение двояко: 1) способствуют определенному развитию мозга, которое обусловливает более вероятное реагирование; 2) активизируют физиологические механизмы, способствующие определенным паттернам поведения (Rubin, 1987).

Важно разделить эти два вида влияния. Рассмотрим некоторые данные.

❐ **Регуляция деятельности мозга.** У человеческих существ, как и у других видов животных, пол отдельного индивидуума не определяется сразу же при зачатии. Растущий утробный плод обычно склоняется то к одному, то к другому направлению, но на его развитие влияет концентрация мужских и женских гормонов, циркулирующих в нем. Относительно высокая концентрация тестостерона может подтолкнуть его в маскулинном направлении, а у некоторых видов животных (например, грызунов) маскулинизация происходит в матке и сразу после рождения. Когда бы маскулинность ни стимулировалась, до или после рождения, отдельная особь сразу развивает мужские физические характеристики и временами стремится действовать «в мужской манере». Роберт Гой и его помощники продемонстрировали это воздействие, когда вводили тестостерон беременным обезьянам, таким образом сообщив плоду довольно высокое содержание мужских гормонов. После рождения, когда детеныши подросли, женские особи не только имели мужеподобные гениталии, но играли так же, как самцы, и участвовали в беспорядочных драках, а не в характерной для молодых самок деятельности (Young, Goy & Phoenix, 1964. Также см.: Goy, 1970).

Сходные результаты были получены и у людей. Эрхарт (Erhardt) и Бейкер (Baker) изучали маленьких девочек, которые до рождения получили высокую дозу мужских гормонов, так как их надпочечные железы плохо функционировали. Несмотря на то что мужеподобные гениталии были у них удалены хирургическим путем, обнаружилось, что эти девочки играли в маскулинные игры и чаще дрались, чем их сестры (см.: Money & Erhardt, 1972. Указанные здесь эксперименты суммируются в: Maccoby & Jacklin,1974,p. 243; Meyer, Bahlburg & Ehrhardt, 1982). Высокий уровень мужских гормонов до рождения, по-видимому, стимулировал у них в детстве мужские паттерны поведения.

Вопрос все-таки состоит в том, на какой тип поведения оказывают влияние мужские гормоны. Справедливо ли утверждать, что тестостерон непосредственно вызывает агрессию (в частности, каким-то образом увеличивая вероятность того, что человек будет реагировать на провокацию агрессивно, а не пытаться разрешить спор более мирным путем)? Или это косвенное по своему характеру воздей-

ствие (скажем, тестостерон заставляет человека стремиться доминировать и соревноваться, так что он часто вступает в конфликт с другими людьми?). Наши знания не дают возможности разрешить эту альтернативу, однако имеющиеся данные дают основания утверждать, что мужские гормоны могут более или менее непосредственно влиять на вероятность агрессивного поведения.

Некоторые данные о непосредственном влиянии гормонов получены в результате исследования пренатального воздействия *прогестина* (progestin), синтетического гормона, который иногда дают беременным женщинам, чтобы снизить вероятность выкидыша. Результаты уже имеющихся исследований показывают, что прогестин оказывает на плод эффект маскулинизации. Руководствуясь этими данными, Джун Рейниш (Reinisch) решила выяснить, повысил ли этот гормон агрессивность у детей, которые получали его, находясь в утробе матери. Для этого она провела психологическое тестирование, оценивающее агрессивные наклонности 25 маленьких детей (17 девочек и 8 мальчиков), матери которых принимали прогестин в период беременности. Братья и сестры этих двадцати пяти детей тоже прошли тестирование.

Во время тестирования ребенка просили показать, как он отреагирует на шесть различных конфликтных ситуаций, таких, например, как ссора во время игры. Когда Рейниш сравнила ответы детей с ответами их братьев и сестер, не получавших гормон, она обнаружила, что как пол, так и прогестин влияли на реакцию детей в конфликтной ситуации. Результаты суммированы на рис. 12-2. Более высокий показатель у физической, а не у вербальной агрессии. В целом, как вы легко можете видеть, мальчики чаще девочек отдают предпочтение физически агрессивной реакции. Внутри групп того и другого пола дети, подвергшиеся в утробе воздействию синтетического гормона, чаще выбирают физическую агрессию, чем их братья и сестры, развивавшиеся в нормальной среде. Очевидно, прогестин так повлиял на развитие их мозга до рождения, что в период взросления они стали проявлять больше склонности к физической агрессии[1].

❒ **Возможность активизирующего влияния.** Несмотря на то что влияние мужских гормонов на регулирование деятельности мозга кажется очевидным, остается неясным, возбуждают ли мужские гормоны агрессию или нет. По этическим соображениям нет возможности

---

[1] В связи с такого рода пренатальным влиянием интересно отметить, что дети, подвергавшиеся до рождения воздействию МРА, химического вещества, подавляющего выработку мужских гормонов (это вещество также иногда прописывают беременным женщинам), были относительно неагрессивны во взаимоотношениях с матерями. См.: Meyer-Bahlburg & Ehrhardt (1981).

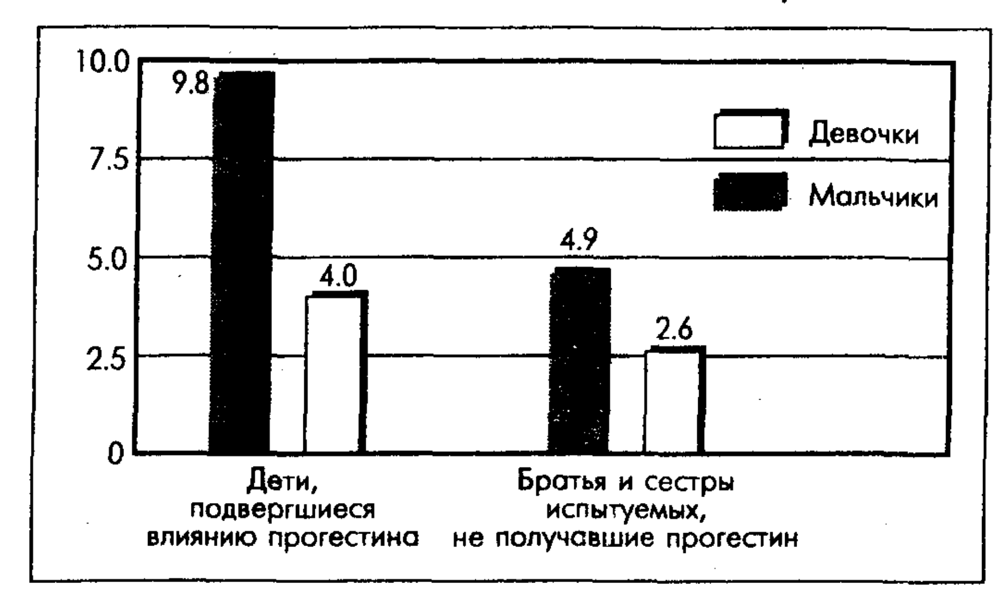


Рис. 12-2. Рисунок показывает шкалу агрессивности детей. Исследование Рейниш. Шкала выявляет частоту выбора физически агрессивного действия в ответ на описанную ситуацию конфликта. Максимальный показатель 18 — в том случае, если испытуемый выбирал физическую агрессию во всех конфликтных ситуациях.

предоставить однозначные доказательства подобного влияния, так как эксперимент, потребовавшийся бы для их получения, провести нельзя.

Большинство работ, в которых изучалась вероятность активизирующего воздействия мужских гормонов на агрессивность, следовало одной логике. Как правило, исследователи задавались вопросом, наблюдалось ли в крови у мужчин с повышенной агрессивностью повышенное содержание тестостерона. Так, Дэн Ольвеус провел сложный статистический анализ. Для эксперимента он взял группу нормальных юношей из Стокгольма (Швеция). Ольвеус обнаружил, что физическое и вербальное агрессивное реагирование на фрустрацию или угрозу было связано с уровнем тестостерона в крови испытуемых. (Интересно отметить, что уровень тестостерона никак не коррелировал с нестимулированной агрессией) (Olweus, 1986). Точно так же исследование молодых заключенных, осужденных в юности за насильственные преступления, выявило наличие в их крови содержание тестостерона, в среднем повышенное по сравнению с их менее агрессивными соседями-заключенными (Kreuz & Rose, 1972; Rubin, 1987).

Обширное исследование почти 4500 мужчин — американцев, ветеранов войны — развивает то же направление. Американский центр контроля заболеваний (ЦКЗ) собрал подробную информацию об этих мужчинах — медицинского психологического и физиологического характера. Информация предназначалась для исследо-

вания того, как повлияло на них участие в войне во Вьетнаме. Джеймс Даббс и Робин Моррис из государственного университета Джорджии (Атланта) воспользовались этими данными для определения влияния уровня тестостерона на антисоциальное поведение. Психологи действительно обнаружили, что подобная связь существует, но в то же время на связь между уровнем гормонов и антисоциальное поведение влиял социально-экономический статус этой группы мужчин. Среди ветеранов, уровень доходов и образования которых был ниже среднего, вероятность проявления антисоциального поведения увеличивалась в два раза у мужчин с самым высоким содержанием тестостерона, чем у ветеранов с «нормальным» уровнем гормонов. Это различие поведения групп мужчин с повышенным содержанием и нормальным содержанием тестостерона не наблюдалось у ветеранов с уровнем доходов и образования выше среднего.

Исследователи вполне правдоподобно объясняют результаты своей работы. Все мужчины с высоким уровнем тестостерона, вероятно, весьма склонны к агрессивности и антисоциальному типу поведения, независимо от их социально-экономического статуса. Тем не менее мужчины из более образованной и благополучной среды, вероятно, сильнее сдерживают антисоциальные наклонности и поэтому, скорее всего, ограничивают свое поведение, тем самым ослабляя гормональное влияние[1] (Dabbs & Morris, 1990).

Эти данные весьма важны и интересны, однако заключения, сделанные на их основе, представляются неясными. Например, неизвестно, в какой период тестостерон оказывает свое влияние. Обладали ли мужчины с повышенным уровнем тестостерона в юности или в более позднем возрасте такой же концентрацией данного гормона в период пренатального развития их нервной системы? Если это так, то развитие их мозга могло обусловливать агрессивное реагирование на ситуации, провоцирующие агрессию.

❑ **Влияние кастрации на насильственные преступления.** Единственный способ определить, обладают или нет мужские гормоны активизирующим эффектом независимо от пренатального влияния, регулирующего деятельность мозга, — это провести эксперимент, в котором концентрация тестостерона была бы намеренно снижена. Подобное исследование, очевидно, было бы неэтичным, но все-таки приблизительные данные были получены. В некоторых европейских странах, включая Германию, Швейцарию и Данию, мужчины, осужденные за

[1] Группа с высоким содержанием тестостерона составила верхние 10% распределения, в то время как «нормальные» — остальные 90%. Антисоциальные действия подразумевали оскорбления партнеров в браке, других близких людей, совершение актов насилия, проблемы на работе, нарушения при вождении транспорта. Все эти действия совершались ими после 18 лет.

определенные жестокие преступления, в том числе сексуальное насилие, добровольно соглашаются на кастрацию, чтобы сократить срок пребывания в тюрьме. Исследователи изучили образ жизни и представления этих мужчин после их выхода из тюрьмы с целью определить, изменилась психика после кастрации или нет.

По результатам их работ (Rubin, 1987), искусственное снижение уровня мужских гормонов действительно ведет к меньшей направленности на сексуальные действия и образ мыслей и даже снижает вероятность сексуального насилия. Однако нет данных о том, чтобы кастрация снижала уровень несексуальной агрессивности.

Заключение

Представляется, что организация женской и мужской центральной нервной системы имеет отличия, отчасти за счет влияния сексуальных гормонов на развитие мозга. Вследствие этой биологически детерминированной дифференциации и культурных влияний, определяющих тип поведения, подходящий для мужчин и женщин, мужчины чаще женщин реагируют на провокацию или угрозу прямой агрессией. Даже если мужские гормоны оказывают непосредственное влияние на агрессию, даже если они таким образом способствуют нападению, это не означает, что эти гормоны и есть источник таинственного «инстинктивного агрессивного драйва», постулированного Фрейдом и Лоренцом. Гормоны не «выталкивают» агрессию наружу. Скорее, как отмечалось у ряда авторов, гормоны каким-то образом влияют на агрессивность реакции. В противоположность утверждениям ортодоксальной теории инстинкта, агрессия, по крайней мере эмоциональная (или враждебная), является реакцией на событие в окружающей среде.

АЛКОГОЛЬ И АГРЕССИЯ

Кассио: ***...О ты, невидимый дух вина, у тебя нет собственного имени,— мы назовем тебя дьяволом!***

...О боже, зачем люди пускают в свои уста врага, который похищает их разум? Почему мы среди наслаждений, удовольствий, разгула и рукоплесканий превращаемся в животных!

У. Шекспир, «Отелло». Акт 2, сцена 3. Пер. А. Радловой

Последняя тема моего краткого обзора влияния биологических факторов на агрессию — это воздействие алкоголя. Уже давно известно, что поступки людей могут сильно меняться после употребления спиртных напитков, что алкоголь может, по выражению Шекспира, «похитить их разум» и, пожалуй, даже «превратить в животных».

Статистика преступлений выявляет четкую взаимосвязь алкоголя и насилия. Например, в работах по изучению взаимосвязи опьянения и убийств людей алкоголь играл роль в половине или двух третях всех убийств, зафиксированных полицией США за последние годы. Спиртные напитки также влияют на разного рода антисоциальное поведение, в том числе и на насилие в семье. По этой теме в главе 8 отмечалось, что мужчины, часто потребляющие спиртное, в особенности сильно пьющие, больше склонны бить своих жен, чем мужчины, которые пьют реже или вообще воздерживаются от употребления алкоголя. Более того, это исследование также обнаружило, что мужчины, нападающие на жен, в одном из четырех случаев пили перед тем, как нанести оскорбление жене[1].

Проблемы воздействия алкоголя

В целом понятно, что потребление алкоголя увеличивает вероятность агрессии. Но относительно характера этого влияния существуют серьезные нерешенные проблемы. В частности, исключения. Даже учитывая тот факт, что, по данным «Национального исследования насилия в семье» (*National Family Violence Survey*), сильно пьющие мужья особенно часто оскорбляли жен, исследователи вместе с тем подчеркивали, что «около 80 процентов мужчин как из сильно пьющей, так и из редко употребляющей алкоголь группы ни разу в течение года исследования не ударили своих жен». Употребление алкоголя необязательно ведет к насилию. Спиртное, отмечают исследователи, «вовсе не обязательная или достаточная причина для нанесения оскорбления жене» (Kantor & Straus, в: Straus & Gelles,

---

[1] Bushman & Cooper (1990) цитируют труд McDonald (1961), анализирующий исследования в этой области. В нем указывается, что «соотношение убийц, употреблявших спиртные напитки перед совершением преступления, колеблется от 0,19 до 0,83, со средним значением в 0,54». Steele & Josephs (1990) ссылаются на доклад национальной комиссии о причинах и способах предотвращения насилия, утверждавшей, что употребление алкоголя наблюдалось при совершении 65% убийств. В подробном отчете исследований Pernanen (1981) показывает, что либо нападающий, либо жертва или и тот и другой употребляли алкоголь в половине всех официально зарегистрированных преступлений. Точно так же в исчерпывающем обзоре,сделанном Murdoch и другими (1990), отмечалось, что употребление алкоголя встречается гораздо чаще при совершении преступлений, связанных с насилием, чем при других видах преступлений. В главе исследований Kantor & Straus, в Straus & Gelles (1990), прослеживалась взаимосвязь потребления спиртного и применение насилия в семье. Данная глава также дает обзор социологических исследований агрессивных эффектов от потребления алкоголя, в том числе насилия в семье, приведены несколько ярких примеров социологического анализа эффекта алкоголя.

1990, p. 216). Также сильное опьянение агрессора не всегда приводит к убийству жертвы. Воздействие алкоголя кажется непоследовательным и в других случаях. Иногда опьянение способствует агрессивному поведению, а порой вызывает проявление альтруизма. Оно может усилить тревогу и чувствительность, а может также снять напряжение и успокоить.

Каким образом можно найти объяснение очевидно противоречивому воздействию алкоголя?

❐ **Теории влияния алкоголя.** Неудивительно, что при том значении, которое в жизни человеческого общества в течение столетий имели вино, виски и другие алкогольные напитки, ученые-социологи предложили множество теорий, объясняющих воздействие алкоголя на чувства и поступки людей. Я ограничусь в своем рассуждении влиянием алкоголя на агрессию и представлю лишь краткий обзор главных тем описываемых мной исследований.

Современные теории едва ли предполагают, что потребление алкоголя создает биохимическое стимулирование агрессии. Вино само по себе не «превращает в животных». По-видимому, имеют место и другие факторы.

Совершенно очевидно, что пьющий человек не будет проявлять агрессии, если не окажется каким-то образом спровоцирован. В «Отелло» Кассио становится агрессивным не только из-за того, что выпил несколько бокалов вина, а потому, что кто-то помешал ему делать то, что он хочет. Обычно такую последовательность событий объясняют тем, что алкоголь притупляет механизмы торможения, ослабляя деятельность определенных центров мозга. В результате человек делается предрасположен к поведению, неодобряемому обществом. Кассио просто не сдержал импульса к ярости, вызванного персонажем, фрустрировавшим его[1].

Несмотря на простоту и популярность данной теории, она не объясняет всех сложностей, о которых писали исследователи. Необходимо также учитывать социальную ситуацию. Пытаясь сделать это, различные теоретики указывали, что большинство людей ожидают определенного воздействия пива, вина и виски на свое поведение. Мы знаем, что, вероятно, можем стать более шумными и даже, пожалуй, более агрессивными. Столь же важно, что мы знаем также, что и другие ожидают подобного воздействия на наше поведение потребления спиртного. Если мы нападем на кого-то, будучи в состоянии опьянения, то знаем, что наблюдатели припишут нашу агрессию ал-

---

[1] Есть основательные подтверждения тому факту, что потребление алкоголя способствует агрессивной реакции уже после того, как импульс к агрессии активизируется. См., например: Taylor, Schmutte, Leonarde & Cranston (1979).

коголю, а не нашему характеру. Разве вам незнакома ситуация, когда человек пытается объяснить свое непорядочное поведение, ссылаясь на алкоголь? Он говорит, что это не он себя вел недостойно, а что виновата во всем выпитая им жидкость. Аргумент «социального ожидания» подразумевает, что многие алкоголики используют этот вид алиби и полагают, что в пьяном виде могут позволить себе агрессию, а потом порицать спиртное и, таким образом, избежать ответственности за возможно причиненный ими вред. Они менее сдержанны, потому что уверены, что у них есть оправдание, а вовсе не из-за того, что алкоголь непосредственно влияет на их мозг и мыслительный процесс.

Гленда Кантор и Мюррей Страус делали вывод, что такое положение может объяснить взаимосвязь между выпивкой и оскорблением жены. С точки зрения социологов, даже те мужчины, которые обычно не одобряют оскорбление женщин, считают, что выпитое ими спиртное дает социально приемлемый «антракт», во время которого позволено не следовать правилам и нормам. Такой муж со спокойной совестью ударит супругу, если она с ним спорит, потому что он может приписать свою жестокость алкоголю (Kantor & Straus, in: Straus & Gelles, 1990).

Ряд психологов, в числе которых особо отмечу Алана Марлатта и его помощников, предложили сходное объяснение того, почему спиртное зачастую способствует агрессии. Результаты лабораторного исследования, проведенного Аланом Лангом, Даниэлом Гокнером, Винсентом Адессо, и эксперимент Алана Марлатта подтвердили всю сложность изучения воздействия алкоголя. Ученые понимают, насколько важно контролировать ожидания людей. Если испытуемые знают, что употребили спиртное, на их реакцию может повлиять ожидание. Поэтому участников экспериментов не всегда информировали о том, какой напиток им дают.

В эксперименте Ланга и его помощников, когда юноши-студенты пришли в лабораторию, думая, что участвуют в исследовании воздействия алкоголя «на различные типы поведения», половине из испытуемых сказали, что их попросят выпить смесь водки и тоника. Однако некоторым мужчинам в состоянии такого «алкогольного ожидания» дали всего лишь тоник (хотя они этого не знали), они не пили спиртное, которого ждали, в то время как другие действительно получили ожидаемую ими водку. Точно так же другим студентам сказали, что они выпьют чистый тоник (это была группа «безалкогольного ожидания»), но половине из них в действительности подмешали в напиток водку. Сразу после того, как испытуемый выпивал свою порцию, он взаимодействовал с «еще одним студентом» (в действительности это был помощник экспериментатора). Этот «другой студент» оскорблял или не оскорблял испытуемого. В конце эксперимента все испытуемые имели возможность наказать «другого студента», подвергнув его электрошоку.

В данном исследовании только ожидания испытуемых в значительной степени повлияли на агрессивность по отношению к помощнику. Были ли они спровоцированы или нет, пили ли они водку или тоник, мужчины, знавшие или думавшие, что употребили алкоголь, проявляли больше карательных мер к «другому студенту», чем мужчины, верившие, что пили тоник. Вероятно, испытуемые, знавшие или убежденные, что выпили водки, полагали, что алкоголь давал им вполне законное основание вести себя отвратительно. Может быть, поэтому они считали, что можно позволить себе строго наказать другого человека (Lang, Goeckner, Adesso & Marlatt, 1975).

Я привел здесь описание этого эксперимента, чтобы продемонстрировать некоторые сложности в исследовании воздействия алкоголя и показать, что ожидания людей в некоторой степени влияют на их поведение в состоянии опьянения. Все же эти результаты — не последнее слово в исследованиях, посвященных алкоголю. За последние годы были проведены по меньшей мере два сложных статистических анализа всех опубликованных работ об эффекте алкогольного ожидания. Оба этих анализа позволили сделать вывод о том, что спиртное может влиять на социальное поведение, даже когда пьющие его не знают, какого характера напиток потребляют. Если вино и в самом деле способствовало нападению Кассио на обидчика, оно оказало такое воздействие только вследствие того, что он знал, что пил и каковы могут быть последствия[1].

Все больше и больше психологов приходят к выводу о том, что алкоголь влияет на мысли людей и их поведение тем, что ослабляет ментальные процессы. Клод Стил (Steele), работающий теперь в Стэнфордском университете в Калифорнии, пожалуй, самый ярый защитник данной теории, говорит об *алкогольной миопии* — недостаточной или «близорукой» обработке информации. Стил и Джозефс (*Josephs*) обозначили это воздействие более четко: алкогольная интоксикация, настаивают они, имеет два важных эффекта:

1. Употребление алкоголя ограничивает диапазон информативных сигналов, воспринимаемых нами в данной ситуации. Мы обращаем внимание и думаем только о наиболее очевидных и главных аспектах ситуации и пренебрегаем информацией, которая тоже могла быть важной, так как она находится «на периферии».

2. Употребление алкоголя уменьшает нашу способность обрабатывать и извлекать смысловое содержание из получаемой информации. Другими словами, мы не принимаем во внимание полученную нами информацию и не соотносим ее с уже имеющимися знаниями и идеями.

---

[1] Hull & Bond (1986) делают вывод о том, что ожидания оказывают слабое воздействие, если вообще как-то влияют, тогда как Bushman & Cooper (1990) считают, что повышенная агрессивность является результатом всего лишь сочетания психологического и фармакологического эффектов от употребления спиртного.

Результаты всего этого, по мнению Стила и Джозефса, таковы:

Алкоголь делает нас [пленниками] блеклой версии реальности, в которой широта, глубина и временное измерение нашего понимания ограничиваются. Алкоголь приводит нас к тому, что мы назвали алкогольной миопией, состоянием близорукости, в котором на поведение и эмоции оказывают непропорционально сильное влияние поверхностные, непосредственные аспекты нашего опыта. В таком состоянии мы можем видеть дерево, хотя и смутно, но упускаем из виду лес[1] *(Steele & Josephs, 1990, p. 923).*

Результаты эксперимента, выполненного Кеннетом Леонардом (Leonard), *можно привести в качестве примера этой «алкогольной миопии»* в действии. Мужчины-испытуемые, согласившиеся принять участие в исследовании «влияния алкоголя на перцептивно-моторные навыки», получили (каждый индивидуально) напиток, содержавший или не содержавший алкоголь. (Мужчин проинформировали о наличии или отсутствии алкоголя в их напитке.) После этого каждый испытуемый попал в ситуацию соревнования на скорость реакции. Для нашего рассуждения важно, что перед тем, как первое испытание было проведено, половине мужчин как в состоянии алкогольного опьянения, так и трезвым объяснили, что противники говорят, будто подвергнут их сильному электрошоку, если те проиграют соревнование, в то время как другой половине испытуемых было сказано, что оппоненты тоже собираются в случае неудачи подвергнуть их электрошоку, но слабому.

Независимо от того, принимали ли испытуемые алкоголь или нет, их *агрессивность в первом испытании зависела от предполагаемого первоначального* намерения другого человека; те, кто считал, что противник хотел ударить их сильным электрошоком, в свою очередь определяли для него высокий уровень наказания. Однако какое бы ни было предполагаемое первоначальное влияние, всем испытуемым впоследствии было сказано, что противники в действительности собирались лишь слегка ударить их электрошоком после первого испытания. Так как эта информация была выдана позже, она была менее очевидна, чем более ранние утверждения насчет уровня электрошока, который оппоненты собирались применить. Эта последняя информация была названа «периферийными сигналами». Вопрос состоял в том, прореагируют ли испытуемые более умеренно, в соответствии с этой менее очевидной информацией.

Трезвые испытуемые действительно воспользовались этой более поздней информацией; мужчины, проявлявшие высокий уровень агрессивности при первом испытании, ответили взаимностью на мягкость партнеров и снизили интенсивность наказания, установленного для следующего испытания. Наоборот, в соответствии с анализом Стил, первоначально агрессивно настроенные испытуемые, употреблявшие алко-

---

[1] Стил и Джозефс указывают, что и другие теоретики, например Pernanen *(1976), Taylor & Leonard (1983), интерпретируют влияние алкоголя на агрессию* схожим образом.

гголь, проявляли одинаково высокую агрессивность и на втором испытании. Им, очевидно, не удалось усвоить новую информацию о реально миролюбивом настрое своих противников, или, по крайней мере, они не осознали полное значение «периферийных сигналов» и соответственно не отрегулировали свое поведение.

Может быть, это поможет объяснить, почему Кассио стал таким агрессивным после нескольких бокалов вина. Он отреагировал только на «основной сигнал» (кто-то помешал ему делать то, что он хочет), и ему не удалось увидеть менее очевидные признаки (в числе которых в его случае был мирный мотив того, кто его фрустрировал, и приказ командира, запрещающий драку).

Обзор исследований, посвященных алкоголю, показывает еще раз, что на человеческую агрессию влияют биологические и химические процессы, так же как и культурные и личностные факторы.

РЕЗЮМЕ

В этой главе я рассмотрел несколько путей влияния биологических процессов на агрессивное поведение. Я начал с анализа традиционного понятия агрессивного инстинкта, в частности использования этого понятия в психоаналитической теории Зигмунда Фрейда и в чем-то похожих формулировках, выдвинутых Конрадом Лоренцом. Несмотря на то что термин «инстинкт» чрезвычайно неточен и имеет ряд различных значений, как Фрейд, так и Лоренц считали «агрессивный инстинкт» врожденным и спонтанно генерируемым побуждением к уничтожению человека. Суммируя концепцию Фрейда и Лоренца, отмечу, что обе теории утверждают, что *врожденный агрессивный драйв* может перерастать в неконтролируемую вспышку насилия, если он не высвобождается в процессе социально приемлемой подменной деятельности.

Мое рассуждение выделяет мысль о том, что этой традиционной концепции не хватает эмпирического подтверждения и, кроме того, она ошибочна в некоторых важных аспектах. Так, исследователям не только не удалось найти центры «агрессивной энергии» ни в организме животного, ни в организме человека, но также, как показано в главе 1, нет достаточных доказательств того, что подменная агрессивная деятельность принесет пользу очищения (катарсис) и уменьшит последующий позыв к агрессии. Пожалуй, стоит также указать и то, что, хотя концепции Фрейда и Лоренца подразумевают наличие единственного агрессивного драйва (несмотря на тот факт, что этот унитарный импульс вызывает самые разные проявления), большое число исследователей теперь признают существование нескольких типов агрессии, имеющих различное происхождение и управляемых различными биологическими и психологическими механизмами. Во

всяком случае, надо дифференцировать *инструментальную* и *аффективную*, или *эмоциональную, агрессию.*

Несмотря на то что я критически отношусь к традиционной концепции агрессивного инстинкта, я, конечно, не отбрасываю роль биологических процессов. Многие исследования, проводившиеся в Дании, показывают, что предрасположенность к совершению преступлений может передаваться по наследству, особенно предрасположенность к насильственным преступлениям. Люди, обладающие такой сильной наследственной склонностью, не обречены на жизнь вне закона, но в определенных условиях рискуют повести себя как преступники.

Биологические влияния можно проследить на примере различных проявлений агрессии и насилия у мужчин и женщин. Почти нет сомнения в том, что культурная среда вносит свою лепту в эти различия; я согласен с Элеонор Маккоби, что эти различия не обусловливаются одним воспитанием. Исследование показывает, что мужские особи проявляют более ярко выраженную склонность к агрессии, чем женские, – это наблюдается у всех видов приматов и во всех человеческих сообществах, сведениями о которых мы располагаем. Есть доказательства того, что мужские половые гормоны могут влиять на склонность к агрессии. Подводя итог работам, указывающим на такое влияние, я хочу отметить один путь влияния гормонов на вероятность агрессивной реакции. Кажется несомненным, что мужские половые гормоны, циркулирующие в теле до рождения (а у некоторых видов и вскоре после рождения), помогают развиваться мозгу в определенном направлении, увеличивающем вероятность агрессивной реакции на провокацию. Напротив, у нас нет никакого четкого доказательства того, что гормоны помогают активизировать импульс к агрессии, когда нервная система полностью сформировалась.

Последнее биологическое влияние, рассмотренное в этой главе, – это алкоголь. В главе 8 «Насилие в семье» и главе 9 «Убийства» указывалось, что многие опасные преступники находились в состоянии алкогольного опьянения, когда нападали на жертвы. Было распространено мнение о том, что алкоголь снимает ограничения антисоциального поведения. Конечно, эта интерпретация имеет смысл, тем не менее мне кажется особенно ценным введенное Клодом Стилом понятие «алкогольной миопии», характерной для состояния опьянения. Эта концепция утверждает, что алкоголь ограничивает диапазон информации, которую человек может воспринять и интегрировать в непосредственной ситуации, а это в свою очередь снижает способность человека перерабатывать и находить в ней точный смысл. В качестве примера описывается эксперимент, подтверждающий применимость формулировки Стила к агрессии.

Глава 13

ИЗУЧЕНИЕ АГРЕССИИ В ЛАБОРАТОРИИ

Стандартная процедура эксперимента. Некоторые доводы в поддержку лабораторных экспериментов.

Большинство исследований, которые я описал в этой книге, были проведены в лаборатории. Таким образом, научная адекватность представленных здесь аргументов основана на валидности опытов в лаборатории. Следовательно, нам важно учесть как преимущества, так и недостатки лабораторного метода работы.

СТАНДАРТНАЯ ПРОЦЕДУРА ЭКСПЕРИМЕНТА

Машина агрессии Басса

Сначала нам следует четко определить само понятие лабораторного исследования. Приведу конкретный пример процедуры, использовавшейся во многих экспериментах: это хорошо известный метод лабораторного исследования физической агрессии — изобретенная Арнольдом Бассом (Arnold Buss) «машина агрессии»[1]. Эта техника использовалась Бассом для того, чтобы оценить степень агрессивности испытуемых в исследованиях, посвященных эффектам фрустрации. Та же самая методология, подчас с минимальными модификациями, применялась Бассом и в других его многочисленных работах.

У входа в лабораторию испытуемый встречал экспериментатора и своего коллегу-студента, играющего роль такого же испытуемого, а на самом

---

[1] Техника машины агрессии была впервые описана в книге Басса «Психология агрессии» (*The psychology of agression*), 1961, являющейся первой обзорной работой, посвященной экспериментальным исследованиям агрессии. Стэнли Милгрем разработал очень похожую процедуру для проведения экспериментов по послушанию. Милгрем и Басс по-дружески оспаривали первенство в применении машины агрессии. Процедура указанных здесь экспериментов применялась в исследованиях Басса (см.: Buss, 1966).

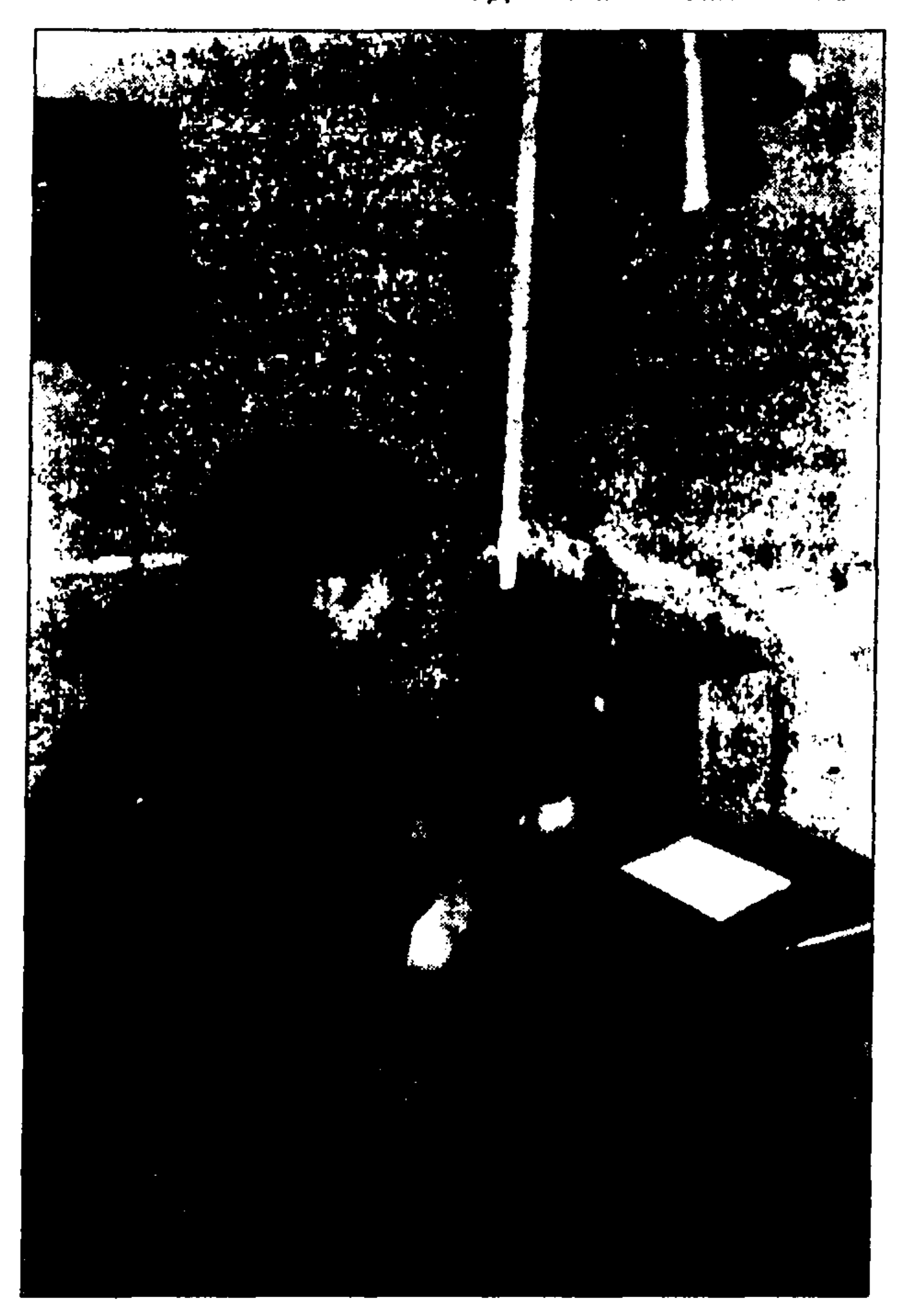


Рис. 13-1. Испытуемый, работающий на «машине агрессии».

деле — помощника ученого, проводившего эксперимент. (В подавляющем большинстве случаев оба, и испытуемый и помощник экспериментатора, были мужчины.) Сперва экспериментатор излагал «легенду» — сообщал информацию о мнимой цели исследования. Он объяснял, что испытуемые будут участвовать в исследовании того, как наказания воздействуют на обучение, и что один из них будет играть роль учителя, а другой — ученика.

Наивный испытуемый как бы случайно выбирался учителем. Затем его отводили в контрольное помещение, где показывали «учебный материал», объясняли процедуру передачи материала ученику и порядок записи ответов. Испытуемому также объясняли, что после каждой проверки он должен дать «ученику» понять, был ли ответ правильным или нет.

Учителю разрешалось давать световой сигнал, если ученик даст верный ответ, и наказывать ученика за ошибки электрошоком. Испытуемому показывали аппарат, маленькую коробку с рядом из десяти кнопок — это и была *«машина агрессии»*. (Одна из моделей такого аппарата изображена на рис. 13-1.) Первая кнопка, объяснял экспериментатор,— для нанесения самого легкого электрошока, последующие кнопки служат для причинения все более сурового наказания, предел боли определяется кнопкой 10. Испытуемому говорили, что он должен наказывать ученика за каждую ошибку, но, будучи учителем, он может выбирать интенсивность шока, который хочет назначить. Затем экспериментатор демонстрировал применение электрошока нескольких уровней, от 5-го и ниже, так чтобы у испытуемого сложилось некоторое впечатление о наказании, которое он применяет. (Кроме того, эти примеры убеждали испытуемого в реальности совершаемых им действий.) После этого ученика (помощника экспериментатора) приводили в то же помещение и давали инструкции, касающиеся материала, который нужно было изучить. Наивного испытуемого просили прикрепить электроды к пальцу ученика.

Затем начинали проведение тестирования. Помощник экспериментатора делал ошибки в заранее отмеченных местах, одних и тех же для каждого испытуемого. В стандартном эксперименте Басса после первоначальной серии «разогревающих» упражнений испытуемый получал, например, возможность наказать ученика в двадцати шести случаях из шестидесяти. Степень агрессивности испытуемого оценивалась в зависимости от интенсивности электрошоков, назначаемых им «ученику».

Разумеется, никакой «ученик» не подвергался болевому воздействию, а испытуемый не производил никаких реальных ударов электрошока. Важно отметить, что с точки зрения субъекта в эксперименте это были умышленные попытки причинить боль другому человеку.

Модификации и варианты

Ряд исследователей видоизменили процедуру с *машиной агрессии*, так как все возрастающее число студентов, которых экспериментаторы брали в качестве испытуемых, уже зачастую слышали об использовании электрошока в работе психологов. Некоторые видоизменения состояли лишь в том, что использовались другие стимулы неприятных ощущений. Например, испытуемым иногда говорили, что они будут применять к другому человеку воздействие резких звуков. В другой вариации той же самой процедуры, независимо от типа наказания, исследователи отмечали, сколько времени испытуемый держит руку на кнопке *«машины агрессии»*, и агрессивность измерялась исходя из предположения, что длительность — еще один показатель тенденции испытуемого причинять боль другому человеку.

Узнав об исследованиях с использованием «машины агрессии», люди обычно задаются целым рядом вопросов. Некоторые из аспек-

тов применения данной процедуры будут обсуждаться мной в этой главе. Один такой вопрос состоит в следующем: каким мотивом руководствуются испытуемые, наказывая «ученика»? Несмотря на то что исследователи рассматривают интенсивность наказания в качестве показателя силы желания причинить боль другому человеку, испытуемый может руководствоваться еще одним мотивом в применении наказания – возможным желанием помочь ученику. Может быть, испытуемый хочет заставить ученика показать более высокие результаты или им движет желание содействовать экспериментатору? Как мы можем выяснить, действительно ли испытуемый собирался причинить вред другому человеку? Чтобы свести к минимуму вероятную двусмысленность, некоторые исследователи указывают в «легенде», что наказание не окажет ученику помощи[1].

❑ **Другие процедуры с причинением физического ущерба.** Другие процедуры также использовались в экспериментальном изучении агрессии, хотя они не были столь популярны, как изобретение Басса. В частности, испытуемым предлагали нажимать на кнопку (или телеграфный ключ) определенное количество раз, а не выбирать интенсивность наказания.

Во многих из моих собственных ранних экспериментов я, например, часто давал испытуемым понять, что они оценивают выполнение студентом определенной задачи. Им говорили, что другой человек должен разрешить определенную проблему и знает, что его работа будет оцениваться. Каждому испытуемому по очереди показывали решение партнера и просили оценить «работника», назначив ему от одного до десяти ударов электрошока (в более поздних экспериментах применялся неприятный звук). Один удар электрошока означал, что работа считалась очень хорошей, а десять ударов подразумевали неудовлетворительную оценку. Предполагалось, что так как все субъекты эксперимента оценивали одно и то же в чем-то двусмысленное решение, то те, кто в сумме назначал самое большое

---

[1] Роберт Барон писал об этой проблеме в своей книге «Человеческая агрессия» (*Human agression*, 1977, p. 60–62). Он приводит доказательства того, что многие студенты считали, будто применяемое ими наказание может принести ученику пользу. Чтобы снизить или исключить эту убежденность, Барон не применяет легенду об «учителе и ученике». Вместо нее он рассказывает своим испытуемым, что они участвуют в исследовании физиологических реакций на «неприятные стимулы». Задача испытуемых – передать партнеру неприятный стимул (электрошок или сильный звук). Испытуемым предоставляется свобода выбора интенсивности стимула, который они применяют. В другой вариации данной процедуры Доннерстейн (см.: Donnerstein & Berkowitz, 1981) применил видоизмененную парадигму учителя – ученика, сообщая испытуемым, что уровень наказания никак не повлияет на выполнение задания их партнером.

количество ударов, имели наиболее сильное желание причинить работнику боль (см., например: Berkowitz & LePage, 1967).

Существует ряд вариаций этого базового метода и некоторые другие техники, принципиально отличающиеся от парадигм Басса и Берковица. Интересная процедура использовалась Стюартом Тейлором (Stuart Taylor) и его помощниками (см.: Taylor, 1967; Baron, 1977, p. 66–68) (она кратко описана в главе 12 при изложении экспериментов Кеннета Леонарда). Это процедура соревнования на скорость реакции. В эксперименте такого типа субъекту внушали, что он и другой человек должны пройти ряд испытаний. По сигналу «вперед» каждый из них должен был как можно быстрее ударить электрошоком соперника. Субъекту разрешалось варьировать силу шока, который он назначает сопернику во время каждого испытания. Степень агрессии измерялась уровнем устанавливаемого субъектом электрошока[1].

❑ **Какое значение имеют различия процедур?** Поскольку лабораторные методы широко варьируются, вы можете задаться вопросом, действительно ли все данные способы измерения агрессии отражают реальные агрессивные склонности субъекта. Схожи ли измерения, базирующиеся на интенсивности наказания, скажем, с теми, которые основаны на числе установленных наказаний? Свидетельствуют ли оба эти параметра об одном и том же виде агрессии?

Полагаю, что на этот счет я могу вас успокоить. Данные процедуры в самом деле имеют много общего. В каждом отдельном случае субъекты уверены в том, что умышленно причиняют боль другому человеку. Всякая агрессия подразумевает намеренное причинение вреда другому человеку, и в этом смысле данные параметры являются показателями агрессии (в большей или меньшей степени). Более

---

[1] Так как студенты, во многом благодаря классическим работам Милгрема (1963) о повиновении, уже познакомились с использованием в психологических исследованиях электрошока и других негативных стимуляций, то сейчас становится все важнее придумывать процедуры, при которых испытуемые знали бы, что они причиняют боль другому человеку, однако не осознавали, что это каким-либо образом связано с поведением, неодобряемым обществом. Одна из возможных техник, развиваемая итальянским исследователем Капрара (см.: Caprara, Passerini, Pastorelli, Renzi, & Zelli, 1986), требует от субъекта причинить боль жертве, наградив ее меньшим количеством денег, чем полагалось по правилам. Так, когда правила позволяли испытуемым дать жертве, скажем, 1 доллар за правильный ответ, они могли причинить ей боль — и достаточно изощренным способом, — дав меньшее количество денег. Чем меньше они давали за правильный ответ, тем сильнее ранили жертву. Экспериментальные данные, полученные Маммендеем (Mummendey, 1978), дают основание предполагать, что лишение другого человека денег психологически в значительной степени эквивалентно причинению ему боли.

того, исследования, использующие разные методы, часто демонстрируют сходные результаты (см.: Carlson, Marcus-Newhall & Miller, 1990).

Техники выбора интенсивности и числа наказаний все же различаются в одном важном отношении, и данное отличие иногда может быть достаточно существенным. По крайней мере в некоторых экспериментах субъекты проявляют больше импульсивности и меньше осознают, что именно они делают: это происходит тогда, когда им приходится нажимать на одну и ту же кнопку электрошока несколько раз, а не выбирать кнопку степени по интенсивности. Можно предположить, что сознательный выбор человека, насколько интенсивный электрошок он применит в данном случае, может определяться его мнением о социальной допустимости той или иной силы шока; это ограничение не срабатывает, когда определяется количество, а не сила ударов[1].

❐ **Может ли «агрессия, полученная лабораторным путем», считаться настоящей?** Некоторые критики настаивают на том, что шок или резкий неприятный звук, назначаемый субъектами в лаборатории, в действительности не отражает агрессии, существующей в реальной жизни. В обычном мире, утверждают критично настроенные психологи, ни один человек не будет применять к другому электрошок. Поведение людей в условиях лабораторного эксперимента очевидно сильно отличается от того, как тот или иной индивидуум оскорбляет или нападает на другого дома или на улице. Какие выводы об истинной агрессивности субъекта следует в этом случае сделать исследователям, исходя только из полученных в ходе эксперимента результатов?

НЕКОТОРЫЕ ДОВОДЫ В ПОДДЕРЖКУ ЛАБОРАТОРНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Проблема валидности

Возражения, основанные на предполагаемой «нереальности» лабораторных процедур, фактически говорят об их валидности — степени реального соответствия параметров оценке предполагаемого процесса или характеристике. Определить валидность не просто[2]. Допустим, исследователь решил установить степень валидности па-

---

[1] Рассел Гин (Russel Geen) сделал такое заключение на основании результатов, показывающих, что параметры интенсивности и количества не всегда точно коррелируют. См.: Geen, Rakosky & O' Neal (1968); Geen & O'Neal (1969).

[2] Для ознакомления с данной проблемой см.: Grosof & Sardy (1985).

раметров, полученных в ходе процедур с машиной агрессии. Его дальнейшие действия будут зависеть от специфического вида валидности, который он хочет оценить. Психологи выделяют несколько типов валидности, из которых отношение к лабораторным показателям агрессии имеют следующие три: *очевидная валидность* (face validity), *конструктная валидность* (construct validity) и *критериально-ориентированная валидность* (criterion-related validity).

❐ **Очевидная валидность.** *Очевидная валидность* имеет дело с теми данными, которые дает тот или иной тест, количественный показатель или другой параметр, а не с оцениваемыми характеристиками. Другими словами, *очевидная валидность* — это то, насколько данный параметр «кажется» валидным. В этом, конечно, заключается главная проблема лабораторных исследований. Если взглянуть на них глазами широкой публики или даже с точки зрения некоторых социологов, данные лабораторных исследований показывают низкую *очевидную валидность*. Нажатие кнопки электрошока, конечно же, не отражает агрессию в реальной жизни.

Для экспериментаторов тем не менее *очевидная валидность* не является окончательным критерием. Они считают, что степень агрессии можно определять и в конце концов прояснить сущность термина «агрессия».

❐ **Конструктная валидность.** *Конструктная валидность* — это зависимость степени заинтересованности исследователя от других переменных. Можно сказать, что *конструктная валидность* определяет степень соответствия показателей того или иного типа другим переменным, предсказанных теоретически. Уже упомянутый нами гипотетический исследователь наверняка будет ожидать, что субъекты, умышленно оскорбленные «другим студентом», проявят более сильную агрессивность, чем те, кого этот мнимый студент не провоцировал. Если бы интенсивность шока отражала стремление причинить жертве боль, то оскорбленные субъекты должны были бы применять более интенсивное наказание к обидчику, чем их неспровоцированные коллеги. Обоснование такого вывода усилило бы уверенность исследователя в *конструктной валидности* параметра интенсивности наказания. Другими словами, *конструктную валидность* шоковой шкалы можно было бы подтвердить, если бы полученные данные определялись манипуляциями экспериментатора (степенью провокации в данном случае), а не предполагаемыми ожиданиями теории.

❐ **Критериально-зависимая (или эмпирическая) валидность.** *Критериально-зависимая валидность* в чем-то схожа с *конструктной валидностью*. В обоих случаях валидность считается доказанной, когда исследователь обнаруживает, что степень заинтересованности

16 Зак. 3973

(например, уровень применяемого наказания) во многом соответствует еще одной переменной. Все же, когда специалисты в области развития тестирования говорят о *критериально-зависимой валидности*, обычно имеется в виду более узкая зависимость от критерия, то есть нужный им результат. Например, исследователь, оценивая показатели шоковой интенсивности, пытается определить, можно ли использовать лабораторную агрессивность для предсказания агрессивности субъектов в других ситуациях или даже для определения их склонности к антисоциальному поведению.

❒ **Доказательства валидности в лабораторных процедурах.** Сегодня имеется достаточно доказательств, подтверждающих *конструктную валидность* лабораторных измерений агрессии. В многочисленных и разнообразных экспериментах, лишь малая часть которых обсуждалась в этой книге, были получены результаты, весьма напоминающие те, что предсказывались теорией и более ранними исследованиями. Субъекты во время проведения этих экспериментов реагировали стандартным образом, применяли шок, неприятный звук или другую негативную стимуляцию. Реакция испытуемых была схожа с той, которую следовало бы ожидать, если бы они находились в состоянии агрессии.

Психологи Майкл Карлсон (Michael Carlson), Эми Маркус-Ньюхолл (Amy Marcus-Newhall) и Норман Миллер (Norman Miller) из университета Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, продемонстрировали конструктную валидность лабораторных параметров, проведя тщательный и исчерпывающий статистический анализ результатов, опубликованных более чем в ста работах. Ученые отмечали в первую очередь, что все три обычных показателя физической агрессии: интенсивность наказания, выбранного субъектами, число наказаний (количество нажатий кнопки), продолжительность времени, которое испытуемые не отпускали кнопку шока, — все эти данные проявляли тенденцию к взаимной корреляции. Результаты экспериментов в значительной степени выявляли одну и ту же поведенческую тенденцию. Психологи делали вывод, что условия эксперимента, «которые усиливают один тип [физической] агрессивности, также усиливают проявления альтернативных видов [агрессивного] реагирования на один и тот же объект».

Пожалуй, еще более важным можно считать тот факт, что этот статистический анализ показал следующее: во всех проанализированных опытах вариации условий эксперимента приводили к изменению результатов измерения агрессивности. Так, студенты, которых умышленно провоцировали, огорчали или фрустрировали, показывали более сильную агрессивность в применении неприятных стиму-

лов, чем субъекты эксперимента, с которыми обращались нейтрально[1].

Напомню, что результаты, подтверждающие *конструктную валидность*, — это не просто факты, очевидные с точки зрения здравого смысла. Возьмем исследования воздействия стимулов боли, которые я упоминал в главе 1. Некоторые авторы (например, Bandura, 1973), р. 194–200) полагали, что повторная атака объекта становится менее, а не более интенсивной, когда субъекты узнают о страданиях своей жертвы. Считая, что причинять боль другому человеку нехорошо, субъекты воздерживаются от наказания, которое они применили, после того как поймут, что сделали жертве больно. Вы, пожалуй, могли бы предсказать тот же самый результат. Однако, как я уже указывал в главе 1, данные реальных исследований показали, что реакции агрессоров на страдания жертвы зависят от их агрессивных намерений в данный момент. Эмоционально возбужденные люди проявляли желание причинить кому-нибудь боль, и первые признаки, демонстрирующие боль жертвы, побуждали их нападать еще сильнее.

Конструктную валидность лабораторных параметров агрессии доказывает еще и поведение субъектов за пределами лаборатории, которое (как упоминалось в главе 5) зачастую соответствует их действиям в условиях эксперимента. Если испытуемые сосредоточиваются главным образом на том, чтобы нарочно причинить жертве боль (не обращая внимания на то, с помощью каких средств это делается), то это люди с сильной предрасположенностью к агрессии в повседневной жизни, ту же агрессивность они проявляют и в лаборатории.

В ряде опытов люди с обычно высокой интенсивностью агрессивных проявлений и в лаборатории назначали интенсивное наказание на машине агрессии (или другом подобном аппарате).

В проводившемся в рамках программы «Движение вперед» (*Upward Bound*) эксперименте с участием тинэйджеров — как юношей, так и девушек — молодые люди, наказывавшие своего сверстника — «ученика» наиболее сурово, были названы своими ровесниками-консультантами агрессивными и в реальной жизни. Похожие

---

[1] См.: Carlson et al. (1989). Интересно, что результаты, полученные с помощью измерений агрессии, проводимых в письменной форме (обычно применялся так называемый «questionnaire rating»), подтверждают мой аргумент о том, что агрессия — это не только попытка принудить человека к определенным действиям. Карлсон и его помощники отмечали, что субъекты, которые получали негативные стимулы, обычно демонстрировали более высокие показатели агрессии в письменных измерениях, чем участники контрольной группы, даже когда данные для этих измерений были получены втайне от испытуемых и жертвы не осознавали, что их оскорбляют.

результаты были получены и в других опытах со взрослыми и с молодежью[1].

Иначе говоря, в этом случае действия в лаборатории дают образец поведения субъекта. Поведение испытуемых во время эксперимента отражает их поведение в других, более естественных условиях — в соответствии с *психологическим* (а не *психическим*) сходством реальных и экспериментальных ситуаций. В случае лабораторных измерений агрессии психологическое значение для субъекта имеет намеренное причинение боли. Именно в этом смысле нанесение ударов электрошока уподобляется агрессивной реакции вроде ударов кулаком или ногой[2].

О «нерепрезентативности» субъектов экспериментов и лабораторных условий

Другие часто выдвигаемые возражения против лабораторных экспериментов заключаются в том, что ситуации, создаваемые в лаборатории, — искусственные, а про испытуемых в этих опытах нельзя сказать, что они являются обычными людьми. Критики полагают, что даже если мы будем рассматривать поведение субъекта как агрессию, то все равно ведь в большей части опытов принимают участие студенты, а они сильно отличаются от остальной части населения: они моложе, активнее, более склонны к риску и так далее. Другие люди могли бы совершенно иначе отреагировать на условия эксперимента. Так что, по мнению скептиков, мы действительно не можем делать обобщений из этих «нерепрезентативных» лабораторных примеров и применять их к более широким слоям населения.

Такого рода критика относится в равной мере и к ситуации в лаборатории, которая, как полагают, совершенно не похожа на обычные жизненные ситуации. Ссоры, происходящие между людьми дома, в мотелях, на улицах, даже отдаленно не напоминают ситуации

---

[1] См., например: Shemberg, Leventhal & Allman (1968); Wolfe & Baron, R.A. (1971). Недавняя демонстрация конструктной валидности измерений лабораторной агрессии есть в работе Нила Маламута (Malamuth, 1986, p. 954). В этой работе показано, что мужчины — студенты университета, у которых было выявлено благосклонное отношение к агрессии против женщин, некоторое время спустя, в другом эксперименте, «кажущемся никак не связанным» с предыдущим, более жестоко наказывали именно женщину. (Дополнительные ссылки и рассуждения смотри в: Baron, 1977, p. 57–58; Berkowitz & Donnerstein, 1982, p. 253–254).

[2] Более детально этот вопрос рассматривается в работе: Berkowitz & Donnerstein (1982). Хензель предложил несколько дополнительных совершенно новых аргументов в поддержку лабораторных исследований (см.: Hensel (1980).

в университетской лаборатории. Критики задают вопрос: откуда мы можем знать, что испытуемые в естественных ситуациях будут действовать так же, как и в лаборатории? В итоге критики настаивают на том, что эксперименты совершенно не отражают жизнь за пределами лаборатории. Так как экспериментальные ситуации и субъекты не дают репрезентативных примеров реальной жизни, то, следовательно, подобные эксперименты никак не объясняют поведение обычных людей в реальной ситуации.

❐ **Возможности и пределы опытов.** В ответ на критику я ограничусь краткими замечаниями по ряду вопросов, уже подробно освещавшихся мною в другом месте (см., например: Berkowitz & Donnerstein, 1982).

Я ни в коей мере не хочу принижать значение репрезентативности исследований. Тем не менее необходимость соответствия участников опытов и ситуаций реальности во многом определяется целями эксперимента. Эксперимент проводится (или должен проводиться) для расследования причинных возможностей, а именно: могут ли отличия переменной А (обычно называемой «независимой переменной») — например, (А1) просмотр фильма с насилием и (А2) просмотр неагрессивного фильма, — привести к отличиям переменной Б («зависимой переменной»), например агрессивного поведения? Отдельный эксперимент может лишь служить образцом работы, которую надо провести, чтобы ответить на этот вопрос о причинно-следственной связи, а результаты данного опыта лишь сделают возможным подобное утверждение, но не дадут окончательного ответа. Так, результат эксперимента может свидетельствовать о возможности предполагать, что просмотр фильмов с применением насилия вызывает у зрителей рост агрессивности.

Но поскольку участники лабораторных опытов и ситуаций не представляют людей вообще и обычные ситуации, ученые с помощью этих экспериментов не могут оценить точную частоту или силу данных эффектов в обычной жизни. На основании опыта они не могут назвать данных о воздействии агрессивных фильмов, как не могут и определить вероятность того, что просмотр таких фильмов вызывает открытые проявления агрессии. Нельзя также определить степень влияния наблюдаемого насилия на последующее агрессивное поведение зрителей.

Это не означает, что исследователи, пользуясь результатами экспериментов, не могут делать приблизительных оценок воздействия независимой переменной (скажем, агрессивности названных фильмов) на изменение зависимой переменной (в данном случае агрессивного поведения зрителей). Как уже говорилось в главе 7, статистиками были разработаны методы оценки силы влияния независимой

переменной на зависимую переменную для серии опытов. Используя эти статистические процедуры, Вуд, Вонг и Чечир сделали выводы о том, что в ряде проанализированных ими опытов фильмы с демонстрацией насилия влияли на агрессивное поведение зрителей «от незначительной до умеренной степени» (Wood, Wong & Chachere, 1991). Следовательно, можно говорить о том, что эпизоды с насилием, распространяемые через средства массовой информации, могут повысить уровень насилия своей аудитории от «незначительной до умеренной степени».

Это все же только догадка, так как данная оценка относится к влиянию, которое изучалось в ходе исследований, использованных для анализа. Несмотря на тот факт, что результаты статистического анализа ряда экспериментов укрепляют нашу уверенность в том, что независимая переменная действительно влияет на зависимую переменную, статистика ничего не говорит ни о том, какое количество людей поддается этому влиянию, ни какую роль будет играть это влияние в других ситуациях. Мы могли бы получить точные цифры только в том случае, если бы субъекты и ситуации экспериментов являлись миниатюрными копиями людей и ситуаций, относительно которых исследователи хотят сделать обобщения.

В целом данные экспериментов, изложенных в этой книге (равно и в любой другой), надо воспринимать как обоснованные предположения о том, какие факторы влияют на агрессию. Чем лучше эксперимент, чем чаще сходные исследования показывают сопоставимые результаты, тем сильнее можете вы быть уверены в правильности сделанного предположения о причинах данных взаимоотношений. Так как вы не можете быть полностью уверены в том, что сделанное вами предположение верно, то результаты, представленные в этой книге, на сегодняшний день можно считать лишь хорошо обоснованным прогнозом.

О возможных экспериментальных артефактах[1]

Экспериментаторы сталкиваются и с другой проблемой: участники экспериментов нередко прекрасно понимают, что за ними наблюдают исследователи. Вполне вероятно, что это понимание может сдерживать поведение испытуемых, не давая им вести себя естественно. Например, испытуемые могут руководствоваться стремлением «порисоваться» перед психологами-наблюдателями или пожелают помочь исследователям получить ожидаемый результат. Так

---

[1] Артефакт (*от лат. artefactum* – искусственно сделанное) – процесс или образование, несвойственное организму в норме и вызываемое самим методом его исследования.

как эти мотивы могли бы исказить реакцию субъектов на эксперимент, важно тщательно рассмотреть экспериментальные артефакты.

❑ **В какой степени участники лабораторных опытов пытаются «выполнить требования» экспериментаторов?** Довольно большое количество психологов полагают, что действия субъекта во время эксперимента на самом деле зависят от его желания помочь исследователям достичь своих целей. Как считают эти психологи, поскольку испытуемые согласились участвовать в исследовании, то они хотят помочь экспериментаторам и послужить делу науки. По этой причине они будут пытаться понять гипотезу исследователей и вести себя так, чтобы эту гипотезу подтвердить.

Попробуем с этой точки зрения рассмотреть лабораторные опыты по агрессии. Если бы испытуемые нажимали на кнопку электрошока только из-за того, что им казалось, будто этого от них хотят экспериментаторы, а не потому, что желали причинить боль человеку в соседнем помещении, лабораторное исследование было бы совершенно неправдоподобным. Тем не менее я сомневаюсь, что многие испытуемые в действительности очень хотят помочь экспериментаторам или оправдать их ожидания.

Предположение о существовании общего желания подтвердить гипотезу исследователя впервые было выдвинуто Мартином Орном, выдающимся исследователем гипноза. (Две наиболее важные работы по этой теме: Orne, 1962, 1970.) Под впечатлением того, с какой охотой субъекты соглашались выполнять почти любое отдаваемое приказание экспериментатора, каким бы глупым и бессмысленным оно ни казалось внешнему наблюдателю, Орн сделал вывод, что многие испытуемые заключают своего рода негласный психологический контракт с ученым, проводящим эксперимент. Согласившись участвовать в опыте, они предположительно молча соглашаются быть «хорошими» испытуемыми и, таким образом, собираются выполнять все, что попросит экспериментатор. Орн развивает мысль о том, что многие участники эксперимента, будучи «хорошими испытуемыми» стремятся помочь ученому подтвердить его гипотезу.

Орн сравнивает испытуемого с покупателем, торгующимся с продавцом подержанных автомобилей. Он заинтересован в «товаре» (эксперименте) и в то же время несколько скептически относится к тому, что ему говорят. Так, настаивает Орн, испытуемые опытов обычно слишком проницательны и опытны, чтобы верить в «легенду» экспериментатора, поэтому они ищут такую разгадку ситуации в лаборатории, которая объяснила бы, что же в действительности имеет в виду экспериментатор. Когда они находят разгадку, которую Орн называл «характеристиками требований» (demand characteristics), то действуют в соответствии с ожиданиями экспери-

ментатора, отчасти чтобы быть хорошими, сотрудничающими испытуемыми, отчасти из любви к науке.

Я затрагивал эту тему в нескольких работах (см., например: Berkowitz & Donnerstein, 1982; Berkowitz & Troccoli, 1986), и мне не обязательно приводить здесь подробное опровержение данной точки зрения. Все же некоторые моменты столь существенны, что о них следует сказать еще раз.

Во-первых, результаты некоторые из исследований, приводимых в поддержку гипотезы *выполнения требований* (demand compliance), сами по себе сомнительны. В частности, некоторые психологи пытаются обосновать данное понятие, показав, что многие испытуемые могут на самом деле знать, какого поведения ожидает от них экспериментатор в данной ситуации. Они описывали студентам эксперименты с агрессией и просили предсказать, что именно в сложившихся условиях будут делать испытуемые. Во многих случаях студенты совершенно правильно определяли, как поведут себя испытуемые. Тогда критики сделали вывод о том, что испытуемые в реальных экспериментах всего лишь выполняли требования исследователей; они знали заранее, чего от них хочет экспериментатор, и «шли навстречу» его желаниям. (Одну из версий такого вида доводов можно найти в работе: Schuck & Pisor, 1974.)

Если мы рассмотрим этот аргумент более внимательно, то поймем, что его обоснование неудовлетворительно. Демонстрация того факта, что наивные наблюдатели могут предсказать результат опыта, не обязательно означает, что результаты эксперимента основываются на желании испытуемого удовлетворить требования исследователя. Кроме того, люди действительно обладают некоторыми знаниями о человеческом поведении и порой могут предсказать результаты эксперимента, основываясь на этом знании. В качестве иллюстрации представьте себе, что вам говорят об эксперименте, в котором мужчинам — студентам университета демонстрируют фильм, изобилующий эротическими эпизодами, а вам нужно предсказать, будут ли эти мужчины в результате сексуально возбуждены. Разве вы не предположите, что испытуемые будут размышлять на эротические темы и испытывать возбуждение? Конечно, верно и то, что многие испытуемые в такого рода экспериментах в действительности демонстрируют сексуальные реакции на эротические фильмы. Ваша точная оценка, очевидно, не означает, что реальные участники таких экспериментов всего лишь разыгрывали психологов, когда проявляли свои сексуальные мысли и желания. Они и в самом деле сексуально возбудились, и вы знали, что они могут себя так повести.

Доводы в пользу *конструктной валидности* параметров лабораторной агрессии также противоречат тезису о *выполнении требований*. Вернемся к экспериментам со стимуляцией боли. Маловероят-

но, что большинство студентов университета смогут предсказать полученный результат (усиление стимуляции вместе с возрастанием боли жертвы), поскольку и некоторые выдающиеся психологи не ожидали ничего подобного. Данные результаты слишком неочевидны, чтобы их могли предсказать студенты. Таким образом, невозможно, чтобы эти результаты были получены только на основании ожиданий испытуемых.

❐ **Проблема опасения оценки (evaluation apprehension) в лабораторных экспериментах.** Я все же признаю, что лабораторные эксперименты по понятным причинам не лишены ошибок и артефактов. В действительности поведение испытуемых часто искажается беспокойством, которое охватывает многих участников экспериментов. Юные студенты, незнакомые с психологическими исследованиями и участвующие в одном из первых в своей жизни экспериментов, склонны верить в то, что исследователь изучает их личность — что «их психику анализируют». В частности, находясь в лаборатории, они могут испытывать состояние, именуемое психологами *«опасением оценки»* (evaluation apprehension). Они хотят выглядеть психологически здоровыми и хорошо адаптирующимися. Эксперимент для них — возможность показать, что они «хорошие», и такие испытуемые не демонстрируют антисоциального поведения.

Опасение оценки — серьезная проблема в экспериментальном исследовании агрессии. Когда субъект пытается казаться здоровым и хорошо адаптирующимся, то обычно он склонен сдерживать нападение на имеющийся в наличии объект. В результате испытуемые проявляют в лаборатории меньшую агрессивность, чем в других ситуациях. Большинство лабораторных экспериментов поэтому направлены на то, чтобы ослабить у испытуемых сдерживающие механизмы. В ходе опыта испытуемым дают какой-нибудь законный предлог, чтобы они могли наказать жертву. В противном случае агрессия в ходе эксперимента едва ли будет заметна.

❐ **Лабораторное изучение выполнения требований и опасения оценки.** Не имея точных данных, люди могут высказывать разные мнения о *выполнении требований* и *опасении оценки*. В конечном итоге необходимо подвергнуть тезис *выполнения требований* эмпирическому тестированию для того, чтобы определить, действительно ли испытуемые пытаются подтвердить гипотезы экспериментатора.

Один подобный тест, особенно уместный для описываемых в этой книге экспериментов, проверяет *эффект оружия,* исследование которого Энтони Лепаж и я провели в 1967 году (подробное описание см. в главе 3). Это исследование и несколько последующих экспериментов продемонстрировали, что одно лишь присутствие оружия заставляет людей проявлять более сильную по сравнению с обычной

ситуацией агрессивность. Как вы могли бы, пожалуй, предположить, результаты данного эксперимента вызвали противоречивые отклики, ряд критиков считали, что результаты обусловливались главным образом требованиями экспериментаторов. С их точки зрения, студенты ухватились за гипотезу исследователей — что пистолеты сделают их более агрессивными — и затем пытались оправдать ожидания экспериментаторов.

Чарльз Тернер и Линн Саймонс, которые тогда работали в Университете штата Юта, Солт-Лейк-Сити, попытались выяснить, насколько правомерно данное возражение, умышленно изменяя знания субъектов о заинтересованности экспериментаторов в их реакции на оружие (см.: Berkowitz & LePage, 1967; Turner & Simons, 1974).

Пока очередной наивный субъект ожидал в приемном помещении лаборатории, другой студент (помощник исследователей) входил в эту комнату якобы для того, чтобы взять свои книги, но на самом деле сообщал субъекту некоторую информацию. Одним из испытуемых он говорил только то, что сам участвовал в исследовании, оставляя их *неосведомленными*. У других субъектов помощник создавал *средний уровень осведомленности*, сообщая, что не верит в легенду экспериментатора, а еще одна группа получала *высокую степень осведомленности* — им говорили, что экспериментатор интересовался тем, как они отреагируют на присутствие оружия. Затем помощник уходил из помещения. Входил экспериментатор, отводил каждого субъекта по отдельности в лабораторию и рассказывал легенду, использовавшуюся в первоначальном эксперименте Берковица—Лепажа: что исследование посвящено психологической реакции на стресс. Затем у половины мужчин в каждой из групп с разной степенью осведомленности экспериментатор создавал сильное *«опасение оценки»*, сообщая им, что данное исследование оценивает, насколько они хорошо адаптируются, для того чтобы определить взаимосвязь между психологической реакцией и психологической неприспособленностью.

После того как вся эта информация полностью сообщалась, начинался предполагаемый «реальный» эксперимент. К испытуемому прикреплялись электроды, и ему давали задачу, которую надо было решить. Он записывал ответы таким образом, чтобы «партнер» в соседней комнате смог их оценить. Все субъекты были спровоцированы: они получали по семь ударов электричеством — негативную оценку партнера. Как и в оригинальном эксперименте, испытуемого затем отводили в контрольную комнату с шоковым аппаратом. Там он обнаруживал оружие (предположительно забытое каким-то другим экспериментатором) на столе возле пульта с кнопками для электрошока. Затем каждому испытуемому показывали решение задачи, предложенное партнером, и давали возможность наказать партнера, назначив ему от одного до десяти ударов электрошоком.

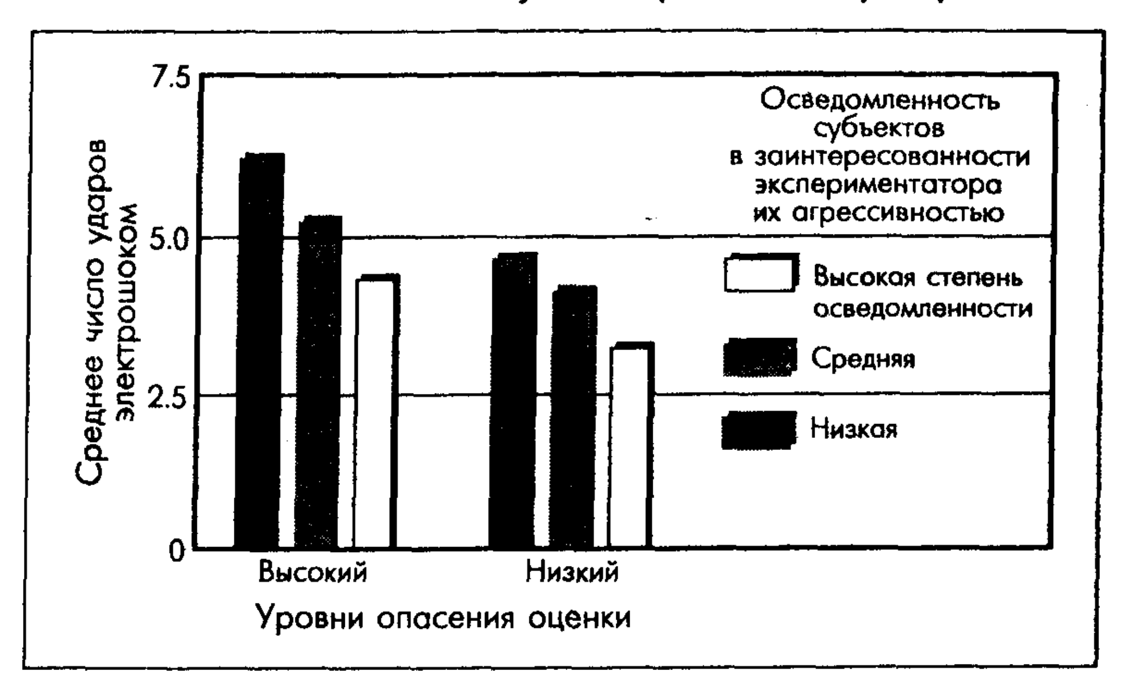


Рис. 13-2. Среднее число ударов шока дано как функция заинтересованности экспериментатора в агрессии и уровень существующего у субъектов опасения оценки.

Рис. 13-2 показывает среднее число ударов электрошоком, которое наносил испытуемый в зависимости от уровня своей осведомленности и степени *опасения оценки*. Шкала показывает, что оба вида изменений в ходе эксперимента влияли на агрессию испытуемых. Как и ожидалось, мужчины, уверенные в том, что исследователи изучают их адаптируемость, наносили партнеру меньше ударов. Еще важнее то, что осведомленность испытуемого в заинтересованности исследователей их реакцией на оружие также снижала их стремление подвергать жертву наказанию. Тогда как интерпретация в духе *выполнения требований* экспериментатора подразумевала, что наибольшее количество ударов нанесут те испытуемые, которые знали о целях эксперимента, в реальности эта группа мужчин оказалась наименее склонной наказывать партнера.

Оба эффекта были, вероятно, вызваны желаниями испытуемых казаться хорошими. Предполагали ли они, что исследователи интересовались степенью их неприспособленности и/или их реакцией на оружие, эти мужчины, по-видимому, считали, что проявят психическую ненормальность, если будут чересчур агрессивны. Они ограничивали свою агрессию, чтобы произвести на экспериментаторов хорошее впечатление.

Выводы очевидны. Нелегко провести хороший лабораторный эксперимент. В условиях лаборатории присутствуют практически все виды психологических влияний, они могут обусловить поведение испытуемых и даже исказить их реакцию. Внимательный ученый должен попытаться свести к минимуму источники ошибок. Значительную проблему могут представлять мотивы испытуемого в экспе-

риментальной ситуации. Однако отметим, что в основном мотивы, искажающие поведение, работают против исследователя агрессии. Во многих примерах впечатляющие результаты лабораторных исследований были получены именно вопреки осведомленности испытуемых об интересе к их агрессивности, а не благодаря ей.

РЕЗЮМЕ

Так как многие идеи, изложенные в этой книге, основываются на лабораторных экспериментах, в данной главе я изложил некоторые *pro* и *contra* лабораторных исследований в сфере социальной психологии, и в особенности в экспериментах, посвященных изучению агрессии. Большинство экспериментов в данной области использовали процедуру с применением *машины агрессии* Басса, но применялись и другие методы. Возникает законный вопрос о том, имеют ли что-то общее между собой различные методы измерения агрессии. Однако, как показывает недавний статистический анализ результатов исследований, по большей части индикаторы гипотетической лабораторной агрессии действительно отражают силу агрессивных тенденций.

Обращаясь к вопросу валидности лабораторных измерений, отмечу отличия, проводимые психологами между *очевидной валидностью, конструктной валидностью и критериально-связанной валидностью*. Доказательства, представленные в этой главе, показывают, что, несмотря на то что поведение в условиях лаборатории может и не напоминать «реальную» агрессию (то есть эти измерения демонстрируют низкую степень *очевидной валидности*), в целом они обладают *конструктной валидностью* (то есть поведение испытуемых в лабораторных условиях напоминает их обычные агрессивные поступки). В работах по этой тематике данные экспериментов обладают и *критериальной валидностью* (то есть они имеют отношение к какому-то определенному критерию, в данном случае — к агрессивности в реальной обстановке). Что касается поведения в условиях лаборатории, то важно отметить его значение для испытуемого (то есть отражает ли оно стремление испытуемого причинить другому человеку боль), а не физическое проявление агрессии.

Критики указывали на недостаточную репрезентативность лабораторной ситуации и испытуемых, утверждая, что поведение студентов университета в помещении лаборатории почти ничего не объясняет в поведении большинства людей в обычной жизни. Отвечая на это возражение, замечу, что цель эксперимента — проверить каузальную гипотезу, поэтому при проведении опытов особенное значение имеет экспериментальный контроль, а не репрезентативность испытуемых или ситуаций. С другой стороны, однако, так как

лабораторные испытуемые и ситуации чаще всего не отражают реальных людей и естественные ситуации, их нельзя применять для оценки величины или частоты данных явлений в реальной жизни.

Последняя проблема, рассматривавшаяся в данной главе, относится к влиянию артефактов, которые могут исказить поведение испытуемых в лаборатории. Я настаиваю на том, что критические замечания по поводу данных лабораторных экспериментов, якобы полученных в результате стремления испытуемого выполнить требования исследователя, сильно преувеличены. Доводы в пользу такой критики сомнительны, есть очень мало свидетельств о том, что предполагаемое *выполнение требований* действительно может исказить общую картину эксперимента. Мои аргументы подтверждает тестирование в эксперименте с влиянием оружия. Но, сводя к минимуму значение проблемы *выполнения требований*, я признаю, что важным артефактом является *опасение оценки*. Многие испытуемые в экспериментах действительно пытаются произвести на исследователей хорошее впечатление и сдерживают свои социально неодобряемые тенденции. Это означает, что позитивные результаты лабораторных опытов с агрессией получены вопреки подозрительности испытуемых и их предположений о реальных целях исследователей, а не благодаря этим догадкам.

Глава 14

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ ПОЛУЧЕННЫЕ УРОКИ

Различные виды агрессии: инструментальная и эмоциональная агрессия. Неизбежно ли насилие? Факторы риска. Контроль насилия.

Разработки и теоретические выводы, изложенные мной в данной книге, ведут к очень существенным допущениям. Цель настоящей главы — оговорить данные предположения, а также подвести итог основным вопросам, обсуждавшимся мной, и выдвинуть гипотезы о факторах, влияющих на эмоциональную реакцию людей вообще и на агрессивное поведение, в частности.

РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ АГРЕССИИ: ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ

Одна из моих основных тем — это разнообразие видов агрессии. Попытки причинить боль или уничтожить других людей происходят неодинаково и вызваны разными биологическими и психологическими процессами, хотя всякая агрессия направлена на умышленное причинение боли другому человеку. Ученые, занимающиеся исследованиями процессов, участвующих в выработке агрессии, не всегда единодушны в определении основных видов агрессии.

Существует тем не менее хороший способ разграничения *инструментальной* и *аффективной,* или *эмоциональной,* агрессии. Нападения и насилие, совершаемое человеком в надежде достичь отличную от причинения ущерба цель — например, получить деньги, социальный статус, подтвердить идентичность своего «я» или выйти из неприятной ситуации, — во многом отличны от насилия, вызванного эмоциональным возбуждением. Важно разграничить эти два вида насилия, оба из которых вносят свою лепту в страдания и горе, присутствующие в обществе, и рвут ткань нормальных социальных отношений. Тем не менее, рискуя принизить роль *инструментальной агрессии*, в этой книге я сосредоточил свое внимание на насилии, мотивированном сильными чувствами.

Многие социологи отказываются признать разницу между *инструментальной* и *эмоциональной* агрессией. Довольно часто это случается из-за того, что их собственные теории человеческого поведения оказываются несостоятельными, когда требуется охарактеризовать невольные или автоматические аспекты поведения эмоционального. Некоторые исследователи человеческого поведения безусловно согласны с Зигмундом Фрейдом и другими теоретиками психодинамической ориентации, когда утверждают, что любое поведение мотивировано. Для них каждое действие или, по крайней мере, каждый социально значимый акт сопряжены с достижением какой-либо цели: агрессоры не просто причиняют боль или убивают. Социологи, поддерживающие эту позицию, верят, что их главная задача — выявить скрытые цели, подталкивающие людей к нападению на других. Они хотят узнать, что еще имеет значение, кроме причинения боли или уничтожения, — что же нападающие «действительно» хотят сделать.

Другие исследователи иначе формулируют свои доводы, однако подтекст их предположений очень похож. Они любят говорить о том, что поведение определяется главным образом побудительными мотивами, вознаграждениями, которых ожидает человек за совершение тех или иных действий. С этой точки зрения ребенок, который бьет свою сестру, муж, оскорбляющий или наносящий удары жене, грабитель, убивающий свою жертву, — все они действуют одинаково, так как считают, что подобное поведение принесет им какую-то пользу. Эти исследователи стремятся определить, какие побудительные мотивы скрываются за агрессивностью, и выясняют, как действуют эти ожидаемые выгоды.

Мое предположение состоит в том, что отказ признать импульсивную и зачастую бездумную природу *эмоциональной агрессии* имеет еще одну причину, помимо приверженности ученых специфической психологической теории, — фрейдистской, бихевиористской или когнитивной. Многие социологи ищут скрытую цель в любом агрессивном поведении, так как они хотят увериться в том, что люди по большей части рациональны — имеется в виду, что не все действия обязательно основаны на сознательно принятых решениях, но что все имеют смысл с точки зрения того, кто их совершает. Для этих социологов отрицать существование основного мотива агрессии было бы тем же самым, что и незаслуженно унижать агрессоров да, пожалуй, и все человечество. Конечно, как они сами и утверждают, люди должны быть не просто бездумными роботами или животными. Даже убийца, неважно, насколько он груб и жесток, должен думать о том, что он делал и почему, и должен был совершать насилие по причине, которая имела для него смысл.

Как я понимаю, все же настаивать на базовой рациональности любого значимого человеческого поведения — значит не видеть его

удивительно сложной и разнообразной природы. Мысли и подсчеты, анализ затрат и выгод, который мы делаем, по большей части действительно регулируют наши действия, но не всегда. Порой мы можем быть чрезвычайно эмоциональны — охвачены чувствами и эмоциональными импульсами данного момента. Мы многогранны, мы — существа «со множеством красок», отрицать нашу эмоциональность — значит отрицать часть нашей человечности.

Теперь, когда я определил свою позицию, напомню, каким образом, по моему мнению, действуют механизмы *эмоциональной агрессии*.

Разграничивая *инструментальную* и *эмоциональную агрессию*, я не имею в виду, что насилие, мотивированное эмоциональным порывом, бесцельно. Такие действия на самом деле имеют цель: причинить боль жертве (или, в более крайних случаях, убить). Мое убеждение состоит в том, что причинение вреда или уничтожение — главная цель *эмоциональной агрессии* даже в том случае, когда остальные цели тоже можно идентифицировать. Испытуемые в лаборатории, причиняющие электрошоком боль «другому студенту», могут хотеть выполнить указания экспериментатора. Но, несмотря на то что их спровоцировали, они все-таки в первую очередь желают причинить другому боль. Сходным образом, охваченная яростью жена, стреляющая в своего жестокого мужа, вероятно, хочет заставить его прекратить ее избивать, и в то же время она хочет сделать ему больно.

Я считаю также, что степень и сила эмоционального насилия во многом определяется интенсивностью внутреннего возбуждения агрессора; как я уже предполагал, внутренняя стимуляция подталкивает человека к нападению, часто в совершенно бездумной манере. Взбешенная жена не рассчитывает, каковы будут долгосрочные затраты и выгоды. Она знает только то, что хочет ранить (или, может быть, даже убить) своего мучителя, и, когда набрасывается на него, ее действия вызваны сильным внутренним возбуждением.

Это не означает, что все эмоциональные нападения обязательно несдержанны. Запреты, по крайней мере частично, могут блокировать стимулированное нападение в том случае, если человек хорошо понимает, что проявлять агрессию — плохо или что она может повлечь за собой наказание. Мать, рассердившаяся на дочь за то, что та ее не слушается, может не задумываясь накричать на нее или даже шлепнуть. Все же мало кто из взрослых пинают своих детей ногами или бьют их дубинками. Большинство запретов против агрессии до некоторой степени активизируются, даже когда люди впадают в ярость, и эти запреты удерживают их от причинения серьезного вреда. Чем сильнее возбужден человек, тем слабее активизация этих относительно автоматических преград и тем меньше их эффектив-

ность. По той же логике чем сильнее обычные сдерживающие агрессию ограничения, тем менее вероятно, что какая бы то ни было степень возбуждения побудит мужчину или женщину к неконтролируемой вспышке насилия. Я еще вернусь в данной главе к теме самоограничений.

НЕИЗБЕЖНО ЛИ НАСИЛИЕ?

Пожалуй, трудно или даже невозможно целиком исключить насилие из социальной жизни. Вовсе не потому, что человеческие существа от природы злы или обладают врожденным желанием убивать и уничтожать. Есть ясные и неоспоримые доказательства того, что агрессивного инстинкта, предполагаемого Зигмундом Фрейдом, Конрадом Лоренцом и другими теоретиками, в действительности не существует. Но следует признать, что какой-то уровень насилия всегда будет составной частью человеческой жизни по крайней мере по двум причинам: во-первых, потому, что люди слишком быстро понимают, что время от времени агрессия вознаграждается; и во-вторых, если я прав относительно *негативного аффекта* — заранее запрограммированного у человека побуждения к *эмоциональной агрессии,* — то тогда никто не может быть застрахован от горя и страдания.

Мы склонны использовать агрессивную тактику в той степени, в какой она представляется нам результативной. Удивительно не то, как мы учимся использовать агрессию инструментально, а как порой точно люди понимают, что нападать на других может быть выгодно. Например, многие из нас знают из своего детства, что иногда нападение помогает прекратить досадные и неприятные приставания других людей. Наши родители, вероятно, давали нам нагоняй или запрещали бить досаждавших нам сверстников, однако мы то и дело видели, что наша агрессия достигает цели — что она прекратила беспокойство, по крайней мере на время. Так мы узнавали, что агрессия иногда действительно вознаграждается и прекращает или снижает беспокойство. Помимо этого, эмоционально возбужденные агрессоры вознаграждаются болью и несчастьем жертвы. Брат, рассердившийся на сестру, чувствует удовлетворение, когда видит, что она плачет после того, как он ее ударил. А если этих мотивов недостаточно, вспомните хотя бы, как часто взрослые усиливают агрессивность своих детей, когда сами кричат и каким-то образом проявляют гнев, давая таким образом детям возможность подражать себе.

В описанных мною случаях вознаграждаются собственные действия агрессоров, однако эта награда может усилить агрессивную тенденцию, даже когда мы видим, как агрессию совершает кто-то другой. В нескольких главах я отмечал, что порой мы выражаем бла-

госклонное отношение к агрессии, когда просто присутствуем и наблюдаем, как агрессоры берут то, что им нужно с помощью угроз, оскорблений или нанесения ударов другим людям.

Все это означает, что мы можем рассматривать выгоды агрессии с разных сторон. Благоприятный исход — когда мы сами получаем желаемый результат или видим, как это делают другие, — может усилить вероятность того, что если представится возможность и наши внутренние запреты ослабнут, то в будущем мы нападем на кого-то вербально или физически.

Не забывайте, однако, что агрессия производится не только в надежде на внешние блага. Она может быть также стимулирована негативными чувствами. В данной связи вспомним многочисленные неприятные ситуации, вызывающие гнев, враждебность и даже насилие при стечении неблагоприятных обстоятельств. Например, ситуации, когда люди испытывают фрустрацию, экономический стресс, воздействие высокой температуры, влияние загрязнения атмосферы, скверные запахи, переживают печальные события. Несмотря на то что мысли человека могут модифицировать или даже подавлять гневное или агрессивное эмоциональное состояние, вызванное негативными чувствами, такое воздействие более высокого порядка не всегда результативно. Мы можем быть поставлены ситуацией в тупик или настолько охвачены интенсивными неприятными ощущениями, что не будем учитывать всю имеющуюся у нас информацию. Мы, вероятно, проигнорируем причины наших плохих чувств или даже не сделаем попытки продумать наиболее подходящий для данной ситуации способ поведения. Вследствие этого негативные чувства могут привести нас к импульсивным враждебным действиям или проявлениям агрессии. Несмотря на то, что если мы хорошо подумаем, то можем регулировать и изменять влияние негативного опыта на свое поведение, мы отнюдь не всегда размышляем о том, как же нам следует поступить.

Информация также может вызывать агрессию. Нам в голову могут приходить враждебные мысли, а агрессивные склонности, во всяком случае на короткий период времени, могут быть активизированы, когда люди просто видят или слышат о чем-то, имеющем агрессивное значение. Самые разнообразные объекты и инциденты (пистолеты, ножи, зрелище или звук драки, истории о жестоких преступлениях, атлетические состязания, истолкованные как агрессивные стычки, военные репортажи), — все это может ассоциироваться с агрессией и вызвать у нас вспышки враждебных чувств и агрессивные импульсы.

Когда столько различных факторов способствуют проявлению агрессии, разве представляется хоть малейшая возможность исключить насилие в современном обществе?

ФАКТОРЫ РИСКА

Хотя я полагаю, что фактически невозможно избежать или полностью исключить все факторы, влияющие на возникновение агрессии, я не имею в виду, что эти влияния всегда очень сильны или что каждый из этих факторов обязательно порождает открытое насилие. Рассмотрим роль бедности в преступлениях, связанных с насилием. Есть достаточно много свидетельств, подтверждающих, что экономическая депривация способствует семейным конфликтам, нападкам на детей и убийствам. Несмотря на эти данные, политики-консерваторы, выступающие против социальных программ, с давних пор отрицают тот факт, что бедность взращивает преступления. Так, недавно архиепископ Кентерберийский вызвал раздражение консервативной партии Великобритании, когда причиной серьезных беспорядков на севере Англии назвал высокий уровень безработицы и экономические трудности. Выдающийся политик-консерватор отверг интерпретацию архиепископа, заметив, что бедняки — прихожане церкви проявляли меньшую склонность к беспорядкам или воровству, чем такие же бедняки, не посещающие церковь. Это означало, настаивал он, что как раз упадок морали, а не бедность, привел к преступлениям и насилию.

Большинство социологов скажут, пожалуй, что этот политик упрощает или что он рассуждал с ригористической точки зрения, высказывая только «да» и «нет». Ни один серьезный исследователь на самом деле не верит, что экономические лишения сами по себе неизбежно приводят к нарушению закона. Скорее, если придерживаться хода мыслей, развиваемых мной в этой книге, лучше сказать, что бедность является фактором риска, условием, которое повышает вероятность антисоциального поведения, но не обязательно его порождает. Аналогично, курение сигарет не всегда ведет к раку легких и болезням сердца, однако заядлые курильщики серьезно рискуют заболеть.

Такова перспектива, в которой нужно учитывать все условия, вызывающие насилие. Когда люди испытывают разочарование или видят оружие, то они совсем не обязательно стремятся нападать на других. Очень мало заядлых кинозрителей становятся агрессивными, просмотрев фильм со сценами насилия. Люди, подвергающиеся воздействию очень жаркой погоды, не всегда приходят в ярость и грабят или сжигают магазины по соседству. Многие бедняки не нарушают законы. Однако, как демонстрирует процитированное в этой книге исследование, каждый из этих факторов увеличивает возможность проявления агрессии. Вероятность того, что какой-то один фактор породит в данной ситуации вспышку насилия, чрезвычайно мала. Очевидно, должно присутствовать несколько условий, чтобы они привели к открытому нападению, точно так же как курильщик

не заболеет раком легких, если он или она не обладает соответствующей предрасположенностью или определенными особенностями физиологии. Тем не менее важно знать индивидуальные факторы риска, так как каждый из них увеличивает вероятность нежелательного исхода.

Более того, хотя каждый фактор риска создает очень незначительное увеличение вероятности насилия, но когда слой населения, испытывающий влияние данного фактора, достаточно широк, то под его воздействие может подпасть очень значительное число людей. Скажем, на территории города, штата, всей страны бедняки чаще становятся нарушителями закона и чаще нападают друг на друга, чем экономически более благополучные и обеспеченные граждане. Сходным образом, хотя существует только очень небольшая вероятность, что человек, смотревший данный фильм, ударит кого-нибудь кулаком в нос, после того как увидел жестокую сцену, но ведь зрителей были миллионы и, возможно, в стране произойдет на несколько сотен актов насилия больше, чем в том случае, если бы этот фильм не демонстрировался. Власти не могут конфисковать все оружие в Соединенных Штатах, даже если бы они хотели это сделать, однако свободная продажа разного рода оружия несомненно означает, что каждый год в Соединенных Штатах погибают сотни людей, которые в другом случае не были бы убиты.

В целом, когда мы говорим об условиях, способствующих агрессивному поведению, я бы рекомендовал рассуждать о возможностях. Фактически общество только выиграет, если всегда будет учитывать возможные перспективы в таких сферах жизни, как бизнес и коммерция, естественные науки, технология, образование, политика и социальные науки. Чтобы принять наилучшее решение в любой из данных областей, необходимо учесть возможные события, которые могут иметь место, а могут и не произойти. При учете этих возможностей надо основываться на имеющемся знании и информации, оценивать вероятность (большая, средняя, минимальная) того, что данное событие в действительности произойдет. Даже при этом конечная оценка может быть только вероятностной, а не определенной. Именно таким образом исследование, рассмотренное в данной книге, позволяет нам с хорошей долей вероятности оценить условия, способствующие агрессии.

КОНТРОЛЬ НАСИЛИЯ

Хотя невероятно, что человечество когда-либо сотрет насилие с лица земли, но мы можем предпринять кое-какие шаги для снижения шансов нападения или проявления злобы среди людей. Очевидно, одним из таких шагов могло бы быть сокращение числа вызываю-

щих агрессию стимулов. Точно так же очевидно и то, что в свободном обществе это крайне трудно осуществить. Даже если оставить в стороне запутанные вопросы конституции, то и на социальном уровне этот шаг был бы достаточно противоречивым. Довольно многим людям нравится смотреть жестокие фильмы, другие полагают, что смогут защититься от опасных незваных гостей, если у них дома есть револьвер. Тем не менее Соединенным Штатам следовало бы хорошо оценить возможные социальные блага и затраты, связанные со свободным просмотром сцен насилия на теле- и киноэкранах, и затраты, связанные с разрешением неограниченной продажи оружия во многих районах страны. Стоит ли удовольствие, которое получают некоторые люди от зрелища, как актеры стреляют, закалывают, пинают, толкают и убивают друг друга, того, что в стране происходит «лишняя» сотня жестоких инцидентов, подчас очень серьезных или даже фатальных? Важнее ли ощущение безопасности (или чувство мужественности и силы), получаемое некоторыми людьми от ношения оружия, тех сотен жизней, которые это оружие каждый год уносит? Политики и граждане, вместо того чтобы избегать этих вопросов, должны ответить на них и принять взвешенное решение.

Даже если общество ничего не делает, чтобы сократить численность демонстраций фильмов со сценами насилия по телевизору и описаний агрессии на страницах печати, их можно ослабить. Как я отмечал в главе 7 «Насилие в масс-медиа», эффект, производимый на людей чьим-то зверским поведением, во многом зависит от их мыслей об увиденном. Родители, преподаватели, другие авторитетные фигуры и средства массовой информации могли бы помочь сформировать отношение зрителей к кинокартине. По меньшей мере, они должны напоминать детям и публике в целом, что агрессия социально нежелательна даже тогда, когда герой киноленты побивает «плохих парней».

Можно было бы также предпринять шаги, чтобы снизить возбуждающее воздействие неприятных событий. Даже если человеческие существа генетически предрасположены к злости и агрессии, когда испытывают негативные чувства, они могут научиться не вести себя агрессивно после того, как с ними происходят неприятные события, вызывающие отрицательные эмоции. Тут родители и преподаватели также могут принимать активное участие. Они могут учить своих подопечных, что агрессия не вознаграждается, что можно справиться с жизненными трудностями в конструктивной и неагрессивной манере. Люди должны понимать и то, что им необязательно «освобождаться» от предположительно накопившихся у них импульсов, воображая или совершая агрессивные поступки, и что в конечном итоге драка скорее всего увеличит, а не уменьшит вероятность следующего конфликта.

Мое особое внимание к избеганию агрессивного поведения и вызывающих агрессию событий не означает, что мы должны делать вид, будто дела в нашем мире обстоят просто отлично. Я не призываю к отрицанию конфликтов и страданий. Наоборот, как я писал в главе 11 «Психологические процедуры контролирования агрессии», хотя я и считаю, что люди сами создают себе проблемы, когда грустят о своих трудностях и перенесенных ими несправедливостях, но в то же время думаю, что человеку, серьезно расходящемуся с кем-либо во мнениях или испытавшему трагедию или разочарование, лучше рассказать другим, значительным для него людям о своей жизни, неприятных событиях и сопутствующих чувствах. В целом я за более полную коммуникацию, против скрытности. Однако коммуникация не должна сопровождаться бредом или проповедью, она должна включать передачу информации, а не открытое выражение враждебности и ненависти.

В общих чертах рекомендуемые мной процедуры требуют когнитивных изменений и более строгих запретов или самоограничений, играющих большую роль в снижении агрессивности.

Как мне кажется, специалисты по психическому здоровью, интересующиеся контролированием агрессии, не всегда уделяют должное внимание важности сдерживающих механизмов. Этот вопрос подробно обсуждался в главе 4 «Мышление, и не только» и в главе 5 «Идентификация склонности к насилию». Некоторые именитые теоретики обращают внимание на психологические процессы, помогающие вызвать агрессию, и пренебрегают процессами, участвующими в ее сдерживании. Такое пренебрежение губительно, так как относительно узкая группа людей несет ответственность за непропорционально большую долю серьезных актов насилия, совершающихся в нашем обществе. Многим из этих весьма агрессивных личностей не хватает самоконтроля. Они, вероятно, больше других склонны видеть угрозу в окружающем их мире и охотнее приписывают злобные намерения тем, кто им мешает. Но они часто не в состоянии сдерживать свои эмоциональные импульсы, так что порой выходят из себя, даже когда есть все основания полагать, что их агрессия будет наказана.

Что надо делать с такими необычайно жестокими людьми? Данные, приведенные в главе 10 «Наказание и общественный контроль» и главе 11 «Психологические процедуры контролирования агрессии», не дают оснований для оптимизма в отношении реабилитации агрессивных людей. Угроза наказания кажется малоэффективной в качестве способа удержать их от совершения жестоких преступлений, отчасти потому, что они полагают (иногда оправданно), что обстоятельства благоприятны и проступки сойдут с рук, а главным образом угрозы оказываются неэффективными из-за эмоциональной

реактивности таких людей. Даже возможность высшей меры наказания не способна их удержать. По имеющимся данным, особо опасные преступники тоже не имеют хороших перспектив реабилитации. Недавние исследования показали, что некоторые виды психологического воздействия могут принести пользу юным преступникам, однако нет никаких доводов в пользу того, что есть возможность подействовать на крайне опасных, склонных к насилию взрослых. По моему мнению, система уголовного права в США обычно обрекает на тюрьму слишком большое количество людей, и они отбывают за решеткой чересчур долгий срок. Слишком много видов преступлений считаются уголовно наказуемыми. Тем не менее пребывание в тюрьме – единственное решение, которое общество может принять в отношении особенно жестоких людей. Стремление социологов понять причины поведения этих людей не означает, что общество должно терпеть опасное антисоциальное поведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

American Psychiatric Association (1980). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (DSM-III), Washington, DC: American Psychiatric Association.

Andison, F. S. (1977). TV violence and viewer aggression: A cumulation of study results. *Public Opinion Quarterly, 41,* 314–331.

Archer, D., & Gartner, R. (1984). *Violence and crime in cross-national perspective.* New Haven, Conn.: Yale Univ. Press.

Archer, J. (1988). *The behavioural biology of aggression.* Cambridge/New York: Cambridge Univ. Press.

Arms, R. L., Russell, G. W., & Sandilands, M. L. *(1979).* Effects on the hostility of spectators of viewing aggressive sports. *Social Psychology Quarterly, 42,*275–279.

Averill, J. R. (1982). *Anger and aggression: An essay on emotion.* New York/Heidelberg: Springer-Verlag.

Bach, G. R., & Goldberg, H. (1974). *Creative aggression.* New York: Doubleday.

Baker, L, Dearborn, M, Hastings J, & Hamberger, K (1984). Type A behavior in women: A review. *Health psychology, 3,*477–497.

Bandura, A. *(1965\).* Vicarious processes: A case of no-trial learning. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology,* Vol. 2. New York: Academic Press. Pp. 1–55.

Bandura, A. (1973). *Aggression: A social learning analysis.* Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall.

Bandura, A., & Walters, R. H. (1959). *Adolescent aggression.* New York: Ronald Press.

Barnett, S. A. (1967). *"Instinct" and "intelligence."* London: MacGibbon & Kee.

Baron, R. A. (1977). *Human aggression.* New York: Plenum.

Bartol, C. R. (1980). *Criminal behavior: A psychosocial approach.* Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.

Baruch, D. W. (1949). *New ways in discipline.* New York: McGraw-Hill.

Baumrind, D. (1973). The development of instrumental competence through socialization. In A. D. Pick (Ed.), *Minnesota Symposia on Child Psychology,* Vol. 7. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press. Pp. 3–46.

Bedau, H. A. (Ed.), (1967). *The death penalty in America.* New York: Doubleday.

Beeman, E. (1947). The effect of male hormone on aggressive behavior in mice. *Physiological Zoology, 20,*373–405.

Beer, C. G., (1968). Instinct. In D. L. Sills (Ed.), *Encyclopedia of the social sciences,* Vol. 7. New York: Free Press.

Berk, R. A., Berk, S. F., Loseke, D. R., & Rauma, D. (1983). Mutual combat and other family violence myths. In D. Finkelhor, R. J. Gelles, G. T. Hotaling, & M. A. Straus (Eds.), *The dark side of families: Current family violence research.* Beverly Hills, Calif.: Sage. Pp. 197–212.

Berkowitz, L. (1962). *Aggression: A social psychological analysis.* New York: McGraw-Hill.

Berkowitz, L (1964). The effects of observing violence. *Scientific American, 210,*35–41.

Berkowitz, L (1969a). Simple views of aggression. *American Scientist, 57,*372–388.

Berkowitz, L (1969b). The frustration-aggression hypothesis revisited. In L. Berkowitz (Ed.), *Roots of aggression: A reexamination of the frustration-aggression hypothesis.* New York: Atherton Press.

Berkowitz, L *(1971).* The contagion of violence: An S-R mediational analysis of some effects of observed aggression. In W. J. Arnold & M. M. Page (Eds.), *Nebraska symposium on motivation.* Lincoln: Univ. of Nebraska Press.

Berkowitz, L (July 1973b). The case for bottling up rage. *Psychology Today,* 24–31.

Berkowitz, L *(1975). A survey of social psychology.* New York: Holt, Rinehart & Winston.

Berkowitz, L (1981). The concept of aggression. In P. F. Brain & D. Benton (Eds.), *Multidisciplinary approaches to aggression research.* Amsterdam/New York/Oxford: Elsevier/North Holland. Pp. 3–15.

Berkowitz, L (1982). Aversive conditions as stimuli to aggression. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology.* Vol. 15. New York: Academic Press. Pp. 249–288.

Berkowitz, L (1983). Aversively stimulated aggression: Some parallels and differences in research with animals and humans. *American Psychologist, 38,*1135–1144.

Berkowitz, L. (1986). Some varieties of human aggression: Criminal violence as coercion, rule-following, impression management, and impulsive behavior. In A. Campbell & J. J. Gibbs (Eds.), *Violent transactions: The limits of personality.* Oxford/New York: Blackwell. Pp. 87–103.

Berkowitz, L (1990). On the formation and regulation of anger and aggression: A cognitive-neoassociationistic analysis. *American Psychologist, 45,*494–503.

Berkowitz, L., & Donnerstein, E. (1982). External validity is more than skin deep: Some answers to criticisms of laboratory experiments. *American Psychologist, 37,*245–257.

Berkowitz, L., & Frodi, A. (1979). Reactions to a child's mistakes as affected by her/his looks and speech. *Social Psychology Quarterly, 42,*420–425.

Berkowitz, L., & Heimer, K. (1989). On the construction of the anger experience: Aversive events and negative priming in the formation of feelings. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology,* Vol. 22. Orlando, Fla.: Academic Press. Pp. 1–37.

Berkowitz, L., & Macaulay, J. (1971). The contagion of criminal violence. *Sociometry, 34,*238–260.

Berkowitz, L., & Troccoli, B. T. (1986). An examination of the assumptions in the demand characteristics thesis: With special reference to the Velten mood induction procedure. *Motivation and Emotion, 10,*339–351.

Berkowitz, L., & Troccoli, B. T. (1990). Feelings, direction of attention, and expressed evaluations of others. *Cognition and Emotion, 4,*305–325.

Blanchard, D. C, & Blanchard, R. J. (1986). Punishment and aggression: A critical reexamination. In R. J. Blanchard & D. C. Blanchard (Eds.), *Advances in the study of aggression,* Vol. 2. Orlando, Fla.: Academic Press. Pp. 121–164.

Block, J., Block, J., & Gierde, P. F. (1986). The personality of children prior to divorce: A prospective study. *Child Development, 57,* 827–840.

Block, J., & Gjerde, P. F. (1986). Distinguishing between antisocial behavior and undercontrol. In D. Olweus, J. Block, & M. Radke-Yarrow (Eds.), *Development of antisocial and prosocial behavior: Research, theories, and issues.* Orlando, Fla.: Academic Press. Pp. 177–206.

Block, R. (1977). *Violent crime.* Lexington, Mass.: Lexington Books/D.C. Heath.

Bower, G. H. (1981). Mood and memory. *American Psychologist, 36,* 129–148.

Brain, P. F. (1981). Differentiating types of attack and defense in rodents. In P. F. Brain & D. Benton (Eds.), *Multidisciplinary approaches to aggression research.* Amsterdam/New York/ Oxford: Elsevier/North Holland. Pp. 53–78.

Bureau of Justice Statistics (1983). *Report to the nation on crime and justice: The data.* Washington: U.S. Department of Justice.

Bureau of Justice Statistics (1988). *Sourcebook of criminal justice statistics.* Washington: U.S. Department of Justice.

Buss, A. H. (1961). *The psychology of aggression.* New York: John Wiley.

Cairns, R. B., & Cairns, B. D. (1984). Predicting aggressive patterns in girls and boys: A developmental study. *Aggressive Behavior, 10,* 227–242.

Cairns, R. B., Cairns, B. D., Neckerman, H. J., Gest, S. D., & Gariepy, J-L. (1988). Social networks and aggressive behavior: Peer support or peer rejection? *Developmental Psychology, 24,* 815–823.

Campbell, A. (1982). Female aggression. In P. Marsh & A. Campbell (Eds.), *Aggression and violence.* Oxford, England: Oxford Univ. Press. Pp. 137–150.

Caprara, G. V., Passerini, S., Pastorelli, C., Renzi, P., & zelli, A. (1986). Instigating and measuring interpersonal aggression and hostility: A methodological contribution. *Aggressive Behavior, 12,* 237–248.

Carver, C. S., & Scheier, M. F. (1981). *Attention and self-regulation.* New York: Springer-Verlag.

Caspi, A., Elder, G. H., Jr., & Bem, D. J. (1987). Moving against the world: Life-course patterns of explosive children. *Developmental Psychology, 23,* 308–313.

Chesney, M. A., & Rosenman, R. H. (Eds.) (1985). *Anger and hostility in cardiovascular and behavioral disorders.* Washington: Hemisphere Publishing.

Christiansen, K. O. (1974). The genesis of aggressive criminality: Implications of a study of crime in a Danish twin study. In J. de Wit & W. W. Hartup (Eds.), *Determinants and origins of aggressive behavior.* The Hague: Mouton. Pp. 233–253.

Communications Subcommittee (1972). Hearings on the *Surgeon General's Report by the Scientific Advisory Committee* on Television and Social Behavior. Serial No. 92–52. Washington: U.S. Government Printing Office.

Cook, T. D., Kendzierski, D. A., & Thomas, S. V. (1983). The implicit assumptions of television research: An analysis of the 1982 NIMH report on *Television and Behavior. Public Opinion Quarterly, 47,* 161–201.

Crowell, D. H. (1987). Childhood aggression and violence: Contemporary issues. In D. H. Crowell, I. M. Evans, & C. R. CYDonnell (Eds.), *Childhood aggression and violence.* New York: Plenum. Pp. 17–52.

Cummings, E. M., Iannotti, R. J., & Zahn-Waxler, C. (1985). Influence of conflict between adults on the emotions and aggression of young adults. *Developmental Psychology, 21,* 495–507.

Curtis, L. A. (1989). In N. A. Weiner & M. E. Wolfgang (Eds.), *Violent crime, violent criminals.* Newbury Park, Calif.: Sage. Pp. 139–170.

Dabbs, J. M., Jr., & Morris, R. (1990). Testosterone, social class, and antisocial behavior in a sample of 4,462 men. *Psychological Science, 1,* 209–211.

Darwin, C. (1859/1948). *Origin of species.* New York: Modern Library.

Darwin, C. (1871/1948). *The descent of man.* New York: Modern Library.

Deffenbacher, J. L., Demm, P. M., & Brandon, A. D. (1986). High general anger: Correlates and treatment. *Behaviour Research and Therapy, 24,* 481–489.

Diener, E. (1980). Deindividuation: The absence of self-awareness and self-regulation in group members. In P. Paulus (Ed.), *The psychology of group influence.* Hillsdale, N.J.: Erlbaum.

Dietrich, D., Berkowitz, L., Kadushin, A., & McGloin, J. (1990). Some factors influencing abusers' justification of their child abuse. *Child Abuse and Neglect, 24,* 337–345.

Dobash, R. E., & Dobash, R. P. (1979). *Violence against wives: A case against the patriarchy.* New York: Free Press.

Dodge, K. A. (1982). Social information processing variables in the development of aggression and altruism in children. In C. Zahn-Waxler, M. Cummings, & M. Radke-Yarrow (Eds.), *The development of altruism and aggression: Social and sociobiological origins.* New York: Cambridge Univ. Press. Pp. 280–302.

Dodge, K. A., & Frame, C. L. (1982). Social cognitive biases and deficits in aggressive boys. *Child Development, 53,* 620–635.

Dollard, J., Doob, L. W., Miller, N. E., Mowrer, O. H., & Sears, R. R. (1939). *Frustration and aggression.* New Haven, Conn.: Yale Univ. Press.

Duval, S., & Wicklund, R. A. (1972). *A theory of objective self-awareness.* New York: Academic Press.

Eibl-Eibesfeldt, I. (1979). *The biology of peace and war.* New York: Viking.

Eichelman, B., Elliott, G. R., & Barchas, J. D. (1981). Biochemical, pharmacological, and genetic aspects of aggression. In D. A. Hamburg & M. B. Trudeau (Eds.), *Biobehavioral aspects of aggression.* New York: Alan R. Liss. Pp. 51–84.

Einstein, A. (1933). *Why war? Letter to Professor Freud.* Geneva: International Institute of Intellectual Cooperation, League of Nations.

Ekman, P., & Friesen, W. V. (1975). *Unmasking the face.* Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.

Ekman, P., Levenson, R. W., & Friesen, W. V. (1983). Automatic nervous system activity distinguishes among emotions. *Science, 221,* 1208–1210.

Endler, N. S., & Hunt, J. M. (Eds.). (1984). *Personality and the behavioral disorders,* 2d ed. New York: John Wiley.

Erlanger, H. S. (1974). The empirical status of the subculture of violence thesis. *Social Problems, 22,* 280–292.

Erlanger, H. S. (1979a). Estrangement, machismo, and gang violence. *Social Science Quarterly, 60,* 235–248.

Eron, L. D. (1982). Parent-child interaction, television violence, and aggression of children. *American Psychologist, 37,* 197–211.

Eron, L. D. (1987). The development of aggressive behavior from the perspective of a developing behaviorism. *American Psychologist, 42,* 435–442.

Eron, L. D., Huesmann, L. R., Dubow, E., Romanoff, R., & yarmel, P. (1987). Aggression and its correlates over 22

years. In D. Crowell, I. Evans, & C. O'Donnell (Eds.), *Childhood aggression and violence.* New York: Plenum. Pp. 249–262.

Eron, L. D., Huesmann, L. R., Lefkowitz, M. M., & Walder, L. O. (1972). Does television violence cause aggression? *American Psychologist, 27,*253–263.

Eron, L. D., Walder, L. O., & Lefkowitz, M. M. (1971). *Learning of aggression in children.* Boston: Little, Brown.

Fagan, I. A., Stewart, D. K., & Hansen, K. V. (1983). Violent men or violent husbands? In D. Finkelhor, R. J. Gelles, G. T. Hotaling, & M. A. Straus (Eds.), *The dark side of families: Current family violence research.* Beverly Hills, Calif.: Sage. Pp. 49–68.

Farrington, D. P. (1978). The family backgrounds of aggressive youths. In L. Hersov, M. Berger, & D. Shatter (Eds.), *Aggression and antisocial behaviour in childhood and adolescence.* Oxford, England: Pergamon. Pp. 73–93.

Farrington, D. P. (1982). Longitudinal analyses of criminal violence. In M. E. Wolfgang & N. A. Weiner (Eds.), *Criminal violence.* Beverly Hills, Calif.: Sage.

Farrington, D. P. (1989a). Long-term prediction of offending and other life outcomes. In H. Wegener, F. Losel, & J. Haisch (Eds.), *Criminal behavior and the justice system.* New York/Berlin/London/Paris/Tokyo: Springer-Verlag. Pp. 26–39.

Farrington, D. P. (1989b). Early predictors of adolescent aggression and adult violence. *Violence and Victims, 4,* 79–100.

Farrington, D. P. (1992). Executive Summary. *Understanding and preventing bullying.* Unpublished report to the Home Office, U. K. Cambridge, England: Institute of Criminology, Cambridge University, p. 3.

Farrington, D. P. (1993). Understanding and preventing bullying. In M. Tonry and N. Morriss (Eds.), *Crime and justice: An annual review of research, Vol. 17.* Chicago: University of Chicago Press.

Feldman, M. P. (1977). *Criminal behaviour: A psychological analysis.* London: Wiley.

Felson, R. B. (1978). Aggression as impression management. *Social Psychology, 41,*205–213.

Fenichel, O. (1945). *The psychoanalytic theory of neurosis.* New York: Norton.

Feshbach, S. (1972). Reality and fantasy in filmed violence. In J. Murray, E. Rubinstein, & G. Comstock (Eds.), *Television and social behavior (Vol. 2).* Washington: U.S. Department of Health, Education, and Welfare. Pp. 318–345.

Feshbach, S. (1984). The catharsis hypothesis, aggressive drive, and the reduction of aggression. *Aggressive Behavior, 10,*91–101.

Finkelhor, D., Gelles, R. J., Hotaling, G. T., & Straus, M. A. (1990). *Physical violence in American families: Risk factors and adaptations to violence in 8,145 families.* New Brunswick, N.J.: Transaction.

Freud, S. (1917/1955). Mourning and melancholia. In J. Strachey (Ed.), *The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud,* Vol., 14. London: Hogarth Press.

Freud, S. (1920/1961). Beyond the pleasure principle. In J. Strachey (Ed.), *The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud,* Vol 21. London: Hogarth Press.

Freud, S. (1933/1950). Why war? In *Collected works,* Vol. 16. London: Imago.

Friedman, M., & Rosenman, R. (1974). *Type A behavior and your heart.* New York: Knopf.

Geen, R. G. (1990). *Human aggression.* Milton Keynes, England: Open Univ. Press.

Geen, R. G., & George, R. (1969). Relationship of manifest aggressiveness to aggressive word associations. *Psychological Reports, 25,*711–714.

Geen, R. G., & Quanty, M. B. (1977). The catharsis of aggression: An evaluation of a hypothesis. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in Experimental Social Psychology,* Vol. 10. New York: Academic Press. Pp. 1–37.

Geen, R. G., Rakosky, J. & O'Neal, E. C. (1968). Methodological study of the measurement of aggression. *Psychological Reports, 23,*59–62.

Gelles, R. J. (1983). An exchange/social control theory. In D. Finkelhor, R. J. Gelles, G. T. Hotaling, and M. A. Straus (Eds.), *The dark side of families: Current family violence research.* Beverly Hills, Calif.: Sage. Pp. 151–165.

Gelles, R. J. (1987). *The violent home.* Newbury Park, Calif.: Sage.

Gentry, W. D. (1985). Relationship of anger-copying styles and blood pressure among black Americans. In M. A. Chesney & R. H. Rosenman (Eds.), *Anger and hostility in cardiovascular and behavioral disorders.* Washington: Hemisphere Publishing. Pp. 139–147.

Gerbner, G., Gross, L., Morgan, M., & Signorielli, N. (1986). Living with television: The dynamics of the cultivation process. In J. Bryant and D. Zillman (Eds.), *Perspectives on media effects.* Hillsdale, N.J.: Eribaum. Pp. 17–40.

Gibbons, D. C. (1987). *Society, crime, and criminal behavior, 5th Ed.,* Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.

Goldstein, A. P. (1988). *The prepare curriculum: Teaching prosocial competencies.* Champaign, 111.: Research Press.

Goldstein, A. P., Carr, E. G., Davidson, W. S., & Wehr, P. (1981). *In response to aggression: Methods of control and prosocial alternatives.* New York/Oxford: Pergamon.

Goldstein, J. H., & Arms, R. L. (1971). Effects of observing athletic contests on hostility. *Sociometry, 34,*83–90.

Goy, R. W. (1970). Early hormonal influences on the developmental of sexual and sex-related behavior. In F. O. Schmitt (Ed.), *The neurosciences.* New York: Rockefeller Univ. Press.

Greenberg, M. R., Carey, G. W., & Popper, F. J. (1987). Violent death, violent states, and American youth. *Public Interest, 87, (Spring),* 38–48.

Greenwood, P. W. (1982). The violent offender in the criminal justice system. In M. E. Wolfgang and N. A. Weiner (Eds.), *Criminal violence.* Beverly Hills, Calif.: Sage. Pp. 320–346.

Grosof, M. S., & Sardy, H. (1985). *A research primer for the social and behavioral sciences.* Orlando, Fla.: Academic Press.

Hackney, S. (1969). Southern violence. In H. D. Graham & T. R. Gurr (Eds.), *The history of violence in America.* New York: Bantam Books. Pp. 505–527.

Healy, W., & Bronner, A. (1926). *Delinquents and criminals.* New York: Macmillan.

Henry, A. F., & Short, J. F., Jr. (1954). *Suicide and homicide.* Glencoe, 111.: Free Press.

Hetherington, E. M., Cox, M., & Cox, R. (1982). Effects of divorce on parents and children. In M. Lamb (Ed.), *Nontraditional families.* Hillsdale, N.J.: Eribaum.

Hinde, R. A. (1960). Energy models of motivation. *Symposia of Society of Experimental Biology, 14,*199–213.

Hinde, R. A. (1982). *Ethology.* Oxford, England: Oxford Univ. Press.

Hoffman, M. L. (1970). Moral development. In P. H. Mussen (Ed.), *Carmichael's manual of child psychology,* Vol. 2, 3d ed. New York: John Wiley. Pp. 261–359.

Hollin, C. R. (1989). *Psychology and crime.* London/New York: Routledge.

Hotaling, G. T., & Sugarman, D. B. (1986). An analysis of risk markers in husband to wife violence: The current state of knowledge. *Violence and Victims, 1,* 101–124.

Huesmann, L. R., & Eron, L. D. (1984). Cognitive processes and the persistence of aggressive behavior. *Aggressive Behavior, 10,* 243–251.

Huesmann, L. R., & Eron L. D. (Eds.). (1986). *Television and the aggressive child: A cross-national comparison.* Hillsdale, N.J.: Eribaum.

Huesmann, L. R., Eron, L. D., Lefkowitz, M. M., & Walder, L. O. (1984). The stability of aggression over time and generations. *Developmental Psychology, 20,* 1120–1134.

Huff-Corzine, L., Corzine, J., & Moore, D. C. (1986). Southern exposure: Deciphering the South's influence on homicide rates. *Social Forces, 64,* 906–924.

Isen, A. M. (1984). Toward understanding the role of affect in cognition. In R. S. Wyer & T. K. Srull (Eds.), *Handbook of social cognition,* Vol. 3. Hillsdale, N.J.: Eribaum, Pp. 179–236.

Isen, A. M. (1987). Positive affect, cognitive processes, and social behavior. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology,* Vol. 20. San Diego, Calif.: Academic Press. Pp. 203–253.

Izard, C. E. (1971). *The face of emotion.* New York: Appleton-Century-Crofts.

Izard, C. E. (1977). *Human emotions.* New York: Plenum.

James, P. D. (1989). *Devices and desires.* New York: Knopf.

James, W. (1980). *The principles of psychology,* Vol. II. New York: Holt. Pp. 449–450.

Jones, J., & Bogat, G. (1978). Air pollution and human aggression. *Psychological Reports, 43,* 721–722.

Kadushin, A., & Martin, J. A. (1981). *Child abuse: An interactional event.* New York: Columbia Univ. Press.

Karnow, S. (1983). *Vietnam: A history.* New York: Viking.

Katz, J. (1988). *Seductions of crime: Moral and sensual attractions in doing evil.* New York: Basic Books.

Klein, M. W., & Maxson, C. K. (1959). Street gang violence. In N. A. Weiner & M. E. Wolfgang (Eds.), *Violent crime, violent criminals.* Newbury Park, Calif.: Sage. Pp. 198–234.

Knutson, J. F., Fordyce, D. J., & Anderson, D. J. (1980). Escalation of irritable aggression: Control by consequences and antecedents. *Aggressive Behavior, 6,* 347–359.

Landau, S. F. (1988). Violent crime and its relation to subjective social stress indicators: The case of Israel. *Aggressive Behavior, 14,* 337–362.

Landau, S. F., & Raveh, A. (1987). Stress factors, social support, and violence in Israeli society: A quantitative analysis. *Aggressive Behavior, 13,* 67–85.

Latane, B., & Darley, J. (1970). *The unresponsive bystander: Why doesnt he help?* Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.

Lazarus, R. S., & Smith, C. A. (1989). Knowledge and appraisal in the cognition-emotion relationship. *Cognition and Emotion.*

Lefkowitz, M. M., Eron, L. D., Walder, L. O., & Huesmann, L. R. (1977). *Growing up to be violent.* New York: Pergamon.

Lemann, N. (1991). Healing the ghettos. *The Atlantic, 267*(3), 20–24.

Lester, D. (1984). *Gun control: Issues and answers.* Springfield, Ill. Charles C. Thomas.

Leventhal, H. (1980). Toward a comprehensive theory of emotion. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology,* Vol. 13. New York: Academic Press. Pp. 139–207.

Leyens, J. P., & Fraczek, A. (1983). Aggression as an interpersonal phenomenon. In H. Tajfel (Ed.), *The social dimension,* Vol. 1. Cambridge, England: Cambridge Univ. Press. P. 192.

Liebert, R. M., & Sprafkin, J. (1988). *The early window: Effects of television on children and youth,* 3d. ed. New York: Pergamon.

Lorenz, K. (1966). *On aggression.* New York: Harcourt, Brace & World.

Luckenbill, D. F. (1977). Criminal homicide as a situated transaction. *Social Problems, 25,* 176-186.

McCord, J. (1983). A forty year perspective on effects of child abuse and neglect. *Child Abuse and Neglect, 7,* 265–270.

McCord, J. (1986). Instigation and insulation: How families affect antisocial aggression. In D. Olweus, J. Block, & M. Radke-Yarrow (Eds.), *Development of antisocial and prosocial behavior: Research, theories, and issues.* Orlando, Fla.: Academic Press. Pp. 343–357.

McCord, W., & McCord, J. (1964). *The psychopath: An essay on the criminal mind.* Princeton, N.J.: Van Nostrand.

McDowall, D., Lizotte, A. J., & Wiersema, B. (1991). General deterrence through civilian gun ownership: An evaluation of the quasi-experimental evidence. *Criminology, 29,* 541–559.

McGuire, W. J. (1986). The myth of massive media impact: Savagings and sal-vagings. In G. Comstock (Ed.), *Public communication and behavior,* Vol. 1. Orlando, Fla.: Academic Press. Pp. 173–257.

McNeely, R. L. & Robinson-Simpson, G. (1987). The truth about domestic violence: A falsely framed issue. *Social Work,* 485–490.

Maccoby, E. E., & Jacklin, C. N. (1974). *The psychology of sex differences.* Stanford, Calif.: Stanford Univ. Press.

Maccoby, E. E., & Jacklin, C. N. (1980). Sex differences in aggression: A rejoinder and reprise. *Child Development, 51,* 964–980.

Marler, P. (1976). On animal aggression: The roles of strangeness and familiarity. *American Psychologist, 31,* 239–246.

Martinson, R. M. (1974). What works—questions and answers about prison reform. *Public Interest, 35,* 22–54.

Matussek, P., Luks, O., & Seibt, G. (1986). Partner relationships of depressives. *Psychopathology, 19,* 143–156.

May, R. (1972). *Power and innocence: A search for the sources of violence.* New York: Norton.

Mednick, S. A., & Christiansen, K. O. (Eds.) (1977). *Biosocial bases of criminal behavior.* New York: Gardner Press.

Mednick, S. A., Gabrielli, W. F., & Hutchings, B. (1987). Genetic factors in the etiology of criminal behavior. In S. A. Mednick, T. E. Moffitt, & S. A. Stack (Eds.), *The causes of crime: New biological approaches.* Cambridge/New York: Cambridge Univ. Press.

Megargee, E. I., (1966). Undercontrolled and overcontrolled personality types in extreme antisocial aggression. *Psychological Monographs, 80,* (whole no. 611).

Megargee, E. I., & Hokanson, J. E. (1970). *The dynamics of aggression.* New York: Harper & Row.

Menninger, K. (1942). *Love against hate.* New York: Harcourt, Brace & World.

Menninger, K. (1968). *The crime of punishment.* New York: Viking.

Meyer-Bahlburg, H. F. L., & Ehrhardt, A. A. (1982). Prenatal sex hormones and human aggression: A review, and new data on progestogen effects. *Aggressive Behavior, 8,* 39–62.

Milgram, S. (1965). Some conditions of obedience and disobedience to authority. *Human Relations, 18,* 57–75.

Milgram, S. (1974). *Obedience to authority: An experimental view.* New York: Harper & Row.

Miller, A. G. (1986). *The obedience experiments: A case study of controversy in social science.* New York: Praeger.

Miller, S. J., Dinitz, S., & Conrad, J. P. (1982). *Careers of the violent.* Lexington, Mass.: Lexington Books.

Millon, T. (1981). *Disorders of personality: DSM-III; Axis II.* New York: Wiley-Interscience. Pp. 212–213.

Mischel, W. (1968). *Personality and assessment.* New York: Wiley.

Moffitt, T. E. (1987). Parental mental disorder and offspring criminal behavior: An adoption study. *Psychiatry, 50,* 346–360.

Monahan, J. (1981). *Predicting violent behavior: An assessment of clinical techniques.* Beverly Hills, Calif.: Sage.

Money, J., & Erhardt, J. J. (1972). *Man and woman, boy and girl.* Baltimore, Md.: Johns Hopkins Univ. Press.

Moyer, K. E. (1976). *The psychobiology of aggression.* New York: Harper & Row.

Mulvihill, D. J., & Tumin, M. M. (1969). *Crimes of violence. Staff report to the National Commission on the Causes and Prevention of Violence (Vol. 11).* Washington: U.S. Government Printing Office.

Mummenday, H. D. (1978). Modeling instrumental aggression in adults in a laboratory setting. *Psychological Research, 40,* 189–193.

Nathanson, S. (1987). *An eye for an eye? The morality of punishing by death.* Totowa, N.J.: Rowman & Littlefield.

National Commission on the Causes and Prevention of Violence (1969a). *Commission statement on violence in television entertainment programs.* Washington: U.S. Government Printing Office.

National Commission on the Causes and Prevention of Violence (1969b). *To establish justice, to insure domestic tranauility.* Washington: U.S. Government Printing Office.

Nelson, J. D., Gelfand, D. M., & Hartmann, D. P. (1969). Children's aggression following competition and exposure to an aggressive model. *Child Development, 40,* 1085–1097.

Newcomb, T. M. (1947). Autistic hostility and social reality. *Human Relations, 1,* 69–86.

Novaco, R. W. (1975). *Anger control: The development and evaluation of an experimental treatment.* Lexington, Mass.: Lexington Books.

Novaco, R. W. (1986). Anger as a clinical and social problem. In R. J. Blanchard and D. C. Blanchard (Eds.), *Advances in the study of aggression,* Vol. 2. Orlando, Fla.: Academic Press. Pp. 1–67.

Olweus, D. (1974). Personality factors and aggression: With special reference to violence within the peer group. In J. de Wit and W. W. Hartup (Eds.), *Determinants and origins of aggressive behavior.* The Hague: Mouton. Pp. 535–565.

Olweus, D. (1978). *Aggression in schools.* Washington/London/New York: Hemisphere/Halstead/Wiley.

Olweus, D. (1980). Familial and temperamental determinants of aggressive behavior in adolescent boys: A causal analysis: *Developmental Psychology, 16,* 644–660.

Olweus, D. (1986). Aggression and hormones: Behavioral relationship with testosterone and adrenaline. In D. Olweus, J. Block, & M. Radke-Yarrow (Eds.), *Development of antisocial and prosocial behavior: Research, theories, and issues.* Orlando, Fla.: Academic Press. Pp. 51–72.

Orne, M. T. (1962). On the social psychology of the psychological experiment: With particular reference to demand characteristics and their implication. *American Psychologist, 17,* 776–783.

Orne, M. T. (1970). Hypnosis, motivation, and the ecological validity of the psychological experiment. In W. J. Arnold and M. M. Page (Eds.), *Nebraska Symposium on Motivation.* Lincoln: Univ. of Nebraska Press.

Owens, D. J., & Straus, M. A. (1975). The social structure of violence in childhood and approval of violence as an adult. *Aggressive Behavior, 1,* 193–211.

Pagelow, M. D. (1984). *Family violence.* New York: Praeger.

Pally, H. A., & Robinson, D. A. (1988). Black on black crime. *Society, 25,* 59–62.

Parke, R. D., Berkowitz, L., Leyens, J. P., West, S. G., & Sebastian, R. J. (1977). Some effects of violent and nonviolent movies on the behavior of juvenile delinquents. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology,* Vol. 10. New York: Academic Press. Pp. 135–172.

Parke, R. D., & Slaby, R. G. (1983). The development of aggression. In P. H. Mussen (Ed.), *Handbook of child psychology,* Vol. 4, 4th ed. Pp. 547–641.

Patterson, G. R. (1975). A three-stage functional analysis of children's coercive behaviors: A tactic for developing a performance theory. In B. C. Etzel, J. M. LeBlanc, D. M. Baer (Eds.), *New developments in behavioral research: Theory, methods, and applications.* Hillsdale, N.J.: Erlbaum.

Patterson, G. R. (1979). A performance theory for coercive family interactions. In R. Cairns (Ed.), *Social interaction: Methods, analysis, and illustration.* Hillsdale, N.J.: Erlbaum.

Patterson, G. R. (1986a). Performance models for antisocial boys. *American Psychologist, 42,* 432–444.

Patterson, G. R. (1986b). The contribution of siblings to training for fighting: A microsocial analysis. In D. Olweus, J. Block, & M. Radke-Yarrow (Eds.), *Development of antisocial and prosocial behavior: Research, theories, and issues.* Orlando, Fla.: Academic Press. Pp. 235–261.

Patterson, G. R., Debaryshe, B. D., & Ramsey, E. (1989). A developmental perspective on antisocial behavior. *American Psychologist, 44,* 329–335.

Patterson, G. R., Dishion, T. J., & Bank, L. (1984). Family interaction: A process model of deviancy training. *Aggressive Behavior, 10,* 253–267.

Patterson, G. R., Littman, R. A., & Bricker, W. (1967). Assertive behavior in children: A step toward a theory of aggression. *Monographs of the Society for Research in Child Development,* 32, No. 5.

Patterson, G. R., Reid, J. B., Jones, R. R., & Conger, R. E. (1975). *A social learning approach to family intervention,* Vol. 1: *Families with aggressive children.* Eugene, Ore.: Castalia.

Pennebaker, J. W. (1989). Confession, inhibition, and disease. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology,* Vol. 22. San Diego, Calif. Academic Press. Pp. 211–244.

Perls, F. (1969). *Ego, hunger, and aggression.* New York: Random House.

Pernanen, K. (1981). Theoretical aspects of the relationship between alcohol use and crime. In J. Collins (Ed.), *Drinking and crime.* New York: Guilford. Pp. 1–69.

Perry, D. G., & Bussey, K. (1977). Self-reinforcement in high- and low-aggressive boys following acts of aggression. *Child Development, 48,* 653–657.

Perry, D. G., Perry, L. C., & Rasmussen, P. (1986). Cognitive social learning mediators of aggression. *Child Development, 57,* 700–711.

Peterson, R. D., & Bailey, W. C. (1988). Murder and capital punishment in the evolving context of the post-Furman era. *Social Forces, 66,* 774–807.

Pfeffer, C. R., Zuckerman, S., Plutchik, R., & Mizruchi, M. S. (1987). *Child Psychiatry and Human Development, 17,* 166–176.

Phillips, D. P. (1986). Natural experiments on the effects of mass media violence on fatal aggression: Strengths and weaknesses of a new approach. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology,* Vol. 19. Orlando, Fla.: Academic Press. Pp. 207–250.

Powers, E., & Witmer, H. (1951). *An experiment in the prevention of delinquency: The Cambridge-Somerville Youth Study.* New York: Columbia Univ. Press.

Pulkkinen, L. (1987). *Offensive and defensive aggression in* humans: A longitudinal perspective. *Aggressive Behavior, 23,* 197–212.

Quay, H. C. (1987). Institutional treatment. In H. C. Quay (Ed.), *Handbook of juvenile delinquency.* New York: John Wiley. Pp. 244–265.

Reinisch, J. M. (1981). Prenatal exposure to synthetic progestins increases potential for aggression in humans. *Science, 211,* 1171–1173.

Richters, J. E, & Martinez, P. (1992). The NIMH Community Violence Project: I. Children as victims of and witnesses to violence. Psychiatry, in press.

Riskind, J. H., & Gotay, C. C. (1982). Physical posture: Could it have regulatory or feedback effects on motivation and emotion? *Motivation and Emotion, 6,* 273–297.

Rose, H. M. (1979). *Lethal aspects of urban violence.* Lexington, Mass.: Lexington Books.

Rubin, R. T. (1987). The neuroendocrinology and neurochemistry of antisocial behavior. In S. A. Mednick, T. E. Moffitt, & S. A. Stack (Eds.), *The causes of crime.* Cambridge, England: Cambridge Univ. Press. Pp. 239–262.

Rubinstein, E. A. (1978). Television and the young viewer. *American Scientist, 66,* 685–693.

Rule, B. G., Taylor, B., & Dobb, A. R. (1987). *Priming effects* of heat on aggressive thoughts. *Social Cognition, 5,* 131–144.

Rutledge, L. L., & Hupka, R. B. (1985). The facial feedback hypothesis: Methodological concerns and new supporting evidence. *Motivation and Emotion, 9,* 219–240.

Rutter, M., & Garmezy, N. (1983). Developmental psychopathology. In P. H. Mussen (Ed.), *Handbook of child psychology,* Vol. 4: *Socialization, personality, and social development.* New York: John Wiley. Pp. 775–911.

Sadler, O., & Tesser, A. (1973). Some effects of salience and time upon interpersonal hostility and attraction during social isolation, *Sociometry, 36,* 99–112.

Scarr, S., Phillips, D., & McCartney, K. (1990). Facts, fantasies, and the future of child care in the United States. *Psychological Science, 1,* 26–35.

Schachter, S. (1964). The interaction of cognitive and physiological determinants of emotional state. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology,* Vol. 1. New York: Academic Press. Pp. 49–80.

Scherer, K. R. (1984). On the nature and function of emotion: A component process approach. In K. R. Scherer & P. Ekman (Eds.), *Approaches to emotion.* Hillsdale, N.J.: Erlbaum. Pp. 293–317.

Schuster, I. (1983). Women's aggression: An African case study. *Aggressive Behavior, 9,* 319–331.

Schwartz, G. E., Weinberger, D. A., & Singer, J. A. (1981). Cardiovascular differentiation of happiness, sadness, anger, and fear following imagery and exercise. *Psychosomatic Medicine, 43,* 343–364.

Scott, J. P. (1958). *Aggression.* Chicago: Univ. of Chicago Press.

Sears, R. R., Maccoby, E. E., & Levin, H. (1957). *Patterns of child rearing.* New York: Harper.

Seligman, M. E. P. (1975). *Helplessness: On depression, development and death.* San Francisco: Freeman.

Sherif, M., & Sherif, C. W. (1953). *Groups in harmony and tension.* New York: Harper, 1953.

Sherman, L. W., & Berk, R. A. (1984b). The Minneapolis domestic violence experiment. *Police Foundation Reports (April).* Washington: Police Foundation.

Sherman, L. W., Schmidt, J. D., Rogan, D. P., Gartin, P. R., Cohn, E. G., Collins, D. J., & Bacich, A. R. (1991). From initial deterrence to long-term escalation: Short-custody arrest for poverty ghetto domestic violence. *Criminology, 29,* 821–849.

Shields, N. M., McCall, G. J., & Hanneke, C. R. (1988). Patterns of family and nonfamily violence: Violent husbands and violent men. *Violence and Victims, 3,* 83–97.

Shin, K. (1978). *Death penalty and crime: Empirical studies.* Fairfax, Va.: Center for Economic Analysis, George Mason Univ.

Siann, G. (1985). *Accounting for aggression: Perspectives on aggression and violence.* Boston: Alien & Unwin.

Simpson, H. M., & Craig, K. D. (1967). Word associations to homonymic and neutral stimuli as a function of aggressiveness. *Psychological Reports, 20,* 351–354.

Sirota, A. D., Schwartz, G. E., & Kristeller, J. L. (1987). Facial muscle activity during induced mood states: Differential growth and carry-over of elated versus depressed patterns. *Psychophysiology, 24,* 691–699.

Solomon, R. L. (1964). Punishment. *American Psychologist, 19,* 239–253.

Spielberger, C. D., Jacobs, G., Russell, S., & Crane, R. (1983). Assessment of anger: The State-Trait Anger Scale. In J. N. Butcher & C. D. Spielberger (Eds.)., *Advances in personality assessment,* Vol. 2. Hillsdale, N.J.: Erlbaum. Pp.159–187.

Spielberger, C. D., Krasner, S. S., & Solomon, E. P. (1988). The experience, expression, and control of anger. In M. P. Janisse (Ed.), *Health psychology: Individual differences and stress.* New York: Springer-Verlag. Pp. 89–108.

Steadman, H. J. (1987). How well can we predict violence for adults? A review of the literature and some commentary. In F. N. Dutile & C. H. Foust (Eds.), *The prediction of criminal violence.* Springfield, Il.: Charles C Thomas. Pp. 5–17.

Steele, C. M., & Josephs, R. A. (1990). Alcohol myopia: Its prized and dangerous effects. *American Psychologist, 45,* 921–933.

Stenberg, C. R., & Campos, J. J. (1990). The development of anger expressions in infancy. In N. Stein, B. Leventhal, and T. Trabasso (Eds.), *Psychological and biological approaches to emotion.* Hillsdale, N.J.: Erlbaum.

Stepansky, P. E. (1977). A history of aggression in Freud. *Psychological Issues, 10,* (Monograph no. 39).

Storr, A. (1968). *Human aggression.* New York: Atheneum.

Straus, M. A. (1983). Ordinary violence, child abuse, and wife-beating. In D. Finkelhor, R. J. Gelles, G. T. Hotaling, & M. A. Straus (Eds.), *The dark side of families: Current family violence research.* Newbury Park, Calif.: Sage. Pp. 213–234.

Straus, M. A., & Gelles, R. J. (1990). *Physical violence in American families: Risk factors and adaptations to violence in 8,145 families.* New Brunswick, N.J.: Transaction.

Straus, M. A., Gelles, R. J., & Steinmetz, S. (1980). *Behind closed doors: Violence in the American family.* New York: Anchor/Doubleday.

Sutherland, E. H., & Cressey, D. R. (1960). *Principles of criminology.* New York: Lippincott.
Tarde, G. (1912). *Penal Philosophy.* Boston: Little, Brown.
Tavris, C. (1989). *Anger: The misunderstood emotion.* New York: Touchstone/Simon & Schuster.
Taylor, S. L., O'Neal, E. C., Langley, T., & Butcher, A. H. (1991). Anger arousal, deindividuation, and aggression. *Aggressive Behavior, 17,* 193–206.
Taylor, S. P., Schmutte, G. T., Leonard, K. E., & Cranston, J. W. (1979). The effects of alcohol and extreme provocation on the use of a highly noxious electric shock. *Motivation and Emotion, 3,* 73–82.
Teasdale, J. D. (1983). Negative thinking in depression: Cause, effect, or reciprocal relationship. *Advances in Behaviour Research and Therapy, 5,* 3–25.
Tedeschi, J. T. (1983). Social influence theory and aggression. In R. G. Geen and E. I. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews.* Vol. 1. New York: Academic Press. Pp. 135–162.
Terming, N. T., & Izard, C. E. (1988). Infants' responses to their mothers' expressions of joy and sadness. *Developmental Psychology, 24,* 223–229.
Tesser, A. (1978). Self-generated attitude change. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology,* Vol. 11. New York: Academic Press. Pp. 229–338.
Thomas, M., & Drabman, R. (1977). *Effects of television violence on expectations of others' aggression.* Paper presented at annual meeting of the American Psychological Association, San Francisco.
Toch, H. (1969). *Violent men.* Chicago: Aldine.
Toland, J. (1976). *Adolf Hitler.* New York: Doubleday.
Tomkins, S. (1962, 1963). *Affect, imagery, and consciousness (2 vols.).* New York: Springer-Verlag.
Tuchman, B. (1978). *A distant mirror.* New York: Knopf.
Turner, C. W., Simons, L. S., Berkowitz, L., & Frodi, A. (1977). The stimulating and inhibiting effects of weapons on aggressive behavior. *Aggressive Behavior, 3,* 355–378.
Ulrich, R. E. (1966). Pain as a cause of aggression. *American Zoologist, 6,* 643–662.
Ulrich, R., & Favell, J. (1970). Human aggression. In C. Neuringer and J. Michael (Eds.), *Behavior modification in clinical psychology.* New York: Appleton-Century-Crofts.
Ulrich, R., Hutchinson, R., & Azrin, N. (1965). Pain-elicited aggression. *Psychological Record, 15,* 111–126.
Walder, L. O., Abelson, R. P., Eron, L. D., Banta, T. J., & Laulicht, J. H. (1961). Development of a peer-rating measure of aggression. *Psychological Reports, 9,* 497–556.
Waldo, G. P., & Chiricos, T. G. (1972). Perceived penal sanction and self-reported criminality: A neglected approach to deterrent research. *Social forces, 19,* 522–540.
Walker, L. E. (1979). *The battered woman.* New York: Harper & Row.
Walters, R. H., & Brown, M. (1963). Studies of reinforcement of aggression: III. Transfer of responses to an interpersonal situation. *Child Development, 34,* 563–571.
Walters, R. H., & Parke, R. D. (1967). The influence of punishment and related disciplinary techniques on the social behavior of children: Theory and empirical findings. In *Progress in experimental personality research,* Vol. 4. New York: Academic Press. Pp. 179–228.
Wann, D. L., & Branscombe, N. R. (1990). Person perception when aggressive or nonaggressive sports are primed. *Aggressive Behavior, 16,* 27–32.
Weidner, G., Sexton, G., McLerram, R., & Connor, S. (1987). *Psychosomatic medicine, 49,* 136–145.
West, D. J. (1969). *Present conduct and future delinquency.* London: Heinemann.
West, D. J., & Farrington, D. P. (1973). *Who becomes delinquent?* London: Heinemann.
West, D. J., & Farrington, D. P. (1977). *The delinquent way of life.* London: Heinemann.
Wicker, T. (1991). *One of us: Richard Nixon and the American Dream.* New York: Random House.
Wicklund, R. A. (1975). Objective self-awareness. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology.* Vol. 8. New York: Academic Press.
Wilson, E. O. (1975). *Sociobiology: The new synthesis.* Cambridge, Mass.: Balknap.
Wilson, J. Q., & Herrnstein, R. J. (1985). *Crime and human nature.* New York: Simon & Schuster.
Wolfe, B. M., & Baron, R. A. (1971). Laboratory aggression related to aggression in naturalistic social situations: Effects of an aggressive model on the behavior of college student and prisoner observers. *Psychonomic Science,* 24, 193–194.
Wolfgang, M. E. (1958). *Patterns in criminal homicide.* Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press.
Wolfgang, M. E. (Ed.), (1967). *Studies in homicide.* New York: Harper & Row.
Wolfgang, M. E., & Ferracuti, F. (1967). *The subculture of violence: Toward an integrated theory in criminology.* London: Social Science Paperbacks.
Wright, J. D., Rossi, P. H., & Daly, K. (1983). *Under the gun: Weapons, crime, and violence in America.* New York: Aldine.
Young, W. C., Coy, R. W., & Phoenix, C. H. (1964). Hormones and sexual behavior. Science, 343, 212–218.
Zaidi, L. Y., Knutson, J. F., & Mehm, J. G. (1989). Transgenerational patterns of abusive parenting: Analog and clinical tests. *Aggressive Behavior, 15,* 137–152.
Zillmann, D. (1978). Attribution and misattribution of excitatory reactions. In J. H. Harvey, W. J. Ickes, & R. F. Kidd (Eds.), New *directions in attribution research,* Vol. 2. Hillsdale, N.J.: Erlbaum. Pp. 335–368.
Zillmann, D. (1979). *Hostility and aggression.* Hillsdale, N.J.: Erlbaum.
Zillmann, D. (1983). Transfer of excitation in emotional behavior. In J. T. Cacioppo & R. E. Petty (Eds.), *Social psychophysiology.* New York: Guildford Press. Pp. 215–240.
Zimbardo, P. G. (1969). The human choice: Individuation, reason, and order versus deindividuation, impulse, and chaos. In W. J. Arnold & D. Levine (Eds.), *Nebraska Symposium on Motivation,* Vol. 17. Lincoln: Univ. of Nebraska Press.
Zimring, F. (1979). Determinants of the death rate from robbery: A Detroit time study. In H. M. Rose (Ed.), *Lethal aspects of urban violence.* Lexington, Mass.: Lexington. Pp. 31–50.
Zuzul, M. (1989). *The weapons effect and child aggression: A field experiment.* Unpublished doctoral dissertation. Croatia: University of Zagreb.

«СЕКРЕТЫ ПСИХОЛОГИИ»





«...Читать эти книги на самом деле интересно!»

«...Впервые можно смело рекомендовать для массового читателя!»

«...Знакомят читателя с самыми современными знаниями!»

Книги серии «Секреты психологии» с удовольствием прочтет как именитый профессор психологии, так и просто интересующийся этой наукой. Объединить читательские интересы психолога-профессионала и начинающего студента в одной книге стало возможным потому, что эти книги написаны психологами с мировым именем, материал изложен доступным языком, их структура четко продумана, а текст избавлен от заумных объяснений, скучной или размытой на много страниц информации. Книги из серии «Секреты психологии» действительно с интересом прочтет педагог, бизнесмен, политик, а тем более студент любой специальности. Эти книги впервые можно смело рекомендовать для массового читателя. Они не грешат поверхностностью изложения информации, знакомят с самыми современными исследованиями, теориями, экспериментами. А самое главное, читать книги действительно просто интересно!

Д. Майерс. «**Социальная психология. Интенсивный курс**» (в продаже)

Д. Рубин, Д. Пруитт, С. Ким. «**Социальный конфликт**» (в продаже)

Л. Берковиц. «**Агрессия**» (в продаже)

А. Солсо, Х. Джонсон, К. Бил. «**Экспериментальная психология**» (*выход в свет — январь 2001 г.*)

С. Берн. «**Гендерная психология**» (*выход в свет — январь 2001 г.*)

Формат книг: 60×90[1]/[16]. Переплет — твердый. Объем: 300–512 с.

Заказать книги можно, направив заказ по адресу «Книга—почтой»:

195197, С-Петербург, а/я 46, Богатыревой Е. Н.

По вопросам приобретения книг оптом обращайтесь по тел.:

Москва (095) 215-32-21, 215-08-29;

С-Петербург (812) 146-71-80, 164-75-22, 325-48-48, 325-48-10

«ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»



«...Самое полное собрание теорий личности, выходящее на русском языке!»

Р. Фрейджер, Д. Фейдимен

ЛИЧНОСТЬ: ТЕОРИИ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, УПРАЖНЕНИЯ

Книга познакомит вас с концепциями личности

Фрейда, Юнга, Адлера, Анны Фрейд, Лауры и Фрица Перлс, Клайн, Уинникота, Кохута, Братера, Хорни, Эриксона, Райха, Миллер, Стайвер, Джордан, Суррей, Джеймса, Скиннера, Келли, Роджерса, Маслоу, Салливана, Мэя, Бандуры, Фромма, Левина, Мишела, Оллпорта, Роттера, Айзенка, Кэттелла, в традициях трансперсональной психологии (Грофа), в йоге, дзен-буддизме, суфизме, антропософии

Формат книги 70× 108 1/16 Переплет — твердый. Объем: 854 с.
Выход в свет — декабрь 2000 г.

Заказать книги можно, направив заказ по адресу «Книга—почтой»:
195197, С-Петербург, а/я 46, Богатыревой Е. Н.

По вопросам приобретения книг оптом обращайтесь по тел.:
Москва (095) 215-32-21, 215-08-29;
С-Петербург (812) 146-71-80, 164-75-22, 325-48-48, 325-48-10